

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО

А АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

ЗА 2006 ГОД

Основан в 1957 году
академиком М. Н. ТИХОМИРОВЫМ

МОСКВА
НАУКА
2011

УДК 930
ББК 63(2)
А87

8(n)
А-87

94023
Ответственный редактор

академик Российской академии образования
С.О. ШМИДТ

Редакционная коллегия:

Ю.В. АНДРЮШАЙТИТЕ,

Н.А. ДОЛДОБАНОВА (ответственный секретарь),

М.П. ИРОШНИКОВ, С.М. КАШТАНОВ,

В.П. КОЗЛОВ, А.В. МЕЛЬНИКОВ, Р.Г. ПИХОЯ, Н.Н. ПОКРОВСКИЙ,

В.А. ЧЕРНЫХ, С.В. ЧИРКОВ, Е.Н. ШВЕЙКОВСКАЯ

Рецензенты:

доктор исторических наук Е.В. СТАРОСТИН,

доктор исторических наук Ю.А. ТИХОНОВ

Археографический ежегодник / [отв. ред. С.О. Шмидт] ; Археограф. комис.
РАН ; Фед. архив. агентство. – М. : Наука, 1957–

2006 год. – 2011. – 460 с. – ISBN 978-5-02-037585-7 (в пер.).

Ежегодник содержит материалы по отечественной истории, археографии, архивоведению, источниковедению, историографии, генеалогии, филигранологии и истории архивного дела с XV в. до наших дней. Публикуются материалы конференций, посвященных 50-летию Археографической комиссии РАН, 100-летию академика Д.С. Лихачева. Представлены статьи о современной археографической работе в Сибири, об опытах многотомных археографических проектов – Лицевом летописном своде XVI в., “Хронике” рабочего движения в России 1895–1904 гг., дневниках академика В.И. Вернадского; материалы о выявлении и изучении исторических источников разных видов и эпох (рукописных памятников XV–XVIII вв., коллекции водяных знаков, мемуаров и др.) и об исследовании наследия отечественных историков от Г.Ф. Миллера, Н.М. Карамзина, Н.Г. Устрялова до наших современников, статьи и документальные публикации об организации архивного и экскурсионного дела в первые годы советской власти, рецензия на новое научное издание трудов С.К. Богоявленского. В разделе “Хроника” – данные о деятельности Археографической комиссии, ее изданиях, некрологи.

Для научных работников, сотрудников архивов, библиотек и музеев, краеведов, преподавателей и студентов.

По сети “Академкнига”

ISBN 978-5-02-037585-7

© Археографическая комиссия РАН, Федеральное архивное агентство, 2011

© Российская академия наук и издательство “Наука”, продолжающееся издание “Археографический ежегодник” (разработка, оформление), 1957 (год основания), 2011

© Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 2011

І. СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

ТИХОМИРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ 2006 ГОДА, ПОСВЯЩЕННЫЕ 50-ЛЕТИЮ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

31 мая 2006 г. в Бежевом зале Президиума Российской академии наук (Москва, Ленинский проспект, 32-а) состоялось совместное заседание Отделения историко-филологических наук РАН и Археографической комиссии РАН – юбилейные Тихомировские чтения 2006 года, посвященные 50-летию Археографической комиссии.

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ

С.О. ШМИДТ: Мне очень приятно, что в этот день праздника Археографической комиссии организатор нашего заседания академик-секретарь Анатолий Пантелеевич Деревянко предоставил мне право открыть заседание и предоставить ему слово, с которого начнутся наши сегодняшние юбилейные Тихомировские чтения.

А.П. Деревянко

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Спасибо большое, Сигурд Оттович! Уважаемые коллеги, уважаемые друзья, разрешите поздравить вас с праздником, 50-летием создания Археографической комиссии, и пожелать дальнейших творческих успехов, здоровья.

Археографической работе всегда придавалось в России очень большое значение. И это естественно, потому что археографическая работа связана с собиранием рукописных и старопечатных книг, архивных реликвий – это одно из важнейших направлений нашей исторической гуманитарной науки. Еще в 1834 г. по инициативе академика П.М. Строева была создана Санкт-Петербургская Археографическая комиссия для описания и издания тех раритетов, которые были собраны во время экспедиций 1829–1832 гг. Императорской Санкт-Петербургской академии наук. Санкт-Петербургская Археографическая комиссия за все годы работы издала целую биб-

лиотеку книг, архивных сборников, связанных с работой археографов в России и Советском Союзе. Безусловно, новый этап в отечественной археографии связан с созданием 13 апреля 1956 г. Археографической комиссии при Отделении исторических наук специальным постановлением Президиума АН СССР. Инициатор создания – поистине выдающийся советский и русский ученый, редкостной души человек, Михаил Николаевич Тихомиров. И сегодня мы вполне заслуженно отмечаем юбилей именно этой даты.

Археографической комиссии постановление Президиума Академии наук вменяло в обязанность возглавить всю археографическую работу в нашей стране. Перед ней было поставлено много задач. Мне представляется необходимым выделить среди них две самые главные. Первая – это собирание археографических раритетов, рукописных и старопечатных книг, проведение экспедиционной работы. За 50 лет была проделана поистине гигантская работа. Труд участников экспедиций стал по-настоящему подвижническим, потому что многим из них на севере европейской части, особенно в Сибири, приходилось преодолевать огромные трудности и лишения. Недавно академик Николай Николаевич Покровский выпустил очень хорошую популярную книгу, в которой в увлекательной форме рассказал о своих экспедициях, о методике работ. Это поистине титанический труд большой группы квалифицированных сибирских археографов.

Конечно же, в проведении экспедиционной работы большую роль сыграли отделения Археографической комиссии. Это – Ленинградское (ныне Санкт-Петербургское) отделение, Северное отделение в Вологде, Уральское – в Екатеринбурге и Сибирское отделение Археографической комиссии. Я скажу о Сибирском отделении, потому что это мне близко. По существу, вся археографическая работа в Сибири связана с именем Михаила Николаевича Тихомирова.

В 1963 г. он встретился с основателем СО АН СССР академиком Михаилом Алексеевичем Лаврентьевым и предложил передать свой уникальный фонд рукописных и старопечатных книг Сибирскому отделению. Главное условие – сохранность и неделимость этого фонда, второе условие заключалось в том, чтобы это отделение приняло на работу канд. ист. наук Н.Н. Покровского. Многие из вас знают, что Николай Николаевич отбывал ссылку в Сибири, ему было запрещено проживание в Москве и Ленинграде. Михаил Николаевич убедительно просил, чтобы его приняли в Отдел гуманитарных исследований Сибирского отделения. И, конечно же, Н.Н. Покровский и другие исследователи, приехавшие в Академгородок из разных научных центров страны, проделали поистине гигантскую работу. Не случайно лет 30 тому назад академик Дмитрий Сергеевич Лихачев, оценивая итоги этой титанической работы, сказал, что произошло “археографическое открытие Сибири”. За эти годы было собрано более трех тысяч уникальных рукописных и старопечатных книг, и это, конечно, большой вклад в науку, огромный вклад в культурное наследие России.

Второе направление работы, очень важное, – сохранение, реставрация, описание и издание всего того нового и богатейшего наследия, которое получено учеными во время экспедиций. Большую роль сыграл и

играет “Археографический ежегодник”, многие серийные издания, в частности многотомные издания рукописных и старопечатных книг Сибирского отделения, осуществленные благодаря кропотливому труду и энергии Н.Н. Покровского.

Оценивая в целом работу археографов за прошедший период, следует сказать, что это неопенимый вклад в советскую, российскую и мировую науку. Я думаю, что многие историки в той или иной мере используют материал и пользуются именно тем огромным неопенимым богатством, которое накоплено у нас в России. Хотелось бы отметить, что Археографическая комиссия является подлинным организующим центром для всех ученых-археографов. Это происходит во многом благодаря руководителям Археографической комиссии.

У нас есть интересный такой государственный и политический деятель – Виктор Степанович Черномырдин. Я очень люблю его слушать, потому что каждое его выступление внушало какой-то оптимизм. Одна из его фраз: “Я верю в роль личности в истории, если эта личность – президент...” Так вот я действительно верю в настоящее и будущее Археографической комиссии, потому что ее возглавляли и возглавляют прекрасные ученые, подвижники своего дела! Первый руководитель – академик Михаил Николаевич Тихомиров, который стоял у руля Комиссии с 1956 по 1965 г. Недолгие годы руководил ею член-корреспондент Виктор Иванович Шунков. Тоже замечательный ученый, интеллигент в самом высшем понимании этого слова.

После него Комиссию возглавил выдающийся российский ученый академик Российской академии образования Сигурд Оттович Шмидт. И здесь еще раз можно сказать о роли личности в истории: Вы 34 года возглавляли Археографическую комиссию, причем много нового внесли в ее работу, прежде всего – историческое краеведение. Это – очень интересное направление работы, и Сигурд Оттович очень много отдал этому сил и здоровья. Я помню, в 1960–1970-е годы тысячи школьников, студентов, аспирантов собирали оставшиеся исторические раритеты по всему необъятному Советскому союзу, создавали школьные музеи. Но, опять-таки, как все у нас происходит – “хотели, как лучше, а получилось, как всегда”. Был собран рукописный материал, на базе которого организованы сотни школьных музеев, много было энтузиастов, но, к сожалению, в силу разных причин, энтузиасты уходили, а то собранное огромное богатство в субъектах федерации, к сожалению, не всегда было передано в областные и другие архивы, и все-таки это направление исторического краеведения, безусловно, очень-очень важно, и его необходимо продолжать.

И сейчас возглавляет Комиссию тоже выдающийся историк, член-корреспондент Российской академии наук Сергей Михайлович Каштанов, которого мы все очень хорошо знаем и уверены, что он достойно продолжит дело своих предшественников и всех поколений археографов.

Хотелось бы также отметить, что штатных сотрудников Археографической комиссии немного – двенадцать, а учитывая Сигурда Оттовича – тринадцать. Это небольшой коллектив, но очень талантливый, творческий. Разрешите еще раз поздравить вас искренне с юбилеем, с праздником и пожелать вам новых творческих успехов. Спасибо!

К.В. Никифоров

ПРИВЕТСТВИЕ ДИРЕКЦИИ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

Каждому институту свойственно государственное устройство: директор – президент, ученый совет – парламент. Институт славяноведения имеет, в соответствии с Уставом, скорее “президентские” структуры, но мы стараемся, чтобы и парламентаризма было достаточно. Есть институты более централизованные. У нас федеративно-конфедеративное устройство: два субъекта федерации – историки и филологи, последние в свою очередь делятся на два подразделения автономии – лингвисты и литературоведы; и особый субъект федерации – это Археографическая комиссия. С ним нас связывают конфедеративные отношения (нет, не анклав!) – это часть нашего института, но отношения с ней конфедеративные. Мне кажется такая гибкая структура (отношений) помогает нам работать. (Кстати, автономность этой структуры подтверждает и то, что Сигурд Оттович – советник РАН – подчеркнул самостоятельность подразделения).

Мы не только рады, что вы работаете с нами, мы горды тем, что с нами трудится такой замечательный коллектив.

Дорогие Сигурд Оттович и Сергей Михайлович, дорогие сотрудники Археографической комиссии и коллеги! Позвольте от всего сердца поздравить вас со славным юбилеем.

Еще раз поздравляю вас всех и надеюсь, что наши федеративно-конфедеративные отношения будут и дальше сохраняться ко взаимному удовольствию.

С.О. Шмидт

50 ЛЕТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

Для нас, сотрудников Археографической комиссии, большая радость и честь, что юбилей Археографической комиссии, юбилей нашей работы отмечается совместным заседанием с Отделением историко-филологических наук, и юбилейные Тихомировские чтения 2006 года открылись вступительным словом академика-секретаря Отделения исторических наук и филологии академика Анатолия Пантелеевича Деревянко, причем выступлением таким содержательным, с теплотой напомнившим о содеянном организатором и первым председателем Археографической комиссии академиком Михаилом Николаевичем Тихомировым. Когда Археографическая комиссия создана была по его почину 13 апреля 1956 г., М.Н. Тихомиров был академиком-секретарем Отделения (тогда оно называлось Отделение исторических наук) и членом Президиума АН СССР. Ставший после кончины М.Н. Тихомирова 2 сентября 1965 г. председателем Археографической комиссии член-корреспондент В.И. Шунков тоже принадлежал к элите Академии наук, был и заместителем академика-секретаря. Но и после ухода из жизни В.И. Шункова, в ноябре 1967 г., в Археографической комиссии неизменно ощущали внимание и заботу Отделения (сотрудники

Археографической комиссии были даже в одной партгруппе с сотрудниками Отделения истории), уважение и доверие к нашей деятельности. И мы глубоко признательны за это. Пятидесятилетие деятельности Археографической комиссии это и пятидесятилетие плодотворных контактов ее с Отделением и его руководителями. Отделение истории и филологии обеспечило и издание книжки “50 лет Археографической комиссии”, а также пригласительного билета на сегодняшнее торжественное заседание.

Можно сказать, что Археографическая комиссия была воссоздана, так как с 1834 г. существовала Археографическая комиссия, изменявшая затем наименование. Ее работа фактически прекратилась с арестом председателя академика С.Ф. Платонова, ученого секретаря А.И. Андреева и члена-корреспондента В.Г. Дружинина, когда сфальсифицировали так называемое академическое дело, “дело” академиков-историков.

М.Н. Тихомиров не подчеркивал элементы преемственности, видимо, из политических соображений (процесс политической реабилитации лишь начался, в академических званиях арестованных тогда историков посмертно еще не восстановили), но имел это в виду. Прежде всего, он подразумевал под археографией как наукой – в соответствии с представлениями ученых XIX – начала XX в. и тех, кто был связан с дореволюционной Археографической комиссией, – отнюдь не только публикаторскую работу (как принято было в середине 1950-х годов считать в архивном ведомстве и в учебных программах), но и полевую и описательную. В то же время М.Н. Тихомиров не намерен был сосредоточиваться на подготовке научных публикаций, как прежняя Археографическая комиссия, первой задачей которой и было напечатание материалов, выявленных археографическими экспедициями (причем и без комментариев, даже легенд), так как утвердился успешный опыт публикаторской работы в научных учреждениях Академии наук, в хранилищах документов. Археографическая комиссия должна была стать центром подготовки к печати лишь совсем немногих уникальных памятников, на выработке методики выявления, собирания и описания, источниковедческого изучения памятников письменности и истории этих отраслей знания, подготовке справочных изданий, выпуске регулярного сборника материалов такой проблематики – “Археографического ежегодника”, организации научных форумов. А это было, по существу, реализацией намерения последнего председателя прежней Археографической комиссии академика С.Ф. Платонова создать в Академии наук институт археографии и источниковедения, т.е. исследовательских технологий (в противовес социологизированному схематизму, насаждаемому М.Н. Покровским).

Дата возникновения Археографической комиссии не случайна. М.Н. Тихомиров был уже два с половиной года академиком-секретарем, но произошло это весной 1956 г., через два месяца после XX съезда КПСС, и может рассматриваться как одно из проявлений благотворных перемен в общественной жизни. Распространено представление, особенно у молодежи, что эти перемены связаны прежде всего с именами громогласных публицистов, поэтов и преимущественно молодого возраста. Действительно, тогда они были ярко заметны и любили (а то и по сей день любят) напоминать о своих заслугах тех лет. Среди проявивших себя как “шестидесятники” (как их теперь именуют) были лица и старшего возраста, даже шес-

тидесятилетние, и слово “оттепель” введено в обиход как типологическое шестидесятипятилетним И.Г. Эренбургом. Для нашего поколения – тогда тридцатипятилетних – эта дата из самых важных в жизни. А мудрые и общественно чуткие люди старших поколений тоже, ощущая свежий воздух и открывшиеся возможности, старались, не декларируя свои новации (предыдущие десятилетия тоталитаризма убеждали в том, что безопаснее “не высовываться”!), восстановить достойные традиции отечественной культуры, порушенные ранее, поруганную честь славных направлений нашей науки. Для образа мыслей и действий М.Н. Тихомирова было характерно высокоразвитое ощущение долга “сеять разумное, доброе, вечное”, а достигнув высокого положения в академических сферах, он чувствовал и как бы личную ответственность за развитие науки нашей и сохранение культурного наследия, потребность показывать пример другим – это и его предложение о сохранении полей военной славы, некрополей, издание сочинений В.Н. Татищева и “Полного собрания русских летописей”, изумительной щедрости дар своего собрания рукописей, старопечатных книг и икон именно недавно образованному Сибирскому отделению Академии наук (вопреки отговаривавшим его от этого москвичам и ленинградцам, В.И. Малышеву и др.), дабы и там развивалась археографическая работа.

Можно полагать, что думал М.Н. Тихомиров и о себе, направленности своей личной работы в дальнейшем. Он уже привык к командному положению в системе Академии наук и желал себе по освобождению от должности академика-секретаря интересной работы по душе, научно перспективной, привлекательной для молодежи. Недаром он переманил в Археографическую комиссию из Отделения такую умелую в работе и коммуникабельную, красивую сотрудницу, как Н.А. Долдобанова, самоотверженному труду и творческой неутомимости которой мы обязаны подготовкой всех книг “Археографического ежегодника”, ответственным секретарем редакции которого она является с первого же выпуска этого издания.

Показательно, что группу по изданию “Полного собрания русских летописей” М.Н. Тихомиров организовал в Институте истории, а сотрудники Археографической комиссии изначально были сотрудниками Института славяноведения. Полагаю, что руководствовался М.Н. Тихомиров при этом и тем, что памятники древней письменности (а он, видимо, сразумышлял о широкой программе их обобщающего типа описания) воспринимаются и как исторические памятники, и как памятники литературы (и “священные тексты” и летописи и др.), и их изучают и историки, и литературоведы, и лингвисты, и очевидна их теснейшая взаимосвязь с южнославянской письменной языковой культурой. А Институт славяноведения – средоточие творчества и историков, и филологов. Могло иметь значение и то, что этот институт в плане изучения давних периодов истории, тематики, непосредственно не связанной с социалистическими преобразованиями и их предпосылками, менее подвержен вмешательству ЦК партии, чем Институт истории с его традициями сервиллизма. Для Археографической комиссии эта мудрость ее основателя явилась условием обеспечения ее дальнейшей плодотворной работы. Мы глубоко признательны руководителям и коллективу Института славяноведения за уважительное отношение к нашим сотрудникам, понимание значения для результативной деятельности опыта старшего возраста специалистов.

При жизни М.Н. Тихомирова с образованием в 1961 г. в Академии наук системы научно-проблемных советов Археографическая комиссия стала таким Советом по археографии и смежным историко-филологическим дисциплинам. Это единственный научно-проблемный совет при нашем Отделении, где заняты не только исследованиями определенной тематики, но и разработкой методов широкой историко-филологической проблематики. И в дальнейшем пойдет речь об обоих направлениях деятельности Археографической комиссии – и коллектива сотрудников ее, и сотрудничающих с нами научных учреждений, вузов, хранилищ памятников письменности (архивов, библиотек, музеев) – и о координационной деятельности (всероссийские, всероссийские, региональные, международные программы; организация форумов и конференций с секциями и пленарными заседаниями, однодневные заседания; коллективные издания с грифами Археографической комиссии и других учреждений и общественных объединений).

О деятельности Археографической комиссии написаны статьи обобщающего типа (информационно-историографические) в периодических журналах (“Вестник Академии наук”, “Славяноведение”, “Отечественные архивы”), в “Археографическом ежегоднике”. И потому можно ограничиться кратким напоминанием о немногом.

М.Н. Тихомиров изначально обратил внимание на подготовку справочных изданий, причем разного масштаба – от справочника сокращений, принятых в исторической литературе, и книги А.И. Рогова со сведениями о небольших собраниях, славяно-русских рукописей до грандиозного проекта описания всех древних рукописных книг. Определена была структура и многообразная тематика “Археографического ежегодника” – от древности до наших дней: I. Статьи и сообщения; II. Обзоры, описания, библиография; III. Публикации; IV. Хроника. М.Н. Тихомиров – инициатор подготовки “Сводного каталога славяно-русских рукописных книг” (на древнерусском языке и языках южных славян), находящихся в хранилищах СССР, и целых рукописей и их фрагментов. В долговременную работу вовлечены были архивы, библиотеки, музеи, другие хранилища всей страны. Это – совместный труд многих историков и филологов, архивистов. Предварительный список был подготовлен еще при жизни М.Н. Тихомирова Н.Б. Шеламановой – первой зачисленной в штат Археографической комиссии. М.Н. Тихомиров предусмотрел программу совместной работы, обмена опытом со специалистами по изучению древних рукописей и не на славянских языках и поехал в Армению, где была совместная конференция с Матенадараном.

Было организовано первое из отделений Археографической комиссии – Ленинградское во главе с таким авторитетным ученым, как С.Н. Валк, и под его редакцией стали выходить ежегодники “Вспомогательные исторические дисциплины”, где меньше, чем в “Археографическом ежегоднике”, уделяется внимания археографии и архивоведению, но зато много материала по нумизматике, сфрагистике и другим специальным дисциплинам (причем и по всеобщей истории).

Когда меня утвердили председателем Комиссии, предложил на титульном листе “Археографического ежегодника” указывать: “Основан в 1957 г. академиком М.Н. Тихомировым”, и начиная с “Археографического ежегодника за 1968 год” это отмечается на всех книгах нашего издания.

Хотя не обошлось без сложностей. В Отделе науки ЦК партии, возглавляемом в ту пору С.П. Трапезниковым, сказали, что такое не принято в практике изданий Академии наук. Пришлось опровергать это мнение наглядным способом, показать продолжающееся издание “Известия АН СССР. Серия геофизическая”, где на титульном листе напечатано: “Основан в 1951 г. академиком О.Ю. Шмидтом”, заметив, что “подобное в обычае Академии наук и полагаю, что академик М.Н. Тихомиров в области специальных исторических наук сделал не меньше, чем академик О.Ю. Шмидт в геофизике”. С 1968 г. (года 75-летия М.Н. Тихомирова) проводим ежегодно в конце мая – начале июня приуроченные ко дню рождения М.Н. Тихомирова “Тихомировские чтения”, материалы которых публикуются в “Археографическом ежегоднике”, как и ежегодных пленарных заседаний (или конференций) в декабре.

Завещанная М.Н. Тихомировым работа по подготовке “Сводного каталога славяно-русских рукописных книг” стала особенно интенсивной – издание методических пособий (а по существу зачастую первых статей о памятниках церковной литературы как исторических источниках и приемах их изучения и описания), несколько конференций в Москве и Ленинграде (при неизменном участии академика Д.С. Лихачева), особенно действительно трудились помимо Н.Б. Шеламановой покойные ныне Л.П. Жуковская, Н.Б. Тихомиров, Ю.А. Неволин. Сейчас это – основная работа Н.А. Кобяк и А.Л. Лифшица под руководством А.А. Турилова, с этим во многом связаны исследования О.А. Князевской, а для рукописей XVI–XVII вв. – Б.Н. и В.В. Морозовых. Издание первого тома о рукописях XI–XIII вв. имело значительный и международный резонанс (доклад на Всемирном конгрессе славистов в Киеве в 1983 г., рецензии, обсуждение на заседаниях СИБАЛ) побудило к подобного типа изданиям в балканских странах, к изданию каталогов древних рукописей на древних языках в СССР, к описанию всех рукописей в музеях Вологодской области под руководством П.А. Колесникова с действительным участием сотрудников Археографической комиссии, Библиотеки Академии наук (А.А. Амосов), МГИАИ. Вышла первая часть второго тома – о рукописях XIV в. Работа продолжается. Такое фундаментальное издание – на века.

Это способствовало налаживанию творческих контактов и с учеными священнослужителями. Замечательный археограф и историк о. Иннокентий (Просвирнин) стал первым кандидатом богословия среди членов научно-проблемных советов РАН. Археографической комиссии поручили и организацию совместно с Московской патриархией первой археографической экспедиции на Афон, и были описаны рукописи Пантелеймонова монастыря.

Интенсивно началась – под руководством академика Андрея Николаевича Кононова – организация конференций по описанию рукописей на восточных языках: Международная конференция в Ленинграде (Институт востоковедения), совместные конференции в Тбилиси (Институт рукописей) и опять в Ереване.

Начал осуществляться и другой проект долговременной работы, также информирующей о документах многих хранилищ в архивах, музеях, библиотеках и др., – “Каталог личных архивных фондов отечественных историков”, куда включаются данные и о прижизненно не широко известных

архивистах, краеведах и др. Издан Каталог о фондах историков XVIII в., подготовлена к печати книга об историках первой половины XIX в.* Эту работу начинали В.Ю. Афиани и М.П. Мироненко, затем подключилась к ней Т.В. Лохина (Медведева).

Тематика и масштаб изданий Комиссии разнообразны: и составленные в XVI и XVII вв. описи документов Посольского приказа, и судные списки Максима Грека, и обзоры материалов по истории краеведения, и методическое пособие “Как сохранить Ваш семейный архив: Как написать (записать) воспоминания”. В “Археографическом ежегоднике” и в других изданиях Комиссии печатают труды и маститых ученых, и начинающих, для которых это – путевка в “большую науку”. Книги ежегодника тоже разнообразны по содержанию, только том за 1997 год был посвящен лишь московской тематике. Д.С. Лихачев еще в 1970-е годы писал о ежегоднике как о “главном и руководящем органе в области археографии”.

Подготовкой к печати материалов “Археографического ежегодника” изначально занята Н.А. Долдобанова, с 1968 г. самоотверженно работает и Ю.В. Андрушайтите. Ранее подготовка издания была плановой работой И.Е. Тамм и В.Б. Павлова-Сильванского (увы, покойных), позднее С.В. Чиркова, теперь это плановая работа и Е.Н. Швейковской, и А.В. Мельникова.

Практикуются совместные издания с научными учреждениями, вузами, хранилищами. В проведении конференций, реализации издательской программы помогали фонды (РГНФ и др.), местные власти (особенно в Пензе), издательская программа Правительства Москвы.

Мы благодарны славному своей издательской культурой издательству “Наука” (эти эпитеты в тексте интервью в “Литературной газете” сократили, оставили только “славное издательство”. Но это тоже неплохо!). Рады, что в книжке “50 лет Археографической комиссии”, изданной к юбилею, В.И. Васильев впервые в программе наших Тихомировских чтений обозначен “членом-корреспондентом РАН”, а первое его выступление с этим высоким званием – на нашем сегодняшнем заседании. Слова особого признания и нашим редакторам – заведующей редакцией Наталье Леонидовне Петровой, Людмиле Максимовне Кузнецовой, заместителю директора издательства Татьяне Ефимовне Филипповой, типографии РАН.

В деятельности и особенно изданиях Археографической комиссии все заметнее проблематика источниковедения историографии. Это – выявление, изучение, публикация архивного наследия историков. Полигоном стала работа над наследием М.Н. Тихомирова. В “Археографическом ежегоднике” значительное место уделяется обзорам фондов историков и их отдельных трудов, библиографическим данным, созданию “Каталога личных архивных фондов историков”. Готовятся к печати первое шеститомное собрание сочинений академика С.Ф. Платонова и его переписка, освобожденный от цензурной правки многотомный труд академика М.М. Богословского “Петр Великий: Материалы для биографии” (первый том, подготовленный к печати А.В. Мельниковым, вышел в 2005 г.). В томах “Археографического ежегодника” напечатаны материалы научных конференций,

* От ред.: книга издана, см.: Каталог личных архивных фондов отечественных историков / Отв. ред. С.О. Шмидт; сост. Т.В. Медведева, М.П. Мироненко. М., 2007. Вып. 2: Первая половина XIX века. 719 с.

посвященных историкам, о которых насаждалось искаженное представление: А.С. Лаппо-Данилевскому, С.Ф. Платонову, М.М. Богословскому, А.Е. Преснякову, Н.Л. Рубинштейну. Выполнял и печальный долг, опубликовав труды моих ушедших из жизни учеников: А.А. Амосова о Лицевом летописном своде времени Ивана Грозного, А.Д. Зайцева о П.И. Бартеневе и его журнале “Русский архив”.

Археографической комиссией организованы были конференции (иногда и многодневные), а также и совместные с другими учреждениями заседания памяти выдающихся историков XIX – начала XX в. (С.М. Соловьева, И.Е. Забелина, две конференции в Пензе о В.О. Ключевском и его времени) и наших старших современников – не один раз памяти М.Н. Тихомирова, С.Н. Валка, В.И. Шункова, Н.Л. Рубинштейна, а также К.Н. Тарновского, ушедших молодыми А.А. Амосова и А.Д. Зайцева. Первая конференция памяти Д.С. Лихачева – о чем должно напомнить в Год Лихачева – была в Москве, в Доме-музее Цветаевой, в день рождения ученого 28 ноября 1999 г., материалы ее и стенограмма изданы отдельной книжечкой, а в переработанном виде – в “Археографическом ежегоднике за 1999 год”.

Регулярно – не менее двух раз в год – весной и в декабре проводятся заседания об актуальных проблемах археографии, архивоведения, источниковедения (о факсимильных изданиях, подготовке хроник жизни и творчества, филологии и др.), по тематическому признаку (о декабристах, революции 1917 г., не раз о Великой Отечественной войне и участии в ней историков и др.), о деятельности АРАН, РГАДА, ГАРФ, ГИМ, МГИАИ и др. Многие конференции были организованы совместно с другими учреждениями и в других городах – иногда с отделениями Археографической комиссии в Санкт-Петербурге, Новосибирске, Уфе, Свердловске, Вологде.

Отделения Археографической комиссии (Санкт-Петербургское, Сибирское, Уральское) ведут значительную самостоятельную работу. Сообщения об этом в планах наших Тихомировских чтений и, конечно же, подробно в “Археографическом ежегоднике за 2006 год”. Особенно интенсивно в Сибири, и потому два доклада и руководителя Отделения академика Н.Н. Покровского, и ученых из Университета и Библиотеки.

В прошлом веке велась большая координационная и методическая работа в сфере полевой археографии, причем в плане собирания и памятников древности, и нового и новейшего времени, и на русском и на других – особенно восточных – языках. Была проведена Первая Всесоюзная конференция по полевой археографии (1976), материалы ее изданы, напечатаны пособия. В работе покойной сотрудницы Комиссии Д.И. Тверской обобщена информация обо всех экспедициях до середины 1970-х годов.

Все больше внимания уделяется проблеме краеведения, преимущественно историко-культурного, тем более что С.О. Шмидт – председатель Союза краеведов со времени его создания в 1990 г. Это и научные конференции и заседания, и издания, и реализация в пяти конференциях и изданиях материалов программы “Культура российской провинции XVIII – начала XX в.”, совместные конференции и издания с Союзом краеведов, кафедрой региональной истории и краеведения РГГУ, РНБ и др. в Москве, Санкт-Петербурге, других городах, последние два года по инициативе Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации С.М. Миронова и с его участием.

Сотрудники Комиссии работают и по индивидуальным программам. И там разнометье: и рукописные сборники XVI–XVII вв., и водяные знаки бумаги, и составление (ученым секретарем Комиссии с 1972 г. В.А. Черных) “Летописи жизни и творчества Анны Ахматовой”, и др.; на ближайшее время назначены защиты диссертаций сотрудниками – в мае кандидатской об архивном наследии историка М.М. Богословского А.В. Мельниковым, в июне – докторской о Лицевом летописном своде XVI в. В.В. Морозовым.

В 2002 г. я, отметив восьмидесятилетие, просил освободить от должности, рекомендовав в председатели своего заместителя, всемирно признанного знатока актов и источниковедения Средневековья члена-корреспондента РАН С.М. Каштанова, но продолжаю оставаться редактором изданий Комиссии, руковожу и ее конференциями.

В конце доклада приятно повторить заключительные абзацы статьи 1995 г. о Комиссии в юбилейном сборнике Института славяноведения: “...несмотря на переживаемые трудности, Археографическая комиссия сохранила свои квалифицированные кадры, научные связи с коллегами из ближнего и дальнего зарубежья и остается ведущим международно признанным центром в области археографии и смежных историко-филологических дисциплин”, и моего доклада к 40-летию Археографической комиссии: “Если можно говорить об определенных достижениях Археографической комиссии, то обусловлено это, пожалуй, в наибольшей мере характерной для коллектива ее сотрудников атмосферой дружелюбия и преданности своему делу. Пожелаем же, чтобы это сохранялось на долгие годы”.

С.М. Каштанов

ОБ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

“Археография” – понятие специфически русское, хотя этот термин и состоит из двух греческих слов. В других странах нет науки, которая бы носила такое название, хотя есть отрасли знания, занимающиеся примерно теми же вопросами, что и российская археография. У нас археографией занимаются многие, но специальное учреждение, посвященное археографии, имеется только одно. Это Археографическая комиссия Российской академии наук. Созданная в 30-х годах XIX в. и возобновленная в 50-х годах XX в., Археографическая комиссия является уникальным органом в системе гуманитарных учреждений РАН. В первый период своего существования, до Октябрьской революции и в 20-х годах XX в., она была самостоятельным академическим учреждением. Восстановленная в 1956 г. по инициативе академика Михаила Николаевича Тихомирова, Археографическая комиссия вошла в состав Института славяноведения и балканистики, структурной частью которого она является и в настоящее время.

С самого начала своей деятельности Археографическая комиссия занималась сбором, описанием и изданием исторических источников. В сфере ее внимания были письменные источники разных видов. Грандиозных успехов достигла она в области издания русских актов XIII–XVII вв. Оpub-

ликованные ею многотомные серии – такие, как “Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук” (ААЭ), “Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией” (АИ), “Дополнения к Актам историческим” (ДАИ), “Акты юридические” (АЮ), “Акты, относящиеся до юридического быта Древней России” (АЮБ) и др. – создали источниковую базу для изучения социально-экономической и политической истории феодальной России и способствовали успехам русской историографии второй трети XIX в. и более позднего времени. Они сохраняют свое значение и сейчас. Современный исследователь находит в них тексты многих еще неперезданных документов, а также утраченных ныне актов, особенно из числа тех, которые хранились в архивах частных лиц, провинциальных учреждений, церквей и не самых крупных монастырей.

В развитии описательной археографии существенную роль сыграли тома “Летописи занятий Археографической комиссии”, где помещались обзоры ценнейших коллекций документов.

Комиссия, созданная заново М.Н. Тихомировым, не имела таких огромных издательских возможностей, которыми располагала дореволюционная комиссия. Тем не менее и при ограниченном составе штатов она провела за 50 лет своего существования очень большую работу по всем трем традиционным направлениям развития археографии: эвристическому, описательному и публикаторскому (или эдиционному, как ныне модно выражаться).

В деле эвристики (отыскания и отбора источников) Комиссия выполняла прежде всего функцию координационного центра, под эгидой которого проводились археографические экспедиции, имевшие целью поиск рукописей и старопечатных книг. С Комиссией была тесно связана деятельность археографических экспедиций МГУ (руководитель – И.В. Поздеева), Казанского университета (руководитель – М.А. Усманов), Новосибирского института истории, языка и литературы АН СССР (руководитель – Н.Н. Покровский). В экспедициях И.В. Поздеевой принимала участие Н.А. Кобяк, ставшая затем сотрудником Археографической комиссии. В Комиссии создавались методические рекомендации по сбору материалов школьными музеями (А.А. Курносков и др.). Конечно, имелись и такие экспедиции, к работе которых Археографическая комиссия прямого отношения не имела (например, экспедиции Отдела рукописей ГБЛ и др.).

Помимо участия Комиссии в делах полевой археографии члены Комиссии успешно занимались и камеральной археографией – поиском новых источников в архивах. В этом плане весьма значительны достижения С.О. Шмидта, Н.Б. Шеламановой, Ю.В. Андрушайтите, В.А. Черных, Б.Н. Морозова, В.В. Морозова, Е.Н. Швейковской, Т.В. Лохиной (Медведевой), М.П. Мироненко, А.В. Мельникова и др. Надо вспомнить деятельность и тех коллег, кого уже нет больше с нами. Так, неопубликованные материалы по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (главным образом стенограммы рассказов участников событий) выявлял Алексей Антонович Курносков, писцовые материалы XVI–XVII вв. – Владимир Борисович Павлов-Сильванский.

Описательная (или дескриптивная) археография получила в Комиссии очень большое развитие. Описанием и изучением древнейших рукопис-

ных кодексов занимались филолог О.А. Князевская и ее младшие коллеги Н.А. Кобяк и А.Л. Лифшиц. Под руководством и при участии Комиссии были подготовлены и изданы Сводные каталоги славяно-русских рукописных книг до XIV в. включительно. Работа по подготовке каталога рукописных книг продолжается и сейчас. Под редакцией С.О. Шмидта вышли Методические рекомендации по описанию древнерусских рукописей (преимущественно кодексов). В этом оригинальном руководстве помещены исследовательские статьи специалистов по кодикологии, палеографии, филиграноведению и т.д. Пособия по дипломатике и актовой археографии принадлежат перу С.М. Каштанова.

Пожалуй, наиболее заметным продуктом деятельности Археографической комиссии являются тома “Археографического ежегодника”, который издается начиная с 1958 г. Первым был “Археографический ежегодник за 1957 год”. Вероятно, я должен гордиться тем, что в нем была опубликована первая часть моего “Хронологического перечня иммунитетных грамот XVI века”. Сначала Ежегодник выходил под редакцией М.Н. Тихомирова. После его смерти в 1965 г. короткое время редактором Ежегодника был Виктор Иванович Шунков. С 1968 г., когда председателем Археографической комиссии стал С.О. Шмидт, Ежегодник выходит под его редакцией. К настоящему времени издано 48 томов “Археографического ежегодника”.

В какой-то мере Ежегодник явился наследником “Летописи занятий Археографической комиссии”. Но все-таки это издание другого типа. Первый раздел каждого тома представлен статьями источниковедческого, архивоведческого и археографического характера. Как правило, в них присутствует и историографический момент. Среди других составных частей Ежегодника особое значение имеет раздел обзоров. В нем реализуются принципы дескриптивной археографии. Нельзя не отметить и раздел “Публикации”. Здесь издаются тексты вновь найденных источников различных видов и разновидностей, предваряемые исследовательскими введениями. В этом состоит вклад Ежегодника в развитие эдиционной археографии. В Ежегоднике, особенно “шмидтовского периода”, большое внимание уделяется историографии источниковедения, архивоведения и археографии. В Ежегоднике печатаются списки трудов российских историков, источниковедов, архивистов, археографов, помещаются юбилейные материалы и некрологи.

Регулярное издание Ежегодника – крупная заслуга его ответственного редактора С.О.Шмидта. Следуя духу нашего времени, можно было бы сказать, что это его “подвиг” или “послушание”. С.О. Шмидт ни на минуту не оставляет без внимания дела, связанные с изданием Ежегодника. Неизменный и надежный помощник ответственного редактора Нина Андреевна Долдобанова, начавшая свою работу в Археографической комиссии еще при М.Н. Тихомирове. Ею же опубликован и “Библиографический указатель продолжающихся изданий Археографической комиссии РАН и ее отделений” (М., 2000). Клавдия Ивановна Безродная (Савина) работала в Комиссии в те годы, когда еще не было компьютеров. Ее мастерство, высокий профессионализм машинистки-палеографа много способствовали качественному оформлению текстов статей и публикаций источников, издававшихся в Ежегоднике. В настоящее вре-

мя при подготовке томов Ежегодника С.О. Шмидту помогают тщательные до scrupulозности Ю.В. Андрияшайтите, В.А. Черных, Е.Н. Швейковская и А.В. Мельников.

Несмотря на частую, можно сказать регулярную публикацию документов на страницах Ежегодника, эдиционная археография является слабым местом в работе Археографической комиссии. Эдиционная деятельность М.Н. Тихомирова в качестве председателя комиссии свелась к фототипическому переизданию Лаврентьевской и Никоновской летописей. Это было, конечно, очень важным делом, особенно если вспомнить, что тома первого издания ПСРЛ давно стали библиографической редкостью. По пути М.Н. Тихомирова пошли в 70-х годах XX в. немецкие издатели, выпустившие в Дюссельдорфе репринтом многие старые тома ПСРЛ. Под эгидой М.Н. Тихомирова готовились к печати и некоторые новые тома ПСРЛ (например, 26, 29), но после его смерти издание новых и переиздание старых томов ПСРЛ выпало из сферы деятельности Археографической комиссии.

Не вошло в эту сферу и издание актов. В отличие от Археографической комиссии времен Николая I и Александра II современная Археографическая комиссия не обладает ни средствами, ни кадрами для осуществления публикаций типа ААЭ, АИ или АЮБ. Акты издаются теперь различными научными учреждениями (институтами РАН, Архивом древних актов и др.). Вероятно, поэтому в принципах издания актов наблюдается сильный разноряд. Все больший простор получают публикации, где применяются принципы упрощенной передачи текста и лапидарного оформления палеографических примечаний и легенд. Историко-филологический подход к изданию актов рассматривается некоторыми археографами как ненужный “изыск”.

Говоря об эдиционной деятельности Археографической комиссии, необходимо заметить, что в последнее время в ней возникло такое направление, как издание и переиздание трудов классиков исторической науки, а также их переписки. Это коснулось работ С.Ф. Платонова, М.М. Богословского и С.К. Богоявленского. Заслуга развития данного направления принадлежит С.О. Шмидту и его молодым ученикам А.В. Мельникову и А.В. Топычканову, усилиями которых выявлены неизвестные ранее архивные первоисточники и сама историографическая археография поставлена на новую, более высокую ступень.

Особенностью Археографической комиссии является сосуществование и сотрудничество в ней научных работников с историческим и филологическим образованием (при количественном преобладании первых). Это отражает и специфику Института славяноведения РАН, в состав которого Археографическая комиссия входит. В институте трудятся как историки, так и филологи. Трагически погибший в 2005 г. Владимир Константинович Волков, бывший директор Института славяноведения, хорошо понимал уникальность Археографической комиссии как научного органа, знал ее нужды и оказывал ей помощь в организационных и кадровых вопросах. Этот подход воспринял и преемник В.К. Волкова на посту директора Института К.В. Никифоров. Нам остается надеяться, что в грядущие годы научная деятельность Археографической комиссии будет продолжаться не менее успешно, чем в предыдущий период.

СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

Пятнадцать последних лет отечественная археография развивается в принципиально иных условиях, нежели 50 лет назад, когда воссоздавалась Археографическая комиссия. Мне показалось интересным если не сравнить все параметры этих условий, то, по крайней мере, рассмотреть хотя бы их некоторые современные реалии. Это важно, чтобы представить себе, что из советского опыта археографической деятельности, в том числе 50-летней давности, опыта как позитивного, так и негативного, сегодня ушло безвозвратно и что следовало бы не только восстановить, но и всемерно поддерживать и развивать в новых социально-экономических и политических условиях. Хотелось бы сделать две оговорки. Во-первых, речь пойдет исключительно о работе по подготовке документальных публикаций и, во-вторых, документальных публикаций преимущественно по истории XX в., поскольку именно в этой хронологической проблематике произошли в последние годы наиболее разительные и знаковые перемены, а также обозначились явления, отражающие реальные общественные процессы современности.

Библиографический указатель “Открытый архив – 2” (автор-составитель И.А. Кондакова. М., 2005), содержащий описание документальных публикаций в России и СССР в 1917–2000 гг., учел 5445 названий, в том числе в 1992–2000 гг. – 996. Справочник “Печатные издания архивных учреждений Российской Федерации, вышедшие в свет в 2001–2005 гг.” (М., 2006) учитывает 383 названия. Это далеко не полные данные, но все же и они позволяют заметить, что в стране за последние 15 лет вышло в свет свыше одной трети документальных публикаций от их общего числа изданных за 74 года советской власти.

Если крупным планом посмотреть на сущность процессов, определивших то, что в литературе последних лет названо “археографическим взрывом”, их можно обозначить несколькими группами факторов: правовые, этические, финансовые, организационные, собственно научные, технологические и политические. Привожу перечень этих факторов в соответствии со своим пониманием степени их значимости в археографической деятельности, а не в соответствии с их реальным воздействием на археографическую практику последних 15 лет.

Правовая группа факторов. 50 лет назад, когда на пространстве всего СССР царствовала моноидеология, вряд ли кто мог серьезно учитывать их в археографической деятельности. Идеология была выше законов, даже если они существовали, прямо или косвенно, затрагивая процессы подготовки документальных публикаций. Ныне ситуация иная.

Современное российское архивное законодательство, законодательство об информации, авторском праве достаточно строго и формализованно регулируют вопросы собственности на документы, доступа к ним и их использования. В реальной жизни это создало противоречивую ситуацию применительно к подготовке документальных публикаций. С одной стороны, публичность официальной документации государственного происхо-

94023

дения, исключая документы, содержащие государственную тайну и тайну личной жизни, стала правовой нормой. Она была закреплена, например, соответствующим указом Президента РФ Б.Н. Ельцина о рассекречивании документов, послуживших основанием для массовых репрессий в СССР. Указ открыл возможность подготовки документальных публикаций о ранее известной лишь по литературе трагической странице нашей истории, наиболее заметной из которых стала публикация “История сталинского ГУЛАГа”.

С другой стороны, современное российское законодательство в отношении негосударственных информационных ресурсов, прежде всего документов личного происхождения, изрядно накопленных в российских архивохранилищах, строго и однозначно регулирует отношения в системе собственник–владелец–распорядитель–публикатор. Каждое звено этой цепочки, исключая последнее, вольно заявить не только о своих правах, но и о любых условиях их реализации. Более того. Представитель каждого из этих звеньев сегодня имеет возможность использовать международное архивно-информационное право.

Таким образом, правовая группа факторов сегодня и вчера как ограничивала и тормозила, так и инициировала и подталкивала подготовку документальных публикаций.

Этическая группа факторов. В советские времена публичный разговор об этике в археографии сводился в основном к размышлениям над вопросом воспроизведения или невоспроизведения абстинентной лексики. Однако уже обсуждение целесообразности и методики издания так называемого “Академического дела” показало сложность и неоднозначность публикации документов по истории XX в. Во-первых, документирование истории XX в. в нашей стране оказалось чрезвычайно персонализировано, особенно в системе партийной документации. В значительной степени такая персонализация носит негативный характер (достоверный или недостоверный – это вопрос уже иного порядка). Во-вторых, такая персональная информация связана с ныне еще живущими людьми или с их близкими родственниками и потомками. Доступ к такого рода документам и их использование лишь отчасти регулируются современным законодательством, например, когда речь идет о следственных делах на репрессированных лиц. В отношении другой части подобной документации одним из оснований их публикации или не публикации являются этические нормы, которых придерживается археограф. Именно они выступают своеобразным сдерживающим фактором при решении вопроса об издании подчас чрезвычайно важных и интересных документов. К сожалению, мы знаем достаточно много примеров нарушения этических норм археографии в последние годы.

Есть и еще один аспект этического фактора в археографии. Он связан с правом первой публикации документа. Понятно, что в случаях сложных и трудоемких поисков первооткрыватели документов имеют все – и правовые, и этические – основания для их первого издания. Однако считать себя первооткрывателями документов после их рассекречивания или истечения сроков ограничений на доступ к ним, установленных владельцами, и претендовать на их первую публикацию распорядители таких документов не имеют морального права, несмотря на то что законодательство на этот счет отсутствует. К сожалению, такая практика, существовавшая и в советское

время, не изжита до сих пор. Таким образом, этическая группа факторов, так же как и правовая, в определенной мере выступает своеобразным ограничителем при подготовке документальных публикаций.

Финансовая группа факторов. В истекшем пятнадцатилетии в сравнении с советским периодом в финансировании подготовки и издания документальных публикаций произошли, пожалуй, наиболее радикальные перемены. В советское время финансовая сторона была как бы не главной и даже малозаметной. Существовали планы подготовки и издания документов, причем финансировалась не подготовка конкретных публикаций, а работа их составителей. Ныне картина иная. Во-первых, как правило, финансируется не просто работа составителей, а подготовка и издание конкретной публикации. Во-вторых, само финансирование этого процесса стало многоканальным – текущий бюджет, отечественные и зарубежные научные фонды, федеральные целевые программы “Культура России”, “Книгоиздание”, “Электронная Россия”, спонсорская поддержка. Наиболее ярким примером последней стало недавнее издание томов Лицевого летописного свода, в подготовке которых участвовали, кстати, и сотрудники Археографической комиссии.

Приведенные выше данные о числе документальных публикаций, осуществленных в России, позволяют сделать вывод о том, что точечность и многоканальность финансирования этой работы оправдали себя и за 15 последних лет сыграли позитивную роль в археографической деятельности в нашей стране.

Группа факторов организационного порядка. В их числе особо хотелось бы выделить следующие.

Во-первых, в последние 15 лет наряду с традиционно существовавшими в советское время археографическими центрами – научно-исследовательскими институтами, вузами, крупными музеями, библиотеками, Археографической комиссией, возникли и оформились новые. Прежде всего, они сложились на базе государственных, в первую очередь федеральных архивов. Явление оказалось настолько заметным, что впервые в истории российского архивного дела было отражено в Федеральном законе “Об архивном деле в Российской Федерации” (2004 г.), нормативно закрепившем более чем 200-летнюю традицию подготовки российскими архивами публикаций документов. Seriously заявили о себе в качестве археографических центров общественные организации, в первую очередь: Общество “Мемориал”, российский фонд “Демократия”, Ассоциация историков России XX века, Студия “Тритз” Российского фонда культуры. С самостоятельным профилем документальных публикаций выступает возрожденный журнал “Исторический архив”, соучредителями которого являются общественная организация “Российская политическая энциклопедия” и государственная структура в лице Росархива. Реагируя на потребности времени, в 2000 г. Росархив на базе РГАСПИ создал Центр документальных публикаций государственных архивов России, специализирующийся на подготовке межархивных публикаций документов в рамках международных обязательств России.

Второй особенностью современной организации подготовки документальных публикаций стал их межведомственный характер. В советские времена такого рода публикации были крайне редки, ограничиваясь тре-

угольником Главархив СССР – МИД СССР – Министерство культуры СССР. Ныне межведомственный принцип подготовки если и не стал правилом, то достаточно четко обозначился как устойчивая тенденция. Публикации “Атомный проект СССР”, “Трагедия советской деревни”, “История сталинского ГУЛАГа” смогли состояться как серьезные научные предприятия на основе привлечения документов не только из государственных архивов, но и из ранее закрытых документных систем разных ведомств-депозитариев, в первую очередь Архива Президента РФ, архивов ФСБ РФ, Минатома РФ, Службы внешней разведки РФ. Тем самым появилась возможность более объемно и широко отражать факты, события, явления, процесс прошлого.

Третья особенность организационной подготовки документальных публикаций последних лет связана с увеличением числа трансграничных публикаций, т.е. изданий, готовящихся интернациональными коллективами составителей в рамках софинансирования, а самое главное – базирующихся на документах архивов разных стран – участников проектов. В советское время такого рода публикации были редким явлением и почти всегда оказывались межмидовскими изданиями, посвященными истории взаимоотношений двух стран. Ныне эта практика все больше расширяется. Примерами последних лет могут служить издания “Советско-израильские отношения”, “Советский Союз и венгерский кризис 1956 г.”, “Красная армия в Австрии”, “Красноармейцы в польском плену”. Трансграничные публикации позволяют с большей степенью объективности раскрыть события прошлого на основе сопоставительного анализа документной информации, подчас освещающей их с диаметрально противоположных позиций.

О *собственно научных факторах* состояния и развития современной археографии специально говорил в докладе С.М. Каштанов. Хотел бы добавить к его размышлениям всего два соображения, связанные с публикацией документов в первую очередь по истории XIX и XX вв. Уже в начале 90-х годов прошлого века состояние российского общества было таково, что позволяло отказаться от принципа идеологизации документальной публикации, широко, хотя и не полностью пронизывавшего советскую археографию и закрепленного в правилах издания документов по истории СССР как “принцип партийности”. Сегодня можно говорить о том, что современный археограф имеет высочайшую степень свободы и стремится при подготовке документальной публикации к тому, чтобы в основу своей работы положить принцип беспристрастия.

Однако реализовать этот принцип бывает чрезвычайно сложно, особенно когда речь идет о корпусе документов. Одно дело издание определенных видов документов, например, протоколов какой-либо организации. Здесь основным ограничителем и своеобразным критерием выступает хронология. И совсем другое дело – тематическая публикация. XIX и XX вв. – время не только массового, но и массивованного документирования жизнедеятельности общества, личности, государства. Отобрав, следуя принципу беспристрастия, документы, например, для такой серийной тематической документальной публикации, как “Становление и развитие военно-промышленного комплекса СССР” из сотен тысяч, а то и миллионов соответствующих теме документов – дело чрезвычайно сложное. Анализ критериев такого отбора в более чем 70 тематических документальных публикациях последнего пятнадцатилетия показывает почти повсемест-

ную уязвимость их формулировок, хотя в практическом воплощении дело обстоит вполне убедительно. Проблема отбора документов для такого рода публикаций в условиях отсутствия идеологического давления – это проблема познания прошлого. Она заслуживает того, чтобы стать предметом специального рассмотрения на особой конференции с участием не только историков, археографов, источниковедов, но и философов, вообще специалистов в теории познания.

Как-то незаметно в археографическую практику последних 15 лет сначала робко, а теперь уже если не торжествуя, то все чаще и чаще успешно конкурируя, вторгся *фактор современных информационных технологий*. Его передовые ряды в виде публикаций документов на микрофильмах и микрофишах в развитых странах мира нам в советское время если и не казались диковинкой, то представлялись делом очень и очень отдаленного будущего. За 10 последних лет работа с информационными ресурсами в мире и в России стремительно модернизировалась. Компьютерные программы – доступные и универсальные – не просто облегчили работу археографа, например, в сопоставлении вариантов текста одного и того же документа. Они уже сегодня фактически позволяют создавать совершенно иные по типу, виду, форме, конфигурации документальные публикации.

Если руководствоваться прежними понятиями о типе, виде и форме, то такие публикации, которые можно было бы назвать технотронными, являются универсальными. Важно отметить, что они способны с максимальной аутентичностью приблизить пользователя к любому массиву оригиналов документов и обеспечить эффективный поиск в нем нужной информации. Хочется подчеркнуть, что это уже сегодняшней день археографии. И мы не должны удивляться тому, что пока он в большей мере является днем археографов отдельных субъектов федерации, а не общепризнанных федеральных археографических центров, за небольшим исключением. Сошлюсь хотя бы на уже значительный опыт подготовки технотронных документальных публикаций археографов и программистов Чувашии и Перми.

Размышляя над современными реалиями, в которых происходила и происходит подготовка документальных публикаций, невозможно игнорировать воздействие на это политического фактора. Силу его влияния трудно измерить, можно только сопоставить с другими, уже названными выше. Это сопоставление, безусловно, субъективное, позволяет предположить, что в академических по замыслу документальных публикациях политический фактор проявлял себя не как желание разоблачить или оправдать все и вся, случившееся с нашей страной в XX в., а как стремление постигнуть “правду прошлого”. Приблизительно в первые пять лет после распада СССР радикализм отрицания советского прошлого и идеализация истории предшествующего ему десятилетия нашли свое отражение во многих публикациях документов. Но даже и в то время в публичных и непубличных дискуссиях обсуждались и решались вопросы научной публикации исторических источников по истории XX в. Отголоском этих дискуссий стало документальное издание “Политбюро ЦК ВКП(б) и церковь”, о котором мне уже приходилось говорить и писать, и серия статей Н.Н. Покровского о том, как издавать источники по истории XX в.

Все эти годы политический фактор определял не столько научный уровень публикаций, сколько их проблематику. Например, было невозможно

замолчать тему, связанную с судьбой польских военнопленных в 1940 г., или неизвестное письменное наследие Ленина.

Политизация проблематики по истории XX в. отчетливо проявилась в первом сводном семилетнем плане документальных публикаций, разработанном и утвержденном Росархивом и Отделением истории РАН в 1992 г. В нем стремление к постижению “правды прошлого” соседствовало с откровенно публицистическими публикациями документов. Любопытно, что большинство последних изданий не вышло в свет.

Вероятно, этот факт в определенной степени можно считать символическим. Археография последних 15 лет в своей прикладной области, т.е. в реальной работе по подготовке документальных публикаций, испытывая позитивное и негативное воздействие рассмотренных выше факторов, в целом сохранила лучшие академические традиции советской археографической школы и дополнила их новыми.

В.И. Васильев

ТРУДЫ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ В НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РАН

Совершенно бесспорно, что юбилей Археографической комиссии – это праздник всей исторической науки. Но одновременно мне хотелось бы подчеркнуть еще и неразрывную связь ученых, работающих в рамках Археографической комиссии, и научных издателей, сложившуюся еще в XIX в. (поле для научного анализа и в этом направлении тоже необозримо, но это, надеюсь, еще впереди).

У меня в руках “Отчеты о занятиях и изданиях Археографической комиссии за двадцатипятилетие ее существования (1834–1859 гг.) и речи, читанные в публичном ее собрании 27 декабря 1859 года” (СПб., 1860). Почти 150 лет отделяют нас от выхода этого издания, однако это не первое издание, которое связано с прежней Археографической комиссией. На ряде изданий родные выходные данные: “Санкт-Петербург. Отпечатано в Типографии Императорской Академии наук”. Как вы знаете, типография Императорской Академии наук, основанная вслед за Академией в 1727 г., была, по существу, почти в течение двух веков и ее издательским органом, и примером для формирования издательских центров в целом по России, и базой для становления и развития книжной культуры. Я счел возможным показать Вам это издание, поскольку в нем содержится “Всеподданнейший отчет министра народного просвещения о трудах Археографической комиссии”.

Очевидно, что за 50 лет возрожденная Археографическая комиссия выпустила примерно 150 трудов (подавляющее число изданий, в “Науке”), а если учитывать региональные труды, то мы где-то подбираемся к цифре 250, а может быть и более. Характерно, что за первые 40 лет деятельности Комиссии в среднем в год издавалось 2,5 названия, а за последнее десятилетие – по 5!

Нельзя не остановиться на наиболее ярком примере бесспорного научного и издательского триумфа – это “Археографический ежегодник”. Вы знаете, что первый ежегодник за 1957 год вышел из стен академического

издательства уже в 1958 г. В предисловии говорилось о том, что он ставит своей задачей публикацию статей и материалов по археографии, источниковедению и вспомогательным историческим дисциплинам. Думаю, что сегодня несколько расширен диапазон публикаций. Нельзя не отметить огромные заслуги в подготовке и выпуске “Археографического ежегодника” выдающегося историка-энциклопедиста, яркой, многогранной личности и, наконец, “просто” – титана мысли – Сигурда Оттовича Шмидта. Сигурд Оттович увековечил в этом авторитетнейшем издании, которое никогда не умрет, имя своего незабвенного учителя – Михаила Николаевича Тихомирова. Как мы с Вами знаем, во всех томах ежегодника, начиная с тома за 1968 год, указывается: “Основан в 1957 году академиком М.Н. Тихомировым”.

Практически не было ни одного года, когда бы “Археографический ежегодник” не выходил (иногда, в случае “пропуска”, в год выходило по два издания). Причем, что характерно, такой темп сохранялся даже в 1990-х годах. Многие (примерно 2/3) серийные и продолжающиеся издания (Академия выпускала их более 400) в эти годы рухнули, а “Археографический ежегодник” выходил практически ежегодно. Объем 48 томов составил (мои коллеги специально для сегодняшних юбилейных чтений подготовили подборку, я и сам с удовольствием просмотрел содержание всех 48 ежегодников) 20 000 страниц(!), что превысило 1600 учетно-издательских листов. Суммарный тираж – 70 тысяч экземпляров. Первый том вышел тиражом в 2,5 тыс. экз. Но это не был максимальный тираж: в 1968 г. он достиг цифры в 3 тыс. 800 экз. В последующие годы было некоторое снижение, и, естественно, минимальный тираж пришелся на 1990-е годы (по известным всем нам причинам). Думаю, что и сегодняшний тираж – немногим более 600 экземпляров – не соответствует потребностям научного сообщества.

Один из основных авторов “Археографического ежегодника” Дмитрий Сергеевич Лихачев, как бы определяя связь между этим изданием и Книгой как явлением духовной культуры, говорил: “История книги, если ее рассматривать широко, конкретно, а не только как историю книжного оформления, – чрезвычайно важная часть истории культуры человечества”. Попытаюсь вкратце прокомментировать, как эти аспекты отразились в изданных за эти годы томах “Археографического ежегодника” и что “работало” на исследования по истории книги, ее влияния на формирование отечественной культуры в целом. Здесь несколько направлений. Вот небольшая выборка.

Первое – это рукописная и старопечатная книга. Здесь, прежде всего, можно отметить следующие публикации: “Обзор собрания древнерусских и рукописных книг” (1951 г.), “Рукописи и старопечатные книги, приобретенные экспедицией в Бурятской академии наук в 1960 году” (1961 г.), “Из истории рукописного дела в России XVIII века” (1964 г.), “Рукописная и печатная книга из фондов Научной библиотеки МГУ” (1973 г.).

Второе, что “проглядывает” в непосредственной связи с книгой, – это история Академии наук и науки: источники по истории Академии наук периода Великой Отечественной войны, обзор источников по истории Академии наук за советские годы в Архиве Академии наук, публикации об издании документов по истории советской науки (1974 г.).

Далее можно выделить группу публикаций, которая связана с подготовкой и выпуском непосредственно исторических изданий: “История русской библиографии” Н.В. Здобнова; труды об издании русских летописей, о разви-

тии мемуарной литературы о Великой Отечественной войне, об издании “Истории Российской” В.Н. Татищева; документы о подготовке и издании сочинений Н.М. Карамзина и другие публикации.

Есть публикации, которые можно охарактеризовать как памятники книжной культуры (например, публикация первой редакции “Повести временных лет”), “Радзивилловская летопись: Из истории подготовки факсимильного издания” (1995 г.). Удалось обнаружить публикацию, которая непосредственно связана с проблемой “Книга и культура”: это “Книга в культуре Урала XVIII века: Круг чтения уральского горнозаводского населения”. Есть такая публикация: “Записи на книгах как источник по истории культуры...” Я надеюсь, что в дальнейшем будут и статьи о книге как памятнике культуры.

Несомненно, что “Археографический ежегодник” должен быть в Ваковском перечне журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы важнейшие итоги кандидатских и докторских диссертаций, представленных к защите.

Возвращаясь к юбилею, думаю, что пожелание может быть только одно: новых удач, новых исследований, новых творческих свершений, новых серьезных больших публикаций! С праздником Вас, дорогие коллеги!

ВЫСТУПЛЕНИЯ И ПРИВЕТСТВИЯ

Е.И. ПИВОВАР

Глубокоуважаемые коллеги! Дорогие друзья! Дорогие Сигурд Оттович и Сергей Михайлович! Для меня искренняя радость и высокая честь от имени руководства и коллектива Российского государственного гуманитарного университета приветствовать сегодня, в день славного юбилея, сотрудников и членов Археографической комиссии. 50-летие научного учреждения – срок немалый и сегодня неоднократно представится еще возможность дать должную оценку вкладу Археографической комиссии в развитие российской гуманитарной науки и культуры. Мне же хотелось бы напомнить о многолетних творческих взаимосвязях Комиссии и нашего вуза, созданного на основе уникального Московского государственного историко-архивного института.

Нам памятны совместные научные конференции и Тихомировские чтения, организуемые по почину Археографической комиссии к юбилеям Историко-архивного института (о вкладе его в развитие специальных исторических дисциплин, краеведения) и посвященные всероссийского и даже всемирного значения достижениям российских ученых М.М. Богословского, В.О. Ключевского, А.С. Лаппо-Данилевского, С.Ф. Платонова, Н.Л. Рубинштейна, С.Д. Шереметева и др. с докладами и выступлениями профессоров и преподавателей наших кафедр С.С. Илизарова, Е.И. Каменцевой, В.П. Козлова, В.Ф. Козлова, В.В. Крылова, Е.А. Луцкого, О.М. Медушевской, М.П. Мохначевой, В.А. Муравьева, Е.В. Старостина, А.Д. Степанского и др. Страницы “Археографического ежегодника” всегда гостеприимно открыты для трудов преподавателей и аспирантов РГГУ по вопросам специальных исторических дисциплин, источниковедения, археографии, архивоведения. Именно в “Археографическом ежегоднике” неоднократно к юбилею Историко-архивного института публиковался перечень диссертаци-

ционных исследований, защищенных в ИАИ и РГГУ. И особо важно отметить то, что для многих выпускников, аспирантов и даже студентов нашего вуза “Археографический ежегодник” стал первой путевкой в науку. Многие из них являлись в разные годы и сотрудниками Археографической комиссии и членами ее. Эта традиция, заложенная еще основателем Комиссии, академиком М.Н. Тихомировым, продолжена была его учеником и наследником Сигурдом Оттовичем и во многом явилась основой формирования научной преемственности. На “Археографический ежегодник” возложена и важная историографически-мемориальная миссия, в нем публикуются не только списки трудов и статьи к юбилеям наших известных преподавателей и ученых, но и некрологи и хроники заседаний их памяти. Совместно с РГГУ организован и ряд изданий Археографической комиссии.

Твердо уверен, что и впредь эта родственная связь не прервется. От всего сердца хочется пожелать Археографической комиссии на долгие и долгие годы процветания, а ее сотрудникам высоких творческих свершений.

В.П. КОЗЛОВ

Дорогой Сигурд Оттович, уважаемый Сергей Михайлович! Несмотря на то, что Вы, Сигурд Оттович, в своем как всегда блестящем вступительном слове ни разу не упомянули сотрудничество Росархива и Археографической комиссии, я все же позволю себе напомнить всем присутствующим об этом. В кругу архивистов всегда существовало и существует уважение к тому, что делала и делает Археографическая комиссия. И не только простое уважение. Многие издания комиссии, названные в выступлении Сигурда Оттовича, – результат совместной деятельности архивистов и сотрудников комиссии. Это дает мне основание с особым чувством от всех архивистов страны поздравить вас с юбилеем.

И что пожелать? Сегодняшнее наше время – время очень пугливое. Оно заставляет не только импровизировать для получения наилучшего результата, но и нередко совершать ошибки как результат скоропалительных решений. Слава Богу, что во всех административных преобразованиях современности Российская академия наук пока остается эдаким бастионом, который плавно обтекают волны нововведений. Но рано или поздно жизнь потребует изменений. Мне бы хотелось пожелать, чтобы такие изменения применительно к Археографической комиссии носили не революционный, а модернизационный характер, нацеленный на главное – еще более успешную разработку Археографической комиссией проблем, связанных с одним из главных изобретений человечества – документа как исторического источника.

Живите пусть трудно, но долго.

М.М. ГОРИНОВ

Дорогой Сигурд Оттович, дорогой Сергей Михайлович, дорогие сотрудники Археографической комиссии! Позвольте мне от лица коллектива Главного архивного управления г. Москвы поздравить Вас со славным юбилеем. Наш начальник, Владимир Александрович Маныкин, к сожалению, не смог присутствовать на сегодняшнем торжестве, но он просил меня передать Вам его искреннее восхищение Вашей подвижнической деятельностью на поприще собирания, сбережения и введения в научный оборот уникальных архивных документов.

Дорогие коллеги! Есть хорошая русская поговорка – “Не стоит село без праведника”. А святоотеческая традиция свидетельствует – не настанут

последние времена, пока молится за погрязший в грехах мир хотя бы один по-настоящему святой человек. И вот таким “святым удерживающим” в нашем суетном мире, мире исторической науки и архивоведения, и является, на мой взгляд, Археографическая комиссия.

Все вы помните интереснейшее время конца 1980-х – начала 1990-х годов, когда стали открываться архивы, а печать, в том числе массовую, буквально захлестнул шквал публикаций архивных документов. Одновременно произошла смена господствующей идеологической парадигмы, породившая срочный “социальный заказ” на ее документальное обоснование. В те же годы издательское дело все больше коммерциализировалось, вследствие чего “в формате” оказался весьма ограниченный круг тем, раскрывавшихся зачастую поверхностно. Издатели экономили не только на времени подготовки публикаций и научно-справочном аппарате, но даже на корректорах. Параллельно произошел обвал в финансировании фундаментальной науки. И, как итог выше изложенного, возникла угроза вульгаризации отечественной археографической культуры.

И вот в этой весьма непростой, “переломной”, во всех значениях данного слова, ситуации для российских историков и архивистов было очень важно видеть, чувствовать, знать, что, вопреки всему, “назло врагам”, в противовес господствующим тенденциям, существует и подвижнически трудится небольшой высокопрофессиональный коллектив Археографической комиссии. Это поистине когорта праведников от науки, не подвластных конъюнктуре, высоко держащих планку публикаторской культуры, научной чести и достоинства; профессионально-нравственный эталон, с которым, пока он существует, каждый историк и архивист волей-неволей соотносит качество своей работы, своего профессионального и человеческого поведения.

Главархиву Москвы посчастливилось осуществить ряд совместных проектов с Археографической комиссией, и это стало для нас той школой, уроки которой помнишь всю жизнь.

Дорогие друзья! Хочу пожелать Вам крепкого здоровья, стойкости, творческого дерзания, побольше талантливой молодежи, такой, как А.В. Мельников, которого, пользуясь случаем, поздравляю с только что успешно защищенной кандидатской диссертацией.

Спасибо за то, что Вы есть! Верю, что Вы будете всегда! Вы очень нужны русской науке!

Р.Г. ПИХОЯ

Мое знакомство с Археографической комиссией относится к уже далекому 1973 г. Комиссии суждено было возглавить даже не научное направление, а, как выяснилось позже, своего рода общественное движение, связанное со спасением памятников древней письменности, то, что стало именоваться полевой археографией. Интерес к этому роду деятельности совпал с массовым движением по охране памятников. И Археографическая комиссия благодаря традициям, заложенным ее отцом-основателем М.Н. Тихомировым, в годы Гражданской войны спасавшим рукописи в Поволжье, а также научной смелости С.О. Шмидта, его способности расширить самое понятие археография, задала тот импульс, который вызвал к жизни жаркие споры о природе такого явления, как полевая археография.

Однако ученые споры – спорами, а на комиссии оказалась непростая работа по организации полевых археографических исследований по стране. Честно говоря, сейчас меня поражает та отвага, с которой комиссия действовала. Это создание сети отделений Археографической комиссии – на Северо-Западе, в Поволжье, на Урале и в Сибири. Это выдача так называемых “открытых листов” на право проведения полевых археографических исследований на бланке комиссии с размашистой подписью ученого секретаря комиссии В.А. Черных. Замечу, что письма эти, даже без печати (ее нет у комиссии и по сию пору) безоговорочно принимались всеми властями на местах.

Комиссия не только регулировала – она и прямо, и косвенно способствовала развитию археографии, источниковедения, архивоведения в России – в Сыктывкаре и Ярославле, Свердловске и Перми, Новосибирске и Ленинграде. Она инициировала организацию конференций, выставок, публикаций, представляя возможность провинциальным ученым издаваться на страницах “Археографического ежегодника” – одного из самых уважаемых научных изданий в области источниковедения и археографии.

Отдельная тема – атмосфера Археографической комиссии – теплая, согретая заботой ее председателя тех лет Сигурда Оттовича Шмидта о его бесчисленных учениках, об археографах, которые собирались вокруг комиссии, людей разных, представлявших свои научные центры, но объединенных вокруг единого дела – спасения и исследования древнерусской книжности. С удовольствием вспоминаю своих коллег В.П. Бударagina, А.А. Амосова, Н.Ю. Бубнова, И.В. Поздееву, Н.Н. Покровского Е.И. Дергачеву-Скоп, то время, когда самому пришлось работать в составе Уральской археографической экспедиции.

Конечно, деятельность комиссии не сводилась к полевой археографии, но мне хотелось отметить именно эту строку в летописи деятельности Археографической комиссии.

А.В. ДАДЫКИН

От лица коллектива Археографической лаборатории исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова хочу поздравить Председателя и всех сотрудников Археографической комиссии РАН с замечательным юбилеем. На всех этапах своей деятельности Лаборатория встречала постоянную и многогранную поддержку со стороны Археографической комиссии. Речь идет, во-первых, о методической помощи – незаменимых справочниках и пособиях, изданных Комиссией и активно используемых для преподавания ряда специальных исторических дисциплин. Во-вторых, о поддержке административной, благодаря которой Лаборатории удалось инициировать и на протяжении многих лет вести полевые исследования традиционной книжной культуры в ряде регионов страны.

Без всемерной поддержки со стороны Археографической комиссии была бы невозможна также программа региональных описаний кириллических книжных памятников, координируемая и осуществляемая Лабораторией совместно с учреждениями-хранителями книг на местах. Речь идет об описании тысяч кириллических книг XVI–XVIII вв. в государственных архивах, музеях, библиотеках, высших учебных заведениях, а также о ведущейся в процессе этих описаний подготовке местных специалистов в области кириллической книжности. Тот факт, что уже в трех субъектах Российской Федерации – Тверской, Ярославской областях и Пермском крае – удалось

преодолеть ведомственные барьеры, убедить Администрацию, чиновников, отвечающих за развитие науки и культуры, руководителей учреждений-хранителей в необходимости и ценности этих работ – во многом заслуга Археографической комиссии РАН, которая на всех этапах программы помогала и продолжает помогать Археографической лаборатории МГУ.

От коллектива Лаборатории передаю юбилярам небольшой подарок, иллюстрирующий направления нашей работы. Первые две книги представляют результаты упомянутой выше региональной программы описания печатной кириллицы. Это каталоги: “Кириллические издания XVI–XVII вв. в хранилищах Пермской области” (Пермь, 2003. 488 с.) и “Кириллические издания Ростово-Ярославской земли. 1493–1652 гг.” (Ярославль; Ростов Великий, 2004. 631 с.). В третьей книге – сборнике статей “The Trinity-Sergius Lavra in Russian History and Culture” (Jordanville, 2005) – публикуется исследование создателя и многолетнего руководителя Археографической лаборатории МГУ Ирины Васильевны Поздеевой (с. 307–353), посвященное результатам описания кириллических книг современного собрания Московской духовной академии и семинарии.

Вслед за моими предшественниками на этой трибуне хочу пожелать Археографической комиссии РАН всего самого лучшего, новых находок, блестящих публикаций и успехов в научной деятельности. Просто поразительно, как такому небольшому коллективу удается выполнять столь многоаспектную, многообразную и чрезвычайно качественную научную работу!

А.Д. ЯНОВСКИЙ

Наверное, было бы крайне несправедливо, если бы сегодня не прозвучали поздравления от Государственного Исторического музея, поскольку ГИМ всегда очень тесно сотрудничал и с Институтом российской истории, и с Институтом славяноведения и балканистики, и с Археографической комиссией, и со многими научными учреждениями страны, не говоря уже об МГУ им. М.В. Ломоносова, выпускники которого составляют практически три четверти сотрудников Исторического музея. Наконец, само имя выдающегося историка, академика Михаила Николаевича Тихомирова для ГИМ очень много значит. Человек, который отдал столько сил, знаний, времени и энергии, работая в 1930-е годы в Отделе рукописей Исторического музея, по сей день остается для нас фигурой знаковой и исключительно уважаемой. Он и впоследствии, став маститым ученым, постоянно и внимательно следил за всеми успехами и находками музейных сотрудников, бескорыстно и старательно консультировал их, делил с ними все радости и печали.

Сам я представляю отдел более молодой, нежели Отдел рукописей – Отдел письменных источников, который, правда, тоже в 2002 г. отметил свое 90-летие. Более того, хотя это и чистое совпадение, но у нашего музея, как выясняется, с Археографической комиссией общий праздник. Дело в том, что 12 апреля 2006 г. после многолетнего капитального ремонта ГИМ наконец-то закончил и открыл свою новую постоянную экспозицию. А 13 апреля, только 50 лет назад, возникла Археографическая комиссия. Так что день рождения нашей современной экспозиции почти совпадает с днем основания Археографической комиссии (а полувековая разница для истории – всего лишь миг).

Кроме всего прочего, у меня есть личные основания нежно относиться к Археографической комиссии: ведь я ее ровесник (родился в том же 1956 г.,

правда, на три месяца позже). Все это во многом объясняет большие симпатии нашего музея и мои лично к Сигурду Оттовичу Шмидту, Сергею Михайловичу Каштанову, ну и, конечно же, ко всем замечательным и верным сотрудникам Археографической комиссии в целом. И я от души надеюсь, что самые лучшие подарки, самые добрые поздравления – это продолжение нашего полезного и плодотворного сотрудничества, потому что ГИМ имеет предложения для будущих публикаций. Кстати, многие из интереснейших изданий, представленных на небольшой импровизированной книжной выставке в этом конференц-зале, подготовлены на базе ГИМовских источников, как и только что вышедший том Лицевого летописного свода, презентация которого с успехом прошла всего неделю назад в Историческом музее.

Нет ни малейшего сомнения в том, что отмечающая сегодня свой 50-летний юбилей Археографическая комиссия будет, к нашей общей радости, и в дальнейшем активно продолжать работать, всячески способствуя возвращению из небытия и вводу в научный оборот все новых и новых ранее не публиковавшихся исторических источников. Так было, есть и так будет впредь!

Еще раз всем вам большое спасибо и самые искренние поздравления от сотрудников Исторического музея.

А.Г. ГОЛИКОВ

Сегодня Археографическая комиссия, основанная академиком М.Н. Тихомировым, отмечает свое 50-летие. И конечно же в этот день в адрес юбиляра должно прозвучать поздравление от Московского университета – от исторического факультета, деканом которого был Михаил Николаевич, и от кафедры источниковедения, которую он создал.

За полвека определились и прошли апробацию многие формы нашего сотрудничества. В МГУ преподается специальный курс археографии. В начале 1970-х годов Иван Дмитриевич Ковальченко активно поддержал организацию в Московском университете полевых археографических исследований. В составе кафедры источниковедения была создана археографическая группа, которую возглавила Ирина Васильевна Поздеева. За три десятилетия это подразделение кафедры выросло в научный центр, имеющий мировую известность. В 2002 г. на его базе образована межкафедральная археографическая лаборатория. С середины 1990-х годов Археографическая комиссия РАН и кафедра источниковедения МГУ регулярно участвуют во всероссийских научных конференциях “Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе”, которые организуют Росархив и Российское общество архивистов. Синтез источниковедения и археографии постоянно представлен в статьях и публикациях документов в “Археографическом ежегоднике” – издании, которое уже давно стало одним из наиболее авторитетных в отечественной и мировой исторической науке.

Юбилярам принято желать успехов и долголетия. Плодотворная деятельность академической Археографической комиссии во многом определялась и определяется высоким научным авторитетом и человеческой мудростью ее руководителей: Михаила Николаевича Тихомирова, Виктора Ивановича Шункова, присутствующих сегодня в этом зале Сигурда Оттовича Шмидта

и Сергея Михайловича Каштанова. Желаю Археографической комиссии, ее руководителям, всем сотрудникам творческого долголетия.

Многие лета, Сигурд Оттович и Сергей Михайлович!

А.Л. ХОРОШКЕВИЧ

За те 50 лет, что существует Археографическая комиссия, я наконец поняла пользу археографии – к сожалению, когда Михаил Николаевич Тихомиров приглашал меня работать в это учреждение, я отказалась, не понимая, что такое археография. Вот такой позорный факт в моей биографии по окончании университета и, более того, по окончании аспирантуры. Но я хотела бы сказать о роли Михаила Николаевича для развития этой отрасли науки. Тут говорили о разных регионах, о подъеме там археографической работы, а я бы хотела еще напомнить, что Михаил Николаевич оказал воздействие на нее далеко за пределами современной России, и в частности в Белоруссии.

Хотелось бы еще раз повторить то, что всем хорошо известно. Михаил Николаевич добился того, чтобы Николай Николаевич Улащик был принят в институт (тогда Институт истории СССР), обратившись в Президиум АН СССР. В результате Н.Н. Улащик смог написать, по-моему, совершенно замечательную работу о развитии археографии в Белоруссии. По этой работе сейчас учится все студенчество теперешней соседней страны. Н.Н. Улащик, согласно программе М.Н. Тихомирова, подготовил 2 тома белорусско-литовских летописей.

Роль Михаила Николаевича в истории археографии Белоруссии поэтому нельзя забывать. И традиции, заложенные Михаилом Николаевичем, живы и сейчас в Белоруссии. В ней используют археографический опыт Михаила Николаевича и более молодого поколения его последователей. Я имею в виду Сергея Михайловича Каштанова, археографические идеи которого в Белоруссии развивают ученые новейшего поколения. Порой, правда, дело доходит до абсурда – попытка передать все нюансы палеографии, заменив тем самым фотокопию, думается, обречены на провал. Однако сам факт преемственности традиций российской науки на постсоветском пространстве достоин особого внимания. Хотелось бы, чтобы международные связи Археографической комиссии крепили и в дальнейшем. Желаю обоим председателям Комиссии и всему коллективу творческих успехов, творческого подъема на долгую жизнь.

Н.И. ХИМИНА

Сегодня в этом торжественном собрании, посвященном юбилею Археографической комиссии, много раз произносились слова: память, традиции, преемственность. Вся настоящая деятельность Археографической комиссии посвящена именно этому.

М.Н. Тихомиров, возродивший Комиссию, старался продолжать традиции прежней Археографической комиссии, идеи и планы ее последнего руководителя, академика С.Ф. Платонова, руководившего ею в 1919–1929 гг. Глубокоуважаемые председатели Комиссии, ее члены и сотрудники следуют программе, намеченной М.Н. Тихомировым. Археографическая комиссия выполнила значительную работу по координации научных исследований и подготовке трудов, о которых сегодня говорили выступающие. Очень много сделано в плане изучения творческого наследия М.Н. Тихомирова, для понимания значения и вклада в науку других выдающихся предста-

вителей исторической науки. 31 марта 1992 г. в Москве прошло знаменательное заседание Археографической комиссии, посвященное 75-летию образования Союза российских архивных деятелей, разработавшего под руководством его председателя академика А.С. Лаппо-Данилевского программу реорганизации архивного дела в России.

Трудно переоценить значение авторитетного периодического издания, каким является “Археографический ежегодник”. На его страницах в разные годы опубликованы научные статьи историков, архивистов по важнейшим проблемам археографии, источниковедения, архивоведения, смежных научных дисциплин. В 1990-е годы последовали публикации так называемых “юбилейных” статей, познакомивших научное сообщество с наследием М.Н. Тихомирова, деятельностью графа С.Д. Шереметева на посту председателя Императорской Археографической комиссии, многосторонней деятельностью Д.Б. Рязанова, в том числе на посту первого руководителя Главного управления архивным делом (ГУАД), А.Е. Преснякова и его работой в Петроградском отделении ГУАД, Н.Л. Рубинштейна и др.¹

Специальное заседание АК, а затем и выпуск ежегодника, были посвящены 75-летию со дня кончины академика А.С. Лаппо-Данилевского, на котором прозвучали слова ее председателя С.О. Шмидта, что организация заседания – “несомненное свидетельство, что творения выдающегося историка-мыслителя начала XX в. возвращаются к нам”². Это нашло подтверждение в статье О.М. Медушевской, отметившей серьезный вклад А.С. Лаппо-Данилевского и в исследования смежных областей – археографии и архивоведения, а также в реорганизацию архивного дела в России.

Нельзя не упомянуть и об участии АК и ее председателя С.О. Шмидта в заседаниях уже ставших регулярными научных конференций “Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе”, проводимых с 1994 г. Росархивом и ВНИИДАД совместно с АК, на которых обсуждаются важные и актуальные проблемы и перспективы дальнейшего развития этих дисциплин. От лица коллектива ВНИИДАД хотелось бы пожелать сотрудникам АК и редакции АЕ дальнейших успехов.

В адрес Археографической комиссии поступили приветствия от сибирских и уральских археографов, сотрудников ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН, Российской национальной библиотеки, украинских архивистов:

Дорогие коллеги!

Полвека плодотворной деятельности Археографической комиссии РАН во многом определили пути и богатые результаты исследования в нашей стране рукописного и старопечатного наследия славянских, да и не толь-

¹ К 150-летию со дня рождения Императорской Археографической комиссии графа С.Д. Шереметева // АЕ за 1994 год. М., 1996. С. 178–183; Шмидт С.О. К юбилею Д.Б. Рязанова // АЕ за 1995 год. М., 1997. С. 35–47; Чирков С.В. А.Е. Пресняков – археограф и архивист: (К 125-летию со дня рождения) // Там же. С. 29–34; Шмидт С.О. Судьба историка Н.Л. Рубинштейна // АЕ за 1998 год. М., 1999. С. 202–228.

² Шмидт С.О. А.С. Лаппо-Данилевский на рубеже эпох // АЕ за 1994 год. М., 1996. С. 229–238. Медушевская О.М. Методология истории А.С. Лаппо-Данилевского и современное гуманитарное познание // Там же. С. 238–255.

ко славянских культур. И для судеб отечественной гуманитарной науки важнейшим явился тот факт, что в глубине самых антихристианских советских времен нашелся достаточно смелый ученый, академик М.Н. Тихомиров, сумевший воспользоваться переменчивыми обстоятельствами, чтобы выдвинуть, доказать и осуществить идею необходимости создания особой научной структуры, предметом изучения которой в большинстве своем должна была стать христианская книжность. Энциклопедичность научных интересов М.Н. Тихомирова и его преемников – В.И. Шункова, С.О. Шмидта, С.М. Каштанова привели к широкому определению как исследовательских направлений деятельности Археографической комиссии, так и задач самой науки археографии.

Археографическая комиссия все годы своей деятельности в соответствии с концепцией ее основателя разрабатывала планы, координировала деятельность гуманитарных научных учреждений и сама вела научную разработку по таким направлениям, как поиск, выявление, научное описание, анализ (включая проблемы классификации), издание книжных памятников отечественной и сопредельных культур. Объединяя усилия видных специалистов по источниковедению, палеографии, филиграноведению, книговедению, Археографическая комиссия возглавила работу десятков научных организаций разных стран по созданию Сводного каталога славяно-русских рукописных книг. Осуществление этого огромного проекта принесло немало ценных научных открытий, и что не менее важно – существенное усовершенствование археографической методики.

Подобным образом целый ряд уникальных находок принесла другая излюбленная мысль М.Н. Тихомирова: о широком развертывании поиска памятников древнерусской книжности в регионах староверческой колонизации. Две экспедиции, отправленные Археографической комиссией из Москвы в Забайкалье и на Дальний Восток, подтвердили высокую перспективность такого поиска за Уралом. Организация нового археографического центра в Новосибирске – одно из последних добрых дел, которое успел сделать М.Н. Тихомиров. А привлечение к археографическому поиску сибирской студенческой молодежи, ее обучение на подлинных манускриптах, стало возможным благодаря щедрому дару Михаила Николаевича, передавшего Сибирскому отделению АН СССР свою богатейшую коллекцию древних книг.

К развитию и защите сибирского археографического проекта (а он не раз нуждался в защите) неоднократно обращались С.О. Шмидт и Д.С. Лихачев.

Нельзя не отметить одного ценного пророчества Тихомирова. Он не раз подчеркивал и стремился осуществлять в деятельности АК мысль о принципиальном единстве методов анализа источников разных эпох, о важности многих принципов и приемов, выработанных средневековой археографией, для исследования документов и нарративных источников Нового времени. Научная важность этого подхода самым решительным и наглядным образом была продемонстрирована в наши дни, когда появились толпы публикаторов, стремящихся поскорее напечатать внезапно открывшиеся секретные материалы XX в., забыв о коренных принципах источниковедения и археографии и наполняя поэтому свои издания самыми немислимыми ошибками. То, что исторической науке удалось противопоставить подобным поделкам настоящие, подлинно академические издания источников XX в., в немалой мере связано с использованием традиций и мето-

дов, пять десятков лет наработывавшихся и совершенствовавшихся Археографической комиссией.

Мы желаем долгих лет и плодотворной научной жизни Археографической комиссии РАН, всем ее сотрудникам и членам, ее председателю С.М. Каштанову. В особенности же – ее почетному председателю, неумимо С.О. Шмидту, почти 40 лет энергичной своей деятельностью объединявшего археографов страны, донныне являющегося генератором многих ценных научных идей и начинаний.

Сибирские археографы: Н.Н. Покровский, Е.К. Ромодановская, Н.С. Гурьянова, О.Д. Журавель, Л.И. Журова, Н.Д. Зольникова, А.П. Крахмальников, Н.П. Матханова, Т.В. Панич, Л.В. Титова, А.Х. Элерт.

Участникам Тихомировских чтений 2006 года,
посвященных 50-летию
Археографической комиссии Российской академии наук
Руководству и сотрудникам Археографической комиссии РАН

Дорогие коллеги!

Примите самые искренние поздравления со славным 50-летним юбилеем Археографической комиссии РАН от археографов Урала.

Целенаправленная и плодотворная деятельность Археографической комиссии по выявлению, научному описанию и публикации памятников письменности послужила мощным стимулом к разворачиванию археографических поисков и широкой публикации документов в разных регионах России, в том числе на Урале.

Образование в 1970 г. Уральского отделения Археографической комиссии АН СССР открыло новые возможности для поисков и публикации исторических источников в нашем крае. Организованная в 1974 г. по инициативе Р.Г. Пихои археографическая экспедиция Уральского государственного университета собрала более пяти тысяч кириллических старопечатных книг и рукописей XV–XX вв., создав тем самым уникальную источниковую базу для историко-культурных, филологических, музыковедческих и источниковедческих исследований.

Сложившаяся в Свердловске (Екатеринбурге) археографическая школа подготовила десятки специалистов высокой квалификации, в том числе 4 докторов и 14 кандидатов наук, работающих в вузах, библиотеках и музеях Екатеринбурга, Перми, Челябинска, Москвы и других городов России. Ими изданы десятки индивидуальных и коллективных монографий, сборников статей и томов описаний памятников письменности Урала и сопредельных регионов.

Благодаря деятельности археографов целые пласты отечественной культуры, прежде всего связанные с деятельностью старообрядцев, введены в научный оборот, стали доступны нашим соотечественникам, без чего невозможно целостное восприятие отечественной культуры во всем ее богатстве и многообразии проявлений.

В этот день мы с благодарностью вспоминаем всех тех, кто стоял у истоков отечественной археографии, чей высокий профессионализм и не менее высокие человеческие качества вывели археографические исследования на уровень, соответствующий требованиям академической науки и заслуживший признание исследователей во всем мире.

Дорогие коллеги, в связи с юбилеем объединяющей всех нас, глубоко почитаемой и любимой нами Археографической комиссии примите пожелания новых творческих успехов и открытий на благо отечественной науки и культуры, на благо нашей России.

От имени и по поручению уральских археографов,

А.Г. Мосин,
председатель Уральского отделения
Археографической комиссии РАН,
доктор исторических наук

31 мая 2006 г.
г. Екатеринбург

АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ РАН

Научного искания стезя
В археографии однажды воплотилась...
В том воля царская была
и Божья милость,
Условность даты отрицать нельзя,
Но что-то в обществе тогда же пременялось.

Возникшее понятие о том,
Что есть археография по сути,
Всех убедило... Но настали “жути”,
Архивных премещений вдруг “содом”,
Где жгут, там археограф “сейминутен”!

И памятен нам Малышев В.И.,
Сбиратель, описатель и воитель,
За те связующие, трепетные нити,
Вне коих беспредметны наши дни,
Пиджак ты носишь, форменный ли китель.

Коллеги! Поздравляем нынче Вас,
Содевших изрядно в лета оны,
Вне императорской давно уже короны...
Какой вам “карбас” или же “баркас”
В морях архивных видится пригодным?

Древники Пушкинского Дома
30.05.2006

Дорогие коллегии!

Сердечно поздравляем вас с 50-летием Археографической комиссии и открытием юбилейных Тихомировских чтений!

Деятельность Археографической комиссии, направленная на исследование проблем археографии, архивоведения, палеографии, кодикологии, филиграноведения и других историко-филологических дисциплин, связанных с изучением рукописей, научным описанием памятников письменности на русском и других славянских языках, широко известна в России и в мире. Осуществляемая Археографической комиссией координация иссле-

дований, ведущихся академическими научными учреждениями, вузами, архивами, библиотеками, музеями, а также координация в области исторического краеведения является важным фактором современного научного гуманитарного процесса. Регулярно издаваемый Комиссией с 1957 г. “Археографический ежегодник” как ведущее академическое издание по проблемам археологии, архивоведения и смежных историко-филологических дисциплин занимает достойное место на полках нашей Библиотеки.

Желаем вам дальнейших успехов на благородном поприще развития отечественной археологии!

Коллектив Российской национальной библиотеки

Дорогие коллеги, друзья, собраты по цеху!

В день 50-летнего юбилея Археографической комиссии Российской академии наук шлем наши искренние поздравления и наилучшие пожелания.

Основание Археографической комиссии стало олицетворением “времен связующей нити” и возродило уникальные традиции дореволюционной славистики, связанные с развитием широкого круга академических дисциплин, — дисциплин, предметом которых является Источник — Документ, Памятник, Текст.

В творческой лаборатории археологов и источниковедов шлифовались тончайшие инструменты источниковедческих исследований, без которых инструментарий современной исторической науки был бы скудным и неполным.

Воссоздание Археографической комиссии породило плеяду замечательных личностей, которые во второй половине прошлого века не просто выступили творцами нового исторического знания в области специальных исторических дисциплин, но и обеспечили удержание на вершинах науки тихомировского детища — “Археографического ежегодника”, ставшего знаковым явлением российской — и европейской — исторической науки и представляющего фундаментальные теоретические исследования в области дисциплин источниковедческого цикла.

Российская Археографическая комиссия в лице ее главы — Сигурда Оттовича Шмидта — стала крестным отцом для украинской археологии, поддержав своим авторитетом, советом и добрым словом нашу Археографическую комиссию, а впоследствии — и Институт украинской археологии и источниковедения Академии наук Украины в нелегкие времена их становления. А Ежегодник всегда гостеприимен к добросовестным, в том числе и украинским, авторам.

Ныне птенцы “шмидтового гнезда” — архивисты, археологи и источниковеды высочайшего уровня — разлетелись по обширному пространству ушедшего в историю государства, увлеченно работают, руководят целыми отраслями и направлениями, поддерживают и умножают все то, что они получили в свое время в этой уникальной школе.

Склоняем в почтении головы перед патриархом современной археологии, жмем руки коллегам и желаем всем вам — многая лета!

С глубоким уважением,
От имени архивистов Украины,

Геннадий Борjak
30 мая 2006 г.

С.В. Мироненко

**РОЛЬ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ РАН
В РАСШИРЕНИИ ИНФОРМАЦИИ О СОСТАВЕ
И СОДЕРЖАНИИ АРХИВНЫХ ФОНДОВ**

Одним из приоритетных направлений деятельности Археографической комиссии является введение в научный оборот информации о составе и содержании архивных фондов, отражающих разнообразные аспекты истории России. В течение почти пятидесяти лет (с 1957 г.) неизменной остается основная структура “Археографического ежегодника”, где раздел “Обзоры, описания, библиография” занимает почетное второе место после раздела “Статьи”. За эти годы в разделе было опубликовано более 270 обзоров фондов и статей, посвященных описанию архивов, отдельных фондов, собраний рукописей. Центральное место среди опубликованных в “Археографическом ежегоднике” материалов занимают обзоры как центральных (их более 80), так и местных – московских, петербургских, краевых и областных архивов (более 50), Архива Академии наук (35), ОР и ОПИ ГИМ (более 20), ОР РГБ (27), а также ОР РНБ, ИРЛИ, ИРИ РАН, архивов МГУ и МГИАИ, рукописных отделов различных музеев, библиотек, научных учреждений.

Среди обзоров архивов следует выделить статью М.Н. Тихомирова “Значение документальных богатств ЦГАДА для советской исторической науки” (АЕ за 1965 год), обзор Л.Н. Меньшикова “Дальневосточные и центральноазиатские рукописные фонды Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (очерк археографических работ)”, содержащий очень подробное описание китайских, корейских, маньчжурских, тибетских, японских, центральноазиатских фондов (АЕ за 1970 год), статьи Л.Н. Вдовиной, А.Г. Кузьмина, А.А. Севастьяновой “Обзор рукописного собрания Рязанского областного краеведческого музея” (АЕ за 1978 год), Л.А. Быковой “Хранилище частных архивов (Хранчасар) в Москве” в АЕ за 1993 год, А.В. Добровской, И.Ю. Горбунова и С.В. Мироненко “Государственный архив Российской Федерации: история формирования и комплектования (1920–1995)” (АЕ за 1995 год) и др.

Широко представлены в ежегоднике обзоры отдельных фондов из различных архивохранилищ. Это и обзоры фондов высших органов государственного управления: статьи Н.П. Дятловой, Р.Ю. Мацкиной “Обзор фонда Совета министров (ЦГИА СССР)” в АЕ за 1958 год, где дана краткая историческая справка о фондообразователе и о фонде (состав дел, структура), а также содержится подробная характеристика отложившихся в фонде документальных материалов; Н.Б. Шеламановой “Состав документов Посольского приказа и их значение для исторической географии России XVI века: (По материалам фонда Сношений России с Польшей ЦГАДА)” в АЕ за 1964 год; и обзоры фондов местного управления (Широков В.А. “О материалах фонда Крымского революционного комитета” в АЕ за 1964 год);

обзоры фондов по истории Русской православной церкви (Наспер Г.М. “Краткий обзор документальных материалов XVII–XVIII вв. из бывшего архива Синода” в АЕ за 1959 год; Четкин А.А. “Материалы фонда Московского кафедрального Чудова монастыря (1861–1917)” в АЕ за 1997 год); обзоры фондов научных обществ (статьи В.Ю. Коровайникова “Историко-краеведческие материалы в фонде Ярославского естественно-исторического и краеведческого общества” в АЕ за 1982 год, А.Д. Тельчарова “Фонд Владимирской ученой архивной комиссии” в АЕ за 1984 год, Г.С. Баранковой “Материалы Московского лингвистического кружка в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН” в АЕ за 1997 год, О.И. Малышева и В.П. Ярошецкой “Документы Пушкинского общества (1931–1952) в фондах ЦГАЛИ СПб.” в АЕ за 1999 год и др.); обзоры иностранных фондов, хранящихся в отечественных архивохранилищах, среди которых следует упомянуть статью С.Н. Искюля “Вестфальский архив в Государственной Публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина” (АЕ за 1971 год), где описан один из крупнейших и наиболее интересных архивных фондов в нашей стране по истории Западной Европы, отражающий деятельность органов полиции Вестфалии, образованных Наполеоном в 1812–1813 гг.

В ежегоднике постоянно публикуются описания и перечни рукописей, хранящихся в составе одного фонда или одного архивохранилища, а также рукописей определенного вида или определенной тематики, хранящихся в разных местах. Таковы статьи Т.Н. Протасьевой “Столбцы Синодального собрания” [ОР ГИМ] (АЕ за 1959 год), М.В. Щепкиной, Т.Н. Протасьевой, Л.М. Костюхиной, В.С. Голышенко “Описание пергаментных рукописей Государственного Исторического музея” (АЕ за 1964 и 1965 годы), К.Г. Боленко, Н.А. Кобяк, А.Л. Лифшица «Русские рукописные книги в Государственном музее-усадьбе “Архангельское”» (АЕ за 2002 год).

Целый ряд статей посвящен описанию иностранных рукописей в хранилищах России: В.М. Загребина “Сербские рукописи из собрания М.П. Погодина” [в ОР ГПБ] (АЕ за 1973 год), В.А. Мошина “Южнославянские рукописи в архиве Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР” (АЕ за 1973 год), Е.Э. Гранстрем “Описание рукописей латинского алфавита Библиотеки АН СССР” (АЕ за 1981 год), В.И. Мажуги “Описание латинских рукописей V–XII вв. в ГПБ” (АЕ за 1988 год), В.Н. Малова “Западные рукописи в провинциальных хранилищах России” (АЕ за 2000 год). Не меньшее внимание уделено в ежегоднике описанию русских и славянских рукописей в зарубежных архивах и архивах других республик, ранее входивших в состав СССР. Это статьи Ю.К. Бегунова “Обзор собраний древнерусских рукописных книг города Риги” (АЕ за 1961 год), Л.В. Черепнина “Славянские и русские рукописи Парижской национальной библиотеки (Краткий обзор)” (там же), В.И. Малышева “Рукописные книги Сыктывкарского республиканского музея Коми АССР” (АЕ за 1962 год), А.В. Флоровского (Прага) “Из материалов по истории России эпохи Петра I в чешских архивах” (АЕ за 1967 год). Г.Г. Мирзояна “Древнерусские рукописи в г. Баку” (АЕ за 1970 год), Х. Мейера (Нидерланды) “Славянские рукописи Лейденской университетской библиотеки в Нидерландах” (АЕ за 1977 год).

Широко представлены в ежегоднике тематические обзоры материалов, хранящихся в различных государственных хранилищах, либо в различных фондах одного архива. Их около 50. Уже в 1957 г. в одном выпуске были напечатаны “Обзор документов Астраханской приказной палаты о русско-индийской торговле последней четверти XVII века” Р.В. Овчинникова по материалам Архива ЛОИИ и “Обзор материалов по истории донского казачества XVIII–XIX веков, хранящихся в Государственном архиве Ростовской области” А.П. Пронштейна. В статье Е.Э. Гранстрем и И.П. Медведева “Рукописные материалы по аграрной истории Византии в собраниях Ленинграда” (АЕ за 1968 год) дан обзор сборников из ОР ГПБ, содержащих 190 византийских документов XIII–XVIII вв., и сборника из ОР БАН, содержащего 10 византийских документов о поземельных отношениях в Византии XIV в., а также материалов из архива В.Э. Регеля и других русских византистов. В статье Г.И. Вздорнова “Архивные материалы по истории древнерусского искусства” рассматриваются материалы о новгородских фресках XIV в. в церкви Феодора Стратилата и материалы по истории борьбы за сохранение исторического ландшафта близ Нередицы в архиве Новгородского историко-архитектурного музея-заповедника (АЕ за 1974 год). В статье Н.В. Кирющенко “Обзор материалов по истории Великой Французской революции и международных отношений последнего десятилетия XVIII в. в архиве Воронцовых” дан обзор материалов в ЛОИИ, Библиотеке Одесского университета, БАН (АЕ за 1989 год). В статье А.Ю. Дубинского “Данные архивов духовных учебных заведений по генеалогии православного духовенства XIX – начала XX века” обобщены материалы, сохранившиеся в фондах Московской и Вифанской духовных семинарий, хранящихся в Центральном историческом архиве г. Москвы, а также в фонде этих семинарий в ОР РГБ (АЕ за 2004 год).

Отдельную группу составляют материалы, посвященные комплектованию фондов хранилищ и дающие информацию о новых поступлениях. Это статьи В.В. Лукьянова “Пополнения коллекции рукописей Государственного архива Ярославской области” (АЕ за 1977 год), В.П. Бударагина, А.И. Копанева, М.В. Кукушкиной “Источники и пути комплектования ленинградских хранилищ рукописными и старопечатными книгами” (АЕ за 1986 год), Н.С. Зелова “Комплектование ЦГАОР СССР в 1975–1986 гг. документами участников Великой Октябрьской социалистической революции и борьбы за советскую власть” (АЕ за 1987 год), Г.Н. Курбанова “Новые поступления Бухарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника” (АЕ за 1988 год), С.В. Кожина “Комплектование документального фонда Центрального музея Вооруженных Сил СССР материалами по истории Великой Отечественной войны” (АЕ за 1989 год), упомянутая выше наша статья об истории формирования и комплектования ГАРФ, статьи Н.С. Зелова “Собирание и использование Государственным архивом Российской Федерации личных документов архивистов в 1992–2000 гг.” (АЕ за 2000 год), В.А. Сидоровой “Из опыта комплектования Государственного архива Российской Федерации личными фондами государственных, политических и общественных деятелей СССР и России” (АЕ за 2002 год). Следует отметить, что среди этих публикаций целых четыре статьи о пополнениях фондов ГАРФ. К статье Н.С. Зелова о комплектовании ЦГАОР в 1975–1986 гг. фондами участников Октябрьской революции при-

ложен полезный перечень фондов этих деятелей в архивохранилище личных фондов.

Традиционно важное место занимают в ежегоднике публикации обзоров личных фондов, их в “Археографическом ежегоднике” напечатано более ста. Эта группа обзоров по своей многочисленности явно занимает первое место в ряду всех остальных материалов. Среди них на первом месте стоят обзоры фондов историков (А.И. Андреев, Н.П. Анциферов, Д.И. Багалея, Н.А. Бердзенишвили, М.М. Богословский, С.К. Богоявленский, Е.Г. Вейденбаум, С.Б. Веселовский, И.А. Голубцов, Ю.В. Готье, И.М. Гревс, Б.Д. Греков, М.В. Довнар-Запольский, С.В. Ешевский, И.Д. Ковальченко, Е.А. Косминский, А.С. Лаппо-Данилевский, Ш.М. Левин, М.К. Любавский, В.С. Люблинский, А.Н. Насонов, М.В. Нечкина, Р.А. Орбели, А.М. Панкратова, П.П. Парадизов, В.В. Пассек, М.Н. Покровский, А.Е. Пресняков, А.В. Предтеченский, В.И. Семевский, М.И. Смирнов, А.Н. Сперанский, К.Н. Тарновский, М.Н. Тихомиров, Н.В. Устюгов, В.И. Шунков, П.Е. Щеголев), в том числе историков, погибших в годы блокады Ленинграда, со списками их печатных трудов, краеведов (М.И. Александровский, А.Н. Вершинский, А.В. Смирнов, В.И. Смирнов, И.А. Смирнов, П.Н. Миллер, М.С. Померанцев, Н.А. Скворцов, К.А. Соловьев, Б.А. Шляев и др.), коллекционеров (Т. Багратиони, И.А. Шляпкин, Г.В. Юдин), архивистов и деятелей архивного дела (И.Л. Маяковский, В.В. Максаков, М.А. Оболенский, Е.Н. Ошанина, К.И. Рудельсон, Е.И. Самгина), искусствоведов (И.Э. Грабарь), литературоведов (И.П. Еремин, М.А. Цявловский), писателей (П.А. Лидов, К.М. Симонов, С.С. Смирнов), биолога Н.В. Тимофеева-Ресовского, географа И.Д. Лукашевича, ученого-энергетика Г.М. Кржижановского, генерала А.Я. Рудзевича, деятелей революционного движения (П.А. Кропоткин, Н.К. Крупская, Н.А. Чердынцев) и многих других деятелей русской науки, культуры и общественной жизни. Особенно подробно описано архивное наследие академика М.Н. Тихомирова, этому посвящены четыре обзора¹. К обзорам личных фондов относятся и описания семейных архивов: Болотовых (статья А.Л. Толмачева в АЕ за 1990 год), дворянского рода Поленовых (статья И.В. Савицкого в АЕ за 1998 год), Дувакиных (статья Д.Б. Спорова “Материалы семейного архива Дувакиных об охране дворцового имущества в г. Москве в 1917–1918 гг.” в АЕ за 2000 год), князей Юсуповых в Государственном музее-усадеб “Архангельское” (обзор Н.А. Шамшилиной в АЕ за 2002 год).

Примыкают к обзорам личных фондов и описания материалов одного лица в разных архивах. Среди этих статей – “Эпистолярное наследие В.И. Семевского в архивах Москвы и Ленинграда” Ю.М. Критского (Томск) (АЕ за 1970 год), “Эпистолярное наследие Ф.И. Буслаева в московских хранилищах” В.Ю. Афиани (АЕ за 1971 год), “Эпистолярное наследие академика А.А. Шахматова” М.А. Робинсона (АЕ за 1973 год), “Документальные материалы Н.А. Воскресенского в хранилищах Ленинграда и Москвы”

¹ *Рогов А.И., Покровский Н.Н.* Собрание рукописей академика М.Н. Тихомирова, переданное Сибирскому отделению АН СССР // АЕ за 1965 год. М., 1966. С. 162–174; *Старовойтова И.П.* Фонд М.Н. Тихомирова в Архиве АН СССР // АЕ за 1968 год. М., 1970. С. 304–315; *Она же.* Новые поступления в личный фонд М.Н. Тихомирова // АЕ за 1993 год. М., 1995. С. 29–32; *Курапова Е.Р.* Материалы М.Н. Тихомирова и о нем в личных фондах Архива РАН // Там же. С. 40–45.

Е.П. Федосеевой (АЕ за 1976 год), “Об архивном наследии П.Е. Щеголева” А.Г. Черешни (обзор личных фондов литературоведа в ЦГИА, ОР ИРЛИ, ОР ИМЛИ и его отдельных материалов в ЦГАЛИ, ГАРФ, Архиве Академии наук, ЛОИИ, ГБЛ, ГПБ) (АЕ за 1979 год), “Архивные материалы о И.Е. Забелине” А.Л. Тузова в АЕ за 1982 год (ЦГИА, ОПИ ГИМ, фонд Московской городской думы в ЦИАМ). В обзоре Л.А. Котлярской “Архивные материалы о жизни и деятельности П.А. Ровинского” (АЕ за 1986 год) речь идет о биографических документах из его личного фонда в СПбФА РАН, а также из ЦГИА и РО ИРЛИ. В статье П.А. Плюто “Документы А.А. Богданова (Малиновского) в архивохранилищах страны” (АЕ за 1991 год) рассматриваются разнообразные материалы, хранящиеся в РГАСПИ, Архиве РАН, РГАЛИ, ГАРФ, РГВИА, ГА Вологодской, Тверской, Калужской, Тульской и Харьковской обл. В.В. Астафьев (Казань) в статье “Историк Н.П. Загоскин и его материалы в архивах Казани” (АЕ за 2002 год) изучил фонд Казанской судебной палаты в Национальном архиве Республики Татарстан и отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки Казанского университета.

В ряде обзоров рассматриваются личные материалы, хранящиеся в различных фондах одного архивохранилища. А.Д. Зайцев дал обзор материалов академика Б.Д. Грекова в разных фондах ЦГАЛИ СССР (АЕ за 1982 год). О.И. Малышев (СПб.) дает подробную информацию о документах литературоведа Г.А. Гуковского в различных фондах ЦГАЛИ СПб. (АЕ за 2001 год). В.А. Сидорова опубликовала обзор материалов Д.Б. Рязанова в ГАРФ, хранящихся в фондах Наркомпроса СССР, Государственного ученого совета, РАНИОН (Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук) (АЕ за 2000 год).

К обзорам личных фондов следует отнести и тематические обзоры архивных материалов отдельных лиц, такие как “Обзор архивных материалов Н.К. Крупской о политико-просветительной работе” М.С. Андреевой (личный архив Крупской в ЦПА ИМЛ и касающиеся ее документы в различных фондах этого архивохранилища) (АЕ за 1969 год), “Материалы по истории Москвы и Московской области в личных фондах Н.А. Скворцова и М.И. Александровского” Е.Г. Авшарова (фонды москвоведов в ГБЛ и ОПИ ГИМ) (АЕ за 1975 год), “Материалы личного фонда А.М. Панкратовой о революции 1905–1907 гг.” Л.В. Бади (там же), «Материалы архива В.Я. Богучарского по истории журнала “Былое” (“Минувшие годы”)» М.Ф. Шумейко (АЕ за 1978 год), “Генеалогические материалы в архиве В.Л. Модзалевского” С.И. Белокопя (АЕ за 1979 год), статьи “О материалах по истории Тверского края в фонде И.И. Соколова” И.Л. Иоффе и Л.А. Логуновой (там же), “Материалы о преподавании вспомогательных исторических дисциплин в фонде А.Н. Сперанского” В.Н. Середы (АЕ за 1980 год), “Архивные материалы И.М. Гревса и Н.П. Анциферова по изучению города” О.Б. Враской (АЕ за 1981 год), “Материалы Великой Отечественной войны в фонде К.М. Симонова в ЦГАЛИ СССР” Н.Б. Волковой (АЕ за 1985 год), “Материалы по социально-экономической истории России XVIII в. в рукописном наследии Н.Л. Рубинштейна” И.В. Ковалева (там же), “Обзор пушкинских материалов М.А. Цявловского из фонда Цявловских в РГАЛИ” Е.А. Савостиной (АЕ за 1999 год) и др.

Понятно, что в рамках одного выступления невозможно охватить все публикации по данной теме, появившиеся на страницах “Археографического ежегодника”. Но даже сказанное свидетельствует о том огромном вкладе, который сделан за пятьдесят лет в расширении информационной базы о составе и содержании архивного фонда Российской Федерации Археографической комиссией. В статьях и обзорах, помещенных в ее ежегодниках, сделанных, как правило, на неизменно высоком уровне, читатель находит не только сведения о хранящихся в фондах рукописях, но и историю складывания данной коллекции, а иногда целую реконструкцию фонда. В научный оборот введено большое количество новых важных сведений о рукописях, до того известных только архивистам и узким специалистам, изучающим определенную тематику. География охвата рукописных хранилищ, обзоры которых напечатаны в ежегоднике, необычайно велика: помимо Москвы и Санкт-Петербурга – Новгород, Ярославль, Тверь, Вологда, Самара, Тула, Ростов, Минск, Киев, Харьков, Одесса, Бухара, Крым, Баку, Сыктывкар, Казань, Рига, Тарту, Варшава, Прага, Париж, Вашингтон. Авторы целого ряда статей, посвященных архивным фондам, делают серьезные научные выводы, касающиеся содержания рукописей и вносящие свой вклад в историографию. Нельзя не отметить большую роль многолетнего коллектива редакторов этого издания в ответственной и скрупулезной подготовке статей к печати. Особенно радуется, что последние, вышедшие в свет уже в XXI в., ежегодники отводят обзорам архивов и фондов и описаниям рукописей такую же важную роль, как это было и в предыдущие полвека.

Н.Ю. Бубнов

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ РАН

В 1956 г. усилиями академика Михаила Николаевича Тихомирова в Москве была возобновлена деятельность Археографической комиссии. Это, по-видимому, непростое деяние было в научном плане облегчено тем, что уже существовал значительный научный “задел” и богатые традиции деятельности такого учреждения. М.Н. Тихомиров, его талантливый преемник С.О. Шмидт и другие представители московской научной школы археологии возродили многочисленные направления деятельности дореволюционных археографов и продолжили их исследования.

Параллельно шло возрождение и возникновение новых провинциальных археографических центров, которым Комиссия оказывала постоянную поддержку и помощь. Естественно, что Ленинградское (ныне Санкт-Петербургское) отделение АК, сохранившее старые академические традиции и научную школу, было одно из первых, возрожденных к жизни. Деятельность Санкт-Петербургского отделения за минувшие полвека развертывалась по нескольким направлениям. Одним из главных, на наш взгляд, явилась собирательская деятельность по сбору и приобретению у населения древних рукописей и книг. По этому направлению Санкт-Петербург долгие годы явно лидировал. По предварительным подсчетам петербургскими археографами было собрано свыше 15 000 рукописей и старопечатных книг. Наилучшие

похвалы в этом важном деле заслужили Пушкинский Дом и Библиотека АН, а также Санкт-Петербургский государственный университет. Назовем основоположников и видных представителей петербургской “полевой” археографии: В.И. Малышев, В.П. Бударагин, Г. Маркелов, Г.М. Прохоров (ИРЛИ), Н.С. Демкова, А.Х. Горфункель (СПбГУ), А.И. Копанев, М.В. Кукушкина, А.А. Амосов, Л.А. Петрова (БАН). Новые находки старинных документов и текстов особенно важны потому, что они расширяют базу археографических исследований для грядущих поколений археографов. К тому же была воспитана и вошла в большую науку обширная плеяда археографов, многие из которых составляют ныне гордость отечественной науки.

Найденные книги и рукописи не лежали “мертвым грузом” в древлехранилищах Петербурга. Многие из них были подробно описаны и вошли в широкий научный обиход. Значительная часть была включена в систематическую серию БАН, состоящую ныне из девяти томов (14 книг). Недавно увидело свет прекрасное научное описание Мезенского собрания ИРЛИ, составленное Н.В. Савельевой, защитившей на его основе докторскую диссертацию. Многие новонайденные сочинения были опубликованы с соответствующими научными комментариями.

Следует упомянуть и помощь петербургских археографов вновь образованным археографическим отделениям в провинциях. Так, петербургские археографы тесно сотрудничали с уральскими, вологодскими, ярославскими, рижскими, сыктывкарскими археографами, участвуя в совместных археографических экспедициях, конференциях, изданиях, устраивая учебные семинары на базе хранилищ Санкт-Петербурга. Прекрасным памятником сотрудничества нескольких археографических центров является опыт работы над Вологодской программой, в результате реализации которой неформальный научный коллектив, созданный талантливым ученым А.А. Амосовым, осуществил научное описание всех письменных документов, хранящихся в архивах Вологодской области.

Петербуржскими археографами продолжается многоплановое изучение древнерусского и западноевропейского письменного наследия, хранящегося в библиотеках и архивах города. Назовем такие крупные проекты, как факсимильные издания: Радзивилловская летопись XV в. в БАН, Повесть о Куликовской битве по рукописи Лицевого свода; полный Лицевой свод в рамках совместного проекта с РНБ и ГИМ. В последние годы особенно расширилось изучение и реконструкция средневековых монастырских и личных библиотек. Сотрудником БАН С.П. Лупповым основана серия “Книга в России”, в рамках которой вышло 6 монографий по книжному делу в России в XI–XIX вв., а также сотни статей в ежегоднике с тем же названием. Изданы монографии З.В. Дмитриевой, посвященные описанию архива Кирилло-Белозерского монастыря, и И.Н. Лебедевой с подробным описанием хранящейся в БАН рукописной части Библиотеки Петра I. В БАН продолжается работа по реконструкции библиотеки Сийского монастыря, изучению Соловецкого и других крупных монастырских книгохранилищ и архивов. Появляются новые справочники: по определению старообрядческих изданий (А.Н. Вознесенского), сочинений Иоанна Златоуста (О.В. Творогов) и др.

Особо отметим грандиозный проект, инициированный Археографической комиссией под руководством М.Н. Тихомирова, по созданию

Сводного каталога всего рукописного наследия X–XVI вв., хранящегося в России и государствах СНГ. Уже вышло два тома этого издания. Вклад петербургских археографов в осуществление этого проекта представляет нам весьма значительным. БАН первым откликнулся на призыв АК обратить пристальное внимание хранителей на древнее наследие русской и славянских культур, выпустив под редакцией В.Ф. Покровской описание “Пергаменные рукописи БАН” (Л., 1976).

С появлением в Петербурге в 1967 г. археографического издания “Вспомогательные исторические дисциплины” возможности археографической деятельности существенно расширились. Это издание, учрежденное при поддержке М.Н. Тихомирова, возглавляли такие крупные ученые, как С.Н. Валк, Н.Е. Носов, В.А. Шишкин, а в настоящее время директор Санкт-Петербургского института истории РАН В.Н. Плешков. Вышло 29 выпусков этого издания, а 30-й находится в печати. На его страницах, а также в “Археографическом ежегоднике”, издаваемом в Москве, освещаются все значительные события, связанные с деятельностью Санкт-Петербургского отделения АК. Только за последние годы в этих изданиях нашли отражение научные чтения памяти митрополита Евгения (Болховитинова), заседания, посвященные 150-летию АК в Санкт-Петербурге, 100-летию С.Н. Валка, 140-летию Н.П. Лихачева, 100-летию К.Н. Сербиной, 90-летию А.И. Копанева, памяти А.Д. Люблинской, А.А. Амосова, О.П. Лихачевой, издаются списки работ и неопубликованные труды этих выдающихся ученых, отмечаются юбилейные даты и печатаются списки работ здравствующих исследователей, таких как руководитель Санкт-Петербургского отделения АК Михаил Павлович Ирошников, Маргарита Владимировна Кукушкина, Ирина Николаевна Лебедева и др.

Новое время диктует необходимость для ученых-археографов овладения компьютерными технологиями. Мы имеем в виду разработку особых автоматизированных систем, пригодных для ввода стандартизированных научных описаний рукописей и документов, а также выработку методики исследования и датировки водяных знаков на бумажных носителях. В этом направлении в настоящее время ведется работа в рукописных отделах РНБ и БАН и достигнуты определенные успехи.

Археографы БАН поздравляют Археографическую комиссию с юбилеем ее деятельности на благо русской культуры.

В.Ю. Афиани

АРХИВ АКАДЕМИИ НАУК И АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ: К ИСТОРИИ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ

Архив РАН и Археографическую комиссию, несмотря на почтенный возраст первого и относительную молодость второй, даже если вести отсчет от первой комиссии, созданной по замыслу П.М. Строева, объединяет многое. Прежде всего, личность выдающегося русского историка и археографа, академика Михаила Николаевича. Имя Тихомирова столь же уважаемо в Архиве, как и в Археографической комиссии.

Помимо создания выдающихся научных трудов, Михаил Николаевич, как известно, обладал особым даром созидания. Я не буду напоминать о деятельности Тихомирова в годы Гражданской войны по спасению ценнейших архивов или то, что именно он создал или воссоздал Археографическую комиссию. Архив АН СССР чрезвычайно многим обязан Михаилу Николаевичу Тихомирову. В трудный, даже драматический период жизни Архива в начале 1950-х годов Тихомиров сделал все, чтобы помочь ему. Эта история известна благодаря очень содержательным воспоминаниям Б.В. Левшина на заседании Археографической комиссии в 1990 г., посвященном 25-летию со дня смерти М.Н. Тихомирова. Это настолько важный эпизод для истории Архива, что я кратко напомню эту историю. В 1953 г. Тихомиров был избран академиком-секретарем Отделения исторических наук, пробыл он на этом посту сравнительно недолго, пять лет, но много успел сделать полезного для науки, для Академии наук.

Архив в то время, по печальной традиции в нашей стране, располагался в подвале главного здания Президиума АН СССР на Ленинском проспекте. Нужно ли говорить, что это помещение не было приспособлено ни для нормального хранения документов, ни для нормальной работы архивистов. За прошедшие 20 лет с момента основания Московского отделения Архива АН СССР в 1936 г. хранилища были заполнены, а Управление делами АН СССР к тому же забрало часть этих помещений. Архивные документы были складированы на окраине Москвы, в районе Речного порта.

М.Н. Тихомиров 14 сентября 1954 г. обратился к президенту Академии наук академику А.Н. Несмеянову от имени Отделения исторических наук с “категорическим возражением” против этого, высказывая законные опасения, что размещение документов на складе “может привести к гибели документальных материалов, среди которых имеются ценнейшие по своему научно-историческому значению материалы”¹. Он писал президенту и 9 декабря того же года. К сожалению, это обращение только помогло вернуть документы в центр Москвы, но разместили их в подвале жилого дома на Ленинском проспекте, опять-таки не приспособленном для хранения документов.

Как известно, когда дело касалось принципиальных вопросов, Михаил Николаевич Тихомиров мог быть очень жестким. В 1956 г. Отделение назначило комиссию по проверке условий хранения документальных материалов в архивохранилищах Академии, в том числе Архива, которую возглавил сам Тихомиров. Комиссия признала недопустимыми условия хранения документов и возложила ответственность на заведующего Московским отделением Архива Ф.Д. Гетмана, по выражению Б.В. Левшина, “не устоявшего против напора администрации Академии”. 12 ноября 1956 г. Гетман был отстранен от заведования.

После этого Михаил Николаевич обратился в Президиум, поставив принципиальный, более широкий вопрос о необходимости срочно предоставить Московскому отделению “площади для архивохранилища, удовлетворяющей требованиям нормального хранения документов, а также читального зала, справочного отдела и комнат для работы сотрудников”². Он добился постановления в 1956 г. для обсуждения на Президиуме АН СССР

¹ Левшин Б.В. М.Н. Тихомиров и Архив Академии наук СССР // АЕ за 1990 год. М., 1992. С. 191.

² Там же. С. 192.

вопроса “О мерах по упорядочению режима хранения и лучшему использованию архивных материалов Академии наук СССР”. По докладу Тихомирова, обратившему внимание на то, что “в особенно тяжелом положении с помещением находится Московское отделение Архива АН СССР”, было принято решение о строительстве через два года специального помещения³.

Но история с помещениями для Архива на том не закончилась.

10 августа 1962 г. Тихомиров вновь выступил с докладом “Об обеспечении сохранности, состояния и использования документальных материалов в учреждениях Академии наук” на заседании Президиума АН, где говорилось о проблемах Архива.

В 1963 г. Президиум Академии наук принял решение о переводе дирекции Архива АН СССР в Москву, а вопрос с помещениями не решался. Поблизости другие обращения в Президиум, встреча академика и Б.В. Левшина с новым президентом Академии М.В. Келдышем, с вице-президентом академиком К.В. Островитяновым, пока наконец, 20 лет спустя, был решен вопрос о здании для Архива РАН. Очевидно, что хлопоты Михаила Николаевича хотя и не сразу, но сыграли свою положительную роль.

Заботы Тихомирова об Архиве не ограничились хлопотами о помещениях. С переводом дирекции Архива в Москву в 1963 г. встали серьезные задачи по реальной реорганизации Московского отделения. Бывшее отделение должно было принять на себя функции головного архива, отвечающего за постановку архивного дела в масштабах всей Академии наук, ведущего научно-методическую и научно-исследовательскую работу. Для этого нужны были специалисты, расширение штатов. Нужно было развернуть научную работу в Ученом совете Архива. До этого времени Ученый совет, и очень авторитетный по своему составу, работал в Ленинграде. Тихомиров согласился стать председателем Ученого совета. Он поддержал традицию. По его инициативе в его состав были включены известные ученые-академики Н.М. Дружинин, Б.М. Кедров, Ю.А. Орлов.

М.Н. Тихомиров помог также восстановиться Лаборатории реставрации и консервации документов в Ленинграде после смерти ее основателя Тихонова. Он подобрал нового заведующего лабораторией. Я упоминаю об этом в связи с тем, что спустя годы Лаборатория вошла в состав СПбФА РАН.

Архив РАН в Москве в конечном итоге обязан Тихомирову строительством здания. После принятых решений оно проектировалось и строилось долго, сдано в эксплуатацию только в 1984 г.

Я позволю себе небольшое отступление. По интересному совпадению сейчас, полвека спустя, вновь готовится аналогичный по своему содержанию вопрос для рассмотрения на Президиуме РАН, только теперь в центре его будет стоять предоставление здания Санкт-Петербургскому филиалу, да и о строительстве второй очереди Архива РАН нужно уже думать сейчас. Надеюсь, что для решения этого вопроса не понадобится 20 лет.

Возглавив Ученый совет Архива, высоко подняв планку научной работы в Архиве, М.Н. Тихомиров способствовал развитию его как научного учреждения, пока в 1994 г. Архив не получил статус научно-исследовательского института Академии.

³ АРАН. Ф. 7-М. Оп. 1-56. Д. 306. Л. 27.

Как бы завершая свои архивные труды и заботы, Михаил Николаевич завещал свой архив Академии наук. Архив ответил благодарностью, подготовив описание этого обширного документального комплекса, издав его отдельной книгой. Составитель описания – Ирина Павловна Староверова⁴.

Архив Тихомирова послужил основой для публикации трудов ученого по истории России. В 1968–1979 гг. вышло 6 томов, совместно подготовленных сотрудниками Архива и Комиссии, составивших целую библиотеку трудов выдающегося историка⁵. В “Археографическом ежегоднике” сотрудники Архива опубликовали ряд отдельных материалов из фонда Тихомирова и о нем⁶. Его архив доступен для поколений историков, в том числе для исследователей его творчества.

Трудами Тихомирова было создана почва для тесного взаимодействия Архива и Комиссии и в будущем. Не случайно, что после основания Археографического ежегодника в 1957 г., уже во втором его выпуске, вышедшем в следующем году, появился обзор фонда академика С.Б. Веселовского, хранившегося в Архиве РАН⁷. По словам Б.В. Левшина, подготовка обзора и проспекта издания неопубликованных трудов Веселовского была сделана им по инициативе Михаила Николаевича. Об этом говорится и в статье “От редакции” в сборнике работ Веселовского, опубликованных под названием “Исследования по истории класса служилых землевладельцев” в 1969 г. под редакцией В.И. Шункова, ставшего после смерти Тихомирова председателем Археографической комиссии, и нынешнего председателя комиссии С.М. Каштанова. Здесь упоминалось, что этот том, а также вышедшее в 1963 г. исследование по истории опричнины было предпринято по инициативе Комиссии по изданию трудов С.Б. Веселовского под председательством Тихомирова⁸. Это положило начало серии публикаций трудов Веселовского и материалов Архивом РАН, издание которых продолжалось более 30 лет, многие из которых вышли под редакцией В.И. Буганова и Б.В. Левшина. Это и “Ономастикон”, труд ученого, посвященный древнерусским именам, прозвищам и фамилиям (1974), и труды Веселовского по источниковедению и истории России периода феодализма (1978), а также публикации источников: Приходо-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. (М., 1983) – второй том издания, выпущенного еще в 1912 г., два тома Актов писцового дела

⁴ Рукописное наследие академика М.Н. Тихомирова в Архиве Академии наук СССР: Научное описание. М., 1974. (Труды Архива; Вып. 25).

⁵ Тихомиров М.Н. Русская культура X–XVIII вв. М., 1968; *Он же*. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969; *Он же*. Классовая борьба в России XVII в. М., 1969; *Он же*. Российское государство в XV–XVI вв. М., 1973; *Он же*. Древняя Русь. М., 1975; *Он же*. Русское летописание. М., 1979.

⁶ Доклад М.Н. Тихомирова 1960 г. о составлении сводного каталога древних рукописей в СССР / подгот. И.П. Староверова // АЕ за 1971 год. М., 1972. С. 368–372; Левшин Б.В. М.Н. Тихомиров и Архив Академии наук СССР // АЕ за 1990 год. М., 1992. С. 191–198; *Он же*. Академик М.Н. Тихомиров в своих воспоминаниях: (По документам Архива РАН) // АЕ за 1993 год. М., 1995. С. 20–28.

⁷ Левшин Б.В. Обзор документальных материалов фонда академика С.Б. Веселовского // АЕ за 1958 год. М., 1960. С. 257–266.

⁸ Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 3.

XVII в., также продолживших начатые Веселовским еще до революции публикации, предпринятые им в связи с его известной работой “Сошное письмо”, изданной в Москве в 1915–1916 гг., документы Печатного приказа начала XVII в. (1994).

Публикация обзора фонда Веселовского, кстати сказать, была фактически первой публикацией обзора личного фонда Архива РАН в Москве. В дальнейшем в Археографическом ежегоднике были помещены обзоры фондов Н.В. Устюгова, Е.А. Косминского, В.В. Максакова⁹. В ежегоднике напечатан и ряд содержательных исследований сотрудников Архива по разным темам¹⁰.

Традиции, заложенные М.Н. Тихомировым, продолжены Сигурдом Оттовичем Шмидтом, много сделавшим и делающим для поддержания и расширения связей между Архивом и Комиссией.

Мне памятли совместные заседания Комиссии и Архива в 1970–1980-х годах. И сейчас мы проводим совместные заседания. Прошло заседание, посвященное историку М.М. Богословскому. Археографическая комиссия вместе с Институтом истории естествознания и техники приняла активное участие и в научной конференции, посвященной 275-летию Архива РАН, и в конференции, посвященной 300-летию Г.Ф. Миллера, первого академического архивариуса.

В последнее время возобновилась и традиция совместной публикации наследия выдающихся отечественных историков. Свидетельством тому стал недавно вышедший первый том многотомного труда М.М. Богословского “Петр Великий”.

Я уверен, что и XXI столетии между Археографической комиссией и Архивом РАН отношения будут только развиваться на благо архивоведения и археографии, на благо науки.

⁹ Михайлова Н.Г. Обзор документальных материалов фонда Н.В. Устюгова // АЕ за 1968 год. М., 1970. С. 395–400; Староверова И.П. Фонд М.Н. Тихомирова в Архиве АН СССР // АЕ за 1968 год. М., 1970. С. 304–314; Ржезникова М.Я. Обзор личного фонда академика Е.А. Косминского // АЕ за 1971 год. М., 1972. С. 325–330; Левшин Б.В. Личный фонд В.В. Максакова в Архиве АН СССР // АЕ за 1978 год. М., 1979. С. 301–305.

¹⁰ Левшин Б.В. Источники по истории Академии наук СССР периода Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // АЕ за 1962 год. М., 1962. С. 409–413; Бастрарева М.С. Формирование основ государственной политики по отношению к науке в первые годы Советской власти: (По материалам Архива АН СССР) // АЕ за 1968 год. М., 1970. С. 360–379; Левшин Б.В. Библиография трудов С.Б. Веселовского // АЕ за 1968 год. М., 1970. С. 401–404; Митрякова Н.М., Чумаченко Э.Г. О работе Ученого совета Архива АН СССР // АЕ за 1968 год. М., 1970. С. 451–452; Левшин Б.В. Система информации исследователей о содержании фондов деятелей науки, литературы и искусства // АЕ за 1972 год. М., 1974. С. 93–97; Он же. Деятельность Архива АН СССР в годы Великой Отечественной войны // АЕ за 1975 год. М., 1976. С. 142–148; Валк С.Н. Избранные труды по археографии: Научное наследие. СПб., 1991. С. 366.

АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ РАН И КРАЕВЕДЕНИЕ

В деле возрождения и развития краеведения как научного направления и общественного движения Археографическая комиссия занимает особое, можно сказать, исключительное место. Значение это сопоставимо с феноменом первой половины 1920-х годов, когда зарождающееся краеведческое движение взяла под свое крыло Академия наук, обеспечив краеведению и высочайшее по уровню “научное руководство” (председателем Центрального бюро краеведения был тогда неперемный секретарь РАН академик С.Ф. Ольденбург), и главные периодические издания (“Краеведение”, “Известия Центрального бюро краеведения”).

Археографическую комиссию при ее основании в 1956 г. возглавил академик М.Н. Тихомиров, “имеющий” в классические для краеведения 1920-е годы организационный и научный опыт изучения местной истории. Приятно напомнить, что Михаил Николаевич в 1930–1940-е годы преподавал в Историко-архивном институте. Возглавивший в 1968 г. Археографическую комиссию ученик Михаила Николаевича Сигурд Оттович Шмидт всегда уделял большое внимание научной методике исследования края и вопросам собирания письменных источников, особенно на местах. Преподавание нового председателя Археографической комиссии в МГИАИ и руководство им студенческим научным кружком источниковедения способствовали формированию в Историко-архивном институте группы учащейся молодежи, близко воспринимающей идеи исторического краеведения. Среди них были ученики Сигурда Оттовича, студенты Н.Н. Митрофанов, Г.И. Головкин, Қ.Е. Новохатский, В.Е. Туманов, М.Н. Шумейко, Г.П. Присенко, С.В. Журавлев, В.Ю. Коровайников, В.Ф. Козлов, А.В. Иванкив, С.Ю. Шокарев, А.А. и С.А. Чететкины, С.А. Уваров и другие, избравшие темами дипломных, а затем зачастую и кандидатских работ краеведческую тематику. Прозорливо увидевший перспективы развития краеведения как научной и общественно-социальной силы, С.О. Шмидт уделяет краеведению все большее внимание на страницах “Археографического ежегодника”. Здесь появляются публикации по истории изучения местного края в дореволюционный и советский периоды, обзоры архивных материалов по краеведению, статьи, связанные с жизнью и деятельностью исследователей края. Среди программ Археографической комиссии, имеющих непосредственное отношение к краеведению – подготовка и издание методических пособий по собиранию документальных памятников (1977, 1982), работа над КATALOGом личных архивных фондов отечественных историков, включающих данные о фондах и краеведов (2001 г.). Краеведческая и памятникоохранительная тематика работ студентов МГИАИ – учеников профессора, председателя Археографической комиссии, и других преподавателей стала постоянной на страницах “Археографического ежегодника”. Заметим, что научное москвоведение также было представлено в ежегоднике в обзорах материалов личных фондов известных историков Москвы – И.Е. Забелина, М.И. Александровского, Н.П. Розанова, В.В. Пассека, П.Н. Миллера и др. Именно в Археографической комиссии во многом

вырабатывался привычный сегодня для академического краеведения стиль, формировались основы ставшей сегодня хорошо известной в стране “Школы Шмидта”.

Нельзя обойти вниманием и роль Археографической комиссии в организации и проведении конференций и семинаров краеведческого характера. Значительное число конференций эпохи возрождения краеведения (конец 1980–1990-х годов) проходило по инициативе С.О. Шмидта под грифом Комиссии и с участием ее членов. Совместно с Комиссией изданы материалы многих конференций: “Историческое краеведение: По материалам II-й Всесоюзной конференции по историческому краеведению” (1993), “Российская провинция XVII–XX вв.: реалии культурной жизни” (1996), “Отечественная культура и развитие краеведения” (2000), “В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии” в двух книгах (2005) и др.

До образования в ИАИ РГГУ специальной краеведческой кафедры (1997) Археографическая комиссия была главным научным и методическим учреждением, опекающим и окормляющим возрождающееся краеведение. Комиссия тесно сотрудничала в области изучения региональной истории и краеведения и москвоведения с упоминаемым Историко-архивным институтом РГГУ, Мосгорархивом (ныне Главархивом Москвы), Союзом краеведов России. Вообще, в 1990-е – начале 2000-х годов зачастую трудно было понять, где в краеведении кончается деятельность Археографической комиссии и начинается деятельность других учреждений и организаций. Это и немудрено – ведь председатель Археографической комиссии С.О. Шмидт в 1990 г. стал председателем Союза краеведов России, а в 1996 – руководителем созданного им в РГГУ Центра исторического краеведения и москвоведения. Классическим коллективным трудом по москвоведению и образцом для этой важнейшей отрасли краеведения стал изданный по случаю 850-летия Москвы “Археографический ежегодник за 1997 год”. В состав этого объемного сборника вошли многочисленные материалы по москвоведению: статьи, очерки, обзоры, публикации, рецензии по самым разным направлениям москвоведения – архивному, музейному, усадебному, литературному и др.

Краеведение стало неотъемлемой частью в программах регулярных Тихомировских чтений, а чтения 2000 г. вообще были посвящены краеведческой тематике (Материалы их изданы в “Археографическом ежегоднике за 2000 год”).

Ныне, в год 50-летия Археографической комиссии краеведение организационно и методически окрепло, прочно укоренилось в Историко-архивном институте РГГУ в виде учебно-научного центра и кафедры региональной истории и краеведения, где с недавних пор и трудится ныне почетный председатель Археографической комиссии, заслуженный профессор РГГУ С.О. Шмидт.

ПОЛУЗАБЫТАЯ СТРАНИЧКА ИСТОРИИ

На заседании юбилейных “Тихомировских чтений”, посвященных 50-летию Археографической комиссии, я не услышал ни в одном из докладов и выступлений и не нашел в опубликованных к этому событию материалах упоминания об одном из фактов ее истории, который свидетельствует о давнем интересе Комиссии и ее тогдашнего председателя к злободневным проблемам отечественного архивного дела. Речь идет о совместном заседании Археографической комиссии и Главного архивного управления при Совете министров СССР, обсудившем в 1962 г. мероприятия архивного ведомства по перестройке комплектования государственных архивов документами и экспертизе их ценности.

Сведений об этом заседании немного. В разделе “Хроника” информационного бюллетеня ГАУ № 2 за 1962 г. мы можем найти о нем небольшую заметку “Научная общественность одобряет перестройку”¹. Авторы коллективного труда, посвященного истории и организации этого направления отечественного архивного дела, отметили, что “усиление внимания научной общественности к проблемам комплектования государственных архивов и экспертизы ценности документов нашло свое выражение и в том, что эти проблемы были вынесены на обсуждение совместного заседания Археографической комиссии Академии наук СССР и Главного архивного управления. Заседание, состоявшееся 16 февраля 1962 г. под председательством академика М.Н. Тихомирова, прошло в атмосфере оживленной и плодотворной дискуссии”².

В содержательном труде Т.И. Хорхординой “История отечества и архивы. 1917–1980 гг.” (М., 1994) об этом заседании не упоминается. Кратко, без точной даты и упоминания роли М.Н. Тихомирова, сообщено об этом заседании и в разделе “Хроника” “Археографического ежегодника за 1962 год” (М., 1963. С. 496). У себя я обнаружил дублетные экземпляры полной стенограммы этого заседания, а также составленного мной в ходе заседания протокола, поскольку я тогда работал именно в том подразделении главка, которое отвечало за обсуждаемую работу. Сохранилась стенограмма и в Архиве АК³.

Сейчас, спустя более 40 лет, хотелось бы напомнить современному читателю об этом заседании, председателем которого был академик М.Н. Тихомиров. Кроме него в президиуме находились Г.А. Белов, А.А. Зимин, Н.Р. Прокопенко, А.А. Чугаев, Л.И. Яковлев. М.Н. Тихомиров вел заседание, начав его следующим словом: “Разрешите открыть совместное заседа-

¹ Вопросы архивоведения. М., 1962. № 2. С. 131.

² Теория и практика экспертизы ценности документов и комплектования государственных архивов СССР // ТВНИИДАД. М., 1974. Т. IV. С. 120.

³ АРАН. Ф. 1901 (Археографическая комиссия). Оп. 1. Ед. хр. 17. 101 л. Машинопись после расшифровки, но без правки (судя по ошибочной записи трех фамилий и др.). Далее указания на листы стенограммы даны в тексте. К ней приложены доклад Г.А. Белова (л. 70–97) и списки присутствовавших на заседании (л. 98–101). От АК, кроме М.Н. Тихомирова (подписи которого нет), присутствовали: Н.А. Долдобанова, В.Б. Павлов-Сильванский, Н.А. Саморукова, Н.Б. Шеламанова.

ние Археографической комиссии при Отделении исторических наук Академии наук СССР и Главного архивного управления при Совете Министров СССР. На повестке дня сегодня доклад начальника Главка Г.А. Белова, посвященный вопросу о комплектовании государственных архивов документальными материалами и экспертизе их ценности на современном этапе.

Нечего говорить, конечно, какое значение Археографическая комиссия, Главное архивное управление и присутствующие здесь представители архивных институтов, Московского государственного университета и т.д. придают этому докладу. Ясно, что в первую очередь и в основном речь будет идти о материалах советского периода.

Я думаю, что мы правильно поступим, если не будем задерживаться на моем вступительном слове и дадим слово Геннадию Александровичу". Заслушан был доклад Г.А. Белова "Комплектование государственных архивов документальными материалами и экспертиза их ценности на современном этапе". Существо проблемы достаточно широко освещено в архивоведческой литературе того времени. В двух словах – речь шла о перенесении основного внимания с рассмотрения "отборочных списков" на макулатуру на утверждение описей документов постоянного хранения, приближение государственных архивов к источникам их комплектования, чтобы отбор материалов для передачи в госархивы производить непосредственно по окончании делопроизводственного года, а не 10–15 лет спустя, как это было раньше, одновременно уточнив круг учреждений, материалы которых подлежат приему в государственные архивы.

В обсуждении доклада приняли участие 18 человек, в том числе: В.А. Полетаев (Институт истории АН СССР), Н.Б. Волкова (ЦГАЛИ СССР), М.Н. Черноморский, Е.А. Луцкий, М.С. Селезнев, К.И. Рудельсон (МГИАИ), А.Г. Гришанов (Главное Архивное управление Москвы и Мособлисполкома), В.Е. Дербина (ГАУ при СМ РСФСР), А.Г. Федоров, А.А. Новикова (ЦГАНХ СССР), В.Р. Копылов (ЦГАОР СССР), И.С. Назин (ЦГВИА СССР), И.И. Белоносов (ЦА ВЦСПС), И.Н. Кунтиков (ЦГАСА).

Большинство вопросов, по которым так горячо спорили эти люди, решено жизнью и представляет интерес только для историков архивного дела и архивоведения. Тем не менее, хочется назвать по крайней мере три вопроса, которые и сегодня кажутся нам злободневными.

В выступлении историка В.А. Полетаева (л. 3–6) был сделан особый акцент на том, что архивы не имеют реальных прав на вмешательство в работу ведомств, которые зачастую передают в государственные архивы документы по принципу "на тебе, боже, что нам негоже". Он говорил о необходимости активнее вмешиваться в процесс документообразования. Эта позиция была поддержана большинством выступавших архивистов; и мы знаем, что в этом направлении в последующие годы было очень многое сделано. К сожалению, последние мероприятия так называемой административной реформы отбросили архивную службу далеко назад, что, естественно, не способствует качественному формированию Архивного фонда России.

О том, что архивисты должны изучать документы, подлежащие приему в государственные архивы, а не быть просто хранителями того, что им благоволили передать ведомства, говорили А.Г. Федоров (л. 38–47) и другие архивисты. Казалось бы, изучение документов, научная работа архивовед-

ческого и археографического характера стала для архивистов к настоящему времени азбучной истиной. Тем не менее, как показывают некоторые материалы специального выпуска журнала “Новое литературное обозрение” (2005. № 4), в определенных научных кругах продолжает существовать и противоположное мнение. Мы уже писали об этом⁴.

Наконец, нам представляется до настоящего времени не нашедшим правильного решения вопрос о личных делах – о необходимости их постоянного хранения говорил М.Н. Черноморский. К этой точке зрения в настоящее время склоняются уже многие архивисты⁵.

Приведем полностью, как оно записано в стенограмме, заключение М.Н. Тихомирова: “Разрешите несколькими словами заключить наше собрание. Я думаю, что такое заседание, какое было сегодня, является весьма плодотворным, потому что по горячности выступлений чувствуется, что поставлен целый ряд сложных, затруднительных для решения вопросов. И это уже само по себе является очень ценным.

Что надо делать в дальнейшем? Я думаю, что прежде всего Главному архивному управлению надо учесть критические замечания. Товарищам же, выступившим с критическими замечаниями, в свою очередь, надо помочь Главному архивному управлению и на самом деле прийти на помощь в выявлении ценных материалов.

Я не буду говорить о том, правы ли мы будем через пять тысяч лет. Я не надеюсь и пяти лет прожить, поэтому не рискую умножать это время еще на тысячу лет. Я не буду говорить и о других вещах. Но я думаю, что нам нужно найти какой-то практический путь. Вот что меня больше всего в этом деле беспокоит.

Ведь, на самом деле, что такое собрание материалов? Очень многие говорят, что, дескать, надо заранее предусмотреть, какие материалы надо собирать и сохранять. А возможно ли это предусмотреть? По-моему, нет. Я расскажу такой случай, с которым мне пришлось встретиться: молодым человеком жил я на даче и часто встречал старика, который ездил на велосипеде. Спросил – кто это? А это учитель Циолковский, – он выдумывает на ракете полететь. Те, кто видел в те времена Циолковского, не были дураками, но они не понимали величия этого человека.

Можем ли мы предусмотреть целый ряд моментов? В какой-то мере должны предусмотреть. И здесь возникает вопрос: как это создать? Я думаю, что только творческим содружеством архивных работников и историков мы можем этого достигнуть. Вот, я думаю, тот общий вывод, к которому мы могли бы прийти.

Я думаю, что Главное архивное управление не будет возражать, если мы будем просить Главное архивное управление еще раз проверить свои инструкции, с привлечением в первую очередь работников, связанных с архивами, наших теоретиков и практиков архивного дела из того же Архивного института, из МГУ и т.д. – и подвести итог.

⁴ См.: ОА. 2006. № 1. С. 9.

⁵ См., например: Проблемы научной ценности, использования и сохранности историко-биографических документов в составе Архивного фонда России: Материалы “круглого стола”, март 2000 г., и научно-практической конференции, 30 мая 2001 г. М., 2001; *Бровина А.А., Чупрова Э.Г.* Персонафицированная информация о гражданах в архивах должна стать полнее // ОА. 2006. № 4. С. 52.

Позвольте поблагодарить Г.А. Белова за интересный доклад, а также всех выступавших и на этом закончить наше собрание” (л. 68–69).

Не скрою, тогда эти мудрые слова старого историка были восприняты нами несколько односторонне, – было ясно, что наша работа если не полностью одобряется, то, по крайней мере, не вызывает возражений в академических кругах. Это подкреплялось и краткой беседой во время перерыва заседания с А.А. Зиминим, у которого я, участвуя в МГИАИ, был в семинаре по палеографии и изучению “Русской Правды”. Он с удивлением заинтересовался у меня, почему некоторые представители Историко-архивного института выступают против наших мероприятий, по его мнению, вполне разумных.

Но, в подсознании, вероятно, что-то осталось. 10 лет спустя, работая с В.Н. Автократовым над нашей статьей об источниковедческих аспектах экспертизы ценности документов, мы пришли к убеждению, что, несмотря на все разработанные архивистами принципы и критерии определения научной ценности документации, которые, конечно, нужны и полезны для практической работы, строго научных принципов и критериев, которые безусловно обеспечили бы сохранение всех ценных источников на неопределенное будущее, не существует. Ценным может оказаться любой документ, но хранение всего – нереально, и требуется пожертвовать определенной частью менее ценного (тем, что мы считаем менее ценным сегодня).

Мы оба согласились с тем, что никогда не скажем этого с трибуны или в печати (при господстве принципа большевистской партийности об этом нечего было и думать), но постарались написать это в достаточно завуалированном виде в нашей статье⁶. Перечитывая наш текст, я убедился, что он в главном совпадает с тем, что задолго до нас сказал академик М.Н. Тихомиров. Совсем недавно, на Международной конференции “Роль архивов в документировании частной и общественной жизни в XXI в.” итальянская архивистка высказала ту же мысль: “Отбор к уничтожению документов – жестокая необходимость, часто вызывающая сомнения и проблемы у архивистов”⁷. Мы действительно не можем предусмотреть всего, что надо сохранить, но “в какой-то мере должны предусмотреть”, – мы – архивисты и историки. Видимо, в этом бесконечном приближении к истине одна из наших общих целей.

⁶ Автократов В.Н., Елпатьевский А.В. Проблемы комплектования государственных архивов современными документами: (источниковедческий аспект) // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей. 1975. М., 1976. С. 9–10 и др.

⁷ Толу Р.М. Архивы Италии сегодня // ОА. 2006. № 4. С. 72.

С.О. Шмидт

К ФАКСИМИЛЬНОМУ ИЗДАНИЮ ЛИЦЕВОГО ЛЕТОПИСНОГО СВОДА

Лицевой летописный свод второй половины XVI в. – вершинное достижение древнерусского книжного искусства. Ему нет аналогов и в мировой культуре этого столетия. Лицевой свод – и самое грандиозное по объему летописное произведение в Древней Руси.

Лицевыми в Средние века называли иллюминированные (иллюстрированные) рукописи с изображениями людей – “в лицах”. В Лицевом своде около 10 тыс. рукописных листов, более 16 тыс. миниатюр. Лицевой свод давно уже привлекает внимание и искусствоведов, и книговедов, и историков – особенно тех, кто исследует проблемы развития общественного сознания, историю духовной и материальной культуры, государственно-политическую историю времени Ивана Грозного. Этот драгоценный памятник культуры необычайно богат информацией и для специально изучающих особенности исторических источников разных типов: словесных – письменных (а там где приписки, и устных, непосредственно запечатлевших разговорный язык), изобразительных, вещественных, поведенческих.

Работа по составлению Лицевого свода не была полностью завершена. Кипы листов оставались и в XVII в. переплетенными. Не позднее первой половины XVIII в. массивы листов колоссального летописного свода были уже рассредоточены. Переплетали их независимо друг от друга; и некоторые из этих образовавшихся фолиантов получили названия по имени их обладателя (или одного из обладателей на протяжении XVII–XIX веков). Постепенно Лицевой свод стал восприниматься как монументальный корпус из десяти огромных томов. При этом выяснилось, что отдельные листы и даже массивы листов утрачены, а при переплетении в книги порядок листов местами нарушен.

Условно этот десятитомный рукописный корпус можно разделить на три части: три тома всемирной истории, семь томов отечественной истории; из них пять томов – летописание “лет старых” (за 1114–1533 годы), два тома – летописание “лет новых”, т.е. времени правления Ивана IV. Полагают, что не дошли до нас листы о начальной истории Отечества (до 1114 г.), возможно, и о всемирной истории X–XV веков, до времени после падения Византийской империи, а также листы с изложением событий отечественной истории последних полутора десятилетий царствования Ивана IV (или заготовки к ним), так как в середине XVIII в. еще сохранялись листы о венчании на царство Федора Ивановича.

Уже в XIX в. части (“тома”) Лицевого свода находились в трех государственных хранилищах, ныне имеющих наименования: Государственный Исторический музей (ГИМ) – в Москве, Библиотека Российской академии наук (БАН) и Российская национальная библиотека (РНБ) в Санкт-Петер-

бурге. Приводим считающиеся общепринятыми еще около двухсот лет назад названия “томов” Лицевого свода и кратчайшие данные об их местонахождении и содержании:

Музейский сборник (ГИМ). 1031 л., 1677 миниатюр. Изложение священной, древнееврейской и древнегреческой истории от сотворения мира до разрушения Трои в XIII в. до н.э.

Хронографический сборник (БАН). 1469 л., 2549 миниатюр. Изложение истории Древнего Востока, эллинистического мира и Древнего Рима.

Лицевой хронограф (РНБ). 1217 л., 2191 миниатюра.

Изложение истории древнеримской империи с 70-х годов I в. до 337 г. и византийской истории до X в.

Голицынский том (РНБ). 1035 л., 1964 миниатюры. Изложение отечественной истории с 1114 до 1247 г. и за 1425–1472 гг.

Лаптевский том (РНБ). 1005 л., 1951 миниатюра. Изложение отечественной истории за 1116–1252 гг.

Остермановский первый том (БАН). 802 л., 1552 миниатюры. Изложение отечественной истории за 1254–1378 гг.

Остермановский второй том (БАН). 887 л., 1581 миниатюра. Изложение отечественной истории за 1378–1424 гг.

Шумиловский том (РНБ). 986 л., 1893 миниатюры. Изложение отечественной истории за 1425, 1472–1533 гг.

Синодальный том (ГИМ). 626 л., 1125 миниатюр. Изложение отечественной истории за 1535–1542, 1553–1567 гг.

Царственная книга (ГИМ). 687 л., 1291 миниатюра. Изложение отечественной истории за 1533–1553 гг.

Первой частью Лицевого свода, доступной изучению, стали листы о событиях отечественной истории 1533–1553 годов. Историк князь М.М. Щербатов велел их переплести и издал в 1769 г. этот текст под названием “Царственная книга”. Специально исследование отдельных “томов” Лицевого свода и всего летописного свода в целом (и текста, и миниатюр, и бумаги) занялись лишь в конце XIX в. С рубежа XIX и XX вв. прижилось и определение его историком А.Е. Пресняковым – “историческая московская энциклопедия XVI века”. Лицевой свод можно так называть не только из-за имевшихся там сведений об исторических (или казавшихся такими) явлениях, но и потому, что получаем представление и об общественно-историческом мышлении тех лет и о способах – “обычае”, как выражались в окружении Ивана Грозного, – извлечения и демонстрации исторической информации.

Уже авторами древнейшего летописного общерусского свода, “Повести временных лет”, в XI в. отечественная история мыслилась во взаимосвязи с всемирной историей, начинавшейся, по их понятиям, с описанного в Библии. При этом в Средние века выделялось то, что казалось наиболее значительным (а также и знакомым из предшествовавшей литературы). А общий путь развития мировой истории – по понятиям российских книжников XVI в. – это переход центра мира из Райского сада в Палестину, а затем последовательно через Вавилон и Персию, державу Александра Великого и императорский Рим, Византию и славянские государства на Балканах – в Россию, в Москву. В этой системе циклов мировой истории (присущей историческим обобщениям в средневековой Европе) Российское государство, особенно после венчания Ивана IV на царство, представлялось как высшая

из достигнутых человечеством ступеней. При таком жестком и строго оценочном определении глобального пути мировой истории очевидно, что за пределами его многие страны, народы, эпохи. Но избранное для описания изображалось с подробностями; и для повествования о каждом историческом цикле отбирали наиболее известные тогда историко-литературные источники в переводной литературе и в литературе отечественного происхождения.

Текст Лицевого свода – компиляция из сочинений предшествовавшего времени. Однако постепенно выясняется, что не довольствовались копированием текста одной рукописи: привлекались зачастую и другие списки этих сочинений, вносились не только грамматические исправления и стилистические изменения. Кропотливая исследовательская работа по уточнению таких наблюдений – пока еще в начальной стадии. Зато значительную литературу – и во многом полемической направленности – вызвали приписки и исправления в тексте двух последних томов, тенденциозно изменяющие изложение и трактовку событий времени Ивана Грозного. И правка эта воспринимается как особо важный источник при изучении государственно-политической истории той эпохи и для ознакомления с политическими взглядами и моральными установками царя Ивана IV.

Несомненны и парадный характер Лицевого свода, и сложность работы по оформлению его беловых листов с текстом, написанным каллиграфическим полууставом, и множеством миниатюр, к тому же во всех томах по единому принципу раскрашенных (в двух последних – о “летах новых” – миниатюры и заготовки к ним не раскрашены). Теперь все более уясняется, что первоначально составлялись черновики рукописей и заранее определялись и тематика миниатюр, и место их на листе рукописи. Такую скрупулезную работу можно было осуществить только усилиями коллектива (или коллективов) и писцов, и художников, а в “артели” миниатюристов, видимо, было разделение труда, позволявшее в ускоренные сроки выполнять такое ответственное задание. Совершенно очевидно, что это – работа и не одного года.

В вопросе о времени оформления всего массива листов Лицевого свода нет единогласия. Исследование Н.П. Лихачевым в конце XIX в. водяных знаков (филиграней) бумаги листов этих рукописей вернуло памятник, относимый многими ранее к XVII столетию, ко второй половине царствования Ивана Грозного; хотя остается невыясненным: каким чудесным образом основной массив листов Лицевого свода, как и основной массив посольских дел конца XV–XVI в., уцелели в лихолетье “смуты” начала XVII в. Соображения историка Н.П. Лихачева сразу же были признаны образцово доказательными виднейшим филологом и языковедом А.А. Шахматовым, а в советские годы наблюдения эти как классический пример убедительного использования данных филигранологии для датировки рукописей приведены в учебных пособиях авторитетнейших специалистов по источникововедению (М.Н. Тихомирова), палеографии (Л.В. Черепнина), в книге о текстологии Д.С. Лихачева. Полистное изучение в 1980-е годы А.А. Амосовым филиграней всех томов Лицевого свода подтвердило вывод Н.П. Лихачева: бумага листов его выделки конца 1570-х – начала 1580-х годов. Тем не менее, и по сей день некоторые историки, опираясь на содержание и публицистическую тенденциозность приписок и исправлений в последних двух томах Лицевого свода, продолжают придерживаться мнения, что эта фаль-

сификация (а следовательно, и оформление белого текста) относится к предшествовавшим годам правления царя Ивана.

При этом не следует упускать из виду то, что датировка бумаги фиксирует лишь время, ранее которого не могла быть создана данная рукопись, текст же ее может быть и копией ранее написанного. Не исключено, что первоначальный текст листов этого летописного свода был подготовлен еще в 1550-е – 1560-е годы, а во второй половине 1570-х годов царь Иван возвратился к этому замыслу и дал распоряжение подготовить белой текст рукописи с миниатюрами, и правка, относящаяся к изложению времени его правления, была внесена именно тогда. Не установлены пока и имена руководителя (руководителей?) и исполнителей этой многотрудной и длительной творческой программы.

В то же время общепринятым стало представление о взаимосвязи замыслов таких огромных литературно-официальных предприятий, как создание Лицевого свода, Великих Четых-Миней и Степенной книги (задачей составителей которой было показать восхождение не только российской государственности, но и российской церкви по ступеням лестницы, ведущей к утверждению значения отечественной истории в мировой). И все это можно рассматривать и оценивать в контексте с другими начинаниями времени укрепления идеологии “самодержавства” и понятий о мировом величии России после победоносных достижений во внешней политике и реформ 1550-х годов, а также с церковно-просветительской деятельностью митрополитов Макария и Афанасия.

Несомненно и то, что Лицевой свод – показатель особо почтительного отношения в ту пору не только к значению изобразительного искусства – искусства фресок и икон (также и художественного шитья), но и искусства рукописной книжности. Напомним, что это и время творческой деятельности первопечатника Ивана Федорова и его сподвижников, а первая датированная книга первопечатника “Апостол” признается – и по художественному оформлению, и из-за отсутствия опечаток – шедевром печатного искусства.

В Лицевом своде миниатюры представляют зрителю такой же повествовательный рассказ, какой читателю передается словами. Потому-то редактировали и нарисованное. В фолиантах летописного свода изобразительный материал занимает около двух третей всего объема рукописного корпуса. Нерасторжимость словесного и изобразительного компонентов в Лицевом своде очевидна. Но каждый имеет и самостоятельное значение и ценность. И пока не всегда ясно, чем руководствовались при определении числа миниатюр, относящихся к тому или иному “отрезку” текста, и “повествовательных единиц” (определение Д.С. Лихачева) в одной миниатюре, а также отсутствие миниатюр в некоторых частях текста.

В рукописях томов Лицевого свода преобладают многофигурные и многоэпизодные композиции. И тематика изображаемого многотемна (государственно-политическая и церковная история в событиях и лицах, памятники истории и культуры, бытовой обиход, пейзаж – особенно городской) и многожанрова.

Заметна учительльно-назидательная направленность миниатюр. Это – “история в лицах”, где заведомо предусмотрена необходимая для лучшего усвоения повторяемость изображения сходных однотипных явлений (ситуаций, людей, предметов). Недаром в XVII в. листы Лицевого свода, по

мнению И.Е. Забелина, использовали как пособие для обучения царевичей истории. Возможно, что уже и в XVI – начале XVII в. Лицевой свод имел и такое предназначение.

Принято считать, что писателю Средневековья (летописцу) положено было следовать “обряду”, литературному этикету – представлениям о том, как должен совершаться тот или иной ход событий (этикет миропорядка), как должно себя вести действующее лицо соответственно своему положению (этикет поведения), какими словами должно описывать совершающееся (этикет словесный). А в рукописях официального происхождения особенно заметна и церемониальность “действия”. Эти наблюдения можно распространить и на “зрительный ряд” и говорить об “этикете изобразительном” (“живописном”), особо осязаемым в лицевой рукописи парадного предназначения.

Словесный этикет и живописный этикет сопутствуют один другому, но живописное отображение иногда и дополняет словесное. В миниатюрах условным, заранее predetermined композициям, позам и жестам, трафаретным изображениям тех или иных действий и ситуаций (“государевых сидений” с думцами и “ездов”, церковных служб, сражений, сцен крещения и кончины государей и др.), зданий (церковных и дворцовых, крепостных стен), отдельных предметов сопутствуют реалии, бытовые детали, переданные с большой степенью точности и своеобразия, что существенно важно для представлений о материальной культуре и бытовом обиходе далекого прошлого. Художник оказывался менее стиснутым рамками официального замысла, официозной идеологии. Тем более что художник, в отличие от писателя (летописца), чаще всего не имел перед глазами протографа (или черновика), которому надлежало следовать, и традиционно обязательные для миниатюры условности мог дополнять и тем, что почерпнуто из жизненных наблюдений. И потому миниатюры иногда оказываются источником более интересной исторической информации, чем летописный текст.

Великий филолог и искусствовед Ф.И. Буслаев еще в середине XIX в. отметил, что миниатюры Лицевого свода много дают для изучения “подробностей, любопытных для истории внутреннего быта” XVI столетия. Дальнейшие исследования, прежде всего книга А.В. Арциховского о древнерусских миниатюрах как историческом источнике, обогатили многообразным материалом, подтверждающим это суждение. Археолог А.В. Арциховский обратил внимание и на соответствие изображений с уцелевшими историческими памятниками Руси и предшествовавших столетий – следовательно, образцами для миниатюристов могли служить изображения и более древних иллюминированных рукописей. И в Радзивилловской летописи конца XV в. (факсимильное издание которой было осуществлено в 1994 г.) художники, по мнению исследователей, при иллюстрировании текста использовали более древние оригиналы, не сохранившиеся к настоящему времени.

Исследований, посвященных Лицевому своду, особенно его миниатюрам и соотношению текста и рисунков, становится с годами все больше: в недавнее время вышли в свет и книги (докторские диссертации) моих учеников А.А. Амосова и В.В. Морозова. В различных изданиях – и исследовательского типа и популярных – все чаще воспроизводятся миниатюры листов Лицевого свода. Стали уделять пристальное внимание не только содержательной стороне памятника – исторической и художественной информативности его, идеолого-политической направленности, но и про-

блематике кодикологии (особенно в исследованиях А.А. Амосова) и текстологии. Кодикология – сравнительно недавно оформившаяся историко-филологическая научная дисциплина, изучающая историю изготовления, состав и судьбу рукописной книги. Лицевой свод, и прежде всего два последних тома его, – и мое давнее исследовательское пристрастие. Первая работа, свидетельствующая об этом, была напечатана как раз 50 лет назад (статья “Миниатюры Царственной книги как источник по истории московского восстания 1547 г.”). Наши познания и об эпохе Ивана Грозного, и о памятниках истории и культуры его времени, по сравнению с тем, что было известно ученым конца XIX в., существенно возросли. Но Лицевой свод – по справедливому замечанию А.А. Амосова – “скрывает от нас еще гораздо более, нежели рассказывает”.

Однако дальнейшее более углубленное исследование, “прочтение” и текста, и миниатюр Лицевого свода, изучение характера взаимозависимости текста и “зрительного ряда” существенно затруднено. Драгоценные рукописи должно оберегать от частого обращения к ним читателя, тем более от фото- и киносъемок (и потому трудно переоценить и охранное значение факсимильного издания!). Столь большой формат рукописных фолиантов усложняет работу исследователя, тем более возможность тщательного сопоставительного рассмотрения миниатюр, выявление особенностей изображения в том или ином рисунке и в его раскраске. К тому же тома Лицевого свода разрознены и находятся не только в трех хранилищах, но и в двух городах. И потому с середины XX в. все настойчивее стремились обеспечить подготовку фотокопий всех листов огромного Лицевого свода.

Когда по почину академика М.Н. Тихомирова была восстановлена Археографическая комиссия Академии наук и возобновилось многотомное издание Полного собрания русских летописей, М.Н. Тихомиров обратился к виднейшим тогда историкам и филологам с просьбой изложить свои пожелания о планах работы в сферах археографии и источниковедения. Д.С. Лихачев предложил подготовить хотя бы 20–30 экземпляров фотокопий всех листов Лицевого свода для крупнейших библиотек и хранилищ рукописей. По инициативе выдающегося историка церкви и археографа отца Иннокентия (А.И. Просвирнина) в издательском отделе Московского Патриархата изготовили десять экземпляров набора микрофишей, воспроизводящих все листы Лицевого свода. На Всесоюзной научной конференции “Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности” (в 1979 г.) особо указывалось на потребность в организации такой работы. В постановочного характера моем докладе “К изучению Лицевого летописного свода второй половины XVI века” (опубликованном в 1983 г.) призыв: “Необходимо принять меры к фототипическому воспроизведению Л[ицевого] с[вода] всех листов ЛС, тома которого сосредоточены по разным хранилищам. Важно, чтобы эти воспроизведения были в натуральную величину и с достаточной степенью точности передавали чернильные и карандашные пометы и исправления. Папки с фотокопиями всех листов Л[ицевого] с[вода] должны находиться в тех хранилищах, где имеются сейчас отдельные тома Л[ицевого] с[вода], а также в хранилищах, наиболее богатых и лицевыми рукописями, и летописными текстами”.

О подготовке требующего больших средств и использования новейшей издательской технологии факсимильного воспроизведения всех листов

Лицевого свода мы тогда и не решались помышлять. И вызывает глубокую признательность щедрая инициатива председателя Совета директоров ОАО “Протек” В.Ф. Якунина и генерального директора издательской фирмы “Актеон” Х.Х. Мустафина, решившихся на собственные средства и на своей полиграфической базе осуществить столь сложное и дорогостоящее издание. Те, кому наука обязана этим замечательным научно-просветительским начинанием, по образованию не ученые-гуманитарии, а физики. Тем более отрадно, что они в такой мере осознают великое значение нашего историко-культурного наследия и с такой мудрой дальновидностью заботятся о дальнейшем развитии гуманитарных знаний и о возможности и в России, и во всем мире получить полное представление о великом памятнике отечественной культуры.

Многотомное издание убеждает и в том, что в России начинают возрождаться и славные традиции попечительства просвещенных богатых людей о сохранении памятников истории и культуры и ознакомлении с ними и ученого мира, и широкой общественности. Тем самым это начинание может рассматриваться и как показатель развития современной культуры. Уважение к памятникам прошлого и к их изучению – всегда показатель уровня современной культуры.

К каждому тому издания имеются научные приложения. Там сведения об истории составления и дальнейшего бытования рукописи, об ее описании и исследовании. Приводятся по возможности полные библиографические данные обо всем этом с использованием опыта составления “Сводного каталога славяно-русских рукописных книг”, хранящихся в нашей стране. (Работа эта с 1960-х годов осуществляется Археографической комиссией РАН при участии многих хранилищ – библиотек, музеев, архивов.) Это – и транслитерация, т.е. передача текста современными алфавитом и орфографией. Издание сопровождается указателями – именным, географических названий, предметно-тематическим. Работа эта проделана в основном силами научных сотрудников отделов рукописей, где находятся рукописи – Государственного Исторического музея, Библиотеки Российской академии наук, Российской национальной библиотеки (и в соответствии с правилами подготовки рукописей к печати, принятыми в каждом из этих хранилищ), а также сотрудника Археографической комиссии Российской академии наук В.В. Морозова.

Наконец имеется возможность всестороннего исследования всех листов летописного Лицевого свода учеными разных специальностей. Теперь можно будет детальнейшим образом выяснять историю и особенности составления этого монументального литературно-художественного свода исторических сведений, и в целом, и его фрагментов. Издание открывает путь приобщения к великому памятнику истории и культуры и всем интересующимся нашим культурным наследием.

Знаменательно, что эти книги – и притом почти одновременно – выходят в свет именно в год, признаваемый “годом Лихачева” (академик Дмитрий Сергеевич Лихачев родился сто лет назад – 28 ноября 1906 г.), когда особое значение придают свершаемому в сфере культуры. Стремление великого россиянина одарить ученый мир ознакомлением со всеми листами грандиозного Лицевого летописного свода осуществляется в наиболее совершенном виде.

Н.Н. Покровский

**АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В РАБОТЕ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ СО РАН
(1965–2006)**

Поиски древних рукописных и старопечатных книг в Сибири велись еще в XVIII в., когда неоднократно Сенат и Синод требовали от светских и духовных властей Сибири (как и других регионов страны) предоставлять сведения о разных предметах старины на подведомственной территории. Однако сведений о реальных результатах этих требований мы не имеем. В 1735–1736 гг. известный историограф, начальник Урало-Сибирского горнозаводского округа В.Н. Татищев, предпринявший широкую акцию по поимке беглых, скрывавшихся в лесах Зауралья, приказал одновременно искать в старообрядческих скитах и поселениях древние книги и конфисковывать их. Среди собранных книг были и уникальные, например – использованная Татищевым в своих исторических трудах древняя “раскольническая летопись”. Но все они сгорели через несколько лет во время пожара в имении Татищева, а о точности использования этой летописи историографом ученые спорят до сего дня. В XIX в. иногда древними книгами пополняли свои фонды восточные отделения таких научных обществ, как Императорское Российское географическое общество, Общество любителей естествознания, а также губернские архивные комиссии.

Регулярный научный поиск древних манускриптов и старопечатных книг, веками сберегавшихся староверами на Востоке России, начался с конца 1950-х годов по инициативе председателя Археографической комиссии АН СССР акад. М.Н. Тихомирова. В 1959, 1960 и 1962 гг. он отправил в старообрядческие поселения Забайкалья три археографические экспедиции во главе с московскими историками В.Б. Павловым-Сильванским и А.И. Роговым. Экспедиции подтвердили, что вопреки скептическим суждениям, крестьяне, переселявшиеся из Европейской России за тысячи километров в Сибирь, везли с собою тяжелые древние фолианты. И хотя эти московские экспедиции привезли их десятка три, одновременно выяснилось, что старообрядческие традиции недоверия к “чужакам” здесь гораздо прочнее, чем на запад от Урала, и наездами из Москвы их не преодолеть, требуется многолетняя систематическая работа сибирских археографов. Во время визита Тихомирова в Новосибирск в 1962 г. состоялись его переговоры с руководством СО АН СССР о создании археографического центра в Новосибирске. В 1964 г. эти переговоры были продолжены в Москве с академиками М.А. Лаврентьевым и А.Л. Яншиным, когда М.Н. Тихомиров показывал им свою коллекцию древних книг.

Как и другие научные коллективы Академгородка, сибирский археографический центр было решено создавать при участии ученых, прошедших хорошую профессиональную школу в Москве и Ленинграде, но с од-

новременным развертыванием подготовки специалистов в Новосибирске. Без этого осуществить обследование обширных и подчас труднодоступных территорий на востоке страны не представлялось возможным. Однако для подготовки новых специалистов по древним книгам требовались сами эти книги в подлинниках. Это противоречие было разрешено щедрым даром Тихомирова СО АН: он подарил Сибири свою уникальную коллекцию древних книг, крупнейшую из частных коллекций того времени. В 1965 г. одновременно с моим переездом в Новосибирск для осуществления плана археографических экспедиций я привез и передал эту коллекцию на хранение в ГПНТБ СО АН СССР: 648 славяно-русских рукописных книг XIV–XIX вв., 24 иностранные рукописи, 94 старопечатные книги XVI–XIX вв., архив документов XV–XIX вв. Среди них – самый древний рукописный кодекс Белоруссии – Друцкое Евангелие первой половины XIV в. с записью о самых первых князьях Друцкого княжества (с 1001 г.), Слова Григория Богослова – бумажная рукопись сербского извода 1362 г., Слова Григория Богослова середины XIV в., написанные на пергамене, Кормчая XV в., Слова Иоанна Златоуста конца XVI в. с прекрасными заставками и вкладной записью 1592 г. Ионы Думина, Русский хронограф первой половины XVII в.¹

Летом 1965 г. из Новосибирска в старообрядческие поселения Томской и Тюменской областей отправилась первая археографическая экспедиция (В.А. Алексеев, Е.И. Дергачева-Скоп, Е.К. Ромодановская). Ее результат – 38 рукописных книг, включая сборник XVI в. “Просветитель” древнерусского писателя Иосифа Волоцкого. В следующем году в Туву отправилась экспедиция Н.Н. Покровского и З.В. Бородиной, обнаружившая в скиту о. Палладия целую библиотеку древних книг. С тех пор поиск древних книг осуществляется усилиями ученых Института истории СО РАН, ГПНТБ и НГУ. Они побывали на Алтае, в Туве, в Бурятии, в Казахстане (в Восточно-Казахстанской, Джамбульской, Талды-Курганской обл.), в Киргизии, в Тюменской, Курганской, Новосибирской, Омской, Томской, Кемеровской, Иркутской, Амурской, Читинской обл., в Красноярском, Приморском, Хабаровском краях. В каждой из экспедиционных групп участвовало по 3–5 научных работников, аспирантов и студентов. К археографам, начинавшим в 1965–1966 гг. эту работу, присоединялись молодые ученые, студенты и аспиранты: Е.З. Журавлева, В.Ф. Рудак, Л.С. Соболева, И.А. Бородина (Гузнер), Т.Н. Апсит, С.П. Власова (Мкртчян), Л.И. Журова, Т.В. Воронина (Черторицкая), Н.В. Поньрко, Г.П. Енин, Н.Д. Зольникова, Т.П. Грязнова, Л.В. Титова, Н.С. Гурьянова, А.Т. Шашков, Т.С. Киркинская (Троицкая), Т.Н. Ватажицина (Киркинская), О.Н. Фокина (Шаньшина), А.И. Мальцев, Л.А. Ситников, О.Д. Горелкина (Журавель), О.К. Беляева, Г.А. Лончакова, М.К. Чирейкин, А.Ю. Бородихин, О.А. Савельева, Т.Г. Шатыгина, В.С. Кузнецова, Г.В. Вожаева, А.Х. Элерт, А.П. Крахмальников и многие другие. В экспедициях конца 60-х – начала 70-х годов прошли стажировку студенты и аспиранты СПбГУ из семинара Н.С. Демковой – Е.К. Пиотровская, Л.И. Сазонова, Т.Ф. Волкова, Н.Н. Литвинова, Н.Н. Кудрявцева, Е.П. Семенова и др.; Н.И. Вошилко (ЛГПИ); А.И. Дергачев и М.С. Коган (УрГУ) и др. В составе экспедиционных групп работали Н.В. Ревякина

¹ Об истории этого дара см.: *Шмидт С.О.* Издание и изучение наследия М.Н. Тихомирова: Тихомировские традиции // Сибирское собрание М.Н. Тихомирова и проблемы археографии. Новосибирск, 1981. С. 5–21.

(НГУ), А.М. Панченко, Н.Ф. Дробленкова (ИРЛИ АН СССР), Е.И. Маточкин (ИЯФ СО АН СССР), Э.Д. Бергман (НГПИ), А.Н. Кручинина (НГК)². С 1974 г. археографические экспедиции, развернувшие работу на Урале и в Зауралье, возглавил Р.Г. Пихоя (УрГУ) из Свердловска; в них участвовали ученые, прошедшие новосибирскую археографическую школу³.

Экспедиции работали в нескольких направлениях – выявление, описание и приобретение древнерусских рукописных и старопечатных книг, обследование региона на предмет перспективности его в археографическом отношении и установление долговременных контактов с местными книжниками-староверами, обследование государственных хранилищ древних книг региона и помощь хранителям в их атрибуции и описании.

Уже с самых первых встреч со староверами Сибири нам стало ясно, что экспедиции следует использовать не только для изучения крестьянской книжности разных регионов востока страны, но и для обследования других сторон традиционной народной культуры, а также восстановления истории урало-сибирского староверия. Поэтому важным направлением полевой работы с самого начала было этнографическое, включавшее сбор образцов народных тканей, орнамента, других бытовых предметов; позднее по налаженным связям эту работу взял на себя Институт археологии и этнографии СО РАН. С самого начала велись записи как традиционных для фольклористов сюжетов, так и сведений о крестьянской генеалогии, местах выхода семей, миграциях, памятных событиях прошлого. Эти данные облегчали планирование дальнейших маршрутов. Изучалась музыкальная культура – староверы обучали и обучают студентов и преподавателей консерватории литургическому пению, интерпретации древних музыкальных рукописей.

Неожиданным и приятным было обнаружение в первой же нашей экспедиции (Тува, 1966 г.) живой еще древнерусской традиции переписки и переплета книг, недаром наша статья о тувинском и алтайском скрипториях была сразу же опубликована стараниями Д.С. Лихачева в Ленинграде и Дж. Симмонса – в Великобритании⁴.

Экспедиционные сборы подвергались тщательной камеральной обработке. Определялся состав древних книг, их датировка, при возможности – авторство, новые находки сопоставлялись с уже известными в науке. Вся эта работа велась в тесном контакте со старыми археографическими центрами страны, в первую очередь – с Пушкинским Домом (ИРЛИ РАН), СПбГУ и с Археографической комиссией РАН. Ученые этих центров не только помогали советами, обсуждали ежегодные наши доклады у них о сделанных находках, но и не раз оказывали существенную поддержку, когда решались вопросы дальнейшего существования и развития нового археографического центра. С.О. Шмидту и Д.С. Лихачеву не раз приходи-

² Держачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н. Археографические исследования Сибири второй половины 60-х – начала 70-х годов и формирование коллекций рукописных и старопечатных книг // Книга и литература в культурном контексте. Новосибирск, 2003. С. 30–32.

³ Дорогами экспедиций // Книги старого Урала / Ред. Р.Г. Пихоя. Свердловск, 1989. С. 234–239.

⁴ Покровский Н.Н. О древнерусской рукописной традиции у староверов Сибири // Литература и общественная мысль Древней Руси. Л., 1969. С. 394–403. (ТОДРЛ; Т. XXIV); *Pokrovskii. Western siberian scriptoria and binderies* // The book collector. Vol. 20, N 1. P. 19–24. См. также об этих скрипториях: Покровский Н.Н. Путешествие за редкими книгами. М., 1984; М., 1988; Новосибирск, 2005.

лось использовать свой научный и общественный авторитет, доказывая необходимость развития еще одного центра, предметом изучения которого являлись преимущественно книги религиозного содержания. Новосибирские гуманитарии могли гордиться сделанной академиками А.М. Панченко и Д.С. Лихачевым оценкой их трудов как “археографического открытия Сибири”⁵. Найденные книги послужили основой для многих научных изданий – монографий, описаний книжных коллекций, публикаций источников, подготовленных самими участниками экспедиций.

Публикация найденных археографами ИИ СО РАН текстов осуществляется не только отдельными книгами (в монографических томах, каждый из которых содержит сам памятник и его текстологический, исторический и филологический анализ), но и в серийных сборниках “Археография и источниковедение Сибири” (вышло 24 сборника), “История Сибири. Первоисточники” (вышло 11 выпусков). Анализу найденных в Сибири и на Урале сочинений староверов-часовенных посвящена монография Н.Н. Покровского и Н.Д. Зольниковой. Т.В. Панич, Л.В. Титова и А.И. Мальцев выпустили два тома научных описаний рукописей, приобретенных археографами ИИ СО РАН в 1968–1996 гг., Н.Д. Зольникова опубликовала научные описания старопечатных книг того же хранилища⁶.

Книги, привезенные сотрудниками ГПНТБ, ИИ ФиФ СО АН (рукописи – до 1968, старопечатные издания – до 1973 г.), НГУ, хранятся в Отделе редких книг и рукописей ГПНТБ, а привезенные позже учеными ИИ ФиФ СО АН (ИИ СО РАН) – в особом хранилище в Академгородке. Всего в ОРК ГПНТБ хранятся 543 рукописи начиная с XIV в. (№ 1), 981 кириллическая книга начиная с XVI в. (включая подаренные московскими хранилищами), 32 гектографированные рукописи. В особом хранилище ИИ СО РАН содержатся: 834 рукописные книги начиная с XV в., 337 кириллических книг начиная с XVI в., 193 гектографированные рукописи и ксерокопии.

Среди ценных находок сибирских археографов следует отметить привезенный аспиранткой Е.З. Журавлевой (экспедиция Н.Н. Покровского)

⁵ Панченко А.М. “Археографическое открытие Сибири” // Памятники культуры: Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология / Ежегодник: 1974. М., 1975. С. 152–156; Лихачев Д.С. Археографическое открытие Сибири // Покровский Н.Н. Путешествие за редкими книгами. 3-е изд., доп. Новосибирск, 2005. С. 3–8.

⁶ Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Староверы-часовенные на Востоке России в XVIII–XX вв. М., 2002.; Панич Т.В., Титова Л.В. Описание собрания рукописей ИИФиФ СО АН СССР. Новосибирск, 1991; Мальцев А.И., Панич Т.В., Титова Л.В. Рукописи XVI–XX вв. из коллекции Института истории СО РАН. Новосибирск, 1998; Зольникова Н.Д. Описание книг кирилловской печати XVI–XVII вв. (Собрание ИИФиФ СО АН СССР) // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 183–232; Она же. Описание книг кирилловской печати XVI–XVII вв. (поступления 1984–1986 гг.) // Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма. Новосибирск, 1988. С. 141–155; Она же. Описание книг кирилловской печати XVI–XVII вв. Собрания Института истории СО РАН (1987–1995 гг.) // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI–XX вв. Новосибирск, 1998. С. 293–311; Она же. Описание книг кирилловской печати XVI–XVII веков из собрания Института истории СО РАН: (поступления 1996–2002 гг.) // Исторические и литературные памятники “высокой” и “низовой” культуры в России XVI–XX вв. Новосибирск, 2003. С. 309–326; Она же. Описание книг кирилловской печати XVIII–XIX вв. из собрания Института истории СО РАН (полевые сборы Н.Н. Покровского 1972, 1974 и 1975 гг.) // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв. Новосибирск, 2005. С. 162–168.

Минейный торжественник середины XV в., содержащий Слова известного древнерусского писателя XII в. Кирилла Туровского и Паремийные чтения о Борисе и Глебе, созданные в XI в. Состав и язык сборника анализировались в специальных научных изданиях. Были приобретены также интересные списки древнерусских повестей: Повести о Мамаевом побоище, Повести о царице Динаре и др.

Отдельной книгой издана также уникальная алтайская находка Н.Н. Покровского – “Судные списки Максима Грека” в составе сборника 1590-х годов. Максим Грек – известный ученый, деятель итальянского Возрождения, а затем Афона и, наконец, РПЦ, вокруг которого в Чудовском монастыре сложился кружок любителей знаний (“Чудовская Академия”), был замешан в Москве в придворные интриги и церковными судами 1525 и 1531 гг. осужден к заточению и лишению причастия. Его обвиняли в шпионаже, умысле на государево здоровье, еретичестве. Алтайская находка позволила через четыре века доказательно очистить имя ученого от этих обвинений (в 1998 г. РПЦ причислила его к лику святых). В алтайском сборнике также были скопированы важные документы: необычная редакция соборного постановления 1543 г., связанного с объединением при митрополите Макарии местных культов святых в единый общерусский, послания и завещание Кирилла Белозерского и др.⁷

При обследовании фондов Томского краеведческого музея Н.Н. Покровский обнаружил древнейший полный список первого нелетописного курса отечественной истории – Степенной книги царского родословия, созданной в 1560–1563 гг. в литературном кружке митрополита Макария его преемником Афанасием. Содержащий обширную редакторскую правку огромный манускрипт (1580 с.) заставил пересмотреть всю историю создания Степенной книги, лучше уяснить ее основные идеи. Это мысли о единстве страны, о законной передаче власти государями, строго чтущими каноны православной веры, христианские нормы поведения и управления страной, о союзе (“симфонии”) Церкви и Государства. На выходе первый том трехтомного комментированного издания памятника.

Важнейшей частью находок новосибирских (а позднее и уральских) археографов явились многие десятки рукописей, содержащих тексты ранее неизвестного в науке явления – крестьянской литературы востока страны XVIII–XX вв. Стали известны новые имена писателей: крестьянина Мирона Ивановича Галанина, бывшего холопа о. Максима, крестьян отцов Нифонта, Саввы (Мягкова), Симеона (Лаптева), Антония (Людиновскова), монахинь Тавифы (Людиновской) и Флены (Шабаршиной), монахов Иерона Потанина, Афанасия Мурачева и многих других.

С самого начала наш особый интерес вызвали сочинения исторической прозы этой народной литературы востока России. Еще в первой моей экспедиции 1966 г. в Туву хозяин скита о. Палладий торжественно познакомил нас со сборником, содержащим историческое повествование XIX в. “Родословие часовенного согласия”, основанное на неизвестных науке крестьянских сочинениях предыдущего столетия. Это первое из обнаруженных урало-сибирскими археографами сочинений нового жанра – “Родословия”

⁷ Судные списки Максима Грека и Исака Собака / Оpubл. Н.Н. Покровский; под ред. С.О. Шмидта. М. 1971; Покровский Н.Н. Замечание о рукописи Судных списков Максима Грека // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. XXXVI. С. 80–102.

старообрядческого согласия – было позднее дополнено целым рядом подобных находок, сделанных нашими уральскими коллегами и нами. Целенаправленным поискам сочинений нового жанра и других народных исторических произведений способствовала и быстрая публикация сообщения о находке в скиту о. Палладия в Археографическом ежегоднике и в ТОДРЛ⁸.

В составе Красноярской коллекции ОРК ГПНТБ – найденный в 1977 г. яркий человеческий документ народной литературы: “Повесть дивная”, повествующая об исключительно тяжелых испытаниях, выпавших на долю оренбургского казака Владимира Трегубова. Он был прогнан в 1854 г. сквозь строй по приговору военного суда за отказ служить “царю-Антихристу”, чудом остался жив и был сослан в Сибирь на каторгу, но дважды бежал с нее, стал игуменом тайного скита на Алтае, в составе которого имелся и скрипторий, где создавались и переписывались эсхатологические сочинения⁹.

Во многом итоговым историко-биографическим сочинением урало-сибирских староверов-часовенных явился обширный трехтомник “Повести чудесных событий” (“Урало-сибирский патерик”), составленный десятилетиями крестьянских авторов в 1940-х – 1990-х годах по плану, разработанному игуменом главного скита часовенных о. Симеоном (Лаптевым). Он включает тексты “Родословия”, десятки биографий подвижников – скитских старцев и стариц, местных крестьян-староверов, рассказы о чудесах. Памятник является важным источником не только по истории согласия, но и по религиозному сознанию, догматическому творчеству крестьян. Важен он и сам по себе – как новейшее проявление древней, реально живущей традиции жанра¹⁰.

Археографические экспедиции (особенно – последних лет) принесли весьма представительный комплекс догматико-полемических трактатов крестьянских богословов. И если эсхатологические построения староверов Урала и Сибири с самого начала привлекали внимание исследователей СО РАН, то теперь все больше и больше нас интересуют тексты и по другим догматическим проблемам, включая историософию Священного Писания и Предания, нравственное богословие, каноническое право, епитимейные новации и др. Начато трудоемкое изучение поздних урало-сибирских старообрядческих сборников как памятников, имеющих внутреннее единство,

⁸ Алексеев В.Н., Дергачева-Скоп Е.И., Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К. Об археографических экспедициях Сибирского отделения АН СССР в 1965–1967 гг. // АЕ за 1968 год. М., 1970. С. 262–274; Тамм И.Е. Деятельность Археографической комиссии в 1971 г.: (О докладе Н.Н. Покровского) // АЕ за 1971 год. М. 1972. С. 376–377. Покровский Н.Н. Новые сведения о крестьянской старообрядческой литературе Урала и Сибири XVIII в. // Историческое повествование Древней Руси. Л., 1976. С. 165–183. (ТОДРЛ; Т. XXX); Он же. Археографическое изучение памятников древней письменности и печати в Сибири в 1965–1983 гг. // АЕ за 1984 год. М., 1986. С. 13–25.

⁹ Покровский Н.Н. Биография оренбургского казака. Статья первая // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск. 1984. С. 103–130; Статья вторая // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 135–163.

¹⁰ Публикацию ряда текстов этого патерика см: Духовная литература староверов востока России / Отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск, 1999. С. 97–158, 657–676. (История Сибири: Первоисточники; Вып. IX). См. о Патерике: Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Староверы-часовенные на Востоке России в XVIII–XX вв. ... С. 314–394.

определенную идейно-этическую концепцию¹¹. В поле зрения ученых Института попала и проблема бытования в народной среде на востоке страны древних апокрифических произведений. Выяснилось, в частности, что на основе древнерусской традиции здесь возникали новые апокрифы¹². Ученые ИИ СО РАН начинают интересоваться текстами крестьянских писателей-староверов и как предметом изучения филологической науки¹³.

Говоря о находках сибирских археографов, акад. Д.С. Лихачев подчеркивал: “Сильной группе сибирских археографов необычайно повезло: они открыли не только отдельные авторы и переписчиков рукописей, – они открыли целую сибирскую крестьянскую литературу, разрушили бытательское представление о крестьянах как о людях, не имеющих особых интеллектуальных интересов. Они отчетливо показали, что крестьянские волнения, время от времени прокатывавшиеся по всей России, имели за собой напряженные духовные искания”¹⁴.

В ходе экспедиций выявлены и приобретены ценнейшие памятники раннего славяно-русского книгопечатания, включая те, которые вышли из типографий Венеции, Острога, Вильно, Киева, Москвы. В их числе редчайшее дофедоровское издание “анонимной” московской типографии, издания самого Ивана Федорова, московских типографов Андроника Тимофеева Невежи, Ивана Андроникова Невежи, Анисима Радишевского, Никиты Фофанова, Петра Федыгина, Кондрата Иванова, Василия Бурцова, Симеона Полоцкого, киевских Тимофея Вербицкого, Стефана Берынды и Тимофея Петровича, Спиридона Соболя и др. Виленские издания Луки, Козьмы и Леона Мамоничей ценны не только как раритеты типографского дела, но и как свидетельства идейной борьбы кануна и начала Смуты¹⁵. Первые киевские издания являются памятниками благотворного украинского влияния на культуру всех восточных славян и одновременно – фактами антикатолической полемики православных Украины.

¹¹ *Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д.* Староверы-часовенные на Востоке России в XVIII–XX вв.; *Зольникова Н.Д.* Шуришенское богословие: (Нижний Енисей, последняя треть XX в.) // Уральский сборник: История. Культура. Религия. Екатеринбург, 2003. С. 273–280; *Она же.* Старообрядческий нравоучительный сборник непостоянного состава конца XIX – начала XX века из собрания Института истории СО РАН // Исторические источники и литературные памятники XVI–XX вв.: Развитие традиций. Новосибирск, 2004. С. 178–203; *Она же.* Нижнеенисейский сборник: часовенное согласие, начало XXI в. // Памятники истории России. Екатеринбург, 2005. Вып. 6. С. 315–327; *Она же.* Тема софийности в нравоучительном сборнике конца XIX – начала XX в. из собрания музея Невьянской иконы (Екатеринбург) // Вестник церковной истории. М., 2006. № 2. С. 187–197.

¹² *Зольникова Н.Д.* Традиции и новации в конфессиональном сознании староверов востока России в XX веке // Вестник РГНФ. 2004. М., 2005. № 4 (37). С. 285–291.

¹³ *Титова Л.В.* “Благовещение Пресвятыя Богородицы и Рождество Христово” – сочинение современного старообрядческого писателя Афанасия Герасимова // Русское общество и литература эпохи позднего феодализма. Новосибирск, 1996. С. 298–324; *Журавель О.Д.* К изучению топики старообрядческой литературы: ситуация “отшествоие на безмолвие” // Культурное наследие средневековой Руси в традициях урало-сибирского старообрядчества. Новосибирск, 1999. С. 74–84; *Она же.* “Плач Богородицы” Афанасия Мурачева – памятник современной старообрядческой литературы // Сибирь на перекрестье мировых религий. Новосибирск, 2005. С. 192–197; *Журавель О.Д., Панич Т.В.* Повесть о видениях пустынножителя Михаила // Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. Новосибирск, 2005. Т. 2 (История Сибири: Первоисточники; Вып. XII). С. 74–82, 462–474.

¹⁴ *Лихачев Д.С.* Археографическое открытие Сибири... С. 7.

¹⁵ *Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д.* Хранители веры и книжности // Родина. 2000. № 5. С. 150–152.

С 1990-х годов экспедиционная работа археографов значительно усложнилась: резко выросли путевые и прочие расходы, а финансирование столь же резко сократилось. Количество древних книг в частном владении жителей региона постоянно сокращается, но не за счет приобретенных экспедициями: на порядки выросла рыночная оценка древних книг, за которыми все успешнее охотятся частные коллекционеры. В этих условиях в работе археографов Института истории СО РАН огромное значение приобрело ксерокопирование и сканирование рукописей, предоставленных владельцами лишь для кратковременного использования. Добрые отношения укрепляются и тем, что для староверов изготавливаются необходимые им копии рукописей, хранящихся в Собрании Института. Не без нашего влияния ксерокопировальная техника начала проникать непосредственно в среду старообрядчества, что создает дополнительные гарантии сохранения там памятников рукописной традиции. Начата и сплошная оцифровка рукописей, находящихся на хранении в ИИ СО РАН.

Несмотря на крайне тяжелые условия, в которых находится сейчас гуманитарная наука, в Институте продолжают все виды археографической работы: экспедиционная, камеральная, исследовательская и публикаторская; навыки ее передаются молодежи.

И.В. Домнин, А.С. Федотов

**“МОСТ, СОЕДИНЯЮЩИЙ ПАМЯТЬ ЭМИГРАЦИИ
И НАШЕЙ РОДИНЫ”¹:
БИБЛИОТЕКА-ФОНД “РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬ”**

Библиотека-фонд “Русское Зарубежье” (БФРЗ) – единственный в своем роде специализированный центр культурно-просветительского и научно-исследовательского характера, созданный в 1995 г. при содействии Правительства Москвы. Его основание есть воплощение благородного замысла возвращения на родину, сохранения, изучения культурного и научного наследия эмиграции, распространения и популяризации знаний о нем. Работа этого центра способствует укреплению связей с русскими диаспорами ближнего и дальнего зарубежья, поддержанию интереса к отечественной культуре. В основе создания Библиотеки-фонда лежит давняя идея эмиграции о централизованном собирании, накоплении, сбережении архивных и мемориальных материалов русского зарубежья.

Русские изгнанники немало сделали для осуществления этого замысла. Были организованы знаменитый Русский заграничный исторический архив в Праге, Русский педагогический музей и архив в Париже, Русская военная библиотека в Белграде, Русские архивы в Варне, Харбине, Порт-Артуре, Сан-Франциско и в других городах. Присылаемые на хранение документы часто сопровождалась завещанием: “Передать в Россию после свержения большевизма”. Разными путями многие ценнейшие материалы вернулась на Родину, многие собрания оказались утраченными, часть перекочевала в различные хранилища Европы и Америки, но значительная доля исторических реликвий по-прежнему невостребованна и находится в частных руках.

Существенный вклад в дело их поиска и спасения внес А.И. Солженицын. Высланный из СССР в 1974 г., он хорошо понимал, какую историческую ценность представляет не только “духовная вершина” русского зарубежья, но и свидетельства рядовых участников исторических событий. Писатель дважды обращался к соотечественникам с призывом присылать ему воспоминания для изучения и последующей передачи в Россию. Вот цитата из его открытого письма 1977 г.: “Русский Общественный Фонд, основанный мною три года назад, одной из целей своих ставит собирание всяких личных воспоминаний наших соотечественников с обязательством (от меня и моих наследников) – надежного хранения, постепенной перепечатки и каталогизации их, а как только наступит благоприятное для того время – перевозки их всех в один из городов Центральной России, где они будут соединены с подобными же воспоминаниями людей, проживших всю жизнь в СССР, и составят вместе с ними Всероссийскую Мемуарную Биб-

¹ Из выступления А.И. Солженицына на открытии БФРЗ в декабре 1995 г.

лиотеку, сгусток народной памяти и опыта”. И русская эмиграция откликнулась, прислав свыше 1000 рукописей из разных стран своего рассеяния.

Первый шаг в деле организации в Москве специального центра изучения и сохранения наследия эмиграции был сделан в сентябре 1990 г.: Библиотека иностранной литературы представила большую выставку книг старейшего издательства Зарубежной России “УМСА-Press”, существующего в Париже с 1925 г. При выставке работал читальный зал. Здесь впервые можно было открыто читать запрещенные прежде книги Н.А. Бердяева, о. Сергия Булгакова, С.Л. Франка, С.П. Мельгунова, А.И. Деникина, А.И. Солженицына и других выдающихся богословов, философов, историков, писателей, политических и военных деятелей, лишенных советской властью возможности жить и работать на Родине.

Директор издательства профессор Н.А. Струве поддержал предложение одного из инициаторов московской выставки В.А. Москвина учредить в России “имковский” филиал – издательство “Русский путь” и начать работу по созданию читальных залов “УМСА-Press” в других городах СССР.

В марте 1991 г. во Всероссийском музее А.С. Пушкина в Петербурге прошла вторая выставка “УМСА-Press”. В августе того же переломного для России года удалось зарегистрировать совместное предприятие “Русский путь”. На его базе развернулась широкая просветительская деятельность. Были организованы “имковские” читальные залы в Киеве, Твери, Орле, Ставрополе, Воронеже, Рязани, Смоленске, Тюмени, Иркутске, Перми, Владимире, Тамбове, Липецке. Передвижные выставки-читальни побывали в малых российских городах: Торжке, Вышнем Волочке, Кашине, Шацке, Касимове, Георгиевске, Бежецке, Кадоме, Бологом, Ржеве, Торопце и др. С 1991 по 1995 гг. удалось провести более 40 подобных мероприятий.

“Русский путь” вскоре приступил и к издательской деятельности. Среди первых книг были “Записи” священника Александра Ельчанинова, “Дни” Б.К. Зайцева, “Русская литература в изгнании” Г.П. Струве и другие известные в зарубежье произведения.

Тем временем от зарубежных дарителей вместе с книгами и периодическими изданиями стали поступать рукописи, письма, аудио- и видеозаписи, фотоматериалы о жизни русских изгнанников и беженцев. Естественным образом назревала необходимость создания в Москве особого центра русского зарубежья. Однако “Русский путь” находился в небольшом помещении. Для более продуктивной работы требовалось создание собственной базы, чтобы дарители были спокойны за судьбу передаваемых исторических свидетельств.

Начинание Н.А. Струве и В.А. Москвина поддержал префект Центрального административного округа Москвы А.И. Музыкантский. Самое живое и деятельное участие в решении этого вопроса приняли вернувшиеся на Родину А.И. и Н.Д. Солженицыны. В июле 1995 г. мэр Москвы Ю.М. Лужков подписал постановление столичного правительства о преобразовании районной библиотеки № 17, располагавшейся в четырехэтажном здании XIX в. на Нижней Радищевской, в Библиотеку-фонд “Русское Зарубежье”. Ее учредителями выступили Русский общественный фонд Александра Солженицына, издательство “УМСА-Press” и Правительство Москвы.

В декабре того же года состоялась церемония открытия нового культурного центра. Учредители и гости в своих выступлениях выражали надежду, что Библиотека станет не только хранилищем книг и архивов, но и живым местом встреч, творческой лабораторией, где будет разрабатываться духовное наследие Зарубежной России. «Открывая Библиотеку-фонд “Русское Зарубежье”, мы, содействуя этому возвращению, начинаем пока еще скромное, но – по мысли и перспективе – знаменательное дело. Впервые потомки русских эмигрантов ... ощущают, что в сердце России открывается дом для них заветный, родной, свой, посвященный делу их отцов и дедов», – сказал Н.А. Струве. А.И. Солженицын выразил уверенность в том, что “все здесь начнет функционировать, и будет действительно светиться этот мост, соединяющий память эмиграции и нашей Родины”. Таким образом, давняя, казавшаяся многим несбыточной, мечта изгнанников обрела реальные очертания.

За несколько лет плодотворной работы Библиотека обрела известность и заслужила высокую репутацию не только в России, но и за пределами Отечества. Существенно возросли архивные и книжные поступления, все больше исследователей и читателей стало посещать ее фонды. И в старом, малоприспособленном здании стало тесно.

В 2000 г. Правительством Москвы принимается решение о реконструкции БФРЗ. Курировал проект лично мэр столицы Ю.М. Лужков: «Мы испытываем чувство исторического и гражданского долга перед теми, кто в 1922 г. был выслан на “философском пароходе” за пределы Отечества, перед лучшими умами, перед всеми изгнанниками России. С этим чувством Правительство Москвы принимало решение об учреждении, а затем о реконструкции, по сути – строительстве, здесь, в одном из красивейших мест столицы – на Таганском холме – Дома Русского Зарубежья». И не случайно признанный знаток отечественной истории и культуры С.О. Шмидт, оценивая это событие, сказал, что возведение Библиотеки-фонда и начало ее многоплановой деятельности со временем “будут изучаться как славные страницы московской культуры рубежа тысячелетий”².

2 сентября 2005 г. состоялось торжественное открытие нового здания БФРЗ. Площадь комплекса, увеличившись десятикратно, составила почти 7000 м². Построены и первоклассно оборудованы хранилища архивных, музейных и книжных фондов, читальные, выставочные и конференц-залы³.

Среди приглашенных на открытие присутствовали представители федеральной и столичной исполнительной власти, депутаты Государственной думы, Московской городской думы, духовенство. Из разных стран на праздник приехали соотечественники, видные общественные деятели русского зарубежья.

² Из выступления С.О. Шмидта 3 октября 2006 г. на вечере, посвященном 15-летию издательства “Русский путь”.

³ Согласно Уставу, Библиотекой управляет Совет учредителей, в который входят президент Русского общественного фонда Александра Солженицына Н.Д. Солженицына, директор “УМСА-Press” профессор Н.А. Струве, заместитель председателя Комитета по культуре Правительства Москвы Р.Р. Крылов-Июдко. Все принципиальные вопросы решаются членами Совета только единогласно. Директором БФРЗ избран один из ее создателей, кандидат исторических наук В.А. Москвин. Число сотрудников выросло до 170 человек.

В большом конференц-зале после просмотра документального фильма “Посольство на Таганском холме”, посвященного деятельности БФРЗ, Д.А. Медведев тепло поздравил всех присутствовавших с праздником и зачитал приветствие Президента Российской Федерации В.В. Путина. Епископ Егорьевский Марк огласил послание Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, где говорилось: «Труды, которые взяли на себя Фонд Александра Солженицына и Библиотека-фонд “Русское Зарубежье”, имеют чрезвычайно важное значение для России. Собрана бесценная сокровищница документов, свидетельствующих, как о трагедии, пережитой Россией в XX в., так и о плодотворной деятельности наших соотечественников, оказавшихся оторванными от Родины. Во многом благодаря вашей работе навеки сохранятся мемуары и письма, художественные и научные сочинения тех, кто является гордостью России...»

В своем видеообращении А.И. Солженицын подчеркнул, что с возведением и устройством Дома русского зарубежья сбылась, наконец, мечта всей эмиграции о том заветном месте в России, “куда каждый эмигрант мог бы отдать, доверить на хранение историю своей жизни, полной бесприютства, скитаний, бедственной нищеты, и духовные плоды ее, свою историческую память и порывы своего пера”.

От имени диаспор и общественных объединений эмиграции выступили Н.Д. Лобанов-Ростовский, Н.А. Струве, А.А. Трубецкой, Ю.А. Трубников, Л.С. Флам-Оболенская, А.Д. Шмеман. В их ярких, искренних речах звучали слова благодарности создателям и организаторам Дома русского зарубежья, открытие которого для эмиграции имеет историческое значение. Для многих соотечественников этот центр стал “не только долгожданным хранилищем реликвий и ценностей, но и подлинным символом духовного возрождения России”.

Благодаря самостоятельному статусу и возросшим возможностям работа нового центра приняла масштабный и многосторонний характер. Сложились и отчетливо обозначились основные направления его деятельности: собирание и описание архивных материалов, пополнение и систематизация книжного и газетно-журнального фондов, научно-исследовательская работа, проведение выставок, конференций, круглых столов, лекций, творческих вечеров и других мероприятий, издание литературного и научного наследия эмиграции, современных исследований, посвященных различным аспектам истории и культуры русского зарубежья⁴.

Смысловой сердцевиной и главной “кладовой” Библиотеки-фонда является Архив-музей, который включает в себя три основных хранилища: архивных документов, музейных предметов и аудиовизуальных документов. Одна из принципиальных особенностей Архива-музея заключается в неделимости фондов, в сохранении их целостного исторического, культурного и научного значения. Архивные описи фондов обязательно сопровождаются списками-приложениями: печатных изданий (авторские работы, книги с автографами и т.д.), музейных предметов, аудиовизуальных документов. Таким образом, исследователи могут получить полное представление о составе и характере всех отложившихся в фонде материалов. Основ-

⁴ Информацию об истории создания Библиотеки-фонда, ее собраниях и проводимых мероприятиях можно найти на сайте БФРЗ: www.bfrz.ru.

ную часть архивно-музейного собрания БФРЗ составляют личные фонды и коллекции.

Начало архивному собранию положила Всероссийская мемуарная библиотека (ВМБ), созданная А.И. Солженицыным. Более тысячи мемуарных рукописей были присланы эмигрантами в ответ на призывы писателя 1975 и 1977 гг. Большая часть воспоминаний посвящена жизни в дореволюционной России и в эмигрантском рассеянии, событиям революций 1905 и 1917 гг., Первой мировой, Гражданской и Второй мировой войн. Их авторы – ученые, аристократы, государственные деятели, представители творческой интеллигенции, офицеры, инженеры, священнослужители, чиновники и даже крестьяне. Среди них – немало известных фамилий: В.П. Аничков, Э.Б. Кригер-Войновский, А.С. Лукомский, П.Н. Милюков, П.Ф. Рерберг, М.В. Родзянко, Ю.К. Старк, Татищевы, Стаховичи и др.

С 1994 г. в ВМБ начали поступать мемуары бывших советских граждан, прежде всего тех, в чьих судьбах отразились трагические изломы советской истории: революция 1917 г. и Гражданская война, коллективизация, голод, сталинские лагеря, Вторая мировая война, послевоенное лихолетье. В общей сложности на сегодняшний день ВМБ насчитывает более полутора тысяч рукописей. География имеющихся материалов поистине всемирна: Россия и ближнее зарубежье, Европа и северная Африка, Северная и Южная Америки, Азия и Австралия.

В процессе научно-технического описания рукописи ВМБ обстоятельно аннотируются, на каждую заводится информационная карточка, в которой указываются: сведения об авторе, временные рамки, географические названия, упоминаемые лица. Создаются сводный именной и тематический указатели, что существенно облегчает поиск и работу исследователей.

В коллекцию ВМБ включены 84 альбома А.И. Калугина, присланные из Аргентины и уже получившие известность среди исследователей эмиграции. В них собраны тысячи тематически сгруппированных вырезок (например, по темам “русские писатели”, “композиторы”, “история”, “некрологи” и т.д.) из газет и журналов русского зарубежья. Особая ценность заключается в том, что значительная часть их сделана из изданий, которые отсутствуют в российских библиотечных и архивных собраниях.

Среди фондов, имеющих безусловную историческую ценность следует отметить архив начальника Общей канцелярии Великого князя Николая Николаевича Н.Л. Оболенского⁵. В нем хранятся: переписка Великого князя с общественными и политическими деятелями эмиграции, руководителями Русского общевойскового союза, документы монархических организаций, деловые бумаги, материалы, касающиеся Российского зарубежного съезда в Париже 1926 г. и др.

Большой интерес представляет фонд Л.Ф. Зурова, писателя, ученика и “секретаря” И.А. Бунина, в котором содержатся воспоминания, документы личного характера, исследования по археологии и этнографии Печерского и Изборского краев⁶. Особенно богат известными в русском зарубежье именами раздел “Переписка” (среди семи десятков корреспондентов: И.А. и В.Н. Бунины, Г.В. Адамович, Г.В. Вернадский, Р.Б. Гуль, Б.К. Зайцев, о. Иоанн Шаховской, М.А. Осоргин, Ф.А. Степун, Г.П. Струве и др.).

⁵ Передан А.И. и Н.Д. Солженицыными.

⁶ Нынешняя территория Печорского района Псковской области.

Часть архивных материалов, сохраненных Л.Ф. Зуровым, выделена в отдельный фонд. Это – многочисленные документы (приказы, полевые книжки, дневники) Северо-Западной армии (1918–1921), в рядах которой Зуров сражался добровольцем. В эмиграции он состоял в Объединении ливенцев и северозападников и вместе со светлейшим князем А.П. Ливеном редактировал журнал объединения.

Благодаря содействию Н.А. Струве, из Национального архива Франции были переданы богатейшие фонды Общества охранения русских культурных ценностей в Париже (материалы Торгово-промышленного союза, Комитета по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей, семьи Рябушинских и многое другое).

Множество архивных документов, изобразительных материалов и других исторических раритетов передали в БФРЗ М.А. Деникина-Грей, М.И. Лифарь, О.-М. Дитрихштейн-Долгорукая, Л.С. Флам-Оболенская и другие дарители.

Хочется особо выделить собрание писем и замечательных рисунков Альберта Николаевича Бенуа; акварельный эскиз декорации, выполненный Ф.И. Шаляпиным, и его посмертную восковую маску, принадлежавшую С.М. Лифарю.

“Жемчужинами” собрания являются письма И.С. Шмелева, А.М. Ремизова, Б.К. Зайцева, о. Сергия Булгакова, И.А. Ильина, переписка М.И. Цветаевой с А.Э. Берг, А.К. Глазунова с А.Н. Черепниным, рукописи Д.С. Мережковского, Н.А. Бердяева, К.В. Мочульского, Б.П. Вышеславцева, И.И. Сикорского, переданные Н.А. Струве, а также эпистолярное наследие С.Л. Франка, вернувшееся в Россию благодаря А.И. и Н.Д. Солженицыным.

Бесценный дар поступил от сыновей проживавшего во Франции выдающегося специалиста по русской униформологии В.В. Звезгинцова. Помимо семейных документов и подборки изобразительных и редких печатных материалов по истории кавалергардов Архив-музей стал обладателем его капитального многотомного труда “Русская армия”, охватывающего период с 1700 по 1914 гг. Уникальным, не имеющим аналогов в мировой историографии, является иллюстративное приложение, включающее около 10 000 оригинальных цветных рисунков обмундирования и знамен всех родов войск Русской армии.

Ценнейшая коллекция документов поступила в БФРЗ от проживающего в Париже известного историка Н.Н. Рутыча-Рутченко. Среди них: более 600 писем генерала А.И. Деникина из собрания его соратника и секретаря полковника П.В. Колтышева, письма и записки генералов А.П. Кутепова, Е.К. Миллера, Н.Н. Головина из бумаг полковника П.Н. Богдановича, уникальный дневник ближайшего сотрудника генерала Н.Н. Юденича адмирала В.К. Пилкина⁷. Здесь же хранятся дневники (за 1920–1930-е годы) бывшего депутата Государственной думы, известного общественного деятеля Н.В. Савича⁸, его переписка с П.Н. Врангелем, П.Б. Струве, Н.И. Гучковым, А.В. Карташевым, М.М. Федоровым и др., журналы заседаний Инициативной группы по созыву Российского зарубежного съезда.

⁷ Выпущены издательством “Русский путь” под названием “В Белой борьбе на Северо-Западе: Дневник 1918–1920” (2005).

⁸ Готовятся к публикации в издательстве “Русский путь”.

Самый крупный экспонат Архива-музея – это “фрески” одного из известнейших иконописцев русского зарубежья Ю.Н. Рейтлингер. В 1931 г. в Медоне под Парижем русские эмигранты построили скромную церковь Иоанна Воина. Внутреннее помещение было обито загрунтованной фанерой и целиком расписано Ю.Н. Рейтлингер. К началу 1990-х годов храм пришел в запустение и стал разрушаться. В спасении “фресок” приняли участие Н.А. Струве и Русский общественный фонд Александра Солженицына. Росписи отделили от стен, разобрали на фрагменты и перевезли в БФРЗ. Часть фрагментов после реставрации демонстрируется в одном из выставочных залов БФРЗ, вызывая неизменный интерес у посетителей. После окончания полного цикла реставрационных работ предполагается смонтировать все росписи и воссоздать внутренний объем медонского храма.

Период после торжественного открытия нового здания стал особенно плодотворным в жизни БФРЗ. Ощутимые результаты принесла работа по комплектованию. Украшением Архива-музея стали две пергаментные богато украшенные грамоты: Петра Великого 1719 г. с большой государственной печатью (завизированная вице-канцлером П.П. Шафировым) и Екатерины II 1764 г. с собственноручной подписью императрицы, пожалованные роду Корбе.

Подлинная мемориальная реликвия – фрагмент одеяла, связанного дочерью Николая II для их брата – наследника Алексея – была передана в Архив-музей дочерью священника Николая Успенского из Австралии.

Среди новых поступлений можно выделить: авторскую рукопись рассказов художника К.А. Коровина, письма А.Н. Бенуа, З.Е. Серебряковой, Г.Д. Гребенщикова, Н.И. Ульянова, других известных представителей русского зарубежья.

Самым большим по объему пополнением архивного фонда стал обширный архив известного исследователя наследия И.А. Ильина Н.П. Полторацкого.

Ценными изобразительными материалами и архивными документами пополнился фонд Ю.Н. Рейтлингер. Из США поступили живописные работы известных художников русского происхождения С.Л. Голлербаха и В. Иляхинского.

Коллекцию пластинок с редкими записями русских эмигрантских исполнителей, проживавших в Америке, передала Л.С. Флам-Оболенская. Эти материалы поступили в фонды быстро пополняющегося хранилища аудиовизуальных документов.

Одним из наиболее ярких событий в деятельности Архива-музея стала подготовка и проведение в декабре 2006 г. выставки “Дары историков Русского Парижа: В.В. Звегинцов и Н.Н. Рутыч” в БФРЗ. Среди исторических реликвий из архива Н.Н. Рутыча были представлены: материалы конспиративной антисоветской организации “Национальный центр” (1918–1920), письма и фотографии генерала А.И. Деникина, полковника П.В. Колтышева, других известных деятелей Белого движения. Подлинным открытием для любителей русской военной истории стал показ материалов из архива В.В. Звегинцова. Подборка авторских рисунков обмундирования и знамен Русской армии была впервые выставлена на всеобщее обозрение.

Фонд библиотечного собрания БФРЗ насчитывает более 60 тыс. экземпляров книг и периодики как на русском, так и на иностранных языках. Основу составляют многочисленные дары представителей русской эмиграции. Около тысячи книг получены от “УМСА-Press” и Н.А. Струве. Большое собрание редких изданий поступило благодаря Ю.А. Трубникову от Земгора (библиотека Старческого дома в Ганьи). М.И. Лифарь передала часть книг своего покойного мужа, парижского типографа Л.М. Лифаря, который приходился родным братом знаменитому артисту русского балета С.М. Лифарю.

Большую помощь в комплектовании оказывает созданный в США комитет “Книги для России”, возглавляемый Л.С. Флам-Оболенской. В результате его усилий Библиотеке передано несколько десятков тысяч книг и документов.

В библиотечных фондах достаточно полно представлены: издательства “УМСА-Press”, “Возрождение”, “Издательство имени Чехова”; журналы: “Вестник РХД”, “Современные записки”, “Новый журнал”, “Русские записки”, “Кадетская переключка” и др.

В Библиотеке хранится немало подлинных раритетов и библиографических редкостей. Среди них тома с автографами А.М. Ремизова, П.Н. Краснова, Е.Э. Месснера, ценная коллекция поэтических сборников с дарственными надписями авторов, принадлежавшая Владимиру Смоленскому. Только здесь имеются комплекты таких периодических изданий эмиграции как еженедельник “Кстати” (издание Союза русских военных инвалидов в Шанхае), ежеквартальный журнал “Скаут-разведчик” (орган русских скаутов в США, Канаде, Аргентине, Венесуэле, Франции, ФРГ, Великобритании, Австралии), военно-политический журнал Общества галлиполийцев “Переключка”, ряд номеров журнала “Детство во Христе” и другие раритеты.

Библиотека постоянно и целенаправленно комплектуется современными исследованиями и переизданиями работ по тематике русского зарубежья. Электронный каталог БФРЗ формируется с 1996 г. и на сегодняшний день содержит 35 тыс. записей. Началась работа по переводу фонда печатных изданий на электронные носители.

Постоянно расширяется работа по программе помощи региональным библиотекам: удалось охватить свыше 50 республик, краев и областей России. Программа осуществляется при финансовой поддержке Русского общественного фонда Александра Солженицына и Правительства Москвы. Часть книг была отправлена зарубежным российским культурным центрам и библиотекам: Украины, Белоруссии, Молдовы, Литвы, Латвии, Франции, Германии, Италии, Испании, Чехии, Сербии, Черногории, Польши, Финляндии, Австралии и других стран. Всего с 1998 г. БФРЗ передала в дар свыше 400 тыс. книг.

Одна из главных задач Библиотеки-фонда – ведение научно-исследовательской и культурно-просветительской работы. Своего рода эпиграфом к этой деятельности могут служить слова одного из ее учредителей – профессора Н.А. Струве, которые он произнес на церемонии по случаю создания Библиотеки-фонда в 1995 г.: “Русская эмиграция – это была, это есть Россия. Без русской эмиграции – России нет. Вернее, не должно быть России без вживания в доблестный трагический образ русской эмиграции, без подражания ее верности и вере, без творческого освоения ее великого духовного наследия”.

В БФРЗ создан Научно-исследовательский отдел истории русского зарубежья. На сегодняшний день в нем работает около 40 человек, которые занимаются вопросами истории военной эмиграции, политических и общественных течений, религиозно-философской мысли, литературы, кино, архитектуры. Сектор “Русский язык в странах рассеяния” занимается современными проблемами развития и распространения русского языка в мире.

За минувшие годы сотрудники БФРЗ осуществили десятки значимых исследовательских и издательских проектов. Назовем некоторые, имевшие место в последний период: “И.А. Бунин: Новые материалы” (2004. Вып. 1), “Российский зарубежный съезд. 1926. Париж: Документы и материалы” (2006), “Художественное наследие сестры Иоанны (Ю.Н. Рейтлингер)” (2006) и др.⁹

Большой резонанс получили работы С.В. Волкова “Офицеры Российской гвардии” (2002), “Офицеры армейской кавалерии” (2004), “Офицеры флота и морского ведомства” (2004), представляющие краткие сведения о судьбах почти 18 000 человек, служивших Российской империи в последний период ее существования. Очередной том серии “Российский военный сборник” – “Хочешь мира, победи мятежной: Творческое наследие Е.Э. Месснера” (2005, сост. И.В. Домнин, А.Е. Савинкин) – посвящен наследию одного из крупнейших военных писателей эмиграции, точно предсказавшего господствующие формы и особенности военного противоборства конца XX – начала XXI в.

В 2006 г. были завершены такие важные проекты, как “Санкт-Петербургское Религиозно-философское общество: История в материалах и документах (1907–1917)” (О.А. Коростелев, О.Т. Ермишин), “Хроника кинематографической жизни русского Зарубежья (1918–1930)” (Р.М. Янгиров), «“Звено” (Париж, 1923–1928): Аннотированная роспись содержания: Из архива редакции» (О.А. Коростелев).

Большая работа проводится по организации научных конференций, круглых столов, выставок, творческих вечеров и презентаций книг.

Заметными событиями стали международные научные конференции, сопровождавшиеся публикацией материалов: “Пушкин и культура Русского зарубежья” (2000) и “С.Н. Булгаков: Религиозно-философский путь” (2003). Внимание специалистов привлекли конференции по истории русской эмиграции в Великобритании, Чехии, Германии, Италии. На основе их материалов издательством “Русский путь” выпущены сборники: “Культурное и научное наследие российской эмиграции в Великобритании (1917–1940 гг.)” (2002), «Т.Г. Масарик и “Русская акция” чехословацкого правительства» (2005), “Русский Берлин: 1920–1945” (2006), “Русские в Италии: Культурное наследие эмиграции” (2006).

В декабре 2003 г. состоялась конференция “Александр Солженицын: проблемы художественного творчества”, посвященная 85-летию писателя.

⁹ За время своего существования издательство “Русский путь” выпустило более 200 книг (см.: Издательство “Русский путь”: Каталог изданий 1991–2006. М., 2006). Среди последних изданий, посвященных русскому зарубежью, можно отметить: «Напишите мне в Альбом...»: Беседы с Н.Б. Соллогуб в Бюсси-ан-От» (2004), П.Б. Струве “Дневник политика: 1925–1935” (2004), А. Шмеман “Дневники 1973–1983” (2005), М. Йованович “Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940” (2005), С.В. Чиркин “Двадцать лет службы на Востоке: Записки царского дипломата” (2006), «Скит». Прага 1922–1940: Антология. Биографии» (2006), “Судьбы поколения 1920–1930-х гг. в эмиграции: очерки и воспоминания” (2006, сост. Л.С. Флам) и др. При БФРЗ работает книжный магазин, в котором можно приобрести литературу по русскому зарубежью и книги издательства “Русский путь”.

Ее участниками были писатели, публицисты, литературоведы из России, стран ближнего зарубежья, европейских государств, США, Канады, Китая. Материалы конференции нашли отражение в издании “Между двумя юбилеями, 1998–2003: Писатели, критики, литературоведы о творчестве А.И. Солженицына: Альманах” (2005).

В ноябре 2006 г. прошла Всероссийская научная конференция “Проблемы изучения культуры Русского Зарубежья”. От проходивших ранее подобных представительных собраний ее отличало преимущественное участие представителей региональных центров изучения эмиграции (существующих, как правило, на базе университетов) из Санкт-Петербурга, Курска, Уфы, Тюмени, Хабаровска, Владивостока и других городов.

С 2005 г. работает лекторий “История русского военного и морского зарубежья”, в рамках которого ежемесячно выступают сотрудники Сектора истории военной эмиграции. Доклады и их обсуждение вносят ощутимый вклад в изучение самой сплоченной группы российских изгнанников.

В стенах Дома проводится церемония вручения Литературной премии Александра Солженицына. Она присуждается писателям, “чье творчество обладает высокими художественными достоинствами, способствует самопознанию России, вносит значительный вклад в развитие традиций отечественной литературы”. Лауреатами премии стали: академик В.Н. Топоров, философ А.С. Панарин, писатели Л.И. Бородин, А.Н. Варламов, Е.И. Носов, В.Г. Распутин, другие литераторы и деятели отечественной культуры.

Важное место в культурно-просветительской деятельности Дома русского зарубежья отводится киностудии “Русский путь”. Ее творческий коллектив под руководством известного режиссера С.Л. Зайцева работает над проектами в области документального и игрового кино, в которых находят отражение неизвестные страницы истории эмиграции, современная жизнь русских диаспор, насущные проблемы и перспективы зарубежья. Созданный в конце 2005 г. кино клуб “Русский путь” превратился в подлинный форум русского документального кино, равного которому нет в современной Москве.

Об интенсивности и насыщенности научной и культурной жизни Дома русского зарубежья говорит тот факт, что в 2006 г. здесь прошло более 200 различных мероприятий.

Перечисленные выше многообразные начинания, научные и культурные проекты БФРЗ служат главной цели – сохранению и популяризации культурного наследия русского зарубежья как весомой и неотъемлемой части единой русской культуры.

Значение и первые итоги работы БФРЗ получили высокую оценку в приветствии Президента России В.В. Путина от 2 сентября 2005 г.: «Создание и деятельность Библиотеки-фонда “Русское Зарубежье” – важный, во многом уникальный проект в области международного гуманитарного сотрудничества. Прделанная за прошедшее десятилетие сотрудниками фонда огромная работа по возвращению на родину ценнейших книг, рукописей, архивных материалов, связанных с жизнью и творчеством наших выдающихся соотечественников, заслуживает самого искреннего уважения. И сегодня фонд не только сохраняет для потомков это поистине бесценное литературно-историческое и культурное наследие, но и много делает для популяризации русского языка, расширения общего русскоязычного информационного пространства».

И.М. Пушкарева

К ВЫХОДУ В СВЕТ ХРОНИКИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ 1895–1904 ГОДОВ

В 2007 г. завершился первый этап издания крупной публикации нового массового источника “Рабочее движение в России. 1895 – февраль 1917 г. Хроника” (далее – Хроника). Издание выходит под грифом Федерального архивного агентства России, ГАРФ, РГИА, Отделения историко-филологических наук РАН, ИРИ РАН¹.

Первая подборка материалов Хроники охватывает десятилетие перед первой русской революцией – важный период в истории рабочего движения в России, во многом определивший ход истории страны в XX столетии. В Хронике нашли отражение трудовые конфликты и борьба за экономические, социальные и политические права рабочих, которые вместе с семьями тогда составляли 1/5 населения страны. Рабочее движение на рубеже XIX – XX вв. проявлялось в стачках и волнениях, в собраниях и митингах, уличных шествиях и демонстрациях. С каждым годом оно все более тесно было связано с организациями, возникавшими в рабочей среде, и с политическими партиями, формировавшими в ней своих единомышленников ради (принимаемых ими каждой по-своему) демократической модернизации страны, ее национального развития.

Выявление источников и подготовка Хроники к изданию пришлось на последние два десятилетия XX в., а выход в свет десяти ее выпусков объемом более 350 п.л. – уже исключительно на постсоветский период (1992–2007 гг.)². В повседневной работе над Хроникой приняли участие сотру-

¹ В общую редакционную коллегию по подготовке всей Хроники с начала появления проекта в 1981 г. входили ученые ИРИ РАН (бывшего Института истории СССР АН СССР), а также Санкт-Петербургского института истории РАН (бывшего филиала Института истории СССР АН СССР в Ленинграде): В.И. Бovyкин (председатель), Ю.И. Кирьянов (заместитель председателя, с 1993 г. – председатель), И.М. Пушкарева, А.Н. Сахаров, В.В. Шелохаев, В.А. Шишкин; с 1993 г. в редколлекцию также вошли от ИРИ РАН – Н.А. Иванова, С.И. Потолов; от Института истории АН Республики Беларусь – Э.М. Савицкий. От Федерального архивного агентства России (бывшего ГАУ СССР, Комитета по делам архивов при Правительстве Российской Федерации) участвовали, сменяя друг друга на протяжении 1992–2007 гг.: Ф.М. Ваганов, Б.И. Каптелов, Л.В. Лапин, В.П. Козлов, С.В. Мироненко, Т.Ф. Павлова (с 1993 г. – заместитель председателя), Л.И. Панин, Р.Г. Пихоя, А.Р. Соколов, Е.Ф. Сопин, И.А. Торопов.

² Рабочее движение в России. 1895 – февраль 1917 г.: Хроника. М; СПб., 1992. Вып. I: 1895 год; 175 с.; СПб., 1993. Вып. II: 1896 год. 247 с.; СПб., 1995. Вып. III: 1897 год. 352 с.; СПб., 1997. Вып. IV: 1898 год. 352 с.; М., 1998. Вып. V: 1899 год. 391 с.; М., 1999. Вып. VI: 1900 год. 411 с.; СПб., 2000. Вып. VII: 1901 год. 605 с.; М., 2002. Вып. VIII: 1902 год: в 2 т. 838 с.; М., 2005. Вып. IX: 1903 год: в 4 т. 2003 с.; М., 2007. Вып. X: 1904 год: в 3 т. 811 с.

В редколлекцию этих десяти выпусков вошли: И.М. Пушкарева (отв. ред.), В.П. Желтова, Н.А. Иванова, С.В. Казакова, Ю.И. Кирьянов, Т.Ф. Павлова, С.И. Потолов. Составители: Б.Ф. Додонов, В.П. Желтова (отв. сост. I – II вып.), Н.А. Иванова, С.В. Калмыков, Н.В. Михайлов, С.И. Потолов, И.М. Пушкарева (отв. сост. III–X вып.), М.Ю. Русакова, Д.И. Соколов, И.М. Хайновская. Автор предисловий всех выпусков – И.М. Пушкарева.

ники научно-исследовательских институтов, высших учебных заведений, центральных, республиканских и областных архивов, музеев, некоторых (в основном, центральных) библиотек бывшего СССР. Списки составителей и консультантов Хроники (их фамилии названы в предисловиях к выпускам) насчитывают более 90 человек.

Организационная работа над Хроникой отразила эпоху в истории России, когда социальные и гуманитарные науки десятилетиями обслуживали власть. Именно поэтому оказалось возможным привлечь к разработке проекта буквально целую “армию” архивистов и ученых для проведения колоссальной работы по выявлению, сбору и обработке фактического материала по рабочему движению. Объединение творчества историков и архивистов страны на основе изучения приоритетной темы в советской науке проходило под началом Отделения исторических наук АН СССР, имевшего в своей структуре научные советы, связанные с Институтами истории Академий наук союзных республик.

Автор данной статьи, стоявшая у истоков появления новой публикации по рабочей истории, и как ответственный редактор, и как ответственный составитель этого издания, а также как автор предисловий к ее выпускам, ставит целью не только представить этот массовый обширный и многоплановый источник с его археографическими особенностями, но и рассказать об основных вехах его появления. Идея создания Хроники возникла у историков бывшего СССР в соответствии с логикой историографического развития важной научной проблемы, без которой не может быть представлена история России.

Замысел созрел и воплощался в жизнь постепенно. В годы советской власти было немало сделано для изучения истории рабочего движения в стране, но историки долго питались иллюзией, что “правильные” марксистские методологические позиции автоматически гарантируют истинность исследования. Эту позицию заняло и подавляющее большинство участников во время острых дискуссий начала 1970-х годов по поводу роли пролетариата в освободительной борьбе в России на рубеже XIX–XX вв. Группа ученых проявила было несогласие с официальной концепцией, выступив против идеализированного облика рабочего класса дореволюционной России, его безусловной гегемонии во все периоды освободительного движения. Однако обсуждение проблемы по причине контроля руководящих партийных органов ограничилось лишь цитатами из работ классиков марксизма-ленинизма. Но “отдельных примеров”, иллюстрирующих историю рабочего движения, было недостаточно для того, чтобы разрешать споры. Нужна была фундаментальная источниковая база для представления о том классе, который взял на себя кардинальное переустройство общества в 1917 г.

Публикации источников в 1920-е годы, в самом начале советской историографической традиции, как писал Б.Г. Литвак, еще не были идеологизированы, чего нельзя сказать о дальнейших изданиях³.

В вышедших в 1950–1960-е годы под редакцией А.М. Панкратовой сборниках материалов и документов “Рабочее движение в России в

³ Литвак Б.Г. Археография и историческое исследование // Литвак Б.Г. Американско-канадский дневник. М., 1998. С. 36–37. Впервые эта статья опубликована в: АЕ за 1992 год. М., 1994.

XIX в.”⁴ ставилась задача предоставить исследователям новые данные. Но это издание было тоже подчиненно господствующим в историографии директивам. Если обратиться к томам по периоду конца XIX в., то можно увидеть, что каждый из них предваряли “общие документы” о роли РСДРП, ее партийные документы и листовки, а подбор материала осуществлялся согласно заданной цели и сводился к возвеличиванию “руководящей роли большевиков.

Одним из недостатков “панкратовской” серии, с точки зрения археографии, была неполнота публикации: ее составители включали в сборники документы, “отражающие наиболее крупные волнения и стачки”. Это оказывало влияние на оценки характера рабочего движения, что отмечалось еще в 1950-е годы⁵. К тому же становилось очевидным, что к началу XX в., т.е. кануну первой русской революции, отмечавшемуся нарастанием рабочего движения, количество источников увеличивалось в десятки и сотни раз. Таким образом, дело не могло ограничиться 70 фондами (в основном центральных архивов), которые были представлены в “панкратовской” серии.

В конце 1970-х годов в связи с растущим интересом историков к таким понятиям, как “массовый источник”, “количественные методы”, были подведены итоги в изучении численности, состава и положения рабочих России⁶. Но для глубокого осмысления рабочего движения в России на рубеже XIX – XX вв. этого было недостаточно, что и привело к обсуждению возможностей создания такой публикации, которая помогла бы решить проблему объективного рассмотрения архивного наследия. Это, в свою очередь, поставило историков перед необходимостью менять принципы, методы и организацию работы, а также сам тип издания.

Он был определен в процессе поиска новых подходов к проблеме ценности научных публикаций источников для исторических исследований, доказательности выводов и обобщений вместе с изживанием, по мере возможности, предвзятого влияния на их архивно-археографическую обработку. На фоне возросшего интереса к новой археографической практике, свободной от одностороннего отбора источников, была определена и форма – “особой” Хроники как вторичного источника, предназначенного для исследователей рабочего движения. Она должна была вобрать в себя, по возможности, наиболее полную и разнообразную информацию по теме.

Форма записи событий в строго хронологическом порядке и раньше использовалась для изучения биографий видных политических и других деятелей, а также для освещения хода революций. Она были применена и к рабочему движению, но, к сожалению, только к отдельным его аспектам, преимущественно к локальным стачкам. Все это создавало трудности в проведении единой методики учета форм рабочего движения, что, в свою

⁴ Рабочее движение в России в XIX в.: Сб. мат-лов и док-тов / Под ред. А.М. Панкратовой. М., 1951. Т. I: 1800–1860. 1040 с.; М., 1950. Т. 2, ч. 1–2 (ч. 1: 1861–1874. 911 с.; ч. 2: 1875–1884. 780 с.); М., 1952. Т. 3, ч. 1–2 (ч. 1: 1885–1889. 911 с.; ч. 2: 1890–1894. 741 с.); М., 1963. Т. 4, ч. 1–2 (ч. 1: 1895–1897. 840 с.; ч. 2: 1898–1900. 918 с.)

⁵ См., например: *Чумалова Г.Г.* Выявление и отбор документов для печати в издании “Рабочее движение в России в XIX в.” // ТМГИАИ. 1957. Т. VIII. С. 129 и др.

⁶ *Антонова С.И., Аляров С.Я., Голиков А.Г., Кирьянов Ю.Н., Мейерович М.Г.* Источники о численности, составе и положении рабочего класса // Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979. С. 160–190.

очередь, затрудняло их статистическую обработку. На эти недостатки указывала и критика⁷.

Вместе с организационным решением проблемы коллективно был разработан принципиально новый подход к Хронике не только как к перечню фактов или приложению к сборникам документов (в этом отношении в историографии рабочего движения было немало “заделов” и до нашего издания⁸), а как к “самостоятельному произведению”⁹. В соответствии с принципами и методами, разработанными археографами, Хроника исторического материала должна была содержать подробное и систематическое изложение событий, объединенных по хронологии. Ведь она была призвана не только представить хронологическую последовательность событий, не только зафиксировать “случай” из рабочего движения, но и установить всю (по возможности, без исключения!) совокупность фактов, имевших прямое или косвенное отношение к данному событию и без заданной заранее программы показать их одновременность – случайную или взаимозависимую.

Только при использовании документально подтвержденных источниками фактов, такая Хроника могла быть приравнена к вновь созданному массовому вторичному историческому источнику, опирающемуся на первичную документацию и потому приобретающему научную ценность – как своеобразной концентрации и глубинной сути рабочего движения, освещающему его в развитии, без отрыва от общего исторического процесса. Задачей хроники было представить исследователям максимальное число первоисточников, как архивных, так и опубликованных в периодической печати того времени. Хроника была призвана углубить проблему, облегчить и расширить работу исследователей и одновременно стать своеобразным путеводителем по архивным фондам и материалам прессы конца XIX – начала XX в.

Для реализации этого замысла на Всесоюзной конференции по истории рабочего класса России дооктябрьского периода (Новосибирск, октябрь 1978 г.) было принято решение составить методические рекомендации для тех, кто будет работать с первичными источниками, т.е. для “выявителей” фактов – архивистов, а также их консультантов из числа научных работников и преподавателей вузов.

Было решено ограничиться периодом с 1895 г. до Февральской революции. Начальная дата – 1895 г. – была принята потому, что этот год отме-

⁷ См.: *Иванов Л.М.* Некоторые итоги и задачи изучения истории нового революционного подъема (1910–1914 гг.) // *Большевистская печать и рабочий класс России в годы революционного подъема 1910–1914.* М., 1965; *Волобуев П.В.* и др. О периодизации рабочего движения в России // *Рабочий класс и рабочее движение в России. 1861–1917.* М., 1966; *Лаврычев В.Я., Пушкарева И.М.* Некоторые проблемы изучения истории рабочего класса России периода капитализма // *ВИ.* 1981. № 1; *Мадор Ю.П.* Стачка в буржуазном обществе. М., 1984.

⁸ См., например: *Рабочее движение в России в 1901–1904 гг.* Сб. док-тов. Л., 1975. С. 378–538; *Хроника важнейших событий Коммунистической партии Белоруссии.* Минск, 1962. Кн. I; *Хроника рабочего движения на Украине. 1861–1899.* Киев, 1991. См. об этом также: *Хроника.* Вып. I. С. 4–7, 28–30, 150–152; вып. II. С. 213; вып. III. С. 264; вып. IV. С. 294–295; вып. VI. С. 365; вып. VII. С. 531; вып. VIII. С. 764; вып. IX. С. 1198, 1202 и др.

⁹ См. об этом подробнее: *Желтова В.П., Пушкарева И.М.* Хроники революции 1905–1907 гг. // *Вопросы источниковедения истории первой русской революции.* М., 1977. С. 281–284.

чен в истории резким подъемом рабочего движения, когда число стачек по сравнению с 1894 г. увеличилось более, чем в пять раз, а число стачечников – в 2,5 раза; в это же время и политические организации в рабочем движении стали переходить от пропаганды к активным действиям. Конечная дата была обусловлена Февральской революцией 1917 г.; т.е. завершением освободительной борьбы народов России против самодержавия¹⁰.

Проект методических рекомендаций был обсужден на совещании специалистов по истории рабочего движения (Минск, май 1981 г.), организованном Институтом истории СССР АН СССР, его Ленинградским отделением и Главархивом СССР. После первого же обсуждения речь пошла о включении в Хронику не только фактов забастовочного движения, но и всех форм трудовых конфликтов на всех производствах, а также материалов о деятельности политических и рабочих организаций, связанных с протестным движением. Тогда же было рассмотрено формирование тех археографических принципов и методов, которые должны были отличать эту публикацию по рабочему движению от предшествовавших изданий.

Возглавившая подготовку Хроники редколлегия создала комиссии, группы составителей и консультантов из числа ученых-исследователей в Москве, Ленинграде, на Украине, в Белоруссии, Прибалтике, Закавказье, Средней Азии, Казахстане, Молдавии, в областях Центрально-Промышленного и Центрально-Черноземного районов, Урала, Поволжья, Северного Кавказа и Дона, Севера России, Сибири и Дальнего Востока. На них были возложены выявление, сбор и обобщение материала по предложенной методике¹¹. Разработанные Редколлекцией методические рекомендации, дополненные карточками учета сведений, стали руководством к действию и основой для выявления и обработки архивных источников и материалов печати на местах¹². Редколлегия также просматривала списки фондов, необходимые для обработки в каждом из архивов, вносила дополнения и указывала направления поисков новой информации.

На каждого составителя и консультанта возлагалась основная задача – следить за точной передачей текста документа. Поэтому сбор материала для Хроники велся параллельно с методической работой на семинарах по регионам и на конференциях, которые собирались систематически, в течение 1986–1991 гг., в том числе и в целях стимулирования работы архивов. Конференции были проведены в Москве, Ленинграде (Санкт-Петербурге), Чебоксарах, Ростове-на-Дону, Горьком (Нижегородом), Ашхаба-

¹⁰ История рабочего класса СССР: Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. 2-е изд. М., 1989. С. 417, 487. Исполнение решения по составлению проекта методических рекомендаций было поручено специальной комиссии, созданной при Секторе истории буржуазно-демократических революций в России Института истории СССР АН СССР в составе: И.М. Пушкарева (председатель), В.П. Желтова (ученый секретарь), Н.А. Иванова, Ю.И. Кирьянов.

¹¹ Блинов Н.В., Желтова В.П., Иванова Н.А., Кирьянов Ю.И., Пушкарева И.М. О методике составления хроники и статистики рабочего движения в России периода капитализма (1861 – февраль 1917 г.) // ВИ. 1984. № 11. С. 59–78; Организационные и методические принципы подготовки хроник рабочего и социал-демократического движения в России. (1895–1917) / Отв. ред. В.И. Бовыкин. 2-е изд. М., 1990.

¹² Образцы карточек учета сведений об участии рабочих в различных формах рабочего движения и организациях, сводных таблиц стачечного движения, жалоб, прошений, требований, петиций рабочих, уличных демонстраций, партийных и массовых организаций см.: ВИ. 1984. № 11. С. 75–78, а также: Хроника. Вып. I. С. 138–143.

де, Вильнюсе, Баку, Чернигове, Иркутске, Минске, Самаре, Гродно. В них участвовали представители научных, архивных и учебных заведений ряда регионов, привлеченные к работе над Хроникой.

С конца 1980-х годов работа над Хроникой стала областью реализации международного проекта Дома наук о человеке (Париж) и других зарубежных научных учреждений по сравнительному исследованию и созданию Банка данных о рабочем движении в индустриальных странах Европы и США в конце XIX – начале XX в.¹³ Целью издания Хроники стало не только создание массового вторичного источника по рабочей истории, но и создание наиболее полной истории рабочего движения в России, по возможности, сопоставимой с аналогичной историей других стран, особенно в отношении статистики стачек.

В результате сбора источников в течение пяти лет в Хронике рабочего движения за 1895–1904 гг. были представлены документы и материалы 466 фондов 112 архивов, находящихся ныне на территории Российской Федерации, стран СНГ и Балтии. Перечень использованных архивов и фондов дается в приложениях к каждому выпуску Хроники.

Здесь же укажем наиболее насыщенные источниками фонды архивов в Москве и Петербурге. Это прежде всего фонды высших государственных учреждений царской России с обширными и разнообразными материалами по рабочей истории, хранящиеся в Москве, в ГАРФ. В них отражены действия царского правительства и разрабатывавшийся им комплекс мер по борьбе с рабочим движением. В фондах ГАРФ заключены порой единственные источники, содержащие факты для реконструкции тех или иных рабочих конфликтов, деятельности в рабочем движении местной партийной или общественной организации, группы или кружка. Правительство стремилось держать в центре своего внимания производственные конфликты и особенно массовые открытые выступления рабочих. Они находились в поле зрения высших органов власти. Большая часть из них представлена в документах Министерства внутренних дел с его Департаментом полиции, Особым отделом (Ф. 102 ОО (ДП)) и “делопроизводствами” (далее – д-во). Во втором д-ве имеются материалы об организации фабрично-заводской полиции, об урегулировании отношений между рабочими и нанимателями, донесения губернаторов, начальников губернских жандармских управлений и охранных отделений о стачках и о революционных выступлениях на фабриках и заводах, железных дорогах и т.д.; в третьем, “секретном”, д-ве содержатся обзоры с наблюдениями за деятельностью революционных организаций и за революционной пропагандой; в пятом д-ве отложились протоколы дознаний “неблагонадежных”, определения наказаний за участие в стачках и революционных выступлениях; в шестом д-ве – донесения губернаторов, начальников железных дорог и охранных отделений с 1900 г. о стачках; в седьмом д-ве – наблюдательные дела о стачках и материалы по делам социал-демократических, народнических, эсеровских, анархистских и других партий и групп. Ежегодно в Особом отделе на каждую губернию

¹³ С благодарностью отмечаем ту финансовую помощь, которую в тяжелые для российской науки 1990-е годы оказали зарубежные фонды: Международный институт социальной истории (Голландия, Амстердам), фонд Г.Р. Фелтринелли (Италия, Милан), Библиотека современной документации (Франция, Париж), а с 2000 г. – РГНФ.

заводилось несколько дел, содержащих ценные для историков сведения об его агентуре, следившей за деятельностью партий в рабочем движении.

История рабочего движения представлена также и в документах центрального органа политической полиции – Штаба отдельного корпуса жандармов (Ф. 110). В 1988 г. тысячи дел этого фонда были рассекречены, в том числе и некоторые дела за 1895–1904 гг.; последние удалось включить в научный оборот, детально осветив деятельность партий в рабочем движении. Основной сбор источников для Хроники вообще пришелся на время перестройки, когда открылся доступ к делам, находившимся ранее “на ограниченном использовании” и в других архивных структурах, в частности, в фондах Московского и Петербургского охранных отделений (Ф. 63, 93), где около 1000 дел содержат информацию о забастовочном движении, и часть из них относится к 1895–1904 гг.

Интересный фактический материал о формах рабочего движения, впервые широко используемый в Хронике, заключен в “Обзорах важнейших дознаний по делам о государственных преступлениях” (Ф. 102. Оп. 252), где сосредоточены уникальные сведения о социал-демократических кружках, возникших в разных городах страны.

Значительной источниковой базой для всех разделов Хроники стали документы Временной канцелярии по производству особых уголовных дел Министерства юстиции (Ф. 124) с обширными сведениями о деятельности партийных организаций, о лицах, привлекавшихся к уголовным наказаниям за революционную пропаганду. Это позволило персонифицировать события рабочего движения в Хронике.

По-своему уникальна коллекция нелегальных листовок и брошюр, отложившихся в полицейских и судебных органах дореволюционной России (Ф. 1741), которая стала основой для целого раздела Хроники, содержащего аннотацию к более чем 4,5 тыс. листовок. Картину рабочего движения хорошо дополнили и документы, отложившиеся в материалах полицейских учреждений архива: коллекция документов по истории революционного движения (Ф. 9599) и коллекция вещественных доказательств, изъятых полицией, протоколов обысков редакций и лиц, рабочих собраний, сходок (Ф. 1167). Составители не прошли мимо и многих личных фондов, в том числе – фонда Николая II (Ф. 601). Всего в ГАРФ для Хроники были взяты на просмотр описи 28 фондов.

Глубина отражения истории рабочего движения России на рубеже XIX – XX вв. в новом издании во многом зависела от материалов 34 фондов РГИА в Санкт-Петербурге, где содержится вторая часть документов государственных учреждений царской России: документы Совета министров (Ф. 1276), Канцелярии министра внутренних дел (Ф. 1282), Департамента общих дел МВД (Ф. 1284) с отчетами губернаторов министру, Министерства юстиции (Ф. 1405), а также Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов (Ф. 20). Первоосновой отобранных в РГИА материалов о стачечном движении являются документы Министерства торговли и промышленности (Ф. 23), в частности, отчеты и донесения фабричных инспекторов и их ведомости о стачках. В Горном департаменте этого министерства (Ф. 37) учитывались забастовки на металлургических заводах, в шахтах, на рудниках, приисках, нефтяных промыслах. Стачки среди железнодорожных рабочих представлены в материалах Канцелярии

министра путей сообщения (Ф. 229) и Управления железных дорог Министерства путей сообщения (Ф. 273).

С целью получения более обстоятельных сведений были изучены фонды Петербургского общества фабрикантов и заводчиков (Ф. 150), в которых представлены данные о конфликтах рабочих и предпринимателей на предприятиях, начавших модернизацию производства. Выступления рабочих на этих предприятиях отличались от других производственных конфликтов. Например, выступления нефтяников отличались от выступлений рабочих приисков, судя по материалам Товарищества нефтяного производства “Бр. Нобель” (Ф. 1458) и Ленского золотопромышленного товарищества, или Лензото (Ф. 1418), и др. Были впервые введены в научный оборот документы о производственных конфликтах из фондов Хозяйственного управления и Главного управления по делам местного хозяйства Сената (Ф. 1284, 1287). Некоторые сведения о рабочем движении были обнаружены в фонде управления дворцового коменданта Министерства двора и уделов (Ф. 1328).

Большой по значимости материал о рабочем движении был получен в ЦИАМ – из канцелярий московского губернатора (Ф. 17), Московской судебной палаты (Ф. 131), Коломенского уездного полицейского управления (Ф. 492), а также в фондах, ранее трудно доступных исследователям, РГАСПИ. В частности, это материалы Библиотеки РСДРП им. А.С. Кукулина в Женеве (Ф. 33), а также документы “Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса” (Ф. 335), Союза русских социал-демократов (Ф. 233) и др. Не менее значимы многочисленные источники ЦГА СПб – материалы Канцелярии петербургского губернатора (Ф. 253), Фабричной инспекции Петербургской губернии (Ф. 1229), петербургской сыскной полиции (Ф. 965), Общества Российской бумагопрядильной мануфактуры (Ф. 1196), Обуховского сталелитейного завода (Ф. 1267), Балтийского завода (Ф. 1304). Среди источников Хроники, ранее используемых по рабочей истории весьма выборочно, а то и с купюрами, а теперь с исчерпывающей полнотой, нужно отметить и документы фондов РГВИА в Москве и РГАВМФ в Петербурге.

В хранилищах, архивах 12-ти союзных республик бывшего СССР, в том числе в 5-ти областных украинских и 26 бывших партийных архивах (ныне вошедших в другие структуры национальных архивов этих стран), а также в 5-ти краевых, 4-х областных архивах Российской Федерации, содержатся не менее обширные и разнообразные сведения по исследуемой теме. Они заключены в фондах местной администрации – канцеляриях губернаторов, жандармских и полицейских учреждений, суда и прокуратуры, городских управлений, учреждений по управлению отраслями хозяйства и надзору за ними, а также предприятий промышленности, транспорта, связи, строительства, муниципального хозяйства, предпринимательских организаций. К этому следует добавить материалы из фондов рабочих организаций, редакций местных газет и журналов, а также из личных фондов. В фондах архивов местного административного управления имеются документы со сведениями, которые отсутствуют в центральных архивах высших царских учреждений. Таковы, например, донесения местной охраны, осуществлявшей надзор за рабочими заводами, шахт, рудников. Они часто направлялись в вышестоящие инстанции в сокращенном виде, что вело к искажению фактов и хода событий.

Конечно, объем фондов областных архивов (прежде всего республиканских и областных в западных областях СССР) зависел от уровня развития в каждом конкретном регионе промышленности, транспорта, строительства, кустарного и других видов производства. Составители Хроники столкнулись и с проблемой сохранности фондов, прежде всего с безвозвратными утратами документов в годы Великой Отечественной войны в Беларуси, Прибалтике, Украине. Но в Украине, в отличие от других стран СНГ, несмотря на войну, сохранилось огромное количество материалов по рабочему движению бывшей царской России, кроме того, некоторые из них еще до войны были опубликованы. В Хронике удалось использовать сведения из 55 фондов архивов г. Киева и других областных городов Украины.

Имели место потери в архивах и в мирное время. Так, пожар в Государственном архиве Костромской области 26 августа 1982 г. уничтожил 90% дел, относящихся именно к XIX – XX вв. Составителям Хроники в этом случае приходилось восстанавливать события по опубликованным научным работам, в которых имелись ссылки на этот архив, привлекая и дела, ранее не использованные и хранящиеся в личных архивах ученых.

В Хронике (особенно для комментариев и аннотаций разделов, связанных с трудовыми конфликтами, с деятельностью рабочих и партийных организаций) привлекались и материалы прессы – как нелегальные, так и легальные журналы и газеты начала XX в. Известно, что царская цензура долго, почти до революции 1905–1907 гг., запрещала публиковать сведения о рабочем движении в легальной печати. Для Хроники были использованы материалы 120 наименований газет и журналов конца XIX – начала XX в., в том числе зарубежных, немалое число местных малотиражных изданий. Среди материалов периодики особую ценность представляют нелегальные издания, в том числе пресса рабочих организаций (“Работник”, 1896–1899 гг.; “Листок работника”, 1896–1899 гг. и др.), зарубежные издания (социал-демократическая “Искра”, эсеровская “Революционная Россия”, бундовские “Последние известия” и др.). С их списком можно ознакомиться в приложениях к выпускам Хроники.

События и факты в выпусках Хроники располагаются по трем разделам: “Массовое рабочее движение”, “Партийные и рабочие организации”, “Листовки”; внутри разделов – по хронологии. Исключение составляют лишь материалы о коллективных всеобщих городских стачках (для них в каждом выпуске в первом разделе выделены подразделы со своей хронологией), а также – о деятельности отдельных крупных партийных и рабочих организаций, для которых во втором разделе выделены подразделы о работе их групп и кружков.

В десяти выпусках Хроники собран материал из 81 губернии и области страны за 1895–1904 гг. о протестном движении рабочих всех отраженных в источниках производств и отраслей труда на отдельных предприятиях и о выступлениях профессиональных групп, включая коллективные стачки¹⁴.

¹⁴ Отмеченная в источниках и в Хронике за 1895–1904 гг. отраслевая и профессиональная принадлежность рабочих: металлисты (рабочие занятые на металлообрабатывающих, машиностроительных и судостроительных заводах); текстильщики (все включенные в своды фабричной инспекции в I – IV группы); полиграфисты (типографы, литографы, рабочие переплетных мастерских); писчебумажники (рабочие, занятые производством

Добиваясь единообразия при археографической обработке источников и отборе объектов учета, критериев и перечня показателей, раскрывающих каждое выступление или форму организации, анализа достоверности источниковой базы и т.д., редколлегия потребовала подведения итогов в отношении разных мнений историков по некоторым не решенным в науке вопросам. Прежде всего это касалось определения социальных границ рабочего класса. Составители Хроники руководствовались тем, что в состав рабочего класса входили те категории лиц наемного труда, которые были заняты в материальном производстве и у которых заработная плата являлась основным источником существования. Это были: фабрично-заводские, горные, горнозаводские, транспортные рабочие (занятые на железных дорогах, на морском, речном и городском транспорте), труженики мелкой городской и сельской промышленности, занятые на лесозаготовке, сплаве, приисках, в строительстве, сельском хозяйстве, чернорабочие.

В этот перечень не вошли представители наемного труда из числа средних слоев населения – интеллигенции (врачи, учителя и т.п.), служащие (государственных, торговых (приказчики), железнодорожных, почтово-телеграфных и других учреждений), домашняя прислуга. В случае трудно проводимой грани между рабочими и служащими (например, в выступлениях железнодорожников и работников торговых заведений, корпораций городского транспорта) рекомендовалось учитывать и последних, но с оговорками и только в тех случаях, если они принимали участие в выступлениях вместе с рабочими. Состояние источников подчас затрудняло проведение четкой грани между различными типами промышленных заведений. Были затруднения и в связи с отнесением тех или иных рабочих к фабрично-заводским или к рабочим иных категорий. Отмечая несовершенство критериев, составители Хроники сочли приемлемыми принципы, принятые с 1895 г. фабричной инспекцией. Согласно им, фабриками и заводами считались предприятия, имевшие не менее 15-ти рабочих, а также те, которые при числе рабочих менее 16-ти имели паровой (или равный ему) двигатель; остальные заведения было предложено рассматривать как “дофабричные”.

Редколлегия и составители Хроники руководствовались тем, что полнота и достоверность информации зависят в первую очередь от характера и

бумаги, рабочие коробочных фабрик); деревообделочники (рабочие лесопильных, столярно-мебельных, бондарных, рогожных предприятий); пищевики (рабочие, занятые в мукомольном, хлебопекарном, кондитерском, консервном, винокурном, сахарном, табачном производствах); рабочие, занятые обработкой животных продуктов (кож, щетины и изделий из них), а также в скорняжном, сапожном, мыловаренном, воскобойном, свечном производствах; рабочие, занятые обработкой минеральных веществ (в производстве и обработке стекла, хрусталя, фарфора, фаянса, гончарных, керамических изделий, кирпича, цемента, извести, алебаstra, в каменотесном деле); химики (обработка нефтяных продуктов, изготовление резиновых изделий, искусственного топлива, минеральных удобрений, спичек, соды, солей, красок, лаков); горнозаводские рабочие (металлурги заводов Горного департамента, работники, занятые в выварке соли, производстве асфальта, огнеупорных материалов); горные (шахтеры, рудокопы, рабочие, занятые золотодобычей на приисках, добычей марганца, соли, нефти, в бурении, на торфоразработках); транспортные (рабочие-железнодорожники мастерских, депо, служб движения, ремонта путей, складов; водники на речном транспорте; рабочие городского транспорта (трамвай, конка, шоферы и др.)); сельскохозяйственные; прочие (строительные артели в городе, чернорабочие (учитывались по профилю предприятия), лесорубы, рабочие, занятые на электростанциях, водопроводе и не вошедшие в указанные группы).

качества первичных источников. Полученная от них информация для каждой статьи Хроники требовала источниковедческого анализа. Кроме того во время работы над Хроникой следовало соблюдать объективное отношение к дореволюционным официальным документам, как к исходящим из враждебного рабочему классу “лагеря”. Эти источники привлекались и ранее к публикации, но с купюрами, особенно когда дело касалось полицейских и жандармских документов.

В 1980-е годы еще имел место идеологический прессинг, и составителям картотеки производственных конфликтов предстояло тоже пройти между Сциллой и Харибдой, отдавая предпочтение, например, в описании хода той или иной стачки официальным донесениям, в которых часто бывало более точное и более беспристрастное изложение, чем в материалах агитационной печати, а тем более – в воспоминаниях революционеров. Одновременно нельзя было не учитывать, что и местные власти вполне могли представить тот или иной случай выступления рабочих односторонне, в выгодном для себя свете, не уступая в смысле искажения действительного положения дел революционным изданиям. С другой стороны, если эти последние могли преувеличивать значение экономических стачек, представляя их политическими, то донесения фабричных инспекторов часто в угоду хозяевам предприятий вообще заглушали резонанс конфликта, а тем более затушевывали в нем вину хозяев. В этом признавались сами фабричные инспекторы¹⁵. Поскольку они не всегда сообщали о рабочих выступлениях, становилось необходимым получить информацию из донесений полиции. Основным правилом для составителей Хроники стало: принимать во внимание время появления информации о событии и ее предназначение (доклад вышестоящим лицам и государственным структурам, использование информации о событии политическими организациями для агитации среди рабочих и т.д.).

Уже первое знакомство с архивными фондами показывало их исключительную информативность. Очень многие материалы еще не были введены в научный оборот. Они требовали критического анализа происхождения и содержания, проверки на достоверность сообщаемых в них сведений, уточнения времени и места события, выявления неточностей путем использования корпоративного метода и т.д. При отборе фактов учитывалась возможность и обстоятельства умолчания и искажения авторами содержания документов, исследовались пути и приемы получения ими информации. Предпочтение отдавалось источникам, исходившим от тех учреждений, в которых информация могла быть более объективной (например, фабричная инспекция).

Так предписывало методическое пособие; а об осуществлении этого на практике рассказано на примере некоторых событийных обстоятельств в предисловиях к выпускам Хроники. В первую очередь составители ориентировались на источники, близкие по времени к возникновению событий: например, на современные событию или сделанные вскоре после него записи очевидцев. Внимательно изучалось изложение фактов в официальных документах, например, при сопоставлении материалов следствия, дознания, допроса арестованных. Оттуда иногда брались дополнения и для

¹⁵ См.: Гвоздев С. (Клепиков А.К.) Записки фабричного инспектора. 2-е изд. М.; Л., 1925. С. 182.

реконструкции хода стачек. При составлении сводной карточки учета информации о том или ином событии проводилась ее выборочная проверка по материалам центральных архивов, в результате которой некоторые неточности устранялись¹⁶.

Центральное место при подготовке Хроники занимало обсуждение вопросов, связанных с отображением в ней сведений о стачках, волнениях и других производственных конфликтах, о политических выступлениях (первомайских стачках, мирных демонстрациях), которые составили первый раздел Хроники. При работе с первоисточниками составители карточек, как правило, не ограничивались регистрацией факта, а по ряду причин сопровождали его подробной аннотацией с указанием на источник, иногда его цитировали. Это облегчало редактирование статей Хроники для издания. Археографическая обработка материалов Хроники делалась в соответствии и с другими общими правилами публикации источников. В основе работы над изданием было стремление составителей придерживаться точной документальной записи со ссылкой на источник. При аннотации листовок точно воспроизводилась первая фраза с обращением, лозунги и призывы в конце ее, а в ряде случаев сохранялись или указывались и особенности языка документа.

В ходе подготовки Хроники составители обобщали и учитывали критические замечания и конструктивные предложения. Особенно это касалось издания статистики стачечного движения, коллективных жалоб, больничных касс, первых профсоюзов. Впервые составители обращали внимание на выявление в источниках традиционных форм рабочего движения, не имевших в литературе четкого понятийного определения и касавшихся, казалось бы, малозначительных нюансов: отличий стачки от волнения, требования – от прошения¹⁷, рабочего собрания – от митинга, уличных шествий – от демонстраций.

Поскольку Хроника должна была стать основой для статистики рабочего движения (это относилось и к организациям, с ним связанным, а также к листовкам), в процессе обсуждения проекта издания были отработаны основные характеристики форм борьбы и организаций, которые появились среди рабочих. Уточненные в ходе дискуссий, они получили содержательные, временные, географические, производственные и организационные границы. Так, исходным для методики сбора сведений о стачке стало ее определение как одной из основных форм борьбы пролетариата, которая, в отличие от волнения, выражается в прекращении работ для отстаивания экономических и политических требований, предъявляемых предпринимателям или властям, или в солидарности в ходе протеста рабочих против социального насилия. Волнения определялись как открытые

¹⁶ Так, при обобщении первичных карточек учета стачечной борьбы для выпуска “1899 год” было обнаружено, что в одной из них причиной конфликта было названо отсутствие у рабочих хлеба в столовой. Но группа, которая пришла на обед и начала конфликт, просто опоздала, и хлеб был убран со стола. Этот факт в Хронику не был включен, как и другой, когда составители включили в число стачек случай, когда рабочие не явились на работу, потому что “были пьяны”. Это отмечено в предисловиях к выпускам (см., например: Хроника. Вып. V. С. 42–43).

¹⁷ *Пушкарева И.М.* Новый подход к анализу источников по социальной истории (жалобы, прошения, требования рабочих на рубеже XIX – XX вв.) в ракурсе дискурсивных методов исследования // Доклады вторых Морозовских чтений. Богородск, 1996. С. 157–161.

стихийные массовые выступления (выражение недовольства) рабочих, сопровождавшиеся нарушением производственного или общественного порядка, предъявлением требований, но без прекращения работы; к волнениям относились и массовые бунтарские действия, нередко сопровождаемые беспорядками. Было условлено не относить к волнениям факты, констатирующие только подачу требований рабочими; последние, так же как жалобы и петиции, были выделены в специальные статьи. При описании всех открытых трудовых конфликтов предлагалось использовать ту же методику, что и при учете стачек.

За единицу учета стачек, волнений и других форм производственных конфликтов в Хронике принималось выступление рабочих на отдельном предприятии, будь то фабрика, завод, мастерская, депо и другие подразделения железных дорог (забастовка на железной дороге рассматривалась как групповая стачка), шахта, прииск, типография, электростанция, водопровод, мельница, порт, трамвайный парк, судно и т.д. или стачка (трудо-вой конфликт) группы рабочих определенной профессии (лесорубы, рыбаки, строители и т.д.). Для сельскохозяйственных рабочих единицей учета являлась стачка в помещичьем или кулацком хозяйстве, а если источник не содержал их наименований, то – в отдельном селе (деревне). Исключение составляли случаи, когда в Хронике характеризовалась коллективная забастовка рабочих ряда предприятий или профессий, и по первоисточникам не было возможности выделить каждое из охваченных ею заведений. Такая коллективная забастовка с невыясненным числом отдельных предприятий или групп рабочих фиксировалась отдельной статьей Хроники. О реализации археографической обработки документов в Хронике сказано в предисловии к ее первому выпуску. Это имело значение прежде всего для учета трудовых конфликтов.

Представленная в методических рекомендациях карточка учета сведений¹⁸ содержит 16 главных пунктов, на которые составитель должен был дать ответ, просматривая архивные и другие источники: форма и характер события (стачка, волнение, подача требований, жалоба, петиция); точная, выверенная дата (с разночтениями, если такие существовали, в примечаниях) – число и время года (месяц); то же – в отношении окончания события (число, месяц, притом, если дата прекращения конфликта неизвестна, то она не оговаривалась в примечаниях, а при описании событий более одного дня вторая дата означала последний день событий). Далее называется место проведения (губерния, уезд, город или иной населенный пункт), а в том случае, если дата или название населенного пункта, где происходило событие, условны, то они заключаются в квадратные скобки.

Следующий пункт – название предприятия, выверенное по справочной литературе, близкой ко времени события; затем – число рабочих участников конфликта, которое выбиралось составителями часто из нескольких разноречивых сообщений источников, что отмечалось в примечаниях (предпочтение отдавалось официальной статистике – фабричной инспекции); далее – для возможного сопоставления – сообщается об общем числе рабочих на предприятии (при отсутствии сведений в первоис-

¹⁸ Карточки учета сведений, составленные в различных архивах страны, хранятся в публ-каторском отделе ГАРФ.

точнике оно определялось на основе официальных справочных изданий). В статьях о групповых, коллективных, всеобщих стачках вначале содержится общий подсчет всех участников, который “расшифровывается” в специальных статьях о всех выступлениях объединившихся в групповую, коллективную стачку. Если в коллективных стачках участвовали одновременно рабочие разных профессий, то такие выступления учитывались как сумма коллективных стачек. Непременно указывалась отраслевая принадлежность участников, состав (профессия, пол, возраст и особо – участие в стачках женщин, подростков; национальность рабочих, кроме русских). Особое внимание обращалось на повод выступления, который часто был связан с требованиями.

В каждой статье перечислялись, если позволяли источники, все пункты требований, а при наличии коллективных жалоб и петиций рабочих считалось, что таковыми являются и письменные, и устные обращения групп рабочих к предпринимателям и властям с целью защиты экономических или социальных интересов (они группировались по содержанию требований); за единицу учета внутри этого показателя принимался каждый пункт требований, жалобы, петиции; требования при этом перечислялись в том порядке, как они были заявлены в документе, чтобы подчеркнуть наиболее важные претензии рабочих. Наряду с этим подчеркивалось, кому они предъявлялись – хозяевам или властям. Требования, предъявляемые властям, характеризовались как политические.

В числе других показателей последовательно отмечались: организация(и), подготовившая(ие) или руководившая(ие) выступлением с указанием ее (их) названия и политической ориентации, распространение ею (ими) прокламаций, назывались организаторы выступления, их социальная и партийная принадлежность. В Хронике фиксировался ответ администрации и подробно (этим она отличалась от хроник-приложений к сборникам документов) – ход выступления, начиная с реализации его цели, часто обсуждаемой на сходе или собрании и кончая наиболее полным, насколько это позволяли источники, описанием основных ступеней конфликта (сигнал к выступлению, последовательное вовлечение отдельных групп рабочих по дням, распространение листовок, связь с другими формами борьбы, поднятие флага, пение революционных песен и т.д.). В конце каждой статьи сообщается о результате борьбы (победа, компромисс, поражение, принятие резолюции, решения и т.д.), а также – о реакции властей (репрессии – аресты, суды, ссылки и др.), об откликах в печати – местной или в других регионах.

Конечно, сейчас видны недостатки и узость ряда позиций. Хроника была рассчитана больше на социологизированную историю и макропроблемы. И все же, сравнивая археографическое оформление Хроники с другими ранними публикациями источников по истории рабочего движения, можно констатировать, что она уже приблизилась к микроистории, к истории индивида с его субъективным опытом, к такой интерпретации происходившего, какой требуют теории ментальности или повседневности. Хроника отличается широтой и разносторонностью информации, фиксируемой при сборе материала по первоисточникам с указанием на имеющиеся в них расхождения (они отмечены примечаниями-звездочками в конце каждой статьи), касается ли это даты выступления, числа его участников,

предъявления требований¹⁹ или нюансов поведения рабочих – самовольных поступков, чувства депривации (сравнения с другими группами рабочих), гнева и т.п.

Каждая статья Хроники заканчивается ссылкой на место нахождения источника (название архива, номер дела, листы), на газету или журнал, и обязательно присутствует указание на более ранние публикации материалов о событии. В ссылках на первоисточники упомянуты только те документы, с которыми составители имели возможность ознакомиться лично. Если в статье упомянута изданная ранее хроника, то первоисточники, указанные в ней, не повторялись. Оформление ссылок сделано по правилам, предусмотренным археографическими принципами. Порядок расположения ссылок указывает на то, какую информацию составители считали наиболее важной: архивный источник (документы из официальных учреждений, материалы коллекций фондов нелегальных изданий и т.д.), газета или журнал, единовременные с событием (официальные, профсоюзной печати, а также связанной с партийными, прежде всего с социал-демократическими центрами). Далее мог быть указан, хотя и редко, проверенный на репрезентативность мемуарный источник, а также ранняя публикация о событии и научные издания (местные хроники рабочего движения) с обязательной проверкой используемых в них данных по первоисточникам и без включения оценочных суждений из литературы. При подготовке Хроники был привлечен материал предыдущих публикаций источников, в том числе и изданных к тому времени региональных хроник, сборников листовок. Все эти публикации, а также исследования, помогающие установить авторство листовок, датировку события, уточнить некоторые факты, связанные с деятельностью партийных организаций, мемуарная литература использовались выборочно при условии тщательной перепроверки, а по возможности – и обращения к ранее просмотренным архивным материалам. Заканчивалась каждая из карточек учета подписями ее составителей, консультанта и датой заполнения. Очень часто на все вопросы карточки на основании одного источника ответить однозначно было трудно. Собранные из разных источников данные в идеале обобщались консультантами и ответственными составителями в карточках учета общих сведений.

Сейчас, когда проведены первые предварительные статистические подсчеты, можно сказать, что в Хронике речь идет о тысячах производственных конфликтов, в которых за 10 лет участвовало в России свыше 1,5 млн рабочих. При этом в Хронике не учитывались выступления больших групп иммигрантов (китайцев, корейцев, турок), приезжавших на заработки в районы Дальнего Востока, Сибири и Закавказья. Стачек же рабочих, занятых в сельском хозяйстве, в которых выдвигались пролетарские требо-

¹⁹ Вот один из примеров: “30 [мая] – 1 июня”. Костромская губ., Юревецкий у., пос. Пучеж. Стачка рабочих (273 из 903)^{**} льнопрядильной ф-ки н-ков И. Сенькова. Требования – не запускать машины раньше смены, не задерживать рабочих после смены для отработки простоя машин, не применять в качестве наказания недопущение к работам, администрации и фабричному инспектору вежливо обращаться с рабочим и др.^{***} – частично удовлетворены...”

^{*} По другим сведениям – стачка началась 29 мая и закончилась 2 июня.

^{**} По другим сведениям – 170 из 950.

^{***} По другим сведениям – рабочие требовали только отмены штрафа за прогулы (Хроника. Вып. IX, ч. I. С. 189).

вания, связанные с заработной платой, продолжительностью рабочего дня и т.д., оказалось очень мало.

На сегодняшний день Хроника содержит наиболее полные данные о масштабах забастовочной борьбы во всех производственных сферах в целом по стране, за каждый год и по каждой губернии или области в отдельности. Ее статистические показатели отличаются от сведений В.Е. Варзара²⁰ и по числу стачек и стачечников дают цифры в два–три, а за некоторые годы и в более раз превышающие сведения фабричной инспекции. Они могут существенно расходиться с литературой, особенно местной, и потому на некоторых сторонах самой методики подсчета показателей следует остановиться: она строго связана с археографическими принципами и методами издания источников, принятыми для Хроники. Дискуссии, которые происходили по этому поводу, имели в виду и совершенно конкретную цель – создание базы данных для проведения в будущем математической обработки форм рабочего движения и прежде всего – полноценной статистики стачек по Хронике, которая дополнила бы статистические сводки В.Е. Варзара и могла быть с ними сопоставленной. Поэтому с особой тщательностью на рабочих заседаниях редколлегии рассматривались не только наиболее типичные ошибки при сборе материала и заполнении карточек, но и возможные трудности в методике подсчета сведений.

Для составления статистики основных форм борьбы и организаций рабочих по материалам Хроники был предложен тот же метод, что и при подсчете стачек – число выступлений и их участников, их географическое распределение, дифференциация выступлений (или организаций) по характеру требований и направлению борьбы, выявление степени ее организованности или стихийности, результаты, проявление насильственных действий со стороны хозяев и властей (увольнения, аресты и т.п.).

Предполагалось, что счетная единица при составлении статистики идентична основной единице учета – стачке рабочих на отдельном предприятии в определенный отрезок времени; за одну счетную единицу принимается и частичная забастовка на одном фабрично-заводском предприятии (цех, отдел, ряд цехов, отделов), на отдельном участке железной дороги, нефтепромысле и т.д., и забастовка всего предприятия; что всеобщая и групповая, коллективная стачки рабочих той или иной профессии, города, региона, одновременная стачка рабочих однотипных предприятий нескольких или одного владельцев могут быть учтены как сумма стачек, сложенная из количества бастовавших предприятий.

В соответствии с методикой подсчета бастующих, в Хронике особое внимание уделено передаче количественных показателей первоисточников, сопоставлению и проверке разноречивых данных. В документах разных ведомств, органов печати, в листовках, особенно в отношении крупных стачек, часто информация о числе участников одной и той же стачки была различной. Предстояло уточнять эти показатели и с уже существующими в литературе, где число забастовщиков иногда преувеличивалось в

²⁰ Варзар В.Е. Статистические сведения о стачках рабочих на фабриках и заводах за десятилетие 1895–1904 гг. СПб., 1905. Об отличии Хроники от статистики Варзара см. подробнее: *Потолов С.И., Пушкарева И.М.* В.Е. Варзар и статистика рабочего движения в России XIX – XX вв. // Василий Егорович Варзар – ученый, практик, общественный деятель: К 150-летию со дня рождения. СПб., 2001. С. 28–35.

десятки раз при доверии сведениям из агитационных изданий и без сопоставления их с официальными сведениями фабричной инспекции. Составители выбирали “свое” число, указывая в примечаниях на все другие показатели, предлагая исследователям продолжить их сопоставление. Но методика учета количественных показателей подразумевала использование только документальных источников и справочников и категорически исключала использование данных о числе бастующих из литературы и из мемуаров.

В истории рабочего движения существует большой разницей в определении числа бастующих, и этому вопросу в методике было уделено особое внимание. Учитывалось, что основой для подсчета бастующих является сообщение о числе участников каждой стачки. При колеблющемся в ходе стачки количестве участников брался максимум бастовавших в течение всего периода. Если начинала стачку часть рабочих, но вследствие этого останавливался весь цех или все предприятие, то в числе бастующих учитывались все работавшие в цехе или на предприятии. Если в первоисточниках указывалось, что бастует большая или меньшая часть рабочих предприятия, то в число стачечников включались в первом случае $2/3$ работающих на данном предприятии, во втором – $1/3$. Когда источник не содержал данных о количестве бастующих, но сообщалось, что бастовало все предприятие, то в число стачечников включались все работавшие на данном предприятии. Допускалось использовать общее число рабочих предприятия из справочников, если они относились к тому периоду, когда произошло событие (стачка, волнение). В случае отсутствия таковых число стачечников оставалось неизвестным. При повторных стачках известное число стачечников учитывалось вторично. В примечаниях к статьям Хроники перед ссылками на источники, по правилам археографии, указывались все разночтения в первоисточниках, а также изменение численности бастующих в ходе стачки на протяжении нескольких дней или недель.

Все эти правила были отнесены и к коллективным стачкам, в которых рабочие отдельных предприятий могли вступать и прекращать борьбу в разные сроки. При этом, кроме статьи со сводными данными о коллективной стачке, в самостоятельных статьях перечисляются все предприятия – участники общего выступления. Если источники не позволяют установить число предприятий, охваченных коллективной забастовкой, последняя учитывалась как одна счетная единица с пометкой “групповая”, “общепрофессиональная”, “общегородская”. Но в статистических таблицах Хроники такие забастовки имеют отдельные показатели.

В коллективных забастовках рабочих мелкой промышленности (ремесленных и кустарных заведений), если неизвестно число заведений, охваченных стачкой, но есть сведения о числе бастующих, для определения счетных единиц стачек допускалась возможность число бастующих разделить условно на восемь (8 рабочих для предприятия мелкой промышленности берется, исходя из того, что в России к ней относились заведения с числом рабочих до 15; среднее число рабочих может быть изменено, если имеются более точные данные о размерах ремесленных и кустарных заведений в изучаемом районе). Предполагалось, что коллективное выступление рабочих-надомников определенной профессии будет учитываться как одна стачка. Практически этими “допусками” составители Хроники не

пользовались, добиваясь получения более точных сведений в источниках. Но если в документе указывалось, что бастуют “металлисты”, “типографские рабочие”, “рабочие кирпичных заводов”, “железнодорожники” города, рабочие “некоторых заводов”, “ряда фабрик”, “отдельные мастерские” (в том числе ремесленные), “нефтяники”, “строители”, “портные”, “булочники” и т.д., и эти данные невозможно было конкретизировать, то выступление рабочих в данных случаях принималось за две счетные единицы (минимальное множественное число).

Стачечные дни определялись продолжительностью каждой стачки с момента остановки работы (начало стачки) до ее возобновления (окончание стачки). Если к работе возвращались постепенно, группами в течение нескольких дней, то датой окончания стачки в Хронике считался выход на работу последней группы бастующих. Если в ходе стачки производился частичный или общий расчет, то концом стачки считался день возобновления работы всего предприятия, а если через определенное время после окончания стачки рабочие бастовали вновь, то это событие учитывалось как новая стачка. В продолжительность стачки воскресные и праздничные дни включались в том случае, если речь шла о непрерывных производствах. Прекращение работ на время до 6 часов считалось половиной дня стачки; свыше 6 часов – целый день. Когда источники не содержали сведений о продолжительности стачки, в Хронике отмечалось, что она длилась не более одного дня. При желании забастовочные “человеко-дни” можно подсчитать, как это предполагал и В.Е. Варзар, умножением числа бастовавших на количество стачечных дней. Если источник содержит необходимые сведения, то желательно для точности не брать при этом максимум бастовавших, а учитывать все колебания количества стачечников по дням забастовки. Общее число забастовочных “человеко-дней” в течение месяца, квартала или года можно вычислить путем их сложения в каждой отдельной стачке и исчисления средней продолжительности одной стачки делением общего числа забастовочных “человеко-дней” на общее число забастовщиков.

При создании Хроники бралось в расчет и определение характера стачек. Особое внимание составители обращали на то, кому были адресованы требования (петиции), жалобы и просьбы – предпринимателям или властям. Этому должны были соответствовать и подходы археографического плана – на чем акцентировать внимание при создании Хроники. Экономические стачки всегда были связаны с требованиями увеличения (или сохранения прежней) заработной платы, сокращения (или сохранения прежнего) рабочего дня, отмены или сокращения штрафов, сверхурочных работ или с социальными требованиями (улучшения условий труда, быта, предоставления оплачиваемых отпусков, оплаты дней болезни, пенсионного обеспечения, бесплатного образования, вежливого обращения, увольнения представителей администрации за грубое отношение к рабочим). К экономическим в Хронике относятся и стачки солидарности по экономическим мотивам.

Экономическим стачкам в связи с вмешательством полиции или войск, арестами и т.д. в литературе нередко придавалось политическое звучание, хотя от примененного насилия сам характер стачек не менялся. К политическим в Хронике отнесены те стачки, где политические требования и мотивы были единственными или главными, где требования были

фактически обращены непосредственно к правительству. Это стачки с требованиями политических свобод, Учредительного собрания, всеобщего избирательного права, законодательного установления 8-часового рабочего дня, освобождения арестованных по политическим мотивам, восстановления на работе товарищей, уволенных за революционную деятельность, признания профсоюзов, а также стачки-демонстрации по поводу пролетарских праздников и годовщин общественно-политических событий (1 Мая, 9 января 1905 г., 19 февраля 1861 г. и др.). Если же главными были требования социально-экономического характера, и они же являлись поводом для стачки, а политические только сопутствовали им, то такие стачки относились к выступлениям смешанного характера.

Хроника дает возможность разделить экономические и смешанные стачки по направлению борьбы – на наступательные или оборонительные, основываясь на том, чего требовали рабочие: например, если они требовали улучшения условий труда и быта, то это были стачки наступательные; если боролись против ухудшения существовавших условий – оборонительные. К организованным отнесены стачки, которые описаны в Хронике как подготовленные в определенной степени и проходившие под руководством партийных, профсоюзных организаций, стачечных комитетов или группы лиц. В отличие от других публикаций по рабочему движению, согласно принятой методике, в Хронике не только констатируется руководство стачкой со стороны политических или рабочих организаций, но и названо множество фамилий организаторов стачки, их профессии, партийная принадлежность. Вместе с тем на основе фактов отмечается и стихийный ее характер.

Стачки, в соответствии с вышеуказанной методикой, легко подразделяются по результатам борьбы – на успешные (полная победа), компромиссные (частичная победа) и окончившиеся поражением. При характеристике результатов перечисляются конкретные уступки предпринимателей, но отмечаются и репрессии: частичный или общий расчет рабочих, подавление выступления полицией, казаками, солдатами; аресты; выселение рабочих из квартир; штрафы и т.д.

Методика учета сведений, принятая в отношении стачек и волнений, используется в Хронике для всех открытых форм рабочего движения. Она исходит из того, что некоторые сходки, собрания рабочих (маевки, митинги) были самостоятельными, не связанными с другими формами рабочего движения, где рабочие обсуждали различные вопросы экономического и политического характера, способы борьбы, агитации и пропаганды. Сходкой называлось небольшое конспиративное собрание; собрания же, организуемые в целях выражения политических настроений, чаще всего – приуроченные к 1 Мая, назывались маевками. К митингам причислены в Хронике более широкие массовые открытые собрания для обсуждения злободневных (чаще всего политических) вопросов, для выражения солидарности и протеста. Каждому собранию (сходке, маевке, митингу) в Хронике посвящена отдельная статья как единица учета, каким бы кратковременным это событие ни было; указывается профессиональный, социальный и национальный состав участников. Если на собрании присутствовали не только рабочие, то указывался смешанный состав его участников.

Точно так же отмечены в Хронике уличные демонстрации, организованные с целью выражения политических и социальных требований, протеста, солидарности, антиправительственных настроений рабочих и трудящихся масс. В 1901–1904 гг. в разных городах Европейской России состоялось более 430 демонстраций. Демонстрации, проходившие в разных частях города, учитывались как самостоятельные, указывался повод, число и состав их участников по социальному, профессиональному и национальному признакам. Если число участников колебалось, то брался их максимум с возможным выделением участников-рабочих. В Хронике названы фамилии инициаторов, партийные или рабочие организации, которые участвовали в демонстрациях, отмечаются элементы подготовки (листовки) и оформление (транспаранты, флаги и т.д.), сообщается о реакции властей и числе жертв при разгоне массовых шествий.

При выявлении в источниках рабочих и партийных организаций различных направлений (это – отличительная черта Хроники)²¹ за единицу учета принималось объединение как таковое, связанное с рабочим движением в городе или другом населенном пункте. В Хронике впервые в отечественной исторической науке была разработана и применена методика учета так или иначе связанных с рабочими организаций. При сборе информации о них трудности состояли в том, что к рабочим имели отношение и потребительские кооперативы, возникавшие при участии администрации предприятий, а также кассы взаимопомощи, некоторые из которых в условиях бесправия были связаны с партийными организациями и участвовали в рабочем движении.

При обработке материала для статистики каждая из статей отражает самостоятельно функционирующую партийную организацию, будь то ячейка, группа, кружок, комитет, городская, областная, национальная, всероссийская организация. При различиях названий партийных организаций, встречавшихся в документах, составители придерживались названия, принятого в литературе, но в скобках сообщалось и о других наименованиях организации, существующих в источниках, в том числе и присвоенных полицией. Организации в Хронике группируются по географическому принципу и подразделены по идейно-политической принадлежности (социал-демократические, социалистические и другие, действовавшие среди рабочих). Время функционирования организации учитывалось с момента возникновения

²¹ В Хронике учитываются действовавшие в 1895–1904 гг. на территории Российской империи 17 политических партий и многие партийные объединения. В их числе – 8 партий социал-демократического направления: Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП), Всероссийский еврейский рабочий Союз в Литве, Польше, России (Бунд), Социал-демократия Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ), Прибалтийская (Балтийская) социал-демократическая рабочая организация (П(Б)СДРО), Социал-демократическая партия Литвы (СДПЛ), Латвийский социал-демократический союз (ЛСДС), Армянская социал-демократическая партия (“Гнчак”), Еврейская социал-демократическая рабочая партия Поалей-Цион, а также – партии социалистического направления: Партия социалистов-революционеров (ПСР), Польская социалистическая партия (ППС), Рабочая партия политического освобождения России (РППОР), Армянский революционный союз (АРПС “Дашнакцутюн”), Революционная украинская партия (РУП), Белорусская революционная громада (БРГ), Социалистическая партия Белой Руси (СПБР) Сионистско-социалистическая партия (ССРП), Партия социалистов-федералов Грузии; и другие партийные объединения, (например, группа анархистов).

до ликвидации или реорганизации. Если организация вследствие разгрома или других причин прекращала свою деятельность, а затем возрождалась, то она учитывалась как одна и та же при сохранении ее названия и состава. Число ее членов давалось на те даты, которые отразились в источниках; по возможности указывался ее социальный, профессиональный и национальный состав. При колеблющемся числе членов учитывался их максимум. В источниках далеко не всегда встречается число действительных членов организации (платящих взносы), чаще – число записавшихся, посещавших собрания. Их учет допускался с известными оговорками.

При раскрытии структуры организации в специальных статьях отмечаются соподчиненные ей подразделения (для городских организаций – районные группы, кружки и др.), типографские подпольные группы с указанием времени их существования, местонахождения, идейно-политической ориентации, фамилий организаторов, а также основной печатной продукции. По сравнению с другими публикациями по рабочему движению, в Хронике раскрывается конкретный вклад в общее партийное дело большого числа партийных лидеров различных направлений, их контакты с определенными кругами рабочих²² и с организациями в других городах. Исследована история каждой из организаций, и при широком использовании примечаний раскрывается характер принимавшихся ею решений, направление деятельности в основном с учетом ориентации руководящих лиц, названы их фамилии, активистов (при этом указаны все псевдонимы партийных организаторов, встречавшиеся в источниках). Особо отмечено их участие в подготовке стачек, демонстраций и т.д., наличие в организации типографской техники и печатных органов.

Третий раздел Хроники включает аннотации более 4,5 тыс. листовок как особого вида агитационной литературы и наиболее распространенной формы агитации, более доступной массам, чем, например, периодика. Листовки издавались и распространялись в 1895–1904 гг. партийными и рабочими организациями на русском, еврейском, украинском, грузинском, латышском, литовском, польском, немецком и других языках в России и за рубежом. Они печатались многими способами (типографским, при помощи гектографа, мимеографа), писались от руки и т.д., обращались только к рабочим (или “ко всем”, но в том случае, если в них говорилось о положении рабочих в России, о рабочем движении). Кроме выявления листовок, хранящихся в специальных коллекциях нелегальных изданий в архивах и библиотеках, была проведена работа по их обнаружению в материалах следственных комиссий и в других архивных коллекциях, а также в периодической социал-демократической и эсеровской печати. В Хронику включались листовки, написанные не только лидерами партийных организаций,

²² Пример: “По сведениям полиции, 7 апреля в Екатеринослав прибыл С.И. Гусев (Я.Д. Драбкин) “с полномочиями от ЦК РСДРП”; он вступил в контакт с представителями “рабочей группы” Екатеринославского комитета РСДРП, а в конце мая приступил к формированию особой технической группы для снабжения местных и иногородних организаций комплектами типографского оборудования. В группу вошли 11 человек – наборщики, столяры и слесари. В начале июня группа установила связи с Николаевским, Херсонским и Одесским комитетами РСДРП для оборудования типографий для названных комитетов...” (Хроника. Вып. IX, ч. II. С. 485, примеч.).

но и самими рабочими, часто малограмотными. Во всех этих случаях было обращено внимание на сохранение языка листовок.

При археографической обработке факты, изложенные в листовках, проверялись, сопоставлялись, указывалось на ошибки, в том числе когда завышалось количество забастовщиков²³ или тираж издания. Особое внимание было обращено на призывы и лозунги организаций, издававших эти листовки, раскрывавшие направление агитации. Зафиксированы в листовках особые пометы на полях (“Прочитай и передай товарищам”, “Опасайся провокаторов” и др.), которые приближают исследователей к повседневности рабочего движения. Фиксировалось и наличие печати в листовках, часто с особыми гербами, которые уже исследуются специально²⁴. Многие листовки сопровождалась стихами (А.С. Пушкина, Н.А. Некрасова и других известных и неизвестных поэтов), включали тексты революционных песен, рисунки²⁵. В аннотациях листовок указаны возможные их переиздания, место распространения и, по возможности, их автор и тираж, хотя учитывалось, что он часто завышался для усиления пропагандистского эффекта возвания. Ссылки на листовки даны с учетом мест их хранения в разных архивах.

Как уже отмечалось, каждый из выпусков Хроники имеет предисловие с указанием научной ценности публикуемого материала, а в конце даны статистические таблицы сравнения за каждый год показателей числа стачек и стачечников по губерниям и областям в Хронике с данными фабричной инспекции. Отдельные таблицы учитывают нестачечные производственные конфликты (волнения, подача требований, жалоб, прошений, петиций). Начиная со второго выпуска, приложения содержат дополнительные материалы о рабочем движении за предыдущие годы, не учтенные ранее по разным причинам. В третьем выпуске даны на 1895 г.: административное деление Российской империи, перечень фабричных округов и их губернский состав, распределение горнопромышленных предприятий России по горным областям и округам, а также перечни судебных округов Министерства юстиции Российской империи, военных округов в России и их губернский состав, жандармских управлений и – на 1897 г. – распределение жандармских полицейских управлений железных дорог. В приложениях к девятому выпуску приведены данные о группах по транспортировке “искровской” литературы, перечислены требования бакинских рабочих, выдвинутых в ходе всеобщей стачки 1903 г. и ответ Союза нефтепромышленников; в девятом и десятом выпусках даны аннотации к съездам, конференциям и совещаниям российских политических партий в 1903 и 1904 гг., состоявшимся на территории России.

²³ Были случаи, когда число забастовщиков на крупных предприятиях завышалось в несколько тысяч (Хроника. Вып. IX, ч. III. С. 911).

²⁴ *Соболева Н.А.* К вопросу о символике России в первой четверти XX столетия: новые подходы к исследованию // *Россия в XIX – XX вв.: Мат-лы Вторых научных чтений памяти профессора В.И. Бовыкина.* М., 2002. С. 343–355.

²⁵ Хроника. Вып. V. С. 272; Вып. VI. С. 276, 302, 320, 334; Вып. VII. С. 337, 339, 364, 367, 411, 414, 464, 475, 480, 488, 493; Вып. VIII. С. 421, 427, 430, 435, 467, 474, 498, 502, 512, 515, 528, 702, 706; Вып. IX, ч. III. С. 973 и др. В рисунках чаще всего изображался стоявший на скале мужчина с развернутым знаменем с надписью “1 Мая!” или женщина с протянутой вперед рукой на фоне рабочих, несущих знамена с надписями: “8-часовой рабочий день”, “Свобода. Равенство”, а за ними – фабричного корпуса-дворца с восходящим над ним солнцем и толпами народа.

Каждый выпуск имеет список источников и литературы, использованных при составлении Хроники за данный год, указатели – именной, географических названий и предприятий; даны аннотации на русском и английском языках. Списки архивов и фондов в приложении к Хронике являются путеводителем для исследователей не только в России, но и в странах СНГ и Балтии.

Хроника по мере выхода в свет отдельных ее сборников давно служит исследователям для создания компаративных работ, оживления локальных и региональных историй²⁶. На это указывают и рецензии выходящие как в нашей стране, так и за рубежом²⁷.

Итак, создание Хроники – нового массового источника по рабочему движению в конце XIX – начале XX в. в России – результат многолетнего труда историков и архивистов. Хроника содержит в своих статьях комплекс опубликованных материалов разных типов и нескольких разновидностей, указывает на важность и необходимость их источниковедческого анализа. Хроника крайне актуальна для нашего времени: авторы многих исторических трудов постоянно оперируют историческими фактами только как иллюстративным материалом, не задумываясь над особенностями привлекаемых источников. Изучение массового рабочего движения, которому посвящена Хроника, в последнее время столкнулось со множеством конъюнктурных сложностей, со сменой научных приоритетов, став в истории почти забытой исследовательской темой. Значение Хроники необходимо для изучения всей истории дореволюционной России. Выискивание же мелких сенсационных и подчас скандальных историй и деталей, дискредитирующих прежних ее героев, очернение роли народных масс – все это отрицает историчность и достаточную стабильность основных форм индустриальных конфликтов в любом обществе. Общеизвестны характеристики основных действовавших в них субъектов – рабочих, предпринимателей, государства. Масштабы этих конфликтов между ними в дореволюционной России были весьма значительными.

²⁶ См. сборники статей, изданные по материалам Международных конференций, созываемых с 2001 г. два раза в год в Костроме Министерством образования РФ. Предприниматели и рабочие России в трудах историков XX века: В 2 ч. Кострома, 2001; Предприниматели и рабочие России в условиях трансформации общества и государства в XX столетии: в 2 ч. Кострома, 2003; Рабочие – предприниматели – власть в XX веке: в 2 ч. Кострома, 2005; Проблемы методологии, историографии и источниковедения в истории предпринимателей и рабочих в XX веке: в 2 ч. Кострома, 2007.

²⁷ *Абросимова Т.А., Китанина Т.М.* Важный этап в создании “Хроники” рабочего движения в России: [Рец. на сборники методических рекомендаций и подготовительных материалов для Хроники] // ОА. 1993. № 4. С. 202–204; *Розенталь И.С.* [Рец. на кн.: Хроника. Вып. I] // Там же. С. 205–207; *Бычков Г.И., Огнев В.Н.* (Коломна) [Хроника. Вып. II] // ОА. 1995. № 3. С. 120–121; *Канцевич Я.* (Польша). Важное коллективное начинание [Хроника. Вып. I – II] // ОИ. 1995. № 6. С. 199–203; *Chronicle of the labour movement in Russia: 1895–1917 was started* // Social History and Russia. Amsterdam, 1996. (April). P. 5; *Розенталь И.С.* [Хроника. Вып. I – III] // ВИ. 1996. № 4. С. 164–166; *Белов М.Н., Новиков А.В.* (Кострома). Хроника рабочего движения в России [Хроника. Вып. IV] // ОИ. 1998. № 5. С. 191–197; *Шелохаев В.В.* Политическая история России XX века // Вестник РГНФ. М., 1999. № 3. С. 43–44; *Дагаева В.П.* (Пенза) [Хроника. Вып. V] // ИА. 1999. № 5. С. 218–221; *Berziņš J.* [Хроника. Вып. V] // Latvijas Vēstures institūta Zurnais. Rīga, 1999. N 4. P. 174–176; *Макаров Н.А., Петров А.Е.* Историки России и РГНФ в 1995–1999 гг. // ОИ. 2000. № 3. С. 139; *Бычков Г.И., Лыкин С.С.* (Коломна) [Хроника. Вып. VI] // ОИ. 2000. № 4. С. 99–112; *Дагаева В.П.* (Пенза) [Хроника. Вып. VI] // ИА. 2000. № 5. С. 224–225.

Начатая обработка количественных данных Хроники²⁸ установила, что число (более 8 тыс.) трудовых конфликтов, большую часть которых составляли стачки во всех отраслях производств с 1895 по 1904 г., превышает во много раз показатели фабричной инспекции, обобщенные В.Е. Варзаром (по стачкам – в 4 раза, а по стачечникам – в 3 раза). В этих конфликтах участвовало накануне революции 1905 г. более 1,5 млн рабочих, притом в более 30% случаев это были стачки групповые, коллективные и всеобщие городские. Хроника также позволяет рассмотреть участие в движении отдельных категорий рабочих, отследить их поведение в каждом экстремальном случае – в стачках, массовых волнениях, митингах, демонстрациях и т.д. и таким образом лучше понять обыденную жизнь едва ли не одной пятой населения страны (число рабочих вместе с семьями), ее экономические и социально-политические требования.

Количественные показатели Хроники стали недостающим звеном в изучении рабочего движения в России с 1895 по 1917 гг. Благодаря Хронике стало известно, что за эти годы в стачечной борьбе принял участие в среднем каждый второй рабочий в отраслях производства, учтенных этим источником. Значение Хроники – и в создании фундаментальной основы для новой рабочей истории, и в утверждении социальной концепции истории России в целом (в противоположность готовой занять научное пространство антисоциальной концепции, в которой не остается места народным массам; и при этом революции подвергаются остракизму).

Хроника проливает свет на такие общественные явления, как деятельность партийных и рабочих организаций в России. В ней впервые представлена роль в рабочем движении сотен (более 700) комитетов и групп партийных и рабочих организаций в стране: от Варшавы до о. Сахалин, от Архангельска до Баку. Хроника дает также количество и масштаб распространения листовок, наиболее действенного среди других средств пропаганды и агитации на рубеже XIX – XX вв. в России. Большая часть листовок (от 81% до 85%) обращенных к рабочим приходилась в эти годы на социал-демократические (включая бундовские и национальные) комитеты и группы, и социалистические (эсеры и др.) (от 4% до 6%). Хроника позволяет увидеть разницу между стихийным движением и целенаправленной политической деятельностью партийных и рабочих организаций в борьбе за улучшение экономического положения рабочих и за политические права.

Хроника подтверждает, что рабочее движение было одной из важных доминант в жизни страны, что история России того времени, как и любой другой страны, вряд ли может быть правильно понята, если ее ограничить при вольном или невольном отсечении массового рабочего движения, Хроника нацеливает на создание его обновленной концепции, на отказ от односторонности при его освещении, от выпячивания отдельных фактов, явлений, личностей. Она показывает рабочее движение как сложное и противоречивое экономическое и политическое действие масс, содержащее бесконечное количество перекрещивающихся сил, из которых выходит одна равнодействующая – историческое событие. Хроника обеспечивает эти подходы без соблазнов идеализировать или очернить эти явления в уго-

²⁸ См.: *Пушкарева И.М.* Возвращение к забытой теме: массовое движение в России в начале XX в. // ОИ. 2007. № 2. С. 101–120.

ду политике. Она напоминает что при своей самоуверенности, стоявшая на патерналистских позициях царская власть отличалась крайней недальновидностью и неумением прогнозировать взрывы возмущения масс.

Социальные противостояния и конфликты, возникающие в современном обществе, необыкновенно расширились: в них участвуют не только рабочие различных отраслей труда. Но в любом массовом движении повторяются те же модулированные экономические и политические мотивы. В этом – актуальность Хроники. Такого рода издания рассчитаны на ученых и политиков, интерпретирующих настоящее в сравнении с прошлым и идущих не от концепции, а от источников, информационная глубина содержания которых достигается только научными трудами с помощью важных исторических дисциплин – источниковедения и археографии как основ любого исторического исследования.

В.П. Волков

ОПЫТ ПУБЛИКАЦИИ ДНЕВНИКОВ В.И. ВЕРНАДСКОГО: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ

Эпистолярное наследие великого натуралиста и философа Владимира Ивановича Вернадского (1863–1945) огромно. Большая его часть хранится в АРАН в Москве (фонд № 518) и насчитывает 4722 единицы хранения. Академические издания материалов фонда начали публиковаться с 1951 г. (переписка с В.В. Докучаевым¹), затем после долгого перерыва последовал двухтомник переписки с Б.Л. Личковым², в 1985 г. публикуются письма В.И. Вернадского А.Е. Ферсману³ (без ответных писем А.Е. Ферсмана). В 1988 г. вышел первый из пяти томов писем В.И. Вернадского к жене, Н.Е. Вернадской⁴ (издание растянулось на 19 лет!), наконец, в 1995 г. была издана переписка В.И. Вернадского с А.П. Виноградовым⁵.

К 1967 г. относится первая публикация текста дневников. Это отрывки из юношеских записей 1884–1885 гг.⁶, обнародованные историком науки И.И. Мочаловым – автором первой и пока единственной научной биографии В.И. Вернадского⁷. Он же в упомянутой биографии широко использовал фрагменты из дневников практически во всем их хронологическом интервале (1877–1944). После 1988 г. отрывки из дневников разных лет неоднократно публикуются в различных журналах и газетах. Особо отметим значительный корпус текстов 1938–1941 гг., обнародованный в 1991–1995 гг. И.И. Мочаловым в массовых литературно-художественных журналах “Новый мир” и “Дружба народов”⁸. Эта публикация была приближена к нормам изданий для массового читателя и охватывала 50–60% текста оригинала.

¹ Переписка В.И. Вернадского с В.В. Докучаевым, 1888–1892, 1897–1899 гг. / Подгот. И.М. Скрынникова // Научное наследство. М., 1951. С. 761–842.

² Переписка В.И. Вернадского с Б.Л. Личковым. 1918–1939 / Сост. В.С. Неаполитанская. М., 1979. 271 с.; Переписка В.И. Вернадского с Б.Л. Личковым. 1940–1944. М., 1980. 224 с.

³ Письма В.И. Вернадского А.Е. Ферсману. 1907–1944 / Сост. Н.В. Филиппова. М., 1985. 272 с.

⁴ Письма Н.Е. Вернадской. 1886–1889 / Сост. Н.В. Филиппова. М., 1988. 304 с.; Письма Н.Е. Вернадской. 1889–1892 / Сост. Н.В. Филиппова. М., 1991. 320 с.; Письма Н.Е. Вернадской. 1893–1900 / Сост. Н.В. Филиппова. М., 1994. 368 с.; Письма Н.Е. Вернадской. 1901–1908 / Сост. Н.В. Филиппова. М., 2003. 295 с.; Письма Н.Е. Вернадской. 1909–1940 / Сост. Н.В. Филиппова, В.С. Чесноков. М., 2007. 299 с.

⁵ Переписка В.И. Вернадского и А.П. Виноградова / Сост. Л.Д. Виноградова. 1995. 382 с.

⁶ *Вернадский В.И.* Из дневников 1884 г. / Публ. И.И. Мочалов // Природа. 1967. № 10. С. 97–105.

⁷ *Мочалов И.И.* Владимир Иванович Вернадский. М., 1982. 488 с.

⁸ *Вернадский В.И.* Дневник 1938 г. / Публ. И.И. Мочалов // Дружба народов. 1991. № 2. С. 219–248; № 3. С. 241–269; *Он же.* Дневник 1939 г. // Дружба народов. 1992. № 11/12. С. 5–44; *Он же.* “Коренные изменения неизбежны”: дневник 1941 года // Новый мир. 1995. № 5. С. 176–211.

Издание полных текстов дневников В.И. Вернадского в советское время было делом безнадежным из-за идеологического контроля всей печатной продукции в СССР. За десятилетия, прошедшие после смерти Владимира Ивановича, сложился отработанный стереотип: Вернадский – выдающийся минералог и геохимик (труды по общим вопросам естествознания оставались в рукописи до 1975 г.), после 1917 г. полностью признал дело Великого Октября и, как большинство отечественных ученых, внес свой вклад в социалистическую реконструкцию науки и народного хозяйства. Примерно так же как И.П. Павлов, И.В. Мичурин или “депутат Балтики” К.А. Тимирязев...

Для иллюстрации работы внутреннего (т.е. самого публикатора) и внешнего цензора приведем отрывок из книги “Страницы автобиографии В.И. Вернадского”, вышедшей в 1981 г. и составленной из эпистолярных материалов⁹. Явно не случайно хронологические рамки книги ограничены ноябрем 1917 г. Приведем дневниковую запись от 6.XI.1917 с заполнением купюр, (выделив их курсивом); вероятно, комментарии здесь не потребуются.

“Очень смутно и тревожно за будущее. Вместе с тем и очень ясно чувствую силу русской науки, несмотря на ее антигосударств[енное] движение. Сейчас ярко проявился анархизм русской народной массы и еврейских вождей, которые играют такую роль в этом движении. Можно очень ярко провести это через всю историю еврейства и русского народа. Служилые слои, отделившиеся от народа, уже тысячелетие делали государственную историю. “Народ” жил своей жизнью и творил другое.

*Очень ясно падение идей социализма и народничества. Очень любопытное будет изменение русской интеллигенции. Что бы ни случилось в государственных формах, великий народ будет жить”*¹⁰.

После 1991 г. украинские исследователи выявили в фондах Центральной научной библиотеки им. В.И. Вернадского Национальной академии наук Украины дневники 1918–1920 гг., оставшиеся в Киеве после отъезда их автора в ноябре 1919 г., тогда он пытался обеспечить существование основанной им Украинской академии наук под эгидой деникинского правительства в Ростове-на-Дону. Всю оставшуюся жизнь Владимир Иванович безуспешно пытался найти свой киевский архив, но это ему не удалось даже при содействии авторитетных украинских академиков.

В 1994–1997 гг. Киевский архивист С.Н. Киржаев и его московские коллеги из АРАН М.Ю. Сорокина и А.В. Мемелов осуществили первую научную академическую публикацию дневников В.И. Вернадского, соединив “киевские” и “московские” фондовые материалы. Эти дневники охватывают период с 9.X.1917 до 6.III.1921 г.¹¹ Особо отметим, что четвертым автором публикации была Валентина Сергеевна Неаполитанская. Эта замечательная труженица была также вдохновителем и участником публикации оставшихся в рукописном виде философских трудов В.И. Вернадского в 1975–1977 гг., ставших огромным событием в культурной жизни страны. На протяжении многих лет Валентина Сергеевна популяризировала твор-

⁹ Страницы автобиографии В.И. Вернадского / Сост. Н.В. Филиппова. М., 1981. 349 с.

¹⁰ Там же. С. 289.

¹¹ *Вернадский В.И.* Дневники 1917–1921 гг. / Сост. М.Ю. Сорокина, С.Н. Киржаев, А.В. Мемелов, В.С. Неаполитанская. Киев, 1994. Кн. 1. 271 с.; Киев, 1997. Кн. 2. 327 с.

чество В.И. Вернадского, возглавляла его Мемориальный кабинет-музей в ГЕОХИ АН СССР. Еще в начале 1960-х годов она полулегальным образом переписала часть текстов из дневников времени Гражданской войны, веря, что настанет время их публикации. И в самом деле, эти фрагменты увидели свет в 1988 г., еще при ее жизни.

После появления “украинских” томов дневников основатель “Библиотеки трудов академика В.И. Вернадского” (прообраз собрания сочинений) академик А.Л. Яншин предложил автору настоящей статьи включиться в исследовательскую работу над эпистолярным наследием В.И. Вернадского и продолжить дальнейшее издание их полного текста в рамках “Библиотеки”. Александр Леонидович написал предисловие к дневникам 1921–1925 гг.¹², до последних дней своей жизни редактировал текст следующего тома (1926–1934 гг.)¹³, обсуждал со мной все детали работы. По его совету я начал публикацию всех текстов “Хронологии”, написанных самим Вернадским или напечатанных под его диктовку. Эти датированные (в основном 1940–1944 гг.) записи, относящиеся к тому или иному году воспоминаний, рассеяны среди материалов “Хронологии” соответствующего года. Их общий объем невелик: подавляющая часть корпуса этих единиц хранения представлена газетными вырезками, подлинниками и копиями официальных документов и писем. Там же отложилась немалая доля переписки, не вошедшая в состав описи № 3, содержащей письма самого В.И. Вернадского и его адресатов, поскольку состав “Хронологии” был подготовлен Владимиром Ивановичем и его референтом А.Д. Шаховской, которая передавала в АРАН все эти материалы. “Хронология” – это, говоря современным языком, – “база данных” для мемуаров, которым автор хотел дать название “Пережитое и передуманное”. Интересно, что название почти повторяет заголовок книги Х. Алчевской (у нее – “Передуманное и пережитое”), которая имеется в личной библиотеке В.И. Вернадского в его Мемориальном кабинете-музее. Х. Алчевская – представительница женского общественного движения 80–90-х годов XIX в., подруга и соратница А.М. Калмыковой. Последняя в конце 1890-х годов была близка к кружку “Братство”, в котором одну из ведущих ролей играл В.И. Вернадский.

Что касается примечаний, то договорились помещать их непосредственно после текста каждой подневной записи, а по “Хронологии” – в конце всего подобного неструктурированного текста. Такой порядок продолжает традицию публикации переписки В.И. Вернадского и весьма удобен для восприятия основного текста, примечания, естественно, набирались более мелким шрифтом.

В дневниках встречаются сотни фамилий, поэтому была принята схема текста персоналий, учитывающая степень известности биографии того или иного лица и роль его в круге общения Вернадского. Особое внимание уделено биографическим сведениям о родственниках и близких друзьях Владимира Ивановича (Старицкие, Любошинские, Зарудные, Шаховские и др.), любезно представленным ныне здравствующими потомками этих древних родов.

По возможности полно представлены персоналии украинских общественных и государственных деятелей и ученых, в большинстве своем

¹² Вернадский В.И. Дневники 1921–1925 гг. / Сост. В.П. Волков. М., 1998. 213 с.

¹³ Вернадский В.И. Дневники 1926–1934 гг. / Сост. В.П. Волков. М., 2001. 456 с.

эмигрировавших или погибших в годы Гражданской войны и Большого террора. Данные об этих людях, окружавших В.И. Вернадского во время “украинского” периода его жизни (1917–1921), по понятным причинам отсутствуют в советских изданиях и заимствуются преимущественно из эмигрантской украиноязычной литературы. При составлении всех персоналий мы старались находить и использовать соответствующие личностные характеристики, принадлежащие В.И. Вернадскому и рассеянные в его эпистолярном наследии.

Вызывает сложности комментирование тех текстов дневников, в которых затронуты вопросы, относящиеся к широкому спектру как естественных, так и гуманитарных наук, и представлявших грандиозную широту научных интересов энциклопедиста Вернадского. Как правило, приводятся ссылки или дано краткое изложение смысла новейших работ, в которых развиваются, подтверждаются, а иногда и отвергаются экскурсы В.И. Вернадского в ту или иную область знаний. Особенно это касается наук о Земле как наиболее “профильных” в творчестве автора дневников, да и публикатора.

Дискуссионным, по-видимому, является принцип комментирования тех или иных событий новейшей истории России. Я стремился избегать однозначных оценок многих фактов и явлений, по которым нет единогласия у профессиональных историков. Приведем в качестве примера текст одного из примечаний, связанных с упоминанием в дневнике убийства С.М. Кирова (дневник от 14.III.1938). «Как известно, до сих пор причины убийства С.М. Кирова не поддаются однозначному толкованию из-за отсутствия (или недоступности) документальных данных. В рамках сценария судебного процесса, подготовленного НКВД при направляющей роли Сталина, Г.Г. Ягода подготовил и осуществил убийство Кирова с помощью троцкистско-зиновьевского подполья с целью устранения сталинского руководства и реставрации капитализма в СССР. Так, публицист Михаил Кольцов (арестованный в декабре 1938 г. и исчезнувший в ГУЛАГе) 9 марта 1938 в “Правде” писал: “Ягода это какая-то совершенно особая злодейская фигура. Недаром он сам о себе говорит, что занимал особое положение среди главарей кровавой шайки “правотроцкистского блока” [...] Он хочет стать главой фашистского, правотроцкистского правительства, которое вместе с другими заговорщиками мечтал привести к власти. Самому стать во главе правительства, а своих единомышленников поджать под себя, подмять, скрутить в бараний рог”. Подробное освещение событий, связанных с убийством Кирова см. например в: Кирилина А. Неизвестный Киров. СПб.: Нева-М.: Олма-Пресс. 2001. 543 с.; Knight A. Who killed Kirov?: The Kremlin’s greatest mystery. N-Y., 1999. 319 p.¹⁴».

Современному читателю сложно почувствовать общественную атмосферу Советского Союза 1920–1940-х годов. Поэтому я счел целесообразным прибегнуть в примечаниях к цитированию газетных статей и партийных документов того времени. В частности, подробно освещается, на мой взгляд, знаковое “дело академика Лузина” 1936 г., которое касалось близкого друга Владимира Ивановича. Опубликованные в малотиражном издании документы¹⁵ широко использованы при комментировании.

¹⁴ *Вернадский В.И.* Дневники 1935–1941 г. / Сост. В.П. Волков. М., 2006. Кн. 1. С. 256. (Примеч.).

¹⁵ “Дело академика Н.Н. Лузина” / Отв. ред. С.С. Демидов, Б.В. Левшин. СПб., 1999. 311 с.

В фонде В.И. Вернадского в АРАН отложилось немало его неопубликованных официальных писем, относящихся к важнейшим событиям его жизни. Так, в томе дневников 1921–1925 гг. приведены письма президенту РАН А.П. Карпинскому и неременному секретарю РАН С.Ф. Ольденбургу. Эти письма проливают свет на обстоятельства возвращения Владимира Ивановича в СССР в 1926 г. после восстановления его академических прав и включены в текст примечаний к дневникам 1925 г. В последующих томах по совету А.Л. Яншина такие важные письма выделены в раздел “Приложения”.

Своеобразной особенностью дневников и “Хронологии” является частое применение выписок из изданий на иностранных языках, чередующихся в тексте со словами и фразами на русском языке. Это понятно, поскольку В.И. Вернадский свободно читал на 10–12 европейских языках и в заметках “для себя” невольно создавал чересполосицу иностранных и русских слов. Ярким примером служит комментированное чтение им мемуаров Л. Баулера: при публикации этого текста пришлось использовать многоярусные подстрочные примечания с переводом слов и предложений с английского на русский язык.

В “Хронологии” Владимир Иванович постоянно приводит фрагменты из писем детей, нередко составляющие несколько страниц, написанных рукой Натальи Егоровны, или напечатанные на машинке. Для сохранения замысла автора, вероятно, стремившегося в своих воспоминаниях подчеркнуть сугубую важность своей духовной связи с детьми, все подобные фрагменты его переписки публикуются в составе “Хронологии”.

Дневники В.И. Вернадского 1920–1940-х годов вмещают огромный объем информации об истории науки и научных учреждений в СССР, свидетельства очевидца коренных изменений общественного строя, эволюции общественного сознания, социальной психологии и быта на протяжении нескольких десятилетий. Кратко остановимся на эвристической ценности этого эпистолярного наследия, рассматривая его по следующим направлениям:

- биография В.И. Вернадского как источник сведений по социальной истории науки;
- история естественных наук;
- история гуманитарных наук.

История АН СССР 1920–1930-х годов оставалась одним из многих “белых пятен” в нашей исторической науке, уже объявленный о выходе из печати в конце 1950-х годов соответствующий том так и не увидел света. Разработка этой темы активно началась в 1990-е годы, и уже сделаны первые крупные шаги¹⁶, особо выделяется сборник рассекреченных документов, подготовленный В.Д. Есаковым¹⁷. Тем большее значение приобретают дневниковые записи отечественных ученых этой исторической эпохи, которые практически еще не введены в научный оборот. Учитывая сложность времени, когда вести дневник было, мягко говоря, небезопасно, дневники Вернадского могут оказаться просто уникальным памятником культуры.

¹⁶ Перченко Ф.Ф. Академия наук на «великом переломе» // Звенья. М., 1991. Вып. 1. С. 163–238; Репрессированная наука / Под ред. М.Г. Ярошевского. Л., 1991. Вып. 1. 559 с.; СПб., 1994. Вып. 2. 319 с.; Брачев В.С. “Дело историков”. 1929–1931. СПб., 1997. 113 с.

¹⁷ Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б) – КПСС. 1922–1952 / Сост. В.Д. Есаков. М., 2000. 591 с.

Первые после окончания Гражданской войны впечатления Владимира Ивановича о перспективах жизни и работы в Советской России были проникнуты глубоким пессимизмом. Еще до отъезда в заграникомандировку (июнь 1922 – март 1926) он записывал 2.XI.1921: “Большевизм держится расстройством жизни. При налаженной культурной жизни в мировом масштабе он не может существовать и так или иначе должен измениться. Это форма низшего порядка даже по сравнению с капиталистическим строем, так как она основана на порабощении личности”¹⁸.

За рубежом В.И. Вернадский переосмысливает свою предреволюционную политическую деятельность. Он счел ошибкой свое следование позиции “левого” крыла кадетской партии. В письме старому другу и коллеге по партии И.И. Петрункевичу от 2.XI.1923 он писал:

«[...] я не понял в пережитом, что ни в каком случае нельзя было соединяться в действиях с социалистической по партийности или с социалистической по существу толпой. “Демократия” социализма и “демократия”, о которой мы говорим, была разная»¹⁹.

Впоследствии И.И. Петрункевич сообщал другому эмигранту, также одному из бывших лидеров кадетской партии Ф.И. Родичеву: «На днях я получил письмо от В.И. Вернадского [...] Все прошлое им сожжено без остатка [...] Он старается уверить меня, что все, во что мы верим и что делали, это все ближе к реакции [...], чем к тому, что мы воображали: к свободе, добру [...] Он уверяет, что русская интеллигенция поколениями подготавлила с энергией и страстностью большевистский строй и заключает: “Как химическая реакция – полученный результат освещает весь процесс”»²⁰.

В отличие от многих эмигрантов Владимир Иванович старается поддерживать научные связи с РАН. Он получает из Петрограда текст отчета о деятельности РАН в 1923 г. и пишет тому же И.И. Петрункевичу: “Сейчас русские ученые – выросшие в тяжелых условиях царской России, в целом ряде областей стоят в первых рядах мировой научной армии [...] Мне указывают на появляющиеся новые большие молодые таланты в области точного знания и естествознания, и это факт, который может дать новое направление русской культуре”²¹.

Убедившись в отсутствии перспектив развития нового научного направления – учения о биосфере – в Западной Европе, Владимир Иванович принимает твердое решение вернуться на Родину и продолжать там научную работу при условии гарантий обеспечения личной безопасности (бывший член ЦК кадетской партии и Временного правительства, крупный – более 500 десятин земли – помещик) и финансовой поддержки научной деятельности (Радиевый институт, Комиссия по естественным производительным силам). Приведем строчки из “Хронологии 1925 г.”: “20.VI.1925. Письма Карпинскому и Ферсману. Мысли про Россию и Академию. Надо идти своим путем. Жизнь сложится совсем не так, как думают. Это решительный шаг, определивший мою будущность”²².

¹⁸ Вернадский В.И. Дневники 1921–1925 гг. С. 48.

¹⁹ “Я верю в силу свободной мысли...” Письма В.И. Вернадского И.И. Петрункевичу / Публ. И.И. Мочалов // Новый мир. 1989. № 12. С. 209.

²⁰ Цит. по: Думова Н.Г. Кончилось ваше время... М., 1990. С. 204.

²¹ Вернадский В.И. Дневники 1921–1925 гг. С. 130

²² Там же. С. 188.

С первых шагов своей академической деятельности в СССР В.И. Вернадский начинает безостановочную борьбу за возможность постановки фундаментальных исследований на мировом уровне, помимо Радиевого института и Комиссии по естественным производительным силам он возглавляет и свое любимое детище – Биогеохимическую лабораторию АН СССР.

К сожалению, в 1926–1934 гг. Владимир Иванович вел дневник нерегулярно, записи за 1933 г. отсутствуют, а наиболее полный корпус текстов приходится на 1928, 1932 и 1934 гг. Эти тексты рассеяны по разным единицам хранения и даже различным описям 518-го фонда АРАН. В определенной степени лакуны заполняются из “Хронологии”, однако, это уже записи по следам событий.

Об обстановке вокруг Академии свидетельствует его записка в Отделение физико-математических наук от 10.IX.1927, публикуемая в “Приложениях” к дневникам. “Вот уже 1½ года, как я тщето [...] добиваюсь правильной постановки экспериментальных биогеохимических исследований. Значение такой работы не встречает возражений, наоборот сознается – но проведение в жизнь, осуществление их встречает чрезвычайные препятствия, связанные с недостаточной оплатой труда, с неустойчивостью и изменчивостью техники получения средств, чрезвычайного количества лишних посредников и формальностей при всякой закупке и заказе, с требованием отчетности, превратившейся в разрушающую жизнь силу. В XX веке мы двигаемся со скоростью прошлых веков, как раз в то время, когда кругом нас темп жизни бьется все сильнее и организованнее. Русские ученые в пределах своей страны лишены возможности проявления своей мысли, и их силы не используются в полной – столь необходимой, мере”²³.

Владимир Иванович с трудом находит общий язык с партийными “выдвиженцами”, “красными специалистами”, активно заполняющими социальную нишу в научных институтах и в высшей школе в середине 1920-х годов. Исключительно пронизательный анализ ситуации видим в дневнике от 8.VIII.1928: «Сейчас проявляется влияние людей, которые в тюрьмах, отчасти в одиночках, тяжелой ссылке развили фантазию, “дьявольскую волю” [при] незнании жизни. Этот волевой импульс соединяется с отвлеченной фантастикой, фанатизмом, отсутствием творчества [...] Два типа людей, связанных с этой дикой идеологией – воинственным отрицанием, диалектическим материализмом, марксизмом-ленинизмом. С одной стороны [...] фанатики и начетчики, – с другой – [...] боящиеся [...] потерять “блага жизни”. У одних – трусость мысли, боязнь сделать ложный шаг – у других вместо свободной мысли – узкая вера и отсутствие творчества. И те, и другие – величайшие враги свободы. Психология как во времена религиозных погромов»²⁴.

Наиболее драматический момент в истории АН СССР – резкое ограничение ее автономии и пополнение рядов членами ВКП(б), преимущественно гуманитариями-марксистами в противовес “буржуазным” ученым, к сожалению, прямо не отразился в дневниках за 1929 г. – там имеются только лаконичные упоминания об арестах, о “полном развале научной работы

²³ Вернадский В.И. Дневники 1926–1934 гг. С. 419.

²⁴ Там же. С. 64.

Геологического комитета” и т.п. Теперь мы много знаем о механизме выборов 1929/30 гг. в члены Академии, тщательно разработанном в недрах государственного и партийного аппарата и зафиксированном в рассекреченных документах²⁵, однако, свидетельств очевидцев и участников этих событий почти не сохранилось. Тем большую ценность представляют тексты Вернадского, хотя и написанные через 11–12 лет. Приведем один из фрагментов “Хронологии 1929 г.”: “Это был год, когда было значительное пополнение Академии видными и влиятельными коммунистами: Бухариным, Осинским, Покровским, Рязановым, Бахом, Дебориным, Кржижановским, Масловым, Савельевым и другими [...] Было стоворено, что один из вице-президентов – президентом был Карпинский – будет коммунист, а другой кто-нибудь из [беспартийных] академиков. Очень хотел А.Е. Ферсман и явно волновался. Во время заседания я вдруг почему-то почувствовал, что меня могут предложить. А я как раз думал хлопотать о поездке за границу и хотел подвести итоги моей работы в области биогеохимии и геохимии. Я думаю теперь, что мне как вице-президенту это было бы легче достигнуть – но меня смущала показная сторона вице-президентства при таком президенте как Карпинский. Действительно, вдруг Покровский выступил и предложил меня [...] Я решительно отказался, и был выбран Ферсман. Он очень был рад и оказался на высоте, когда произошла история с отставкой С.Ф. Ольденбурга по телеграмме из Москвы, когда произошел арест [С.Ф.] Платонова [...] В этот ответственный момент А.Е. [Ферсман] держал себя прекрасно. Сергей [Ольденбург] был поражен – в тот же вечер он у себя уничтожил очень много важных документов”²⁶.

В наши дни полностью раскрыт механизм “социалистической реконструкции” АН СССР в 1929 г. Стратегический смысл провокации с “делом историков”, удалением со своего поста неперменного секретаря С.Ф. Ольденбурга и проведением в академики лояльных людей прекрасно виден из секретного отчета председателя коммунистической фракции АН СССР М.Н. Покровского, направленного в Политбюро ЦК ВКП(б) в ноябре 1929 г. “[...] станет очевидным, что экстренное удаление Ольденбурга не есть простой акт расправы, но первый шаг к радикальному изменению ... всей структуры АН. Тогда масса академиков, несомненно, в работу втянется и скоро почувствует себя даже гораздо легче, нежели при старом режиме [...] Из жизни нашей страны исчезнут последние остатки ученой касты, и возникнет новый, можно надеяться, весьма мощный научный коллектив такого типа, какой нам нужен для осуществления задач, стоящих перед страной”²⁷.

Не зная всех интриг вокруг выборной сессии 1929 г., Владимир Иванович интуитивно улавливал общий смысл происходившего еще в сентябре 1928. В дневнике от 16.IX.1928 он заметил: “С Ферсманом об Академии. Он очень мрачно смотрит в связи с выборами: провокация для того, чтобы потом создать назначенную академию”²⁸.

²⁵ “Наше положение хуже каторжного...” Первые выборы в Академию наук СССР (1925–1929) // Источник. 1996. № 3. С. 109–140; “Осталось еще немало хлама в людском составе...” Как начиналось “дело Академии наук” (1929) // Источник. 1997. № 3. С. 105–126; № 4. С. 103–119.

²⁶ Вернадский В.И. Дневники 1926–1934 гг. С. 156.

²⁷ Цит. по: “Осталось еще немало хлама в людском составе...” С. 121.

²⁸ Вернадский В.И. Дневники 1926–1934 гг. С. 107.

Идеологизация гуманитарных наук, жестокая цензура, постепенное сокращение международных связей представлялись для В.И. Вернадского главной опасностью для научного творчества в СССР. Многочисленные факты партийного диктата над наукой, прямые репрессии находят свое постоянное отражение на страницах дневников. Вот, например, обобщающее наблюдение из дневника от 9.VI.1931: “В диалектическом материализме, в ленинизме мы видим ту же утопию, но проводимую огнем и мечом инквизиционным путем. [...] Может ли иметь успех попытка коммунизма и ленинизма привести к замиранию научной работы в нашей стране? [...] Будущее и власть в нем, по-видимому, будет принадлежать людям науки. У нас меня угнетает бездарность новых официальных философских исканий при даровитости народа”²⁹.

Дневники 1936–1939 гг. буквально переполнены хроникой арестов ученых, общественных и государственных деятелей. Даже такому уму, как Вернадский было трудно разобраться в страшной повседневности Большого террора. Приведем лишь одну запись от 19.VII.1937, характерную для предвоенного мироощущения В.И. Вернадского.

«При массе арестов среди интеллигенции аресты среди коммунистов исчезают в своем значении. Даже чувствуется настроение злорадства [...] Это все обыденные люди, ничем не выдающиеся. Из генералов, может быть, Тухачевский, из других Бухарин, Радек, может быть, Пятаков – выше среднего. Мы здесь видим, что положительная творческая работа делается “беспартийной” интеллигенцией [и] такими людьми как Сталин, Молотов, Гринько – а не всей бесчисленной массой коммунистов морально, идейно и по талантности ниже среднего уровня. Среди интеллигенции ясно слышится и распространено убеждение, что политика Сталина–Молотова – русская и нужна для государства. Их партийные враги – враги и русского народа [...]»³⁰.

Чуть позже, накануне окончания мартовского процесса над Бухариным и его однодельцами, следует несколько другая мысль: “Две власти – если не три – ЦК партии, правительство Союза и НКВД. Неизвестно, кто сильнее фактически. Та прочность, которую я себе представлял и видел силу будущего, – очевидно, не существует. Процесс заставляет смотреть с тревогой в будущее, больше, чем мне это раньше казалось”³¹.

Крайне интересно, что как раз в 1937–1938 гг. Владимир Иванович все чаще начинает развивать мысль о скором преобразовании биосферы в ноосферу; после начала Второй мировой войны в 1939 г. он полагает, что победа над нацизмом и фашизмом предопределена самим ходом эволюции человечества как части биосферы, а после победы наступит состояние гармонического существования *Homo sapiens* с остальными ее компонентами.

Таким умонастроением возможно объясняется запись от 30.VI.1938: “Глубокий развал и в то же время огромная положительная работа. [...] А все же жизнь идет и стихийный процесс, мне кажется (или хочется думать?), – положительный. Но, мне кажется, – положительное победит, но какие примет формы – неясно. [...] Корни идущего процесса – создания ноосферы, слишком глубоки”³².

²⁹ Там же. С. 201.

³⁰ *Вернадский В.И.* Дневники 1935–1941 гг. Кн. 1. С. 152.

³¹ Там же. С. 256.

³² Там же. С. 329–330.

С началом Великой Отечественной войны духовная адаптация В.И. Вернадского к реалиям социального устройства СССР углубляется. Дневник от 16.XI.1941: “Факты, противоречащие словам и идеям коммунизма: настоящая власть – ЦК партии и диктатура Сталина, это то, что связывало нашу государственную организацию с гитлеровской и Муссолини; власть реальная ГПУ – нарост, гангрена, разъедающая партию, но без нее партия не может обойтись. В результате миллионы заключенных-рабов, в том числе и цвет нации, и цвет партии, которые создали ее победу в междоусобной войне, превратили революцию в своеобразное восстановление государственной мощи русского народа с огромным положительным результатом”³³.

Годом раньше, 13.VIII.1940, Владимир Иванович подвел предварительные итоги жизни для записи в “Хронологию 1926 г.”: “Теперь я вижу, что было бы, если бы в 1922 я стал бы профессором парижского университета, как мне предлагали, или в 1926 остался бы в Праге. Я выбрал правильный путь”³⁴.

Даже беглый обзор текста дневников дает обильную пищу для размышлений о проблеме “Интеллигенция и власть” и лишний раз убеждает в непреходящей ценности таких источников как дневники свидетелей эпохи.

Дневники передают внутреннюю драму Владимира Ивановича, когда реальная академическая жизнь складывалась отнюдь не в соответствии с его “ноосферным” мышлением. Вот запись от 23.XII.1934 (время разворачивания маховика ширококомасштабных репрессий после рокового дня 1 декабря – убийства Кирова):

«Тяжелое заседание, закрытое, об исключении Сперанского и Перетца. “Вина установлена”, или что-то вроде этого [...] Разговаривать нечего, если не протестовать – а где сейчас это возможно. Можно не придти или придти после решения [...] Производит не устрашающее впечатление кругом, а тяжелое и непонятно гадливое»³⁵.

Здесь нельзя не заметить, что Вернадский был одним из немногих наших ученых, который *ни разу* не подписал *ни одного* коллективного письма в осуждение тех или иных “врагов народа” или “уклонистов”, что было бытовым явлением 1930-х годов. Его бескорыстная помощь невинным жертвам сталинских репрессий, часто с опасностью для своей репутации и даже жизни, ныне широко известна³⁶, а по дневникам можно составить огромный список людей, постоянно пользовавшихся такой помощью. Многих из них, находившихся в ссылках, а во время войны в страшной нищете в эвакуации, Вернадский просто спас от голодной смерти.

Вернадский прекрасно сознавал тяжесть научной работы при тоталитарном режиме, но стремился при любой возможности хоть как-то улучшить ситуацию. Дневник от 27.II.1937: «Сегодня в “Известиях” в передовой (читать скучно – просмотрел) рядом с настоящими крупными учеными (Комаров, Курнаков) [перечислены] такие как Келлер (производит впечатление совсем *gamollé* (выживший из ума. – В.В. (франц.)), научно отставшего, и творческая мысль которого – была – давно замерла), Губкина

³³ АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 21. Л. 34 об.

³⁴ Вернадский В.И. Дневники 1926–1934 гг. С. 12.

³⁵ Там же. С. 371.

³⁶ См., например: “Просим освободить из тюремного заключения”. Письма в защиту репрессированных. М., 1998.

(хороший геолог – но очень средний – научно отставший, заслуживающие доверия лица указывают, что его книги (нефть) не он в значительной степени писал, Вильямс (типичный талантливый натурфилософ, сознательно не считающийся с точностью приводимых им фактов). Берут по благонадежности»³⁷.

Примерно к этому же времени относится и такое исключительное явление как письма И.В. Сталину от П.Л. Капицы, взгляд которого на положение советской науки был чрезвычайно схож со взглядом В.И. Вернадского. 10.VII.1937 Петр Леонидович бесстрашно писал И.В. Сталину: “С наукой у нас неблагополучно. Все обычные заверения, которые делаются публично, что у нас в Союзе науке лучше, чем где бы то ни было – неправда. Эти заверения не только плохи, как всякая ложь, но еще хуже тем, что мешают наладить научную жизнь у нас в стране”³⁸.

В.И. Вернадский постоянно пытался воздействовать на руководство Академии, все более принимавшее бюрократический стиль управления институтами, но эти попытки в большинстве случаев были тщетными, оставалась только относительная свобода личного научного творчества. В приложении к дневникам 1939 г. приведено письмо академику-секретарю Отделения химических наук А.Н. Баху от 6.XII.1939, в котором, в частности, говорилось: “Необходимо серьезно обсудить то грозное для научной работы и для исполнения планов, которое все увеличивается в ряде лабораторий Отделения и моей в частности. Это связано с тем, что при переезде в Москву мы не получили необходимой для правильного развития дела обстановки и площади для научной работы и уже пятый год живем в том же неизбежно все *ухудшающемся* положении. По мере роста и расширения работы, ее углубления, положение быстро ухудшается. [...] Академия должна активно стремиться, не только с научной, но и с государственной точки зрения, к коренному улучшению своего положения как органа государственной научной работы и войти для этого в контакт с правительством и городом Москвой. [...] К сожалению, при переезде это не было учтено”³⁹.

Настроение и позиция Владимира Ивановича как одного из самых влиятельных академиков прекрасно проявлены в дневниках февраля-марта 1939 г. в ходе последней предвоенной академической выборной кампании. Запись от 23.II.1939: “Большое давление от Молотова [...] Выяснилась картина Президиума, который, конечно, будет выбран такой, который хотят. Полное падение Кржижановского. Президент – Комаров. Огромную роль будет играть Шмидт. Бах – вице-президент, очень хочет. Крепкий старик – но морально – циник. Едва ли будет полезен. Чудаков, которого никто не знает – тоже войдет. Губкин – третий к ним желаемый”⁴⁰. 1.III.1939: “Открытый выбор таких лиц, за которых я при других условиях не стал бы голосовать (Губкин, Деборин, Вышинский), но это *force majeure* (чрезвычайное обстоятельство. – В.В.): раз работаешь в нашей стране, будущее которой мне дорого и велико. Мне кажется, глубоко идет другой процесс при гниении поверхности”⁴¹.

³⁷ Вернадский В.И. Дневники 1935–1941 гг. Кн. 1. С. 114.

³⁸ Капица П.Л. Письма о науке. 1930–1980. М., 1989. С. 135.

³⁹ Вернадский В.И. Дневники 1935–1941 гг. Кн. 2. С. 272.

⁴⁰ Там же. С. 41.

⁴¹ Там же. С. 42.

Дневники и “Хронология” предоставляют обширный материал для осещения конкретных фактов в истории естественных наук. Немало ценного удастся добавить в историю атомного проекта, которому в последние годы посвящено много изданий.

Приведем только один пример. Так, еще за два месяца до документально описанной истории создания Комиссии по урану АН СССР⁴² в дневнике от 16.V.1941 Владимир Иванович писал: “Я указал О.Ю. Шмидту, что сейчас обструкция в физиках (Иоффе, Вавилов – я не называл лиц) – они направляют все усилия на изучение атомного ядра и его теории и здесь (например, Капица, Ландау) делается много важного – но жизнь потребует направления рудно-химического. Я ему напомнил, что наши физики остались в исторически важный момент при создании учения о радиоактивности в стороне от мирового движения и теперь [это] повторяется [...] Ведь ненормально, что я – не физик – организовал Радиевый институт. Шмидт ответил мне любезностями”⁴³.

Только из дневников мы узнаем подробности отношений В.И. Вернадского с выдающимися биологами, такими как Н.И. Вавилов, И.И. Шмальгаузен, Л.С. Берг, находим интересные характеристики их научных взглядов, проекты планов совместных работ (В.В. Алпатов, Г.Ф. Гаузе, М.Л. Бельговский и др.); об участии В.И. Вернадского в обсуждении планов преподавания биологических наук на биофаке МГУ (февраль 1938). Для историков биологии будет интересен, например, следующий портрет Т.Д. Лысенко: «Я думаю, Лысенко – это тип властного Базарова – настоящего “большевика” – узкого и не умеющего самооценивать. Мне не пришлось ни разу говорить с ним и слушать его. Впечатление – что все у него поставлено на формальной правильности вывода. [...] Лысенко разогнал институт Вавилова. Любопытно, что он явно не дарвинист; называет себя дарвинистом, официально таким признали»⁴⁴.

Постоянная тема дневников 1935–1941 гг. – состояние геологической науки. В.И. Вернадский особенно тяжело переживал постоянные реорганизации геологических институтов и структур их управления. По дневникам прослеживается хронологическая канва разрушения Геологического комитета, упразднения преподавания геологии в высшей школе (1930 г.) и его восстановления в 1938 г. (прежде всего благодаря В.И. Вернадскому). Огромные усилия прилагал Владимир Иванович для реформирования созданного волонтаристским путем объединенного Института геологических наук Академии наук СССР (ИГН). Эта идея была реализована лишь через 10 лет после смерти Вернадского в 1955 г. Обширный материал для осмысления дают многочисленные письма В.И. Вернадского руководству АН СССР о крупнейших просчетах в организации минералогических и геохимических исследований, содержание которых составляет немалую часть дневниковых записей.

По-новому открывается роль В.И. Вернадского как консультанта, идейного руководителя десятков научных работников Академии и отраслевых институтов в предвоенные годы в широком спектре наук о Земле – от мерзлотоведения до метеоритики. Достаточно указать на дотолу неизвестные

⁴² Трифионов Д.Н. В.И. Вернадский и Комиссия по проблеме урана // История советского атомного проекта. М., 1998. Вып. 1. С. 50–60.

⁴³ Вернадский В.И. Дневники 1935–1941 гг. Кн. 2. С. 243.

⁴⁴ Там же. С. 181–182.

рекомендации Вернадского по поискам оловорудных месторождений, нашедшие блестящее подтверждение в послевоенное время, или прогноз нахождения своеобразных водосодержащих минералов в апатитовых месторождениях Кольского полуострова.

Что касается гуманитарных наук, то дневники неожиданно открывают гигантский круг общения Владимира Ивановича. Здесь историк А.И. Яковлев, индолог Ф.И. Щербатской, китаист В.М. Алексеев, медиевист Д.М. Петрушевский, востоковед И.Ю. Крачковский, экономист П.П. Маслов, правовед В.Э. Грабарь и десятки других менее громких имен. Оказывается, что каждый из этих профессионалов находит общие темы для обсуждения с натуралистом Вернадским и каждый чутко прислушивается к его мнению. Многочисленные ремарки, замечания и соображения автора дневников, относящиеся к области интересов своих собеседников, придают дополнительные краски к портрету Владимира Ивановича и вносят крупницы новых знаний об истории гуманитарных наук 1920–1940-х годов. Только один пример. «Ф.И. Успенский отличался поразительным для его возраста интересом; читал “Природу” – пытался так или иначе понять, что происходит в науках о природе, в той перестройке мира, которая [человеком] производится. Верующий человек – православный – в курсе всей истории православия на Востоке, любитель и ценитель церковного пения [...] председатель Палестинского общества, он в то же время отличался чрезвычайной независимостью научной мысли от религиозной догмы. Он считал православие погубившим Византию; признавал, что его прозелитизм не был таким, как прозелитизм мусульманства. При их столкновении в Византии православная церковь оказалась морально побежденной мусульманством. Бенешевич говорил, что [произошел] большой перелом в его [Успенского] научной мысли за последнее время: значение монголов. Он жадно интересовался историей Востока»⁴⁵.

Очень характерна для Вернадского зарисовка, датированная 28.III.1938: “[...] поехал в заседание Отделения общественных наук о Горьком. Только для того, чтобы сговориться с Грековым и Комаровым об Институте истории знаний. [...] Не остался на заседание, т.к. состав лекторов не внушал доверия. Сегодня вижу, что бездарный Кирпотин заменен более знающим Десницким. Но мне лучше на заседаниях не бывать. Видел здесь старых академиков – настоящих ученых – Жебелева, Алексеева, Крачковского в их среде. Бедные – но все же, в конце концов, жизнь возьмет свое – но калечит”⁴⁶.

Красной нитью во всех текстах дневников проходит мысль о полном неприятии автором официальной философии – диалектического материализма. В обобщенной форме критика этого течения была выражена Владимиром Ивановичем в его неоконченном, вернее неотредактированном, труде “Научная мысль как планетное явление”. Книга была опубликована в 1977 г. без “крамольных” шести параграфов, посвященных критике государственной идеологии – диалектического материализма⁴⁷. Эти параграфы увидели свет лишь в 1988 г.⁴⁸

⁴⁵ Вернадский В.И. Дневники 1926–1934 гг. С. 105.

⁴⁶ Вернадский В.И. Дневники 1935–1941 гг. Кн. 1. С. 270.

⁴⁷ Вернадский В.И. Размышления натуралиста. М., 1977. Кн. 2. 191 с.

⁴⁸ Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М., 1988. 520 с.

Теперь исследователи могут найти дополнительный материал, на основе которого были написаны тезисы против диалектического материализма. Один пример из дневника 1932 г.: «28 февраля [...] пробовал читать – но в конце концов внимательно просмотрел – “Против механистического материализма и меньшевистствующего идеализма в биологии” (1931). Читать нельзя: большое, невежественное. Для психиатра. Картина морального разложения. И порядочные ученые как Завадовский, Кольцов не только серьезно считаются [...] Интересно, выйдет ли из них, в конце концов, [кто-то] настоящим исследователем. Часть их, вероятно, зеленая молодежь»⁴⁹.

Причина упадка философской мысли совершенно ясна: “Логика и история философии выброшены из преподавания в Институте красной профессуры, где очень хорошо оплачены и преподаватели, и студенты, учение Платона, Канта не изучается [...] Сейчас философские работы – в эмиграции; здесь же отдельные лица работают без надежды напечататься [...] Молодежь сейчас не имеет здесь стремления к свободе. Не решается мыслью касаться запрещенного”⁵⁰.

Добавим, что в дневниках мы находим уничтожающую критику двух основополагающих книг советской эпохи: “Материализм и эмпириокритицизм” Ленина и “Диалектика природы” Энгельса, причем в отличие от исторической философии, о чем было сказано выше, здесь до конца жизни Владимир Иванович был весьма консервативен и тверд в отрицании марксистской философии.

Впрочем, свое философское кредо он сформулировал, по условиям времени, именно в дневнике: “Философский скептицизм: 1) отрицание возможности достигнуть истины, т.е. единого понимания окружающего и нас самих, для всех непреложного и обязательного; 2) признание примата – в этом отношении – научного знания; 3) признание, что научное знание не может дать всей истины, и что область, охваченная философией, шире и вносит новое и чрезвычайно важное по сравнению с научным знанием; 4) признание резкого выражения индивидуальностей в философии, и что философия, по существу, многолика и не может быть сведена к единой общеобязательной форме” (14.III.1931)⁵¹.

В заключение, вероятно, стоит отметить, что введение полных текстов В.И. Вернадского в научный оборот стало важным для источниковой базы двух фундаментальных монографий, посвященных совершенно различным сторонам его жизни и творчества⁵².

К настоящему времени к печати подготовлены дневники за июль 1941 – август 1943 г. (до отъезда из эвакуации в Москву) и “Хронология” 1941 и 1942 гг. Для доведения издания до конца (тексты 1943–1944 гг.), по самой оптимистической оценке, потребуется не менее трех лет при условии сохранения того уровня жизнеобеспечения в РАН, который был в первой половине 2007 г. Что касается археографической подготовки текстов дневников, написанных до 1917 г., то эту проблему мы оставляем за пределами обсуждения из-за полной неясности такой перспективы.

⁴⁹ Вернадский В.И. Дневники 1926–1934 гг. С. 258.

⁵⁰ Там же. С. 59–60.

⁵¹ Там же. С. 195.

⁵² Леонова Л.С. “Я не могу уйти в одну науку...” СПб., 2000. 394 с.; Аксенов Г.П. В.И. Вернадский о природе времени и пространства. М., 2006. 391 с.

И.Г. Пономарева

ВЕЛИКОКНЯЖЕСКАЯ КАНЦЕЛЯРИЯ ПРИ ВАСИЛИИ ТЕМНОМ

(Поименный список)

Только со времени княжения московского великого князя Василия II (1425–1462 гг.) историки сталкиваются с многочисленными упоминаниями в источниках лиц, служивших в великокняжеской канцелярии¹. Предлагаемый справочный материал собран в ходе изучения ее функционирования в указанный период. Результаты обработки материала объединены в отдельном исследовании и здесь не представлены. Историки не единожды предпринимали попытки составить подобные списки. Часть дьяков первой половины XV в. названы в содержащих биографические сведения списках С.Б. Веселовского и А.А. Зимина², но оба историка сосредоточили свое внимание на периоде после правления Василия Темного. А.А. Зимину были известны поименно десять дьяков Василия II³. Ю.Г. Алексеев, специально исследовавший происхождение и деятельность лиц, входивших в штат канцелярии XV в., насчитал около двух десятков представителей дьяческого аппарата Василия II⁴. Более внимательный подсчет выявляет более 30 подьячих, дьяков, дьяков введенных, казенных дьяков и казначеев Василия Темного. Далее приводится их поименный список с указанием сведений о них по известным на настоящий момент источникам.

Список не может быть полным, не только в силу утраты документов, но также и потому, что великокняжескими дьяками могли быть и некоторые из упомянутых в сохранившихся источниках лица, не названные дьяками или названные таковыми, но без указания о службе великому князю (с подобными случаями встречаемся в отношении некоторых достоверно известных дьяков Василия II). В предлагаемый список включены лишь те лица, чья деятельность в великокняжеской канцелярии не подлежит сомнению или очень вероятна (в спорных случаях сделаны оговорки). Некоторые дьяки Василия II продолжили службу после его смерти, но приводятся данные, относящиеся только ко времени их деятельности в 1425–1462 гг. Исключение сделано для дьяков, информация о которых минимальна, важна, например, для выяснения социального и семейного положения или связана с землевладением, так как эти сведения имеют или могут иметь отношение к рассматриваемому периоду. Отдельно дана информация о дьяках

¹ Термин “канцелярия”, как заметил еще Н.П. Лихачев, используется историками за неимением какого-либо другого, более подходящего (*Лихачев Н.П.* Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888. С. 3).

² *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975; *Зимин А.А.* Дьяческий аппарат в России второй половины XV – первой трети XVI в. // *ИЗ. М.*, 1971. № 87. С. 219–286.

³ *Зимин А.А.* Витязь на распутье. М., 1991. С. 168.

⁴ *Алексеев Ю.Г.* У кормила Российского государства. СПб., 1998. С. 171.

матери и жены Василия II, так как некоторые из них были или могли быть дьяками Василия Темного, во всяком случае, являются “великокняжескими”. В списке с учетом того, что в XV в. еще идет процесс закрепления за родами фамилий, в алфавитном порядке расположены имена.

Подьячие. *Алексей* (подьячий Василия II?). Известны два дьяка Василия II с таким именем (см. далее).

1432–1445 гг. – “Олексейко подьяк” писал меновную чернецов Троице-Сергиева монастыря (далее Троицкий м-рь) Мисаила и Геронтия (Лихаревых) с Евфимией, вдовой Александра Васильевича с детьми на вымененное у них в монастырь с. Бунятино с деревней Абрамовской в Каменском стане Дмитровского у.⁵

Василий Мамырев. По летописям он был дьяком 18 лет и 8 месяцев или 20 лет без 8 месяцев⁶. Так как известны даты жизни Василия (10 апреля 1432 – 5 июня 1490, постригся под именем Варсонофий, похоронен в Троицком монастыре 7 июня 1490 г.), то дьяческий чин он получил при Иване III в 1470 или 1471 г., когда ему было около 40 лет⁷. Известен дьяк Ивана III Данила Киприянов Мамырев (А.А. Зимин предположил, что дворцовый). Ю.Г. Алексеев оставил вопрос о родственных связях этих дьяков открытым, отметив, что в синодиках пересечений имен членов их семей не обнаруживается. Вместе с Василием в Синодике Успенского собора записаны Серапион, инок Мефодий, инока Мареммиана, инока Анастасия, инок Варсонофий (Н.П. Лихачев видит в нем дьяка Василия Мамырева); у Данила – Данила, Иван, Исаак, Борис; в Синодике Троице-Сергиева монастыря: сам Данила, жена Марья, сын Иван⁸.

1447–1455 гг. – “Васко Мамырев” писал данную Ивана Афанасьевича Троицкому монастырю на с. Старое в Радонежском у.⁹

1450–1455 гг. – “Васько, подиачеи князя великого” писал купчую докладную на треть пустошей Миценских в Опольском стане Суздальского у. суздальскому наместнику Федору Васильевичу (Басенку) троицкого старца Прокофия¹⁰. В силу распространенности имени идентификация затруднена. Ю.Г. Алексеев предполагает, что в этом акте фигурирует будущий дьяк Василий Беда¹¹ (см. далее), но, учитывая хронологию и распространенность имени, думаем, что “Васькой” во избежание путаницы звали конкретного человека и это – не Василий Беда. Известна, например, и другая форма имени “Василий” – “Васюк” (см. далее). Видим здесь в первую очередь Василия Мамырева.

1455 г. – переписал октоих для Василия II¹².

Сведений о землевладении не сохранилось, но сразу за Московской кольцевой дорогой вдоль Калужского шоссе расположена деревня Мамыри.

⁵ АСЭИ. Т. I. № 86.

⁶ ПСРЛ. СПб., 1853. Т. VI. Софийская вторая летопись. С. 239; СПб., 1910. Т. 20, ч. 1: Львовская. С. 355. СПб., 1848. Т. IV: Новгородская четвертая. С. 157; М.; Л., 1959. Т. 26: Вологодско-Пермская. С. 280.

⁷ АСЭИ. Т. III. № 273; Алексеев Ю.Г. У кормила Российского государства. С. 185–188.

⁸ Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие... С. 316; Зимин А.А. Дьяческий аппарат... С. 251; Алексеев Ю.Г. У кормила Российского государства. С. 234; Лихачев Н.П. Разрядные дьяки... Указатель. С. 48.

⁹ АСЭИ. Т. I. № 204.

¹⁰ АСЭИ. Т. I. № 240.

¹¹ Алексеев Ю.Г. У кормила Российского государства. С. 162.

¹² Зимин А.А. Дьяческий аппарат... С. 251. Со ссылкой на ГИМ. Собр. Уварова № 87.

Демех Трегубов. 1432–1445 гг. – “подъячей князя великого Демех Трегубов” писал данную княгини “иноки” Евфросинии Полиевктовны, вдовы дмитровского князя Петра Дмитриевича, Троицкому монастырю на с. Новое с деревнями в Вышгородском стане Дмитровского у.¹³

Ок. 1440–1445 гг. – Демех Трегубов – писец купчей Никиты Константиновича (Добрынского) на землю в Московском у.¹⁴ Ю.Г. Алексеев предполагает, что акт был составлен раньше данной княгини Евфросинии, так как чин Демеха не указан¹⁵.

Николай Федорович Майков. (?–1508 гг.). Так называемое “Письмо о нелюбах старцев Кириллова и Иосифова монастыря” (список второй четверти XV в.), называет Нила Сорского “по реклу” Майковым. Из заметок его ученика Германа Подольного известно о смерти старшего брата Нила Сорского Андрея, умершего в конце 1502 – начале 1503 г., в котором историки предполагают дьяка Василия II Андрея Майко (см. далее). В конце XV в. действует дьяк Даниил Майко¹⁶. В одной из записей Устава Нила Сорского говорится, что сам он “родом бе от великого града Москвы, скорописец, рекше подъячей”. В “Повести о Нило-Сорском ските” (XVII в., предполагаемый автор И.И. Плешков) сказано, что, по слухам, Нил Сорский родился в Москве и служил “судиям книгъчия”¹⁷.

Никула. Около 1453 г. – “Никула, подъчей князя великого”, писец купчей Старого Симонова монастыря на земли, купленные у детей Ивана (Ивановича) Бутурлина в Московском у.¹⁸

Терпигор (подъячий Василия II?). 1440–1450 гг. – “Терпигор подъячий” – писец купчей князя Дмитрия Ивановича Ряполовского на пустоши Назарьевские Нарбекова Харязиково и Мормыжов за р. Нерлью во Владимире, купленные у Юрия Федоровича (Кутузова)¹⁹. Исходя из того, что контрагенты сделки – члены великокняжеского двора, считаем, что Терпигор служил Василию II.

Ушак. 1425 – 1440 гг. – “подъячей великого князя Ушак” писал купчую Ильи Молока на пустошь Лютиковскую и селище Глинково в Кинельском стане Переславского у., купленные у Фрола Иванова сына Сушатины²⁰.

Дьяки.

Алексей Федоров сын Кокарева. Известен дьяк Алексей у галицкого князя Дмитрия Шемяки, но, скорее всего, это – разные люди²¹.

¹³ АСЭИ. Т. I. № 100.

¹⁴ АСЭИ. Т. I. № 167. С. 171, 265.

¹⁵ Алексеев Ю.Г. У кормила Российского государства. С. 265.

¹⁶ Алексеев Ю.Г. У кормила Российского государства. С. 232, 292.

¹⁷ Прохоров Г.М. Нил Сорский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2 (вторая половина 14–16 в.), ч. 2. С. 133; Никольский Н.К. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV в. СПб., 1897. С. XXXVI–XXXVII.

¹⁸ АСЭИ. Т. II. № 353.

¹⁹ Назаров В.Д. Акты XV в. из архива Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря // РД. Вып. 4, № 4. С. 16. Обоснование датировки и коммент. Там же. С. 6.

²⁰ АСЭИ. Т. I. № 51.

²¹ 1436 г. июня 13 договор Василия II “подписал князь Дмитриев Юрьевича Большого дьякъ Алексей”. 1440 г. сентября 22 – декабря 5 данную Дмитрия Шемяки Троицкому монастырю на с. Присецкое в Бежецком Верху “писал княж Дмитриевъ Юрьевича дьякъ Алексей” (ДДГ. № 35. С. 100; АСЭИ. Т. I. № 164).

1457–1462 гг. августа 22 – подписана дьяком великого князя Алексеем Федоровым сыном Кокоревым правая грамота суда рязанских наместников Прокофия Довыдовича, Якова Ивановича и дворецкого Юрия Зиновьевича Кузьме Зыкову по делу о краже у него пчел паробком Федорцем²². После смерти в 1456 г. рязанского великого князя Ивана Федоровича его малолетний сын и наследник был привезен в Москву, а в Рязанское княжество были направлены наместники Василия II. Считаем А.Ф. Кокарева дьяком московского князя с некоторыми сомнениями, так как Прокофий Довыдович и Яков Иванович – несомненно рязанского происхождения²³ и очевидно были боярами рязанского великого князя.

Возможна связь А.Ф. Кокарева с северным регионом. В 1397–1427 гг. составлена купчая докладная Василию II Белозерского монастыря на землю Захарьинскую с наволоком Зоринским, на р. Поборобице, купленные у Ивана Евсевьева, послухом которой назван – Олексейко Федоров сын²⁴. Форма имени позволяет подозревать, что это подьячий “Олексейко” меновой 1432–1445 гг. (см.: подьячий Алексей)²⁵. Если это один и тот же человек, то купчая должна датироваться ближе к 1427 г., а меновная – к 1432 г. Род Кокаревых связан с северным регионом и дьяческой средой и позднее: Алексей Иванов Кокорев в сентябре 1509 – августе 1510 г. писал жалованную грамоту князя Федора Ивановича Юхотского (из ярославских князей)²⁶.

Андрей (Федорович) Майко (Майков) см. подьячий Николай Федорович Майков.

1453–1455 гг. – “Майко” подписал жалованную данную Василия II Спасо-Каменному монастырю на Пучские пустоши по р. Пучке в Вологодском у.²⁷

1459 г. 21 апреля – в жалованной льготной и несудимой грамоте Василия II Троицкому монастырю на сельца Коростелево и Наволок с деревнями Костромского у., данные в монастырь Михаилом Федоровичем (Сабуровым), присутствует монограмма, авторство которой, по мнению Ю.Г. Алексеева, принадлежит Майко²⁸, так как похожая монограмма встречается на актах 1471–1475 гг., 1474–1478 гг., 1475 г., 1477–1482 гг. вдовы Василия II великой княгини Марии Ярославны, а на указной грамоте игумену Спасо-Каменного монастыря, составленной около 1474–1478 гг., монограмма сопровождается подписью: “Диаць Майко”²⁹. Эта же монограмма на актах 1467–1474 гг. и 1470 г. угличского князя Андрея Васильевича, сына Василия II³⁰. Служил и Ивану III³¹.

Андрей Ярлык. Присутствие на одном из подписанных им актов приписок на татарском языке дает основание предполагать татарское происхож-

²² АСЗ. М., 2002. Вып. 3. № 154.

²³ Зимин А.А. Феодальная знать Тверского и Рязанского великих княжеств и московское боярство конца XV – первой трети XVI в. // ИСССР. 1973. № 3. С. 138–139; АСЭИ. Т. III. № 328, 329, 331, 332, 365.

²⁴ АСЭИ. Т. II. № 41.

²⁵ АСЭИ. Т. I. № 86.

²⁶ Зимин А.А. Дьяческий аппарат... С. 243; АСЭИ. Т. III. № 219.

²⁷ АСЭИ. Т. III. № 266.

²⁸ АСЭИ. Т. I. № 280. Алексева Ю.Г. У кормила Российского государства. С. 170.

²⁹ АСЭИ. Т. I. № 451; Т. II. № 207; 249; Т. III. № 268.

³⁰ АСЭИ. Т. I. № 363, 366; Т. III. № 58.

³¹ Алексева Ю.Г. У кормила Российского государства. С. 189–194.

дение Ярлыка. Ю.Г. Алексеев пишет, что он крещенный татарин, едва ли не пленный холоп³². Но его духовная упоминает племянника Илью, кроме того он сделал вклад в Симонов монастырь “на поминокъ своеи души и своимь родителемь”³³. Мало вероятно, что он оказался на великокняжеской службе после плена. Возможно, пленным был отец, создавший позднее семью.

Ок. 1430–1446 гг. “великого князя дьяк Ярлык” подписал купчую Федора Андреевича (Старка) на пустошь Копыловскую, близ р. Икши, в Дмитровском у., купленную им у Данилы Глебовича (из рода Всеволожей-Заболоцких)³⁴.

В августе 1443 г. “великого князя дьяк Ярлык” подписал приписку к жалованной обельной (тарханной) и несудимой грамоте (список начала 30-х годов XVI в.) Василия Васильевича Ивану Петелину на с. Скнятиново в волости Кинела Переславского у. В конце акта приписка: “Сее грамоты князь великий Дмитрий Юрьевич не рушил, пожаловал Ивана Петелина о всем, как писано в сей грамоте. А подписал великого князя дьяк Ярлык”. По замечанию С.М. Каштанова, не понятно, дьяком какого великого князя был в это время Андрей Ярлык, а Ю.Г. Алексеев полагает, что он перешел на службу к Шемяке³⁵. По более поздним документам, Ярлык известен как дьяк митрополита Ионы: в июне–июле 1451 г. – Ярлык как митрополичий дьяк подписал духовную Софьи Витовтовны³⁶. 5 марта 1459 г. “митрополичь дьяк Ярлык” подписал духовную Е.Д. Окинфова, “явленную” митрополиту³⁷.

Владел землями в Московском и Переславском (волости: Кистьма и Юлка) уездах. В 1453–1460 гг. как митрополичий дьяк передал Симонову монастырю сельцо Быльцово с деревнями в волости Кистьма³⁸. Село Быльцово прежде принадлежало И.Ф. Кошкину и его сыну Захарии (дядя и двоюродный брат жены Василия II), но было “променено” Ярлыку “осподарем” его Василием II. К селу он прикупил у Марии “Тимофеевы жены оу Федоровича” (видимо, однородец Кошкина – сын Федора Колыча) сельцо Горицы с деревнями и пустошами, а также у разных лиц смежные с селом Бельдыным земли: с. Рождественское, землю Обакумцеву, пустошь Волововскую, “Шапошниково” с угодьями (лугами, бортями, лесом, пустошами, селищами), которые передал в Симонов монастырь по своей душе и душам родителей. Вклад в Симонов монастырь Андрея Ярлыка – сельцо Блудо-

³² Алексеев Ю.Г. У кормила Российского государства. С. 165.

³³ АСЭИ. Т. III. № 40, 44, 48 а (п. 349). Данная Ярлыка написана неким дьяком Васюком Черным; АСЭИ. Т. II. № 361. С. 355.

³⁴ АСЭИ. Т. II. № 93.

³⁵ Каштанов С.М. Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 361–362. № 10. По мнению историка, подтверждение Дмитрия Шемяки относится к периоду его великого княжения, т.е., очевидно, к тому времени, когда он владел Москвой (с февраля по декабрь 1446 г.). В середине 1446 г. Дмитрий находился в Переславле-Залесском. 6 мая 1446 г. к нему туда приехал митрополит Иона. Не состоялось ли подтверждение грамоты Петелину именно в этот промежуток? (Каштанов С.М. Очерки... С. 362. № 10; ПСРЛ. М., 2001. Т. VIII: (Воскресенская летопись). С. 118; М., 2004. Т. 25: (Московский летописный свод конца XV в.). С. 266); Алексеев Ю.Г. У кормила Российского государства. С. 163.

³⁶ ДДГ. № 57. С. 178. Ю.Г. Алексеев дает дату: июль 1449 г. – август 1452 г. (Алексеев Ю.Г. У кормила Российского государства. С. 164).

³⁷ АСЭИ. Т. III. № 100.

³⁸ АСЭИ. Т. II. № 354; Т. III. № 479.

во с деревнями в Переславском у.³⁹, которое, видимо, принадлежало ранее Федору Блудову⁴⁰. Ю.Г. Алексеев, полагает, что его вклады 1453–1460 и 1458–1459 гг. (см. далее) связаны с пострижением. Следует уточнить, что первый сделан еще в качестве митрополичьего дьяка, о чем прямо сказано в данной, где говорится о цели вклада: поминание родителей. Во второй данной он уже назван старцем, таким образом, Андрей Ярлык постригся в монахи под именем Андриан где-то в середине 1450-х годов. Ок. 1458–1459 гг. составлена данная старца Симонова монастыря Андриана Ярлыка Чудову монастырю на деревни Кнутова, Алексеевская, Орининская, Дягелевский починок с пустошами “по своей души и своимъ родителемъ” у р. Яузы в Московском стане, смежные с чудовскими землями⁴¹. 17 марта 1460 г. Василий II выдал Симонову монастырю жалованную, льготную и несудимую грамоту на данные Андреем Ярлыком с. Быльцыно с деревнями, а также д. Рождественское с пустошью Обакумцево в волости Юлка Переславского у.⁴² В 1462–1473 гг. на суде великокняжеский слуга Андрон заявил, что продал землю Лахово в Кистемском стане Переславского у. Андрею Ярлыку⁴³. Составленная в 1460 г. перед 8 июля духовная старца Симонова монастыря Андриана Ярлыка упоминает его земли, перечисленные в его данных в Переславском у. в волостях Кистьма и Юлка, “меновные и купленные” и переданные в Симонов и Чудов монастыри. Он передает в монастырь также принадлежащий ему “в городе” двор у Воздвиженской церкви “противу Володимерова двора” (Владимира Григорьевича Ховрина. – *И.П.*). В Чудов монастырь – деревни в Московском у., “на Яузскомъ мытищи”: Кнутова, Олексеевская, Орининская, Дягилевский починок с пустошами. Кроме того, он завещал передать в Никольский монастырь (“Никола Старый”) место у церкви святого Георгия, “што оу попава Лошкина двора”. Андрей дал загородный двор с огородом – купля у “Спаса на Глинищах” – “Фролу Яковлю” с семьей. Духовная упоминает “серебро” дельное, ростовое, кабальное. Завещаны вклады в монастыри и церкви – 27 рублей с полтиной. Своих “полных людей” Ярлык отпустил на свободу⁴⁴.

Василий. Идентификация очень затруднена ввиду распространенности имени. Предполагаем, что Василий с характерным написанием имени “Василей” – это *Василий (Иванович) Беда Толстой*. Может быть, имел сына Семена и, возможно, их семья была связана с Бежецким Верхом. Купчую Троицкого монастыря иг. Вассиана 1455–1457 гг., до 15 мая 1457 г., на с. Никольское Сукромное с пустошами, купленное у братьев Головкиных в Бежецком у. писал “Сенка Васильевъ сынъ дьяковъ”, в том же акте послухом назван “Василей дьяк великого князя”⁴⁵. Вряд ли из рода Толстых, хотя первые достоверные сведения об их службе при московском дворе относятся именно ко времени Василия II. Отчество устанавливается предположительно: дьяк Василий Иванович назван в судном докладном спис-

³⁹ Кормовая книга Московского Симонова монастыря 1808 г. (АСЭИ. Т. III. № 479).

⁴⁰ Его упоминает договор Василия II с Казимиром IV 1449 г. августа 31: “А Федора Блудова... земли и воды, все мое, великого князя Васильево” (ДДГ. № 53. С. 161–162).

⁴¹ АСЭИ. Т. III. № 40, 44, 48 а (п. 349).

⁴² АСЭИ. Т. II. № 359.

⁴³ АСЭИ. Т. I. № 326. С. 236.

⁴⁴ АСЭИ. Т. II. № 361; Алексеев Ю.Г. У кормила Российского государства. С. 164–165.

⁴⁵ АСЭИ. Т. I. № 258.

ке жены Василия II великой княгини Марии Ярославны, оформленном ок. 1470–1478 гг.; видимо, это именно Василий Беда, который под этим именем назван дьяком великой княгини в акте 1474–1484 гг.⁴⁶ Великокняжеский дьяк Василий Иванович упомянут в судном списке, составленном около 1465–1470 гг.⁴⁷ Ю.Г. Алексеев выделяет дьяка Василия Ивановича, не отождествляя его с Василием Бедой⁴⁸. Александр Федосеев сын Белеутов называет в своей духовной 1472 г. великокняжеского дьяка Василия Ивановича своим братом. А.А. Зимин отметил отсутствие в родословцах лица с таким именем в роду Белеутовых, но указал на Василия Ивановича Клушина, племянника А.Ф. Белеутова⁴⁹.

У С.Б. Веселовского, очевидно, ошибочно показано, что Василий Беда в 1442/43 г. ездил с И.Ф. Отяевым с посольством в Рязань. Историк ссылается на Н.П. Лихачева, у которого написано, что “Иван Федорович Белка Отяев служил великому князю *Ивану Васильевичу*, а был послан на Рязань в посольство, а с ним дьяк (*о времени пожалования в дьяки см. далее*) Беда”⁵⁰.

Дьяк с 23 июля 1453 г.: в этот день с вестью о смерти Шемяки “пригониль... подъячей Беда, а оттоля бысть дьяк”⁵¹. Известно предсказание, сделанное в связи с этими событиями: “Прорекоша ему людие мнози, яко не на долго будет времени его, и по мале сбьсться ему”⁵². Но он служил дьяком не один десяток лет: в 1474–1484 гг. “великие княини дьяк Василей Беда” подписал запись Федора (Пильема) и Семена (Вислоуха) Сабуровых, с доклада Д.Р. Квашнину, боярину великой княгини Марии Ярославны, о разделе с. Ивашкова с деревнями, в Лутском стане Ростовского у.⁵³

1442–1462 гг. (если грамота подписана Василием Бедой, то датировка: июль 1453–1462 г.) – правая грамота суда Ивана Харламова троицкому ключнику с. Хупанского Аксену по тяжбе между Троицким монастырем и усольцами о рубке леса в Переславском у. На суде были у Федора у Михайловича (Челядни) дьяки великого князя: “Олексей Полухтов да Василей”. На докладе Василию II “был Федор Борисович Отяев да дияк великого князя Василей”⁵⁴.

1453 г. июль – 1462 г. март – великокняжеский дьяк “Василей” подписал правую грамоту князя И.Ю. (Патрикеева) великокняжескому бортнику Фомке Гальшанину и князю Ф.Д. (Стародубскому) по поводу пустошей и бортных лесов по р. Уводи (Угоди) во Владимирском у.⁵⁵

1455–1457 гг., до 15 мая – “Василей дьяк великого князя”, послух купчей игумена Троице-Сергиева монастыря Вассиана на с. Никольское Сугромное с пустошами, купленное у братьев Головкиных в Бежецком у.⁵⁶

⁴⁶ АСЭИ. Т. I. № 397. С. 290; № 445.

⁴⁷ АСЭИ. Т. II. № 383.

⁴⁸ Алексеев Ю.Г. У кормила Российского государства. С. 184–185.

⁴⁹ Зимин А.А. Дьяческий аппарат... № 87.

⁵⁰ Известие взято Н.П. Лихачевым из родословной книги Андрея Федоровича Пусторослева (конец XVI в.); Лихачев Н.П. Разрядные дьяки... С. 393–394.

⁵¹ ПСРЛ. Т. 25. С. 273.

⁵² ПСРЛ. Т. 23: (Ермолинская летопись). СПб., 1910. С. 155.

⁵³ АСЭИ. Т. I. № 445.

⁵⁴ Кашианов С.М. Очерки... С. 354–360. № 9.

⁵⁵ АСЭИ. Т. II. № 496.

⁵⁶ АСЭИ. Т. I. № 258.

1460/61 г. – жалованная льготная и несудимая грамота Василия II Алексею Краснослепу на пустошь Хоробровскую в Деминской волости Суздальского у., “А подписал Василей дьяк”⁵⁷.

1461 г. сентября – 1462 г. марта 27 – писал духовную и приписную грамоту к ней Василия II: “А грамоту писал дьяк мой Василей Беда”⁵⁸.

Дьяк Василий встречается в актах после смерти Василия II, и у вдовы (см. далее)⁵⁹.

Давыд Данилов сын Денежников (дьяк Василия II?). Перед 7 января 1455 г. дьяк Давыд Данилов сын Денежников писал духовную Василия Матвеева сына (Иватина)⁶⁰. Душеприказчиком назван видный член Двора Ф.В. Басенок, что позволяет считать дьяка великокняжеским. Может быть, связан с Белозерским краем: в данной 1482–1484 гг. Федора Никитича (Лихарева) Кирилло-Белозерскому монастырю на д. Сераписону близ р. Кономы назван послух – Давыд Данилов сын⁶¹.

Иван Владимирович Кулудар (Кулудр, Колудар) Ирежский (Ирешский, Ирецкий). Отец – Владимир Иванович, мать – Елена, сын Борис. А.А. Зимин полагал, что он происходил из среды угличских землевладельцев, к этому мнению присоединился и Ю.Г. Алексеев⁶².

Около 1440 г. – Иван “Кулодал” сделал вклад в Троицкий монастырь по душам родственников: сельцо Лбовское Ивашковское Киселева, “Пантиньское деревню Заручье”, деревни “Лечищьянская”, “Попрядино”, Данилиеве и Павловскую пустошь, “Чюдинковское” с лугами в Койской волости Угличского у. с купчими грамотами⁶³.

1441/42 г. – когда Василий II преследовал Дмитрия Шемяку, бежавшего в Бежецкий Верх, “и изгонити было его... и подал ему (Шемяке. – И.П.) весте Кулударь Ирешьский. Он же убеже, а Кулударя князь великы доличився, да велел и кнутьем бити, по станом вода, да и дьячество отнял у него”⁶⁴.

1448–1461 – “Иван дьяк Кулудар” – послух грамоты Логина Корыткова, держателя митрополичьей земли владимирского Царевоконстантиновского монастыря (во Владимирском у.?) митрополиту Ионе с обязательством не осваивать земли монастыря⁶⁵.

С 1440-х годов – на службе у удельных князей: видимо сначала у Ивана Андреевича можайского, потом у Михаила Андреевича Белозерского и Верейского⁶⁶.

⁵⁷ АСЭИ. Т. III. № 101.

⁵⁸ ДДГ. № 61. С. 199.

⁵⁹ Алексеев Ю.Г. У кормила Российского государства. С. 184, 188–189; См., например: АСЭИ. Т. I. № 237, 311, 397; 445; Т. II. № 349, 371, 386, 463; АФЗиХ. Ч. I. № 103, 173.

⁶⁰ АСЭИ. Т. I. № 253.

⁶¹ АСЭИ. Т. II. № 263.

⁶² Зимин А.А. Витязь... С. 243, примеч. 108; Алексеев Ю.Г. У кормила Российского государства. С. 160.

⁶³ АСЭИ. Т. I. № 229.

⁶⁴ ПСРЛ. Т. 23. С. 150; Т. VIII. С. 111.

⁶⁵ АФЗиХ. Ч. I. № 202.

⁶⁶ Грамоты XIV–XV вв. из архива Кирилло-Белозерского монастыря / подгот. В.Б. Кобрин // АЕ за 1968 год. М., 1970. № 1. С. 407; ДДГ. № 51. С. 155; АСЭИ. Т. II. № 108, 167. Ю.Г. Алексеев считает, что монограмма на акте под № 108 также принадлежит Кулудару, но полной уверенности все-таки быть не может (Алексеев Ю.Г. У кормила Российского государства. С. 306).

1448 г. 31 марта – 6 апреля – “дьяк княж Ивановъ Андреевича Кулударь” подписал договор Василия II с Иваном Можайским, где назван дьяком можайского князя⁶⁷.

1448–1470 гг. приписка: “Дьяк княж Михаило Андреевича Кулударь” – к купчей докладной (ок. 1340–1370 гг. – до 1380 г.) Павла Харитоновна на куплю у Ильи Краковля вотчины – с. Вашки⁶⁸.

1448–1470 гг. – похожая (?) монограмма на жалованной Михаила Андреевича, выданной кирилло-белозерскому игумену Касьяну⁶⁹.

1455–1470 гг. – “дьяк князь Михаило Андреевича Кулударь” подписал правую грамоту, данную по приказу князя, Афанасью Внукову и его сыну Григорию на земли и пожни, бывшие в тяжбе с Ушаком Арбожовским⁷⁰. Монограммы на этом акте и на данной Троицкому монастырю.

Представители рода – землевладельцы Угличского и Бежецкого уездов. В жалованной грамоте Василия II от 10 марта 1455 г. Троицкому монастырю на все владения в Угличском у. упомянуты монастырские “села и з деревнями на Угличе и в Кинелском стану, монастырь Рожество Христова в Прилуце, Удинское село с деревнями, да во Кью Лбово, а дал Володимер Ирещкой”⁷¹. Около 1450–60-х годов Александр Гаврилов сын Ирещкий купил жребия Лукиной пожни в Бежецком Верхе у Ивана Анисимова (Головкина)⁷². В 1503/4 г. – на разезде земель в Бежецком у. присутствовал Елизарий Александров сын Ирещкий⁷³.

Иван Довыдов. С именем Иван известно несколько дьяков, их идентификация затруднена, нужно учитывать возможность выделения в предлагаемом списке под разными именами одного и того же лица.

Около 1444–1448 гг. – “великого князя дьяк Иван Давыдовъ” подписал жалованную данную грамоту Василия II и Софьи Витовтовны Спасо-Евфимиеву монастырю на с. Мордаш в Суздальском у. Видимо, этот акт упомянут в “Описной книге” монастыря 1660 г.: “Жалованная данная грамота великого князя Василия Васильевича на с. Мордаш, подпись дьяка Ивана Давидова; году в ней не написано”⁷⁴.

В 1471–75 гг. известен пристав верейского и белозерского князя Михаила Андреевича *Ивашка* Довыдов, но форма имени говорит не в пользу отождествления⁷⁵.

Иван Котов. 1454 г. 17 апреля – жалованная данная, тарханная и несудимая грамота Василия II Саввино Сторожевскому монастырю на с. Каринское “в Ондреевском”, Звенигородского у. не имеет подписи, но монограмма, по наблюдениям Ю.Г. Алексеева, почти тождественна монограммам на грамотах 1448–1470 гг. и около 1460–70-х годов верейского и белозерского князя Михаила Андреевича. В одной из грамот написано, что “подписал дьяк князь Михайловъ Андреевича Иванъ Котов”⁷⁶.

⁶⁷ ДДГ. № 51. С. 155.

⁶⁸ Грамоты XIV–XV вв. из архива Кирилло-Белозерского монастыря... С. 407. № 1.

⁶⁹ АСЭИ. Т. II. № 108.

⁷⁰ АСЭИ. Т. II. № 167 и Т. I. № 229.

⁷¹ АСЭИ. Т. I. № 254.

⁷² АСЭИ. Т. I. № 281.

⁷³ АСЭИ. Т. I. № 644, 645.

⁷⁴ АСЭИ. Т. II. № 446; Т. III. № 502, пункт 99.

⁷⁵ АСЭИ. Т. II. № 201.

⁷⁶ АСЭИ. Т. III. № 54а; Т. II. № 122, 188; Алексеев Ю.Г. У кормила Российского государства. С. 306–307.

Иван Поповка. Тесть Данилы Васильевича Башмака из рода Вельяминовых, члена Двора Василия II⁷⁷.

1435–1447 гг. – данная Ивана Поповки Кирилло-Белозерскому монастырю на 11 деревень в с. Чепринском, в Дмитровском у. (“Се яз, дьяк великого князя Иван Поповка, дал есми в дом... что есми был дал зятю своему Данилу Башмаку...”)⁷⁸.

В 1446 г. Иван Поповка, возможно, перешел на сторону противников Василия II. Заговорщики привезли Василия II в Москву и посадили на Шемякинском дворе, “самъ князь Дмитрей Шемяка стоял на дворе Поповкине”⁷⁹.

Иван Ростовец. Ю.Г. Алексеев считает, что он мог носить отчество “Дмитриевич”, так как известно, что зятем дьяка Степана Бородатого был дьяк Иван Дмитриевич⁸⁰, но вряд ли это – Иван Ростовец (см.: Степан Бородатый).

1456–1462 гг. – “великого князя дьяк Иванъ Ростовець” подписал жалованную тарханную и несудимую грамоту Василия II Архангельскому собору на с. Климятинское с деревнями в Боровском у.⁸¹ Можно предполагать ростовское происхождение.

Иван (дьяк Василия II? Иван Котов или Иван Довыдов?). Дьяк Иван подписал уставную грамоту митрополита Киприана 1391 г., это могло произойти как при Василии I, так и при его сыне и мало вероятно, что при внуке, так как за сделанной дьяком Иваном подтвердительной записью от лица великого князя следует подтвердительная запись дьяка митрополита Ионы Василия Карло, современника Василия II⁸².

Илья (Федорович) Бестуж. Отчество предположительно устанавливается по данной 1474–1478 гг. Анны Кучецкой и ее сыновей Троицкому монастырю на половину земли Михайловской и Санниковской, в Шуткине стане Юрьевского у., в которой упомянут послух Илья Федоров сын Бестужев⁸³.

Около 1440–1444 гг. великого князя дьяк “Илия Бестуж” подписал докладную мировую Спасо-Евфимиева монастыря с Рождественским монастырем о промене жребия в с. Переборовском за с. Иконниче близ Суздаля⁸⁴.

Оникей (дьяк Василия II или его наместника?). Полной ясности в отношении дьяков наместников нет: они могли быть как слугами непосредственно наместников (в частности быть их холопами), так и состоять на великокняжеской службе. С учетом упоминания некоторых из них как великокняжеских или возможно великокняжеских (Путило, Васюк) более вероятно второе. О присутствии дьяков в наместничьем штате говорит Двинская

⁷⁷ Родословная книга // Временник МОИДР. М., 1851. Кн. X. Материалы. С. 91.

⁷⁸ АСЭИ. Т. II. № 89.

⁷⁹ Повесть об ослеплении Василия II / Подгот. текста, пер. и коммент. Я.С. Лурье; перевод В.В. Колесова // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 6. XIV – середина XV в. С. 502.

⁸⁰ Алексеев Ю.Г. У кормила Российского государства. С. 162.

⁸¹ АСЭИ. Т. III. № 49.

⁸² АСЭИ. Т. III. № 5. Мнение о возможности подписания акта Иваном уже после смерти Василия I высказал и Ю.Г. Алексеев (У кормила Российского государства. С. 159). Дьяк Василий “прозвищем Карла” ездил на Флорентийский собор. Митрополичий дьяк Карло известен по актам середны XV в. (ПСРЛ. Т. 23. С. 150; АСЭИ. Т. I. № 108, 251; Т. II. № 352, 361).

⁸³ АСЭИ. Т. I. № 441.

⁸⁴ АСЭИ. Т. II. № 442.

уставная грамота 1397 г.: “А от печати наместником по три белки; а дьяком от письма от судные грамоты две белки”⁸⁵.

Около 1420–1440-х годов (список 1598 г.), “доложа князя Юрья Патрикеевича”, очевидно наместника, составлена запись о полной Якова Матвеева сына на Ивана Кровопуска с женой. Грамоту писал дьяк Оникей⁸⁶.

Путило. 1438 г. октября 27 – “...ликого князя дьяк Пути...” подписал жалованную тарханную и несудимую грамоту Софьи Витовтовны Благовещенскому Киржачскому монастырю, приписному к Троицкому⁸⁷.

1454–1463 гг. – “великого князя дьяк Путило” подписал полюбовную разъезжую-меновную, с доклада князю Ивану Александровичу (Звенигородскому? Бежецкий наместник?), слуги Троицкого монастыря Тихона и Василия Шитого в Бежецком Верхе⁸⁸.

1462 г. февраля 11 – в жалованной грамоте дмитровского князя Юрия Васильевича Троицкому монастырю на села в Дмитровском у. и на два двора в Дмитрове в числе прочих названо “на Вори (левый приток р. Клязьмы) село Путиловское”⁸⁹.

На списке второй половины XV в. духовной (ок. 1401–1402 гг.) князя серпуховского и боровского Владимира Андреевича почерком XV в. написано: “А на том же списке по концу списка: А се список дал Путило Семенчу Аргунову, а рука Путилова”⁹⁰.

Семен (дьяк Василия II или его наместника?). Около 1447–1455 гг. – докладная закладная кабала Василия Ноги Есипова троицкому старцу Геронтию (Лихареву) на пустошь Лукинскую, в Угличском у. На приклеенном листке приписка почерком писца основного текста (список середины XVI в.): «подпись на кабале: “Став перед Клементием Григорьевичем (Поливановым), Васко Есипов Нога сказал, что занял у троецкого старца у Геронтия два рубля с четвертью и сю кабалу на себя дал, да и то сказал, что ввел Геронтию свою пустошь Лукинскую пустошь, пѹ рубеж по Кашинской, всех денег, что в сей кабале писано. И Клементей Григорьевич к сей кабале и печать свою приложил. А подписал дьяк Семен”»⁹¹.

Не он ли Семенча Аргунов (см. Путило)? Имя Семен встречается среди дьяков великокняжеской семьи. Около 1470–1478 гг. составлен судный список с доклада вдове Василия II Марии Ярославне, данный нерехотским тиуном Семеном Григорьевичем Троицкому монастырю на землю Косовскую в Нерехотском стане Костромского у. и подписанный дьяком Семеном⁹². Видимо, он же – Семен Васильевич дьяк, сына Василия II Андрея⁹³.

Степан Никифорович Ростовец Бородатый. Самая богатая библиография – следствие неоднократного упоминания источниками⁹⁴. Прозвище

⁸⁵ АСЭИ. Т. III. № 7. С. 22.

⁸⁶ АСЭИ. Т. III. № 392.

⁸⁷ АСЭИ. Т. I. № 133.

⁸⁸ *Каштанов С.М.* Очерки... С. 373–374. № 17.

⁸⁹ *Каштанов С.М.* Очерки... С. 375. № 18.

⁹⁰ ДДГ. № 17. С. 51.

⁹¹ АСЭИ. Т. I. № 216.

⁹² АСЭИ. Т. I. № 397.

⁹³ АСЭИ. Т. I. № 304; Т. III. № 54а (1454 г.); 55, 56.

⁹⁴ Библиографию см.: *Анисимова Т.В.* О трех малоизвестных списках хроники Феодосия Амортла из собр. Е.Е. Егорова (XV–XVI вв.) // Опыты по источниковедению: археография, палеография, кодикология. СПб., 1999. С. 19–51. О Степане Бородатом – с. 23–26.

Ростовец связано, как полагает Ю.Г. Алексеев с его ростовским происхождением⁹⁵. Отчество устанавливается по приведенному далее источнику. Сын Илья, умер в 1458 г.; зять Иван Дмитриевич (Руно или Меликов?).

1428 г. февраля 7 – 1449 г. мая 7 – “писал Степанко дьяк” купчую Федора Андреевича (Старка) на Степановскую Протасова в Дмитровском у. княгини Евфросиньи, вдовы князя Петра Дмитриевича⁹⁶.

1447–1455 гг. – “дьяк Степан” подписал меновную Василия II с Троицким монастырем на земли в Переславском у. “...А отвод тем пустошем, куды отъехал те пустоши дьяк мой, великого князя, Степан...”⁹⁷.

Около 1448 г. – митрополит Иона в своем послании Казимиру IV пишет, что тот прислал посла Гармана, и великий князь “о всем к тебе на своем листу написал и речми к тебе с своим дьяком Степаном приказал, и ... на его листу о всем великое ваше господство познает и от его посла пошлышиш”⁹⁸.

1451/52 г. – запись, помещенная после текста Хроники Георгия Амартола в сборнике из собрания Е.Е. Егорова: “В лето 6900 и шестьдесятное написаны быша сия книги въ преименитом граде Москве при державе благовернаго и благочестиваго великаго князя Василиа Васильевича володимерьскаго и новгородскаго и всея Руси самодержца и при сыну его великом князи Иване Васильевиче всея Руси, а замышлениемъ великого князя дьяком Степаном Никифоровичем и посланы быша от него въ Великий Новьгород къ архиепископлю Великаго Новагорода Еоуфимиа казначею старцю Феодору сердечнаго его ради еже о сеи книзе желаниа и любви, а початы быша писати книги сия месяца генуариа въ 8 день, а кончаны быша марта въ 25 день на Благовещение пресвятыя владычица нашиа богородица приснодевы Мариа”⁹⁹.

1453 г. – умер в Новгороде Дмитрий Шемяка. “Людская молва говорят, что будето съ со отравы умерл, а привозил с Москвы Стефан Бородатыи дьяк к Исаку к посаднику к Богородицкому (Борецкому. – *И.П.*), а Исак деи подкупил княжа Дмитреева повара, именем Поганка, тьи же дасть ему зелие в куряти”. Степан ездил в Новгород не один, весть о смерти Шемяки привез в Москву подьячий Василий Беда¹⁰⁰. “Того же лета посла великий князь Стефана Бородатаго въ Новгородъ съ смертнымъ зелиемъ уморити князя Дмитрея. Онъ же приеха в Новгородъ къ боярину княжо Дмитриеву Ивану Нотову, поведа ему речь великого князя...”¹⁰¹.

1455–1462 гг. – “великого князя дьяк Степан” подписал меновную Троицкого монастыря с князем Борисом Васильевичем (сын Василия II) в Нерехте¹⁰².

1456–1462 гг. – “дьяк великого князя Степан Ростовец” подписал меновную Василия II с Троицким монастырем на променное монастырю

⁹⁵ Алексеев Ю.Г. У кормила Российского государства. С. 161.

⁹⁶ Каштанов С.М. Из истории русского средневекового источника: Акты X–XVI вв. М., 1996. С. 127. № 1.

⁹⁷ АСЭИ. Т. I. № 201.

⁹⁸ ААЭ. Т. I. № 49. С. 36. При публикации дата – около 1550 г. Принимаем датировку А.А. Зимина (*Зимин А.А. Витязь... С. 257, примеч. 23*).

⁹⁹ Анисимова Т.В. О трех малоизвестных списках... С. 24–25.

¹⁰⁰ ПСРЛ. Т. 23. С. 155.

¹⁰¹ Независимый летописный свод 80-х годов XV века / Подгот. текста и коммент. Я.С. Лурье и Н.И. Милютенко // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 7. С. 404.

¹⁰² АСЭИ. Т. I. № 271.

с. Панино с деревнями в Радонеже взамен сел Ваганова и Сборовского с деревнями¹⁰³.

1458 г., осень – в Ростове изготовлен крест с надписью: “В лето 6966 месяца ноеврия 7-го... при благоверном великом князе Василии Васильевиче всея Руси, при великом князе Иване Васильевиче всея Руси, при митрополите Ионе всея Руси, при князе Володимере Андреевичи Ростовском, при его брате и при архиепископе Феодосии Ростовском преставися раб Божий Илья Стефанов сын дяков. Положен бысть в Ростове у святого Воскресения...”. Исполнение распоряжений Стефан поручает “господину Ивану Дмитриевичу зятю и Алексею Полихтовичу (введенный дяк Василия II. – *И.П.*) и его сыну Роману”¹⁰⁴. Ю.Г. Алексеев считает возможным видеть в Иване Дмитриевиче великокняжеского дяка Ивана Ростовца, и мало вероятно – И.Д. Циплю, дяка Михаила Андреевича¹⁰⁵. Но вряд ли дяк стал бы называть господином своего зятя – другого дяка, тем более что Иван Ростовец упоминается источниками лишь однажды, а его предполагаемый тесть входит в число выдающихся дяков. Известны два современника, члены великокняжеского двора, чьи кандидатуры в качестве зятя Степана Бородатого выглядят предпочтительней: И.Д. Руно и И.Д. Меликов.

1462 г. – “Тое же же зимы, генваря въ 7, на память святого Иоанна крестителя, от князя великого Василья Васильевича, многа замышления, приехаша послове к великому Новугороду: Федоръ Михайловичъ Челядня, Федоръ Александровичъ Белеутовъ, Степан Брадатой на 6 дней, и архиепископъ Великого Новагорода и Пскова владыка Иона возда честь и дары возда, такоже посадникъ и весь Великий Новгород воздаша честь им; и пребывше 16 дней, и поехаша на Москву, того же генваря 22”¹⁰⁶.

Ю.Г. Алексеев указал (без отсылки к источнику) на вклад Степаном четырех деревень в Воскресенский монастырь в Ростове, отметив, что известен Воскресенский монастырь у озера Чашниче в слободе Караш на юге уезда¹⁰⁷.

В указной грамоте 1502–1504 гг. Ивана III об отводе Троицкому монастырю земель в Переславском у. упомянуты “книги” Степана Бородатого¹⁰⁸. Неясно к какому времени можно отнести известие. Степан Бородатый упоминается источниками в 50–70-х годах XV в., но скорее всего Ю.Г. Алексеев прав, относя этот факт к началу правления Ивана III¹⁰⁹.

В Московском летописном своде 1479 г. записаны обстоятельства рождения Василия II, в конце текста: “Мне же о сем Стефан дякъ сказа, а в прежнем проречении старца Деменьтеи печатник ему сказаша, поведя великая княгини Мария” (жена Василия II)¹¹⁰.

Терентий. Около 1444 г. – “подписал великого князя дяк Терентиеи” жалованную данную, тарханную и несудимую грамоту княгини Марии,

¹⁰³ АСЭИ. Т. I. № 277.

¹⁰⁴ Николаева Т.В. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV – первой четверти XVI в. М., 1971. С. 56. № 36.

¹⁰⁵ Алексеев Ю.Г. У кормила Российского государства. С. 162.

¹⁰⁶ ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16. Стб. 206–207.

¹⁰⁷ Алексеев Ю.Г. У кормила Российского государства. С. 162.

¹⁰⁸ АСЭИ. Т. I. № 641. С. 555.

¹⁰⁹ Алексеев Ю.Г. У кормила Российского государства. С. 127.

¹¹⁰ ПСРЛ. Т. 25. С. 242.

вдовы суздальско-нижегородского кн. Даниила Борисовича, Спасо-Евфимиеву монастырю на с. Омутское на р. Нерли¹¹¹.

Федор Дубенский. Фамилия дьяка Федора, обладателя часто встречающейся монограммы, устанавливается по судному списку, составленному около 1499–1502 гг., где указано, что на данной стоит подпись “диака Федора Дубенского”¹¹².

Не ранее 1438 г. – монограмма Федора Дубенского на указной грамоте Василия II в Нерехту князьям, детям боярским и дворянам о запрещении останавливаться и брать кормы и подводы в селах Троицкого монастыря¹¹³.

24 июня 1440 г. – “Федко дьяк” подписал приписку к договорной грамоте Василия II с Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным 1434 г.¹¹⁴

Осень 1445 г. – после пленения татарами Василия II служил у Дмитрия Шемяки, по поручению которого направлен в Орду для переговоров о передаче великокняжеского стола, схвачен по пути людьми, верными Василию II: “А Федор дьяк з Бигичем въ ту же пору и поидоша из Муром судном, а кони отпусти берегом. А Андрею же (А.Ф. Плещеев. – *И.П.*) пришедшу противу Иванова села Киселева меж Новгорода и Мурома и срет ту Плишку Образцова с конми з Бигичевыми и съ Федоровыми, и сказал им Андреи, что князь великы отпущен на свое великое княженъе. Они же вернувшееся оттоля, переняша Федора под Дудиным монастырем, а онъ пловет з Бигичем рекою Окою. Федоръ же слышавъ то воротися назад к Мурому и з Бигичем. Пришедшимъ же им к Мурому, и князь Василей Васильевич Оболенскы изымал Бигича и окова его”¹¹⁵.

Какое-то время служит можайскому князю. 1446 мая 27 – жалованная несудимая грамота можайского князя Ивана Андреевича Троицкому монастырю на с. Присецкое в Бежецком Верхе. Монограмма¹¹⁶. 1447 г. июль – “Федоръ дьяк”, очевидно, как дьяк Ивана Андреевича подписал перемирную грамоту Дмитрия Шемяки и можайского князя с Василием II¹¹⁷. Далее, судя по точно датированным документам, на которых встречается его монограмма, он вновь служит Василию II не позднее, чем с 1451 г.

Около 1448–1462 гг. – монограмма Федора Дубенского на жалованной грамоте Василия II Кирилло-Белозерскому монастырю об отказе крестьян в Юрьев день¹¹⁸.

1448–1462 гг. – монограмма Федора Дубенского на грамоте Василия II на Вологду и Устюг, наместникам и воеводам о беспрепятственном пропуске на Двину лодьи с товаром Кирилло-Белозерского монастыря¹¹⁹.

1451 г. марта 25 – монограмма Федора Дубенского на жалованной льготной грамоте Василия II Симонову монастырю на с. Борисовское и две варницы у Соли Галицкой¹²⁰.

¹¹¹ АСЭИ. Т. II. № 444.

¹¹² АСЭИ, Т. I. № 628. С. 539. Подробнее см.: *Алексеев Ю.Г.* У кормила Российского государства. С. 166–170.

¹¹³ АСЭИ. Т. I. № 136.

¹¹⁴ ДДГ. № 34. С. 89.

¹¹⁵ ПСРЛ. Т. 25. С. 263–264; Л., 1977. Т. 33. С. 105.

¹¹⁶ АСЭИ. Т. I. № 179.

¹¹⁷ ДДГ. № 46. С. 142.

¹¹⁸ АСЭИ. Т. II. № 101.

¹¹⁹ АСЭИ. Т. II. № 102.

¹²⁰ АСЭИ. Т. II. № 351.

Около 1451–1462 гг. – монограмма Федора Дубенского на жалованной данной грамоте Василия II Спасо-Евфимиеву монастырю на глушицу и перекопань на р. Нерли¹²¹.

1452–1462 гг. монограмма Федора Дубенского на жалованной грамоте Василия II Троицкому монастырю на освобождение сел Присеки и Су-кромное с деревнями в Городецком стане Бежецкого Верха от пошлин¹²².

1453 г. июля 3 – монограмма Федора Дубенского на жалованной тарханной и несудимой грамоте Василия II Троицкому монастырю на варницы, деревни, пустошь и двор в Галицком у.¹²³

1453–1455 гг. – “А подписал великого князя дьяк Федор” докладную докончальную грамоту о тяжбе Спасо-Евфимиева и Суздальского Александровского монастырей¹²⁴.

1455–1462 гг. – монограмма Федора Дубенского на жалованной грамоте Василия II Троицкому монастырю с запретом тиунам и доводчикам ездить на пиры в с. Присек в Городецком ст. Бежецкого Верха и правом не выпускать старожильцев¹²⁵.

Далее вновь временно на службе в уделе. 1455 г. января 26 – грамота верейского и белозерского князя Михаила Андреевича на Белоозеро наместникам, старостам, волостелям и рыбникам о ненарушении грамот Кирилло-Белозерского монастыря. На обороте: Монограмма. Ниже: приписка без конца, где, видимо, стояло имя дьяка или боярина и монограмма Федора. Ранее 1459/60 г. – монограмма Федора Дубенского на указной грамоте верейского и белозерского князя Михаила Андреевича атаманам о невзимании рыбного сбора с неводов Кирилло-Белозерского монастыря¹²⁶.

1456 г. декабря 4 – монограмма Федора Дубенского на жалованной льготной и несудимой грамоте Василия II Кирилло-Белозерскому монастырю на с. Ивановское с льготами для новоприходцев¹²⁷.

Около 1457–1462 гг. – монограмма Федора Дубенского на жалованной Василия II Кирилло-Белозерскому монастырю на сельцо Ивановское об освобождении от проезда, постоя, дачи кормов и проводников¹²⁸.

1460 г. апреля 20 – монограмма Федора Дубенского на жалованной (подтвердительной) льготной и несудимой грамоте Василия II Симонову монастырю на озера, ез и земли в Ржевском у.¹²⁹

Ряд названных далее актов могут быть скорее отнесены к началу правления Ивана III.

Подписал жалованную тарханную несудимую грамоту от 4 мая 1446 г. князя Василия Ярославича чернице Анне, вдове Федора Андреевича (Старка Серкизова) на с. Куралдинское в Дмитровском у. (с подтверждением великого князя): “Да на той же грамоте пишет: Князь великий пожаловал, грамоты сее рушати не велел ничем, доколе будет в своей отчине в Дмит-

¹²¹ АСЭИ. Т. II. № 453.

¹²² АСЭИ. Т. I. № 263.

¹²³ АСЭИ. Т. I. № 245.

¹²⁴ АСЭИ. Т. II. № 457.

¹²⁵ АСЭИ. Т. I. № 264.

¹²⁶ АСЭИ. Т. II. № 171.

¹²⁷ АСЭИ. Т. II. № 169.

¹²⁸ АСЭИ. Т. II. № 170.

¹²⁹ АСЭИ. Т. II. № 360.

рове. А подписал Федор дьяк¹³⁰. 1455–1456 гг. – меновная радонежского волостеля Ивана Прокофьевича с троицким “старым” келарем Иларионом на пустоши в Радонеже по слову и по грамоте серпуховского и боровского князя Василия Ярославича. В конце акта: “князь велики (какой?) пожаловал игумена и з братью по сеи грамоте, а грамоты сее рушати не велел. А подписал Федор дьяк¹³¹. Василий Ярославич был лишен удела в 1456 г., после этого и могли быть сделаны приписки. 1449 г. июня 29, индикта 12 составлена жалованная льготная и несудимая грамота Василия II Марии Копниной с сыном, на которой стоит подтверждение великого князя Ивана Васильевича: “По сеи грамате отца своего великаго князя, князь велики Иванъ (так) пожаловал Марью и ее внука Ивашка, – грамоты сеи рушати не велел. А приказал Федор Васильевич (очевидно, Басенок, который вскоре после смерти Василия II оказался в опале и ослеплен в 1463 г.). А подписал Федор дьяк¹³²”.

Федор Дубенский после смерти Василия II продолжил службу у Марии Ярославны и Ивана III¹³³.

Согласно родословным данным Дубенских, связь которых с дьяком Федором Дубенским не устанавливается, “Семен да Остафий Дубенские выехали из Польши служить к великим князьям при державе великого князя Василья Васильевича в лето 6933 (1424/25 г.). У Семена сын Михайла. У Остафья сын Михайла бездетен...”¹³⁴. Выезд Дубенских скорее всего состоялся при Василии I. По источникам известны несколько Дубенских – современников Василия II. *Дубенский Иван Михайлович* служил, по предположению С.Н. Кистерева, у дяди Василия II Петра Дмитриевича в конце XIV – первой четверти XV в. (едва ли, судя по времени, сын показанного в родословии бездетным Михаила). Историк датирует полную докладную грамоту князю Петру Дмитриевичу И.М. Дубенского на Митицу Анцифорова 1399–1428 гг.¹³⁵ Около 1450-х–1470-х годов в Стромьинском Успенском монастыре (на притоке Шерны р. Дубенке в Переславском у.) был старец *Сергий (Семен?) Дубенской*¹³⁶. Около 1430-х годов составлена меновная троицкого чернеца Авраамия с чернецом *Феофаном Дубенским* на обмен дворовых мест у Соли Переславской¹³⁷. Как видим, оба старца имеют отношение к Переславскому уезду.

Харитон. Около 1440 г. – данную Василия, Семена и Петра Ивановых детей Кокошкиных Спасо-Евфимиеву монастырю на половину селища Бутакова писал “Харитон дьяк”¹³⁸.

¹³⁰ АСЭИ. Т. II. № 95. С. 553 (С.М. Каштанов, как и И.А. Голубцов, полагают, что подтверждение Василия II); *Каштанов С.М.* Из истории. С. 129. № 3.

¹³¹ АСЭИ. Т. I. № 256. См. также № 255.

¹³² АСЭИ. Т. I. № 224.

¹³³ *Алексеев Ю.Г.* У кормила Российского государства. С. 182–184.; См., например: АСЭИ. Т. I. № 32, 61, 224, 231, 287, 402. Т. 2. № 96, 101, 103, 169, 170, 444; Т. 3. № 49, 229, 484, 496; АФЗиХ. Ч. 1. № 225.

¹³⁴ *Кистерев С.Н.* Полная грамота Ивана Михайловича Дубенского // Русский дипломатический. М., 1997. Вып. 1. С. 13 со ссылкой на Архив СПб. ФИРИ РАН (ЛОИИ). Ф. 131. Д. 112. Л. 117. С копии 1780-х годов.

¹³⁵ *Кистерев С.Н.* Полная грамота... С. 5–24.

¹³⁶ АСЭИ. Т. I. № 284.

¹³⁷ АСЭИ. Т. I. № 144.

¹³⁸ АСЭИ. Т. II. № 440.

(1444 г.) – жалованная данная, тарханная и несудимая грамота княгини Марии, вдовы суздальско-нижегородского князя Даниила Борисовича, Спасо-Евфимиеву монастырю на с. Омутское на р. Нерли “писал Харитон дьяк, нареченны въ мнишеском чину Харлам. А подписал великого князя дьяк Терентей”¹³⁹.

*Аноним*¹⁴⁰. Около 1452–1453 гг. выдана жалованная грамота великой княгини Марии Ярославны Кирилло-Белозерскому монастырю о смешном суде. На обороте подлинника удостоверяющая подпись: “князь великий” и монограмма, не имеющая аналогов с монограммами известных дьяков¹⁴¹.

1455–1462 гг. – та же монограмма на жалованной несудимой и о кормах наместникам и волостелям грамоте Василия II Троицкому монастырю на села и деревни в Галиче и у Соли Галицкой¹⁴².

1460 г. марта 17 – та же монограмма на жалованной льготной и несудимой грамоте Василия II Симонову монастырю на с. Быльцино с деревнями в Переславском у.¹⁴³

Этот дьяк служил и Ивану III¹⁴⁴.

Аноним. 1435 г. апреля – жалованная подтвдительная несудимая и льготная грамота Василия II Михаилу Яковлевичу (Морозову) с детьми на его вотчины в Кинельской волости и Городском стане Переславского у.¹⁴⁵ Монограмма, не совпадающая с идентифицированными.

Трудно сказать был ли дьяком упомянутый в духовной 1451 г. великой княгини Софьи *Степан Обобуров*, который “собе поставлял хоромы” в Москве, на Подоле, рядом с владениями матери Василия II¹⁴⁶. Но на примере его потомков можно проследить тесную связь рода с канцелярской службой. Сын Борис упомянут в 1483 г. как дьяк Бориса Васильевича Волоцкого¹⁴⁷. Внук – Захарий Голова Борисов сын (20-е годы XVI в.) – дьяк дмитровского князя Юрия Ивановича¹⁴⁸. О другом сыне Степана – Алексее известно лишь как о землевладельце. Алексей Степанов сын Обобурова упомянут в данной около 1463 или 1473 г. Давыда Иванова сына Микитина Пушкина в Симонов монастырь на д. Гавриловскую в Горетове стане Московского у.¹⁴⁹. Возможно, он служил у сына Василия II: в духовной Юрия Васильевича дмитровского 1472 г. упомянуто сельцо, которое князь “выменил у Олексея у Обобурова, Григорьевское (Федоровича. – *И.П.*) Колычева”¹⁵⁰. Дочь Алексея – Настасья – вышла замуж за Григория Васильева сына Лыскова Чертова, потомка дьяка Алексея Строилова.

Введенные дьяки. *Алексей Полуектович*. (См. подьячий Алексей). Родоначальник Алексеевых и Полуектовых. А.А. Зимин (указывает на службу внуков по Ярославлю) и И.Б. Михайлова доказывают его ярославское

¹³⁹ АСЭИ. Т. II. № 444.

¹⁴⁰ *Алексеев Ю.Г.* У кормила Российского государства. С. 169–170.

¹⁴¹ АСЭИ. Т. II. № 158.

¹⁴² АСЭИ. Т. I. № 261.

¹⁴³ АСЭИ. Т. II. № 359.

¹⁴⁴ АСЭИ. Т. I. № 342, 351, 416, 360.

¹⁴⁵ АСЭИ. Т. I. № 117.

¹⁴⁶ ДДГ. № 57. С. 177.

¹⁴⁷ ДДГ. № 77. С. 290.

¹⁴⁸ АФЗиХ. Ч. 1. № 76; № 93. С. 90; № 110. С. 104.

¹⁴⁹ АСЭИ. Т. II. № 380.

¹⁵⁰ ДДГ. № 68. С. 224.

происхождение, в отличие от Ю.Г. Алексеева, связывающего его с ростовской землей. А.В. Антонов и К.В. Баранов предположили, что он мог быть родственником потомков князей Ярославовых-Оболенских¹⁵¹, что соотносится с употреблением его отчества с окончанием на “вич”, но не поддерживается И.Б. Михайловой. Жена – Наталья, которой приписывается вожжа на Марию Борисовну Тверскую – первую жену Ивана III¹⁵². Только один из сыновей, Роман (дьяк Ивана III¹⁵³), отмечен источниками времени Василия II. В Ростове был изготовлен крест с надписью (см. Степан Бородатый), согласно которой дьяк Степан Бородатый поручил ему быть душеприказчиком своего умершего сына¹⁵⁴. Другие упоминания о сыновьях: дьяке Романе, Андрее и Федоре относятся ко времени Ивана III¹⁵⁵. Несмотря на ярославское происхождение, Алексей Полуектович владел землями в Ростовском уезде: около 1463–1476 гг. он отдал при мене с Дмитрием и Василием Черемисиновыми “село Ильинское да Заречье, и з деревнями, и с пустошми, и с лесы, и с луги, и с пожнями, и со всеми оугодьи” в Лутском ст. Ростовского у. за их земли в Сотемском ст. Костромского у.¹⁵⁶ Дети Романа владели землями в Московском, Ярославском и Ростовском уездах¹⁵⁷.

1442–1462 гг. – правая грамота суда Ивана Харламова троицкому ключнику с. Хупанского Аксену по тяжбе между Троицким монастырем и усольцами Дмитроком Щекою и другими по рубке леса в Переславском у. На суде были у Федора у Михайловича (Челядни) дьяки великого князя: “Олексей Полуехтов да Василей”. О суде сделана приписка к купчей и отводной грамоте Троицкого монастыря на земли Молитвенскую в Кистемском ст. Переславского у. 1410–1427 гг.¹⁵⁸

1442–1462 гг. – на купчей и отводной 1410–1427 гг. Троицкого монастыря на землю Молитвенскую, в Кистемском ст. Переславского у. сделана приписка, которую “подписал великого князя дьяк Олексей Полиехтов”¹⁵⁹.

В 1462/63 (6971) г. в Ярославле в подклете собора Спасского монастыря обнаружили нетленные мощи князей Федора Ростиславича Черного Смоленского и его сыновей Давида (родоначальник ярославских князей) и Константина. По этому поводу сказано: “Сии бо чудотворци явишася не на добро всем княземъ Ярославскимъ: простилися со всеми своими отчинами на векъ, подавали ихъ великому князю Ивану Васильевичю, а князь велики противъ их отчины подавалъ имъ волости и села; а изъ старины печаловался о нихъ князю великому старому (Василию II – И.П.) Алекси Полуектовичъ, дьяк великого князя, чтобы отчина та не за ними была”¹⁶⁰.

¹⁵¹ Алексеев Ю.Г. У кормила Российского государства. С. 67, 108–109, 114, 129–130, 147, 161, 181–182, 186, 202, 285; Зимин А.А. Дьяческий аппарат... № 147. С. 261–262; Ельчанинов И.Н. Материалы для генеалогии дворянства Ярославской губернии. Ярославль. Б.г. Вып. 8, ч. 1. С. 99–100; АСЗ. М., 1997. Т. I. С. 341, коммент. к № 321; Михайлова И.Б. Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV – первой половине XVI века. СПб., 2003. С. 126.

¹⁵² ПСРЛ. Т. VI. С. 186; Т. 20, ч. 1. С. 277.

¹⁵³ Алексеев Ю.Г. У кормила Российского государства. С. 201–202.

¹⁵⁴ Николаева Т.В. Произведения русского прикладного искусства... С. 56. № 36.

¹⁵⁵ Алексеев Ю.Г. У кормила Российского государства. С. 201–202; Михайлова И.Б. У кормила Российского государства. С. 127.

¹⁵⁶ АСЭИ. Т. I. № 339.

¹⁵⁷ Алексеев Ю.Г. У кормила Российского государства. С. 202.

¹⁵⁸ Каштанов С.М. Очерки... С. 354–360. № 9; АСЭИ. Т. I. № 20. С. 37.

¹⁵⁹ АСЭИ. Т. I. № 20.

¹⁶⁰ ПСРЛ. Т. 20, ч. 1. С. 276; Т. 23. С. 157–158.

Продолжил службу при Иване III¹⁶¹.

Алексей Попов сын Стромиллов. Родоначальник Чертовых-Шолоховых. “Бренбольского диакона сын Алексей”. Сын Михаил Черт, внуки Григорий и Иван Шолох. Шолоховы-Чертовы проживали в северной части волости Сельцы (ныне Троица, севернее Москвы). С.Б. Веселовский предположил, что она была передана в первой половине XIV в. митрополичьей кафедре и до середины XV в. владельцы местных вотчин служили митрополитам. Главная вотчина Шолоховых была восточнее Дмитрова (современные селения Михайловское и Шолохово)¹⁶². В 1453–1462 гг. известен симоновский старец Данила Стромиллов: в правых грамотах 1462–1470 гг. он упомянут как бывший монастырский приказчик у Соли Галицкой¹⁶³. Духовная 1457–1458 гг. Есипа Дмитриева сына Акинфова упоминает с. Чертово.

Проследивается связь семьи с Дворцом. Село Брембола Большая находилось на речке Вертглянке (Ветлянке) в Переславском у. М.И. Смирнов предполагал, что при Василии II оно было дворцовым. Прямые указания на дворцовую принадлежность относятся к 1554 г.: в разьежей грамоте Переславского Данилова монастыря на с. Троицкое с помещиком с. Пожарского (Логинова) Крячком Воропоновым перечисляются крестьяне “царевых и великого князя ис подклетных сел”, в их числе с. Большой Бремболы¹⁶⁴. Известен дворский Середецкого ст. Илья Стромиллов по правой грамоте кашинских писцов 1507–1509 гг. князя Юрия Ивановича Дмитровского. Возможно его сын Степан был пожалован Иваном III и его сыном Василием Ивановичем поместьем – землями в Новгородской вол. Березайской Смерде, в 1496 г. известной как дворцовая. По мнению составителей, она была таковой еще до присоединения Новгорода к Москве. Но А.В. Антонов и К.В. Баранов считают маловероятным связь Ильи и Степана со Стромилловыми, известными вотчинниками Юрьевского уезда¹⁶⁵.

Связь с митрополичьей кафедрой просматривается в двух эпизодах.

В марте 1423 г. “Олексеи Стромиллов” (без указания дьячества) писал третью духовную Василия I, с которой ездил с митрополитом в Литву к Витовту. На обороте списка XV в. духовной Василия I следующие пометы: “Список з грамоты, что поймал Олексеи з собою в Литву, коли с митрополитом поехал с Фотеем на середохрестье”. “Список с тое грамоты, что пошла к великому князю к Витовту с Олексеем в лето 30 первое, з середохрестья”¹⁶⁶. В Московском своде конца XV в. говорится о поездке митрополита к Витовту под 6930 г.

Летом 1454 г. Никита Константинович Добрынский был “за приставы” взят в Москве, но надзиравший за ним введенный дьяк Алексей великому

¹⁶¹ *Алексеев Ю.Г.* У кормила Российского государства. С. 181–182.

¹⁶² *Веселовский С.Б.* Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978. С. 205, 323, примеч. “ш”; *Он же.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 251, примеч. 13.

¹⁶³ АСЭИ. Т. II. № 355, 368, 381, 383.

¹⁶⁴ *Смирнов М.И.* Феодальные владения Переславских и иногородных монастырей в Переславль-Залесском уезде XIV–XVIII ст. // Труды Переславль-Залесского Историко-Художественного и Краеведческого Музея. Переславль-Залесский, 1929. Вып. XII. С. 27.

¹⁶⁵ АСЗ. Т. I. № 252. С. 225, 226.

¹⁶⁶ ДДГ. № 22. С. 62. Середохрестье – середина Великого поста, среда на четвертой неделе Великого поста (Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1999. Вып. 24. С. 88).

князю изменил, зговоря с Никитою, да побежали ко князю Ивану Андреевичу в Можаяск. После бегства можайского князя в том же году в Литву он “прибежал к митрополиту Ионе, бия челом, чтобы пожаловал государь, князь великий, милость показал, а воротился того для, что вотчина у него велика, а жена его была в то время в вотчине. А вотчину его и животы князь велики на себя взял, а жену его и сына Михайла поимал. И князь великий для отца своего Ионы митрополита смертную казнь ему отдал, а дал того Алексея и сына его Михаила, и с вотчиною, и со всем его животом в дом Пречистыя Богородицы и великим чудотворцем Петру и Алексею, и Ионе, митрополиту всеа Руси. А нет пути им нигде из дому Пречистые Богородицы”¹⁶⁷. Алексей прибегнул к покровительству митрополита Ионы, и по ходатайству последнего был передан под вечный патронат митрополичьей кафедры со всеми вотчинами без права прерывать наследственную вассальную связь с ней¹⁶⁸.

Дьяки казенные и казначей. *Астафий Аракчеев.* Дьяк и казначей. По аналогии с Глебом и Иваном Скориком (см. далее) – дьяк казенный?

Около 1455–1462 гг. – “Остафеи Аракчеев, казначей великого князя” послух купчей Троицкого монастыря старца Макария Липятина на д. Оглоблинскую в Верхнем Березовце Костромского у., купленную в монастырь у Ивана Павлова сына Захарьина. На обороте: “Яз, Остафеи, дьяк, на сию грамоту послух”. Монограмма по татарски: “Уракчиев”¹⁶⁹.

Возможно, продолжил службу при Иване III¹⁷⁰.

Василий. Казначей Василия II?

Около 1434–1445 гг. – “Василей казначей” – послух купчей Владимира Андреевича (Зворыкина) на селища Малковское, Шевское в Ростовском у., купленные у Чечки Микулина сына¹⁷¹.

Владимир Григорьевич Ховрин (последнее датируемое упоминание не позднее марта 1481¹⁷²). Согласно разным источникам, родоначальник Ховриных – князь Стефан Васильевич (Комрин, Ховр) со своим сыном Григорием – выехал из Манкупа, Балаклавы, Судока, Кафы при Василии I (в одном из родословцев есть дата – 7911, но очевидно, что 6911, т.е. в 1403/04 г.). С.Б. Веселовский в “Ономастиконе” называет его московским гостем первой половины XIV в., но в раннем исследовании предполагает, что Стефан обосновался в Москве в конце XIV в. Согласно В.Б. Перхавко, Стефан выехал около 1390-х годов. По мнению С.Б. Веселовского, маловероятен выезд из Манкупа, который не был владением Генуэзской республики. По фамильным преданиям Стефан – потомок греческих императоров Комнинов, отсюда и приписываемое поздними источниками Стефану прозвище – Комнин. Во второй четверти XIV в. известны по раскопкам правители княжества Феодоро-Мангупа Василий и его сын Стефан. С.Б. Веселовский показал вполне вероятное происхождение прозвища Ховра от уменьшительной формы имени Феврония (В.Б. Перхавко дает и другие

¹⁶⁷ Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI в. М., 1987. Ч. 3. № 47. С. 528.

¹⁶⁸ Черепнин Л.В. Из истории русских феодальных отношений // Из. М., 1940. № 9. С. 55–57.

¹⁶⁹ АСЭИ. Т. I. № 266.

¹⁷⁰ АСЭИ. Т. I. № 329, 525 (казначей).

¹⁷¹ АСЭИ. Т. I. № 114.

¹⁷² ДДГ. № 74. С. 276. Упомянут в акте, датируемом 1470–1485 гг. (АСЭИ. Т. I. № 398).

варианты), не подвергая сомнению греческое происхождение рода¹⁷³. Дочь Евдокия – жена князя И.Ю. Патрикеева¹⁷⁴. Сын Дмитрий Овца Ховрин – казначей Ивана III¹⁷⁵.

Родословец Вальдбальского сообщает, что великий князь Василий II крестил двух сыновей В.Г. Ховрина¹⁷⁶.

Семья известна строительными акциями. В 1449/50 (6958) г. “Владимеръ Ховринъ постави церковь на Москве на своемъ дворе камену, Въздвиженъе честнаго креста, на месте первыя церкви каменные же, пала-ся в пожаръ по Суздальщине”. Суздальский бой – 7 июля 1445 г.¹⁷⁷ В кормовой книге Симонова монастыря (копия 1808 г.): “Григорей Ховра да жена его Агрпена начало учинили Симонову монастырю и церковь ка-менную болшую они воздвигли”. “Да Володимер Григорьевич Ховрин в дому пречистые Богородицы на Симанове поставил церковь кирпичную Преображение Спасово, да в пределах собор архистратига Михаила, да Николы чудотворца, с колоколицею и ограду кирпичную около монасты-ря сделал”. Владимир Григорьевич постригся в этом монастыре под име-нем Варфоломей¹⁷⁸.

Устюжский летописный свод называет его под 1450 г. казначеем¹⁷⁹. В Ермолинской летописи и Севернорусском летописном своде, близким к Устюжскому своду под тем же годом он упомянут как “гость да и боярин великого князя”¹⁸⁰.

Ок. 1440–1444 гг. – Владимир Григорьевич назван послухом в купчей Симонова монастыря архимандрита Ивана на с. Верзневское, деревни и пустоши в Берендеево Дмитровского у., купленные у княгини Евфросинии, вдовы князя Петра Дмитриевича¹⁸¹.

1448–1470 гг. – “Володимер Ховрин” писал купчую Кирилло-Белозер-ского монастыря старца Игнатия Матвеева на двор в Москве “внутри у Троицы, посторонь кирпичечной стрельницы”, купленный у И.С. Морозова¹⁸².

1457 г. 1 января – Владимир Григорьевич послух вклада “на поминок” Ивана Юрьевича Патрикеева и его племянников, князей Ивана Булгака и Данилы Васильевича Щени Патрикеевых, митрополиту Ионе в Савинский монастырь¹⁸³.

1458 г. августа 25 – Владимир Григорьевич послух мены В.Т. Остеева с дворецким митрополита по приказу последнего с докладом Василию II

¹⁷³ *Веселовский С.Б.* Ономастикон. М., 1974. С. 340; *Он же.* Исследования... С. 443–444; *Казанский П.* Родословная Головиных, владельцев села Новоспаского. М., 1847. С. 1; *Перхавко В.* “Из Манкупа, да из Судака” // *Родина.* 2003. № 12. С. 56–58.

¹⁷⁴ *Редкие источники...* Вып. 2. С. 56; *Веселовский С.Б.* Исследования... С. 445.

¹⁷⁵ *Алексеев Ю.Г.* У кормила Российского государства. С. 119–121, 123 и др.

¹⁷⁶ *Веселовский С.Б.* Исследования... С. 446.

¹⁷⁷ ПСРЛ. Т. 25. С. 270. По Устюжскому летописному своду, Севернорусскому летописному своду 1472 г. и Ермолинской летописи – перед двором (ПСРЛ. Т. 23. С. 154; Севернорусский летописный свод 1472 г. / Подгот. текста и коммент. Я.С. Лурье; пер. В.В. Колесова) // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999, т. 7; УЛС. М., 1950. С. 81).

¹⁷⁸ АСЭИ. Т. III. № 479.

¹⁷⁹ УЛС. С. 81.

¹⁸⁰ ПСРЛ. Т. 23. С. 154; Севернорусский летописный свод 1472 г. С. 330.

¹⁸¹ АСЭИ. Т. II. № 343.

¹⁸² АСЭИ. Т. II. № 150.

¹⁸³ АФЗиХ. Ч. 1. № 30.

с. Русановского в “митрополичье волости в Романовском” в Переславском у. на с. Никольское, вклад Андрея Гавриловича Гавшина¹⁸⁴.

Глеб. Дьяк казенный.

1461 г. – перед 20 июля 1461 г. “диака Глеб, казенной” писал данную Василия Михайловича Троицкому монастырю на села Михайловское и Пупки на р. Воре в Корзеновской волости Московского у.¹⁸⁵.

Иван Скорик. Дьяк казенный.

В 1445–1453 гг. купчую Симонова монастыря на с. Старое Богородицкое на р. Рузе с деревнями и пустошами, купленное у Василия Невера Иванова сына, писал “великого князя дьяка казенной Ивашко Скорик”¹⁸⁶.

Михаил Алексеевич Черт Стромилев. Боярин Василия II и казначей великой княгини (Марии Ярославны?). Сын Алексея Стромилова (см. дьяки).

1434–1454 гг. – правая грамота суда 1565–1566 гг. митрополичьего боярина Третьяка Семеновича Фомина и митрополичьего боярина и московского наместника Мисюря Ивановича Дроздова по тяжбе между Субботой Васильевым сыном Стромилевым в сына его место Григория с Иваном Михайловым сыном Чертова о закладной кабале: упоминает жалованную кормленную грамоту Василия II их предку Михаилу Алексеевичу Черту Стромилеву на г. Звенигород в кормление с боярским судом и ему же жалованную кормленную грамоту Василия II. Видимо, в последней было сказано, что Василий II пожаловал “боярина своего и великие княгини и казначей” М.А. Черта Стромилова Звенигородом в путь¹⁸⁷.

Возможно, землевладелец Можайского уезда. 1485–1490 гг. купчая Симонова монастыря на купленную у Гаврила Чемеса Ильина сына Константинова вотчину – селище Лодыгинское и Лопаткино, в Берестове стане Можайского у. Среди послухов называет Ивана Михайловича Шолоха Чертова¹⁸⁸.

Юрий. Казначей Василия II?

До 1461 мая 3 – 1462 г. марта 27 по духовной Василия II оставил жене “Юрьевский луг казначеев” под Москвой¹⁸⁹.

Яков (Дмитриевич Кочергин?). Казначей Василия II? См. дьяки великой княгини Марии Ярославны.

В жалованной грамоте от 8 августа 1463 г. Ивана III Никольскому Шартомскому монастырю на пустоши и деревни в Плесском у.: “в Дору дал им Яков, казначей, пустошь Песьяково да Лихолаево”¹⁹⁰. Упоминаем этого казначея, принимая во внимание дату, делающую вполне вероятным его службу до начала правления Ивана III. Укажем, на всякий случай, на дьяка великой княгини марии Ярославны Якова Дмитриевича Кочергина.

Васюк Губастый (казенный дьяк Василия II?).

На духовной грамоте (список второй половины XV в.) серпуховско-боровского князя Владимира Андреевича почерком XV в. написано: “А наза-

¹⁸⁴ АФЗиХ. Ч. 1. № 126.

¹⁸⁵ АСЭИ. Т. I. № 290.

¹⁸⁶ АСЭИ. Т. II. № 346.

¹⁸⁷ Лихачев Н.П. Дипломатика. СПб., 1901. С. 23–24.

¹⁸⁸ АСЭИ. Т. II. № 398.

¹⁸⁹ ДДГ. № 61. С. 198.

¹⁹⁰ АСЭИ. Т. III. № 97.

ди княжа Андреева списка написано такъ: Грамоты княжы Володимеровы Андреевича, докончалных пять да душевная, а рука Васюка Губастого казенного, а дал их Степан из сумы, а то рука Галкина. А се список дал Путило Семенчу Аргунову, а рука Путилова”¹⁹¹. Упоминаем этого дьяка, так как Степан (если это Степан Бородатый) и Путило – дьяки Василия II.

Дьяки великой княгини Софьи Витовтовны.

Аноним. Дьяк великой княгини?

1448 г. августа 4 – жалованная тарханная и несудимая грамота Феропонтову монастырю на д. Карповскую в Янгосаре Вологодского у. Монограмма¹⁹².

Дьяки великой княгини Марии Ярославны. Некоторые из них могли служить и Василию II.

Аноним.

5 июля 1453 – середина 1480-х годов – подтверждение Марии Ярославны жалованной тарханной, несудимой и оброчной грамоты от 6 декабря 1450 г. Софьи Витовтовны Троицкому монастырю на варницы, с. Федоровское и другие владения в Нерехотской волости Костромского у. После приписки дьяка великой княгини прочитывается только “о” (Оникей?) или “ва”¹⁹³.

Лукьян. Около 1470 – середина 1480-х годов – “великие княгини дьяк Лукьянь” – послух купчей (выкупной) Ивана Васильевича Шадры на с. Дубровку (Костромского у.?)¹⁹⁴.

Матвей. 5 июля 1453 – середина 1480-х годов – “подпись дьяка Матвея” при подтверждении Марией Ярославной жалованной грамоты Софьи Витовтовны Киржачскому Благовещенскому монастырю на право рыбной ловли в р. Киржаче 27 октября 1438 г.¹⁹⁵

Никифор Демидович Кобелев. 1468–1478 гг. – дьяк Микифор осуществил развод и подписал разводную грамоту, дающую по слову великой княгини, на ее земли и земли Ивана Травина в Дмитровском у.¹⁹⁶

Около 1468–1478 гг. – “великие княгини дьяк” Никифор Демидович купил деревню Коростелево у Офимьи Негодяевой в Подольском ст. Ростовского у.¹⁹⁷ Великокняжеский дьяк Микифор Кобелев подписал судный список около 1488–1490 гг. по тяжбе Троицкого монастыря с крестьянами в Нерехотской вол. Костромского у.¹⁹⁸

Семен. Около 1470–1478 гг. – дьяк Семен подписал судный докладной список с доклада Марии Ярославне, данный нерехотским тиуном Семеном Григорьевым Троицкого монастыря властям на землю Косовскую в Нерехотском ст. Костромского у.¹⁹⁹

Яков Дмитриевич Кочергин. Первый известный представитель рода²⁰⁰.

¹⁹¹ ДДГ. № 17. С. 51.

¹⁹² АСЭИ. Т. II. № 323.

¹⁹³ АСЭИ. Т. I. № 237.

¹⁹⁴ АСЭИ. Т. I. № 487.

¹⁹⁵ АСЭИ. Т. I. № 132.

¹⁹⁶ АСЭИ. Т. I. № 385.

¹⁹⁷ АСЭИ. Т. I. № 387.

¹⁹⁸ АСЭИ. Т. I. № 540.

¹⁹⁹ АСЭИ. Т. I. № 397.

²⁰⁰ *Лобанов-Ростовский А.Б.* Русская родословная книга. СПб., 1873. Т. 1. С. 221; *Бобринский А.* Дворянские роды, внесенные в Общий гербовник Российской империи. СПб., 1890. Ч. 1. С. 347.

5 июля 1453 г. – середина 1480-х годов – приписку к данной 1425–1427 гг. Кузьмы Яковлева сына Воронина Троицкого монастыря игумену Никону на его вотчинную землю в Кинельском стане Переславского у. сделал “великое книгинии дьяк Яков”²⁰¹.

1470–1478 гг. – судный докладной список, с доклада Марии Ярославне нерехотского тиуна Семена Григорьевича по суду Троицкого монастыря с Нелиткой Шубиным по поводу земли в Нерехотской волости Костромского у. упоминает ее дьяка Якова Дмитриевича²⁰².

Около 1475 г. – дьяк Яков Кочергин подписал жалованную данную грамоту Марии Ярославны Ройского Иоанно-Златоустовского монастыря игумену Арсению на росчистные пожни в болоте у рек Шуйги и Чаншуйги, в Пошехонье²⁰³.

Аноним. 1466 г. марта 17 – жалованная тарханная, льготная и несудимая грамота Марии Ярославны Спасо-Ярославскому монастырю на деревни и земли в Романове городке Ярославского у. Монограмма²⁰⁴.

Аноним. 1483 г. августа 1 – жалованная тарханная и несудимая грамота Марии Ярославны Троицкому монастырю на села и варницы в волости Нерехта Костромского у. Монограмма²⁰⁵.

Из приведенных материалов ясно, что в рассматриваемый период дьяки не были писцами великокняжеских актов. В актах ясно указано, что они акты только заверяли (“подписывали”)²⁰⁶. Исключение составляют духовные грамоты. Известны три акта, написанные дьяками, но ни один из них не мог выйти из великокняжеской канцелярии. Около 1444 г. жалованную данную, тарханную и несудимую грамоту княгини Марии, вдовы суздальско-нижегородского князя Даниила Борисовича, Спасо-Евфимиеву монастырю на с. Омутское, на р. Нерли “писал Харитон дьяк, нареченны въ мнишеском чину Харлам. А подписал великого князя дьяк Терентиеи”. Неизвестный по другим источникам дьяк Давыд Данилов сын Денежников писал в 1455 г. духовную В.М. Иватина. В 1428–1449 гг. “Степанко дьяк” (может быть дьяк Василия II Степан Бородатый) писал купчую Федора Андреевича (Старка Серкизова – по мнению С.М. Каштанова) на д. Степановскую Протасова в Дмитровском у., купленную у княгини Евфросиньи, вдовы князя Петра Дмитриевича²⁰⁷. Косвенным подтверждением отстраненности дьяков от написания актов служит тот факт, что при заверении документов использовались другие чернила. Так, чернилами, отличными от тех, которыми написан акт, дьяк великого князя Иван Давыдов подписал около 1444–1448 гг. жалованную данную грамоту Василия II и его матери Спасо-Евфимиеву монастырю на с. Мордаш в Суздальском у.²⁰⁸ На московско-можайском договоре 1448 г. дата и подпись дьяка Кулудара также написаны другими чернилами²⁰⁹.

²⁰¹ АСЭИ. Т. I. № 46.

²⁰² АСЭИ. Т. I. № 397.

²⁰³ АСЭИ. Т. III. № 222.

²⁰⁴ АСЭИ. Т. III. № 203.

²⁰⁵ АСЭИ. Т. I. № 502.

²⁰⁶ См., например: АСЭИ. Т. I. № 86, 100, 201, 240, 277; Т. II. № 96, 103, 349, 353, 442, 444, 446, 457; Т. III. № 49, 496; АФЗиХ. № 225; Назаров В.Д. Акты XV века из архива суздальского Спасо-Евфимиева монастыря. С. 16. № 4.

²⁰⁷ АСЭИ. Т. I. № 253; Т. II. № 444; Каштанов С.М. Из истории... №. 1. С. 127.

²⁰⁸ АСЭИ. Т. II. № 446.

²⁰⁹ АСЭИ. Т. II. № 167; ДДГ. № 51. С. 155.

Неизвестны случаи заверения актов великокняжескими подьячими. Можно предположить, что именно они исполняли в канцелярии функции писцов. Об этом говорится в одной из записей Устава Нила Сорского, где сказано, что в молодости он был “скоропи́сец, рекше подьячей”²¹⁰. Дьяк Ивана III Василий Мамырев стал дьяком в 1470 или 1471 г., но еще в 1455 г. он переписал октоих для Василия II²¹¹. О Ниле Сорском известно, что до пострижения он служил “судиям кни́гчия” (название должности заимствовано из Библии)²¹². Слово “кни́гчия” в “Словаре русского языка XI–XVII вв.” имеет два значения: 1) книжник, ученый человек, знаток и толкователь священного писания, законов, правил религиозно-нравственного характера; 2) должностное лицо при суде (нотариус, секретарь, пи́сец)²¹³. К подьячему Николаю Майкову, конечно, применимо второе значение. Сведения о деятельности подьячих и словосочетание “судиям кни́гчия” позволяют говорить об исполнении ими наряду с обязанностями писцов функций чтецов судьям судебной документации, что не позволяет сделать вывод о присутствии подьячих первой половины XV в. непосредственно на судах, но, свидетельствует об их участии в подготовке материалов к суду и ознакомлении с ними судей. Подьячие наряду с дьяками исполняли и политические поручения.

²¹⁰ Прохоров Г.М. Нил Сорский. С.133.

²¹¹ Зимин А.А. Дьяческий аппарат... С. 251.

²¹² Прохоров Г.М. Нил Сорский. С. 133.

²¹³ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1980. Вып. 7. С. 199.

В.А. Аракчеев

**МАТЕРИАЛЫ ОПИСАНИЙ
ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ 1510 И 1566 ГОДОВ
В ДОКУМЕНТАХ ПОГРАНИЧНЫХ МЕЖЕВАНИЙ XVII в.**

В фонде Приказных дел новой разборки (Ф. 159) РГАДА хранится объемный столбец, сформировавшийся в результате пограничных межеваний 1642 и 1651 гг.¹ Столбец представляет большой интерес и сам по себе, потому что делимитация русско-шведской границы в районе Псково-Печерского монастыря и шведского Нового городка (совр. Вастселийна) была первым опытом государственной деятельности выдающегося дипломата А.Л. Ордина-Нащокина. Столбец состоит из двух частей: документов межевания 1651 г. (л. 1–80) и объединенных с ними документов межевания 1642 г. (л. 81–206).

Если документы межевания 1651 г. представляют собой стандартный набор синхронных этой дате материалов (наказ межевым судьям, роспись пограничных “признаков”, ямяти псковского воеводы), то комплекс документов 1642 г. включает в себя и материалы, хронологически более ранние. Предмет работы межевщиков составляли изменения в линии государственной границы, произошедшие после аннексии Швецией Ливонии в результате польско-шведской войны и последовавшего в сентябре 1629 г. Альтмаркского перемирия. История шведской экспансии изложена в наказе межевщикам А.Л. Ордину-Нащокину и М. Иванову от 21 января 1642 г.

Начало экспансии на пограничной территории было положено захватом замка Нейгаузен (Новый городок) армией Я. Деллагарди в 1626 г. В том же 1626 г. новгородский “державец” А. Ветров захватил монастырскую деревню Меузица с угодьями, которая с 1628 г. оказалась в безраздельном владении “немецких людей”. В 1629 г. “державец” Д. Фолсен с отрядом солдат захватил деревню Печерского монастыря Кувшинова Гора. В 1634 г. шведы самостоятельно провели лимитацию границы, установив “свои признаки, натесы и кресты”, а в 1636 г. установили новый рубеж по так называемый “Теплый камень” “на сопке на большой дороге... из Новаго городка в Печерский монастырь”². Собственно задача межевых судей Нащокина и Иванова состояла в возвращении занятой шведами приграничной территории и установлении новых “признаков” по линии старой границы, существовавшей до 1626 г.

Для доказательства необоснованности территориальных претензий шведов в Пскове была подготовлена основательная документальная база. В псковской съезжей избе был найден и приобщен к делу межевой список 1566 г., составленный писцами Юрьева Ливонского кн. В.В. Мосальским и

¹ РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. № 484. Л. 1–206.

² Там же. Л. 81–83.

У.М. Шатым. Архимандрит Псково-Печерского монастыря Рафаил прислал список с писцовых книг И.К. Сабурова и И. Зезевитова 1510 г. Комментарий к публикуемым выписям мы начинаем с хронологически более раннего документа – списка с писцовой книги 1510 г.

Вопрос о древнейших писцовых описаниях Псковской земли затруднен тем очевидным обстоятельством, что наиболее ранние сохранившиеся кадастры представлены писцовой книгой и платежницей, датированными 1585–1588 гг. Все описания Псковской земли, осуществлявшиеся до 1585 г., известны исключительно по упоминаниям. Н.Н. Масленникова составила сводку несохранившихся кадастров Псковской земли XVI в., которую мы приводим целиком: «В 1510–1519 гг. были составлены книги М.Г. Мисюря Мунехина, в 1551 г. – книги “приходные” Офонасия Совцова и Шершня Билибина, в конце 50-х гг. – книги Тимофея Хлуденева и Дмитрия Горина, а также Федора Нагого и в 1580 г. – приправочные книги псковских дьяков Сулмена Булгакова и Ивана Ондреева Аргамачева. Писцы 80-х гг. упоминают также книги 50-х гг. Ивана Мануйлова, кн. Ивана Засекина и Захария Плещеева»³.

Таким образом, согласно мнению Н.Н. Масленниковой, первое описание Пскова было осуществлено городовым дьяком Мисюрем Мунехиным в 1510–1519 гг. Между тем, никаких фактов, свидетельствующих об описательных работах известного псковского администратора, нет. В Псковской первой летописи упоминаются найденные после кончины дьяка “книги вкратце написаны, комоу что дал на Москве бояром или дьяком, или детем боярским”⁴, однако очевидно, что эти книги являлись копиями с заемных ростовых кабал, и никакого отношения к писцовым книгам не имеют. Поэтому становится ясно, что древнейшее описание Псковской земли было осуществлено в 7018 г. – в период с января (времени инкорпорации Пскова в состав Московского государства) по август 1510 г. В литературе существуют два упоминания письма Ивана Константиновича Сабурова. С.Б. Веселовскому, первому приведшему сведения о нем без ссылки на источник, наверняка был известен изученный нами столбец⁵. А.А. Зимин, в свою очередь, сослался на труд С.Б. Веселовского.

Писец И.К. Сабуров хорошо известен по источникам первой трети XVI в. И.К. Сабуров – дядя великой княгини Соломонида Юрьевны, выданной замуж за Василия III в 1505 г. Видимо, с этим браком следует связать известные нам служебные назначения И.К. Сабурова – описание Пскова в 1510 г. и пребывание на должности дворецкого в Великом Новгороде в 1517–1525 гг. А.А. Зимин писал о том, что И.К. Сабуров не только был новгородским дворецким, но и владел поместьем в новгородских землях⁶; последнее утверждение основано на явном недоразумении. И.К. Сабуров как новгородский дворецкий 28 октября 1523 г. отдал распоряжение об описании дворцовых волостей в Шелонской пятине – Буряжского и

³ *Аграрная история Северо-Запада России XVI века: Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада*. Л., 1978. С. 87.

⁴ *Псковские летописи*. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 105.

⁵ *Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев*. М., 1969. С. 191.

⁶ *Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в.* М., 1988. С. 193.

Коростынского погостов, но его собственные владения в пределах новгородских земель не упоминаются⁷. И.К. Сабуров сохранил свое положение в 1520-х годах и во время великокняжеской опалы, постигшей их род из-за бездетности и готовившегося развода Василия III с Соломониной⁸.

Второй член писцовой комиссии 1510 г., Иван Тимофеевич Зезевитов, не известен по источникам, хотя сама фамилия новгородских помещиков Зезевитовых упоминается в новгородских документах первой половины XVI в. В 1511/12 г. Андрей Зезевитов проводил межевание в Михайловском погосте Деревской пятины, где он, возможно, уже обладал поместьем⁹. Во всяком случае, в платежной книге Деревской пятины 1542/43 г. упомянуты поместья Михалы и Яковца Ондреевых детей Зезевитова, находившиеся в Боуховском погосте¹⁰. В дозорных книгах Бежецкой пятины упомянуты “Никитины книги Зезевитова лета 7026-го”¹¹, из чего можно заключить, что почти синхронно с описанием Псковской земли, где работал И.Т. Зезевитов, два Зезевитова, Андрей и Никита, проводили межевые и описательные работы в Деревской и Бежецкой пятинах в 1517/18 гг.

В наказе межевщикам 1642 г. содержится ценная деталь, подтверждающая катастрофическое положение с сохранностью писцовой документации в государственных учреждениях XVII в. и выдающую роль монастырей в ее хранении. Дело в том, что список с “прежних писцовых книг письма Ивана Константинова сына Сабурова да Ивана Зезевитова 7018 году... прислал печерский архимарит Рафаило”¹². Поскольку от 1626 г. сохранилось известие о гибели книг 1585 г. по семи уездам псковских пригородов, не было ничего удивительного в отсутствии в Поместном приказе и Псковской съезжей избе к 1640-м годам также и книг начала XVI в.¹³ Перечень известных по упоминаниям описаний Псковской земли возможно дополнить еще одним – писцовыми книгами Федора Чюкова с товарищи, составленными в период 1510–1566 гг. Как следует из наказа межевым судьям 1642 г., писцы Юрьева кн. Мосальский и Шатый в 1566 г. провели административную границу “по старым писцовым межам Федора Чюкова с товарищи, что была межа Псковской земли с немцы”¹⁴.

Большой интерес представляет и второй публикуемый документ – межевой список 29 ноября 1566 г., составленный писцами Юрьева Ливонского князем В.В. Мосальским и У.М. Шатым. Кн. Василий Васильевич Мосальский хорошо известен по документам 1570-х годов, и прежде всего по местническому делу с опричником Р.В. Алферьевым-Нащокиным 1–7 января 1572 г. Возможно, соперник нашего героя Алферьев-Нащокин был осведомлен о деятельности Мосальского в качестве писца, когда отметил в своей челобитной: – “А князь Василей Мосальской и род его никто от тебя, государя, нигде в твоих государевых посылках не бывал,

⁷ Новгородские писцовые книги. СПб., 1905. Т. 5. Стб. 388.

⁸ *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 219, 274.

⁹ *Баранов К.В.* Новгородская “ободная” грамота 1511/12 г. // Русский дипломатический. М., 1999. Вып. 5. С. 10–12.

¹⁰ Писцовые книги Новгородской земли. М., 2004. Т. 4. С. 429.

¹¹ Писцовые книги Новгородской земли. М., 2001. Т. 3. С. 70.

¹² РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. № 484. Л. 84.

¹³ Аграрная история Северо-Запада России XVI века... С. 87.

¹⁴ РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. № 484. Л. 84.

развезя письма...”¹⁵. В дальнейшем, сложив обязанности казначея, он занимал командные должности в армии. В 1574/75 г. был воеводой в Нарве: до зимнего дохода на Ревель – вторым воеводой, после завершения ревельской операции – воеводой в нарвском остроге. В 1584 г. кн. Мосальский стал главой Разбойного приказа¹⁶. У.М. Шатый был, видимо, дьяком; по другим источникам он не известен. “Письмо” Юрьевского уезда Мосальского и Шатого – хронологически второе из известных нам описаний прибалтийских земель, осуществлявшихся в годы Ливонской войны.

Первое “письмо” датируется 1560–1561 гг., когда “Витцкую землю” описывал Афонасий Федорович Нагой “с товарищи”¹⁷. Известные ранее “апсельские писцовые книги письма князя Богдана Гагарина лета 7084-го году”, а также “патценские” и “перновские” книги этого же писца, “коловерские” и “лиговерские” “книги письма князя Неклюда Путятина с товарищи” 7084 и 7085 годов, “вильянские книги письма и меры князя Неклюда Путятина да подьячих Суворя Черницына да Безсона Пахарева лета 7085-го году” являются частями третьего по счету описания русской военной администрацией ливонских земель, осуществленного в 1575/76–1576/77 гг.¹⁸ Таким образом, второе описание прибалтийских земель проходило в 1566 г. и, возможно, в начале 1567 г., накануне отправки в Вильно посольства Ф.И. Умного Колычева, когда у русского правительства существовала иллюзия заключения мирного договора с Великим княжеством Литовским¹⁹. Материалы этого новейшего описания могли составить документальную базу для территориальных притязаний России в ходе мирных переговоров.

Выписи из писцовых книг 1510 г. и “отмежного” списка 1566 г., как следует из наказа межевщикам, были сделаны до 25 января 1642 г., когда они были переданы шведским межевщикам Альбрехту Билеву и Даниилу Фолессену во время дипломатического обеда в спорной деревне Меузица²⁰. В столбце содержатся две копии этих выписей (л. 109–110 и 172–173). За исключением очевидной ошибки (“Собарова” вместо требуемого “Сабурова” на л. 109), существенных разночтений в текстах нет.

Выпись из писцовой книги 1510 г. фиксирует центральный участок границы Российского государства с Ливонским орденом длиной примерно 50 км в направлении с юга на север – от Щемерицкой губы Изборского уезда до юго-западного берега Псковского озера. Основные топонимы хорошо локализируются на современной карте²¹. Старая “алысская дорога” (из г. Мариенбург, совр. Алуксне) начиналась на территории Российского государства между мостом на р. Пяде (совр. Педедзе) и д. Стуколово. Далее линия границы 1510 г. совпадала с современной границей между Россией и Эсто-

¹⁵ Кобрин В.Б. Из истории местничества XVI века // ИА. 1960. № 1. С. 218.

¹⁶ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 255–256; Зимин А.А. В канун грозных потрясений. М., 1986. С. 197.

¹⁷ Флоря Б.Н. К истории русского поместного землевладения в Ливонии // Русский дипломатарий. М., 1999. Вып. 5. С. 114–117.

¹⁸ Памятники истории Восточной Европы: Источники XV–XVII вв. Москва; Варшава, 1998. Т. 3. С. 123, 132, 139, 150, 153, 155, 156, 160, 162, 172, 173–175, 178, 183, 195.

¹⁹ Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI в. М., 2003. С. 455.

²⁰ РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. № 484. Л. 108.

²¹ Окрестности Печер: Карта О-35-XXII. Новгород; Екатеринбург, 1992.

нией, проходя через оз. Встречно (совр. оз. Боброво) до р. Меузицы (совр. Ямаоя). Севернее граница 1510 г. шла по территории современной Эстонии, приближаясь на расстояние до 4 км к замку Нейгаузен (рус. Новый городок, совр. Вастселийна), и далее по правому берегу р. Мекузицы (совр. Пивжа, Пимжа, Пиуза). У современной мызы Сур-Колодовитса (Колодовский ручей) граница поворачивала строго на север к р. Тростенице (совр. Рихора) и далее шла по р. Кохове (совр. Мяданыги) и по р. Выбовке (совр. Выханду) к побережью Псковского озера. Последний топоним – Кропивенка – локализовать на карте не удалось; видимо, это один из притоков р. Выханду в ее нижнем течении. В выписи из межевого списка 1566 г. фигурирует такой важный топоним, как Глубокий ручей (совр. р. Белка), впадающий в реку Пивжу “с псковской стороны”. Именно от места впадения этого ручья в Пивжу граница поворачивала строго на север. В межевом списке 1566 г. фиксируются вотчинные земли Псково-Печерского монастыря на правом берегу реки Пивжи.

Еще больший интерес представляет фиксация на правом берегу реки Тростенки (совр. Рихора) поместной “земли, и леса, и пожен подьячих псковских да Рубца Лазарева”. Упоминание “подьячих псковских да Рубца Лазарева” возможно соотнести с перечнем казенных по “изборскому делу” 1569 г. “подьячих изборских”, а также неких Рубцова, “Рубцова человека” и некоего Лазарева в Синодике опальных Ивана Грозного. Р.Г. Скрынников предложил следующую реконструкцию фрагмента Синодика, посвященного “изборскому делу” 1569 г.: “[В изборском деле подьячих изборских: подьячѣго] Семена [Андреев Рубцов; и Рубцов человек Оглобля]; Петра [Лазарев]...”²². Можно ли отождествить упомянутого в межевом списке 1566 г. Рубца Лазарева и казенного по изборскому делу 1569 г. Петра Лазарева? Ответить на этот вопрос утвердительно помогают разночтения имени казенного холопа по прозвищу Оглобля. В синодике Кирилло-Белозерского монастыря казенный холоп назван как “Рубцов человек Оглоблю”; в синодике Чудова монастыря как “Оглоблю Рубцов”; в синодике Переяславского Никитского монастыря как “человек Лазарева Оглобли”²³. Р.Г. Скрынников охарактеризовал синодик Переяславского Никитского монастыря как “один из наиболее ценных списков синодика” “по полноте сведений, числу расшифрованных фамилий, многочисленности сохраненных подробностей”²⁴. Между тем, из синодика Переяславского монастыря видно, что Оглобля был холопом не следовавшего перед ним в списке С.А. Рубцова, а следовавшего за ним Петра (Рубца) Лазарева, чье имя сохранил межевой список 1566 г.

В заключение следует коснуться вопроса о возможной фальсификации публикуемых нами документов в 1640-х годов, в период подготовки межевого съезда. Скептицизм в отношении достоверности этих документов может иметь под собой некоторые основания, поскольку публикуемые выписи, в особенности выписи из писцовых книг 1510 г., уникальны, так как отсутствуют какие бы то ни было сохранившиеся фрагменты псковских писцовых книг ранее 1585 г. Эта особенность сохранности псковских кадастров резко контрастирует с обилием выписей из новгородских писцовых книг, на-

²² Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 533.

²³ Разночтения см. по публикации Р.Г. Скрынникова. Там же.

²⁴ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 12.

чина с 1480-х годов²⁵. Конечно, подьячие Посольского стола Псковской приказной избы могли подготовить фальсифицированные выписи, но их способности воспроизвести реалии XVI в. следует признать ограниченными. Решаемся утверждать, что упоминание в списках таких персонажей, как известные по другим источникам И.К. Сабуров, В.В. Мосальский, и, самое главное, не упоминаемый в писцовых книгах 1585 г., но известный по Синодику опальных Петр (Рубец) Лазарев, является несомненным признаком достоверности публикуемых выписей.

Списки с писцовых книг 1510 г. и “отмежного списка” 1566 г. фиксируют исключительно линию государственной границы и не содержат даже намека на способы описания земель и “людей”, или использовавшиеся писцами единицы налогообложения. Тем не менее, и дошедшие до нас фрагменты несут ценную информацию о принципах и целях составления кадастров в приграничных землях.

1

1642 г., январь – Выпись из писцовой книги Псковской земли 7018 (1510) г. письма Ивана Константиновича Сабурова и Ивана Тимофеевича Зезевитова на пограничную межу в Изборском и Псковском уездах

Выписка с писцовых книг, какова дана на съезде немчину Альбрехту Билеву.

В писцовых книгах Ивана Константиновича Собарова^{1*} да Ивана Тимофеевича Зезевитова лета 7018 году написано:

Неметцкой рубеж со Псковскою землею:

Вопче мост псковичам с немцы, от мосту от алыские дороги вверх по Пяде же реке, да в Встречно озеро, изо Встречна озера мхом в Мостинец озеро, а из Мостинца озера в Меузицу реку вниз под Новой городок, городок Новой неметцкой на леве на неметцкой стороне, а правая сторона псковская, да Мекузицею^{2*} в низ Колодовского ручья, да Колодовцом вверх, а ис Колодовца в Тростеницу реку, да Тростеницею вниз, из Стростеницы^{3*} да в Великой луг в мох, из лугу в Кохову реку вниз, ис Коховы в Выбовку реку вниз, из Выбовки реки в Кропивенку вверх.

РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. № 484. Л. 109, 172.

* Второй список этой выписи на л. 172.

^{1*} Л. 172 – “Сабурова”.

^{2*} Так в тексте.

^{3*} Так в тексте.

2

1642 г., январь – Выпись из “отмежного списка” 7075 (1566) г. ноября 29 писцов Юрьева Ливонского кн. Василия Васильевича Мосальского и Ушатого Михайлова сына Шатого на межу Псковской земли с Новгородским уездом

Да в отмежном списку написано лета 7075-го ноября в 29 день.

По цареву и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси наказу, царя и великого князя Юрьева Ливонского писцы князь Василей Васильевич Мосальской да Ушатой Михайлов сын Шатого с товарищи учинили межу Псковской земли с немцы:

²⁵ Баранов К.В. Новые сведения о первых писцовых описаниях Новгородской земли // Очерки феодальной России. М., 2000. Вып. 4. С. 85–90.

Ручьем Юркорем через Великой мох да в озерко в Мостинец, из Мостинца озерка речкою Меузицею вниз мимо Нового городка в Пивжу реку со псковскую сторону до Глубоково ручья, а с Чюдскую сторону до ручья Силмаста, на праве земля и лес и пожни пречисты Богородицы Печерского монастыря васокорских и новосельских и мекужитцких деревень, а на леве земля и лес и пожни Новгородского уезда Пониторской волости, и Мекужицкой, и Новой городок с посадкою землею, а рекою Пивжею вниз же до Колодовца ручья, на праве земля и лес и пожни Новгородского уезду, а от реки Пивжи налево ручьем Колодовцом вверх до верховья того ручья до камня, а на камени крест выбит, от камня к сосне безверхой, а на ней грань, от сосны в мох чистой, а мхом чистым до верховья Тростенки речки до мосту, на правой стороне сосна, а на ней грань, на праве земля и лес и пожни подьячих псковских // да Рубца Лазорева: деревни Аврамова, деревни Лугвицына, да деревни Колодовца, а на леве земля, лес и пожни Новгородского уезда: деревни Вакужицы да новых починков Сидоркова, да Илейкина, да Воробьева, да Гришки Намоклова.

РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. № 484. Л. 110–111, 173–174.

А.С. Усачев

**ВОЛОЦКИЕ МАТЕРИАЛЫ
В МИТРОПОЛИЧЬЕМ СКРИПТОРИИ СЕРЕДИНЫ XVI в.:
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ***

Время митрополита Макария относится к числу наиболее ярких страниц в истории древнерусской книжности. Написание и переработка десятков житий, создание монументальных сводов, вобравших в себя огромное число памятников русской оригинальной и переводной литературы, оформление установлений, регламентирующих все стороны жизни клира и мирян, написание значительного числа рукописных книг, начало книгопечатания в России – таков далеко не полный перечень основных событий в культурной жизни страны этой поры. Вслед за нашими предшественниками отмечая “централизирующий”, “унифицирующий” характер “обобщающих мероприятий” макарьевской эпохи (Стоглав, Великие Минеи Четьи (далее – ВМЧ), Домострой и т.д.)¹, нельзя не поставить вопрос о взаимодействии столичных и региональных библиотек и скрипториев, без сотрудничества которых создание крупных обобщающих памятников книжности этого времени было бы вряд ли возможно.

В историографии уже неоднократно обращалось внимание на связь крупных литературных предприятий, инициированных московским митрополитом Макарием, – ВМЧ, Стоглав, книгопечатание, – с региональными книжными центрами: как отмечали исследователи, реализация таких обобщающих замыслов выходила за рамки возможностей книжных центров Москвы. Так, как показали результаты специального кодикологического изучения ВМЧ, “московские” комплекты этого агиографического свода лишь дорабатывались в Москве, а основной объем работы над ними был выполнен в Новгороде². Отмечались случаи влияния на ВМЧ и памятников региональной литературы: владимирской (Владимирская редакция Жития Александра Невского)³ и псковской (ряд сочинений агиографа Василия Варлаама: Жития Всеволода и Евфросина Псковских и др.)⁴. Высказывалось в историографии и мнение о попытке создания типографии в Казани

* Работа выполнена по гранту Президента РФ для поддержки молодых ученых (проект МК – 4191.2009.6).

¹ Например, см.: Орлов А.С. Великорусская историческая литература XVI в.: конспект лекций, читанных в И.М.У. в 1911–12 ак. году. М., 1912. С. 17; Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С. 9–10; Истоки русской беллетристики: (возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе). Л., 1970. С. 564 (раздел написан Я.С. Лурье).

² Например, см.: Костюхина Л.М. Роль филиграней в палеографическом исследовании Макарьевских миней-четьих // Филигранологические исследования: (теория, методика, практика): сб. ст. Л., 1990. С. 76–86.

³ Например, см.: Мансикка В.П. Житие Александра Невского: (Разбор редакций и текст). М., 1913. С. 108.

⁴ См.: Охотникова В.И. Псковская агиография XIV–XVII вв. СПб., 2007. Т. 1–2.

в середине XVI в.⁵ На этом фоне нельзя не заметить, что практически не изучались связи с региональными центрами книгописания скриптория, в котором составлялось другое крупное “обобщающее предприятие” макарьевской эпохи – Книга Степенная царского родословия (*далее* – СК), создаваемая по указанию Макария во второй половине 50-х – начале 60-х годов XVI в. духовником Ивана IV благовещенским протопопом Андреем (впоследствии – митрополит Афанасий). Попытку заполнить, по крайней мере, отчасти пробел в изучении этого важного памятника и всей эпохи митрополита Макария в целом мы и предпримем в настоящей работе. Писалась ли СК исключительно на основе “фондов” столичных книгохранилищ⁶, или к ее созданию привлекались и материалы региональных библиотек?

Как установили Н.Н. Покровский и развивший его наблюдения А.В. Силенов, наиболее вероятным местом написания и редактирования древнейших списков СК – Волковского, Томского и Чудовского (вторая половина 50-х – начало 60-х годов XVI в.⁷) – является Чудов монастырь⁸. Рассматривая эту обитель в качестве наиболее вероятного места создания СК, мы, однако, неизбежно сталкиваемся с вопросом о том, было ли под силу одному (пусть и крупному) скрипторию создание такого масштабного памятника.

В своей специальной работе Г. Ленхофф установила, что если исходить исключительно из экономических затрат на написание древнейших списков СК (т.е. затрат на бумагу и труд писцов), ее создание было вполне под силу крупному скрипторию, каким являлся чудовский книгописный центр⁹. Однако необходимо учесть одно обстоятельство. Как уже отмечалось нашими предшественниками и нами, к созданию СК было привлечено весьма значительное число памятников древнерусской оригинальной и переводной литературы¹⁰. Обладала ли списками этих произведений биб-

⁵ Например, см.: *Поздеева И.В., Турилов А.А.* “Тетрати... печатаны в Казане”: (к истории казанской типографии XVI в.) // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*. 2001. № 2 (4). С. 49. Там же (С. 49, примеч. 60) приведена историография вопроса.

⁶ Как нами было отмечено ранее, по всей видимости, к написанию СК наряду с “фондами” митрополичей библиотеки привлекались и материалы Царского архива. Подробнее см.: *Усачев А.С.* Степенная книга и материалы Царского архива XVI в. // *ОА*. 2009. № 1. С. 22–27.

⁷ Об их датировке подробнее см.: *Усачев А.С.* Древнейшие списки Степенной книги (Волковский, Томский, Чудовский): проблемы датировки // *История и письменная культура Древней и Новой России: Сборник статей, посвященный Ю.Д. Рыкову*. (В печати).

⁸ *Покровский Н.Н.* Томский список Степенной книги царского родословия и некоторые вопросы ранней текстологии памятника // *Общественное сознание и литература XVI–XX вв.* Новосибирск, 2001. С. 3–43; *Он же.* Неоконченный манускрипт: Степенная книга царского родословия // *Вестник истории, литературы и искусства*. М., 2005. Т. 1. С. 280–293; *Силенов А.В.* О Волковском списке Степенной книги // *Опыты по источниковедению: Древнерусская книжность*. СПб., 2001. Вып. 4. С. 246–303.

⁹ *Lenhoff G.* The Economics of a Medieval Literary Project: Direct and Indirect Costs of Producing the *Stepennaia kniga* // *Russian History*. 2007. Vol. 34, Nos. 1–4. P. 219–237.

¹⁰ Подробнее об источниках СК см.: *Державин Н.С.* “Степенная книга” как литературный памятник: Опыт исследования литературного состава “Степенной книги” Г. Миллера. Батум, 1902; *Кусков В.В.* Степенная книга как литературный памятник XVI века: дис. ... канд. филолог. наук. М., 1951; *Barnette W.* *Stepennaja kniga: Sources, Their Adaptation and Development*. Ph.D. diss. Nashville, 1979 (автор настоящей работы выражает признательность Г. Ленхофф за предоставление копии этой труднодоступной для российского исследователя диссертации); *Усачев А.С.* Источники Степенной книги по истории домонгольской Руси // *Средневековая Русь*. М., 2006. Вып. 6. С. 210–340; *Околович Н.Ф.* Жития святых, помещенные в Степенной книге / Вступ. ст., публ., коммент. А.С. Усачева. М.; СПб., 2007.

лиотека Чудова монастыря? Данный вопрос особое значение приобретает в силу того, что работа над СК велась всего через несколько лет после Московского пожара 1547 г., аналогов которому в прошлом, как отмечали современники, не было¹¹. Так, известно, что в ходе пожара “Чюдовской монастырь выгоре весь, едины мощи святаго великого чудотворца Алексея Божиим милосердием сохранены бысть. А старцов згореша по погребом и по полатам 18, а слуг 8 человек. А запас монастырьской весь згоре”¹². Сама СК, не указывая, правда, конкретных названий книг и мест их хранения, вслед за своим источником – обнаруженной А.А. Зиминым “Повестью о Московском пожаре 1547 г.” – сообщает о гибели во время пожара “святых многих книг греческих и русских”¹³. Хотя упоминание о конкретных книгах, сгоревших непосредственно в Чудовом монастыре, отсутствует, вряд ли можно сомневаться в том, что библиотека серьезно пострадала (хотя, часть книг, несомненно, уцелела¹⁴). Могли ли к созданию СК привлекаться материалы других книгохранилищ?

Отвечая на этот вопрос, необходимо обратить внимание на ряд фактов. Как представляется, они дают возможность наметить, пусть и гипотетические, связи скриптория, в котором создавалась СК, с одним из крупнейших книжных центров средневековой Руси. Приведем их.

1. Б.М. Клосс, обратившись к рукописи из собрания Волоцкого монастыря № 426 (Апостол 1511/12 г.; согласно тексту выходной записи на л. 497 об. рукопись была написана в Волоцком монастыре), обратил внимание на запись XVI в. о том, что она была “дана на список благовещенскому протопопу Андрею”. Историк обоснованно связал упоминаемое в записи лицо с книжником, причастность которого к созданию СК несомненна, – с Андреем-Афанасием¹⁵. Важно отметить, что рукопись и поныне хранится в собрании Волоцкого монастыря. Это в свою очередь дает основания полагать, что, по всей видимости, после выдачи “на список” Апостол вернулся в библиотеку этой обители. Сказать точно, выдавалась книга Андрею в стенах Волоцкого монастыря или на время она покинула его пределы и использовалась в Москве, вряд ли возможно. Во всяком случае, можно отметить, что лицо, несомненно, причастное к написанию СК, имело возможность воспользоваться волоцкой рукописью между 1550–1552 гг. (в этот период Андрей стал благовещенским протопопом) и 1561–1562 гг. (временем построения Андрея)¹⁶.

2. Как установили Н.Ф. Околович и автор настоящей работы, по объему привнесенного в первую степень СК материала ее основным источни-

¹¹ “...таков пожар не бывал на Москве, как и Москва стала именоватися...”, см.: ПСРЛ. М., 2000. Т. 13. С. 154.

¹² ПСРЛ. М., 1965. Т. 29. С. 152.

¹³ ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 21, 2-я половина. С. 636; *Зимин А.А.* Повести в сборнике XVI в. Рогожского собрания // ЗОР ГБЛ. М., 1958. Вып. 20. С. 201.

¹⁴ Например, вложенная в 1543 г. в Чудов монастырь Кормчая 1499 г. митрополита Симона, которая и поныне хранится в Чудовском собрании (см.: ОР ГИМ. Собрание Чудова монастыря. № 167; рукопись указала нам М.В. Корогодина).

¹⁵ ОР РГБ. Ф. 113. № 426. Л. 1; *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980. С. 263, примеч. 133.

¹⁶ В наиболее полном виде основные факты биографии Андрея-Афанасия представлены архим. Макарием (Веретенниковым), см.: *Макарий (Веретенников)*. Всероссийский митрополит Афанасий (1564–1566) // Макарий (Веретенников). Из истории русской иерархии XVI века. М., 2006. С. 104–125.

ком является Поучение на память Владимира¹⁷. Любопытно отметить, что данный памятник, судя по всему, широкого распространения не получил: в прочих произведениях древнерусской книжности заимствования из него не фиксируются; Поучение известно в одном списке, по-видимому, близком ко времени его написания¹⁸ – ОР РГБ. Ф. 113. № 659 (конволют первой трети XVI в., “собранный” по поручению волоцкого игумена Нифонта Кормилицына в 1535/36 г.)¹⁹. Учитывая “собрание” содержащего Поучение конволюта в Волоцком монастыре, его последующее бытование в этой обители, а также отсутствие прочих известных списков произведения, можно полагать, что, по всей видимости, памятник не вышел за пределы этого книжного центра²⁰. Это в свою очередь заставляет думать, в свете данных, доступных нам в настоящее время, что гипотеза о привлечении непосредственно конволюта № 659 к созданию СК не лишена оснований (сборник содержит также ряд других произведений, использованных в СК – тучковскую редакцию Жития Михаила Клопского, Жития Зосимы и Савватия Соловецких, Послание митрополита Фотия Василию I Дмитриевичу и др.)²¹.

3. К числу важнейших источников СК относится Повесть на сретенье Владимирской иконы Богородицы, написанная по случаю перенесения этого образа из Владимира-на-Клязьме в Москву во время похода на Русь Тамерлана в 1395 г. (гл. 24, ст. 13). Любопытно отметить, что, как указал Б.М. Клосс, известно всего лишь два списка Повести редакции СК – оба имеют волоцкое происхождение и датируются третьей четвертью XVI в.²² Прочие списки Повести (по крайней мере, времени не позднее создания СК) в настоящее время неизвестны.

4. Как отметили М.А. Дьяконов и дополнивший его наблюдения Н.Н. Розов, источником первой главы 16-й степени послужило “Слово похваль-

¹⁷ Усачев А.С. Источники... С. 256–271; Околович Н.Ф. Жития святых... С. 52, 65, 71, 73, 75–76, 80–82.

¹⁸ Согласно высказанному нами ранее предположению, Поучение на память Владимира создавалось в первой четверти XVI в., по-видимому, в Волоцком монастыре, см.: Усачев А.С. Из истории русской средневековой агиографии: два произведения о равноапостольном князе Владимире Святославиче: (исследование и тексты) // Вестник церковной истории. 2006. № 2. С. 17–18.

¹⁹ Подробнее об этой рукописи см.: Дмитриев Л.А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв.: (Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний). Л., 1973. С. 171–173; Дмитриева Р.П. Волоколамские четвь сборники XVI в. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 215–217; Клосс Б.М. Иосифо-Волоколамский монастырь и летописание конца XV – первой половины XVI в. // ВИД. Л., 1974. Вып. 6. С. 123; Он же. Никоновский свод... С. 82–83; Он же. Избранные труды. М., 1998. Т. 1. С. 108, 236; Голышенко В.С. Сборник XVII в. из собрания Института русского языка АН СССР // Памятники русского языка: исследования и публикации. М., 1979. С. 203–238; Новикова О.Л. Новгородские сборники XVI–XVII вв.: летописи, сказания, жития // Русская литература. 2000. № 3. С. 79–81; Бобров А.Г. “Повести древних лет” // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 54. С. 136–171; Усачев А.С. Из истории... С. 18–19, 22–23.

²⁰ Любопытно, отметить, что, как указала С.В. Минеева, помещенная в сборник № 659 редакция Жития Зосимы и Савватия Соловецких явилась своего рода тупиковой ветвью в развитии текста Жития – восходящие к ней другие списки неизвестны, см.: Минеева С.В. Рукописная традиция Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких (XVI–XVIII вв.). М., 2001. Т. 1. С. 153.

²¹ См.: Усачев А.С. Из истории... С. 18–19.

²² См.: ОР РГБ. Ф. 113. № 632, 633; Клосс Б.М. Избранные труды. М., 2000. Т. 2. С. 133–134.

ное” Василию III, которое известно всего в двух списках XVI в.²³ Специально рассмотревший этот памятник Д.М. Буланин пришел к выводу о его возможной связи с Волоцким монастырем, к которому, по мнению исследователя, был близок его наиболее вероятный создатель Федор Карпов²⁴.

5. При создании СК, несомненно, использовался Хронограф редакции 1512 г. Как установил Б.М. Клосс, оформление текста этого памятника (согласно датировке историка, около 1516–1522 гг.), написание и бытование его древнейших списков связано с Волоцким монастырем²⁵.

К сказанному выше также следует прибавить предположение Р.П. Дмитриевой относительно того, что еще в бытность Макария новгородским архиепископом существовала его связь с волоцкими книжниками: согласно предположению исследовательницы, волоцкий игумен Нифонт Кормилицын снабжал Макария материалами при создании Софийского комплекта ВМЧ²⁶.

Отмеченные выше факты с разной степенью убедительности (несомненно, аргументы № 1–3 имеют наибольшее значение) доказывают наличие связи скриптория, в котором создавались древнейшие списки СК, с библиотекой Волоцкого монастыря. Отмечая явную слабость аргументов № 4–5, тем не менее, нельзя не отметить, что, по крайней мере, аргумента № 1 вполне достаточно для того, чтобы высказать эту гипотезу: как представляется, факта выдачи лицу, несомненно, причастному к созданию СК, рукописи из библиотеки Волоцкого монастыря в период, близкий к созданию памятника, достаточно для предположения о наличии связей между книжниками митрополита Макария, в число которых входил и Андрей, с этим книжным центром. Аргументы № 2–5 служат дополнительными доказательствами в пользу данного предположения.

Таким образом, соглашаясь с мнением о том, что создание СК было по средствам одному крупному книгописному центру, нельзя не отметить и то, что, по-видимому, к ее составлению привлекался материал прочих (что характерно, немосковских) библиотек. Очевидно, ресурсов московских библиотек было недостаточно для создания обобщающего труда по русской истории нового типа, каким и являлась СК (как уже отмечалось выше, это могло обуславливаться массовой утратой книг во время пожара 1547 г.). Приведенный выше материал в свою очередь дает основания полагать, что установленная в период занятия владычной кафедры Даниилом связь между митрополичьим и волоцким книгописными центрами²⁷ не прерывалась и в более позднее время. Если в 20-е годы XVI в. во многом благодаря этой связи был создан Никоновский свод, то тремя десятилетиями позднее они оказали значительное влияние на написание СК.

²³ См.: *Дьяконов М.А.* Власть московских государей: очерки из истории политических идей Древней Руси до конца XVI в. СПб., 1889. С. 105; *Розов Н.Н.* Похвальное слово великому князю Василию III // АЕ за 1964 год. М., 1965. С. 278.

²⁴ См.: *Буланин Д.М.* Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. München, 1991. С. 201–202.

²⁵ См.: *Клосс Б.М.* Никоновский свод... С. 157–177.

²⁶ См.: *Дмитриева Р.П.* Волоколамские четьи сборники XVI в. С. 215–217; *Она же.* Агиографическая школа митрополита Макария: (на материале некоторых житий) // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 210.

²⁷ О ней подробнее см.: *Клосс Б.М.* Иосифо-Волоколамский монастырь... С. 107–125; *Она же.* Никоновский свод... С. 81–87.

С.М. Шамин

КУРАНТЫ XVII – XVIII СТОЛЕТИЙ В ФОНДАХ СОВРЕМЕННЫХ АРХИВОВ¹

Компилятивные обзоры иностранной прессы XVII – начала XVIII столетия (в другой терминологии – куранты²) изучаются уже около 200 лет. Вопрос о том, как они хранились и как попали в современные архивные фонды, очень долго оставался без внимания. Данный факт можно объяснить тем, что изучение “курантов” началось уже после того, как в конце XVIII – начале XIX в. сотрудники Московского архива Коллегии иностранных дел собрали значительную часть переводов в один фонд (современный ф. 155 РГАДА). Ученые работали с материалами этого искусственно созданного фонда, как с исторически сложившимся комплексом документов XVII в. Априорная уверенность в изначальной целостности фонда не позволяла поставить задачу изучения истории хранения документов.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы: 1) выяснить, как сформировались современные архивные фонды, в которых хранятся большие массивы курантов; 2) установить, как отдельные переводы иностранной прессы попадали в другие фонды; 3) охарактеризовать источниковедческие возможности различных комплексов курантов.

Изучение данных вопросов особенно актуально в связи с тем, что в настоящее время сотрудники Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН продолжают публикацию документов, связанных с бытованием иностранной прессы в России. В течение 1972–1983 гг. были изданы хранящиеся в ф. 155 РГАДА материалы за первую половину XVII в.³ Издателями собраны значительный по объему фактический материал о присутствии переводов иностранной прессы XVII столетия в различных архивных фон-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект 05–01–01164а). Автор выражает благодарность И. Майер и И.Н. Шаминой за неоценимую помощь в работе над статьей.

² Слово *куранты* в русском языке во второй половине XVII – начале XVIII в. употреблялось как синоним современного слова *газета*, а также для обозначения переводов и компилятивных обзоров иностранной прессы. Многозначность, свойственная словоупотреблению XVII в. неприемлема в научной терминологии. В рамках данной работы слово *куранты* используется без кавычек в качестве научного термина, под которым подразумеваются компилятивные обзоры иностранной прессы. В тех случаях, когда слово используется в принятом в XVII столетии широком значении, оно приводится в кавычках. Подробнее об использовании слова *куранты* см.: Шамин С.М. Слово “куранты” в русском языке XVII – начала XVIII в. // Русский язык в научном освещении. 2007. № 1 (13). С. 119–152.

³ Вести-Куранты: 1600–1639 гг. / Изд. подгот. Н.И. Тарабасова, В.Г. Демьянов, А.И. Сумкина; под ред. С.И. Коткова. М., 1972; Вести-Куранты: 1642–1644 гг. / Изд. подгот. Н.И. Тарабасова, В.Г. Демьянов, А.И. Сумкина; под ред. С.И. Коткова. М., 1976; Вести-Куранты: 1645–1646, 1648 гг. / Изд. подгот. Н.И. Тарабасова, В.Г. Демьянов; под ред. С.И. Коткова. М., 1980; Вести-Куранты. 1648–1650 гг. / Изд. подгот. В.Г. Демьянов, Р.В. Бахтурина; под ред. С.И. Коткова. М., 1983.

дах (РГАДА, ГИМ, БАН, СПб ИИ РАН). Это способствовало популяризации источника. В результате, в 1988 г. появилось сразу две работы, в которых рассматривалась проблема хранения переводов иностранной прессы. Е.И. Кобзарева затронула эту тему, изучая структуру известий о событиях в Западной Европе в документах Посольского приказа. Она указала, что современный ф. 155 РГАДА был сформирован в конце XVIII в. из различных по своему характеру документов при разборке архива Посольского приказа. Ее основные наблюдения и выводы были следующими. В первой половине XVII столетия переводы иностранных газет хранились в Посольском приказе среди грамот и столбцов того государства, из которого были присланы. С середины XVII в., после того как делопроизводство начали вести по повытьям, переводы газет стали собираться вместе. В годы царствования Алексея Михайловича переводы иностранной прессы передавались из архива Посольского приказа в приказ Тайных дел, который в 1665 г. организовал регулярное почтовое сообщение с Европой. Судя по делам о разборке архива приказа Тайных дел, его делопроизводственная практика значительно отличалась от делопроизводства Посольского приказа. В делах приказа Тайных дел зафиксирован ряд столбцов, составленных в основном из документов с вестями. Для них характерно вхождение документов за один и тот же год в состав разных дел. Часто в один и тот же столп включались документы за большой промежуток времени. Исследовательница предположила, что столбцы были сформированы после ликвидации в 1676 г. приказа Тайных дел при передаче документов в архив Посольского приказа, но не исключено, что в эти столпы помещались не отдельные разрозненные документы, а столбцы, формировавшиеся по мере поступления документов в приказ. Анализируя передававшиеся из приказа Тайных дел документы, Кобзарева также предположила, что в коллекцию вошли столбцы, структура которых не была нарушена в ходе разборки архива Посольского приказа. Они могут рассматриваться как комплексные делопроизводственные источники. Свои выводы исследовательница обосновала тем, что все переданные из приказа Тайных дел столбцы были скреплены рукой дьяка Артемия Степанова, принявшего участие в разборе приказного архива. Кобзарева также отметила, что на некоторых черновиках курантов сделана помета о том, что они взяты в столбцы Донского повытья, в ведении которого “куранты” находились после ликвидации приказа Тайных дел. Поскольку донские дела и “куранты” находились в одном повытье, они оказались в одном столбце⁴. Таким образом, исследовательнице удалось выявить два крупных целостных комплекса “курантов” – один из архива приказа Тайных дел и другой из Донского повытья Посольского приказа после ликвидации приказа Тайных дел. Хотя отдельные наблюдения Кобзаревой требуют уточнений⁵, основные этапы формирования комплекса

⁴ Кобзарева Е.И. Известия о событиях в Западной Европе в документах Посольского приказа XVII века: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1988. С. 19, 92–97.

⁵ К примеру, Е.И. Кобзарева совершенно точно отметила, что переводы иностранной прессы со второй половины 1670-х годов ведались в Донском повытье, но конкретные пометы, о которых пишет исследовательница, связаны не с работой сотрудников Посольского приказа, а с вторичным использованием бумаги при разборе “Донских дел” во второй половине XVIII столетия (об этом см. ниже). Трудно также согласиться и с тем, что переводы иностранной прессы стали собираться вместе в связи с появлением в Посольском приказе повытий. Это предположение противоречит собственным наблюдениям автора.

переводов иностранной прессы XVII в. в работе отражены достаточно точно. К сожалению, посвященная курантам часть диссертации Кобзаревой не была опубликована и осталась неизвестной большинству исследователей, работавших с данным источником.

В том же 1988 г. лингвист Р. Шибли (R. Schibli) сопоставил опубликованные переводы иностранной прессы первой четверти XVII в. и данные описи архива Посольского приказа 1626 г. Ему не удалось идентифицировать ни один из указанных в описи документов⁶. Неудача швейцарского ученого вполне объяснима. Он пытался найти в описи аналоги заглавий для отдельных комплектов переводов с иностранных информационных изданий. Между тем, опись 1626 г. часто характеризует не отдельные документы, а столбцы, в которые входило несколько документов. В качестве примера можно привести указанный в описании столп “что делалось в немецких государствах и в Полше во 127-м и во 128-м году, списаны с немецких с печатных листов, начала у него нет”⁷. Вполне возможно, что в XVII в. именно в этом столпе хранился перевод “вестовой немецкой тетради” 1620 г., отложившийся в фонде 155 РГАДА⁸. Тем не менее, работа Шибли важна для изучения истории хранения переводов иностранной прессы, поскольку ярко продемонстрировала специфику описей Посольского приказа как источника для изучения документов данного типа и показала необходимость более глубокого исследования путей комплектования современных архивных фондов, включающих обзоры иностранной прессы. После выхода книги Шибли специалисты долгое время не касались темы хранения “курантов”. Только в 2003 г. автор данной статьи проанализировал систему хранения “курантов” периода правления царя Федора Алексеевича⁹.

Таким образом, к настоящему времени история формирования современных архивных фондов, содержащих переводы иностранной прессы, освещена крайне неравномерно. Самой важной остается проблема выделения в современных коллекциях исторически сложившихся комплексов и их источниковедческая характеристика. Без этого возможности использования курантов как исторического источника крайне ограничены.

Перейдем к рассмотрению конкретного материала. Важными источниками для изучения поставленной темы являются описи архива Посольского приказа 1626 г. и 1673 г.¹⁰ Этим документам присущ специфический недостаток, выявленный работой Р. Шибли – по описанию не всегда возможно не только определить отдельный документ, но и понять, имеем ли мы дело с переводом иностранного информационного издания или с каким-то другим источником. Сложно установить, что скрыто под описаниями типа “тетрадь немецкая” (это может быть и печатная газета, и бро-

⁶ Schibli R. Die ältesten russischen Zeitungsbearbeitungen: (Vesti-Kuranty): 1600–1650: Quellenkunde, Lehnwortschatz und Toponomastik // Slavika Helvetika. Bern; Frankfurt am Main; New York; Paris; Lang, 1988. Bd. 29. S. 83, 84.

⁷ Опись архива Посольского приказа 1626 года: в 2 ч. / Под ред. С.О. Шмидта. М., 1977. Ч. 1. С. 310.

⁸ РГАДА. Ф. 155. Оп. 2. Ед. хр. 1. 1620 г. Публ.: Вести-Куранты: 1600–1639 гг. С. 29–35.

⁹ Шамин С.М. Доставка и обработка в Посольском приказе иностранных газет в царствование Федора Алексеевича // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 2003. С. 121–134.

¹⁰ Опись архива Посольского приказа 1626 года; Опись архива Посольского приказа 1673 года: в 2 ч. / Под ред. С.О. Шмидта. М., 1990.

шюра на любую тему, и просто тетрадка с любыми рукописными записями на иностранном языке); “тетрадь печатная” (любое печатное издание малого формата, в том числе и газета); “листок вестовой”, “лист писан о вестях” и “листы вестовые” (под такую характеристику подходят все “вести” от сообщений порубежного воеводы до газеты); “столп вестовой”, “столп, а в нем переводы” (столп с любыми вестями, в том числе и с переводами газет); “лист латинский” (любой документ на латыни, в том числе и газета на латинском языке); “рознь” (любые разрозненные документы); “черные переводы вестовых писем” (черновики переводов с иностранных вестовых писем могли быть как переводами с иностранных газет, так и переводами с писем греческих иерархов или армянских купцов) и др. Даже в тех случаях, когда хранящиеся в архиве приказа документы прямо названы “курантами”, не всегда можно установить, идет ли речь об иностранной газете или о переводе.

Тем не менее, уже в описи 1626 г. отмечен ряд документов, которые с большой степенью уверенности можно связать с иностранной прессой. Среди датских грамот отмечен “Перевод с немецкого печатного дестового листа, что подал дацкой дворенин Мартын Мартынов во 121-м году генваря в 9 день, снизу истоптан и низ отодран”. Среди английских грамот – “Тетрадь немецкая, напечатана аглинским языком, речь Якуба короля аглинсково к бояром своим на земском собрanye о всяких делех, а на ней подписано: 129-го августа в 17 день, подал Мартин Мартынов”; “Тетрадь вестовая, болшие бумаги, писана немецким писмом, а на ней помечено: росход о товарах аглинских немец”; “Свяска, а на ней подписано: ... вестовые писма о вестях”. В голландских грамотах – “Перевод с листа, что прислал галанец Исак Масца о немецких вестех во 131-м году”; “Тетрадь, а в ней писано по-немецки на 6 листах вести, что делаетца в Свие и в ыных в немецких государствах, подал галанской посланник Исак Обрамов Масса, помечено на них по-русски: 133-го сентября в 17 день; огибной лист немного поплел”. В составе “грамот любских и из Амборха” встречаем “6 листов печатных немецких вестовых розных городов, что в их немецких городех делаетца, писаны лета от рожества Христова 1629-го году”. В числе английских книг – “Тетратка печатная дестовая, печатана немецким писмом, 134-го году, подал ее в Посольском приказе Карпов человек Демулина Иван Фрянка, а сказал, послал де ее с ним и велел подати в Посольском приказе Карп Демулин”. В “столпах голанских и вольных розных городов” видим “Столп немецкой вестовой из розных немецких городов, верху нет и году не написано”; “Столп, что делалося в немецких государствах и в Полше во 127-м и во 128-м году, списаны с немецких с печатных листов, начала у него нет”. “Рознь свейская” включает “Перевод с немецких с вестовых с печатных листов, что присланы изо Пскова и из ыных городов по 132-и год июля по 2-е число, исподу нет, изотлел”. “Рознь галанская из розных государств” – “Переводы с вестовых тетратей 132-го году, а писаны в них вести многие, что деялось в немецких городех”¹¹.

Ясно, что в первой четверти XVII в. в архиве Посольского приказа присутствовало некоторое количество иностранных периодических изданий

¹¹ Описание архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. С. 185, 198–200, 204, 208, 251, 254, 255, 310, 358, 362–364, 373, 380, 383, 392.

и их переводов. Как отмечала Кобзарева, они хранились среди документов тех стран, откуда были доставлены, или их местонахождение определялось информационным содержанием. Вместе подобные документы не собирались.

Опись Посольского приказа 1673 г. более подробна, чем 1626 г. Поскольку с 1665 г. основная часть переводов иностранной прессы откладывалась в приказе Тайных дел (именно поэтому в описании отсутствуют переводы за несколько лет, непосредственно предшествовавших составлению документа), то в описи 1673 г. отразилась система хранения иностранной прессы не 1670-х годов, а середины 1660-х годов. Иностранные информационные издания и их переводы упомянуты в этом описании не менее 12 раз. Большая часть материалов находилась среди польских и шведских дел. Имеется лишь одно исключение из этого правила. Оно связано с голландскими газетами. В “особой коробье”, где хранились “листы и ответные письма галанские и вольных городов”, находились две “свяски”, в одной из которых были “11 листов печатных галанских, вестовые”, а в другой “куранты и грамотки курлянского князя канцлера и галанцов торговых иноземцов, присланы к Москве ис Курляндии в 165-м году”¹². Данные сведения позволяют предположить, что в Посольском приказе до учреждения регулярной почты хранилось незначительное количество голландских газет, близкое числу голландских газет 1640-х – первой половины 1660-х годов, которые сохранились в РГАДА до наших дней¹³.

В остальных случаях рядом с иностранной прессой (ее переводами) лежали польские или шведские дела. Среди “грамот царских, положенных в сундук с полскими грамотами”, упомянуты “в обертке ж 23 листка писмяных и печатных на царском языке”¹⁴. По нашему мнению, под “печатными листками на царском языке” имеются в виду немецкие газеты или летучие листки. В одном из сундуков хранился “столп порубежной и вестовой о польских и о черкасских делах, в начале перевод с курантов, что присланы из Любка о вероломстве корунных гетманов Потоцкого и Любомирского, как они за своею присягою боярина Василья Борисовича Шереметева отдали в Крым 169 году”¹⁵.

В “белой коробье”, отведенной под “полские ж листы и иных повытей” находились “свяска, а в ней листы немецкие печатные, каковы присланы из Ругодива, тут же отписка Афанасья Нащокина 164-го году”, “2 листа немецкие печатные, присланы из Юрьева-Ливонского в 168-м году”, а кроме того “Меркориус полский печатной экстраардинальный (так в описи. – С.Ш.) 1661-го (61 исправлено из 70 – примечание в издании описи 1673 г.; очевидно, что ее составитель хотел указать дату от сотворения мира, однако засомневался в пересчете и оставил дату от Рождества Христова. – С.Ш.) году, не весь, тетрадей иных нет, толко по смете 36 тетрадей, а в ыных тетратках по два и по одному листу”¹⁶. “Меркуриус” в настоящее

¹² Опись архива Посольского приказа 1673 года. Ч. 1. С. 336, 337.

¹³ *Maier I. Niederländische Zeitungen (“Couranten”) des 17. Jahrhunderts im Russischen Staatsarchiv für alte Akten (RGADA), Moskau // Sonderdruck aus Gutenberg-Jahrbuch. 2004. S. 199–213.*

¹⁴ Опись архива Посольского приказа 1673 года. Ч. 1. С. 116.

¹⁵ Там же. С. 197.

¹⁶ Там же. С. 240, 241, 242.

время хранится в РГАДА, ф. 155¹⁷. До нашего времени из 36 тетрадей сохранилось 28. Скорее всего, именно переводы с этого издания упоминаются в Переписной книге документов приказа Тайных дел 1676 г. среди дел Посольского приказа. Там под № 16 описан “Перевод с польских печатных тетрадей, что привез ис Польши думной дворянин Афонасей Лаврентьевич Ордин Нащокин во 171-м году”¹⁸. Других польских газет этого времени не известно, а вероятность того, что Нащокин привез целую подборку каких-то не периодических печатных изданий крайне мала. Если данное предположение верно, то получается, что иностранный подлинник остался в Посольском приказе, а перевод был передан в приказ Тайных дел. Таким образом, в “белой коробье” среди “польских” документов хранились только те иностранные газеты, которые доставил А.Л. Ордин-Нащокин. В этом случае место хранения документов определялось двумя факторами – связью с конкретным государством (Польшей) и общим “источником доставки” (Ордин-Нащокин).

“Коробья невелика”, где лежали “полские и запорожские дела”, содержала “перевод с немецких печатных тетрадей, каковы подал полских панов-рад посланник Владислав Комар о рижском походе в 165-м году, отписку к великому государю и перевод с немецких листов и с немецкого письма вестового с курантов, что прислал воевода Афонасей Нащокин ис Куконауса 165-го году”¹⁹.

Меньше изданий хранилось среди документов по связям со Швецией: “ящик в красной коже, а в нем свейских послов и посланников письма о посольских делах, тут же и свейских генералов листы о всяких порубежных и торговых делах” содержал “18 листов печатных и письменных, прислал из Стекольна Мельхер Бекман 140-го году”, а кроме того, “вестовые писменные и печатные листки прошлых лет”²⁰. В ф. 155 РГАДА сохранился 27-й выпуск гамбургской газеты “Ordentliche Post Zeitung” за 1631 г. На последней странице имеется помета: “переведена от Мелхера Бекмана”²¹.

В личном ящике дьяка Ефима Юрьева с делами о “свейских” посольских съездах лежали “Перевод в столпах с немецкого печатного листа, каков подал в Посольском приказе Амбурец Иван Плюс во 173-м году о страшной комете” и “переводы с немецких курантов и с присланного письма голанского посла”²².

Упомянут также “Сундук с нутренным замком, а в нем грамоты свейские, французские, дацкие, галанские да листы вольных городов Амбурка и Любка”, содержал “в свяске два листа колыванского губернатора Бенкт Горна, да тут же двои куранты. Присланы листы и куранты из Царева Дмитриева города во 167-м году генваря в 17 день”²³.

Перечисленные в описании документы не исчерпывают весь перечень иностранных газет, летучих листов и их переводов, хранившихся к 1673 г. в Посольском приказе, так как от первой половины XVII в. до нашего време-

¹⁷ РГАДА. Ф. 155. Оп. 2. Ед. хр. 7–34.

¹⁸ РИБ. Т. 21: Дела Тайного приказа, кн. 1. СПб., 1907. Стб. 4, 5.

¹⁹ Опись архива Посольского приказа 1673 года. Ч. 1. С. 271, 272.

²⁰ Там же. С. 311, 316.

²¹ РГАДА. Ф. 155. 1631. Ед. хр. 1. Л. 1–2 об.; Вести-Куранты: 1600–1639 гг. С. 340–343.

²² Опись архива Посольского приказа 1673 года. Ч. 1. С. 482.

²³ Там же. С. 307.

ни дошло больше документов, чем выделено в описи. По описанию 1673 г. не удалось идентифицировать и документы из описи 1626 г. Трудно предположить, что все они пропали. Вероятнее всего, в описи 1673 г. не фиксировались черновые переводы иностранных газет 1660-х годов. Такие документы в настоящее время в значительном количестве присутствуют в ф. 155 РГАДА. В отличие от “переводов с курантов”, передававшихся в Посольский приказ из приказа Тайных дел в 1676–1683 гг., они не скреплены приказными дьяками. Можно предположить лишь два варианта – или дьяки, разбиравшие архив приказа Тайных дел скрепляли не все документы (тогда в приказе Тайных дел хранилось больше переводов, чем отмечено в его передаточных описях, об этом см. ниже), или, что вероятнее, черновики “курантов” оставались в Посольском приказе и при составлении описи 1673 г. не учитывались из-за их чернового характера. Возможно, что какое-то число иностранных газет и переводов не удалось зафиксировать из-за того, что они обозначены как “вестовые листы”, “тетради” и т.д. В описи 1673 г. не могли быть указаны и отдельные переводы иностранных информационных изданий, входившие в состав более крупных столбцов с посольскими делами.

В любом случае, анализ описей Посольского приказа 1626 и 1673 гг. позволяет сделать вывод, что до начала 1660-х годов иностранных газет в Москву поступало немного. Они еще не выделялись в приказном делопроизводстве как особый, самостоятельный источник информации. Переводы иностранной прессы из ф. 155 РГАДА, выполненные в первой половине XVII в. не могут считаться комплексным историческим источником. Каждый перевод (или составленная подборка нескольких полученных от одного контрагента и входивших в один столбец переводов) должны рассматриваться как самостоятельный документ, поскольку, в отличие от более поздних обзоров, все они использовались по-разному, в зависимости от конкретной ситуации. Именно поэтому отдельные переводы иностранной прессы можно найти практически в любом фонде, где сосредоточены документы по связям России с каким-либо из европейских государств.

Большое значение для изучения бытования иностранной прессы в России XVII в. имеют описи архива приказа Тайных дел²⁴. Приказ ведал делами, которые интересовали государя лично, и потому он дублировал часть функций других приказов, в том числе Посольского. Именно приказ Тайных дел в 1665 г. организовал регулярную почту, систематически доставлявшую в Москву иностранные газеты. Теперь они (вместе с переводами) давали значительные объемы регулярно прибывающих материалов для хранения в приказном архиве. В приказе Тайных дел вырабатывались новые правила хранения иностранных газет и их переводов. Отложившиеся в его архиве документы были отражены в описях, которые составлялись как в годы существования приказа, так и после его ликвидации при передаче дел в другие приказы.

Наиболее ранняя опись датируется 1671/72 годом. В примечании издателя указано, что “эта опись не имеет особого заголовка; судя по встречающимся в ней указаниям, она составлена в 7180-м году”. Особая ценность описи в том, что для каждого документа указано место хранения – “ящик

²⁴ РИБ. СПб. 1907. Т. 21, кн. 1.

липовой долгой”, “в портяном мешке”, “в шкапе”. “Куранты” встречаются в “портяном мешке” и “шкапе”²⁵.

“В портяном мешке” в столбцах и тетрадках хранились самые разные материалы. В целом содержание мешка производит впечатление подборки документов, связанных с польскими “делами”. Трижды указанные в описании “переводы с курантов” представляют собой отдельные разрозненные комплекты. Скорее всего, их содержание также имело отношение к Польше²⁶.

Совсем иначе выглядит описание содержимого “деревянного шкапа”. “В шкапе деревянном в ящиках вестовые немецкие письма и с них переводы в столпцах, 173-го, 174-го и 175-го, и 176-го, и 177-го, и 178-го году. В том же шкапе 5 листов немецкие, что привез Марселис. Да в тех же ящиках вестовые всякие письма и переводы” (в 1670–1680-х гг. иностранную прессу называли не только курантами, но также и вестовыми письмами/листами). Возможно, что в этом шкафу хранились и другие документы с вестями. Из “не вестовых” документов здесь лежали только раздаточные книги, “что розданы по боярине Борисе Ивановиче Морозове”. Содержимое данного шкафа дает достаточно четкую картину того, как в приказе Тайных дел хранилась иностранная пресса и ее переводы. Часть документов была собрана в столпы, а часть просто лежала россыпью в небольших столбцах. Наиболее ранние систематизированные по состоянию на 1671/72 г. документы относятся ко времени после 1664/65 г. – времени учреждения регулярной почты. Между тем, в составе столбцов, скрепленных дьяками при разборе архива приказа Тайных дел, имеются и более ранние переводы. Очевидно, они лежали в россыпи. Таким образом, опись 1671/72 г. свидетельствует о том, что столбцы переводов, скрепленные рукою приказных дьяков при разборке архива ликвидированного приказа Тайных дел, в значительной части комплектовались из разрозненных документов и небольших столпов через много лет после их перевода.

За 1676–1683 гг. мы имеем более подробные описания переводов иностранных газет из приказа Тайных дел. Наиболее ранняя опись была составлена в 1676 г.²⁷ в связи с ликвидацией приказа, а две другие (1677²⁸ и 1683²⁹ гг.) отражают передачу дел в Посольский приказ. Описи четко показывают, что передача основной части столбцов с переводами иностранной прессы осуществлялась в 1683 г. Формирование столбцов, в которых основная масса переводов передавалась в Посольский приказ, относится ко времени между 1671/72 и 1676 гг. Подьячие не пытались последовательно систематизировать все материалы по годам. В 1677 и 1683 гг. при передаче дел в Посольский приказ были зафиксированы 4 небольших комплекса с переводами иностранной прессы, оказавшиеся неучтенными в 1676 г. В описи 1677 г. встречаем столп с “переводами с цесарских и галанских курантов о вестях” (судя по отсутствию в описи дат, это какие-то переводы без заглавий)³⁰; столп, в который входили “переводы с цесарских и галан-

²⁵ Там же. Стб. 850, 854–857.

²⁶ Там же. Стб. 856, 857.

²⁷ Там же. Стб. 4–6.

²⁸ Там же. Стб. 350–351.

²⁹ Там же. Стб. 631, 635.

³⁰ Там же. Стб. 360.

ских курантов о вестях”, а также приезд греков царьградцев Ивана Ильина и Афонасия Григорьева, отписка Ордина-Нащокина, государева грамота Ордину-Нащокину и другие документы³¹; столп с “приездом” грузинского митрополита, списком с письма Ивана Брюховецкого, “переводом с письма, какво прислано из немецкой земли о звездах”, отпиской Ордина-Нащокина, переводом с грамоты вселенских патриархов, челобитной Антиохийского патриарха Макария, воеводскими отписками, докладными выписками о всяких посольских делах, “переводами многими с листов и с печатных курантов о всяких вестях”³². Два последних столпа в реальности были переданы в 1683 г. вместе с другими переводами³³. В описи 1683 г. кроме перечисленных материалов встречаем столп № 13, “а в нем вестовые всякие письма и переводы с курантов”, а также распросные речи, отписки 172-го, 173-го, 176-го годов и др.³⁴ Все перечисленные “вестовые” столбцы имеют вид случайно подобранных материалов. Вполне вероятно, что существовали и другие комплексы с небольшими включениями интересующих нас документов.

С начала 1670-х годов переводы иностранной прессы стали переписывать в тетради (по примеру составления посольских книг на основе столбцов с документами посольств). Тетради с “переводами курантов” указаны только в описи 1683 г. Она фиксирует такие тетради отдельно от столбцов. В ней мы видим: № 9 “Две тетради, в десть, а в них переводы с немецкого листа и с цесарских и з галанских курантов о всяких посолских вестях”; № 10 “11 тетрадей, в десть, а в них переводы с цесарских и з галанских печатных курантов 181-го, 182-го, 183-го годов о всяких посолских вестях”; № 11 “6 тетрадей, в десть, а в них списки с листов Петра Дорошенка к гетману Ивану Самойловичу и от гетмана к нему, Петру; переводы с писем, что прислал с Польши Василей Тяпкин; переводы же с печатных курантов, каковы присланы чрез рижскую почту”; “Переводы с цесарских и з галанских печатных курантов, каковы присланы чрез Виленскую и рижскую почту в 179-м, и во 183-м, во 184-м годах, в тетрадех”³⁵. Такие тетради составлялись вплоть до ликвидации приказа Тайных дел, после чего вернулись к столбцовому делопроизводству.

Начиная с 1676 г. переводы с иностранной прессы хранились в Посольском приказе. В 1675 г. они ведались в повытии Семена Протопопова, а с 1677 г. в повытье Дмитрия Симоновского вместе с Донскими казаками и Мещанской слободой. В повытье работали “средние” и “молодые” подьячие М. Максимов, И. Нехорошей, Г. Степанов, А. Васильев³⁶.

Хранению переводов иностранной прессы во второй половине 1670-х – начале 1680-х годов посвящена специальная работа³⁷, поэтому кратко изложим сделанные в ней выводы. В 1670-х – начале 1680-х годов “переводы с курантов” составлялись на основе приходивших почти с каждой почтой

³¹ Там же. Стб. 362.

³² Там же.

³³ Там же. Стб. 626, 627, 629.

³⁴ Там же. Стб. 630.

³⁵ Там же. Стб. 637, 640, 641.

³⁶ Белокуров С.А. О Посольском приказе. М., 1906. С. 52, 53, 167.

³⁷ Шамин С.М. Доставка и обработка в Посольском приказе иностранных газет в царствование Федора Алексеевича. С. 121–134.

иностранных газет. Комплект “переводов курантов” какое-то время (скорее всего, от нескольких недель до нескольких месяцев и лишь в исключительных случаях более половины года) хранился в отдельном столбце. Со временем такие столбцы собирались в более крупные столпы (обычно за половину года).

Таким образом, к концу XVII столетия в Посольском приказе хранились следующие крупные комплексы “курантов”: 1) Обзоры иностранной прессы 1660-х годов в форме столбцов (документы уже в XVII в. хранились довольно беспорядочно, что отражает начальный этап становления системы обработки и хранения иностранных газет); 2) Обзоры первой половины 1670-х годов, переданные в Посольский приказ из приказа Тайных дел в виде тетрадей в относительном порядке; 3) столбцы с курантами четвертой четверти XVII в., отложившиеся в Донском поветье Посольского приказа. Это не исключало появление отдельных переводов в самых разных делопроизводственных комплексах, связанных с дипломатической деятельностью русского правительства.

Существенные изменения в системе хранения переводов иностранной прессы произошли на рубеже XVII и XVIII вв. На это время приходится переход от столбцового делопроизводства к тетраднему³⁸. Именно “исчезновение” столбцов после 1700 г. послужило поводом для предположения о прекращении составления “курантов”³⁹. Однако переход от столбцов к тетрадям был, пожалуй, самым незначительным изменением. Начало войны со Швецией прервало почтовую связь с Ригой, через которую иностранные газеты доставлялись в Россию. Альтернативные почтовые линии не могли обеспечить доставку иностранной прессы с прежней скоростью и в тех же объемах. В еще большей мере на системе хранения переводов сказались общие перемены в системе государственного управления, произошедшие в начале XVIII в. Огромное значение имело создание системы постоянных представительств за рубежом. Теперь не только отдельные переводы, но и обзоры иностранной прессы могли составляться не только в Москве. Уже во время Великого посольства в его архиве отложился комплекс переводов иностранной прессы⁴⁰. Обзоры прессы начали составляться в Гааге при миссии А.А. Матвеева⁴¹. С началом издания печатных “Ведомостей” (конца 1702 г. или начала 1703 г.) переводы иностранной прессы стали оседать в архиве Синодальной типографии⁴². При составлении газеты “Ведомости” куранты использовались как черновые материалы. Составление курантов постепенно превратилось в подготовку материалов для “Ведомостей”.

³⁸ *Автократов В.Н.* К истории замены столбцовой формы делопроизводства тетрадной в начале XVIII в. // Проблемы источниковедения. М., 1959. Т. VII. С. 274–286.

³⁹ *Булгаков А.Я.* Ответ на библиографический вопрос // Московский телеграф. 1827. Ч. 16, №13. С. 9; *Томсинский С.М.* Первая печатная газета России (1702–1727 гг.). Пермь, 1959. С. 4; *Кудаков О.Р.* Первопечатные “Ведомости” (1702–1727): К истории отечественной прессы. Казань, 2002. С. 11, 12.

⁴⁰ *Гуськов А.Г.* Система обеспечения Великого посольства оперативной информацией. Рукопись. Выражаю благодарность А.Г. Гуськову за предоставленную возможность ознакомиться с подготовленной к печати рукописью.

⁴¹ *Бычков А.Ф.* Первые русские ведомости, печатавшиеся в Москве в 1703 г. СПб., 1855. С. 17; РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1702 г. Ед. хр. 9. Л. 1–72.

⁴² РГАДА. Ф. 381. Отложившиеся здесь переводы иностранной прессы опубликованы. См.: *Погорелов В.А.* Материалы и оригиналы Ведомостей 1702–1727. М., 1903.

На порядке хранения переводов иностранной прессы, безусловно, отразились и перенос издания “Ведомостей” в Петербург, и создание Коллегии иностранных дел. Недостаточная изученность ведения дел в дипломатическом ведомстве России в первые десятилетия XVIII в. не позволяет понять систему хранения “курантов” в данный период.

Столбцы, составленные в XVII столетии, оставались не разобранными до конца XVIII в. Некоторое время после начала разбора архива Посольского приказа, попавшиеся архивистам под руку переводы иностранной прессы не собирались в один комплекс. Так, разобранный вскоре после 1782 г. (1782 г. – белая дата филигранный оберточной бумаги) “Столп, а в нем куранты 164-го, 167-го, 168-го, 169-го, 170-го, 171-го году”, был описан среди “Приказных дел старых лет”⁴³. Это позволяет предположить, что формирование отдельной коллекции иностранных газет и их переводов началось после этой даты.

Другие переводы иностранной прессы (в основном черновики) были использованы как временные обертки при разборе дел Донского поветья. При этом первоначальный текст документов иногда перечеркивался, а на оборотной стороне наносились пометы с описанием содержания обертываемых документов. Так, переводы иностранных газет конца 1660-х годов имеют пометы “столп Донского поветья 153-го году”, “столп донской 193-го”, “столп 196-го донской зимовой”, “столп донской 197-го году”, “столп Донского поветья 1701-го году, а в нем приезды в Москву зимовых и лехких станиц и о других делех”⁴⁴. Спустя какое-то время ошибочность подобного использования переводов иностранной прессы была осознана. Часть листов собрали и присоединили к делам за соответствующие годы. Однако восстановить их первоначальную последовательность оказалось невозможно. В настоящее время они расположены внутри архивных дел беспорядочно.

Важную информацию о формировании современного ф. 155 РГАДА дает его опись № 1. Она составлена на листах бумаги с одинаковыми филигранями (типа Клепиков № 709 “Вензель РФ на фигурном щите и лигатура ЯЕ” (Русская фабрика Якова Евреинова), 1783 г.)⁴⁵. На то, что опись начала составляться в конце XVIII в., указывает и тот факт, что для обертки некоторых иностранных газет и переводов была взята бумага, которая ранее использовалась при разборе греческих грамот⁴⁶. Между тем греческие грамоты разбирал в конце 1780-х годов Н.Н. Бантыш-Каменский⁴⁷.

Опись имеет заглавие: “Реестр газетам (ведомостям)”, которое позднее (судя по почерку) было дополнено: “На Российском, Латинском, Немецком, Французском, Италианском, Голандском и Аглинском языках печатным и писменным, то есть переводом с некоторых. С 1631-го по 1794-й год”⁴⁸. Уже двойное название показывает, что первоначально систематизи-

⁴³ РГАДА. Ф. 141. 1652 г. Ед. хр. 122.

⁴⁴ Там же. Ф. 155. 1669 г. Ед. хр. 8, Л. 14 об., 20 об., 24 об., 25 об., 30 об., 31 об.; 1669 г. Ед. хр. 10. Л. 1 об.

⁴⁵ Клепиков С.А. Филигранны на бумаге русского производства XVIII – начала XIX века. М., 1978.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1702 г. Ед. хр. 9; 1703 г. Ед. хр. 8.

⁴⁷ Фонкич Б.Л. Греческие рукописи и документы в России. М., 1997. С. 216.

⁴⁸ На л. 1 описи № 1 ф. 155 имеется помета, которая сообщает, что в “Московском телеграфе” 1827 г. на с. 5–33 помещена библиографическая статья А.Я. Булгакова “О первых русских

ровать собирались только иностранные газеты⁴⁹, причем не только за XVII, но и за XVIII в., т.е. фактически до момента составления описи (в настоящее время в ф. 155 РГАДА, за очень редким исключением, входят газеты XVII в.). Их русские переводы были добавлены в состав фонда позднее. О том же свидетельствует и следующая запись на обороте титульного листа описи: “Сверх чужестранных ведомостей старых лет имеются еще и переводы оных в столбцах, кои в том же шкафу на верху положены и по годам разобраны быть должны”. На основании данной записи можно заключить, что во время проведения разбора иностранных газет переводы, т.е. собственно куранты в научном, терминологическом значении этого слова, еще лежали не разобранными. Поскольку верхней датой включаемых в эту опись иностранных газет был 1794 г., совершенно ясно, что куранты начали разбирать после этой даты.

Механизм составления описи был следующим. На чистых листах заранее были проставлены годы – по одному, на каждой стороне листа. Архивист фиксировал иностранные газеты по годам, дописывая обнаруженные издания в порядке нахождения. В некоторых случаях под проставленным годом нет ни одной записи (1662 г. Л. 8.). Наиболее ранние записи сделаны раздельной скорописью. В описи обозначались также номера картонов и связок, в которых хранились разобранные документы.

Реестр начинался с 1631 г. (л. 2). Обнаруженные позднее документы 1621, 1628, 1630, 1633 гг. были вписаны на том же листе на оставшемся месте разными почерками. Переводы с иностранных газет, как правило, включены в опись позднее, чем сами иностранные газеты. Записи о них сделаны беглым гражданским письмом на незаполненных описанием иностранных газет частях листов. Так, на л. 5. первоначальным почерком под № 1–4 были перечислены различные иностранные газеты. Потом между № 3 и № 4 были добавлены более поздним почерком “выписки из немецких газет”. Они получили № 4, а прежний № 4 получил № 5. Когда еще позднее к списку были добавлены вновь найденные переводы, они получили № 6. На л. 5 об. первоначальным почерком обозначены немецкие и голландские газеты 1648 г. В нижней части листа разными почерками дописаны названия четырех дел с переводами.

О времени составления современных дел с переводами иностранной прессы (курантами) можно судить по датам филиграней оберточной бумаги (см. таблицу). Часть филиграней не имеет белых дат. В основном это бумага фабрики Якова Евреинова, близкая той, что использована для составления описи. Однако, поскольку датировка поздних филиграней к настоящему времени в полной мере еще не разработана, в таблице такая бумага датируется концом XVIII – началом XIX в., хотя наиболее вероятной датой кажется промежуток между 1794 и 1801 годами.

Из таблицы видно, что формирование фонда затянулось на десятилетия. К 1825 г. эта работа была в основном закончена, хотя отдельные документы присоединялись к фонду и позднее. В “Донесениях о трудах чиновников Московского архива по 1820 год” отражены основные работы

ведомостей и об иностранных повременных изданиях, которые выписываемы были в России с 1631 года”, а также, что хронологический список, приложенный к статье Булгакова “из сего Архивного реестра” (т.е. из Оп. № 1. – С. III.).

⁴⁹ В XVIII в. слова “газета” и “ведомости” были синонимами.

Даты филигранн оберточной бумаги

Дата	Число дел	Дата	Число дел
конец XVIII – начало XIX в.	9		
1801	3	1808	5
1802	2	1822	2
1804	1	1823	1
1807	3	1824	2

Таблица составлена по: РГАДА. Ф. 155. Оп.1. 1664 г. Ед. хр. 2; 1664 г. Ед. хр. 3; 1665 г. Ед. хр. 11; 1666 г. Ед. хр. 11; 1667 г. Ед. хр. 10; 1668 г. Ед. хр. 9; 1669 г. Ед. хр. 8; 1669 г. Ед. хр. 9; 1669 г. Ед. хр. 10; 1670 г. Ед. хр. 8; 1672 г. Ед. хр. 8; 1673 г. Ед. хр. 8; 1673 г. Ед. хр. 9; 1673 г. Ед. хр. 10; 1674 г. Ед. хр. 8; 1675 г. Ед. хр. 8; 1676 г. Ед. хр. 8; 1677 г. Ед. хр. 7; 1679 г. Ед. хр. 5; 1681 г. Ед. хр. 5; 1682 г. Ед. хр. 5; 1682 г. Ед. хр. 6; 1697 г. Ед. хр. 12; 1697 г. Ед. хр. 13; 1698 г. Ед. хр. 17, ч. 1; 1699 г. Ед. хр. 10; 1699 г. Ед. хр. 11; 1699 г. Ед. хр. 12; 1700 г. Ед. хр. 8; 1700 г. Ед. хр. 9; 1701 г. Ед. хр. 14, ч. 1; Ф. 155. Оп. 2. Ед. хр. 2; Ед. хр. 37; Ед. хр. 41.

сотрудников архива с 1802 г., но обработка иностранных газет и их переводов не отмечена⁵⁰. Следовательно, к 1802 г. первичное формирование фонда уже завершилось.

О том, кто именно комплектовал ф. 155, в настоящее время ничего не известно. Можно лишь с уверенностью сказать, что в этой работе принимал непосредственное участие Н.Н. Бантыш-Каменский. Выполненные его рукой пометы имеются на целой серии дел⁵¹. Архивисты старались расположить документы в хронологическом порядке. В одно дело могли включаться документы, которые в XVII в. хранились не только в разных столбах, но и в разных приказах. Если столбец XVII столетия включал материалы за несколько лет, его части помещали в разные дела. Иногда материалы одного столбца располагались не единым комплексом, а чередовались с листами других столбцов. Работа зачастую выполнялась очень небрежно. Особенно плохо обстояло дело с документами 1660-х годов, перепутанными еще в XVII в. Иногда архивисты XVIII–XIX вв. “упорядочивали” лишь датированные документы, отрывая их от недатированных комплексов того же времени. Негативно на состояние современных дел повлияло то, что при разборе столбцов листы не нумеровались. Еще в 1906 г. документы ф. 155 оставались нумерованными⁵². Между тем к работе с ними допускались исследователи. Это приводило к дальнейшему нарушению порядка в документах.

Столбцы с обзорами последней четверти XVII в. “разбирали” и дополняли гораздо реже, хотя и здесь встречаются исключения. К примеру, на деле 1678 г. к обычному заглавию почерком начала XIX в. приписано: “с приложением польских писем, объявленных в Смоленске Назарием Краевским и присланных при отписках в Посольский приказ”. Хранящиеся в

⁵⁰ АВПРИ. Ф. Административные дела. № 1-III. Оп. 19. 1802 г. № 1.

⁵¹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1699 г. Ед. хр. 10; 1700 г. Ед. хр. 8; 1701 г. Ед. хр. 14, ч. 1; 1702 г. Ед. хр. 9; 1703 г. Ед. хр. 8. Автор благодарит за помощь в идентификации почерков А.Д. Шахову.

⁵² Покровский А. К истории газеты в России // Ведомости времен Петра Великого. М., 1906. Вып. 2. С. 15.

деле куранты уже после расклейки столпов перепутаны. Некоторые листы, а вероятно и целые комплексы, утеряны. Если следовать современной архивной нумерации, получается, что переводы курантов трижды прерываются материалами, связанными с деятельностью Назария Краевского⁵³. Однако пятна от сырости показывают, что первоначально куранты и переписка Краевского хранились раздельно⁵⁴. Следовательно, даже при работе с хорошо сохранившимися комплексами курантов следует проверять их целостность по палеографическим признакам.

Из разных дел Посольского приказа и Коллегии иностранных дел архивисты XVIII–XIX вв. отбирали в ф. 155 документы следующих типов: 1) отдельные переводы иностранных газет (печатных и рукописных) и других информационных изданий XVII–XVIII вв.; 2) обзоры иностранной прессы 1660-х–1730-х годов (собственно куранты, в терминологии XVII–XVIII вв. “переводы с курантов”, “выписки с курантов”); 3) краткие выписки из русских обзоров иностранной прессы (“выписки с курантов”); 4) копии печатных газет XVIII в.; 5) печатные газеты (русские и иностранные); 6) “Ведомости публичные из Коллегии иностранных дел” (рукописные и печатные). Кроме того, в состав фонда были включены отдельные документы с внешнеполитическими известиями разного происхождения, делопроизводственная документация и т.д. Иными словами, в фонд включали все, что, по мнению архивистов, было так или иначе связано с иностранными газетами. В результате, современный исследователь прежде, чем изучать куранты за какой-то конкретный период, должен проверить, не добавлены ли в дело посторонние документы. С уверенностью можно сказать, что проведенная в XVIII–XIX вв. “систематизация” материалов принесла значительно больше вреда, чем пользы.

В РГАДА ф. 155 был официально передан 26 марта 1928 г. (в то время архив имел название “Древлехранилище Московского отделения Центрального исторического архива РСФСР”). При передаче он назывался “Иностранные ведомости (куранты) и газеты (иностранные и русские)”. В карте фонда 1928 г. указано, что материалы переданы из МГАМИД. В это время они хранились в 44 картонах (1621–1699) и “много в папках”. Данное описание позволяет предположить, что к моменту передачи дел в РГАДА документы XVIII в. не были до конца разобраны, вследствие чего не нашли отражения в публикациях исследователей. По состоянию на 31 мая 1935 г. в фонде числились не разобранными 1456 дел. В дальнейшем фонд неоднократно менял название. По акту проверки 5 августа 1948 г. – “Иностранные газеты”, по акту 29 июля 1954 г. – “Иностранные ведомости (куранты) и газеты”. В 1950-х годах часть единиц хранения (начиная с 1720 г.) была передана в архив МИД СССР (современный АВПРИ, возможно, что примерно в то же время или несколько позже печатные иностранные газеты XVIII в. были переданы из архивного фонда в библиотеку РГАДА). Среди оставшихся в РГАДА документов по акту 1960 г. отмечено отсутствие 9 дел, указанных в описи № 1: 1686 г. № 4: польские газеты г. Кракова; 1697 г. № 4: новоприезжей немецкий курьер; 1697 г. № 6: Краковские польские ведомости; 1697 г. № 9: гарлемские голландские газеты; 1697 г.

⁵³ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1678 г. Ед. хр. 4. Л. 1–136, 220–228, 236–280.

⁵⁴ Подробнее см.: Шамин С.М. Доставка и обработка в Посольском приказе иностранных газет в царствование Федора Алексеевича. С. 121–134.

№ 10: Лейденские голландские газеты; 1700 г. № 5: Гамбургский северный немецкий меркурий № 102; 1700 г. № 4: Гамбургские европейские ведомости № 103; 1704 г. № 8: Стокгольмская шведская газета № 15; 1706 г. № 9: Амстердамская французская газета № 100. В 1973 г. была обнаружена не внесенная в опись одна единица 1661 г. № 1. В 1970-е годы было проведено описание россыпи ф. 155. Из вновь описанных дел в 1980 г. сформирована опись № 2 объемом в 105 ед. хранения. Отдельные дела добавлялись в эту опись в 1982–1984 гг. К 1985 г. в фонде насчитывалось 677 ед. хр., в их числе 82 дела, нуждающихся в реставрации⁵⁵. Документы, которые вошли в опись № 2 имеют особенно плохую сохранность. В основном, это разрозненные обзоры или отдельные листы. Из крупных комплексов в составе описи № 2 можно отметить обзоры иностранной прессы 1667–1670 гг. (14 комплектов) из приказа Тайных дел⁵⁶ и часть столпа с “курантами” за 1691 г. из Посольского приказа (более 8 комплектов). Столп 1691 г. имеет очень плохую сохранность и в описи разбит на несколько единиц хранения⁵⁷. Первоначальный порядок листов частично восстанавливается по пятнам от сырости. Особняком стоят материалы (в основном переводы иностранной прессы) из Великого посольства⁵⁸. Особый интерес представляет ед. хр. 97. 1728 г., которая включает почти полный комплект обзоров иностранной прессы за 1728 г. Основная часть таких годовых комплектов хранится в АВПРИ, в ф. 11: Иностранные газеты. Данный комплект 1728 г., скорее всего, не был передан в АВПРИ случайно.

Некоторые документы из ф. 155 РГАДА и ф. 11 АВПРИ реставрировались в 1950-х годах. Реставраторы обклеили наиболее пострадавшие листы прозрачной бумагой. В случае особо плохого состояния документов их оборотные стороны подклеивались обычной бумагой. Такой же бумагой заклеены дыры в бумаге XVII в. Для этого использовалась бумага конца XVIII – начала XIX в. Хотя реставрационные работы были крайне необходимы из-за ветхого состояния документов, имели они и некоторые негативные последствия. К примеру, реставраторы обрезали края документов. При этом в ряде случаев были утрачены элементы букв и скрепы.

Серьезные ошибки допущены при реставрации отдельных тетрадей. Как пример можно привести дело из Ф. 155. Оп. 1. 1673 г. Ед. хр. 9, кото-

⁵⁵ РГАДА. Дело фонда 155. Л. 1–17. В путеводителе РГАДА приводятся данные, в отдельных пунктах отличающиеся от наших. В нем датой поступления фонда в архив назван 1925 г. Здесь же указывается, что описанные в 1970-е годы документы (оп. 2) выделены из ф. 141 “Приказные дела старых лет” (см.: Российский государственный архив древних актов: Путеводитель: В 4 т. М., 1999. Т. 4. С. 32.). Однако на документах, вошедших в состав описи № 2 имеются многочисленные пометы архивистов конца XVIII–XIX вв. о присоединении их к “курантам” или “газетам” (РГАДА. Ф. 155. Оп. 2. Ед. хр. 39. 1678 г. Л. 4 об. – помета почерком конца XVIII – начала XIX в. “в куранты”; Ед. хр. 61. 1693 г. На л. 1. об. почерком конца XVIII – начала XIX в. помета “7201 году к газетам”; л. 29 об. почерком конца XVIII – начала XIX в. помета “куранты”; Ед. хр. 73. 1690-е годы. На л. 1 об. помета почерком конца XVIII – начала XIX в. “в куранты года нет”. Имеется и значительное количество других примеров). Очевидно, что сведения о включении в ф. 155 материалов из ф. 141 связаны или с единичными документами или с тем, что часть не описанной россыпи из ф. 155 на какое-то время передавалась в ф. 141.

⁵⁶ РГАДА. Ф. 155. Оп. 2. Ед. хр. 35. 1667–1670 гг.

⁵⁷ Там же. Оп. 2. Ед. хр. 51. 1691 г.; Ед. хр. 56. 1691 г.; Ед. хр. 57. 1691 г.; Ед. хр. 58. 1691 г. и, частично, Ед. хр. 59. 1666 г. (?), 1690-е годы (?).

⁵⁸ Там же. Оп. 2. Ед. хр. 67. 1697 г.; Ед. хр. 87. Конец 1690-х; 1707 г.

рое реставрировалось в 1957 г. (на переплетенном листе штамп с указанием даты реставрации – 13. 09. 1957 и фамилия реставратора – Зайцева). При реставрации тетради переплетены в книгу. При этом были искусственно составлены и соединены реставрационной бумагой тетради, не существовавшие в XVII в. Так, листы 47–52 соединены в одну тетрадь. Листы 47 и 52 склеены вместе, однако на л. 47 филигрань “герб”, а на л. 52 филигрань “голова шута”. Бумага с двумя филигранями в XVII в. не производилась. Листы 48 и 51 также соединены вместе, но на каждом из этих листов контрамарки, а не филиграни. Кроме того, в тетрадь оказались вплетены и русские переводы, и рукописные немецкие газеты (л. 51, 52)⁵⁹. Таким образом, даже работа с “переводами курантов”, хранящимися в тетрадях невозможна без предварительного палеографического изучения документов.

Переданные в АВПРИ документы отложились в составе фонда Иностранные газеты (Ф. 11. Оп. 11/1; 11/2, 11/3). Среди переданных сюда документов за 1720–1729 гг. оказались переводы иностранной прессы двух типов: черновики печатных “Ведомостей” и обзоры иностранной прессы (куранты), которые вновь стали составлять в Коллегии иностранных дел в 1724 г. Позднее из россыпи “Внутренних коллежских дел” были извлечены и включены в этот фонд обзоры иностранной прессы за 1730, 1731 гг. и отдельные переводы более позднего времени вплоть до XIX в. (Ф. 11. Оп. 11/4). Таким образом, ф. 11 АВПРИ пополнился материалами, которые отсутствовали в ф. 155 РГАДА до его разделения. Примерно половина хранящихся в АВПРИ обзоров иностранной прессы имеет плохую сохранность и не выдается исследователям. Наибольшую ценность представляют относительно полные обзоры иностранной прессы 1724–1731 гг.

Обратимся к “курантам”, хранящимся в настоящее время вне ф. 155 РГАДА (и выделенного из этого собрания ф. 11 АВПРИ). Выше уже говорилось о “курантах” из РГАДА в фонде Приказные дела старых лет (Ф. 141.), куда обзоры иностранной прессы попали потому, что в начале его комплектования специального фонда для иностранных газет и их переводов еще не существовало. В некоторые фонды переводы иностранных газет попали случайно. Так, отдельные куранты оказались и в фонде Приказные дела новой разборки (Ф. 159)⁶⁰ и Монастырские дела (ф. 125)⁶¹. Некоторые листы курантов, оказавшиеся среди монастырских дел, имеют следы вторичного использования. Очень интересно ветхое дело из фонда Разряд XXVII – приказ Тайных дел⁶². Оно не входило первоначально в фонд, а было включено в него в XX в. Его составляют расклеенные столбцы, грубо сшитые, вероятно, в конце XVIII – начале XIX в. Листы дела сильно перепачканы органическим веществом серо-коричневого цвета (возможно, дело пострадало в 1812 г.). Оно включает статейный список о ходе переговоров, предшествовавших заключению Кардисского мира и другие документы по сношениям со Швецией 1661 г. Дело составлено из столбцов Посольского приказа и Приказа Тайных дел. Скорее всего, оно первоначально собиралось для ф. 96 (Сношения России со Швецией), но, вследствие

⁵⁹ Там же. Оп. 1. 1673 г. Ед. хр. 9.

⁶⁰ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 1490. 1682 г.

⁶¹ Там же. Ф. 125. Оп. 2. Ед. хр. 129, 368, 369.

⁶² Там же. Ф. 27. Оп. 1. Ед. хр. 621.

загрязнения органикой, так и не было своевременно включено в фонд. В нем отложились четыре комплекта курантов.

Куранты за 206 г. имеются в составе ф. 9. (Разряд IX – Кабинет Петра I)⁶³. Сюда они попали непосредственно во время формирования фонда и, скорее всего, действительно хранились среди бумаг Петра I. Отдельные переводы иностранной прессы встречаются и в составе фондов по связям России с различными странами⁶⁴, что, в большинстве случаев, отражает реальное хранение переводов вместе с другими дипломатическими документами или их включение в дипломатическую документацию.

В 1861 г. были опубликованы куранты из следственного дела царевича Алексея Петровича⁶⁵. В издание вошли 35 сообщений из амстердамских и гарлемских газет за 1716–1718 гг. Опубликованные в 1861 г. документы находились в деле, которое в настоящее время хранится в РГАДА, ф. 6 (Разряд VI), оп. 1. При знакомстве с описью их обнаружить не удалось. Вероятнее всего, они находятся внутри одного из дел.

Отдельный интерес представляют небольшие комплекты переводов иностранной прессы, оказавшиеся вне основных для курантов архивохранилищ. Относительно крупные комплексы подлинных переводов иностранной прессы за разные годы XVII в. отложились в Рукописном отделе БАН⁶⁶. Они появились здесь еще до начала 1840 г.⁶⁷ и, вероятнее всего, попали туда из МГАМИД в XIX в., когда “куранты” уже вошли в научную “моду”, а их описание еще не было закончено. В 1850-х годах Публичная библиотека приобрела часть обзоров голландских газет, которые составлял А.А. Матвеев во время своего пребывания в Гааге в качестве дипломатического представителя России⁶⁸. Они происходили из архива Посольского приказа или из личного архива А.А. Матвеева. В настоящее время точное местонахождение этих материалов неизвестно.

Три комплекта курантов имеются в Отделе письменных источников Государственного исторического музея в коллекции И.Е. Забелина. Наиболее ранние куранты составлены в 1655 г.⁶⁹ Другая сводка относится к 1665 г., но в описи она датирована концом XVII в. Однако, содержащиеся в ней известия о событиях англо-голландской войны позволяют скорректировать датировку⁷⁰. Третье дело с курантами представляет собой сводку 1697 г.⁷¹

⁶³ Там же. Ф. 9. Оп. 5. Ед. хр. 1. Ч. 2.

⁶⁴ Там же. Ф. 32. Ед. хр. 13 (1697); Ед. хр. 53. (1697); Ед. хр. 69 (1697). (Документы из данного фонда указаны А.Г. Гуськовым); Ф. 35. Стб. 147. (1641) (Документы из данного фонда указаны Т.А. Опаринной); Ф. 79. Оп. 1. Кн. 181. 1676 г. Л. 6 об., 10 об. (Документы из данного фонда указаны П.В. Седовым); Ф. 96. Оп. 1. 1660 г. Ед. хр. 1, 2. (Документы из данного фонда указаны Е.И. Кобзаревой.)

⁶⁵ Документы по делу царевича Алексея Петровича, вновь найденные Г.В. Есиповым: № XV. Выписки из иностранных курантов // ЧОИДР. 1861. Кн. III. С. 206–213.

⁶⁶ ОР БАН. 32.14.11; 32.14.12. См. также: Вести-Куранты: 1600–1639 гг. С. 15, 16; Берков П.Н. История русской журналистики XVIII в. М.; Л., 1952. С. 25; Хаустова И.С. Из истории лексики рукописных “Ведомостей” конца XVII века // Учен. зап. ЛГУ. 1956. № 198, вып. 24. С. 55.

⁶⁷ Роспись книгам и рукописям Российской академии. СПб., 1840. С. 155.

⁶⁸ Бычков А.Ф. Первые русские ведомости, печатавшиеся в Москве в 1703 г. СПб., 1855. С. 17.

⁶⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 2. Ед. хр. 26. Л. 22–33.

⁷⁰ Там же. Ед. хр. 15. Л. 38–40.

⁷¹ Там же. Ед. хр. 1. Л. 65.

Комплект 1655 г. опубликовал Забелин в 1880 г. вместе с “Переводом с голландских печатных курантов, каковы подал Иван Фансведен в нынешнем в 173 году июля в 20 день”⁷². Местонахождение этого перевода сейчас неизвестно. Следовательно, в распоряжении ученого имелись, как минимум, четыре комплекта переводов иностранной прессы за разные хронологические периоды. В ф. 155 РГАДА экземпляры этих переводов отсутствуют. Поскольку документы данного типа вне архива Посольского приказа встречаются крайне редко, а у Забелина оказалась целая подборка за разные десятилетия, можно не сомневаться, что хранящиеся в фонде Забелина материалы происходят из МГАМИД. В XIX в. другого источника, из которого можно было бы составить такую подборку, не существовало. Кроме того, в собрании Е.В. Барсова есть дело, озаглавленное “Документы Посольского приказа 1587–1678 гг.”⁷³. В нем обнаружен скорописный оригинал “Вестового письма из Палермы господарства Сицилийского Угорской земли подкоролю о двух старцах пророках, проповедывавших близость кончины Мира. 1660 г.”. Барсов издал его в “Чтениях в императорском Обществе истории и древностей российских”⁷⁴ и в книге “Новые материалы к истории старообрядчества XVII–XVIII веков, собранные Е.В. Барсовым, с предисловием”⁷⁵.

Иное происхождение имеют “Выписки из иностранных курантов” в копиях второй половины XIX в., находящиеся в коллекции Барсова среди “Документов следственного дела царевича Алексея Петровича”⁷⁶. В деле хранится подборка переводов статей о пребывании царевича Алексея в Европе. Всего 17 статей за 1716–1718 гг. из амстердамской и гарлемской газет. Их сравнение с указанной выше публикацией 1861 г. не оставляет сомнений в том, что мы имеем дело с частью рукописных копий, которые были сняты для издания.

Анализ материалов коллекций Барсова и Забелина показывает, что в XIX в. документы из МГАМИД изымались достаточно активно. Однако, на мой взгляд, это нельзя рассматривать просто как расхищение государственного имущества. Не следует забывать, что МГАМИД был закрытым ведомственным архивом. Обращение к его фондам было связано с серьезными трудностями, а иногда и просто невозможно. Между тем, не только в научном мире, но даже и в широких слоях образованного общества интерес к ним был очень велик. Ведь именно куранты, которые Петр I “приказал печатать”⁷⁷, были генетическими предшественниками первой русской газеты “Ведомости”. Даже М.Е. Салтыков-Щедрин в своем сатирическом произведении “Медведь на воеводстве”, описывая подвиги Топтыгина II, упоминает “казенный ручной станок, который лесные куранты тискал”. Барсов и Забелин не только использовали куранты в своей научной работе, но и публиковали их, сделав доступными широкому кругу исследователей.

⁷² Забелин И.Е. Куранты или вестовые письма 1655 и 1665 годов // ЧОИДР. 1880. Кн. II. С. 37–46.

⁷³ ОПИ ГИМ. Ф. 450. Ед. хр. 83. Л. 91, 91 а.

⁷⁴ ЧОИДР. 1884. Кн. 3. С. 13–14.

⁷⁵ Барсов Е.В. Новые материалы к истории старообрядчества XVII–XVIII веков, собранные Е.В. Барсовым, с предисловием. М., 1890. С. 156–157.

⁷⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 450. Ед. хр. 155а. Л. 174–176 об.

⁷⁷ Харламович К.В. “Ведомости Московского государства” 1702 года // ИОРЯС. Пг., 1918. Т. XXIII, кн. 1. С. 7; ПСЗ I. СПб., 1830. Т. 4. С. 201.

Имеются и другие случаи появления курантов вне основных хранилищ. Куранты, местонахождение которых на сегодняшний момент не известно, опубликованы М.П. Петровским и И.А. Шляпкиным⁷⁸. Мы не можем уверенно связывать все случаи появления курантов в частных руках с расхищением МГАМИД. Куранты покидали Посольский приказ и в более раннее время. К примеру, отдельные обзоры иностранной прессы посылались украинским гетманам. В челобитной старшин и всего войска Малороссийского об измене и о многом неистовстве Гетмана Ивана Самойловича (1687 г.) читаем: “А как прислана ведомость от великих государей в списках, из разных курантов писанных, что цесарские войска Будин город взяли у турков, а венециане многие города у турков же морем побрали, и тех писем не хотел и слушать, валяются нечтены, а то от него изходит, что неохочь слышать вестей о победе христианской над бусурманами”⁷⁹. В XVII в. копии курантов могли, в исключительно редких случаях, незаконно изготавливаться приказными служащими для частных лиц. К примеру, в одном из старообрядческих сборников мы находим указание, что его оригинал имеет приказное происхождение: “А сей лист на Москве в Посольском приказе. И тогда его чрез некоторых людей списали”⁸⁰. Пути проникновения переводов иностранной прессы за стены государственных приказов могли быть самыми неожиданными. К примеру, в одном случае такие документы оказались в руках стрельца, который получил их от знакомого подьячего вместе с драной бумагой для пыжей. Содержание сообщения заинтересовало стрельца. Текст был сохранен в качестве развлекательного чтения⁸¹.

Таким образом, отдельные списки курантов могли храниться и в частных архивах. С уверенностью говорить об изъятии материалов из МГАМИД можно только в тех случаях, когда у одного коллекционера оказывается целая подборка курантов, или же когда единичные куранты находятся среди других материалов Посольского приказа.

Копии переводов иностранной прессы за 1621–1643 гг., снятые в 1901–1902 гг. в МГАМИД делопроизводителем Н.В. Голицыным (940 л.) хранятся в архиве Петербургского института истории РАН⁸². Работа по копированию была проделана в связи с предполагавшимся изданием документов. Среди отобранных для публикации текстов были не только переводы иностранной прессы, но и другие документы с “вестями”. Однако проект так и не был осуществлен. Часть скопированных Голицыным материалов до нашего времени не сохранилась. Описи Голицына стали важным источни-

⁷⁸ *Петровский М.П.* Из “Курантов” первой половины XVII века // Изв. Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1911. Т. XXVII, вып. 4. С. 288–298; *Шляпкин И.А.* Библиографические разыскания в русских и заграничных библиотеках по славянорусской письменности. М., 1894. С. 7–9.

⁷⁹ *Ригельман О.И.* Літописна оповідь про Малу Росію та її народ і козаків узагалі. Київ, 1994. С. 483.

⁸⁰ ОР ГИМ. Собр. Уварова. Ед. хр. 1949 (627) (474). Л. 365, 365 об.

⁸¹ Московская деловая и бытовая письменность XVII века. М., 1968. № 18: Дело по извету иноземца Д. Рябицкого на О. Науменка в том, что он умышлял портить и уморить царицу Евдокию Лукьяновну. 18 марта 1642 г. – 20 мая 1643 г. С. 270. Первая публикация: *Зерцалов А.Н.* К материалам о ворожбе в Древней Руси: Сыскное дело 1642–1643 гг. о намерении испортить царицу Евдокию Лукьяновну. М., 1895.

⁸² СПб ИИ РАН, Ф. 276. Оп. 1. Ед. хр. 26.

ком по истории бытования иностранной прессы в России. Основной недостаток этой подборки заключается в том, что Голицын выделил переводы иностранной прессы из разных фондов РГАДА без какого-либо источниковедческого изучения материалов. В результате сформировался еще один искусственный комплекс документов, который впоследствии оказал значительное влияние на лингвистическую публикацию 1970-х годов.

В заключение следует сказать о копиях с переводов иностранной прессы, оказавшихся в составе рукописных сборников. Составленные в Посольском приказе переводы иностранной прессы не предназначались для распространения, однако их отдельные копии время от времени вопреки существовавшим нормам покидали приказной архив. В основном это были памфлеты или сообщения сенсационного характера (к примеру, о появлении в Европе двух старцев, в которых русский читатель легко узнавал Илью и Еноха, чей приход предвещал скорый конец света). Хотя за стены Посольского приказа выходило менее 1% переведенных текстов, в течение XVII – начала XVIII столетия в русскую книжную традицию вошло более десятка подобных переводов. Такие сборники встречаются в большинстве крупных хранилищ рукописных книг (БАН, ГИМ, РГАДА, РГБ, РНБ и др.). Эти переводы, хотя и связаны своим происхождением с обзорами иностранной прессы, по сути представляют уже совершенно другое культурное явление. Их копировали не в качестве новостей, а как “куриозное” чтение⁸³. Вошедшие в книжные сборники переводы следует рассматривать не как приказную документацию, а как литературное явление.

Таким образом, отложившиеся в ф. 155 РГАДА документы необходимо рассматривать как единое целое только при исследовании истории архивного дела в России. Любая другая постановка проблемы требует обращения к конкретным, исторически существовавшим в XVII–XVIII вв. комплексам.

Наибольшую ценность для изучения российской истории представляют куранты 1660-х–1690-х и 1720-х–1730-х годов. Они позволяют выявить сферы интересов и внешнеполитический кругозор российского правительства. К сожалению, для документов до 1676 г. сложно установить, какому кругу лиц они становились известны. С начала правления царя Федора Алексеевича “куранты” регулярно зачитывались не только царю и его окружению из ближней Думы, но и на заседаниях Боярской Думы. С этого времени можно с уверенностью утверждать, что обзоры иностранной

⁸³ *Алексеев М.П.* Англия и англичане в памятниках московской письменности XVI–XVII вв. // Учен. зап. ЛГУ. 1947. № 95. Сер. исторических наук. Вып. 15. С. 93–106; *Бобров А.Г.* Копенгагенский сборник середины XVII в. и его вероятный составитель псковский стрелец Димидка Воинов // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 463–476; *Каган М.Д.* Крючков Исидор // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3, ч. 2. С. 201, 202; *Лавров А.С.* Колдовство и религия в России 1700–1740 гг. М., 2000. С. 249–256; *Морозов Б.Н.* Архив торговых крестьян Шангиных // СА. 1980. № 2. С. 57–61; *Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. СПб., 1903. С. 240–250; *Уо Д.К.* История одной книги. СПб., 2003. С. 48–50, 294, 295; *Он же.* Текст о небесном знаменнии 1672 г.: (к истории европейских связей московской культуры последней трети XVII в.) // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 201–208; *Шамин С.М.* В ожидании конца света в России: (конец XVII – начало XVIII в.) // ВИ. 2002. № 6. С. 134–138; *Waugh D.C.* The Great Turkes Defiance: On the History of the Apocryphal Correspondence of Ottoman Sultan in its Muscovite and Russian Variants. Columbus (Ohio.), 1978. См. также другие работы по данной тематике.

прессы оказывали существенное влияние на формирование представлений о политической ситуации в Европе для всей политической элиты России. Без анализа этих документов любая обобщающая работа по внешней политике России последней четверти XVII в. будет неполной.

Куранты XVIII столетия в настоящее время изучены слабо. Появление постоянных дипломатических представительств за рубежом должно было снизить их значение как источника внешнеполитической информации. В это время актуализируется другая составляющая обзоров иностранной прессы – известия иностранных газет о России. Пометы на курантах позволяют утверждать, что в Коллегии иностранных дел внимательно следили за тем, какие материалы о России публиковали европейские журналисты. Ложные (или негативные) публикации опровергались.

Данная работа показывает непродуктивность “потребительского” отношения к материалам архивов, при котором исследователи используют документы, не интересуясь их происхождением. В случае с ф. 155 РГАДА это привело к “созданию” никогда не существовавшей в реальной жизни “рукописной газеты” XVII в. Эта “газета” получила название “Куранты” и прочно заняла место в словарях и учебных пособиях. Тиражирование данной историографической легенды мешало введению в научный оборот важных источников по истории внешней политики России XVII – первой трети XVIII столетий.

М.О. Мельцин

**ГЕНЕАЛОГИЯ В КОММЕНТАРИЯХ К МЕМУАРАМ
РУССКОГО ДВОРЯНСТВА КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX ВЕКА
(на примере подготовки к печати мемуаров кн. И.М. Долгорукова)**

Работа над подготовкой к печати мемуаров князя Ивана Михайловича Долгорукова (1764–1823) “Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим...”¹ вывела на ряд теоретических вопросов о построении генеалогического комментария к подобного рода мемуарам.

Сперва несколько слов об авторе. Князь И.М. Долгоруков – известный в свое время поэт, драматург и актер-любитель, служивший в 1791–1797 гг. пензенским вице-губернатором, а в 1801–1812 гг. владимирским губернатором. Он принадлежал к старшей линии князей Долгоруковых, среди которых были такие заметные в истории фигуры, как его прапрадед князь Григорий Федорович, видный дипломат петровской эпохи, двоюродный прапрадед князь Яков Федорович, легендарный председатель Сената и президент Ревизион-коллегии, прадед князь Алексей Григорьевич, бывший в 1728–1730 гг. членом Верховного тайного совета, а двоюродная бабка княжна Екатерина Алексеевна, невеста императора Петра II. Дед мемуариста, князь Иван Алексеевич, был фаворитом Петра II. Но внезапная смерть императора разрушила величие семейства. После неудачной попытки ограничения императорской власти, известной как “затейка верховников”, семейство было сослано в Березов, причем с Иваном Алексеевичем поехала его молодая жена Наталия Борисовна, урожденная графиня Шереметева, дочь прославленного фельдмаршала, приходившегося мемуаристу прадедом. В Березове в 1731 г. родился отец князя Ивана Михайловича – Михаил Иванович. В 1739 г. по новому доносу князь Иван Алексеевич был арестован, этапирован в Петербург и под пытками сознался в том, что участвовал в подготовке поддельного завещания Петра II, оставившего престол невесте, княжне Екатерине. И не просто участвовал, а лично подделал императорскую подпись. В результате осенью 1739 г. он с тремя дядями (двумя родными и одним двоюродным; отец его уже умер к этому моменту) были казнены. Овдовевшая княгиня Наталия Борисовна, которой из несметных богатств удалось вернуть жалкие крохи, вырастив сыновей, постриглась в Киевском Флоровском монастыре под именем Нектарии. Она умерла в 1771 г. Князь Иван Михайлович застал ее в живых, но общаться им довелось очень мало. В семье был культ казненного деда, которого князь видел борцом за свободу против тирании, и бабки, которую почитали чуть ли не за святую.

¹ Долгоруков И.М., кн. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим... / Изд. подгот. Н.В. Кузнецова, М.О. Мельцин; отв. ред. В.П. Степанов. СПб., 2004–2005. Т. 1–2. (Литературные памятники).

С юности князь Иван Михайлович ощутил склонность к литературным занятиям. Кроме стихов, пьес и путевых заметок, он оставил две книги мемуаров. Уделяя особое внимание мемуарному жанру, князь последовал примеру бабки, схимонахини Нектарии, написавшей одни из первых русских женских мемуаров². Одна из книг мемуаров князя И.М. Долгорукова – “Капище моего сердца” – неоднократно переиздавалась³ и довольно хорошо известна. Другая – “Повесть...” – впервые была опубликована целиком при моем участии в 2004–2005 гг. Следует отметить, что сочинения эти совсем разные. “Капище...” представляет собой 366 очерков о людях, занимающих то или иное место в жизни мемуариста. Оно писалось за относительно короткий промежуток времени – с декабря 1819 по октябрь 1820 года⁴. “Повесть...” же является летописью жизни автора, составлявшейся на протяжении 35 лет, начиная с 24-летнего возраста до смерти. Это – нечто среднее между мемуарами и дневником. По замыслу, князь собирался в начале каждого года описывать предыдущий год. Этот замысел не был вполне воплощен, случалось, автор забрасывал свое сочинение на годы, а потом, вернувшись к нему, восстанавливал пропущенный период. Но в любом случае “Повесть...” отражает эволюцию взглядов и оценок мемуариста, его восприятия тех или иных обстоятельств.

В данной статье рассматриваются проблемы построения генеалогического комментария, который, как представляется, совершенно необходим при издании дворянских мемуаров этого времени.

Не станет открытием утверждение, что мир русского дворянина в значительной степени конфигурировался родственными связями. Очень много в жизни человека определялось родством. Это требовало от дворянина хорошего знания генеалогии. Князь Долгоруков является ярким представителем дворянской культуры конца XVIII – начала XIX в. Его текст рассчитан на читателя, хорошо знакомого с системой родства внутри дворянства. Как правило, сообщая о факте родства, он не считает нужным конкретизировать степень родства и его характер. С тех пор социальный мир переменялся, и без знания скрытой информации об участниках событий некоторые эпизоды в мемуарах недостаточно ясны. Современный читатель для адекватного понимания текста нуждается в “переводе” смысла этого текста в том числе и с помощью генеалогии как научного инструмента. В этом состоит первая, наиболее очевидная, задача генеалогического комментария.

Вторая, менее очевидная и более проблемная, задача генеалогического комментария состоит в том, чтобы указать читателю на родственные связи, о которых мемуарист вообще не сообщил. Причем причины такого умолчания могут быть как в неведении (как будет показано ниже, в генеалогиче-

² Последнее издание: *Долгорукая Н.Б., кн. Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой дочери г. фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева / Подгот. текста, послесл., примеч. Е.В. Анисимова. СПб., 1992.*

³ Последние издания: *Долгоруков И.М., кн. Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни / Сост., ст., примеч. В.И. Коровина. М., 1997. 394 с. (Литературные памятники); Он же. Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни / Вступит. ст. Г.Д. Овчинникова; примеч. А.А. Ковзуна, Н.В. Фролова. Ковров, 1997. 576 с. В дальнейшем цитаты будут приводиться по московскому изданию.*

⁴ *Долгоруков И.М., кн. Повесть о рождении моем... Т. 2. С. 482, 484.*

ских познаниях князя И.М. Долгорукова имелись существенные пробелы), так и в нежелании сообщать о родственных связях, о которых мемуаристу прекрасно известно – но он не хочет, чтобы о них было известно читателю.

Князь Долгоруков вполне убежден в том, что большинство кадровых назначений, перемещений и отставок, награждений орденами и отказов в таких награждениях, результатов судебных разбирательств и многое другое определяется родством. Его любимая поговорка – “Свой своему поневоле друг”. В мемуарах она цитируется четырежды⁵ – только себя самого Долгоруков цитирует столь же часто.

Стоит отметить, что самые дальние родственные связи мемуарист считает существенными. Например, о владимирском помещике А.Ф. Кайсарове он пишет: “Некто Кайсаров, дворянин пожилой и богатый, а к тому же родственник светлейшего князя Лопухина...”⁶. Именно это родство, по мнению князя Долгорукова, стало причиной того, что его губернаторское представление о незаконном поведении Кайсарова закончилось предписанием, чтобы “я с моей стороны следствий не чинил”⁷. Генеалогический комментарий может сообщить читателю, что А.Ф. Кайсаров был пятиюродным братом светлейшего кн. П.В. Лопухина⁸ и позволит ему несколько иначе взглянуть на ситуацию. И надо сказать, что пятиюродное родство – не предел. Случается князю ссылаться и на шестиюродное: “княжна Волконская, посредством княгини Прозоровской, своей родственницы и ближайшей ко двору особы, выпросила меньшому сыну моему Алексаше пажеский чин. Мы нечаянно получили ему паспорт впредь до окончания наук. Таким образом, он мог жить при нас и уже числился в службе”⁹. Княгиня Прозоровская, оказавшая эту услугу – шестиюродная тетюшка княжны Волконской¹⁰. Не менее дальние родственные связи имеет в виду князь Долгоруков, когда пишет, что князь Александр Борисович Куракин “меня знал как молодого человека ему издалека роднею”¹¹. Князь А.Б. Куракин был семиюродным дедом князя И.М. Долгорукова и одновременно троюродным внуком Федора (Авраама) Авраамовича Лопухина, женатого на графине Вере Борисовне Шереметевой, сестре знаменитой схимонахини Нектарии и двоюродной бабке мемуариста¹². Трудно сказать, знал ли князь И.М. Долгоруков об

⁵ Там же. Т. 1. С. 305, 338; Т. 2. С. 178, 389.

⁶ Там же. Т. 2. С. 148.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 526 (примеч.). Автор благодарит Н.В. Фролова за это сведение.

⁹ Там же. Т. 1. С. 619.

¹⁰ Власьев Г.А. Потомство Рюрика: Материалы для составления родословий. СПб., 1907. Т. I: Князья Черниговские. Ч. 3: Князья Долгоруковы, Щербатовы, Тростенские, Волконские. С. 330, 334, 335, 347, 348, 363–364, 381–383, 398–400, 411–412, 427.

¹¹ Долгоруков И.М., кн. Повесть о рождении моем... Т. 1. С. 289.

¹² См.: Краевский Б.П. Лопухины в истории Отечества: К 1000-летию рода. М., 2001. (Россия забытая и неизвестная). С. 535, 536, 537, 539, 542, 548–549, 553, 560; Ювеналий [Войков И.Г.] Краткое историческое родословие благородных и знаменитых дворян Лопухиных во удовольствие сей знаменитой фамилии. М., 1796. С. 5, 7, 13, 15, 16, 21–22; Долгоруков П.В., кн. Российская родословная книга, издаваемая Князем Петром Долгоруковым. СПб., 1854. Ч. 1. С. 251, 252, 316, 317; Барсуков А.П. Родословие Шереметевых. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1904. С. 9–12. См. также: Мельцин М.О. Из опыта составления генеалогического комментария к запискам князя Ивана Михайловича Долгорукова // Изв. Русского генеалогического общества. СПб., 2006. Вып. 18. С. 34–35; Долгоруков И.М., кн. Повесть о рождении моем... Т. 1. С. 768 (примеч.).

обеих линиях этого родства или только о второй, но в любом случае это родство неблизкое. Однако комментатор оказывается перед нелегкой задачей: отразить объективную ситуацию с родством, конечно, можно и нужно, но хотелось бы понять, что именно имел в виду мемуарист, говоря о своем с Куракиным родстве. Знал ли он о том, что является семиюродным внуком князя Куракина и считал ли это родством? Или ссылаясь на свойство, все-таки несколько более близкое? Учитывая, что термины “родство” и “свойство” для князя взаимозаменяемы, однозначного ответа дать нельзя. Однако более вероятной представляется вторая версия, так как семиюродным внуком Куракина мемуарист приходится через свою прабабку княгиню Прасковью Юрьевну Долгорукову, урожденную княжну Хилкову, а свое родство по хилковской линии князь знал плохо.

Раскрытие родства, о котором сказано в тексте мемуаров, – только часть дела. Не менее важно указать в комментариях на родство, о котором мемуаристу, несомненно, известно, которое, бесспорно, влияет на социальные отношения, описанные в мемуарах, но о котором при этом мемуарист не упоминает.

Неоднократно цитируемый в мемуарах кн. И.М. Долгорукова поэт Н.П. Николев¹³ состоял с мемуаристом в близком свойстве: он женат на двоюродной тетке князя¹⁴. В мемуарах мы не найдем о том ни малейшего упоминания, хотя творчество Н.П. Николева князь, похоже, воспринимает вполне положительно. Объяснение кроется во внутривидовой вражде князей Долгоруковых: князь был внуком печально известного князя Ивана Алексеевича Долгорукова, фаворита Петра II, казненного при Анне Иоанновне. Согласно семейным преданиям, бытовавшим в семействе потомков казненного, в возобновлении следствия в отношении князя Ивана Алексеевича, закончившегося смертным приговором, был виноват его младший брат Александр Алексеевич. Поэтому с потомством князя Александра Алексеевича потомки казненного не поддерживали никаких связей: “Никогда между домами сих родственников наших и нашим не было никакой связи, а паче с семейством князя Александра Алексеевича. Мы удалялись даже площадного знакомства”¹⁵. Потомство князя Александра несет на себе “Каинову печать”, и, по мнению мемуариста, в нем не может быть ничего хорошего¹⁶. А Н.П. Николев был женат именно на его дочери. Князь предпочел проигнорировать факт родства, упоминая Николева лишь как поэта, лично ему постороннего.

Еще интереснее ситуация с другим поэтом – В.А. Жуковским. В написанных в конце жизни мемуарах “Капище моего сердца” князь посвящает

¹³ См., например: *Долгоруков И.М., кн. Повесть о рождении моем...* Т. 1. С. 313; Т. 2. С. 107.

¹⁴ *Власьев Г.А. Потомство Рюрика...* Т. I, ч. 3. С. 106; *Долгоруков П.В., кн. Российская родословная книга...* Ч. 1. С. 95.

¹⁵ *Долгоруков И.М., кн. Повесть о рождении моем...* Т. 1. С. 252.

¹⁶ По-видимому, попытка возобновить отношения только подтвердила это убеждение: по просьбе одной из дочерей князя Александра Алексеевича мемуарист, будучи владимирским губернатором, добился назначения на должность владимирского полицеймейстера ее побочного брата Павла Александровича Рукина. Полицеймейстер проворовался и был по суду сослан в Сибирь, а губернатор (мемуарист) потерял место. См.: *Долгоруков И.М., кн. Повесть о рождении моем...* Т. 1. С. 572; Т. 2. С. 183–250, 473–474; *Он же. Капище моего сердца...* С. 124, 237–238.

ему небольшой фрагмент: “Молодой пиит, заслуживший скоро и чуть ли не рано, знаменитую славу на российском Парнассе. Я его люблю, но большой приязнью его похвастаться не могу, потому что мало имел случая с ним обращаться и не было между нами свычки, а без нее нет и приязни. (...) Отношения мои с ним начались с моего юношества. Он числился канцелярским служителем в Соляной конторе, когда я служил в ней старшим членом, и был под моим начальством. Там я заметил его дарования, советовал ему их упражнять свободнее и исключительнее”¹⁷. В самом по себе этом сообщении много противоречий. Мемуарист почти на двадцать лет старше Жуковского, следовательно, начать отношения с ним со своей юности никак не мог – разве что качал колыбель будущего поэта. Службу в Соляной конторе он начал в 33 года, а Жуковский появился в ней еще позже – уже после 35-летия мемуариста. Слова о том, что, служа вместе с Жуковским, Долгоруков “мало имел случая с ним обращаться”, тоже вызывают недоумение. Зато бросается в глаза “я его люблю” в сочетании с утверждением, что славу свою Жуковский заслужил “скоро и чуть ли не рано” – т.е. с явным выражением сомнения в заслуженности этой славы. Стоит ли удивляться, что большой приязни со стороны Жуковского мемуарист не ощущает? Но это не мешает ему заявить себя чуть ли не наставником ныне знаменитого поэта.

Весьма примечателен тот факт, что в “Повести...”, рассказывая о службе в Соляной конторе, кн. И.М. Долгоруков вообще не упомянул Жуковского, да и в дальнейшем тот упоминается лишь один раз – в 1818 г., причем вскользь и полупрезрительно: “Жуковский, модный стихотворец двора и Петербурга”¹⁸. Объяснение такому невниманию лежит в родственных связях: Жуковский, как известно, незаконный сын А.И. Бунина. Законная дочь этого Бунина была замужем за Н.И. Вельяминовым, также служившим в Главной Соляной конторе. Он и пристроил туда молодого шурина. Долгоруков с Вельяминовым сильно не ладил. Представляя его читателю, он пишет: “Этот человек, промотавши всю казенную тамошнюю (Тульскую. – М.М.) палату, был во время Екатерины отставлен с таким замечанием, чтобы никогда не вступить в службу. Но чего не делает случай и подпора знатных господ? Все сии замечания были забыты, изглажены, и он получил новое место, никаких не имея способностей, ни ума”¹⁹. В другом месте Долгоруков пишет, что Вельяминов действовал, “не имея никакого понятия ни о службе вообще, ни о соляном деле частно”²⁰. Сами по себе такие характеристики свидетельствуют о вражде между двумя чиновниками, и князь этой вражды не скрывает. А Жуковский воспринимался им, вполне обоснованно, как протезе Вельяминова. Комментарий мог бы кое-что прояснить для читателя в этих отношениях, проблема лишь в том, что Жуковский на страницах, посвященных Соляной конторе, как говорилось выше, вообще не упоминается. Непонятно, где разместить ссылку на такой комментарий – “комментарий к ненаписанному”.

Это вообще довольно серьезная проблема: комментировать можно только то, что есть в тексте. Как и где прокомментировать то, чего в тексте

¹⁷ Долгоруков И.М., кн. Капище моего сердца... С. 113.

¹⁸ Долгоруков И.М., кн. Повесть о рождении моем... Т. 2. С. 472.

¹⁹ Там же. Т. 1. С. 515.

²⁰ Там же. С. 533.

вообще нет? А в некоторых случаях мемуары князя Долгорукова в таком комментарии очень нуждаются. Например, в мемуарах ни разу не упоминается княгиня Елена Алексеевна Долгорукова, родная сестра казненного деда мемуариста. После возвращения из опалы она вышла замуж за князя Юрия Юрьевича Долгорукова из другой ветви этого рода. Выше уже говорилось, что с братьями и сестрами деда у отца мемуариста, а, значит, и у него самого, отношения были как минимум прохладные. Хотя при этом Елена Алексеевна – единственная из них, кто не упоминается в мемуарах вообще – ни много, ни мало, ни хорошо, ни плохо – вообще никак. И это вдвойне странно еще и потому, что прожила она очень долгую жизнь и умерла только в 1799 г., причем последние годы жила в Москве. Мемуарист необычайно трепетно относится к образу своего казненного деда, всячески холит его и лелеет. Среди его современников живет и здравствует родная сестра этого самого деда – фактически, единственный человек, знавший его деда лично и могущий о нем рассказать. Бабушка мемуариста умерла, когда тому было восемь лет, а общались они в последний раз тогда, когда тот еще и вовсе не был в сознательном возрасте. Отцу мемуариста самому было восемь лет, когда он в последний раз видел своего отца – что он мог рассказать? С большим энтузиазмом пишет мемуарист о знакомстве с сыном коменданта крепости Березова, охранявшего его родителей²¹. Но сын сам тогда был ребенком (если вообще был). Дед для мемуариста – почти мифологическая, ирреальная фигура. А тут живет человек, знавший его весьма близко, общавшийся с ним взрослым – казалось бы, элементарная любознательность должна побудить нанести двоюродной бабке визит и порасспросить ее. Возможно, против был отец. Но он умер в 1794 г., после его смерти у мемуариста было еще пять лет. Начиная с 1797 г. он жил в Москве – визиту к престарелой родственнице не мешали, кажется, никакие обстоятельства. Но этот визит так и не состоялся. А может быть, все-таки состоялся, но услышанное от двоюродной бабки князю не понравилось, и он решил сделать вид, что ничего не слышал. Во всяком случае, в мемуарах не упоминается не то что об общении с бабкой – о самом ее существовании.

Это примечательнейшее обстоятельство, немаловажное для источниковедческого анализа мемуаров, для понимания того, как князь Долгоруков конструирует реальность, по-видимому, необходимо отразить в комментариях. Но как? В тексте нет ни одной фразы, к которой можно было бы поставить подобный комментарий. Практика комментирования отдельных конкретных выражений не оставляет места для сообщения о том, что в мемуарах не отражено. Возможно, об этом можно было сказать в заключительной статье. Но общий подход к комментированию мемуаров – комментировать то, что в них написано, а не то, что в них не написано. В принципе против этого трудно возразить. Но иногда умолчание о чем-либо не менее красноречиво, чем упоминание. Как, например, в данном случае.

Вот еще пример красноречивого умолчания, хотя здесь комментарий разместить проще. Когда мемуарист описывает свою вторую женитьбу, то сообщает, что в постепенном нарастании склонности к вдове Агриппине Алексеевне Пожарской (урожденной Безобразовой) существенную роль

²¹ См.: Долгоруков И.М., кн. Повесть о рождении моем... Т. 2. С. 135–136; Он же. Капище моего сердца... С. 228.

сыграли дни, проведенные вместе во время свадьбы одного из ее братьев с Прокудиной²². Фамилия “Прокудин” (правда, в мужском роде) встречалась в мемуарах и раньше: когда Долгоруков служил вице-губернатором в Пензе, директором Экономии там поначалу был Неофит Иванович Прокудин, которого он характеризует так: “человек самых развращенных правил, лукав, бесчестен, льстив, жаден к прибыткам, ума наглого, ленив делать дело, пронырлив с начальниками, груб и самовластен с подчиненными, словом, детина удалой в черноте порока”²³. Общался Долгоруков и с братом Прокудина Петром, директором Экономии Нижегородской губернии, о котором пишет не лучше: “довольно сказать, что он, откровенно шутя с своими приятелями на собственный свой счет, называл себя шельмою, он так и слыл, таков и был в самом деле”²⁴. Прасковья Михайловна Прокудина, на которой женился Безобразов, – родная племянница двух названных Прокудиных²⁵. Но в мемуарах Долгорукова нельзя найти даже намека на это. Читатель может подумать, что совпадение фамилий случайно, а при не очень вьедливом чтении может вообще ничего не подумать, благо упоминания дядей и племянницы разделены пятнадцатью годами жизни и четырьмястами страницами текста. О том, что, вступая в свой второй брак, князь входил в довольно близкое свойство со столь ужасными Прокудинами, он в мемуарах умолчал.

В комментировании возникает еще одна проблема. Среди многочисленных умолчаний, в том числе и о родственных связях, есть не только сознательные, о которых говорилось выше, но и вызванные простой неосведомленностью. Познания даже в собственной генеалогии у князя И.М. Долгорукова были велики, но не безграничны. Вот пример.

Князь И.М. Долгоруков пишет в своей “Повести...”: “От Баташева Касимов верст пятнадцать, не больше. Уездный город Рязанской губернии. Там некогда жила царица, но ныне потомки их шальями торгуют и разносят их по дворам в Москве пешком. Я вспомнил, что один из предков моих был женат на дочери касимовского царя, отменно богатого человека, от которого даже в род наш поступило село Волыньское. Это меня давно позывало в ту сторону, и я, наконец, попал в Касимов. Город невелик и не прекрасный. По счастью, нашел я тут одного зажиточного татарина, который исторически со мной сошелся и удостоверил меня, что он того рода, с которым наш был по женскому колену в свойстве. Он меня поил славным чаем, познакомил с прекрасною своею женою, казал мне мечеть их, о которой я до того времени не имел никакого понятия. (...) При самой этой мечети есть кладбище с особой палаткой, в которой хоронили царский род. Она вросла в землю. Никто уже в ней не погребается от давнейших времен. Стены ее обросли мхом, крыша оделась дерном, и густая роща раскинула ветви свои вокруг сего жилища мертвых. Тут нашел я гробницу каменную с полустертою надписью, но в которой я разобрал имя той, кого искал. Это был действительно мавзолей не пышный, но огромностью заметный, той музльманки, на которой женат был предок мой князь Долгорукий. Имя ее выставлено – Султан Фатьма. Я до земли поклонился ей и благодарил небо,

²² См.: Долгоруков И.М., кн. Повесть о рождении моем... Т.1. С. 703.

²³ Там же. С. 282.

²⁴ Там же. С. 270.

²⁵ Фролов Н.В. Владимирский родословец. Ковров, 1996. Вып. I. С. 110–111.

что видел сию могилу. Все старинное нас занимает, это в природе человека. Со временем, может быть, праправнуки таких людей станут искать и моих сухих костей, коих деды и прадеды, живучи в одно время со мной, не спросят про меня в десять лет одного раза, куда я девался. Так вертится колесо суетного нашего мира. При сем зрелище родилось новое любопытство. Отчего она, быв княгиня Долгорукова, погребена в музольманском кладбище в Касимове? Ужели, идучи замуж за христианина, не отреклась магометанского служения? Как допущен знатной фамилии человек жениться на татарке? Все эти недоумения остались тогда, а по-видимому, и навсегда, без развязки. Летописей фамильных нет. Это не во вкусе нашего народа. Всякий поживет и умирает, не оставляя на письме своих происшествий. Итак, никто ни о ком ничего не знает. Думать должно, что сан царский, а более того деньги, алмазы, жемчуги все препятства расторгли и допустили быть такому чудному браку. Пусть бы в наши дни, пусть бы и в то время князь Долгоруков попробовал жениться на бедной турчанке, сколько бы голосов восшумели. В Москве из угла в угол все бы тетушки и бабушки потащились, чтобы помешать пылкому движению страсти, впрочем, очень невинной. Но где деньги действуют, где богатство выложит свои прелести, там все прекрасно, благоразумно, позволительно. Не худо быть хоть болваном, да золотым, – все удается”²⁶.

В действительности ни один из князей Долгоруковых не был женат на касимовской царевне²⁷. Но в том, что среди его предков была касимовская княжна, мемуарист прав. Его прабабушка, княгиня Прасковья Юрьевна Долгорукова, супруга князя Алексея Григорьевича, была урожденной княжной Хилковой. А вот ее мать и была внучкой царя Касимовского. Разумеется, она была крещеной, или с рождения, или с раннего детства (год ее рождения неизвестен, но ее дочь Прасковья родилась в 1682 году, а ее отец крестился между 1653 и 1655 гг.). Звалась она не Султан-Фатьмой, а Домной Васильевной²⁸. Ее дочь княгиня Прасковья Юрьевна Долгорукова действительно получила село Волынское от своего дяди Ивана Васильевича, царевича Касимовского, а затем оно досталось ее потомкам. Не вполне понятно, что за могилу видел мемуарист на кладбище у мечети. Фамилии “Долгорукова” на ней быть не могло. Текст на татарском языке (как и на арабском) князь сам прочитать не мог. Остается предположить, что татарин-“родственник” “любезно перевел” путешественнику то, что он желал найти. Кстати, и Султан-Фатьма (точнее, Фатима-султан) среди предков мемуариста была: так звали бабушку помянутой Домны Васильевны. Но предположение, что именно ее могилу видел князь Иван Михайлович, не согласуется с указанием, что он видел это надгробие в палатке возле мечети. На касимовском кладбище существовала только одна палатка, и Фатима-султан в ней погребена точно не была²⁹.

Данный пример весьма приблизительных представлений князя о своем родстве касается далекого прошлого и не имеет практического значения.

²⁶ Долгоруков И.М., кн. Повесть о рождении моем... Т. 2. С. 114–115.

²⁷ См., например: Власьев Г.А. Потомство Рюрика... С. 3–207.

²⁸ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. [Ч. 3] // Тр. Восточного отделения Археологического общества... СПб., 1866. Ч. 11. С. 183, 413, 418, 502. См. также: Власьев Г.А. Потомство Рюрика... С. 56–57.

²⁹ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. С. 500–501.

Путаница с тем, по какой линии княжна Касимовская приходилась мемуаристу прапрабабкой и какой она была веры, ни на что не влияет и на жизни никак не сказывается. Но есть примеры, когда князь демонстрирует неосведомленность в гораздо более важных родственных отношениях.

О патриархе рода генерал-аншефе князе Юрии Владимировиче Долгорукове князь Иван Михайлович пишет: “Князь Юрий Владимирович (...) во многих случаях оказывал ко мне участие прямо родственное, не быв... в родстве со мной”³⁰. Действительно, по долгоруковской линии князь Юрий Владимирович приходился мемуаристу девятиюродным дядей – их ближайшим общим предком был первый князь Долгоруков. Это трудно назвать родством. Но по другой линии князь Юрий Владимирович – всего лишь шестиюродный дед мемуариста³¹. Мать Юрия Владимировича княгиня Елена Васильевна, урожденная княжна Хилкова, приходилась четверюродной сестрой княгине Прасковье Юрьевне Долгоруковой, урожденной княжне Хилковой, прабабке Ивана Михайловича. Шестиюродное родство князь за родство признавал. Похоже, что об этой родственной связи по хилковской линии он просто не знал.

Это подтверждается и еще одним обстоятельством. Вот что пишет князь Долгоруков о Николае Ивановиче Салтыкове: “...человек пожилых лет, тонкий царедворец, ума самого изгибистого, совести езуитской, а чтоб в коротком слове схватить весь его портрет – эгоист! (...) Он жил во дворце и был женат на княжне Долгоруковой. Кто не слыхал о проказливой, но умной и твердой женщине Наталье Владимировне. Она любила всех тех, кои были ее роду, и потому очень приласкала меня...”³². Наталия Владимировна Салтыкова – родная сестра князя Юрия Владимировича Долгорукова. Мемуарист говорит о себе как о ее однородце, не упоминая даже дальнего родства. В то же время покровительство со стороны Н.И. Салтыкова (которым он вечно недоволен, считая его неискренним и недостаточным³³) относит исключительно на счет его супруги. А между тем Н.И. Салтыков – пятиюродный дядя князя И.М. Долгорукова: они оба являются потомками Семена Аникиевича Строганова³⁴. Об этом родстве мемуарист, похоже, тоже не ведает. Не только хилковская линия от прабабки, но и строгановская, от матери, известна ему лишь до некоторой степени.

В последних примерах речь идет о родстве с могущественными и богатыми вельможами – родстве, которым не пренебрегают. Князь всеми силами пытается использовать факт однородства с одним из них и с женой другого, чтобы получить хоть какую-то протекцию. Но факт пусть дальнего, но родства с ними ему неизвестен. Слабое знакомство с хилковской линией в своем родстве заставляет предположить, что и о прямом (хотя и очень дальнем – семиюродном) своем родстве с князем А.Б. Куракиным мемуа-

³⁰ Долгоруков И.М., кн. Капище моего сердца... С. 118.

³¹ См., например: Долгоруков П.В., кн. Российская родословная книга... Ч. 1. С. 90, 91, 93, 94, 96, 98, 251, 252.

³² Долгоруков И.М., кн. Повесть о рождении моем... Т. 1. С. 94–95.

³³ См., например: Долгоруков И.М., кн. Капище моего сердца... С. 239–240; Он же. Повесть о рождении моем... Т. 1. С. 94–95, 113–114, 141–142, 178, 259, 338, 434, 540; Т. 2. С. 68, 72, 73, 76, 193, 228, 242, 243.

³⁴ См.: Именитые люди, бароны и графы Строгановы / авт.-сост. А.Н. Онучин. 2-е изд., испр. и доп. Пермь, 1996. (Б-ка “Уральское дворянство”). С. 10, 14, 15, 18, 19, 21–23, 26, 29–30.

рист не знает, а называет его дальним родственником, имея в виду свойство по шереметевской линии.

Перед комментатором дворянских мемуаров в плане генеалогического комментария стоит несколько последовательных задач: во-первых, необходимо установить реальные родственные связи между персонажами мемуаров, порой весьма дальние. Во-вторых, нужно сопоставить эту реальность с тем, что пишет о ней мемуарист. В-третьих, нужно интерпретировать обнаруженные расхождения: родственные связи могут быть неадекватно или неполно отражены потому, что автор мемуаров не придает этому значения, потому, что он намеренно утаивает некоторые обстоятельства или потому, что он просто не знает многих деталей. Без подобного анализа многое в мемуарах будет понято неправильно или информация, извлекаемая читателем, окажется ущербной.

От публикатора и комментатора мемуаров требуются познания в генеалогии, превосходящие познания мемуариста, навыки генеалогического поиска, позволяющие выявить степень соответствия реальности того, что написано в мемуарах, и умение правильно интерпретировать полученную информацию. Это непросто, и в ряде публикаций генеалогическому комментарию не уделяется достаточного внимания. Между тем, наряду с другим реальным комментарием, генеалогический комментарий при публикации дворянских мемуаров конца XVIII – начала XIX в. (а, возможно, и более позднего периода) совершенно необходим.

Конечно, многое зависит от личности и пристрастий мемуариста: нам известны и насквозь “пронизанные” генеалогией “Рассказы бабушки”³⁵, и вообще абстрагированные от бытовых обстоятельств мемуары И.В. Лопухина³⁶. Мемуары князя И.М. Долгорукова занимают в этом отношении “срединное” положение. Вопрос, что из этого более, а что менее характерно для дворянских мемуаров этого периода, требует комплексного исследования всего массива источников этого типа.

³⁵ Рассказы бабушки [Е.П. Яньковой] из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово / Изд. подгот. Т.И. Орнатская. Л., 1989. 472 с. (Литературные памятники).

³⁶ Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А.И. Герцена и Н.П. Огарева: Записки сенатора И.В. Лопухина. М., 1990. 224 с. Репринт.

КОЛЛЕКЦИЯ ВОДЯНЫХ ЗНАКОВ С.Ф. ВЫНДОМСКОГО¹

Обнаружение рассматриваемой коллекции связано с активной деятельностью в области истории бумаги и организацией конференций по ее комплексному изучению в Санкт-Петербургском государственном технологическом университете растительных полимеров. Во время первой международной конференции 2003 г. в ОР РНБ экспонировалась выставка коллекций водяных знаков (ВЗ, филиграней) первой половины XIX в. в России, при подготовке которой Е.А. Пережогина и выявила коллекцию ВЗ С.Ф. Вындомского². Она любезно предложила ознакомиться с ее содержанием Ю.В. Андрияшайтите, что удалось сделать в 2004 г. Далее представлены первые результаты совместной работы.

Сергей Федорович Вындомский (10 октября 1768, Петербург – 1846 ?) – последний мужской представитель 300-летнего дворянского рода в России. Точная дата его смерти неизвестна. В Энциклопедическом словаре (ЭС) Брокгауза и Ефрона, в статье о роде Вындомских С.Ф. не упомянут, как и в перепечатке биографий изданием “Русский биографический словарь”. В 20 т. (М., 1999. Т. 4). В Новом ЭС (1911–1916. Т. 12. С. 49) указано, что род угас в 1846 г. Генеалог Н.Н. Кашкин, изучивший историю этого рода, установил позднейшую запись С.Ф. “7 октября 1846 г.”, а дату смерти предположил “после 1846 г.” (*Кашкин Н.Н.* Родословные разведки. СПб., 1912. Т. 1. С. 93, 95, 128). В.П. Старк (Портреты и лица. СПб., 1995. С. 98) назвал 1846 г. В исследованных нами материалах самая поздняя запись С.Ф. – 23 мая 1846 г. (ОР РНБ. ОСРК. Q.IV. 484/2. Л. 40, 56). Кашкин отметил, что данные о последних Вындомских “особенно неполны потому, что архив давно упраздненного Олонецкого дворянского собрания, некогда сваленный на чердаке Губернского правления, пропал бесследно, а в родословную книгу Вындомские были записаны, вероятно, там” (Родословные разведки... Т. 1. С. 96).

¹ В основе статьи – доклад на конференции памяти известного лингвиста Л.П. Жуковской 19–20 мая 2005 г. в Москве, в РГБ. Менее всего на ней освещался вклад ученого в развитие филиграноведения (только в сообщениях академика РАО С.О. Шмидта и д-ра. ист. наук И.В. Левочкина). Наши дополнения касались передовой позиции Л.П. Жуковской относительно термина “филигрань” в ее статье “О значении исследования понтюзо и вержеро и некоторых других вопросах филиграноведения” (АЕ за 1981 год. М., 1982) и представленного ею доклада «О необходимости филигранологического анализа рукописей при изучении так называемого “второго южнославянского влияния”» для первого Всесоюзного совещания филиграноведов в Москве (1987) (Филигранологические исследования: Теория, методика, практика. Л., 1990). Данью уважения к филигранологическим занятиям Л.П. Жуковской являются излагаемые ниже материалы доклада, переработанные и дополненные в этой статье. О докладах конференции см. обзоры А.М. Камчатнова (Древняя Русь: вопросы медиевистики. М., 2005. № 4), М.С. Крутовой (АЕ за 2005 год. М., 2007).

² См. об этом: *Балаченкова А. П.* Международная конференция “Санкт-Петербург – столица Российской бумаги” // АЕ за 2003 год. М., 2004. С. 396.

Сергей Федорович – современник автора первой отечественной книги о филигранях Ивана Петровича Лаптева (1774–1838), но прожил дольше него. Рано потеряв родителей, Сергей, как свидетельствуют его записи, не получил серьезного образования, плохо владел основами грамматики, стилем изложения. Послужив в лейб-гвардии Преображенском полку, рано вышел в отставку в чине прапорщика, после чего жил в Петербурге, по Госпитальной улице, в собственном доме, № 28 (Рождественская часть, 3 квартал, № 368. Лаптев – в Московской части)³ и в унаследованной от отца доле имения, в с. Деревя Крестецкого уезда и др. Новгородской губернии. Остальную часть жизни он, по семейной традиции, посвятил изучению древностей. Научился читать старинные рукописи, различать почерки, был знаком с работами ученых П.М. Строева и К.Ф. Калайдовича, с изданиями Общества истории и древностей российских, в 1844 г. встречался с Я.И. Беренниковым. Об этом знали исследователи XIX – начала XX в.⁴ Первая специальная статья о нем принадлежит Е.А. Пережогойной⁵, которая в ряде вопросов дополняет исследование Н.Н. Кашкина.

Занятия древностями С.Ф. Вындомского кратко можно охарактеризовать так: а) разбор и пополнение семейного архива, на основе которого он изучал и составлял генеалогию своего рода, а также некоторых других; б) собиранье (начал не позднее 1807 г.) и изучение древних рукописей (покупка, копирование – не менее 114, кстати, в общую нумерацию он включал и свои сочинения) и книг (не менее 792); в) выявление водяных знаков бумаги, формирование их коллекции и указателя. Однако последний вопрос до статьи Е.А. Пережогойной в литературе не освещался. Известно только одно примечание Д.И. Прозоровского в его “Описи...” к рукописи № 14: «Рукопись обернута в поллист писчей бумаги, на которой нарисован знак, видимый в бумажной рукописи, и написано рукою помещика С. Вындомского: “Оная рукопись принадлежала предкам моим, Вындомским. Год не известен, но по знаку в бумаге надо полагать, что времен царя Иоанна Грозного. И мне мнится, что почерк руки прапрапрадеда (так в тексте. – Ю.А., Е.П.) моего Андрея Афанасиевича Вындомского”»⁶.

³ *Нистрем Карл*. Книга адресов С. Петербурга на 1837 год. СПб., 1837. С. 486; Атлас тринадцати частей С. Петербурга / Сост. Цылов. СПб., 1849. С. 176.

⁴ См.: *Кашкин Н.Н.* Род Вындомских // Кашкин Н.Н. Родословные разведки. СПб., 1912. Т. 1. С. 26–145. Впервые его статья была издана в сб.: “Старина и новизна”. СПб., 1909. Кн. 13; *Прозоровский Д.И.* Опись древних рукописей, хранящихся в Музее Императорского Русского Археологического общества. СПб., 1879. Акты рода Вындомских. № 146 – 268. Воспроизведены записи С.Ф. Вындомского к ним; *Иконников В.С.* Опыт русской историографии. Киев, 1892. Т. 1, кн. 2. С. 1009.

⁵ *Пережогойная Е.А.* Сергей Федорович Вындомский – “любитель сердечный старины” // История в рукописях и рукописи в истории. СПб., 2006. С. 165–185. См. также: *Андрушайтите Ю.В.* Новые данные о коллекционерах филиграней в России первой половины XIX в. // Вспомогательные исторические дисциплины: классическое наследие и новые направления: материалы XVIII научной конференции. Москва, 26–28 января 2006 г. М., 2006. С. 126–129. Документы о роде Вындомских содержат печатные описания разных архивов. Б.Н. Морозов, отметив зарождение чисто исторического интереса у владельцев древних родовых документов, среди их описаний XVIII–XIX вв. назвал архив Вындомских и Сергея Федоровича (Частные архивы XVII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984. С. 12). К сожалению, выявленные им документы не опубликованы.

⁶ *Прозоровский Д.И.* Опись древних рукописей... С. 34. Рукопись номер 14, а так же 11, 12, 46 – в СРБИИ РАН. Некоторые рукописи, описанные Прозоровским, ныне находятся в ОР РНБ (см.: *Пережогойная Е.А.* Сергей Федорович Вындомский... С. 169).

Коллекция филиграней С.Ф. Вындомского находится в папке с его материалами в ОР РНБ, по описи: ОСРК. Q. IV. 484/1. 48 л., “Дипломатика старинная”; 484/2. 66 л. “Дипломатическая старина” Первая половина XIX в. Они написаны разными почерками и ВЗ нарисованы по-разному. Так что, прежде всего нужно выяснить, кто принимал участие в работе, кроме Вындомского, и какова его роль в ней. Это сделано путем сравнения вариантов списков ВЗ и их источников, записей на них и элементов ВЗ бумаги (полных водяных знаков не установлено, так как они плохо просматриваются в шиве).

Под шифром 484/1 имеются 4 тетради (архивная валовая нумерация листов): в первых двух находятся рисунки филиграней (во второй тетради еще и список источников 151 ВЗ), в последних двух – только списки источников. Ключ к установлению их авторства дает запись С.Ф. Вындомского 1837 г. на л. 38, в начале четвертой тетради: “Сия вся тетрадоцька, писанная рукою уже покойнаго Ефима Савича Петрова для меня, им выбранное из рисунков, собираемых много лет из Новгородской библиотеки Софеиской тоже покойным ныне скончавшимся 1837 года в Нове Городе Матфеем Ивановичем Столяровым. И все сии рисунки остались у меня”⁷. (Здесь и далее сохраняются особенности оригинала текста, но с современной пунктуацией, так как С.Ф. ставил только точку с длинным тире в конце предложения, да и то не всегда, и двоеточие как знак сокращения слов). Таким образом, список источников водяных знаков в четвертой тетради, поделенный на два отделения, составлен Е.С. Петровым, комиссионером графа Ф.А. Толстого, известным петербургским коллекционером монет, рукописей, книг и, как было установлено Ю.В. Андрияшайтите, филиграней⁸.

Авторство списка источников ВЗ во второй тетради, написанного каллиграфическим почерком, определить не удалось. По содержанию граф (нумерация рисунков, даты от сотворения мира, названия источников и формат рукописей) он в основном совпадает со списком Петрова, однако число ВЗ меньше и нумерация их валовая, без разбивки на отделения. Можно предположить, что этот неполный список был составлен по поручению Столярова или Вындомского, но раньше списка Петрова.

Список источников ВЗ в третьей тетради, включает всего 69 номеров, написан почерком Вындомского, а по содержанию граф совпадает со списком Петрова, т.е. переписывался с него, но не закончен. При сопоставлении всех списков оказалось, что в них, несмотря на указанные различия, фигурируют одни и те же номера (с отдельными изменениями) и источники водяных знаков.

Безусловно, пользоваться при анализе коллекции нужно более полным списком Петрова. Он содержит 234 номера ВЗ, даты источников не только от сотворения мира, но и от Рождества Христова, обозначение формата рукописи, а также поделен на “Отделение 1-е дипломатики” и “Отделение 2-е дипломатики” (эти названия неоднократно встречаются в записях Вындомского в первой и второй тетрадях). Во второй тетради, на л. 25 есть запись Вындомского: “Кажется, что сим заключено, заключается описание покой-

⁷ Впервые опубликовано в указанной статье Пережогинной. Далее ссылки на тетради и листы дела даны в тексте.

⁸ См.: *Андрияшайтите Ю.В.* И.П. Лаптев: У истоков отечественного филиграноведения. М., 2001. С. 49, 141, 203, 207, 211, 247.

ным Столяровым первого его отделения”. Можно считать, что такое разделение было намечено Столяровым и воспринято Петровым и Вындомским при составлении указателя филиграней “Дипломатики старинной”, но принцип деления неясен, скорее всего, оно отражает две группы источников, образовавшихся по мере выявления ВЗ. Если бы такой указатель был завершен и опубликован, то перечнем источников филиграней он выгодно отличался бы от указателя в книге И.П. Лаптева.

Анализ рисунков ВЗ, записей к ним и, в отдельных случаях, элементов ВЗ бумаги позволяет сделать вывод, что *первая тетрадь 484/1* составлена С.Ф. Вындомским как начало его работы над указателем филиграней. Обложка любовно раскрашена в розовый цвет, а сверху и внизу с украшениями даны названия “Дипломатика” и “Дипломатика старинная”. Бумага тетради из массы грубого размола, сетка просматривается с трудом, как и элементы ВЗ в месте сшива. В тетради, поделенной на два отделения, 57 пронумерованных рисунков ВЗ (чернилами) с 1392 по 1541 г. (есть сравнение с ВЗ 1582 г. и 1598 г.), даты от Сотворения мира и от Рождества Христова, а также названия источников даны почерком С.Ф. с его примечаниями, указан и формат рукописи. Например, к № 18–20 (“крест” и две “голова быка” с цветком и змеей на шесте)⁹ из Сборника 1474 г.: “Надо полагать, что в лист – ибо не сказано – у Столярова” (Л. 5). У рисунков № 24, 25 (из Триоди цветной 1492 г. 4°), повторенных им дважды в конце 1-го отделения и в начале 2-го: “Кажется, я ошибса, сии фигуры вдвойне” (Л. 6). Во втором случае (Л. 7, на поле справа) Вындомский поместил знак “голова быка” со звездой и написал: “А сия фигура особо мною снята, ибо она похожа очина на № 24 здесь, ибо в оной и год означен, а в оной нету. Се рукописи графа Толстова. Сей знак в бумаге Летописец Рус. Зри сию фигуру в Софийском Временнике Павла Мих:[айловича] Строева”. Кроме того, Вындомский на л. 7 об. добавил еще три рисунка: две разновидности ВЗ “гроздь винограда” в растительном обрамлении и одну – “петух”, отослав к той же рукописи собрания Толстого и книге Строева, и повторил: “в оной без году”.

Как известно, Строев в своей публикации “Софийский временник, или Русская летопись с 862 по 1534 г.” (М., 1820. Ч. I. С. 21) отметил, что “Летописец Русьскыя земли”, “Несторова летопись с продолжателями”, в лист, “писана, кажется в начале XVI в.”¹⁰, и сопровождал ее изображениями указанных филиграней. Сергей Федорович, по своей филиграноведческой наивности, счел эту датировку недостаточной (“а в оной нету” [года]) и сослался на ВЗ № 24 1492 г. Сравнение дважды воспроизведенных ВЗ №24 и к ним трех знаков без номеров в первой тетради Вындомского из рукописи Толстого с подробными рисунками гравера А. Флорова в “Софийском временнике” показывает большие неточности в тех же рисунках Вындомского. Столь же неточны и другие его рисунки. Но важно отметить его стремление сопоставлять имеющиеся водяные знаки с подобными в других рукописях, даже далеко отстоящих во времени. Так, на л. 8 об. он сравнил ВЗ

⁹ Названий ВЗ в коллекции нет, кроме очевидных. Здесь и далее нами даны принятые в литературе обозначения.

¹⁰ Это было подтверждено в кн.: *Калайдович К., Строев П.* Обстоятельное описание славяно-русских рукописей... в библиотеке... графа Ф.А. Толстова. М., 1825. Отдел I. № 36.

№ 30 из Сборника 1496 г. с ВЗ из своей книги: “Но сверх того – сей знак в моем молитв: Острожской печати года 1598”¹¹.

О ВЗ из рукописи Житие Варлаама Хутынского (1582 г.), основателя Хутынского монастыря под Новгородом в XII в., принадлежавшей М.И. Столярову, мы узнаем из записи Сергея Федоровича. Оказывается, Столяров был у него, предлагал эту рукопись, но когда С.Ф. “не решился купить, продал Сергею Григорьевичу Громову” (Л. 10 об.)¹².

Все вышеизложенное позволяет предположить, что первая тетрадь (ВЗ № 1–57) подготовлена Вындомским на основе рисунков ВЗ, полученных от М.И. Столярова, с добавлением знаков из бумаги своих рукописей и книг, а также из собрания Ф.А. Толстого. То есть эта тетрадь заполнялась последней, после получения всех остальных, что подтверждается и наличием под рисунками ВЗ двойных дат, как в полном списке Петрова (484/1. Тетр. 4). Поэтому мы позволим себе иногда, при необходимости доказательств, располагать тетради в первоначальном порядке, обратном архивному. Напомним, что ВЗ № 1–57 фигурируют во всех трех списках источников, но порой меняются номера. В датах от сотворения мира к № 43–47 в первой тетради описка (6090 вместо 7090), которая перешла из списка Петрова. В каллиграфическом списке у этих номеров вообще нет дат.

Вторая тетрадь под шифром 484/1, на наш взгляд, первоначально принадлежала М.И. Столярову, но после его смерти доработана С.Ф. Вындомским. Это подтверждают следующие ее особенности. Во-первых, внешний вид и бумага: тетрадь была ранее переплетена, сейчас – остатки переплета на корешке; в бумаге тетради (Л. 18, 21) видны литеры УФЛП и белая дата “1823”¹³. Значит, Столяров заполнял тетрадь не ранее 1823 г., а Вындомский, судя по его записям, после 1837 г. – 16 марта 1840 г. (Л. 30). Во-вторых, здесь содержится наибольшее число рисунков ВЗ – 241, разделенных на два отделения: в первом отделении № 1–175, во втором – № 1–66. Рисунки, особенно вначале, более четкие, что хорошо заметно при сравнении с ВЗ в первой тетради, переписанной Вындомским. Но описаны они менее полно (как и в списке источников во второй тетради). И наконец, в пользу нашего вывода свидетельствует целый ряд записей Вындомского о технической обработке рисунков. На л. 30: “Я давал точно те номера, какие у него [Столярова] назначены карандашем” (так в тексте. – Ю.А., Е.П.); “сии 4 фигуры были у покойнаго Столярова не обведены, а только карандашем. То я и обвел их уже нынеча, 1840 года марта 16 черными чернилами”. То же и к пяти рисункам ВЗ на л. 30 об.: “Сии без номеров у него были”, а внизу:

¹¹ Возможно, это Часовник. См.: Гусева А.А. Издания кирилловского шрифта второй половины XVI в.: Сводный каталог. М., 2003. Кн. 2. №160: Часовник [Острог. Тип. Острожская], 8 июня 7106 [1598].

¹² Частично запись опубл. в статье Е.А. Пережогиной. Но имя С.Г. Громова нам не известно. В литературе и в записях на рукописях фигурирует имя владельца и торговца рукописями Г.А. Громова (тоже первой половины XIX в.), с которым был связан И.П. Лаптев.

¹³ Расшифровано: “Угличская фабрика Лаврентия Попова”. См. альбомы: Кукушкина М.В. Филигранные на бумаге русских фабрик XVIII – начала XIX в. // Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук. М.; Л., 1958. Вып. II. № 239; Uchastkina Z.V. A History of Russian Hand Paper – Mills and their Watermarks. Hilversum, 1962. № 207; Клепиков С.А. Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М., 1959. № 652; Он же. Филигранные на бумаге русского производства XVIII – начала XX в. М., 1978. № 897, 898, примеч. 520, где есть и полные ВЗ. Возможно, в бумаге второй тетради видна только часть филигранны.

“И сии пять фигур не обведены были. Я их обвел по карандашу”. Часто сверху у карандашных рисунков написано: “здесь” и поставлены номера (Столяровым), а рядом – номера красными чернилами (Вындомским). См. также цитированную ранее запись на л. 25 второй тетради.

Под шифром 484/2 имеется как бы две части и отдельные листы. В первой части (л. 1–20) бумага без сетки и ВЗ, но довольно гладкая. Рисунки ВЗ разделены на два отделения и соответствуют рисункам во второй тетради 484/1. Они даны чернилами, вначале с записями дат (старых и новых) и названий источников, позднее – без таких записей. На л. 5 читаем запись Сергея Федоровича в рамке около первых рисунков (две “голова быка” с цветком и короной на шесте) из письменного Пролога 1392 г. (такие и в первой–второй тетрадях 484/1): “Собирано в Новгороде Сие все выбираю трудами Матвея Иван[овича] Столярова новгород[ского] купца.– В архиве тамошней”. Слова “сие все” позволяют отнести эту запись ко всей тетради, начиная с л. 5 (кроме рисунков на л. 1–4 об., выявленных С.Ф.). А ниже, к рисунку ВЗ “подкова” концами вверх, в середине – крест, добавлено: “Сей знак на библии Острожской, что у Алексея Филипповича Фиалковского¹⁴, я сей поверял и видел” (т.е. ВЗ бумаги Библии 1581 г.). Среди отдельных листов, на л. 35 вновь запись С.Ф. о том, что он брал у Фиалковского рукопись, “бумажный знак”, “клейма” (малые “голова быка” и “крест”) которой XVI в., “и почерк руки очино сходен с сею моею”. Как можно заметить, свои соображения (вместе с рисунками) С.Ф. излагал, порой, на листах, уже заполненных другими лицами (в данной тетради Столяровым). Еще одна важная его запись на л. 18: “Отделение второе, с коего Ефим Савич выбирал для меня” (еще при Столярове?).

Вторая часть 484/2, л. 21–30 – сшитая тетрадь со многими рисунками филиграней, сделанными чернилами довольно точно, с указаниями номеров и дат, в основном карандашом. В бумаге (л. 21, 24, 27) видна сетка и части ВЗ (в сшиве) с белыми датами “1818” и “1823” (как во второй тетради 484/1), что также подтверждает возможность выявления Столяровым ВЗ, причем ранее 1823 г., а именно после 1818 г. (л. 21, 24, 27). На это указывают и черновики с пробой пера Матвея Ивановича и его брата – “новгородской мещанин Никита Иванов[ич] Столяров”. И тем не менее, рядом мы находим много рисунков ВЗ, выявленных Вындомским из семейных бумаг и других источников, иногда включенных в его указатель филиграней (см., например, список Петрова, 2-е отделение, № 36–43 (484/2. Л. 3 об.)). Кроме вышеназванных, см.: 484/2. Л. 3, 36, 42 и др. Выделены рукописи “на хлопчатой бумаге”.

Не раз, в связи с этим, пытаясь определить дату источника, Сергей Федорович обращался не только к другим рукописям, но и к помощи своей “дипломатики” (см. л. 35–37). Вслед за И.П. Лаптевым и другими современниками он расширительно толковал это понятие, включая в него и изучение водяных знаков бумаги. Именно здесь он оставил записи о ходе работы над “дипломатикой”. Точно определить, когда он начал заниматься филигранями, мы не можем. Но не позже 1827 г., когда Сергей Федорович купил у Е.С. Петрова первую в России книгу о водяных знаках И.П. Лаптева

¹⁴ Фиалковский Алексей Филиппович – корреспондент А.Х. Бенкендорфа // Путеводитель по архивным собраниям Отдела рукописей ГПБ. СПб., 2000. С. 74. Ф. 1000 (Собрание отдельных поступлений): Письма разных лиц. Письмо А.Х. Бенкендорфа – А.Ф. Фиалковскому (1843).

“Опыт в старинной русской дипломатике, или способ узнавать на бумаге время, в которое писаны старинные рукописи”. С приложением рисунков (СПб., 1824). Экземпляр книги с записями Вындомского о покупке выявлен Ю.В. Андрияшайтите в ОРК БАН. Это подтверждает предположение в статье Е.А. Пережогоиной о том, что Сергей Федорович хорошо знал книгу Лаптева. С 23 марта 1827 г. она находилась в его собрании. Может быть, под влиянием книги Лаптева с тех пор у него возник интерес к изучению филиграней? Или Петров потому и принес эту книгу Вындомскому, что знал об его интересе к филиграням? Но тогда он должен был предложить книгу Вындомскому вскоре после ее выхода в 1824 г. Скорее всего, учитывая редкость книги, которая медленно расходилась (через три года после издания еще не была распродана в лавке известного петербургского книготорговца), Петров решил предложить ее любителю древностей.

Этот факт важен не только для истории собрания книг и коллекции ВЗ Вындомского, но и для вопроса о распространении книги Лаптева как среди ученых, так и среди любителей-филиграноведов через петербургских и московских книготорговцев¹⁵. В данном случае посредником стал Е.С. Петров, который в 1831 г. продал И.П. Лаптеву тетрадь с рисунками ВЗ, принадлежавшую петербургскому коллекционеру древностей А.В. Беляеву¹⁶. Почему Лаптеву, а не Вындомскому? Думается, потому, что последний еще только начал изучать водяные знаки с помощью Петрова и Столярова, а купец Лаптев за эту тетрадь еще и заплатил. Сергей Федорович ни о каком вознаграждении своим помощникам не упоминает, хотя отмечает их крайнюю бедность (484/2. Л. 26 об.). Наладилась совместная работа, но, к сожалению, оба помощника С.Ф. вскоре скончались.

Позднее Сергей Федорович записал: “1833-го года декабря... 1834 февраля 25 делаю я маленькое объяснение на сияю мою книгу” (484/2. Л. 35). Именно в это время, до 1837 г. (год смерти Столярова) он получил от него (или через Петрова) рисунки ВЗ и начал обводить их чернилами, ставить недостающие номера и даты от Рождества Христова, уточнять источники с помощью списка Петрова (см. его запись от 16 марта 1840 г. во второй тетради 484/1). Одновременно он выявлял новые знаки из других источников, пытался датировать их в пределах века-полувека. Однако завершить работу не успел. Последняя его запись, как отмечалось, относится к 23 мая 1846 г. (484/2. Л. 40, 56).

Таковы общие итоги изучения состава коллекции ВЗ и вопроса о роли трех ее составителей.

Обратимся теперь к анализу рисунков водяных знаков коллекции. Из первой же процитированной записи С.Ф. Вындомского явствует, что ее основу составили рисунки филиграней, выявленных М.И. Столяровым, переданных им самим или через Петрова Вындомскому и оставшихся после смерти М.И. у Сергея Федоровича. Но есть в коллекции и немногие рисунки ВЗ, выявленных самим Вындомским (на что указывают его записи), из документов семейного архива, из приобретенных старинных рукописей и книг или из источников, находящихся у других владельцев. Они не име-

¹⁵ О наличии книги И.П. Лаптева у комиссионера историка М.П. Погодина – Т.Ф. Большакова (ныне – в ОР РГБ) см.: *Андрияшайтите Ю.В. И. П. Лаптев ...* С. 182–183.

¹⁶ См.: Там же. С. 49.

ют номеров, как правило, даны в сравнении с другими, пронумерованными филигранями, повторяющимися во всех тетрадах. При этом у всех рукописей дата указана с точностью до года, что, конечно, обязательно для указателя ВЗ, но сразу вызывает сомнение, учитывая сложность датировки древних рукописей, а также ряд обнаруженных ошибок. Во многих справочниках и сегодня сохраняются приблизительные датировки (начало века, середина, конец и т.д.).

Общее число рисунков ВЗ установить трудно, так как цифры разнятся не только в указанных списках, но и при сравнении с числом рисунков ВЗ в тетрадах. Наибольшее число пронумерованных рисунков – 241 плюс рисунки без нумерации – находятся во второй тетради 484/1. В наиболее полном списке источников – Петрова – их 234. Это больше, чем в книге Лаптева 1824 г. (150 рисунков и 20 их описаний), но в несколько раз меньше его коллекции (около 2 тыс. ВЗ).

Хронологический охват ВЗ по списку Петрова: 1392–1586 гг. и 1605–1650 гг., т.е. выявлены более ранние знаки, чем в книге Лаптева (1439 г.). Из них XIV в. – 8 ВЗ; XV в. – 35; XVI в. – 107; XVII в. – 59. Итого: 209 ВЗ из датированных источников. У остальных 25 филиграней “год неизвестен” (или вообще нет названия источника), причем все они находятся во 2-м отделении списка. Источниками более половины ВЗ послужили рукописи, в их числе № 21 (2-е отделение) – “к бергаментному псалтырю приписка” (на бумаге), дата неизвестна (484/1. Л. 42 об.). Из бумаги старопечатных книг выявлено 96 знаков, в том числе все 59 ВЗ XVII в. Сложнее, конечно, определить точное название и местонахождение рукописей, не говоря об их датировке.

Приведенные записи С.Ф. Вындомского о полученных от М.И. Столярова ВЗ указывают на то, что они выявлены из библиотеки Софийского Новгородского Собора, “из архивы тамошней”, поэтому обратимся к известной работе Е.М. Шварц. Софийско-Новгородское собрание рукописей ГПБ (далее – СНС) она считает весьма полно отражающим судьбу всего новгородского книгописания в целом и отвечающим критерию массовости и обиходности¹⁷. Остальные рукописи хранятся в других собраниях и архивах. Шварц установила, что рукописей на бумаге XIV в. в СНС нет (С. 11–12). Значит, ВЗ XIV в. № 1–9 (фактически их 8) нужно искать в рукописях других собраний, учитывая указание Вындомского (484/2. Тетр. 1. Л. 5) к ВЗ № 1, 2 (большая “голова быка” с цветком из семи лепестков и короной на шесте), относящееся, как мы полагаем, и к другим рисункам тетради, что они выявлены Столяровым “в архиве тамошней”. В альбоме Шварц есть подобные знаки, только середины XV в. По словам Е.А. Пережогинной, такой знаток филиграней, как В.М. Загребин, успевший ознакомиться с коллекцией, усомнился в датировке этих ВЗ “голова быка” большого размера XIV веком. Как показывают альбомы, ранние знаки были малого размера. Допускаем, что, как мы уже писали, Сергей Федорович, перерисовывая ВЗ в свою тетрадь, увеличил их в размере или допущена ошибка в датировке.

¹⁷ Новгородские рукописи XV в.: Кодикологическое исследование рукописей Софийско-Новгородского собрания Государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина / Сост. и автор исследования Е.М. Шварц. М.; Л., 1980. С. 6 (далее ссылки на это сочинение см. в тексте).

Источники ВЗ XIV в. в коллекции – две рукописи: Пролог 1392 г. 1° и “Миunea четых (так в тексте. – Ю.А., Е.П.), месяц сентябрь” 1398 г. 4°. Обращение к справочникам Археографической комиссии РАН положительных результатов не дало. В “Предварительном списке славяно-русских рукописей XI–XIV вв.” (АЕ за 1965 год. М., 1966) таких точно датированных рукописей нет, как и в книге «Дополнения к “Предварительному списку славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР” (М., 1986)» (М., 1993). Первый выпуск по XIV в. “Сводного каталога славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии” (М., 2002) (далее СК XIV в.), составленный в алфавитном порядке (Апокалипсис – Летопись Лаврентьевская) не включает интересующих нас названий.

За XV в. Шварц, после сравнения с “Предварительным списком славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР” (М., 1986) (далее ПС XV в.), насчитала в СНС 115 рукописей на бумаге не позднее 1470–1480 гг., и только 6 из них имеют датирующие приписки писцов (С. 10–11). Среди этих шести, перечисленных ею, со списком Петрова погодно совпали рисунки № 21–23 (Толковая Псалтирь 1475 г. 4°). Причем, Шварц установила, что в СНС за XV в. сохранилась лишь одна Псалтирь (С. 15). Она опубликовала 8 ВЗ: (№ 211, 215 – “голова быка” с крестом и цветком на шесте; № 230, 231 – то же с цветком и змеей (проволочной); № 233, 234 – то же с цветком и треугольником под подбородком; № 288, 289 – “весы”). В коллекции Вындомского всего 3 ВЗ (две “головы быка” и “весы”), причем, большего размера и отличающиеся в деталях. Видимо, здесь, как и в других случаях, коллекционеры не ставили задачу воспроизвести все ВЗ рукописи, а лишь более четко различимые образцы разных типов.

Остальные кодексы Шварц датировала по филиграням. Среди них еще 12 отнесены к 1475 г., т.е. ВЗ нуждаются в проверке по этим рукописям, как и по другим, с приблизительной датой.

Воспользуемся методом исключения. В “Указателе бумажных рукописей XV в. СНС” Шварц дала приблизительную датировку 33 рукописей: начало века, первая четверть, первая треть, середина, первая половина XV в. В списке Петрова к этому периоду относятся 5 рукописей: 1416 г. (Сборник. 1° и Евангелие. 4°), 1431 г. (“Послание Геннадия патриарха”. 1°), 1442 г. (Апостол. 1° – нет в СНС) и 1443 г. (Триодь цветная. 1°).

82 рукописи Шварц датировала 1450–1470 гг. (С. 13). В списке Петрова 7 рукописей второй половины этого века. Из них четыре – 1492–1496 гг., т.е. того периода, за который, по мнению Шварц, рукописей на бумаге в СНС нет, следовательно, их надо искать в других собраниях. Это относится только к ВЗ № 24–26 1492 г., так как ВЗ № 28–29 взяты не из рукописи, а из Триоди цветной “сербской печати” (об этой ошибке см. с. 198), № 30 1496 г. – в списке Петрова без названия источника. Из трех оставшихся (1474, 1475, 1479 гг.) мы уже отметили одну – 1475 г., имеющую по вышеназванному Указателю Шварц 8 филиграней. В “Указателе филиграней, обнаруженных в рукописях XV в. СНС” эти ВЗ значатся и в бумаге других рукописей. ВЗ № 230 опубликовал Лихачев (1899. Ч. III. № 1143. 1475 г.) по рукописи Соф. 1432. Тактикон Никона Черногорца. А у Вындомского – из Псалтири толковой. Филигрань “голова быка” с цветком (6 лепестков) и полной змеей (не в виде проволоки) у Вындомского – № 19, 20. Сборник 1474 г. – в альбоме Шварц отсутствует. Значит, и этот сборник не из СНС.

По списку источников Петрова были проверены Евангелия XV в. из СНС, все они написаны на пергамене, без бумажных листов. Одна из рукописей 1416 г. в его списке (ВЗ № 10–14. Евангелие. 1416 г. 4°) совпадает по краткому описанию в ПС XV в. с № 32: Евангелие тетр. 1416 г. 4° (ГИМ. Черт. 42/256), а при сравнении *de visu* и с ВЗ бумаги. Учеными установлено, что эта рукопись была создана в Москве, в Спасо-Андрониковом монастыре¹⁸, однако как она попала в собрание историка, археолога, библиофила, нумизмата А.Д. Черткова, неизвестно¹⁹. Но в первое описание его библиотеки, составленное и изданное самим владельцем в 1838 г., она уже включена²⁰, правда, без указания ВЗ бумаги (видимо, потому, что рукопись точно датирована писцом). У ряда рукописей с приблизительной датой названы и филигранные. В этом редкое отличие данного каталога от других, изданных в России первой половины XIX в. Напомним, к моменту издания названного каталога помощники Сергея Федоровича по собиранию коллекции ВЗ уже не было в живых. Но нельзя исключить возможности приобретения Чертковым Евангелия тетр. 1416 г. у М.И. Стоярова или другого лица, у которого М.И. мог посмотреть эту рукопись и воспроизвел ее филигранные. Заимствование рукописей для изучения или только для воспроизведения ВЗ – явление, имевшее место в то время как среди ученых (например, Румянцевского кружка), так и среди любителей (например, И.П. Лаптев брал рукописи у М.И. Стоярова и других)²¹. В данном случае имеется редкая возможность проследить историю описания водяных знаков одной рукописи в течение 150 лет.

При изучении ВЗ бумаги Евангелия тетр 1416 г. в ОР ГИМ привлекла внимание сохранившаяся в деле карточка описания, заполненная несколькими почерками. Первые краткие данные черными чернилами могли принадлежать А.Д. Черткову. Более поздняя запись химическим карандашом (т.е. явно в XX в., после передачи в 1912 г. части собрания в ОР ГИМ) уже содержит названия ВЗ бумаги рукописи: “1) ножницы, 2) кабан, 3) единорог, 4) рыба, 5) литера В на щите под короной. Внизу надпись (на свитке) NICOLAS FEBR”. И третьим почерком простым карандашом дополнено: “6) Весы с чашкой” и тут же отдельно буквы “ВЩ”, которые Ю.А. Грибов определил как инициалы подписи известного палеографа В.Н. Щепкина, в 1912 г. возглавившего этот отдел. Видимо, он проверял и, как бы, заверял работу сотрудника по определению филигранных.

В современном описании этого собрания²² названы такие знаки бумаги рукописи: “ножницы” – типа Брике. № 3657 (1413–1425 гг.); “единорог” –

¹⁸ См. об этом: *Гальченко М.Г.* Книгописание в Спасо-Андрониковом монастыре и проблемы второго южнославянского влияния на Руси в конце XIV–XV в. М., 1994.

¹⁹ Э.В. Шульгина любезно согласилась просмотреть сохранившиеся архивные материалы подготовки описания собрания А.Д. Черткова 1986 г. и подтвердила это.

²⁰ Всеобщая библиотека России или каталог книг для изучения нашего Отечества во всех отношениях и подробностях. М., 1838. С. 506. № 1. Здесь же – “Отделение IV. Манускрипты на бумаге” – зафиксированы ВЗ бумаги рукописей без точной даты (№ 4, 7, 9, 16, 22, 54, 60, 63, 64).

²¹ *Андрюшайтите Ю.В.* И.В. Лаптев... С. 209 и др.

²² Описание рукописей собрания Черткова / Сост. Н.М. Черниловская, Э.В. Шульгина. Новосибирск, 1986. С. 63–64. № 256. На листе передней крышки переплета в верхней части корешка виден ВЗ “голова быка с рогами”, между ними шест с крестом, не отмеченный в описании, видимо, более позднего времени.

типа Брике. № 15797 (1390–1395 гг.); 3) “дельфин” – типа Брике. № 5812 (1411 г.); буква В + NICOLAS LEBE – типа Лихачев, 1899 г. № 3277 (1580 г.) Приведена запись писца на л. 161 с датой ее создания. Л. 162–168. – XVI в.

Но впервые выявление ВЗ бумаги этой рукописи провел М.И. Столяров не позже 1837 г., а скопировали их у него Е.С. Петров и С.Ф. Вындомский. При этом Петров еще смотрел рукопись и добавил ВЗ “единорог” (№ 10), отсутствующий у Столярова. Буква “В” в щите оказалась у них без фамилии владельца. Этот ВЗ в корешке рукописи виден частями. На л. 162 – только имя и фамилия, на л. 167 – 2/3 филиграни без букв. Поскольку в России того времени только начали появляться публикации ВЗ западной бумаги, то наши любители-филиграноведы не знали полностью этого знака. Составители “Описания” 1986 г., найдя идентичный знак в труде Лихачева, датировали бумагу и почерк последних листов рукописи XVI в., представляющих не тексты Евангелия, а указатель евангельских чтений с недели всех святых по сыропустную неделю. В других альбомах подобный знак XVI – XVII вв. встречается (например, у Э. Лауцявичюса), но в иных разновидностях, с иными фамилиями.

Знака “дельфин” в указателе Вындомского нет, № 13, 14 представлены двумя непонятными рисунками животных. Причем у Столярова (484/2. Тетр.2. Л.25) эти два знака зачеркнуты, видимо, он сомневался в правильности их воспроизведения. Но в окончательном указателе Вындомского они остались, да еще увеличены в размерах, искажены в деталях. Эти ошибки – результат неправильного прочтения ВЗ в корешке рукописи (как и других ВЗ, установленных после 1912 г.). Изучение бумаги рукописи показало, что четко просматриваются лишь ВЗ “ножницы” и “дельфин” (особенно на л. 33), остальные частично. Только опыт составителей каталога 1986 г., опиравшихся на альбомы водяных знаков, позволил, наконец, точно определить филиграни рукописи.

За XVI в. в рассматриваемой коллекции имеется возможность проверить рукописные источники ВЗ № 48–60 – Великие Минеи Четьи митрополита Макария (ВМЧ). Поскольку в списке Петрова указан 1541 г., надо полагать, имеется в виду Софийский список ВМЧ, который в 1541 г. был вложен Макарием в Новгородский Софийский собор. Учитывая, что к Вындомскому перешли ВЗ от новгородского купца Столярова, возможно, эта группа знаков действительно взята из Софийского списка ВМЧ, и, отметим, еще до того, как в 1859 г. Софийская библиотека поступила в СПб. Духовную академию. Таким образом, это факт одного из ранних воспроизведений филиграней из рукописей Софийского списка ВМЧ. Как известно, в 1823 г. общий осмотр рукописей Софийской библиотеки произвел П.М. Строев, в 1827 г. опись XVII в. использовал Евгений (Болховитинов). Три водяных знака из ВМЧ за сентябрь были опубликованы в 1824 г. в вышеназванной книге И.П. Лаптева (табл. 5, № 28–30. 1556 г.), но их источник не назван. Позднее он установлен по записям к рисункам в его коллекции ВЗ²³. Судя по дате, эти ВЗ могли быть из Царского списка ВМЧ, однако идентифицировать филиграни не удалось.

Публикация ВМЧ была начата Археографической комиссией только в 1868 г., но не закончена. Сегодня известны 9 из 12 томов Софийского списка

²³ См.: *Андрюшайтите Ю.В. И.П. Лаптев...* С. 134, 143.

ВМЧ: 7 томов хранятся в ОР РНБ (Соф. № 1317–1323), Миней на август – в РГАДА (Ф. 201. Ед. хр. 161) и Миней на март – в ОР ГИМ (Собр. А.С. Уварова. № 201)²⁴. Водяные знаки бумаги указанных семи томов описал в свое время Д.И. Абрамович²⁵, но самих рисунков ВЗ он не дал, отослав, по возможности, к труду Н.П. Лихачева 1899 г. Последний, изучив бумагу двух томов Софийского списка ВМЧ – на август и ноябрь, отметил: “Софийский список точно не датирован, но время его написания настолько известно, что было бы излишне в данном случае датировать филиграни...”²⁶. И сделал вывод, что этот список написан между 1535–1540 гг. В литературе фигурируют и другие датировки.

В конце XX в. активизировалось исследование ВМЧ, особенно в связи с подготовкой совместного издания российскими и немецкими учеными. Специальное исследование бумаги и ВЗ тома Софийского списка на март месяц провела Т.В. Дианова²⁷, опубликовав их воспроизведения и сравнил с ВЗ, описанными Д.И. Абрамовичем и Н.П. Лихачевым, а также с подобными знаками в труде Ш.-М. Брике. При этом она сделала важный вывод о филигранях тома: “Большая часть из них использована в других томах Софийского списка (месяцы октябрь, ноябрь, февраль, май, июнь, июль), описанных Абрамовичем” (по ее нумерации, рис. 1–5, 8, 10, 12–14)²⁸, а рисунки 1, 2, 4, 8, 10, 11, 13 – и в двух томах, изученных Лихачевым. Общий вывод о датировке бумаги мартовского тома – 1535–1540 гг.

Приведенные заключения облегчают нашу работу с ВЗ бумаги ВМЧ в коллекции С.Ф. Вындомского. Поскольку в списке Е.С. Петрова и в тетрадях с рисунками указан только 1541 г., никакой детализации датировки ВЗ коллекции не дают. Это и понятно, учитывая, что до 1844 г. (выхода альбома К.Я. Тромонина), кроме книги И.П. Лаптева, не было отечественных указателей ВЗ, а редкие зарубежные издания были труднодоступны и включали в основном филиграни из бумаги старопечатных книг. При отсутствии в коллекции названия месяца у Миней и повторяемости ВЗ бумаги в них, нельзя

²⁴ См.: *Серебрякова Е.И.* О новонайденном мартовском томе Софийского комплекта Великих Миней Четых митрополита Макария: (предварительные наблюдения) // *Anzeiger für Slavische Philologie*. Graz (Austria), 1995. Bd. XXIII.

²⁵ *Абрамович Д.И.* Описание рукописей С.-Петербургской Духовной Академии: Софийская библиотека. СПб., 1907. Вып. II. С. 1–154.

²⁶ *Лихачев Н.П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. I. С. 156–157; Ч. III. См. ВЗ.

²⁷ *Дианова Т.В.* Исследование бумаги и бумажных водяных знаков мартовского тома Софийского комплекта Великих Миней Четых митрополита Макария // *Abhandlungen zu den Grossen Lesemenen des Metropolitens Makarij: kodikologische, miszellenologische und textologische Untersuchungen* / Hrsg. Chr. Voss, H. Warkentin, E. Weiher. Freiburg im Breisgau, 2000. Bd. 1. S. 1–20; См. также ее статью о мартовском томе Успенского списка: *Дианова Т.В.* Бумага и бумажные водяные знаки // *Die Grossen Lesemenen des Metropolitens Makarij: Uspenskij spisok*. 1.–11. März. / Hrsg. E. Weiher, A.I. Škurko, S.O. Šmidt. Freiburg im Breisgau, 1997. Bd. 1. S. LXXVII–XCII. Еще ранее Л.М. Костюхина, составившая полнотную роспись ВЗ Успенского и Царского списков ВМЧ, отметила наличие пластов бумаги 30-х – начала 40-х годов и в Успенском списке (*Костюхина Л.М.* Роль филиграней в палеографическом исследовании Миней Четых // *Филинографические исследования...* С. 76).

²⁸ *Дианова Т.В.* Исследование бумаги... С. 5. Здесь пропущена Миней на сентябрь, в бумаге которой, судя по описанию Абрамовича, встречаются ВЗ № 2, 4, 8, 14 из мартовского тома.

точно определить тома, из которых они воспроизведены, только по аналогии с ВЗ в описаниях. Сравнение же с описаниями филиграней Абрамовичем показало, что 6 из 10 типов ВЗ в тетр. 1 (484/1), перерисованных Сергеем Федоровичем, и в ранних тетрадах подобны им. Точнее определить степень сходства невозможно из-за несовпадений размеров и деталей рисунков.

**Филиграни Софийского списка ВМЧ
в коллекции С.Ф. Вындомского и “Описании” Д.И. Абрамовича**

Указатель С.Ф. Вындомского 484/1. Тетр. 1	“Описание” Д.И. Абрамовича
№ 48. Большой шестиконечный крест (герб Свенчиц)	№ 1319, 1320, 1322, 1323. Миней на ноябрь, февраль, июнь, июль. Большой шестиконечный крест (польский герб Свенчиц)
№ 49. Герб Одровонж	№ 1319, 1320 – 1322. Миней на ноябрь, февраль, июнь. Польский герб Одровонж
№ 52. Буква Р двухконтурная с раздвоенным верхом и концом	№ 1317, 1320 – 1323. Миней на ноябрь, февраль, май, июнь, июль. Буква Р с раздвоенным концом
№ 53. Латная рукавица с короной над средним пальцем и розеткой	№ 1320. Миней на февраль. Латная рукавица, над средним пальцем корона
№ 54. Щит, с литерой А, наверху четырехконечный крест	№ 1322. Миней на июнь. Щит небольших размеров, сверху шестиконечный крест из пересекающихся линий
№ 57. Розетка (цветок) с четырьмя лепестками	№ 1317, 1320–1322. Миней на сентябрь, февраль, май, июнь. Розетка крестообразная с четырьмя лепестками
<i>Примечания:</i> Названия ВЗ в коллекции Вындомского даны нами. За отсутствием публикаций ВЗ у Д.И. Абрамовича, даны краткие обозначения Миней и названия сходных ВЗ из его описания.	

Номера 49, 52, 57 – встречаются и в мартовском томе ВМЧ, судя по воспроизведениям ВЗ в вышеназванной статье Диановой (рис. 1, 4, 14). Кроме того, с той или иной степенью сходства можно указать следующие филиграни: в указателе Вындомского – № 50. Литера “Р” с четырехлепестковой розеткой (в статье Диановой – № 9. Литера “Р” [с раздвоенным основанием] под розеткой); № 51. “Кувшин” двуручный под короной с двумя розетками (в статье Диановой – № 10b. “Кувшин” двуручный под короной [с двумя розетками]); № 55. “Щит” с литерой А и шестиконечным крестом наверху (в статье Диановой – № 3. Литера “А” в гербовом щите под шестиконечным крестом [вдвое меньше]); № 56. Литера “А” (у Диановой – № 6. То же [вдвое меньше]).

Имеющиеся в ранних тетрадах коллекции рисунки № 58–60 Сергей Федорович в указатель не включил. № 58 – “гербовый щит” с башнями наверху и литерами внизу. При перерисовке из тетради в тетрадь его детали изменялись (нижняя часть щита превратилась в сердце, а две двухконтурные литеры Х стали обычными буквами). Такого ВЗ нет в рассмотренных описаниях. Только Л.М. Костюхина нашла в Успенском списке ВМЧ ВЗ “Гербовый щит с башнями двух разновидностей: малой и большой ... Брике, 2321, 1538–1543 гг.; 2322–1542 г.”²⁹. № 59. “Рука” или скорее, “рукави-

²⁹ Костюхина Л.М. Роль филиграней... С. 80. № 8.

ца” без большого пальца под короной. Видимо, это воспроизведение ВЗ искажено, но близко к “латной рукавице” (Абрамович, № 1320). № 60 нарисован первый раз (484/2. Тетр. 2. Л. 29 об.) нечетко, позднее становится похож на “будильник”. Может быть, это искаженная “литера С” (см.: Дианова, с. 15, ВЗ № 2 а, б, с. 8, сходн. Брике № 8112, 8113 – 1508 г.). У Абрамовича есть название ВЗ “неопределенная фигура”: № 1317, 1318 с отсылкой на труд Н.П. Лихачева 1899 г. (Ч. I. С. 156; Ч. III. № 1653, 1654 – “неизвестная фигура”, идентична “литере С”. ВЗ взят из Софийского списка (минья на август), с недатированной части рукописи, приблизительно 1538 г.).

Таким образом, водяные знаки в коллекции Вындомского выявлены из разных томов Софийского списка ВМЧ. Но, как уже отмечалось, они не охватывают всех типов и разновидностей ВЗ бумаги, что хорошо видно при сравнении с описаниями Абрамовича и публикациями Лихачева, Диановой, и не отличаются точностью в деталях и размерах. Формат рукописей указан всюду “в лист”.

Филиграни ВМЧ – наиболее яркий пример работы составителей этой коллекции. От мелких черновых рисунков без номеров, с отдельными указаниями даты 1541 (ЗМ0) и сокращенными записями “макар. минья четья” в ранней тетр. 2, л. 29 об. (484/2), аккуратно перерисованных на л. 22 об., с карандашными пометками и датами 7049 (Столяровым или по его поручению). Затем они перенесены в тетр. 1, л. 9–9 об. (484/2) с валовой нумерацией 48–60 карандашом и чернилами (правка С.Ф.), но без указания источника, кроме № 58 (“сей знак тоже из макаръев. миней. 7049. 1541”), хотя и раньше у него была помета “макар.” Наконец, – 484/1. Тетр. 2. Л. 17–17 об. – те же рисунки 48–60 аккуратно чернилами (Столяровым). И под тем же шифром, в тетр. 1, л. 12 почерком Вындомского рисунки большего размера, с валовой нумерацией № 48–57 (?) и полной записью об источнике: “Все сии десять фигур из Макаръевских четий миней в лист лета 7049 года 1541”. Почему так оборван его указатель, остается только гадать.

Из указателя “Дипломатика старинная”, который успел частично составить Вындомский (484/1. Тетр. 1. ВЗ № 1–57), можно назвать филиграни еще нескольких рукописей. Мы упоминали ранее список Жития Варлаама Хутынского 1582 г. в 4°, одного из самых популярных новгородских Житий, списки которого возникали с XIII по XVIII в.³⁰ М.И. Столяров предлагал его С.Ф. Вындомскому, но тот не купил (не было денег?). Так вот, два знака из его бумаги, выявленные Столяровым (484/1. Тетр. 2. Л. 16 об.; 484/2. Тетр. 1. Л. 8 об. – без дат. В ранней черновой тетради ВЗ нет), Сергей Федорович включил в свой указатель: № 43 – “Башни (Ворота крепостные)” и № 44 – не определен (Тетр. 1. Л. 10 об.). Учитывая датировку рукописи 1582 г., можно предположить (по данным статьи Л.А. Дмитриева, с. 140), что это был второй вариант Распространенной редакции Жития, составленный в середине – второй половине XVI., сохранившийся в многочисленных списках. Публикация Жития началась еще в 1689 г., затем в 1841 г. (т.е. еще при жизни С.Ф., но после смерти М.И. Столярова, который стал первым исследователем ВЗ бумаги Жития). По списку Петрова в дате ВЗ № 41–47 описка (6090 вместо 7090), которая, естественно, перешла и

³⁰ См.: Дмитриев Л.А. Житие Варлаама Хутынского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. I: (XI – первая половина XIV в.). С. 138–142.

в указатель С.Ф. Это – № 41, 42 из “Триоди пос[т]ной письменной в лист” (ВЗ не установлены), № 45 (“агнец” со знаменем), № 46 (литеры “РС”), № 47 (“Гербовый щит” под короной и с агнецом, внизу двухконтурные литеры “VB”) “в книге Матвея Властаря 1582 г.”

Обратимся теперь к старопечатным книгам XV–XVI вв., ВЗ из бумаги которых имеются в коллекции С.Ф. Вындомского, а их названия – в списке Е.С. Петрова.

Недоумение вызвало уже описание в этом списке наиболее ранней книги – Триодь цветная сербской печати 1495 г. 1°. В каталогах такого издания не найдено. Под 1494–1495 гг. известны сербские книги, но с иными названиями и другими ВЗ бумаги, нежели в рассматриваемой коллекции. Однако книговедами описаны Триодь постная и Триодь цветная, вышедшие из типографии Швайпольта Фиоля в Кракове без даты. Условно их традиционно относили к 1491 г., поскольку в ноябре этого года типография официально была закрыта. Е.Л. Немировский предполагает, что эти книги могли выйти около 1493 г., после оправдания Ш. Фиоля на суде в 1492 г. Благодаря изученности бумаги Триоди цветной (и постной), установлено три типа ВЗ и можно провести их сравнение.

Водяные знаки из коллекции Вындомского № 28, 29 (484/1. Тетр. 1. Л. 8 об.: “7003. Сии обе фигуры из 1495 года сербской печати триоди. В лист”, тетр. 2, л. 15 об. – без записи ; 484/2. Тетр. 1. Л. 7 об. – без записи, а тетр. 2, л. 25 с такой же записью, т.е. уже при первом выявлении знаков) относятся к двум, наиболее распространенным в этих изданиях типам ВЗ: “круг” с прямой, перпендикулярной диаметру, наверху две пересекающиеся черточки, и “солнце” (с человеческим лицом)³¹. Воспроизведение схематично, а третий знак “корона” отсутствует. Следовательно, в коллекции была допущена путаница в определении места и даты этого редкого издания, хотя упоминания, а затем и описания Триоди цветной в каталогах были известны еще при жизни собирателей коллекции. Особенно непροстителна эта ошибка Е.С. Петрову – комиссионеру графа Ф.А. Толстого, в собрании которого эта книга находилась и была описана П.М. Строевым в каталоге 1829 г. как изданная в Кракове “около 1491 г.”

35 водяных знаков XVI в. срисованы из трех источников. Среди них – Библия острожской печати. Как известно, эта Библия была издана в типографии К.К. Острожского Иваном Федоровым. На титуле имеет 1581 г. В послесловии – два варианта: 12 июля 1580 г. / 7088 и 12 августа 1581 г. / 7089³².

При сравнении с ВЗ и записями в изучаемой коллекции обнаруживается явное расхождение в выходных данных с этим известным датированным

³¹ Описание ВЗ см: *Варбанец Н.В., Лукьяненко В.И.* Славянские инкунабулы в собрании Государственной Публичной библиотеки им М.Е. Салыкова-Щедрина в Ленинграде (ГПБ) // Книга: исследования и материалы. М., 1960. Сб. II. С. 200; *Немировский Е.Л.* Начало славянского книгопечатания. М., 1971. С. 169–170; *Он же.* Возникновение славянского книгопечатания. М., 2003. С. 479–480. Даны описания водяных знаков из ранних работ автора и их воспроизведения из трех экземпляров Триоди цветной в ОРК РГБ. Просмотр № 1213 показал, что знаки воспроизведены в уменьшенном виде, но не оговорено, и не все варианты. См. также новейшую работу: *Немировский Е.Л.* Славянские издания кирилловского церковнославянского шрифта. 1491–2000: Инвентарь сохранившихся экземпляров и указатель литературы. М., 2009. Т. I: 1491–1550. С. 56, 208.

³² См. : *Гусева А.А.* Издания кирилловского шрифта второй половины XVI века... Кн. 1. № 83.

изданием. Кроме того, выявляются нестыковки в нумерации и датировке знаков в тетрадах. Первоначальные черновые воспроизведения филиграней бумаги этой Библии есть уже в ранних таблицах Столярова (или по его поручению. 484/2. Тетр. 2. Л. 23 об., 25): “топор” под полумесяцем, “темпо подкова”, “двуручный кувшин” под розеткой с полумесяцем и литерами “РВ” на тулове (на л. 23 об. – одноручный), Герб Свенциц, “три колонны” с крестом на средней из них (названия даны нами)³³. Три ВЗ имели дату “1581”, “АФПА” и запись “Библия Острожская”. В тетради 1, л. 7 об., 8 (того же шифра), ВЗ которой (судя по записи С.Ф.) перерисованы Столяровым, теперь уже начисто, с № 31–34, 37 и карандашными записями “Библия острожская”, но без дат. Только исчез типичный для бумаги этого издания знак “топор”, вместо него под № 32 новый знак (не установлен) и “подкова”, а под № 31 появилась малая “голова быка”.

При перенесении Столяровым (а 2-го отделения Петровым?) в тетр. 2, л. 15 об., 16 (шифр 484/1) остались те же ВЗ № 31–34, 37, но без дат и названий источников. Как мы знаем, краткий список источников был в той же тетради, в нем уже появилась ошибка в дате. В более полном списке источников Петрова (тетр. 4) были пересмотрены как источники, так и даты. ВЗ № 31, 32 – “7018/1510 г. Сборник. 4^о”, № 33 – без даты, но с прочерком и записью “библия острожской печати. 1^о”, № 34 – только дата “7043/1535”, № 37 – “7039/1531. Триодь письменная в 1^о”. Сергей Федорович, доверяя Ефиму Савичу, внес в свой указатель (тетр. 1, л. 8 об., 9) все уточнения из списка Петрова, оставив со ссылкой на Библию только знаки № 33, 34, но ошибочно указал год ее издания датой № 34. И это при наличии у него собственной книги, а также проверки, как отмечалось раньше, филигрانی “подкова” и, как будет показано ниже, ВЗ “топор” в бумаге этой Библии у А.Ф. Фиалковского, не говоря о наличии издания у других коллекционеров (в том числе у И.П. Лаптева, который опубликовал в своей книге восемь ВЗ под 1581 г., но без ссылки на источник)³⁴ и в каталогах. Очевидно, силы С.Ф. иссякали, ведь указатель оборвался на № 57.

Заметим, что после ВЗ бумаги из Библии острожской в указателе Вындомского (484/1. Тетр. 1) больше нет филиграней из печатных источников. Перед исследователем остаются только подготовительные материалы – тетради с рисунками ВЗ Столярова, частично (2-е отделение) переснятые Петровым, и список источников, составленный им.

Судя по ним, много водяных знаков (№ 78–103) было воспроизведено из книги патриарха Иова Октоих XVI в. Вероятно, она была собственностью Столярова, поэтому он мог спокойно заниматься таким трудоемким делом, как выявление ВЗ. Их рисунки имеются уже в ранней тетради (484/2. Тетр. 2. Л. 21 об., 22), правда, еще среди других знаков, без номеров и названий источников, но дважды точно указан 1594 год (год издания источника). Под тем же шифром, в тетр. 1, л. 10–11 об., они перерисованы уже с валовой нумерацией карандашом, а позднее рядом чернилами –

³³ Некоторые из них приведены в статьях: *Немировский Е.Л.* Начало книгопечатания на Украине: Иван Федоров. М., 1974. С. 149–150; *Мацюк О.* Бумага изданий Ивана Федорова // Федоровские чтения. 1978. М., 1981. Табл. 3–6.

³⁴ *Андрюшайтите Ю.В.* И.П. Лаптев... С. 135, 146. Здесь источник указан по записи Лаптева в его коллекции водяных знаков, так что С.Ф. не мог этого знать. См.: *Гусева А.А.* Издания кирилловского шрифта второй половины XVI века... Кн. 1. С. 592.

С.Ф. № 95 (“топор” под полумесяцем), видимо, им же выделен (взят в рамку и снабжен записью: “и в острож. Библии тоже”). И наконец, под шифром 484/1. Тетр. 2. Л. 18–19 об. те же рисунки начисто, у № 95 (без рамки) – карандашная запись С.Ф. “и в библии острож[ской] у Фиал[ковского]”, подобная вышеуказанной его записи к ВЗ “подкова” из бумаги той же книги. Даты и название книги находим в каллиграфическом списке источников в той же тетради (с ошибками в нумерации и указании форматов). А в списке Петрова (тетр. 4) – “7100. 1592. Октай печатной Їова патр[иарха]. 1°”.

Результатом невнимательного прочтения даты издания и недооценки (или пропуска, по забывчивости, указания Столярова на 1594 г.) стала ошибка в датировке источника в списке Петрова. В действительности: Октоих. Москва. Печатник Андроник Тимофеев Невежа. 8 июня 7100 – 31 января 7102 [1594]³⁵ – первое московское издание Октоиха. Эта книга была описана еще в каталогах первой трети XIX в., начиная с библиографии В.С. Сопикова (СПб., 1813. № 751). Но, видимо, на проверку источников у Е.С. Петрова сил тоже нехватило (он скончался раньше М.И. Столярова, т.е. до 1837 г.). Поэтому, несмотря на наличие списков датированных источников ВЗ, дальнейший анализ требует внимательного изучения каждого источника и его даты, как по опубликованным справочникам, так и по архивным рукописям.

Третьим печатным источником для выявления филиграней XVI в. послужила, судя по списку Петрова, “печатная месячная минея патриарха Иосафа. 7036 / 1528 г. 4°”. Из нее были воспроизведены ВЗ № 131–137. Рисунки ВЗ Столярова имеются под шифром 484/2. Тетр. 1. Л. 13–13 об. и 484/1. Тетр. 2. Л. 21–21 об. Их еще предстоит атрибутировать.

Таковы первые результаты изучения коллекции С.Ф. Вындомского. Сохранившиеся материалы свидетельствуют, что больше половины источников воспроизведения ВЗ – славяно-русские рукописи XIV–XVI вв. из Софийского Новгородского собора и других собраний, т.е., в отличие от книги И.П. Лаптева, использованы более ранние источники – XIV в. Остальные – старопечатные книги XV–XVII вв. Выявлено около 300 ВЗ, точно датированных – 209. Многие из них выявлены тогда впервые, и было начато составление сводного указателя ВЗ из датированных источников со ссылкой на их названия. Возможность заглянуть в лабораторию работы составителей коллекции позволяет определить их роль в этом деле. Основные ВЗ собрал новгородский купец М.И. Столяров, список их источников составил петербургский коллекционер Е.С. Петров, который скопировал и часть ВЗ Столярова (2-е отделение). Сводный указатель ВЗ №1–57 подготовил С.Ф. Вындомский, как и список 67 источников. Он выявлял и некоторые ВЗ, правда, недооценивал необходимость точного воспроизведения рисунков и при их перенесении в указатель, порой, увеличивал в размере, изменял в деталях. Среди материалов письма выделял пергамен, бумагу, “хлопчатую бумагу”, хотя наши источники в этом отношении ограничены. Термин “водяной знак” еще не вошел в литературу того времени. Сергей Федорович применял слова “знак”, “бумажный знак”, “клейма” (484/2), “фигура”. Нет данных об употреблении названий выявленных ими водяных знаков (кроме “кувшин”, “литеры”, “крест”, “олень”), хотя наиболее

³⁵ Гусева А.А. Издания кирилловского шрифта второй половины XVI века... Кн. 2. № 128.

известные из них уже фигурировали в отдельных работах современников (А.Н. Оленина, И.П. Лаптева, К.Ф. Калайдовича, П.М. Строева). Названия форматов рукописей составители всюду обозначали так: в лист (1°), в четвертку (4°) или в малую четвертку, в осьмушку.

Указатель остался незавершенным, так как двое помощников скончались до и в 1837 г., а Сергей Федорович в 1846 г. или после, в почтенном, особенно для того времени, возрасте (78? лет). Не исключено, что С.Ф. прервал работу, узнав о выходе в 1844 г. большого альбома филиграней К.Я. Тромонина. Несмотря на небольшой объем коллекции, неточность воспроизведения ВЗ и ошибки в датировке их источников, ее обнаружение имеет важное научное значение не только для изучения первоначального периода филиграноведения, но и для истории культуры первой половины XIX в.

Прежде всего, вводятся в научный оборот новые имена коллекционеров филиграней этого периода – помещика С.Ф. Вындомского, новгородского купца М.И. Столярова, собиравшего и систематизировавшего ВЗ раньше него, примерно в то же время, что и И.П. Лаптев, а также дополнительные сведения о деятельности в этой области комиссионера графа Ф.А. Толстого, петербургского коллекционера Е.С. Петрова. Если Лаптев работал с помощью семейной артели, то здесь возникло объединение по интересу к филиграням, инициатором которого, думается, был Е.С. Петров. Возможно, бедные коллекционеры Е.С. Петров и М.И. Столяров понадеялись на помещика С.Ф. Вындомского, который мог опубликовать указатель ВЗ. Благодаря их сотрудничеству создана коллекция, целью которой было составление указателя водяных знаков “Дипломатика старинная” для датировки источников на бумаге, что говорит о научном понимании составителями роли ВЗ. Причем они, в отличие от Лаптева, поняли необходимость не только использовать водяные знаки бумаги точно датированных источников, но и указывать название источников воспроизведений (возможно, под влиянием рецензии А.Х. Востокова на книгу Лаптева).

Эта коллекция подтверждает тезис об обмене рисунками ВЗ не только между учеными, но и между любителями. Она расширяет наше представление о географии коллекционирования филиграней: к Москве, Петербургу, Вологде добавился Новгород, который являлся старинным центром древнерусского книгописания. Это убеждает в правильности положения о том, что выявление и собирание ВЗ происходило не только в столицах, но и в провинции, выдвинутого в монографии Ю.В. Андрюшайтите. Но основным хранилищем первых коллекций водяных знаков остается ОР РНБ.

Проанализированные материалы дают убедительные свидетельства того, что коллекционерами ВЗ становились любители древности из разных сословий, как правило, собиравшие старинные рукописи, книги и документы, в той или иной степени знакомые с отдельными работами ученых историков (порой лично связанные с ними), а также с первой в России книгой о филигранях И.П. Лаптева. О распространении влияния книги И.П. Лаптева мы можем судить по таким фактам, как продажа ее Е.С. Петровым С.Ф. Вындомскому в 1827 г., что, по меньшей мере, стимулировало занятие С.Ф. филигранями. Он использовал ее название для “Дипломатики старинной” и хронологическое расположение знаков в коллекции. Они начали ра-

ботать раньше, чем Н.М. Михайловский³⁶, но собрали меньшую по объему коллекцию ВЗ и не оставили в отличие от него рассуждений по истории и методике изучения филигранных. Неточность рисунков и датировок ВЗ не позволяет употребить их для альбомов, но историографическое значение этой, как и других любительских коллекций, несомненно.

И последнее. И.П. Лаптев по-прежнему остается в истории крупнейшим коллекционером филигранных первой половины XIX в. в России, поднявшимся до понимания их научной роли в датировке источников на бумаге, опубликовавшим первую в России книгу о водяных знаках с указателем 150 их воспроизведений и описанием 20 ВЗ. Эта книга была положительно воспринята учеными и оказала влияние на расширение сети любителей-филиграноведов. Установление новых звеньев этой сети остается актуальным для филиграноведов и историков культуры России, поскольку подтверждает растущий в тот период интерес к филигранным как новому средству датировки рукописей и старопечатных книг. Тем самым подтверждается и закономерность появления книги И.П. Лаптева. Дальнейшее изучение коллекции водяных знаков С.Ф. Вындомского может дать ценные выводы об их первых выявлениях в рукописях Софийского и других собраний, а также в старопечатных книгах.

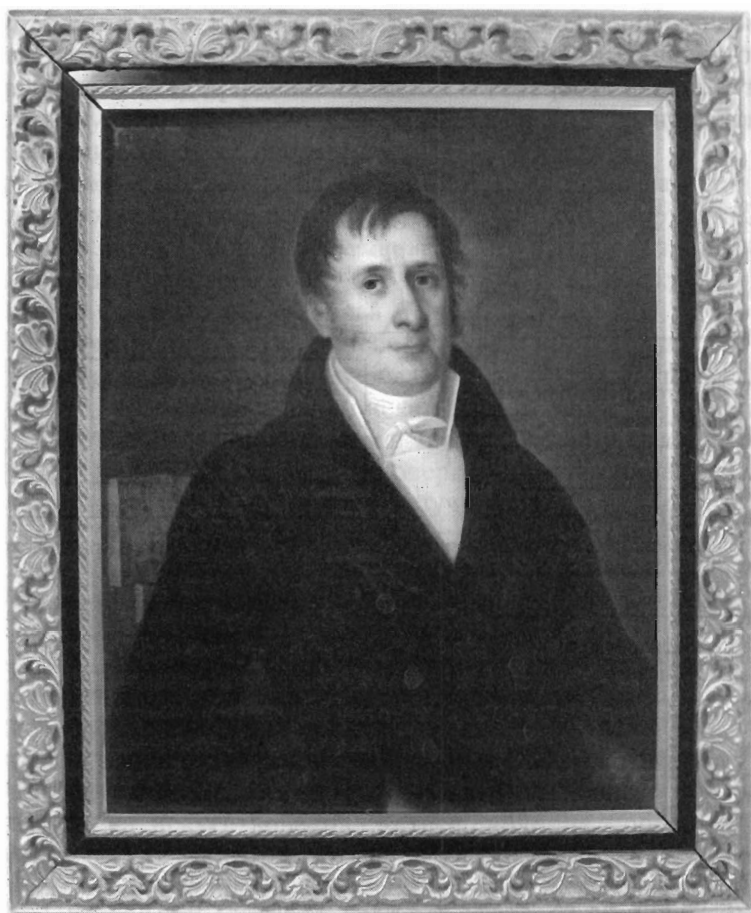
* * *

Уже после написания данной статьи, благодаря отменной профессиональной памяти бывшего многолетнего главного хранителя, а ныне консультанта Государственного музея А.С. Пушкина (ГМП) в Москве Нины Сергеевны Нечаевой (80-летие которой недавно отметил коллектив), удалось узнать о наличии в нем портрета С.Ф. Вындомского (на холсте, 67,2 × 54,2 см; КП 21 777. Ж – 439). Он был передан в дар этому музею в 1970-е годы Г.Д. Крапивницкой (в то время директором Музея В.А. Третьякова в Москве). Как раз в 2006 г. была завершена его реставрация дипломантом Российской академии живописи, ваяния и зодчества (РАЖВиЗ) А.П. Толкуновым. Руководитель работы – реставратор высшей квалификации, профессор, заведующая кафедрой реставрации станковой масляной живописи Е.И. Иванова³⁷. Сотрудники отдела изобразительных фондов и реставраторы ГМП любезно предоставили возможность ознакомиться с портретом еще до его экспонирования. Таким образом произошло “воскрешение” Сергея Федоровича и его наследия не только для науки, но и для искусства. Его портрет экспонировался на юбилейной выставке РАЖВиЗ в ЦВЗ Манежа в Москве 6–9 марта 2007 г., а в 2008–2009 гг. на выставке “Дворянский портрет в собраниях ГМП” в Государственном Владимиро-Суздальском архитектурном и художественном музее-заповеднике. Это – единственный известный портрет коллекционера филигранных среди любителей первой половины XIX в. в России.

Поразительно, что образ персонажа портрета совпадает с тем обликом, который еще в начале XX в. был воссоздан в работе Н.М. Кашкина и сложился у первых современных исследователей его документального насле-

³⁶ См.: *Андрюшайтите Ю.В.* И.П. Лаптев... С. 238–257.

³⁷ См. об этом: *Иванова Е.Ю.* “Портрет Вындомского” из собрания Государственного музея А.С. Пушкина: исследование, реставрация, атрибуция // XII Научная конференция “Экспертиза и атрибуция произведений изобразительного искусства” 22–24 ноября 2006 г. Москва: Материалы. М., 2009. С. 92–99.

Портрет С.Ф. Вындомского.
Неизвестный художник. 1817 г. Холст, масло.
Государственный музей А.С. Пушкина.
(Фото А.Е. Майминаса, 2007 г.)

дия. Разве что к нему остается прибавить такую черту, как чувство собственного достоинства во взгляде смотрящего на нас с портрета дворянина. Благодаря особому методу, реставраторам удалось сохранить и прочесть запись Сергея Федоровича на обороте портрета, на холсте. Причем текст восстанавливался постепенно. Сначала с большими лакунами, затем более полный после прочтения в ультрафиолетовых лучах, и, наконец, почти полный после использования генеалогических работ, прежде всего указанного выше очерка Н.Н. Кашкина о роде Вындомских и справочника Н.Ф. Иконникова³⁸ – о Елагиных. Остаются неясными три слова, изображенные С.Ф. простой вязью (в его коллекции ВЗ она иногда используется при написании дат и названий источников), но это не меняет основного содержания прочитанного текста.

³⁸ La Noblesse de la Russie / Public par Nicolas Ikonnikov. P., 1965. Т. 1У [полумтом т. 1 на букву У]. Р. 146–148, 149. Благодарим О.В. Рыкову за ценную консультацию и возможность ознакомиться с этим редким изданием в Отделе генеалогии ГМП.

Приводим записи С.Ф. Вындомского на обороте его портрета, предоставленные сотрудниками Музея и уточненные в Археографической комиссии РАН.

Вверху справа изображены последние ветви родословного дерева дворян Вындомских и Елагиных XVII–XIX вв. с названием “Родословная”.

Примечания. Текст дан в правописании оригинала. ¹ Петрович – *Кашкин Н.Н.* Род Вындомских (1912 г.) С. 80 (далее: *Кашкин Н.Н.*). ² 1676–? – *Кашкин Н.Н.* С. 139. ³ 1730–1781 – *Кашкин Н.Н.* С. 140; *Пережогина Е.А.* Сергей Федорович Вындомский. С. 166. ⁴ “Семеновичем” – *La Noblesse...*Р. 146. № 135. ⁵ 1721–1789. Жена – А.П. Скобельцина – *La Noblesse...*Р. 148. № 164. ⁶ Выпускник Пажеского корпуса 1771 г. Жена – кж. Ольга Сергеевна Щербатова – *La Noblesse...*Р. 149. № 182; Рассказы бабушки: из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово / Подгот. Т.И. Орнатская. Л., 1989. С. 21, 50; Русское служилое дворянство второй половины XVIII в. (1764–1795) / Сост. В.П. Степанов. СПб., 2003. С. 212.

Ниже, на обороте портрета, почти посередине запись, первая строка которой написана прописными двухконтурными буквами, напоминающими простую вязь:

“Сей [нрзб., дефект] е[ст]ь облик [текст не прочитан]³⁹

то есть портрет Сергея Федорова С[ы]на Вындомскаго писан на 49-м году моего веку в С.-Петербурге на месте родины моей сего 1817-го года июля месяца. – и посылается в Москву сердечному другу и любезному приятелю Сергею Никитичу Елагину в знак вечной дружбы памяти”.

Внизу слева: “Природа красоты меня не наделила,

Но истиной любя и дружбой наградила”.

Почерк записей рукой Сергея Федоровича и их содержание указывают, без сомнения, что это его портрет, написанный в 1817 г., когда С.Ф. было

³⁹ Вариант А.Л. Лифшица: “его начертанья”. Другой вариант см.: *Иванова Е.И.* “Портрет Д.Ф. Вындомского”... Дальнейшая запись сделана скорописью XIX в. с архаизмами.

49 лет, т.е. еще в расцвете сил, в Петербурге, где, по его словам, он родился. Кроме этих ценных сведений, мы узнаем, как портрет оказался в Москве – С.Ф. послал его своему “сердечному другу... Сергею Никитичу Елагину” – тоже дворянину. Изображение последних ветвей этих родов показывает, что они породнились через дворянина З.П. Горихвостова.

Теперь мы можем ответить на вопрос Н.Н. Кашкина о фамилии “Сергея Никитича из Москвы” и предположить причину дарения портрета С.Н. Елагину. Кашкин в очерке “Род Вындомских” (с. 30) цитирует запись С.Ф., который, находясь в усадьбе своего соседа графа А.А. Аракчеева Грузино, “в самый день Светлаго воскресенья (Пасхи. – Ю.А., Е.П.) получил я от Сергея Никитича родословную, присланную мне из Москвы”. Она вызвала у С.Ф. огромную радость, вылившуюся в стихах “Родословная”. Из стихов мы узнаем, что он ее “давно, давно искал”, затем решил попросить друга, “чтоб порылся, поискал и мне правду написал. Вот апреля вдень велик получаю предков лик”. На с. 36 того же очерка Кашкин привел еще одну запись С.Ф. о том, что в 1816 г. он опять получил данные из Москвы (возможно, от Елагина?), уточняющие отчество Степана Васильевича – основателя их рода. Видимо, радость, связанная с получением важных данных о своих предках, и побудила отблагодарить друга, помогавшего в генеалогических поисках, подарив ему свой портрет. Наверное, на радостях С.Ф. после этого 22 августа 1817 г. посетил родные места предков – Имоченицы.

Таким образом, московский друг, по просьбе С.Ф., оказался его помощником в московских архивах – предшественниках МАМЮ. Задача историков-генеалогов найти биографические данные С.Н. Елагина. Нам это пока не удалось. Неизвестна и фамилия художника, писавшего портрет. Остается надеяться на искусствоведов. Кстати, наличие портрета С.Ф. позволяет сравнить его с портретом Д.Ф. Вындомского, атрибутированного В.П. Старком⁴⁰, и установить правомерность версии Л. Тимофеева⁴¹.

Новые данные о деятельности С.Ф. Вындомского и его окружении важны для возобновления исследований истории этого рода в целом и одной из замечательных его представительниц – владелицы усадьбы в Тригорском. Как установлено пушкинистами, Сергей Федорович – пятиуродный дядя Прасковьи Александровны Осиповой-Вульф, урожденной Вындомской (1781–1856) и рано умершей ее сестры Елизаветы Александровны (1779–1800), жены Якова Исааковича Ганнибала (1775–1800) – двоюродного дяди А.С. Пушкина.

Так постепенно выполняется пожелание известного историка-генеалога Н.Н. Кашкина, записанное в вышеназванном очерке (с. 28): “чтобы лица, обладающие невошедшими в настоящий очерк сведениями о всеми забытых Вындомских, дополнили его сообщением в печати всего, у них имеющегося”.

⁴⁰ Старк В.П. Портреты и лица: XVIII – середина XIX в. СПб., 1995. С. 96–98.

⁴¹ Тимофеев Л. Кто же позировал художнику? // Невское время. 1996. 26 марта; Он же. Портреты с чужими лицами // Там же. 23 мая.

С.С. Илизаров

ОБОСНОВАНИЕ В РАБОТЕ Г.Ф. МИЛЛЕРА НАД ИСТОРИЧЕСКИМИ ИСТОЧНИКАМИ

...историк всегда не к стати делает, если он повести своей не основывает на точной истине и неоспоримых доказательствах

Г.Ф. Миллер. *О народах издревле в России обитавших. 1773 г.*

Выдающийся математик, петербургский академик Христиан Гольдбах, выдвигая в 1735 г. проект написания истории Императорской академии наук, провозглашал, что первая заповедь истории – “не смей говорить неправду, но и не убояться сказать правду”¹. Эти слова Цицерона², с которых начинал свой проект Гольдбах, могли бы стать эпиграфом к данной статье, если бы автор разъяснил каким образом доказывается правда, а коль скоро речь шла о создании историко-научного труда, то – каким образом обосновывается истинность исторического знания. В значительной мере ответ на этот вопрос содержится в трудах его коллеги по Академии наук и, в определенной мере, духовного наследника³ Герарда Фридриха Миллера, чей юбилей относительно широко был отмечен в 2005 г.⁴

О Г.Ф. Миллере – источниковеде писали не раз. Более того, именно его бесспорный и выдающийся вклад в создание и накопление источниковой базы российской истории считается главным, чуть ли не единственным достижением этого ученого. По крайней мере, даже самые жесткие критики Миллера не могли не отмечать его роли в сохранении сибирских архивов. Идущее еще от А.Л. Шлёцера умышленное гипертрофирование эмпиризма

¹ Цит. по: Юшкевич А.П., Копелевич Ю.Х. Христиан Гольдбах. 1690–1764. М., 1983. С. 207.

² Текст выступления Гольдбаха был написан на латинском языке. В современном переводе этот важнейший для европейской историософии фрагмент из второй книги “Об ораторе” Цицерона выглядит следующим образом: “Кому же неизвестно, что первый закон истории – ни под каким видом не допускать лжи; затем – ни в коем случае не бояться правды; не допускать ни тени пристрастия, ни тени злобы. Эти основы, разумеется, известны всем; а саму постройку на этих основах образуют содержание и изложение”. (Цицерон Марк Туллий. Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972. С. 142. Здесь и далее курсив мой. – С.И.). Этот фрагмент, имевший аксиоматическое значение для европейской исторической науки, содержит определяющее смысловое значение и для данной статьи. Именно к этому положению, как к последнему аргументу – “основному историческому закону” будет прибегать Г.Ф. Миллер в бескомпромиссной мартовской дискуссии 1750 г. с М.В. Ломоносовым. См.: Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 6. С. 68.

³ Об их взаимоотношениях много написано самим Миллером в его “Истории Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге”. См. также: Юшкевич А.П., Копелевич Ю.Х. Христиан Гольдбах.

⁴ Мокрова М.В. Празднование 300-летнего юбилея академика Г.Ф. Миллера // ВИЕТ. 2006. № 2. С. 177–183; Она же. Научная конференция “Академик Г.Ф. Миллер – ученый-энциклопедист: (К 300-летию со дня рождения)” // АЕ за 2005 год. М., 2007. С. 555–556.

Г.Ф. Миллера и последующее “непрочтение” его многих трудов повлияло на то, что основатель русской исторической науки оказался отнесенным к нерелефлирующей линии отечественной историографии, т.е. его научное творчество объявлялось лишенным философско-исторических и теоретических обоснований.

В последние несколько лет, в процессе подготовки к изданию тома сочинений Г.Ф. Миллера, пришлось еще раз их внимательно прочитать, заново открыв для себя этого ученого не только как неутомимого и разностороннего историка–источниковеда–археографа–архивиста, но и, как представляется, удалось увидеть характерную последовательность, с которой исследователь, созидавая русскую историю, обосновывал принципы научности исторического труда⁵.

Собственно тема настоящей статьи родилась из изучения текстов произведений Миллера, большинство которых содержат в том или ином объеме авторские обоснования актуальности выполненного им исследования, логические и источниковедческие обоснования процедур и альтернатив при принятии решений, утверждений и выводов относительно изучаемого прошлого. Поскольку все это напрямую касается более обширной темы – изучения творческой лаборатории ученого и методов, применявшихся им при исследовании, то здесь представляется достаточным ограничиться рассмотрением ряда отдельных наиболее выразительных высказываний Миллера, рассеянных по его произведениям. В настоящее время уже нет необходимости задерживаться на деталях биографии Г.Ф. Миллера и потому в данной работе больше буду останавливаться на соответствующих результатах его творчества, а не на процессе их получения.

Миллер – исследователь, о котором, кажется, известно практически все. Его биография так фундаментально подкреплена источниками, как, наверное, ни у какого другого русского ученого XVIII в. Тем не менее, его научное “происхождение” представляет собой одну из нерасшифрованных до конца загадок. Мы в точности не можем судить о том где, кем и когда закладывались основы его профессионального мастерства. Известно (в основном со слов самого же Миллера) о благотворном влиянии отца, в доме которого имелась обширная библиотека. Но Томас Миллер (1661–1729) по сфере профессиональной педагогической деятельности был типичным для рубежа XVII–XVIII столетий провинциальным интеллигентным бюргером, эрудированным, широко образованным латинистом, писавшим стихи в подражание Горацию, но никак не ученым-исследователем, ученым-новатором, каким стал его сын. Являлись ли научной “родиной” Г.Ф. Миллера старинная гимназия в родном Герфорде, руководимая его отцом, небольшой академический университет в маленьком саксонском городе Ринтельне, где будущий историк постигал основы знаний, – маловероятно. Казалось, один из старейших и лучших в Германских землях Лейпцигский университет подходит для этого, но Миллер пробыл здесь недолго, не больше года, и

⁵ Миллер Г.Ф. Избранные труды / Сост., статья, примеч. С.С. Илизарова. М., 2006. В этот сборник вошли 27 произведений ученого по истории, географии, этнографии и истории науки, а также 12 предисловий к различным сочинениям и археографическим изданиям. Далее, в целях унификации, ссылки на работы Г.Ф. Миллера, кроме особо оговоренных, будут даваться по этому изданию в тексте в квадратных скобках с указанием номера страницы.

на этом его формальное образование завершилось. Может показаться, что Миллер чуть ли не недоучившийся школяр (так и пытались впоследствии представить его некоторые недобросовестные авторы, но при этом они не обращали внимания на то, что он был готов к научно-преподавательской деятельности и прохождению необходимых для этого обязательных процедур, включая защиту диссертации). Сам Г.Ф. Миллер считал нужным отметить влияние, которое оказал на него историограф саксонского курфюрста, профессор Лейпцигского университета И.Б. Менке (1674–1732), но не столько своими лекциями, сколько разрешением пользоваться его знаменитой библиотекой. Миллер вспоминал: “В Лейпциге я занимался преимущественно под руководством надворного советника Менке, пользовался его превосходной библиотекой и познакомился благодаря этому с господином Кодем как раз тогда, когда он собирался поехать в Петербург” [с. 526]. Очевидно, в доме Менке проходили те встречи и беседы, которые имели значение для умственного развития талантливого юноши. Думаю, что наряду с природными дарованиями главными зримыми элементами той образовательной системы, того культурного и научного дискурса, в которых развивался гений ученого были: чтение текста как познание смысла (книга/ исторический документ), наблюдение как пристальное и постоянное познание Мира, визуальное и эпистолярное общение с коллегами (профессиональными учеными и любителями наук) как форма интеллектуального диалога и, наконец, присущее Миллеру стремление к творчеству в форме научного познания и непрестанного внутреннего монолога. В этом плане Миллер, который учился всегда и всюду, является учеником всех – и современников, и тех, кто жил и творил задолго до его рождения. Сохранилось позднее свидетельство мемуарного характера о том, что с молодых лет и примерно до начала 1730-х годов, т.е. до своего возвращения из научной командировки в Англию, Голландию и Германию, он находился “под влиянием полигистории самое большее морховского типа: ученой истории, познаний, которые добываются в библиотеке. Богатая библиотека моего отца воспитала во мне эту склонность”⁶. В отцовской библиотеке будущий ученый и познакомился впервые с сочинениями Даниэля Георга Морхофа (1639–1691) – видного историка, теоретика искусства, поэта, одного из родоначальников немецкого литературоведения. Некогда знаменитый “Полигистор литературный, философский и практический” (начиная с 1688 г. многократно переиздавался), о котором вспоминал Миллер как о своих вратах в ученость, вырос у Морхофа из академических лекций, из его стремления суммировать все научные знания, причем наука у него выступала как мощное древо с отдельными ветвями (подразделениями), которое следует изучать в своей целостности.

⁶ Продолжение этой цитаты раскрывает важные обстоятельства и причины его эволюции от стремления стать в Санкт-Петербурге эрудитом-библиотекарем (т.е., в понимании того времени, – историком науки и учености) к профессии ученого историка: “Дальше я питал ее в университетах и в путешествиях. В Петербурге я испытывал свое счастье, возможно, именно для того же, если бы не скептицизм, который во мне пробудил господин Шумахер. Он уничтожил мою ограниченность, дав мне совсем другой взгляд на мир. Затем я утратил надежду стать его зятем и преемником по должности. Я счел необходимым перейти в другую отрасль науки, а именно в русскую историю, которую я не только сам стал старательно изучать, но и предпринял попытку наставлять в ней других, уточняя имевшиеся сведения” [с. 644].

Круг чтения, особенно в период становления ученого, является важным компонентом источниковедения историографии⁷. Применительно к Г.Ф. Миллеру этот вопрос практически не изучен, но, безусловно, можно утверждать о влиянии, оказанном на него трудами Г.В. Лейбница, который, кстати, также тремя десятилетиями раньше учился в Лейпцигском университете. В произведениях Миллера имя Лейбница и как историка-археографа, и как мыслителя упоминается многократно⁸. Как известно⁹, именно Лейбниц во впервые изданных в 1721 г. “Началах философии...”, позднее получивших название “Монадология”, наиболее определенно сформулировал общий принцип достаточного основания для достижения истинного знания¹⁰, понимание и знание которого отчетливо присутствует в трудах Миллера.

Весь жизненный путь Г.Ф. Миллера был постоянно сопряжен с учением и передачей другим приобретенных знаний. В Санкт-Петербурге, куда он приехал 5 ноября 1725 г. служить в только что открытой Академии наук, было не только у кого учиться, но нашлись даже и первые ученики. Небольшой по составу академический коллектив, представленный яркими и одаренными учеными, библиотека, государственное содержание, не говоря уже о бесконечном исследовательском пространстве, какое являла собой недавно возникшая Российская империя – все это открывало для ищущих небывалые в новейшей истории науки перспективы. И Миллеру удалось в полной мере воспользоваться представившимися возможностями. В Академии наук он мог и стал активно восполнять недостающие знания, и совершенствовать новейшие научные технологии. О его дружбе со старшими коллегами по Академии – математиком Х. Гольдбахом, историком и филологом Г.З. Байером¹¹, литератором и историком И.П. Колема и др., у которых он учился исследовательскому мастерству, свидетельствуют многие страницы академической истории, написанной им спустя полвека.

Буквально каждое научное сочинение Миллера, созданное и опубликованное им в России, было первопроходческим, но так как ученый не пе-

⁷ Шмидт С.О. Некоторые вопросы источниковедения историографии // Проблемы истории общественной мысли и историографии: К 75-летию академика М.В. Нечкиной. М., 1976. С. 265, 268 (Статья переиздана в кн.: Шмидт С.О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997).

⁸ См., например, с. 92, 101, 504, 505, 538. Стоит обратить внимание на то, что Миллер в своих рассуждениях о происхождении варягов следовал логике, приведшей Лейбница к открытию происхождения франков.

⁹ См.: Лурье Я.С. О путях доказательства при анализе источников: (на материале древнерусских памятников) // ВИ. 1985. № 5. С. 62.

¹⁰ По Лейбницу, познание необходимых истин основывается “на двух великих принципах: принципе противоречия... и на принципе достаточного основания, в силу которого мы усматриваем, что ни одно явление не может оказаться истинным или действительным, ни одно утверждение справедливым без достаточного основания, почему именно дело обстоит так, а не иначе...” (Лейбниц Г.В. Соч.: В 4 т. М., 1982. Т. 1. С. 418–419. Курсив Лейбница. – С.И.). Примечательно, что эти рассуждения формулировались Лейбницем в период наиболее напряженной работы над германской историей, в частности историй Вельфов, а первая публикация на латинском языке “Монадологии” была осуществлена в знаменитом журнале “Acta eruditiorum”, основанном в 1682 г. Отто Менке, отцом И.Б. Менке.

¹¹ Например, Миллер такими словами завершал краткое жизнеописание Байера: “Прошу меня простить, если перед этим человеком, по отношению к которому никакие похвалы не будут достаточны, мое восхищение (как перед моим предшественником в изучении русской истории) выступает ярче, чем перед другими” [с. 515].

реиздавал собственных трудов, то по мере появления новых, старые забывались и постепенно становились как бы малоприметными. Очевидно, именно по этой причине незаслуженно мало известно о первом серьезном проекте молодого петербургского профессора истории Г.Ф. Миллера. В 1732 г. он предложил Академии наук общий план работ по русской истории. Эта работа, изданная в виде брошюры¹², – первая оригинальная научно-исследовательская программа комплексного изучения истории и географии России. Реализация программы началась сразу же, по прочтении на академическом собрании 25 августа и 1 сентября 1732 г. пробных лекций и одобрении предложенного плана, с издания в Санкт-Петербурге знаменитого в истории науки сборника “Sammlung Russischer Geschichte”¹³.

Сколько бы не пытаться понять происхождение Миллера-ученого, он был первым и единственным среди современников, кто оказался способным по прошествии всего нескольких лет по прибытии в Россию сформулировать не только комплексную, реальную и выполнимую, но и строго привязанную к российской истории и географии исследовательскую программу. В его небольшом по объему “Объявлении предложения до исправления российской истории касающагося, которое может учиниться частным изданием собрания всяких известий до истории Российскаго государства принадлежащих”, содержалась программа, рассчитанная на тридцать и более лет, поскольку, по представлению Миллера, именно столько времени необходимо для приведения в порядок истории России, для того чтобы обеспечить ее изучение источниковой базой, т.е., как писал ученый, “собранием всяких до Российской истории принадлежащих кратких описаний и подлинников”.

На исходе жизни, в 1770-х годах Миллер вспоминал об этом как о дерзком предприятии, поскольку тогда в области истории и географии России им еще ничего не было сделано, и в русском языке он также не имел необходимых знаний и опыта. Однако он полагался на свои литературные познания, знакомство с европейскими научными традициями, с книгами и рукописями, хранившимися в академической библиотеке. Свой проект автор соизмерял с характерными европейскими корпусными публикациями исторических и дипломатических документов. По его утверждению, без такого рода изданий не может состояться “совершенное” историческое изучение России и ее народов, включая сопредельные территории, во всей хронологической глубине и тематической полноте – гражданской, церковной, ученой и естественнонаучной. Миллер здесь ставил вопрос о необходимости разработки русской археологии (“древностей”), нумизматики, хронологии и других вспомогательных исторических дисциплин, включая, согласно тогдашним классификациям, и географию. Вслед за преамбулой следовала роспись из двенадцати пунктов, в которых давалось пояснение, какие именно “материи” в виде “прилежащих известий и подлинных документов” по истории и географии Российского государства должны постепенно изучаться и вводиться в научный оборот.

¹² Проект “Объявление Предложения до исправления российской истории...” был издан на двух языках, причем русский вариант сохранился в двух дефектных экземплярах. В полном виде на русском языке текст опубликован в “Избранных трудах” Г.Ф. Миллера [с. 713–719].

¹³ См.: *Белковец Л.П.* Россия в немецкой исторической журналистике XVIII в.: Г.Ф. Миллер и А.Ф. Бюшинг. Томск, 1988.

В первой исследовательской программе Миллера представлена в большей степени еще умозрительная, но все же реальная классификационная схема. Основания для систематизации еще нечеткие, а сами описания (следует помнить о том, что проект относится ко времени, когда только зарождался язык русской исторической науки) несколько аморфные. Здесь наряду с собственно историческими источниками назывались исследовательские темы, научные проблемы и направления. Однако понять, на чем должна конструироваться доказательная научная история, все же было возможно. Воздействие этого проекта на развитие научных знаний практически не изучено. Между тем материалы, свидетельствующие о внимании к декларации Миллера, имеются. Например, В.Н. Татищев уже 19 сентября 1732 г. сообщал из Москвы в Санкт-Петербургскую академию наук о получении полезного “проекта к сочинению гистории”, доставившее ему “великое удовольствие”, и предлагал собственное участие в отношении поставленных вопросов изучения истории и генеалогии великих и удельных князей, геральдики и нумизматики¹⁴.

Первое место Миллер отводил летописям, причем это понятие у него обозначено словом “хроники”. В одной группе оказывались Степенная книга, Синописис, “Хроника Игумна Феодосия Киевского” (т.е. летопись Нестора), “Сказание” Авраамия Палицына и др. Далее – жизнеописания властителей России, начиная с Рюрика. Третью группу в предложении Миллера занимали генеалогические известия и таблицы великих князей, царей, императоров Российских со всеми известными побочными линиями (таких таблиц, отмечал автор, он уже сочинил двенадцать). “Географическое, Хронографическое и Топографическое описание всех Российскому скипетру подверженных земель, дистриктов и городов” составляло четвертую группу; в этом же разделе Миллер выделял описания некоторых городов, таких как Москва, Санкт-Петербург и т.п. Затем следовали вопросы, относящиеся к изучению русской нумизматики, фалеристики и геральдики, описанию древностей и “натуральных вещей”, представляющих интерес для Кунсткамеры. Наряду с критическим анализом сочинений иностранцев обозначена также необходимость разработки истории географии России, церковной истории во всей возможной полноте, включая дохристианский период, а также ученой истории, состоявшей из истории учебных заведений, происхождения письменности, книгопечатания, включая полную библиографию изданных в России книг. Развивая это направление, Миллер говорил о региональной и тематической истории, в том числе обозначая такие конкретные сюжеты, как известия о Камчатке, описание Готторпского глобуса и т.д.

При обращении вновь к позднейшим мемуарным новеллам Миллера, вкрапленным в его “Историю Академии наук”, в них можно найти важные уточнения. Так, он вспоминал, что своим проектом 1732 г. предлагал улучшить русскую историографию, публикуя собрание разнообразных сведений о развитии и прогрессе России с самого ее начала. “Главное содержание этой моей работы, по моему замыслу, – писал Миллер, – должно было представлять собой выдержки и переводы из русских летописей и других исторических рукописей” [с. 645]. Очевидно, выдвигая первую

¹⁴ Татищев В.Н. Записки. Письма. М., 1990. С. 151–152.

исследовательскую программу, Миллер стремился максимально широко и всеохватно (в пределах знаний того времени) описать корпус источников по истории России. При этом не ставилась, да и не могла ставиться задача давать им качественные характеристики, формулировать обоснования информационного потенциала того или иного типа и вида источников, поскольку в абсолютном большинстве своем эти источники оставались для науки *terra inkognita*. Данным и другими своими проектами, являющимися ярким памятником русской научной мысли XVIII в., Миллер сознательно задавал предельно возможные параметры, превышающие силы одного исследователя, и время, отпущенное ему. Именно такой несоизмеримый масштаб имела составленная им в 1740 г. инструкция для своего сменщика в научном путешествии по Сибири адъюнкта И.Э. Фишера: исследовательская программа по комплексному изучению края включала около 1300 вопросов¹⁵.

Десять сибирских лет дали Миллеру огромный запас знаний, уникальных сведений об истории и географии всего пространства Российской империи, тот исследовательский опыт, который позволяет говорить о завершении его профессионального формирования. Миллеру, вернувшемуся из Сибири в столицу, не было равных среди современных ученых, работавших в области гуманитарных и смежных наук. Результатом этой экспедиции явились многочисленные труды (книги, статьи, публикации) Г.Ф. Миллера по истории, географии, этнографии, археологии, языкознанию, астрономии, геодезии и картографии, причем значительная часть остается до сих пор неизданной на русском языке; им также была собрана обширная коллекция письменных и археологических исторических источников, которая до настоящего времени не может считаться полностью освоенной. Но кроме всего прочего, работа в архивах Сибири дала Миллеру отчетливое представление об источниковом потенциале архивов европейской части Российской империи с ее старинными городами, и в особенности Москвы, которая с тех пор постоянно манила его.

По возвращении в феврале 1743 г. в Санкт-Петербург Миллер, в буквальном смысле перенасыщенный знаниями, среди прочих своих трудов подготовил новый концептуальный проект. В марте 1744 г. в пространной записке на имя президента Академии наук графа К.Г. Разумовского он сформулировал предложение об организации Исторического департамента для изучения и написания истории и географии Российской империи¹⁶. Идея создания специализированного научно-исследовательского, архивного, археографического и библиографического центра опережала время, и повторное в августе 1746 г. предложение об учреждении при Академии наук с местонахождением в Москве такого департамента не получило поддержки¹⁷.

¹⁵ РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портфель 508. Л. 1–140. В полном виде этот важнейший для науки XVIII в. программный документ не опубликован. Отдельные составляющие и в особенности этнографическая часть неоднократно исследовались в трудах В.В. Радлова, А.И. Андреева, М.О. Косвена, А.Х. Элерта и др.

¹⁶ *Пекарский П.П.* История Императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1. С. 338.

¹⁷ 7 августа 1746 г. записка Миллера зачитывалась в Канцелярии Академии наук в присутствии президента, который объявил “что оный его проект весьма хорош”, но автору сле-

Кроме организационных вопросов в данной записке одно из центральных мест занимает первый раздел, описывающий корпус источников, являющихся базовым основанием для изучения истории России. В характеристиках для языка Миллера выражениях это положение выглядит так: “способы, по которым историю о Российской империи сочинять надлежит, суть нижеследующие”¹⁸. Далее идет перечисление основных групп и видов исторических источников в следующей последовательности: 1) письменные источники (“письменные исторические книги”), включая степенные книги, летописи и хронографы; 2) письменные источники по татарской истории на татарском, турецком и персидском языках; 3) архивные материалы, хранящиеся в Москве, Санкт-Петербурге и других “знатнейших” российских городах; 4) жития тех святых, которые имеют отношение к историческим событиям; 5) письменные источники, находящиеся в церковных и монастырских хранилищах; 6) эпиграфические источники (“надгробные и другие надписи”) из московских монастырей и церквей, а также других “знатнейших” городов¹⁹; 7) родословные книги; 8) древности российские во всем возможном многообразии, “из которых о древних временах и приключениях хотя не совершенное, однакож не совсем отменное свидетельство получить можно”²⁰; 9) устные источники – “словесные повести... у простых людей находящихся в памяти; но понеже в них много баснословного случается, того ради с осторожностью принимать должно”; 10) печатные иностранные исторические книги о России, Лифляндии, Курляндии, Пруссии, Польше, Швеции, Дании, Германии, Турции, Персии, Китае и других государствах, в которых содержится информация, относящаяся к российской истории и, особенно, к истории войн и международных отношений. Трудно судить однозначно, но представляется, что это перечисление исторических источников имеет и ценностный, т.е. иерархический характер, хотя во многих своих сочинениях Миллер отстаивает значение любого вида, особенно при отсутствии нарративных текстов.

В отличие от проекта 1732 г. в документе, составленном в 1744 г., описание корпуса источников более содержательно и логически обоснованно, а сам текст демонстрирует удивительную скорость становления русского научного языка, в процессе развития которого Миллер сыграл, безусловно, выдающуюся роль. Самое главное, что новый проект базировался не на умозрительных представлениях как раньше, а на реально изученных исторических памятниках. О глубине знаний и интуиции ученого свидетельствуют последующие разделы, в которых даны пояснения и важные уточ-

дует сосредоточиться исключительно на сочинении сибирской истории. См.: Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1895. Т. 8. С. 213. Созданный в 1748 г. внутри Академии наук Исторический департамент имел совершенно иные задачи и концептуальные основания.

¹⁸ Там же. С. 187–188.

¹⁹ Миллер с первых дней Сибирского путешествия, начиная с Новгорода Великого, Торжка и т.д. занимался копированием и сбором эпиграфических памятников. См.: СПб ФА РАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 164; Материалы... Т. 8. С. 195–212 и др.

²⁰ Эти вопросы Миллера особенно занимали во время изучения Сибири, когда он столкнулся с тем, что о древнем периоде письменных известий не находилось, а во множестве находимые в Сибири и ее недрах артефакты требовали адекватного прочтения. В “Истории Сибири” и других сочинениях этого цикла данным вопросам ученый уделял большое внимание.

нения. Так, в пятом разделе он писал, что при Академии уже накоплено определенное количество рукописных источников, однако много больше материалов хранится на местах у отдельных владельцев. Поэтому, продолжал он, необходимо издание публичных указов, по которым владельцы таких “рукописных исторических книг-летописцев” приносили бы их в губернские и городские канцелярии, а уже оттуда документы направлялись бы в Академию наук “для списывания с оных при департаменте истории копий”²¹. После этого подлинники возвращались бы владельцам. Причем Миллер подчеркивал необходимость особо внимательного отношения к региональным и городским летописцам. На примере печатного Синописа он говорил, что такие источники не могут считаться общероссийскими и в частности Синописис – это источник по истории Малой России, “или так называемой Украины”. Но если это редкие и уникальные документы и, тем более, если они содержат детали местной истории, “тем оне нужнее и полезнее к сочинению всеобщей российской истории служить могут”. По его представлению, должны были существовать (и тогда их следовало разыскивать) казанские и астраханские летописцы, “и ежели слуху поверить, то и Новгород, Устюг, Смоленск, может быть еще и другие знатные города, свои особливия истории имеют”²². Накопленное при Академии наук собрание рукописных источников на татарском языке, пояснял Миллер, можно пополнить путем целевого сбора среди казанских, касимовских и романовских татар. В свою очередь, история завоеванных провинций в балтийском регионе, принадлежащая теперь к российской истории, должна пополняться как за счет изучения городских, губернских, рыцарских и магистратских архивов, так и через публичное объявление о сборе и копировании “письменных книг и старинных исторических документов оных земель”, хранящихся у лифляндских и эстляндских дворян. Таким же образом, по мысли Миллера, следует собирать родословные книги, жалованные грамоты и прочие документы среди знатных и титулованных русских дворян.

Архивам Москвы и Санкт-Петербурга Миллер справедливо отводил особое место, и потому их изучение возлагал на руководителя Исторического департамента – историографа (эту должность Миллер предлагал учредить в расчете, что она ему же и достанется). Его особенно волновали тогда местонахождение и сохранность архивов Разрядного и Посольского приказов, “потому что они к сочинению истории весьма нужны будут”²³. Опасаясь, что эти архивы хранятся в небрежении, гниют от сырости, пожираемы мышами и червями, не разобраны (“набросаны в кучи”) или даже разодраны, все равно, писал ученый, прилежное “пересматривание оных” позволит обнаружить что-нибудь важное для изучения истории. Городские, провинциальные и губернские архивы, в которых также можно “собрать самые лучшие известия” должны были изучать адъютанты.

Таким образом, фактически речь шла о создании постоянно функционирующей системы археографических экспедиций, главными участни-

²¹ Материалы... Т. 8. С. 189.

²² Там же. Для сравнения: из инструкции Г.Ф. Миллера, составленной в конце 1759 г. для переводчика А. Дубровского: “13. Ежели где можно достать какие манускрипты, чертежи, планы и ландкарты, оные выпросить для Академии и прислать сюды при репортах. Буде же достать невозможно, то только уведомить Академию о том письменно”. Цит. по: Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России: Избранное. М., 1996. С. 367.

²³ Материалы... Т. 8. С. 190.

ками которых должны быть в центре – глава учреждаемого департамента – историограф (с местонахождением в Москве) и один-два адъюнкта “в посылке”, работающие по заданиям и инструкциям, составленным руководителем с задачей сбора и копирования исторических материалов в нестоличных городах, монастырях и церквях. Умудренный знанием и личным опытом, Миллер особо подчеркивал необходимость соблюдения крайней щепетильности, “дружеского обходительства” при сборе материалов, поскольку строгие приказы, позволяющие реквизировать документы у владельцев, скорее всего приведут лишь к утаиванию искомого.

В преамбуле к проекту 1744 г. имеется одно исключительно интересное рассуждение, на которое, кажется, еще не обратили должного внимания. Обосновывая необходимость создания специализированного Исторического департамента, Миллер писал, что уже известные исторические источники (“письменные исторические книги и летописцы”), “из которых мы по сие время Российскую историю почерпаем”, недостаточны, поскольку в них содержится исключительно династическая и военная история, да и то не в полной мере. Без специальных, выражаясь современным языком, археографических изысканий и при сохранении источниковой базы в прежнем объеме, по его убеждению, не приходится рассчитывать на “получение подлинной пользы в истории”, поскольку отсутствует информация “в пример всяких учений о государственных и народных делах”. Представляется, что этот текст допустимо интерпретировать как такую постановку исследовательских задач в области истории, которая несравненно шире поныне существующих стандартных описаний уровня философии истории XVIII столетия.

В 1750 г. вышел на русском языке первый том его истории Сибири под навязанным автору заголовком “Описание Сибирского царства” – первое в мировой литературе фундаментальное тематическое исследование, основанное на максимально возможной источниковой базе (в полном виде на русском языке не издано). Классический труд Миллера, составивший эпоху в развитии русской исторической науки, послужил образцом для других региональных исследований и до настоящего времени сохраняет научное значение. Предисловие, написанное Миллером для этого издания, разъяснявшее позицию автора, цели, задачи и способы их решения, было запрещено к публикации, и в итоге первая научная монография на русском языке вышла лишенная важнейшей составной части. Между тем именно в этих нескольких страницах ученый, исполняя “свою должность”, предъявлял “благодарному читателю... употребленные к сему делу способы и как я в сочинении сея истории поступал...”

Рассказывая о том, как во время путешествия по Сибири во всех городах изучал местные архивы и выписывал необходимые материалы, Миллер неоднократно подчеркивал, что он исполнял свой профессиональный долг, который, как это можно понять из нюансов текста, может быть несколько отличным от служебных обязанностей. О результатах проведенной профессионально работы свидетельствуют привезенные тридцать пять больших книг документов – точно списанных “подлинников” и копий. Эти “архивные списки”, пояснял далее Миллер, и составили прочный фундамент издаваемой истории Сибири. Недостаток источников по ранней истории Сибири отчасти компенсируют общерусские летописи, хронографы,

степенные книги, местные сибирские летописи, жалованные грамоты и иные указы из собрания баронов Строгановых. Далее в предисловии следовал рассказ, многократно повторенный в последующих трудах по истории и историографии Сибири о том, как ученый находил во всех городах разные сибирские летописи, списки с которых, а также Тобольскую летопись в подлиннике он привез в Санкт-Петербургскую академию наук. Роль Миллера в сохранении местных летописей и их глубоком исследовании известна. Но одно его рассуждение, имеющее прямое отношение к рассматриваемой здесь теме, целесообразно воспроизвести полностью: “Правда, что я часто принужден был некоторые сибирских летописей известия отвергать, иногда инако толковать, а иногда и поправлять, токмо оне не препятствуют, чтоб оных летописей не почеть между *главнейшими основаниями моей истории*...”²⁴

Летописи Миллер планировал издавать полностью отдельно²⁵, а актовые материалы, полученные от Строгановых и скопированные в сибирских архивах, он помещал на страницах “Истории Сибири” под текстом, в котором была отсылка к документу. Этот порядок, специально пояснял ученый, он считает предпочтительным по сравнению с тем, когда авторы помещают документы “в подтверждение своего сочинения свидетельства” в приложении в конце труда²⁶. Как отражение нападок тех коллег по Академии, которые считали, что Миллер наполняет свою работу лишними деталями и изводит “казенную бумагу”²⁷, он писал: “Свидетельств совсем не сообщать то же было бы, якобы я в источниках, из которых сам почерпал, другим завидывал, и не подал бы я повод, чтобы сию историю в разных местах почитать баснословною, ежели бы все обстоятельства, которые хотя мало важны, *достоверными свидетельствами утверждены не были*.”

Разве сие кто может почитать за излишнее, что часто для таких обстоятельств, которые коротко предъявлены быть могут, целые грамоты или отписки для свидетельства внесены. И в правду бы так было, ежели бы свидетельства, на которые я ссылаюсь, уже в других печатных книгах находились или бы списки с них у многих людей в руках были. Но я нахожусь первым, который оные сообщает, и знающий читатель за то, что сообщаю полные, благодарить будет. Любопытные люди увидят во оных еще много других достопамятных дел, для которых всякой чести удостоены быть должны. Кто к старинным архивным письмам и к штилю оных привыкнет,

²⁴ Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 161.

²⁵ Опубликование сибирских летописей руководством Санкт-Петербургской академии наук было сочтено вредным и запрещено.

²⁶ В издании “Истории Сибири” 1937 г. и в новейшем переиздании этот порядок нарушен, и документы помещены в приложение, что не только нарушает авторский замысел, но и усложняет восприятие и снижает доказательность, которой столько внимания уделял Миллер. Кстати в изданиях XX в., по сравнению с 1750 г., исчезла “Хронологическая роспись...”.

²⁷ В предисловии к публикации “Истории Сибири” на немецком языке в “Sammlung Russischer Geschichte” Миллер, разъясняя причины, по которым в русском издании приложены тексты документов, а в немецком нет, писал: «Если эту “Историю” кто-либо вздумает упрекать за то, что она слишком пространна и часто касается мелочей, польза которых не очевидна, то ведь это является общим недостатком многих подобных историй отдельных местностей и городов. Для русского же, в особенности для сибиряка, не легко установить, что будет лишним в моем рассказе. Для таких-то читателей эта книга, собственнo говоря, и написана». Миллер Г.Ф. История Сибири. С. 326.

тот подлинно оные читать будет со довольствием, как бы намерения читателей или причины удовольствия различны ни были”²⁸. Рассуждению о пользе древних архивных писем Миллер посвятил следующие два абзаца. По сути, это панегирик старинному русскому языку, признание подлинной любви автора к архивным текстам, которое было не простой декларацией, но логическим переходом к следующему тезису.

Зарубежные ученые признают себя счастливыми, писал далее Миллер, если находят старинные документы и даже с незначительным содержанием, стараются быстрее их опубликовать большими книгами, предоставляя потомкам материал для сочинения истории. Предисловие к Сибирской истории, как и почти все предисловия ученого к собственным трудам и к археографическим изданиям, являлось и пояснительным текстом и, одновременно, программным документом. В рассматриваемом сочинении Миллер пояснял, что в Сибири им обнаружено и скопировано такое количество “старинных писем”, имеющих отношение не только к региональной истории, но и способных служить “при будущем сочинении общей Российской истории *основанием*”, что при желании можно поступать так же, как и за рубежом, и издавать отдельные документальные сборники. Однако и десять лет, проведенных в сибирском путешествии, несмотря на все предпринимаемые усилия по сбору в архивах “письменных известий”, оказались недостаточны и он “всех источников... вычерпать не мог”²⁹.

Если актовые и другие письменные источники по определению обладают высокой степенью достоверности, то “устные предания и повести”, пояснял Миллер, имеют иные природу и источниковые качества, но все же и они используются в истории Сибири. Таким материалам можно верить в той мере, в какой можно верить труду исследователя, отвечающего своим добрым именем профессионала. Дабы ни у кого не зародилось сомнения в добросовестности ученого, самой вероятности сочинения им ложных известий (“какое бы то было дерзновение выдумывать, чего не бывало”) то, пояснял он, собирая устные свидетельства, “ездил не один, но имел многих свидетелей моих дел и трудов”³⁰. Миллера больше волновало иное, а именно то, что в полевых условиях невозможно заранее предусмотреть и задать все вопросы, также как не всегда удается получить от информатора ожидаемый ответ³¹. Поэтому если в будущем удастся обнаружить новые важные

²⁸ Там же. С. 162.

²⁹ Там же. С. 163. Миллер первым применил слово “источник” в качестве научного термина. См. подробнее: *Илизаров С.С.* О формировании термина “исторический источник” в русской научной литературе XVIII в. // *Источниковедение отечественной истории: Сборник статей.* 1984. М., 1986. С. 199–210.

³⁰ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. С. 164.

³¹ Так, по пути следования в Сибирь Миллер, проводя этнографические наблюдения над языческими народами Казанской губернии, надеялся “получить у сих народов о древних их временах, о их происхождении, о прежних жилищах, о бывших войнах и о прочем, некоторое хотя не ясное и с баснословными обстоятельствами соединенное известие, но тщетно. На таковые вопросы они ни малаго ответа дать не умеют, а извиняются своею простотою, которая им о таких делах размышлять не позволяет. Все то, что я к приращению Истории и Географии по сказанию их собрать мог, состоит токмо в малом числе названия народов, городов и рек на разных языках сих народов. Потребнаго произведения и причин оным званиям довольных разсуждений о изобретении новых, или к подтверждению исторической истинны древних времен, не всегда выведать мне можно было” [с. 447–448].

для объяснения исторических событий устные известия, то это не должно служить причиной подвергнуть сомнению достоверность приводимых им в “Истории Сибири” данных.

Проблемы достоверности и обоснования неизменно занимали Миллера, и в рассматриваемом предисловии после рассуждений об устных источниках он вновь возвращается к особенностям построения своего труда. Исследователь отмечал, что его “История Сибири” существенно отличается от принятых в литературе стандартов, от образцовых описаний “славнейших древних историков”, которые ведут свое повествование без обоснования и ссылок на источники. Поэтому такие сочинения приятнее читать, “но мое расположение есть полезнее, потому что я стараюсь предлагаемое мною утверждать везде доводами и рассуждаю об известиях и о сочинителях оных по правилам вероятности и якобы с читателем совокупно, которой здесь также рассуждать может и тому, что я пишу, просто верить не обязан. Когда древние историки толико себе приписывали, чтобы их словам верить без доказательств, то они щастливы, что им в том удалось”³². Иное дело, если были бы общедоступны письменные источники, и тогда читатели могли бы выносить обоснованные суждения о том, в какой мере и верно ли историк использовал соответствующие материалы. Возможные лакуны в “Истории Сибири” Миллер объяснял неполнотой “достоверных известий” и выражал уверенность, что эту работу возможно будет сделать гораздо полнее и даже “почти в совершенство привести... ежели мне дастся позволение в Москву ехать и Сибирского приказа архиву таким же образом, как я делал во всех Сибирских городах, употребить в общую пользу”.

Стремление оказаться в Москве проходит рефреном через годы жизни Г.Ф. Миллера, но на долгом пути к исполнению этого желания были пятнадцать многотрудных лет, наполненные исследованиями и публикациями, каждые из которых существенным образом влияли на прогресс научных знаний. Достаточно напомнить о таком событии, как издание Миллером с 1755 г.³³ по 1764 г. в Санкт-Петербурге журнала “Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие”, ставшего первым и лучшим на протяжении всего XVIII в. в России научно-популярным и литературным журналом. На страницах “Ежемесячных сочинений” публиковались сочинения многих современных литераторов, членов Академии наук; впервые на русском языке здесь были изданы важнейшие труды античных авторов, произведения современных философов, ученых и просветителей. Как известно, автором большинства исторических и географических материалов, помещенных в журнале, был сам Миллер. Простое перечисление его работ, впервые опубликованных в этом издании, заняло бы большое место. Напомню только, что именно здесь на русском языке увидели свет его исследования о Несторе, о бывшем городе Ниеншанце, существовавшем до основания Петром I новой столицы, цикл работ по истории, географии,

³² Миллер Г.Ф. История Сибири. С. 164.

³³ Следует напомнить, что в том же 1755 г. благодаря усилиям Г.Ф. Миллера увидело свет “Описание земли Камчатки” его бывшего во время Сибирской экспедиции ученика С.П. Крашенинникова. Как и в других случаях, в предисловии к данному изданию Миллер не только давал биографию автора публикуемого сочинения, но и, характеризуя его научное значение, неоднократно подчеркивал необходимость проведения исторических и географических исследований, дающих подлинную и достоверную информацию.

экономике и этнографии Сибири, о происхождении и истории казаков, а также труды, посвященные истории науки, картографии и т.п.

Все большие и малые произведения Г.Ф. Миллера базировались на максимально возможной для своего времени источниковой базе. Так в очерке о Ниеншанце кроме отечественных и зарубежных материалов ученый использовал визуальные наблюдения над едва сохранившимися остатками старой шведской крепости, которые он сравнивал с планами петровского времени. Миллеру принадлежит первенство в формулировании исследовательской темы и разработке истории феодальной средневековой Новгородской республики. Его “Краткое известие о начале Новагорода и о происхождении Российского народа, о Новгородских князьях и знатнейших одного города случаях” явилось не только новаторским для того времени исследованием, но и оказало исключительно большое влияние на развитие в России общественной мысли, искусства и литературы. Под прямым его воздействием находились А.Н. Радищев, Н.М. Карамзин, А.С. Пушкин, декабристы и др. Лишь однажды, в 1761 г., эта работа увидела свет на страницах журнала “Ежемесячные сочинения”. И здесь также применен весь спектр источников – известия иностранного происхождения, скандинавские саги, русские летописи, устные свидетельства, данные сравнительного этимологического анализа и проч.

В этом же журнале в начале 1761 г. публиковалась монография Миллера “Опыт новейшей истории о России”, первый в отечественной науке фундаментальный труд, посвященный России XVII века. Данное сочинение Миллера занимает особое место в историографии не только своей тематикой, но и тем, что во вводной части этой работы ученый представил подробный анализ источниковой базы по истории нового времени, *“дабы всяк видел, на каком я основании полагаюсь, а особливо для того, что еще ничего из них в печать не произведено, но все хранится в библиотеках и кабинетах”* (с. 159). Выделенные и описанные группы и виды источников, сопровождаемые тонкими характеристиками, придают этому тексту высокую степень новизны и, прежде всего, в методическом плане. Стоит обратить внимание на строго логическую последовательность в характеристике исторических источников.

Главными и наиболее совершенными среди источников русской истории ученый считал летописи, подлинность известий которых подкрепляется тем, что каждое отмеченное здесь событие имеет дату. Никакой народ, отмечал Миллер, “подобным сокровищем, толь много лет в непрерывном продолжении включающим, хвалиться не может”. Вторыми по степени важности историческими книгами являлись хронографы, которые он характеризовал как опыт всеобщей светской истории. По его наблюдениям, со времени падения Византийской империи в содержании хронографов начинает большее место занимать российская история, “кои однако написаны не со всеми обстоятельствами”. Авторов хронографов ученый назвать не мог, но высказывал предположение, что ими, скорее всего, были монахи, знавшие греческий язык.

Следующее после хронографов место по степени важности занимала Степенная книга. Миллер, который в 1775 г. уже в Москве первым в истории археографии издаст этот исторический памятник, назвал его методическим сочинением, “собранным из летописей, и по порядку правлений и

знатнейших дел оных так расположенным, что все то, что к одному делу надлежит, вместе находится”. Однако в отличие от строго датированных и потому “совершенных” древнерусских летописей, Степенная книга лишена этого качества, а исходя из анализа содержания с преобладанием церковных сюжетов, их авторы, считал Миллер, имели церковное происхождение, и прямо указывал на митрополитов Киприана и Макария.

Далее в обзоре источниковой базы по новейшей русской истории Миллер называл и анализировал: “Летопись о мятежах и о разорении Московского государства” (этот источник был в 1771 г. издан М.М. Щербатовым, который, как известно, причислял себя к школе Г.Ф. Миллера), “Ядро Российской истории” А.И. Манкиева, сочиненное, как считали тогда, на основании свидетельств доступных списков князем А.Я. Хилковым, а также родословные и разрядные книги. Последние две группы получили особенно подробную характеристику, и здесь же была разобрана история происхождения разрядных и родословных книг в связи с особенностями внутреннего устройства Московского царства, ролью служилого дворянства, местничеством и его упразднением и т.д. В вопросе о достоверности родословных книг осторожный Миллер ограничился только одним, но существенным замечанием: “... всегда ли оныя росписи были основаны на подлинных известиях, сие остается другим на разсуждение”. Зато в исследованиях он неоднократно отмечал высокую степень достоверности разрядных книг “для их подлинности” и при решении спорных вопросов, безусловно, отдавал предпочтение им в сравнении с иными источниками, в частности с “Летописью о мятежах...”.

Миллер, еще ни разу не побывав в Москве и, следовательно, не имея реальной информации о тамошних архивах, первым указал на “архивные письма” как на исключительно ценный исторический источник. Благодаря доскональному изучению архивов сибирских городов, где сохранялась среди прочего распорядительная документация XVI–XVIII вв., исходящая из Москвы, он мог отчетливо представить информационный потенциал приказного делопроизводства. Копии документов центральных органов власти эпохи Смутного времени, найденные в Сибири, позволили Миллеру провести первое научное исследование по новейшей истории. В случае открытия государственных архивов в Москве и в других больших городах России “архивные письма”, прозорливо заключал историк, окажутся “яко прежде во всей России неизвестное сокровище” [с. 163]³⁴. В своем обзоре источников ученый специально не останавливался на эпиграфических материалах, но в самом тексте он приводил их во множестве (надписи с надгробий царевича Дмитрия, а также Романовых, похороненных в Новоспасском монастыре).

Вообще “Опыт новейшей истории” – одно из самых рефлексивных произведений Миллера. Здесь же в подстрочнике обширнейший справочный аппарат, обильные цитаты, много уточняющих комментариев и толкований устаревших понятий (бояре, окольнічы, думные дворяне и т.п.), особенно ярок и выразителен стиль изложения.

³⁴ В одном месте он прямо писал, что ввиду нехватки прямых источников и потому неясности было ли в начале правления царя Бориса отправлено посольство к Римскому императору, “должно бы справиться в архиве прежняго Посольского приказа в Москве, не находится ли там чего о помянутом посольстве” [с. 186].

Выбранный для изучения период, представленный разноречивыми источниками, взаимоисключающими оценками участников и современников событий Смутного времени, требовал от историка усилий больше обыкновенного. Поэтому данное сочинение отличается обширностью и детальностью доказательной базы, как со стороны логики изложения, так и оценки достоверности источниковой информации. К примеру, анализируя подозрения ряда авторов об отравлении Борисом Годуновым царя Федора Ивановича, Миллер писал: “Таким то образом думают понятную сделать статскую тайну, которая *основание имеет на одном подозрении народа*. Много есть таких примеров, что смерть высоких владетелей приписывали отравлению по напрасну, как будто бы Государя, не так как и прочие люди натуральною смертию умереть могли. *К таким обвинениям больше потребно доказательств...*” [с. 175].

Как уже не раз отмечалось, принцип обоснования знания, что для методологии истории Миллера синонимично принципу достоверности исторических реконструкций, с публичной демонстрацией состава и содержания эмпирической базы, являлся важнейшим для ученого. В незавершенном публикации исследовании “Опыт новейшей истории о России” этот принцип представлен наиболее выразительно. Но кроме этого был еще один момент, выделяющий данное произведение. Сравнительный анализ, поиск аналогий, с помощью которых можно попытаться понять казуальные явления, стимулировали научный интерес Миллера и направляли его на изучение сложных и специфических сюжетов. Пытливого ученого неизменно привлекали крутые изломы и драматические повороты истории: эпохи смены династий, внутренних неурядиц, смут, бунтов, войн с победами и поражениями, периоды правления ярких политических деятелей и т.п. Высокий профессионализм ученого, как он сам выражался – “должность историка”, требовали обязательного изучения и осмысления именно таких ключевых моментов, когда на небольшом временном отрезке концентрировались события, определявшие движение, скорость и направление исторического процесса.

Миллер был настоящим и неукротимым исследователем. Ему неоднократно приходилось сталкиваться с непониманием со стороны коллег по Академии наук, стоявших на иных, охранительных позициях, непониманием, подчас переходившим в демагогические дискуссии, а затем в агрессивные нападки, которые могли завершаться запретами на публикацию результатов исследований и даже репрессиями. Имея такого рода негативный опыт³⁵, приступая к описанию истории Смутного времени, Миллер оче-

³⁵ Речь идет о достаточно известных в литературе событиях, связанных с запретом президента Академии наук графа К.Г. Разумовского Миллеру заниматься генеалогическими работами; с беспрецедентной для того времени по длительности и результатам “дискуссии” 1749–1750 гг. по диссертации Миллера и др. Одной из главных демаркационных линий в непримиримых позициях Миллера и Ломоносова как раз и был вопрос о праве ученого на изучение всех без исключения аспектов истории. В ответ на 55-е возражение Ломоносова Миллер писал: “Не знаю, какого рода представление об историческом писателе и об исторических рассуждениях составил себе Ломоносов, если он делает мне возражения, каких я, пожалуй, вообще ни от кого не слыхал. Он хочет, чтобы писали только о том, что имеет отношение к славе. Не думает ли он, что от воли историка зависит писать, что ему захочется? Или он не знает, каково различие между исторической диссертацией и панегирической речью? Откуда он почерпнул это правило, будто следует умалчивать о том, что

видно предвидел, что его новый труд не всеми будет встречен одобрительно, поскольку период русской истории от воцарения Бориса Годунова до Михаила Романова “не такое время, которое великолепно представляется мыслям нашим, или котораго память достойно бы было выхвалить потомству”. Поэтому в преамбуле он довольно обстоятельно писал о праве и обязанности историка изучать прошлое без изъянов и умалчиваний. На свете не существует государства, писал ученый, в истории которого не было бы “...неблагополучных времен, и в коем бы не переменались счастье и несчастье, сила и слабость, завоевания и опустошения? История государств уподобляется картине, имеющей тень, которая потребна к тому, дабы ясность и превосходство чрез то казались великолепнее” [с. 158]³⁶. Однако ни логически выверенные обоснования, ни строго научный характер труда не помогли, и Миллер, обвиненный одним из коллег по Академии наук в очернительстве, был вынужден прекратить издание одного из важнейших своих сочинений³⁷.

В рассматриваемый период, т.е. до 1760-х годов, Миллер не раз испытывал на себе непонимание, сопровождаемое (зачастую в грубой и оскорбительной форме) ограничением в исследовательской деятельности. Это не могло не усилить его давнего стремления покинуть Санкт-Петербург. Последний период жизни Г.Ф. Миллера (1768–1783 гг.) прошел в Москве.

не относится к славе? ...ведь между славой и бесславием есть обширнейшее поле для истории, занимаемое большим количеством фактов и событий, которые могут происходить у какого-нибудь народа или рассказываться о нем” (*Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 67–68). Методологическим, если так можно выразиться, итогом споров стал аксиоматический постулат, выраженный Миллером так: “Ложен в исторической науке закон, будто следует умалчивать о том, что способствует увеличению славы других народов” (Там же. С. 76).

Созвучные даже стилистически мотивы можно встретить во многих текстах европейских историков. Например, в предисловии немецкого историка первой трети XVI в. Иоганна (Турмейра) Авентина к “Анналам князей Баварии” (в немецком издании – “Баварская хроника”), которые, скорее всего, были знакомы Г.Ф. Миллеру, поскольку входили в общегерманский круг чтения, говорилось: “Должно описывать и добро и зло, и подъемы и падения. Счастье и несчастье стоят рядом. Тем поучительнее и полезнее это читать” (*Иоганн Авентин.* Баварская хроника. Введение // Доронин А.В. Историк и его миф: Иоганн Авентин (1477–1534). М., 2007. С. 232).

³⁶ В рассматриваемом сочинении Миллер выступает не только как рефлексирующий эмпирик; здесь он как ни в одном другом своем произведении являет себя выраженным морализирующим историком, предвосхищающим стилистику историописания сентименталистов. Например: “Сверх того здесь есть же довольно достопамятных дел, достойных описания для нашего наставления. Когда вся история должна из примеров показывать нам правила, по коим учредить и расположить наши поступки, то не токмо похвальные дела производят сие действие; но и рассказывание о порочных, безрассудных, дерзновенных, изменнических и безчеловечных делах в себе содержат толь много полезного, что еще казаться может сомнительным, имеют ли в том преимущество благополучнейшие и достохвальнейшие случаи, что касается до пользы в нравоучении и политике. Человеку сродно, взирать на доброе дело, выключая самых чрезвычайных, яко на обыкновенное, без великаго возторга. Но злое возбуждает ужас, когда живо изображается. Пускай порок примет вид добродетели, сколь долго может; время делает оной известным и мерским. Польза от нравоучения по правилам не так велика у многих людей, отдалившихся от пути добродетели, как то наставление, которое примерами других научает удаляться от погрешностей и несчастья” [с. 158–159].

³⁷ См.: *Пекарский П.П.* Редактор, сотрудники и цензура в русском журнале 1755–1764 годов // Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1867. Т. 2, № 4. С. 52–56.

Причины и обстоятельства исхода из столицы, характер его многообразной научной и научно-организационной деятельности в Москве в основных моментах известны³⁸.

Именно в Москве ему удалось выполнить большое число археографических изданий – в их числе публикации документов как исторических источников и первая в практике русской науки публикация памятников русской научной мысли и литературы XVIII в. Каждое документальное издание Миллер сопровождал предисловием, в котором обосновывал необходимость публикации, оценивал историческое значение текста, описывал принципы издания и т.п. Большинство этих предисловий, собранные воедино, вошли отдельным блоком в сборник “Избранные труды” Г.Ф. Миллера. Они дают выразительную картину, характеризующую творческий метод ученого, его вклад в развитие источниковедения, археографии, дипломатики и других исторических дисциплин.

Еще в 1740-е годы, когда Г.Ф. Миллер выдвигал проект Исторического департамента, он, озабоченный сохранением рукописного и книжного собрания В.Н. Татищева, безуспешно просил о своем командировании в Москву (в ней ученый еще ни разу до того не был) для приобретения или копирования материалов своего старшего современника³⁹, труды которого высоко ценил. Этим двух людей сближало очень многое и, кстати, именно Татищев относится к числу тех немногочисленных современников, кто в полной мере понимал значение и оценивал по достоинству новаторский характер работ Миллера.

История первого издания “Истории Российской” Татищева 1768 г., подготовленного Миллером, хорошо известна, прежде всего, благодаря рассказу самого археографа, помещенному в предисловии к первому тому. Плохое качество манускрипта, полученного Московским университетом от сына Татищева, послужило причиной обращения за помощью именно к этому ученому, поскольку он был тогда единственным профессионалом, способным выполнить эту исключительно сложную археографическую работу. Миллеру пришлось потратить много времени и сил, чтобы издание соответствовало принципу сохранения подлинного авторского текста, как в языковом, так и смысловом отношении. Однако рукопись содержала такое количество описок в именах иностранных авторов (особенно античных), в названиях народов и городов, что точное воспроизведение текста без тщательной подготовки “ожидаемой от нея пользы совершенно достигнуть было бы не возможно”. Миллер отчетливо осознавал меру ответственности перед “искусными исторической науки любителями” и потому в предисловии объяснял характер и меру вмешательства в издаваемый текст, дабы “показанием наблюдения верности и точности, в исторических делах толь нужного, книги сей некоторое пред другими показать совершенство, и не токмо нынешней век, но и потомство, о подлинности суищих

³⁸ Каменский А.Б. “...Сей город за центр всего государства почесть можно...”: Герард Фридрих Миллер. 1705–1783 // Краеведы Москвы: Сборник. М., 1991. Вып. 1. С. 32–44; Илизаров С.С. Академик Герард Фридрих Миллер гражданин Москвы // ВИЕТ. 1996. № 4. С. 50–92; Он же. Академик Г.Ф. Миллер – первый исследователь Москвы и Московской провинции. М., 1996 и др.

³⁹ РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портфель 421. Д. 4. Л. 28–28 об.; Пекарский П.П. История Императорской Академии наук... Т. 1. С. 348.

покойного Господина Татищева *сочинений здесь сообщаемых совершенно уверить*” [с. 731]. Далеко не во всем разделяя концептуальные позиции Татищева (особенно это относилось к гипотезе о сарматском/финском происхождении Руси), к тому же, по убеждению Миллера, противоречащие данным Нестора, археограф оставлял беспристрастным читателям судить о верности тех или иных позиций. В предисловии Миллер отсылал тех, кого интересует отличное от Татищева мнение о начальной истории Руси, к июльскому номеру журнала “Ежемесячные сочинения” за 1761 г., где был опубликован первый очерк из выше упоминавшейся монографии о Новгороде и о происхождении Российского народа.

В основном таким же по содержанию были предисловия Миллера ко второй и третьей книгам “Истории” Татищева, изданным в Москве соответственно в 1773 и 1774 гг. Так, в предисловии ко второй книге археограф вновь отмечал обилие испорченных, невразумительных и пропущенных слов, требовавших обязательного исправления и сличения текста, “при чем однако свято наблюдаемо было, чтоб от мнений сочинительных ни в чем ни мало не удаляться” [с. 732]. В предисловии к третьей книге Миллер вновь пишет о том же, добавляя, что в отдельных случаях ошибки не поддавались исправлению и “дабы самим не погрешить, до другаго времени оставлено”. Что касается содержания, то Миллер кратко и в корректной форме выражал в предисловии свое несогласие с “любимым мнением покойного Сочинителя, касающемся до происхождения Россиян и первых Великих Князей Российских от Финнов”, а также выразил более чем скептическое отношение к известиям так называемой Иоакимовской летописи.

Кроме предисловий Миллеру также принадлежит опубликованный в первом томе текст посвящения Екатерине II от имени Евграфа Татищева, в котором отмечались важность действий Петра Великого, указавшего собрать русские летописи, “дабы оныя *основанием и началом*” к сочинению истории российской служить могли и Екатерины Великой, сделавшей возможным изучать историю по документам государственного архива [с. 730].

В 1768 г. одновременно с выходом первого тома “Истории” В.Н. Татищева Г.Ф. Миллер опубликовал “Судебник Иоанна Васильевича”. Предпринимая это издание, ученый не просто вводил в научный оборот важнейшие законодательные источники, о значении которых он убедительно писал в предисловии, таким образом он публиковал памятники юридической мысли. Эта работа по составу была более сложной и не имела в XVIII столетии аналогов, поскольку текст законов сопровождался комментариями Татищева, и само издание становилось также и памятником научной мысли XVIII в. Таким образом, лаконичное предисловие Миллера имело два аспекта: первый, о котором уже сказано, – пояснение значения законодательных источников и второй – объяснение принципов издания текстов Татищева. Эти текстологические правила повторяли принципы, выработанные при издании “Истории” Татищева, “чтоб не принимая участия ни в слог, ни в разсуждениях авторских, все точно так напечатать, как им собрано и сочинено” [с. 735]. Ситуация в данном случае была существенно более простой, поскольку имелся собственноручный список Татищева, что позволяло издателю избегать невольных ошибок и произвольных исправлений.

Подготовка научного документального издания – дело не только сложное, хлопотное и шепетильное, оно требует умения решать всевозможные исторические ребусы, обосновывая и доказывая то или иное положение. Так и в каждом археографическом проекте, выполненном Миллером, демонстрируется разнообразие исследовательского инструментария, будь то обоснование выбора темы, или проблема авторства, или история публикуемого текста и т.д.

Г.Ф. Миллера до сих пор упрекают в ошибочной атрибуции известного произведения А.И. Манкиева “Ядро Российской истории”, неумышленно приписавшего это сочинение перу одного из петровских дипломатов, князю А.Я. Хилкову. При этом не очень вспоминают, что историк первым ввел в научный обиход примечательный памятник исторической мысли первой четверти XVIII в., сопроводив публикацию биографическим рассказом о жизни, как он считал, автора сочинения – пусть и не первого ряда, но все же активного деятеля бурной петровской эпохи. Миллер располагал не очень богатыми источниками (“письменными доказательствами”); он имел три списка публикуемого текста, а на основании родословных, разрядных, летописных материалов и устных свидетельств буквально по крохам собрал данные к биографии А.Я. Хилкова и разъяснил происхождение этой фамилии от Ряполовских, которые в свою очередь вели родословную от князей Стародубских. Новым стало привлечение в качестве исторических источников домовых поминальных записей, из которых иногда можно узнать даты смерти, количество прожитых лет и имена жен. Миллеру также был доступен статейный список посольства Хилкова, хранившийся в библиотеке его наследника князя А.Д. Голицына, который предоставил ученому и гравированный портрет петровского дипломата.

Вероятно, в решении авторства публикуемого текста что-то все же беспокоило археографа, иначе как понять фразу о том, что Хилков, завершив написание “Ядра Российской истории”, подготовил 7 апреля 1715 г. приношение на имя Петра I, текст которого “находится редко при котором списке. Оно либо сочинено темно и не складно, или частым переписыванием испорчено, чего ради не разсудилось оно здесь повторить” [с. 737].

Миллеру не составляло большого труда представить портретную характеристику князя Хилкова, тем более что издание сопровождала хорошего качества гравюра, но отдельные моменты в служебной карьере петровского дипломата не всегда можно было подтвердить достоверными сведениями. Такой надежный источник, как статейный список, отмечал в предисловии Миллер, безусловно, свидетельствует о дипломатическом искусстве Хилкова, а вот информация иностранного происхождения о прохождении службы русского дипломата до посылки в Швецию при других Дворах не имела “ни к подтверждению, ни к опровержению *достаточных доказательств*”.

В предисловии Миллер счел необходимым отметить свое вмешательство в текст, которое свелось к исправлению безусловных опечаток, допущенных переписчиками, путем сличения бывших в его распоряжении трех списков. Вышедшие из употребления слова и выражения также как и особенности старого правописания, характерные для автора “Ядра...”, сохранялись неизменными. Выправленный таким способом текст, сохраняющий все авторские особенности, уверенно утверждал публикатор, яв-

ляется бесспорным. Из этого примера, делал вывод археограф, следует необходимость и полезность публикации источников, которая обеспечивает дешевыми и добротными материалами всех любителей Российской истории.

Предвидя успех публикации и необходимость последующего ее переиздания, Миллер оставлял своим продолжателям решение вопросов о модернизации лексики историографического памятника, о его дополнении и доведении изложения до современности, или хотя бы до смерти Петра Великого. Сам же он считал целесообразным сохранять неизменным текст “Ядра Российской истории”, поскольку это никак не препятствует желающим писать краткие и полные сочинения по российской истории. Сохраняя таким образом в целостности авторский текст, публикатор не мог не отметить своего категорического несогласия с мнением о происхождении князя Рюрика от цезаря Августа. В довольно резких выражениях писал Миллер о том, что для подтверждения этого безусловно ошибочного представления “надлежало было иметь других свидетелей, нежели сочиненную во время Государя Царя Иоанна Васильевича Митрополитом Макарием Степенную книгу”. Далее он коротко с научных позиций обосновывал ошибочность этой родословной, имеющей, по его догадке, польско-литовские корни и не без иронии припоминал старые аргументы одного “по красноречию и стихотворству славного писателя” (своего вечного оппонента Ломоносова), который применительно к этой истории писал: “*вероятности отрецись не хочу, достоверность не вижу*”. “Какая то вероятность, – восклицал Миллер, – когда ни по которым историкам не явствует, чтоб какие Князи от крови древних Римских Кесарей происшедшие в Пруссию переселились, оное другим разсуждать оставляю” [с. 738].

К числу наиболее важных археографических публикаций Миллера относится предпринятое им в 1775 г. издание “Степенной книги царского родословия”. Как уже отмечалось, в его классификационных схемах Степенная книга как исторический источник занимала второе по значимости место после летописи Нестора. Одновременно историк справедливо рассматривал это произведение как историографический памятник – “методическое сочинение”, созданное по единому плану для общего описания всей русской истории христианского периода до Ивана IV включительно. Достоинство того или иного исторического источника, писал ученый, определяется древностью⁴⁰, авторитетом автора, важностью содержания, и по этим параметрам Степенная книга всеми “высокопочитаема”, особенно теми, кто предпочитает летописной форме связное историческое сочинение. Степенная книга, продолжал Миллер, относится к числу тех памятников, которые доносят “дух тогдашнего света”, а это является важнейшим компонентом исторического познания. Ученый обратил также внимание на то, что Степенная книга в равной мере имеет отношение и к церковной, и к гражданской истории.

Издавая Степенную книгу, Миллер, строго следуя принципам научного издания и “долгу историка”, не мог пройти мимо нескольких положений,

⁴⁰ Здесь необходимо отметить, что древность памятника сама по себе не является абсолютной ценностью, как это было у представителей антикварной историографии XVII–XVIII вв. Для Миллера – это один из важных критериев установления подлинности памятника и достоверности содержащейся в нем ретроспективной информации.

содержащихся в тексте. Согласно его концепции, именно в этот памятник впервые была введена ошибочная “не к славе наших предков” генеалогия Рюрика от мифического “Пруса, который яко бы брат Римскому Кесарю Августу” [с. 746]. Затем из этого сочинения, писал в предисловии публикатор, повесть перешла в другие книги, включая “Ядро Российской истории”, сообщения иностранных авторов и т.д. В период от времени издания “Ядра Российской истории” до подготовки Степенной книги Миллер нашел фактическое подтверждение ранее высказывавшейся им догадке о польско-литовских корнях этой “российских приказных письмоводителей” выдумки (в ответе бояр польским послам в 1578 г.).

Скорее по причинам морального характера Миллер отводил от митрополита Макария подозрение в возможности участия в составлении “древнеримского” родословия русских великих князей и писал, что только после его смерти, когда басня со временем приняла вид истины и в Москве распространяться стала, то писцы и внесли “оную и в Степенную Книгу, хотя бы лучше сделали, не вносить ее в книгу, которая имела дойти, и дошла, и доходить будет до поздних потомков” [с. 747].

Другой вопрос, который требовал небольшого комментирования, касался включения в список великих князей московского князя Даниила Александровича, который “был сын, брат и отец Великих Князей, но сам на Великом Княжении не был”. Определенное внимание Миллер уделил опровержению бытовавшего мнения о строительстве князем Владимиром Святославичем города Владимира на Клязьме. В небольшой справке о преимущественно юго-западном направлении градостроительной деятельности Владимира I Миллер связал основание Владимира на северо-востоке с сыном Владимира II Мономаха князем Юрием Долгоруким. Это примечание, составленное, по словам самого Г.Ф. Миллера, на основании “Истории...” В.Н. Татищева, “научает нас сомневаться в Истории, и не без разбору принимать за истину все то, что сия и что всякая похвальная книга содержит, но *изследовать самым, и допытываться сущаго основания и верности, без чего История с успехом описана быть не может*” [с. 747–748].

Как уже говорилось, при публикации исторических памятников Миллер в предисловии неизменно останавливается на характеристике текста. При подготовке Степенной книги к вопросам текстологии он подошел особенно внимательно, поскольку, по его убеждению, неисправный текст лучше вовсе не издавать, чем типографским способом закреплять и преумножать ошибки. Собственно вопрос об издании мог начать реализовываться только тогда, когда в его руках оказался древний и “верный” список. Такой список “во время Государя Царя Ивана Васильевича, чистым полууставом писанный”, Г.Ф. Миллер получил от архиепископа Московского Амвросия (Зертис-Каменского) незадолго до его гибели в 1771 г. Положив в основу публикации “Архиепископский список”⁴¹ Степенной книги, он затем “от слова до слова, и смотря на каждую букву” сличил его с другим спис-

⁴¹ Г.Ф. Миллер писал в предисловии, что он вернул эту книгу своему сотруднику по МАКИД Н.Н. Бантыш-Каменскому, племяннику и наследнику архиепископа Амвросия. Но Бантыш-Каменский передал ее в Коллежский архив, и потому здесь всегда “удобно будет справиться по сей книге в каких-нибудь могущих быть сумнительствах: здесь нужна по оной сообщать требующим изъяснения, за долг и удовольствие себе считать будут” [с. 749].

ком, давно находившемся в личном собрании историка. “Поставил я себе за правило, – писал в предисловии Миллер, – ничего не пропускать, ни выкидывать, ни переменять, ни прибавлять; но точно последовать древнему Архидиаконскому списку, дабы печатная наша книга могла приобрести совершенную достоверность. Соблюдал я и старинный слог, старинное правописание, старинные ныне уже неупотребительные речи; исправлял при печатании и корректурные листы; словом: старался по возможности, чтоб печатная книга ни в чем от подлинника не разнилась. Получил ли я желанное, о том оставляю судить читателям” [с. 748].

Кроме этих двух списков, положенных в основу издания, Миллер использовал также список Степенной книги, находящийся в МАКИД, а также в предисловии он обмолвился еще о других новейших списках. Таким образом, представляются по меньшей мере неточными высказывания современных специалистов о том, что издание 1775 г. было выполнено якобы по одному-двум не вполне удачно выбранным и позднейшим спискам. Миллеровская публикация, оставшаяся единственной вплоть до начала XX в., в определенном смысле была завершающей в археографических изданиях ученого. Причем подготовку к печати Степенной книги археограф рассматривал как важное дополнение к уже вышедшим публикациям древнерусских летописей и “Истории...” Татищева.

В.Н. Татищев, А.Я. Хилков, обер-иеромонах морского флота епископ Гавриил (Бужинский), проповеди которого как памятник истории и культуры также впервые в 1768 г. были изданы Миллером, – все они активные деятели петровских преобразований. При внимательном изучении научного наследия ученого постепенно устанавливается совершенно отчетливая тенденция – так или иначе связывать большинство исследовательских тем и сюжетов с деятельностью Петра Великого. Во многих случаях Миллер сам писал, что данная проблема, либо публикуемые документы имеют важное значение, поскольку составляют часть истории императора. Даже собственные жизнь и судьбу ученый напрямую связывал с ним и по праву соотносил свое появление в России с созданием Петром I в Санкт-Петербурге высшего научного и учебного учреждения страны. Таким образом, личность Петра Великого на протяжении всей творческой жизни Миллера постоянно находилась в сфере его пристального внимания и потому, когда представилась возможность подготовить издание писем царя к своему генералу-фельдмаршалу графу Б.П. Шереметеву, он, естественно, с охотой взялся за это дело.

В свое время Миллеру приходилось доказывать, что письма Петра I к современникам – министрам, военачальникам и прочим “знатным особам” необходимо издавать, поскольку они принадлежат к числу таких материалов, которые могут служить “основанием к истории отечества”⁴². Особую значимость, подчеркивал исследователь, они приобретают в том случае, если адресованы к ближайшим сподвижникам императора⁴³. К числу

⁴² Его призыв был услышан современниками. Кроме известных работ И.И. Голикова, посвященных Петру I, в 1780-е годы вышли “Записная книжка любопытных замечаний великой особы, странствовавшей под именем дворянина российского посольства в 1697 и 1698 году” (1788), письма Петра Великого к С.П. Кольчеву (1785), Н.А. Синявину (1786), к брату царю Иоанну Алексеевичу и патриарху Адриану (1788) и др.

⁴³ Так, в предисловии к письмам Петра I к графу Ф.М. Апраксину, изданием которых также занимался Г.Ф. Миллер, имеется такая фраза: “Партикулярные письма Государей и

таких и относились письма Петра I к Б.П. Шереметеву, в которых “является Петр Великий без прикрасы могущества, пишет приятельски к приятелю, открывает внутренность мыслей своих, советы дает и оных требует, оказывает, каков Он был Сам, и каков был тот, на котораго Он положил толикую доверенность” [с. 257].

Готовя к публикации письма императора, чьи основные деяния общеизвестны и памяты были всем, Миллер в предисловии писал, что читателям необходимо сообщить “некоторое известие о главных обстоятельствах жития и о важности служеб покойнаго Фельдмаршала... и дабы чрез то присовокупить нечто к описанию истории Петра Великаго, которая у всякаго, к истории отечества трудящегося, главным предметом быть должна” [с. 257].

Предисловие Миллера к письмам Петра I как-то выпало из поля зрения исследователей, а между тем только в плане истории отечественной археографии XVIII в. оно должно рассматриваться как одно из ярчайших явлений.

Общий объем предисловия Г.Ф. Миллера по отношению к публикации 238 писем Петра I к Б.П. Шереметеву за период с декабря 1700 г. по октябрь 1718 г. составляет 5,7 п.л.; соответственно 172 страницы книги большого формата (2°) занимают сами письма, а 78 страниц – предисловие. При этом в тексте, кроме обильных цитат из различных источников, имеется свыше восьмидесяти подстрочных комментариев, как по содержанию, так и текстуальных [с. 257–328].

Миллер был весьма озабочен вопросом облегчения понимания смысла старинных текстов, содержащих вышедшие из употребления и уже забытые термины и выражения. В рассматриваемом сочинении много примеров адаптации таких лексических единиц, когда, сохраняя текстуально старинные понятия в примечаниях, публикатор подыскивал эквиваленты из словаря живого русского языка третьей четверти XVIII в. Примеры: “Стольники выше Полковников, а иногда и выше генерал-Маиоров”; “Судное место, (или приказ) в котором, по тогдашнему наречию, на сильных били челом, что после называлось, Челобитным приказом”; “Вышнее правительство Московское... Главное судное место в Москве было Розряд, коим правил Боярин Тихон Никитич Стрешнев”; в старину писали “Турскаго Салтана”, а не Турецкаго и т.п.

Рассказывая о едином для Шереметевых и Романовых предке, приехавшем “из Немец” в Москву в XIV в., старинное выражение “Крыжаки” Миллер разъяснял: так раньше называли рыцарей-крестоносцев. Или, проводя генеалогические разыскания о роде Шереметевых и их вероятных пересечениях с Романовыми в XVII в. Миллер отмечал: “Сие родство не токмо Иностранными за истину принято: но утверждается и достоверными Российскими свидетелями, слышавшими оное от своих предков” [с. 260].

Великих людей собирать и издавать на свет, такое есть дело, которое для великой своей пользы, вошло в обыкновение во всей Европе. Чем важнее материи, содержащиеся в таких письмах между сочинителем к тем персонам, к которым письма писаны, тем яснее познаваться из них нравы и наклонности сочинителивы...” (РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портфель 150. Ч. 6. Д. 25. Л. 2). Далее Миллер писал о большом значении этих материалов для истории корабельного дела, военных и других событий, связанных с историей правления Петра Великого.

Подробно останавливаясь на событиях, приведших к подписанию Прутского мирного договора, Миллер провел детальный разбор особенностей турецкого и русского вариантов текста. Он объяснял причины, по которым русский текст был подписан на два дня позже турецкого⁴⁴, а при сравнении разноязычных текстов Прутского договора по французским публикациям с подлинниками договоров, хранившихся в МАКИД, археограф обратил внимание на разницу в выражениях – в турецком “Везирь пишет повелительным образом, в Российском же выражения употреблены умеренныя по принятому между Европейских держав обыкновению” [с. 299]. Турецкий экземпляр договора был заверен печатью с надписью “Мехмет Паша Эввел Везирь”. Миллер поправлял европейских коллег, которые неверно переводили слово Эввел (“первый”) как “великий”. Историк отметил также отсутствие названия места Хуши (по-турецки “Гечит Хуш”), где происходило подписание договора, в описании Молдавии Кантемира и в ряде русских военных источников.

Всего прямых подстрочных ссылок на источники в тексте предисловия Миллера к письмам Петра I насчитывается около 300 позиций. Подстрочные ссылки распределены по следующим видам источников: летописные – 1; Летопись о мятежах – 2; разрядные – 5; Степенная книга – 1; документы (договоры, письма и пр.), хранившиеся в МАКИД – 10; документы из архива Тобольска – 1; документы из собрания графа П.Б. Шереметева – 3; неизданные письма Петра I Ф.М. Апраксину и А.Д. Меншикову – 4; Журнал Петра I – 146; письма Петра I к Б.П. Шереметеву – 103; Марсова книга – 2; журнал П. Гордона – 1; источники, изданные в “Древней Российской Вифлиофике” – 4; документы английских путешественников, опубликованные Р. Хаклюйтом – 1; ландкарты – 1; автобиография А.Л. Левенгаупта – 1; свидетельства Миллера автобиографического характера – 1; эпиграфические памятники (надписи с надгробий Романовых в Новоспасском монастыре) – 1; рукописная история Петра I, написанная Ф.И. Соймоновым – 1; документы, изданные в Польше – 3; ссылки на не идентифицированные документы – 6.

В реальном выражении общее количество использованных исторических источников, как минимум, на порядок больше. В самом тексте имеются многочисленные ссылки на родословные книги, духовные и договорные грамоты великих и удельных князей, жалованные грамоты, а также международные мирные договоры, статейные списки, царские указы и циркулярные грамоты, брачные договоры (“рядные записи”), реляции послов, материалы следственных дел, надписи с надгробий Шереметевых, захороненных в Московском Богоявленском монастыре, в Никольской церкви в

⁴⁴ Обилие и разнообразие использованных в работе источников приводили к необходимости их критического сравнительного анализа. Особенно много историку приходилось разрешать проблем, связанных с уточнением хронологии исторических событий, датированных по юлианскому и григорианскому календарям, или по системе мусульманского летоисчисления. Но датирование документов русского происхождения также требовало в ряде случаев объяснения и обоснования. Например, день свадьбы Б.П. Шереметева Г.Ф. Миллер устанавливал на основании рядной записи на приданое невесты, составленной 18 сентября 1718 г. Однако день свадьбы историк отнес к 19 сентября, поскольку, по его наблюдениям, рядные писались обыкновенно за день до венчания. И хотя при переводе лет от Сотворения мира к Рождеству Христову должен получаться 1670 год, но, замечал Миллер, это неверно, поскольку новый год издревле начинался с 1 сентября.

Гнезdnиках и другие, впервые вводимые в научный оборот свидетельства бурной петровской эпохи. Таким образом, глубина эмпирической базы в монографическом по жанру предисловии Миллера к Письмам Петра I исключительно велика, или, говоря иначе, – плотность обоснования каждого фактического положения, выдвигаемого историком, максимально возможно для такого типа научного исследования.

Столь же внушительна историографическая база, представленная 16 авторами, как отечественными (Д.К. Кантемир, Феофан Прокопович, М.М. Щербатов), так и трудами зарубежных (шведских, французских, немецких) историков и археографов – Г. Адлерфельд, Ф.М. Вольтер, Л.А. Гебгарди, Й. Нордберг и др.

Для отечественной истории специальных исторических дисциплин следует обратить особое внимание на то, что в рассматриваемом сочинении Миллера, видимо, впервые на русском языке, употребляется слово “дипломатика” как термин, обозначающий историческую дисциплину⁴⁵. Рассказывая об участии князя Я.К. Черкасского в сражении 1654 г. под Шкловом, Г.Ф. Миллер ссылаясь на грамоту царя Алексея Михайловича и к этому месту сделал обширное подстрочное примечание, которое приводится здесь полностью: “Сия грамота, коей подлинник сохраняется в библиотеке Его Сиятельства, Господина Обер-Камергера [П.Б. Шереметева. – С.И.] достопамятна и по другому обстоятельству, о котором *любители Дипломатической науки* не без удовольствия услышат. Российские Государы до Петра Великого грамот и указов своих никогда сами не подписывали, а подписывали иногда *Думные Дьяки*, а больше *Дьяки* тех Приказов из коих грамоты посылались. Когда на старинных жалованных грамотах, на обороте около середины столбца, написано было: *Государь царь и Великий Князь Имрек*, что незнающие прежних обыкновений за государеву руку почитали; оное было письмо *Думнаго Дьяка*, подносившаго дело в доклад Государю. В сей грамоте первая строка: *Князь Яков Куденетович с товарищи*, и три строки при конце грамоты, точно писаны рукою Государя Царя Алексея Михайловича, что сами оныя последние три строки доказывают, в коих написано: *да не осудите, что писано черно, да милость моя желательна к вам, а и о том здравствуйте. Верхняя строка и сии три строки наша Царская рука*. Можно себе представить, что в тогдашние времена сие за чрезвычайно великую милость почесть было должно. Остались у Его же Сиятельства Господина Обер-Камергера, два маленькия письмеца от Царя Алексея Михайловича, когда еще был Царевичем, к другому Князю Чер-

⁴⁵ В плане изучения научного языка Миллера здесь фиксируются только те тексты, которые публиковались на русском языке в XVIII в., поскольку именно они оказывали соответствующее и непосредственное воздействие на развитие научного знания. Но при этом нельзя не отметить, что его “История Академии наук”, писавшаяся в 1770-х годах на немецком языке и впервые изданная на языке оригинала только в 1890 г., содержит примечательный фрагмент о сфрагистике. Рассказывая о том, как в первые годы существования Академии наук создавалась эмблема для академической печати и герба, он писал: “Прошу при том не принимать этих обстоятельств за какую-то не стоящую внимания малость. Великие ученые предпринимали *утомительные, но полезные исследования в области сфрагистики*; *все изучение старых документов зависит от этих исследований*. Может прийти время, когда необходимым окажется изучать происхождение академической печати. Разве не будет полезным, если мы уже проделаем за наших преемников предварительную работу?” [с. 546].

касскому, о коем упомянем ниже, красными чернилами, писанныя. Из сего разумеется, чего ради Государь пишучи к Князю Якову Куденетовичу требовал не судить что писано черно. Уповательно Государи, изъявляя к кому свою милость партикулярными письмами, употребляли на то красныя чернила, подобно как печати на красном воску черным предпочитаемы были, а красных может быть чернил в походе под Смоленским в готовности не было” [с. 322].

Публикации Г.Ф. Миллера писем Петра I к Б.П. Шереметеву, Степенной книги и другие его издания 1770-х годов можно относить к лучшим, вершинным образцам развития отечественной археографии XVIII в.⁴⁶ Что касается рассматриваемой здесь проблемы, то из представленного материала и обильно цитированных фрагментов видна та исследовательская глубина и тщательность работы с историческими источниками, которые были присущи этому ученому. Какую бы работу не выполнял Миллер, от эпической по масштабу “Истории Сибири” до бесконечного количества исторических заметок и эссе, он неизменно следовал критерию исторической достоверности, принципам строго выводного, истинного знания. Для исторических построений отсутствие доказательств (достоверных источников) означало принципиальную недопустимость логического перехода от возможности события к действительности его. Такая твердая позиция в свое время не осталась незамеченной С.В. Бахрушиным, наверно одним из самых внимательных читателей трудов Г.Ф. Миллера, который писал о строгой научности критических методов и даже о своего рода революции в области исторической науки, совершенной ученым XVIII в. В текстах сочинений Миллера методы работы неизменно демонстрируются перед читателями и настолько естественно вплетены в ткань повествования, что подчас создается обманчивое представление об их отсутствии вовсе. Опубликованные работы Миллера всегда содержат несколько смыслообразующих пластов, и потому читать их надо внимательно, имея ввиду, что в текстах историка нет места пустому и случайному.

Изучая творчество Г.Ф. Миллера, легко заметить, что вопросы обоснования приобретали особую остроту при исследовании им сложных проблем, тем более проблем, входивших в дискуссионное поле; тогда доказательная база становилась не только обширней, но приобретала доминирующее в произведении положение. Таких тем в историографии XVIII в. образовалось не мало, а одними из наиболее острых с середины столетия стали этногенез народов Российской империи, происхождение русских династий и др. Основные произведения ученого этого направления, опубликованные в сборнике “Избранных трудов” Г.Ф. Миллера, с позиции изучения генезиса исследовательских методов и процедур обоснования требуют специального рассмотрения. Отмечу только, что в данном контексте особый интерес представляет его книга “О народах издревле в России обитавших”, изданная в 1773 г. в Санкт-Петербурге⁴⁷, которая вся состоит из доказательств и опровержений.

⁴⁶ К середине 1770-х годов прекращается активная издательская деятельность Г.Ф. Миллера, но не исследовательская. Он по-прежнему выполнял одновременно несколько исследовательских и научно-организационных проектов, в том числе таких крупных, как написание истории Санкт-Петербургской академии наук.

⁴⁷ Все остальные произведения Миллера после 1765 г. выходили в Москве. В этой работе содержится фраза, позволяющая существенно уточнить участие Миллера в формировании

Таким образом, всего за полстолетия развития в России исторической науки был пройден огромный путь не только в формировании фундаментальной источниковой базы, но и в развитии исследовательских методов и процедур обоснования исторического знания, выработке модельных представлений о научном труде с соответствующим справочным и ссылочным аппаратом. В период рубежа третьей и четвертой четверти XVIII столетия в России сформировалась практика археографических публикаций, построенных на строго научных методах.

Ведущим участником всех этих основополагающих для развития русской исторической науки процессов был академик Г.Ф. Миллер.

нии термина “исторический источник”. Критикуя сочинения современного шведского историка Олафа Далина, Миллер жестко писал: “...как будто бы Шведская история может показать *чистейшие источники*, нежели каковые имеет Российская история в безпорочном своем *Несторе*” [с. 90]. При подготовке опубликованной в 1986 г. статьи «О формировании термина “исторический источник” в русской научной литературе XVIII в.» этот текст был мною не замечен.

В.Ю. Афиани

ПЕРЕКЛИЧКА ВО ВРЕМЕНИ: Н.М. КАРАМЗИН И Г.Ф. МИЛЛЕР

Сближение между собой двух имен, таких как Герард Фридрих Миллер и Николай Михайлович Карамзин, предполагает выявление каких-то черт их соединяющих, несмотря на очевидную временную дистанцию, различия эпох, мировоззрения и жизненного пути.

На первый взгляд, их мало что связывает между собой. В своей жизни они никогда не встречались. Они принадлежали к разным народам и даже разным поколениям историков. Миллер вырос и воспитался в Германии и стал историком в атмосфере многоязычного, столичного и, одновременно, нового, европейского города – Санкт-Петербурга. А окончил свои дни в Москве. Карамзин – уроженец русской глуши, завершил воспитание и образование в древней русской столице – Москве. А последние годы жизни он прожил в городе на Неве, сначала нелюбимым, но все больше и больше “обживаемым”. Миллер переселился в Москву в 1765 г., а Карамзин только родился на следующий год. Карамзин в первый раз недолго жил в Москве, с 1777 по 1781 г., учился в пансионе Шадена и ходил на лекции в Московский университет. Второй раз Карамзин вернулся сюда, выйдя в отставку. Но опять их пути разошлись, Миллер умер за два года до этого, иначе их встреча была бы неизбежной.

Если Миллер, по понятным причинам, вряд ли что-нибудь слышал о молодом русском провинциале, то этого нельзя сказать о Карамзине.

Карамзин поселился в Москве в доме Типографской кампании Н.И. Новикова в Кривоколенном переулке и был тесно связан с масонским Дружеским (новиковским) кружком. Он прожил здесь недолго, с 1785 по 1789 г., но эти годы оказали большое влияние на молодого Карамзина. Его наставником стал друг Н.И. Новикова, директор Московского университета И.П. Тургенев, “отговоривший от рассеянной светской жизни и карт”. Здесь, в Московском кружке Карамзин близко сошелся с поэтом Я.М. Ленцем, переселившимся в Россию, одним из ярких представителей литературного движения “бури и натиска” в Германии¹. О нем он неоднократно вспоминал позднее в своих “Письмах русского путешественника”.

Тогда, и позднее, когда Карамзин вернулся в Москву, занялся журналистикой и историей России, имя Миллера и дела его, постоянно возникали перед Карамзиным.

Едва ли он мог пройти мимо самого популярного журнала предшествующего периода – “Ежемесячных сочинений, к пользе и увеселению служащих” (1755–1764), который редактировался патриархом российской жур-

¹ Об отношениях Карамзина и Ленца см.: *Розанов М.Н.* Поэт периода “бурных стремлений” Якоб Ленц, его жизнь и произведения. М., 1901. С. 481–494.

налистики Г.Ф. Миллером. Как и знаменитое миллеровское путешествие по Московской губернии в 1778–1779 гг., привлекшее внимание общества. Миллеровские очерки начали публиковаться на немецком языке в “Новом Санкт-Петербургском журнале” (на русском языке были изданы позднее).

Миллер был тесно связан с Новиковым, активно помогал ему в публикации исторических документов в “Древней российской Вивлиофике”. Это издание впоследствии широко будет использоваться в “Истории государства Российского”.

Похороны первого российского историографа Г.Ф. Миллера стали общественным событием. О них сообщали “Московские ведомости”. В похоронах участвовали сотрудники из Московского архива коллегии иностранных дел, Московского университета, его ученики: М.Н. Соколовский, Н.Н. Бантыш-Каменский, И.Э. Стриттер, А.Ф. Малиновский, Л.М. Максимович, профессора Х.Ф. Маттеи, Х.А. Чеботарев, Е.Б. Сырейщиков и др. С некоторыми из них, особенно с сотрудниками архива, А.Ф. Малиновским, занявшим впоследствии место Миллера во главе Московского архива коллегии иностранных дел, Карамзин стал тесно общаться, когда взялся за “Историю государства Российского”.

В биографиях обрусевшего немца и русского из российской провинции, помимо бросающихся в глаза различий, можно найти и немало совпадений. Оба не закончили университеты, оба совершили важные для своей биографии, российской культуры и науки путешествия, немец Миллер – в Сибирь, русский Карамзин – в Европу. Оба сыграли большую роль в российской журналистике. Наконец, Миллер был первым официальным российским историографом, а Карамзин – следующим после М.М. Щербатова.

И судьба их творческого наследия на протяжении прошедших веков имеет не мало общих черт. В советской историографии долгое время господствовал резко критический, во многом несправедливый, подход к их деятельности и трудам, препятствовавший серьезному изучению их вклада в российскую историографию.

О Миллере мы не найдем упоминаний и во многих работах исследователей, в советское время заново “открывших” для широкого читателя Карамзина. Ничего нет о нем в объемистом томе собрания сочинений Ю.М. Лотмана, посвященном жизни и деятельности Карамзина, и в академическом издании “Писем русского путешественника” (1984), обстоятельно исследованных и глубоко прокомментированных (Ю.М. Лотман принимал самое близкое участие в этой публикации), ни в первой, на несколько лет опередившей монографию Лотмана “Сотворение Карамзина” (1987) и в наделавшей много шума, популярной книге Н.Я. Эйдельмана “Последний летописец” (1983).

Эйдельман писал: “Карамзин – Колумб, то есть *первый*... Между тем и сам Карамзин, и Пушкин, и еще немалое число образованных людей хорошо помнили, что в XVIII столетии древнюю Россию искали и находили Ломоносов, Татищев, Щербатов, Болтин – и не только они... Пять томов русской истории составил и француз Левек”². Несколькими страницами дальше упоминается о “Древней российской вивлиофике” Новикова.

² Эйдельман Н.Я. Последний летописец. М., 1983. С. 45.

А о Миллере – ни слова. Особо Эйдельман выделяет Татищева и Щербатова. “Карамзин будет часто на них ссылаться”. В “Истории” есть ссылки прямые и косвенные, историограф часто обращался к источникам, им найденным и использованным. И, опять-таки, о Миллере ни слова.

Даже в статьях к первому научному, академическому изданию “Истории государства Российского”, имя Миллера встречается только в общих перечнях историков – предшественников российского историографа.

Сейчас становится все более очевидным, что Карамзин, вобравший достижения русской культуры и русской историографии XVIII в., не мог пройти мимо подвижнической деятельности Миллера.

Нельзя сказать, чтобы на протяжении всего времени в литературе вообще не появлялось каких-либо наблюдений о точках соприкосновения “Истории” Карамзина и трудов Миллера. Но они появлялись на периферии исторической науки. По-видимому, в противовес официальной историографии, Н.Г. Чернышевский среди историков XVIII – начала XIX в. выделил Миллера. Он, высказывая свое отношение к знаменитому диспуту 1749 г. вокруг сочинения Миллера “О происхождении народа и имени российского”, утверждал, что Шлёцер, Щербатов, Карамзин в оценке деятельности Ивана III только повторяли Миллера, который первый высказал мнение о том, что именно Иван III, а не Грозный явился действительным творцом величия России.³ Из профессиональных историков на связь между трудами Миллера и “Историей” Карамзина обратил внимание П.Н. Милюков.

Еще в дореволюционной литературе утвердилось мнение о большом значении для Карамзина труда его предшественника – Щербатова. Об этом писал, например, П.Н. Милюков в своем популярном историографическом сочинении “Главные течения русской исторической мысли”. Карамзин, по словам Милюкова, “труднейшую” часть “Истории” относил к древнейшему периоду (первые две главы), ни в тексте, ни в примечаниях не упоминая, что мнение о том, что варяги и Русь являются норманнами, о произвольности хронологии Нестора, и т.п., принадлежат не ему, а Миллеру и Щербатову, которых он главным образом и критиковал⁴. Милюков дальше пишет, что “даже” на Миллера Карамзин начинает нападать, найдя неизвестные тому источники по Сибирской истории⁵. Милюков утверждал, что Карамзин не любил указывать посредников между ним и источниками, тщательно отмечая ошибки или несогласия с Миллером, Татищевым, Болтиным, Щербатовым и другими. Сразу же следует сказать, что дело обстоит далеко не так, как считал П.Н. Милюков.

Н.Л. Рубинштейн справедливо считал труд Щербатова – связующим звеном между Миллером и Карамзиным. С Миллером, по его замечанию, связана сильная сторона “Истории” Щербатова, – источниковая база. Их, по его мнению, объединяет и слабая сторона – “неразрешенность проблемы исторического процесса в его внутренней закономерности”⁶. Н.Л. Рубинштейн отмечал “прямую зависимость” Щербатова от Миллера «даже в

³ *Пештич С.Л.* Русская историография XVIII века. Л., 1971. С. 13; *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч. М., 1949. Т. II. С. 679.

⁴ *Милюков П.Н.* Главные течения русской исторической мысли. 3-е изд. СПб., 1913. С. 135.

⁵ Там же. С. 155.

⁶ *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М., 1941. С. 114.

самом изложении последнего тома – в истории царствования Бориса Годунова и первого Лжедмитрия, где Щербатов, правда, значительно расширив фактическое содержание, все же в ряде случаев непосредственно при-мыкает к тексту “Опыта новейшей истории России”»⁷.

О реальной связи “Истории государства Российского” Карамзина с трудами Миллера легко было судить еще после выхода в 1844 г. “Ключа или алфавитного указателя к Истории государства российского” Н.М. Карамзина, составленного П.М. Строевым. Эта работа значительно облегчала труд потенциального исследователя, ставила его труд на твердую почву, позволяя дать даже количественные оценки. Но таких работ не появилось. Исследователи продолжали ограничиваться, в лучшем случае, отдельными замечаниями и наблюдениями, часто субъективного характера.

В последние годы начало все больше проявляться внимания к теме влияния трудов Миллера на Карамзина, и здесь исследователей ждали интересные открытия. Появились факты, подтверждающие, что с деятельностью и творчеством Миллера Карамзин был знаком задолго до начала работы над “Историей”, в тот период, когда у него только созревала мысль отдаться написанию истории.

Р.Б. Казаков установил, что перевод статьи “Статского советника Миллера описание езды из Москвы в Коломну в 1778 г.”, опубликованный после смерти ученого на русском языке в журнале “Новые ежемесячные сочинения” в 1789 г., послужил в качестве основного источника многих сведений для опубликованного в 1803 г. в журнале “Вестнике Европы” сочинения Н.М. Карамзина “Путешествие вокруг Москвы: Письмо первое из Коломны от 14 сентября”⁸. Ссылки на Миллера, прямые или косвенные, встречаются и в “Пантеоне российских авторов”, и в “Исторических воспоминаниях и замечаниях на пути к Троице и в сем монастыре”, опубликованных в 1800–1803 гг. Казаков даже высказал предположение, что Карамзин не совершал этого путешествия, а использовал фактический материал из миллеровских работ⁹. Выводы Казакова поддерживают другие специалисты. С.С. Илизаров в одной из своих работ по поводу этих выявленных текстуальных совпадений, заметил: “Я думаю, что дальнейшие исследования на этом пути принесут еще немало сюрпризов”¹⁰.

Выстраивается связь между знаменитыми “Письмами русского путешественника”, рассказавшими о Европе, и этими письмами. В новых письмах Карамзина использовался тот же художественный прием. Письма Карамзина к конкретным адресатам – одновременно и реальные письма, и плод художественного творчества. Сходство художественного приема заставляет задаться вопросом: не являются ли письма о путешествии по Помосковью, частью нереализованного полностью карамзинского замыс-

⁷ Там же. С. 114.

⁸ Казаков Р.Б. К вопросу об источниках “Путешествия вокруг Москвы” Н.М. Карамзина // Российское государство XVII – начала XX в.: Экономика, политика, культура: Тезисы. Екатеринбург, 1993. С. 62–65; Он же. О замысле и источниках “Путешествия вокруг Москвы” Н.М. Карамзина // Мир источниковедения: Сб. в честь С.О. Шмидта. Москва; Пенза, 1994. С. 206–210.

⁹ Казаков Р.Б. О замысле и источниках “Путешествия вокруг Москвы” Н.М. Карамзина. С. 209.

¹⁰ Илизаров С.С. Академик Г.Ф. Миллер – первый исследователь Москвы и Московской провинции. М., 1996. С. 27.

ла – продолжить “Письма русского путешественника” но, уже не по Западной Европе, а по России? Очевидно, что под этим углом зрения нужно проанализировать журнальные статьи Карамзина, посвященные исторической тематике.

Но, конечно, основное влияние трудов Миллера на Карамзина мы находим в “Истории государства Российского”, точнее сказать в “Примечаниях” к этому труду, как их называл Карамзин, “тягостной жертвой, приносимой достоверности”. “Примечания” давно уже признаны “выдающимся явлением в отечественной историографии, уникальным фактом в русской культуре и книжности”¹¹.

“Примечания” – достаточно сложное явление, их содержание, количество и объем изменялись от тома к тому. В первых томах они включают преимущественно источниковедческие, библиографические экскурсы. В последующих томах они все больше становятся своеобразной хрестоматией источников по русской истории, как бы дублируют рассказ основного текста “Истории” документальным материалом¹². Одну группу примечаний в специальном исследовании, им посвященном, В.П. Козлов называет “источниковедчески-археографической”, другая группа – “историографические экскурсы”, «своего рода “заочный разговор” Карамзина со своими предшественниками и современниками». “Карамзин доводил до читателей мнения предшественников по тем или иным историческим проблемам, сравнивал, оспаривал или опирался на них. Систематически, например, историограф спорил с В.Н. Татищевым, М.М. Щербатовым, И.Н. Болтиным, А.Л. Шлёцером”¹³. (Следует, однако, отметить, что и в этом обстоятельном исследовании, посвященном источникам “Истории” и “Примечаниям” к ним, Миллер не был упомянут.)

Некоторые исследователи считали, что историограф мог бы больше ссылаться на своих предшественников и современников. “На первый взгляд кажется пренебрежительным отношение историографа к трудам своих современников – ссылки на их труды скупы, а сам отбор таких трудов очень строг”¹⁴.

Но посмотрим, на примере Миллера, так ли это в самом деле? Если судить по известному указателю П.М. Строева, то имя Миллера упоминается только в примечаниях всего 111 раз. Много это или мало? Для сравнения скажу, что на труды И.П. Елагина Карамзин ссылается – 8 раз, М.В. Ломоносова – 13, на Г.З. Баера – 41 ссылка, И.Н. Болтина – 42, А.Л. Шлёцера – 47, М.М. Щербатова – 71, на В.Н. Татищева – 355, в том числе ссылки на “летописи и акты, ему только известные”, включая ссылки на “книги и бумаги”. Таким образом, Карамзин ссылался на Татищева в 3 раза чаще, чем на Миллера, но на Миллера примерно в 2 раза чаще, чем на Щербатова.

Карамзин использовал около десятка работ Миллера и ряд публикаций исторических источников, подготовленных им. При подсчетах учитывались только прямые упоминания имени Миллера. Не учитывались и ссылки на труды Татищева, изданные Миллером, также широко использованные историографом, и др.

¹¹ Козлов В.П. “Примечания” Н.М. Карамзина к “Истории государства Российского” // Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1989. Т. 1. С. 552.

¹² Там же. С. 554.

¹³ Там же. С. 570.

¹⁴ Там же. С. 570–571.

Имя Миллера в “Истории” упоминается еще чаще, чем это отмечено у Строева. Он не учитывал ссылки на рукописи из собрания Миллера, и пропустил ряд “глухих” ссылок на Миллера. Это были ссылки в первом томе “Истории” без упоминания конкретной работы Миллера. Если сравнить по указателю опубликованных шести томов “Истории государства Российского”, то таких ссылок мы насчитаем несколько больше – около 140. Ссылки имеются во всех томах, кроме 8-го и 12-го. Их особенно много в 1-м, 9-м, 10-м и 11-м томах.

Становление научно-справочного аппарата в этот период было в отечественной историографии на начальном периоде. И “Примечания” Карамзина здесь сыграли большую роль. По своему характеру эти упоминания очень разнообразны. И это нужно учитывать при такого рода анализе.

Одна из первых ссылок на знаменитую запрещенную диссертацию 1749 г. Миллера “Происхождение народа и имени Российского”. Ссылки на русское и латинское название работы – “*Origines gentis et nominis Russorum*”, создают впечатление, что ему могли быть доступны оба варианта труда. Кстати сказать, истории осуждения диссертации Миллера Карамзин посвятил небольшое по объему, но явно сочувственное примечание в первом томе: “Миллер в речи своей о древностях нашего отечества, вместе с Баером признав Варягов Скандинавами, справедливо доказал ошибку тех, которые единственно по сходству имени считают Варягов-Русь *древними* Роксоланами.... Ныне трудно поверить гонению, претерпенному Автором за сию Диссертацию в 1749 году. Академики по Указу судили ее: Ломоносов, Попов, Крашенинников, Струбе, Фишер на всякую страницу делали возражения. История кончилась тем, что Миллер занемог от беспокойства, и Диссертацию, уже напечатанную, запретили. Наконец Миллер согласился, что Варяги-Русь могли быть Роксоланами в смысле Географа Равенского, а не *древние*”¹⁵.

Использована большая статья Миллера, посвященная Смутному времени “Опыт новейшей истории о России”¹⁶. Многочисленны ссылки на четвертый и особенно пятый том “Собрания российских историй” на немецком языке – “*Sammlung Russische Geschichte*”, где опубликованы статьи Миллера. Причем, Карамзин предпочитал ссылаться на немецкое издание, а не на переводы, появлявшиеся в “Ежемесячных сочинениях, к пользе и увеселению служащих”, хотя и это издание редактировал Миллер и сам переводил свои публикации. Кстати сказать, даже на статью о “Путешествии действительного советника Миллера к Святотроицкому Сергиеву монастырю”, упоминавшуюся выше, но опубликованную на русском языке, имеется ссылка в “Истории”¹⁷.

В некоторых случаях ссылки Карамзина не совсем точны. Он, например, не знал или не придавал значения тому обстоятельству, что Географический лексикон в основе своей первоначально был подготовлен Полуниным. Ссылался так: “Миллеров *Географич. Лексикон*” или ссылался на публикации источников: “Миллер, *Sammlung Russ. Geschichte*: известия нашего Артиллерийского Полковника Гербера”.

В труде Карамзина можно выделить ссылки нескольких разновидностей.

¹⁵ Козлов В.П. “Примечания” Н.М. Карамзина... С. 217.

¹⁶ Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. 1761. Январь. С. 3–63.

¹⁷ “Новые ежемесячные сочинения”. 1789. Ч. 41. Ноябрь. С. 3–52.

Собственно *исторические* ссылки. Ссылки на труды Миллера, на его мнение. Карамзин часто высказывает и свое мнение о справедливости или ошибочности выводов или фактов у Миллера. Соглашается с ним или опровергает его. Особенно много таких ссылок в первом томе. Более 20 (у Строева отмечены только 2) и почти все – на труды. Но ссылки эти часто могут быть “глухими”, упоминается только Миллер, без ссылки на конкретную работу. В большинстве случаев это знаменитая диссертация. В примечании 20 Карамзин писал: “Помпоний Мела пишет, что Сарматы разделялись на множество племен (*una gens, aliquot populi et aliquot nomina* / один народ, но несколько племен и несколько названий), из коих всякое имело особенное имя свое, но говорили одним языком: каким? Не знаем, вопреки Татищеву, который беспрестанно толкует нам слова *Сарматские*, воображая, что сей язык и Финский есть один. Миллер скромным образом заметил ошибку; но Русские Историки не послушались его, и Болтин также говорит о языке Сарматском, неизвестным никому в ученом свете”. Создается впечатление, что по ряду вопросов, для Карамзина было важно проследить мнение Миллера, наряду с другими историками, согласиться с ним или опровергнуть¹⁸.

Позднее большинство ссылок в “Истории” на исследования Миллера как источник сведений. В последних томах много ссылок на “Сибирскую историю”. Особенно в томе IX, главе VI “Первое завоевание Сибири”, в 10-м томе, в главе 1, параграфе: “Вторичное покорение Сибири” в 1585 г., а также подробности заговора против Бориса Годунова в царствование Федора Иоанновича. В томе XI, в главе 1 “Царствование Бориса Годунова” ссылки на фактические сведения о грамотах, посланных в Сибирь о смерти Кучума, основании новых городов в Сибири: Верхотурья, Магазеи, Туринска, Томска, а также о возвращении опальных родственников Годунова после воцарения Михаила, перезахоронении тел Нагих и Романовых. Цитаты из трудов, по выражению Карамзина: “защитников” “Лжедмитриевой памяти”.

Это прямые упоминания имени Миллера, публикаций документов, которые Карамзин обозначает Миллеровскими.

Другого характера ссылки, совершенно не отмечавшиеся у Строева – это ссылки на рукописи из Миллеровского собрания, хранившегося в Московском Архиве Коллегии иностранных дел. Карамзин тщательно указывал их принадлежность именно Миллеровскому собранию. Зачем ему это было нужно? Он мог просто сослаться на Архив. Но нужно отметить, что ссылок и на собрание А.И. Мусина-Пушкина, его библиотеку, также немало, около 30. Значит, это принцип ученого. Очевидно, и дань уважения к своим предшественникам.

Карамзин сам в Московском архиве коллегии иностранных дел почти не работал, ему старинные манускрипты как историографу привозили на дом. Особенно многим он был обязан начальнику Московского архива Коллегии иностранных дел, унаследовавшему свою должность от Миллера и Бантыш-Каменского, Алексею Федоровичу Малиновскому. От него, от молодых историков, сотрудников Архива и участников Румянцевского кружка, Карамзин мог также перенять уважение к деятельности Миллера.

¹⁸ В примеч. 72 “Миллер в речи своей о происхождении народа Российского несправедливо говорит, что Легописец наш нигде не именует основателей Полоцка Кривичами” (Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1989. Т. 1. С. 199).

Не случайно, один из них, знаменитый археограф П.М. Строев, во многом, бравший пример с Миллера, позднее заявлял: “При имени Миллера, сего знаменитого изыскателя древностей, чувство признательности невольно наполняет душу русского историка. Если сей ученый мало занимался сочинениями прагматическими, то одно извлечение из недоступных хранилищ и сбережение великого числа материалов ставят его заслуги выше хвалы и несравненно важнее той, какую он оказал бы, написав десятки томов истории”¹⁹.

Для Строева – “путешествующего археографа”, эта сторона деятельности Миллера была особенно близка и значима. Но вольно или невольно Строев поспособствовал будущему “перекосу” в оценке Миллера-историка. Даже противники Миллера признавали за ним достоинство “изыскателя древностей”, исторических источников, исследователя Сибири, но, иной раз, называли “чернорабочим” от истории. Карамзин, судя по многочисленности ссылок и на мнение Миллера, и на факты, им приводившиеся, и на рукописи из его собрания, подал пример более, как мы бы сказали сейчас, объемной оценки деятельности своего выдающегося предшественника.

¹⁹ Барсуков Н.П. Жизнь и труды П.М. Строева. СПб., 1878. С. 57.

А.В. Сиренов

**ОБ АВТОРСТВЕ “ПЛАНА ПУТЕШЕСТВИЯ ПО РОССИИ
ДЛЯ СОБИРАНИЯ ДРЕВНОСТЕЙ” 1805 г.
И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО ОБЗОРА
В ЖУРНАЛЕ “КОРИФЕЙ”**

“План путешествия по России для собирания древностей” (далее – План) был обнаружен В.А. Бильбасовым в архиве адмирала Н.С. Мордвинова и опубликован среди других документов семьи Мордвиновых¹. Это в сущности проект археографического и археологического обследования России, имеющий немаловажное значение для истории как археографии, так и археологии. План анонимен, но в тексте имеется указание о “поднесении” его 1 ноября 1805 г. Бильбасов предположил “в виде догадки”, что автором плана является Петр Петрович Дубровский, хранитель учрежденного в том же 1805 г. Депо манускриптов Императорской (будущей Публичной) библиотеки. Основанием для такой атрибуции, видимо, послужили неоднократные ссылки на Депо в тексте Плана: “...счастливому царствования Александра I-го предоставлено было украсить Россию заведением особого хранилища манускриптов и положить начало такому месту, которое будет вечно напоминать потомству любовь его к наукам и славу его правления”², “надобно дополнить Депо манускриптов такими рукописями, которые составили бы всеобщий репертуар или архив истории нашей”³, “сии уважения заставили меня напоминать о путешествии еще с 1802 года, но по открытии Депо манускриптов мысль сия сделалась для меня столь занимательною, что я осмелился представить правительству сей план...”⁴ Наконец, все собранные экспедицией артефакты, предназначенные для будущего “Музея древностей русских”, автор Плана предлагал отсылать “начальнику Депо манускриптов”⁵. Как видим, основания для атрибуции Плана Дубровскому у Бильбасова имелись. Вполне закономерно поэтому, что его предположение закрепилось в историографии⁶.

В тексте Плана имеется ссылка на другие труды того же автора, который пишет, что о необходимости путешествия для собирания древностей он упоминал “в 1-й и 2-й книге Корифея, в журнале Лицей и проч.”⁷. Речь

¹ Архив графов Мордвиновых / Предисл. и примеч. В.А. Бильбасова. СПб., 1902. Т. 3. С. 588–614.

² Там же. С. 589.

³ Там же. С. 590.

⁴ Там же. С. 592.

⁵ Там же. С. 612.

⁶ Козлов В.П. Кружок А.И. Мусина-Пушкина и “Слово о полку Игореве”. М., 1988. С. 79–80; Он же. Российская археография конца XVIII – первой половины XIX века. М., 1999. С. 69.

⁷ Архив графов Мордвиновых. Т. 3. С. 591.

идет об изданиях первого десятилетия XIX в. – Я.А. Галинковского “Корифей или ключ литературы” и И.И. Мартынова “Лицей”. Мне удалось отыскать соответствующий текст только в первой книге Корифея: “Можно полагать, что хорошие изыскания в чужестранных одного поколения с нами народах, тщательные описания древностей и редких антиков, сохраненных у многих вельмож в Богемии, Моравии, Венгрии, Швеции и пр., доставили бы путешественникам нашим некоторые дополнительные статьи; не бесполезно бы было, думаю, еще раз порыться в кладовых монастырских, во всех древних архивах и посоветовать вельможам открывать свои библиотеки для народного употребления любителей. Так же необходимо бы было посещать развалины древних городов, прежних селений, особливо Кексгольм, Псков, Ингрию, Новгород, Киев и пр., копать в земле, спрашивать старинные монументы о веках прошедших, путешествовать по России с великим наблюдением, со всем терпением и внимательностью антиквара! Без того не будет никогда у нас материи, из чего написать древнюю историю”⁸. Приведенные слова вполне согласуются с Планом, в котором читаем: “без помощи древностей мы не будем никогда иметь настоящей истории”⁹, “Я не говорю уже о том, что наверху лежит, что все знают, то есть о монастырях, богатых ризницах, пещерах, антиках и проч.; всего более надо трудиться над копаньем. Земля все поглотила и, как общееместилище вещей, должна хранить их в своем лоне”¹⁰, “...древности русские, как то кумиры или симулякры богов, жертвенные орудия и проч., находятся в Померании, в Прилбице, в Лаузице и других местах. Наиболее искать их должно в Богемии, Моравии, Галлиции, Сербии, Венгрии и далее до самой Венеции, везде, где только жили одноплеменные с нами народы”¹¹. Автор Плана в качестве объектов предполагаемого путешествия указывает в том числе и Псков, и Новгород, и Киев. Полагаю, что приведенных свидетельств достаточно, чтобы признать участие автора Плана в написании первой книги журнала Корифей, которая посвящена музе истории Клио и содержит характеристику историографии по всеобщей и русской истории. Этот обзор написан весьма экспрессивно, формулировки порой категоричны до хлесткости. Так, об авторах Степенной книги там сказано: “Дееписатели сии во многом порицания достойны: они удалились от смысла древних летописцев и заменили его ложными и смешными преданиями... Нет ничего скучнее, как их витиеватый и надутый слог: ищешь истории и находишь молитвословия... надобно потовыми каплями снискивать в сем терновом поле благопотребные семена; но при хорошем и долготерпеливом выборе едва ли можно почерпнуть что-либо дополнительное к общей нашей истории, и то без времясчисления, порядка”¹². Автором этого обзора считается издатель журнала Галинковский¹³. Но если автором Плана является Дубровский, то права на авторство первой книги Корифея следует признать за ним же. Можно утверждать, что Галинковский и Дубровский

⁸ Корифей или ключ литературы. СПб., 1802. Ч. 1. С. 199–200.

⁹ Архив графов Мордвиновых. Т. 3. С. 599.

¹⁰ Там же. С. 600.

¹¹ Там же. С. 610.

¹² Корифей или ключ литературы. Ч. 1. С. 92–94.

¹³ Лотман Ю.М. Галинковский Яков (Иаков) Андреевич // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1: (А–И). С. 193.

были знакомы. Так, на экземпляре раритетного издания И.Ф. Копиевского “Краткое собрание Лва миротворца...” (Амстердам, 1700) читается следующая дарственная запись: “1805-го года генваря 13-го сею книгу подарил в знак памяти и усердия, и уверения к талантам в собрании древностей российских г[осподину] к[оллежскому] с[оветнику] П.П. Дубровскому издатель Корифея и любитель Галинковский”¹⁴. Однако есть основания усомниться в том, что План (и, соответственно, историографический обзор в Корифее) принадлежит перу Дубровского.

Обратившись к оригиналу Плана, т.е. к той рукописи, по которой текст был издан Бильбасовым (она ныне хранится в фонде Мордвиновых – РГИА. Ф. 994 (Мордвиновы). Оп. 2. № 460), мы увидим, что публикация передает текст Плана с погрешностями и не полностью¹⁵. Среди не учтенных издателем позднейших примечаний к основному тексту Плана есть и такое, в котором говорится, что проект собирания древностей был подан начальнику Депо манускриптов: “Проект сей, как поданный начальнику оногo Депо, клонился к тому, чтобы рукописями приумножить Депо. Впрочем, куда повелено будет”¹⁶. Итак, поскольку План был представлен Дубровскому, последний не может быть признан его автором, поскольку Дубровский не мог подать Дубровскому составленный Дубровским же План. Автором Плана должен быть другой человек. Кто же он?

Обратим внимание на еще одно позднейшее примечание к тексту Плана, в котором идет речь о его реализации: “в мае месяце 1809 г. отправлены два чиновника для сего путешествия”¹⁷. Известно, что в путешествие по описанию отечественных древностей в 1809 г. отправились три человека – двадцативосьмилетний историк-любитель Константин Матвеевич Бороздин (в будущем попечитель Петербургского учебного округа и сенатор) и два выпускника Академии художеств, Александр Иванович Ермолаев и Дмитрий Иванович Иванов. Последние двое числились во время путешествия на государственной службе и, следовательно, именовались чиновниками. Бороздин же отправился в путешествие “своим иждивением” (финансовые возможности для этого у него, сына сенатора М.К. Бороздина, наверняка были), заблаговременно выйдя в отставку (с должности директора Ассигнационного банка). Поэтому с формальной точки зрения в указанном примечании ошибки нет. Однако следует иметь в виду, что путешествие было организовано по инициативе Бороздина. Ермолаев и Иванов были откомандированы в помощь Бороздину по ходатайствам А.Н. Оленина и П.С. Валуева, принявших деятельное участие в инициативе Бороздина – первый, являясь помощником директора Императорской библиотеки, в фонды которой поступили собранные экспедицией рукописи и альбомы с рисунками, второй – для приобретения вещественных экспонатов в подведомственный ему новосозданный музей Оружейную палату. Места на государственной службе с выплатой жалованья для Ермолаева и Иванова были сохранены, и это было сделано в виде монаршей милости, принимая во вни-

¹⁴ Описание изданий, напечатанных кириллицей. 1689 – январь 1725 г. М.; Л., 1958. С. 284.

¹⁵ См. об этом: *Шмидт С.О.* К юбилею П.П. Дубровского: дипломат-коллекционер в контексте развития отечественной культуры и общественной мысли второй половины XVIII – начала XIX века // АЕ за 2004 год. М., 2005. С. 314–315.

¹⁶ РГИА. Ф. 994 (Мордвиновы). Оп. 2. № 460. Л. 33.

¹⁷ Архив графов Мордвиновых. Т. 3. С. 592.

мание их тяжелое материальное положение¹⁸. Таким образом, по сути примечание неверно. Следовало писать, что в экспедицию отправился отставной чиновник Бороздин, к которому по высочайшему соизволению были прикреплены два чиновника. Едва ли автор Плана не знал о действительном положении дел. Скорее, он хотел представить экспедицию Бороздина как реализацию своего Плана. Путешествие Бороздина в официальных бумагах и переписке современников неизменно представляется как исключительно его инициатива. Более того, в первом отчетном письме Оленину Бороздин пишет, что сбылось его “давнишнее... желание путешествовать по России”¹⁹. Итак, существует противоречие между позицией автора Плана и его современниками относительно экспедиции Бороздина. Однако это противоречие снимается, если предположить, что План написал сам Бороздин. Такую возможность вполне допускает С.О. Шмидт²⁰. Как отметил В.П. Козлов, Бороздин в своей экспедиции действительно следовал Плану. План предполагает, что в путешествие отправятся четыре специалиста (их предлагается именовать “миссионерами”), четыре художника “из академических или волнонаемных” и два писаря, “из коих один каллиграф”²¹. В реальности штат экспедиции состоял из самого Бороздина, архитектора по образованию Ермолаева, в обязанности которого входило снятие планов древних построек и копирование рукописей, и живописца Иванова²². Автор Плана писал о необходимости выискивать рукописи, собирать древние предания, описывать и копировать “антики”, т.е. различные относящиеся к древней истории артефакты. Кроме того предписывалось искать подземные ходы и вообще заниматься археологическими раскопками. Если мы обратимся к письмам участников экспедиции, то увидим, что именно этим они и занимались. Зарисовки памятников архитектуры, быта и декоративно-прикладного искусства составили четыре внушительные тома, переданные участниками экспедиции в императорскую Публичную библиотеку. На первое место по важности мероприятий в Плане поставлено собирание рукописей, что позволило исследователям называть этот документ Планом археографического обследования России. Участники экспедиции (Бороздин и Ермолаев) рукописи действительно собирали. Правда, их археографическая деятельность почти не получила отражения в письмах-отчетах от Бороздина к Оленину, а также в альбомных зарисовках. О ней стало возможно судить после недавней публикации Л.В. Тимофеевым писем Бороздина и Ермолаева Оленину. Всего мне удалось насчитать одиннадцать рукописей, привезенных из экспедиции²³. Самая древняя из них – пергаменный канонник с упоминанием Дмитрия Донского, который Ермолаев “достал” в Кирилло-Белозерском монастыре. Ныне эта рукопись хранится

¹⁸ Тимофеев Л.В. Экспедиция К.М. Бороздина (1809–1810) в письмах А.И. Ермолаева и других документах // Памятники культуры: Новые открытия. 2004. М., 2006. С. 54.

¹⁹ Путешествие по России 1809 г.: 10 писем К.М. Бороздина к А.Н. Оленину / Подгот. к печ. А.И. Алексеев // Источник. 1999. № 5. С. 5.

²⁰ Шмидт С.О. К юбилею П.П. Дубровского... С. 320–321.

²¹ Архив графов Мордвиновых. Т. 3. С. 611.

²² На второй год работы экспедиции в ее состав вошел московский художник П.С. Максютин. Кроме того, в работах принимали участие некоторое количество “канцелярских чинов” (см. об этом: Тимофеев Л.В. Экспедиция К.М. Бороздина... С. 53, 69).

²³ Возможно, что это не полное их число, и в дальнейшем будут еще выявлены рукописи, приобретенные участниками экспедиции.

в РНБ под шифром О.п.І.6. Интересна она тем, что является самой ранней из написанных в московском Симонове монастыре. Исследователям до настоящего времени неизвестен был факт ее бытования в Кирилло-Белозерском монастыре. Однако можно утверждать, что она несомненно находилась там уже в XV в., поскольку ее фиксирует опись монастырской библиотеки конца XV в. (“троичные каноны в четверть на хартии”²⁴). Учитывая то обстоятельство, что выходцем из Симонова монастыря (из его игуменов) был сам Кирилл Белозерский, можно предположить, что попадание рассматриваемого кодекса на Белое озеро связано с именем св. Кирилла²⁵. Еще две рукописи, привезенные экспедицией Бороздина – это списки Синодика опальных Ивана Грозного (ныне РНБ, О.IV.15 и О.IV.24), происходящие из того же Кирилло-Белозерского монастыря (Бороздин обнаружил их среди бумажного хлама, предназначенного к уничтожению). Об этих рукописях спустя годы Бороздин сообщил Н.Г. Устрялову, и тот опубликовал текст Синодика в приложении к своей книге “Сказания князя Курбского”. Как следует из записки, “сообщенной” Бороздиным Устрялову, им были сделаны выписки из вкладной и кормовой книг монастыря о вкладах Ивана Грозного по опальным людям. Таким образом, Бороздин первым обнаружил Синодик опальных, а также соотнес его с опричными репрессиями и поминальной практикой Ивана Грозного, т.е. фактически первым дал Синодику опальных источниковедческую характеристику (это обстоятельство исследователи почему-то не отмечают). Наконец, последняя из отождествленных мною рукописей – скопированный Ермолаевым Солигалицкий летописец (ныне РНБ, Q.I.418), памятник провинциальной историографии XVIII в., повествование которого в значительной мере построено на преданиях и легендах. О нем Ермолаев писал Ленину из Ярославля 30 ноября 1809 г.: “В Галиче достал я летописец, заключающий происхождения города Галича, коих я ни в каком другом летописце не нашел”²⁶. На л. 7 рукописи Ермолаев записал следующее: “Подлинной писан скорописью на бумаге в 8°... Найдена мною во время путешествия моего в 1809-м году у галичск[ого] мещан[ина] Василья Василь[евича] Зиновьева”²⁷. Остались неотожествленными два списка Хождения игумена Даниила, рукописное Евангелие, Алфавит и три летописи, одна из которых представляла собой копию обнаруженного в Спасо-Ярославском монастыре летописца, а две другие – украинские летописи XVII или XVIII вв. Таким образом, даже поверхностные изыскания показывают, что археографическая составляющая в путешествии Бороздина занимала далеко не последнее место, хотя и ведущим это направление назвать нельзя.

²⁴ *Никольский Н.К.* Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в XV веке. СПб., 1897. С. 13. № 201.

²⁵ Правда, по предположению Г.А. Вздорнова, приписка в этой рукописи скорее указывает на преемника Кирилла на игуменстве в Симонове монастыре Сергия Азакова (*Вздорнов Г.И.* Искусство книги в Древней Руси: Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII – начала XV веков. М., 1980. С. 81–82), таким образом, в Кирилло-Белозерский монастырь канонник мог попасть уже в XV в.

²⁶ *Тимофеев Л.В.* Экспедиция К.М. Бороздина... С. 58.

²⁷ Цит. по: *Семячко С.А.* К вопросу об использовании письменных и устных источников при создании повестей об основании монастырей и монастырских летописцев: (“Повесть о Тверском Отроче монастыре”, “Летописец Воскресенского Солигалицкого монастыря”) // Книжные центры Древней Руси. XVII век: Разные аспекты исследования. СПб., 1994. С. 263.

Окончательный вывод относительно авторства Плана можно сделать, обратившись к самой рукописи. Сразу отмечу, что нельзя согласиться с Бильбасовым, который назвал рукопись копией. Без сомнения, перед нами авторский экземпляр. На это указывают многочисленные примечания, вернее те из них, которые исполнены основным почерком рукописи, но чернилами другого оттенка и явно позднее 1805 г. В одном из таких примечаний об экспедиции 1809 г. сказано, что “отправленным 2-м чиновникам дано 5 тысяч рублей, полагая оные ежегодно” (л. 33). Речь идет о том, что на проведение экспедиции из средств Кабинета было единовременно выделено 5 тысяч рублей, а это случилось в начале апреля 1809 г.²⁸ Однако через год император распорядился выделить такую же сумму для продолжения экспедиции²⁹. Автор Плана явно не знает об этом, т.е. данная приписка сделана до повторного выделения средств, т.е. до конца мая 1810 г., но после пожалования первой суммы, т.е. после начала апреля 1809 г. Получается, что автор Плана вернулся к своему произведению спустя четыре года после его создания, дополнил его несколькими примечаниями – и в таком виде План оказался в руках пользовавшегося большим авторитетом члена Государственного совета адмирала Н.С. Мордвинова. Характерно, что в примечаниях говорится о снаряжении экспедиции и не упоминаются ее результаты. По-видимому, к моменту завершения работы над примечаниями экспедиция только начала свою работу или всего лишь готовилась к ней. Данные почерка, которым написан План, позволяют с уверенностью атрибутировать его как автограф Бороздина³⁰. Получается, что План был составлен Бороздиным в 1805 г., подан Дубровскому, а через четыре года, когда сложилась благоприятная обстановка для осуществления идей Плана, автор снабдил План дополнительными примечаниями и представил Мордвинову. Он сделал это перед отъездом экспедиции, возможно, в надежде на то, что со временем экспедиции будет придан официальный статус и постоянное финансирование, но этого не случилось. Однако избранный Бороздиным путь был верен, и спустя два десятка лет именно так образовалась Археографическая комиссия – от временных экспедиции и комиссии к постоянному официальному государственному учреждению.

П.М. Строев в своей экспедиционной деятельности, без сомнения, ориентировался на опыт Бороздина. Но в одной экспедиции Строева уступала предыдущей экспедиции и тем более Плану. Строев ставил целью копирование обнаруженных ценных рукописей, Бороздин же по возможности собирал подлинники. В Планае собиранию рукописей отведено первое место, причем сделаны экскурсии в историю археографии ведущих западноевропейских стран. Отмечу, что именно эта часть Плана оказалась выполненной в наименьшей степени, а весьма скромные результаты археографической деятельности экспедиции Бороздина оказались скоро забыты. В чем причина такого несоответствия Плана и реализовавшей его экспеди-

²⁸ 11 апреля 1809 г. министр иностранных дел А.Б. Куракин сообщил это Валуеву (*Тимофеев Л.В.* Экспедиция К.М. Бороздина... С. 53).

²⁹ 28 мая 1810 г. временно управляющий придворной частью А.Н. Голицын написал об этом Валуеву (Там же. С. 60).

³⁰ Тем же почерком написана дарственная надпись 1806 г. от Бороздина Оленину на экземпляре книги “Начертание жизни князя Я.Ф. Долгорукого” (СПб., 1805 – РНБ, шифр: 138/961).

ции в той его части, которая сейчас представляется нам наиболее важной? Думаю, что правы исследователи, предполагавшие участие Дубровского в разработке Плана. Опытный собиратель рукописей, составивший одну из лучших в мире рукописных коллекций, Дубровский мог внушить юному Бороздину (в 1805 г. ему было 24 года) необходимость и важность собирания рукописных памятников. В период экспедиции наставником Бороздина становится Оленин, и на первый план выходят пленэрные этюды с видами древнерусской архитектуры, зарисовки и акварельные отмычки произведений декоративно-прикладного искусства – и вполне салонные по своему жанру альбомы рисунков как основной результат экспедиции. План оказался, таким образом, более прогрессивным, чем его реализация.

Атрибуция Плана и обзора источников в журнале Корифей Бороздину позволяет проследить становление этого забытого ныне историка первой половины XIX в., чей вклад в отечественную историографию еще предстоит по достоинству оценить. С другой стороны, теперь можно с большей определенностью поставить вопрос об участии Дубровского в разработке Плана и предположить, что именно ему принадлежит идея археографической части Плана, реализация которой стала важнейшим направлением отечественной археографии.

К.Ю. Ерусалимский

**“ИЗДАТЬ КУРБСКОГО ТАК, КАК ОН ЗАСЛУЖИВАЕТ”:
К ВОПРОСУ ОБ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
Н.Г. УСТРЯЛОВА**

К 1830-м годам Курбский был известен читающей публике “только по слуху или по редким безобразным спискам”¹. Издания “Сказаний Князя Курбского” открыли новый этап историографического бытования Сборника Курбского (далее: СК²). Публикация стала достоянием общественной мысли, встретила живые отклики со стороны исследователей, вызвала полемику среди историков и филологов. Подготовил издание Николай Герасимович Устрялов³. Его задача облегчалась тем, что в “Истории Государства Российского” Н.М. Карамзина почти весь текст “Истории” и отрывки из посланий Курбского Ивану Грозному были воспроизведены в цитатах и пересказах. Допустив Курбского в печать в таком объеме, цензура вряд ли была в силах воспрепятствовать выходу в свет полных текстов. Н.Г. Устрялов пользовался поддержкой товарища министра просвещения С.С. Уварова, с помощью которого, в частности, получил доступ к Патриаршему списку Сборника. В феврале 1832 г. в подготовке издания были задействованы “верная копия” Академического, Эрмитажный, Румянцевский и собственный список Устрялова. Во всех этих рукописях содержится в приложении трактат Александра Гваньини о тирании Ивана Грозного – Н.Г. Устрялов допускал участие Курбского в его переводе и планировал включить в “Сказания”⁴. Однако в конечном счете ни Гваньини, ни перевода письма И. Таубе и Э. Крузе к Г. Кетлеру среди приложений не оказалось. В спешном порядке пришлось решать еще более существенный вопрос. Как показывает его письмо М.П. Погодину от 21 февраля 1832 г., Устрялов колебался в выборе текстологической концепции издания: “Я думаю принять за основание один лучший список и важнейшие варианты (или всякие?) показывать под текстом по примеру Тимковского,

¹ Северная пчела. 1833. 28 сент.; *Бачинин А.Н.* Н.Г. Устрялов как публикатор источников по истории России XVI–XVIII веков // АЕ за 2000 год. М., 2001. С. 183–184.

² Ссылки на текст СК даются по рукописи ОР ГИМ собр. А.С. Уварова № 301 (в 2°). Перед номером листа – латинское обозначение “Г”, оборот листа обозначается литерой “v”, номер строки – после “/”.

³ Подробнее об условиях работы Н.Г. Устрялова над изданием и о его других археографических проектах: *Бачинин А.Н.* “Сказания князя Курбского”: (Эпизод истории публикаторской деятельности Н.Г. Устрялова) // Россия в IX–XX веках: Проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 1999. С. 58–60; *Он же.* Н.Г. Устрялов как публикатор источников по истории России XVI–XVIII веков // АЕ за 1999 год. М., 2000. С. 113–125; АЕ за 2000 год. М., 2001. С. 179–194; АЕ за 2001 год. М., 2002. С. 159–180; АЕ за 2002 год. М., 2004. С. 103–116; АЕ за 2004 год. М., 2005. С. 85–105.

⁴ *Бачинин А.Н.* Н.Г. Устрялов как публикатор... // АЕ за 2000 год. С. 181.

издававшего Лаврентьевский список”⁵. От рассмотрения всех (“всяких”) вариантов вспомогательных списков публикатор отказался, не последовав совету П.М. Строева постараться “сколько возможно о верности текста и вариантах”⁶.

К выходу в свет первого издания “Сказаний” Устрялов располагал семью рукописями с сочинениями Курбского⁷. Лучшим и древнейшим он считал *Патриарший* (ныне ОР ГИМ Синодальный № 136), который по указанию П.М. Строева и при содействии С.С. Уварова выписал для него из Синодальной библиотеки С.Д. Нечаев: “Приняв сей список основанием текста сочинений Курбского, я не уклонялся от оногo не только в слоге, но и в расположении статей; прибавил только для удобства читателя содержание глав, указанных самим Автором, и выставил на полях страниц годы, основываясь на разных источниках”⁸.

Эрмитажный (ныне ОР РНБ Эрмитажный № 135) Устряловым был определен как “новый” и “далеко уступающий Патриаршему”, причем публикатор пронизательно отмечал: во-первых, “в нем недостает многих статей (12 писем Курбского к Острожскому, Княгине Чарторижской и Бесед Златоуста)”; во-вторых, в нем “переписчик заменял, часто весьма неудачно, многие слова Польские или старинные Славянские Русскими новыми, вероятно с намерением сделать его вразумительнее для Императрицы Екатерины II”⁹. *Румянцевский* список (ныне НИОР РГБ Румянцевский № 240) описан в “Сказаниях” в резких выражениях: “нов и обезображен грубыми ошибками, хотя слог и без поправок”¹⁰. Более исправным, чем Румянцевский, по мнению Н.Г. Устрялова, был *Казанский* список (ныне НИОР РГБ Румянцевский № 241), хотя в нем “нет ни 12 писем Курбского, ни переводов,

⁵ Цит. по: *Бачинин А.Н.* Н.Г. Устрялов как публикатор... // АЕ за 2000 год. С. 180–181.

⁶ *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды П.М. Строева. СПб., 1878. С. 238–240; *Бачинин А.Н.* Н.Г. Устрялов как публикатор... // АЕ за 2000 год. С. 183.

⁷ Далее за основу принимаем нашу классификацию списков Сборника Курбского на пять изводов, составленную на основе кодиколого-текстологического исследования 85 списков данного памятника. Старшим считаем списки I извода Тихохрановского и Барсовского видов, к той же группе относится Компилятивная редакция “Истории” А.М. Курбского и протограф II извода Уваровского и Болховитиновского видов, III извода Голицынского вида, IV извода Синодального и Архивского видов, V извода Погодинского, Панинского, Библиотечного, Нечаевского, Петропольского, Сокращенного видов и Сборника Девовича. Подробнее см.: *Ерусалимский К.Ю.* Сборник Курбского: Исследование книжной культуры. М., 2009. Т. 1, 2.

⁸ Сказания Князя Курбского. СПб., 1833. Ч. 1. С. XXVII; Сказания князя Курбского. 2-е изд. СПб., 1842. С. XXXVII. С.Д. Нечаев интересовался сочинениями Курбского и 13 марта 1816 г. подарил библиотеке ОИДР сборник с выписками из “Истории о великом князе Московском” (см.: НИОР РГБ. Собр. ОИДР. № 255. Л. [I]₁).

⁹ Сказания... 1-е изд. Ч. 1. С. XXIX; Сказания... 2-е изд. С. XXXVII. “Письма” отсутствовали уже в протографе Сборника Курбского Петропольского вида, а поновления языка в текстах Курбского проводились в рукописной традиции до возникновения Эрмитажного сборника несколько раз, начиная с протографа СК V извода и особенно в списках Библиотечного вида.

¹⁰ Сказания... 1-е изд. Ч. 1. С. XXX; Сказания... 2-е изд. С. XXXVIII. Н.Г. Устрялов неточно передает “заглавие” данной рукописи (верно читать “1662 года”) и номера страниц “О обычаях” А. Гваньини (учитывая, что Устрялов не принимал во внимание стороны листа, верно: “347–456”). Археографическая оценка списка объясняется его “новизной”. Текстологический анализ Румянцевской рукописи показывает, что список “Истории” восходит к сборнику РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. № 82 (далее: Архивскому № 82), тогда как остальные тексты – к списку поздней традиции V извода.

ни Истории Флорентийского Собора; самая переписка Курбского с Иоанном весьма неудовлетворительна: из первого послания Царя списана только четверть или еще менее”¹¹. Особый интерес вызывает *Академический* список из Санктпетербургской духовной академии, “по каталогу ея под № 302”. Такой номер к 1833 г. носила рукопись ОР РНБ собр. СПбДА № 309. Описание этой рукописи в “Сказаниях” страдает неточностями, а общая высокая ее оценка (“весьма исправен и верен”), вероятно, связана с тем, что публикатор датировал ее список серединой XVII в.¹²

Загадкой является *Бороздинский* список. Помимо “Сказаний” он не оставил следов. Н.Г. Устрялов описывает его следующим образом: “В 3 частях, в лист; в первой части 106 листов; во второй 117; в третьей 87”. Далее приведено заглавие, имеющее аналог лишь в одном списке рукописной традиции – НИОР РГБ собр. П.А. Овчинникова № 500, ранее принадлежавшем А.И. Сулакадзеву: “Ковчег Русской правды или книга в мире Бытия прошлых сокровеннейших лет. Жизнеописаний великих людей, российских земли Царств и градов основания, чудеса Волховца, Златыя бабы и происхождений никому неизвестных Истории Российския”. Показательно, что Н.Г. Устрялов предпринимал усилия, чтобы получить список Сулакадзева, и сообщил об этом в письме к П.М. Строеву: “Главное дело в списке; боюсь только, не разумеете ли Вы список покойного Сулакадзия: тут ничего не возьмешь. Я был у вдовы его с К.М. Бороздиным и предлагал ей значительную сумму – но не успел уговорить, хочет, чтобы купили все его книги и притом за 25 т. р.! Одним словом, сладить с ней нет никакой надежды...”¹³. Бороздинский список похож на список, который видели Устрялов и Бороздин у вдовы Сулакадзева. Этого не скрывает и сам Устрялов, когда дает лестную характеристику рукописи: “Не смотря на столь странное заглавие и на новый почерк, сей список, снятый с весьма старинного, имеет многие преимущества пред прочими, у меня бывшими, исключая Патриаршего; он довольно верен и притом полон: в нем находится перевод большей части Гваньиниева Описания Московии. К сожалению переписчик, не разобрав многих слов в подлиннике, оставил по местам пробелы. По всем признакам, сей список снят с Сулакадзиева, который, сколько могу судить по беглому обозрению оногo, относится к первой половине XVII века и притом весьма исправен. (Не взирая на все мои старания, я не

¹¹ Сказания... 1-е изд. Ч. 1. С. XXXI; Сказания... 2-е изд. С. XXXVIII. Сравнение Казанского с Румянцевским было бы продуктивным, поскольку оба списка относятся ко II изводу и восходят к сборнику Архивскому № 82.

¹² Сказания... 1-е изд. Ч. 1. С. XXXI; Сказания... 2-е изд. С. XXXVIII–XXXIX. Кодекс, действительно, “в четверть листа” с названием “История Великаго Князя Московскаго о делах его. Еже слышахом оу достоверных мужей и еже видехом очима нашими. Сие сокращение вмещаючи яко возможогах написах многого ради принуждения ото множащих”. Не соответствует нынешнему состоянию списка Санктпетербургской духовной академии № 309 число листов: у Н.Г. Устрялова – “на 179 страницах”, а также утверждение: “заключает только Историю Иоанна; в переписке же его с Курбским весьма много пропусков; переводов и писем нет”. Здесь налицо противоречие: либо рукопись *заключает только Историю*, либо в ней содержится еще и *переписка* Ивана Грозного с Курбским. Если учитывать эту неясность формулировки, можно полагать, что Устрялов использовал именно нынешний список ОР РНБ СПбДА № 309, не уточнив его состав.

¹³ Барсуков Н.П. Жизнь и труды П.М. Строева. С. 237; Бачинин А.Н. Н.Г. Устрялов как публикатор... // АЕ за 2000 год. С. 182–183.

мог пользоваться списком Сулокадзиевым)¹⁴. Вряд ли Н.Г. Устрялов проводил ту текстологическую работу, которая позволила бы ему сделать вывод о происхождении Бороздинского от Сулокадзиева (ср.: *по всем признакам... по беглому обозрению*)¹⁵. Еще один похожий вывод о прямом восхождении звучит во втором издании “Сказаний” в отношении Академического списка с Синодального, и вызывает не меньше сомнений. Очевидно, Устрялов и Бороздин должны были тщательно осмотреть рукописи Сулокадзиева, прежде чем вести разговор с его вдовой об их приобретении. В ходе осмотра были сделаны выписки, которые использованы в “Сказаниях”. Однако вдова пользоваться рукописью не разрешила, отдельно от собрания продавать отказалась, а за все собрание рукописей мужа попросила слишком много: “25 т. р.!”. Поиск доступа к “протографу” Бороздинского и неудача Устрялова на этом поприще позволяют выдвинуть предположение, что так называемый Бороздинский список – фикция, с помощью которой публикатор стремился избежать ответственности перед собственницей за использование ее рукописи¹⁶.

Своей рукописью Устрялов мог при этом пользоваться без ограничений. Ему принадлежал сокращенный Сборник Курбского “Описание Курбского о Царе Иоанне Васильевиче” “в четверть листа на 105 стр.”, без “особенных достоинств” с приложением перевода “V главы сочинения Гваньини” (ныне – ОР РНБ. Колобовский. № 79)¹⁷.

Уже при подготовке второго издания 1842 г. Н.Г. Устряловым было привлечено 9 списков “Истории”. К прежним семи добавились *Архивский* и *Академический*. Из них первый соответствует Архивскому № 60 (ныне – РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 60). Устрялов узнал о его существовании от Строева еще до выхода первого издания “Сказаний”, получил рукопись из Московского Главного Архива от А.Ф. Малиновского, а затем передал ее в Археографическую комиссию, откуда она вернулась в Архив. Характеристика рукописи в издании показывает, что Устрялов проводил сравнение

¹⁴ Сказания... 1-е изд. Ч. 1. С. XXXI–XXXII; Сказания... 2-е изд. С. XXXIX. Список Овчинниковский № 500 продуктивно вслед за Н.Г. Устряловым сравнить с Синодальным № 136. Они в разделе СК относятся к одной группе списков – IV изводу.

¹⁵ Для второго издания Устрялов привлек список Архивский № 60, послуживший протографом для списка Сулокадзиева. Однако особого родства Архивского и Бороздинского списков Устрялов не заметил. Он сравнивал Архивский все так же только с Патриаршим.

¹⁶ Примечание “Не взирая на все мои старания...” адресовано прежде всего вдове Сулокадзиева и призвано снять возможные подозрения. Во втором издании появляется одно уточнение в описании Бороздинского списка: “...сей список... имеет многие преимущества пред прочими, у меня бывшими при первом издании, исключая Патриарший...”. Означает ли данная вставка, что при втором издании у Устрялова появились еще более качественные списки? В таком случае надо было признать, что в иерархии списков при подготовке второго издания место Бороздинского заняли второй Академический и Архивский. Но какие “преимущества” были у Бороздинского “перед прочими” при первом издании и чем он хуже тех, которые появились у Устрялова при втором? Благодарю А.Н. Бачинина за критику моих более ранних соображений об объеме заимствований из “Бороздинского списка” в “Сказаниях”.

¹⁷ Сказания... 1-е изд. Ч. 1. С. XXXII–XXXIII; Сказания... 2-е изд. С. XXXIX–XL. Список принадлежал братьям Николаю и Федору Устряловым уже 18 июня 1829 г. и возник незадолго до владельческой записи на рукописи. Появление книги с сочинениями Курбского в библиотеке Устряловых – свидетельство того интереса, который позднее привел Николая Герасимовича к издательском проекту.

Архивской с Патриаршей: “Этот список исправнее даже Патриаршего в том отношении, что в нем реже перемешаны с текстом выноски и примечания, сделанные частью самим Курбским, частью другими лицами на полях страницы; сверх того в тексте мало ошибок и описок”¹⁸.

Труднее обстоят дела с Академическим. Он чрезвычайно похож на Патриарший: “В лист на 266 стр. с таким же заглавным листом, как и Патриарший, и с пометою на нем: *взята от Федора Поликарпова...*; в конце на переплете: *Кирилова монастыря*. Писан разными почерками второй половины XVII века и имеет большое сходство с Патриаршим”¹⁹. Единственный известный сегодня список нисходящей традиции Синодального № 136 – Библиотечный № 8991 не соответствует описанию Н.Г. Устрялова ни объемом, ни пометами, ни почерками. Есть вероятность, что в распоряжении публикатора “Сказаний” была какая-то рукопись, текст которой передан им в разночтениях.

Что же можно узнать об Академическом списке из текстологических примечаний? Рассмотрим все доступные упоминания этого списка, всякий раз подразумевая Академический Второй (в условных обозначениях Устрялова – Ак.). О чтении f 24v/2–3 “поидоша” Устрялов пишет: “*Изъ Ак. въ П. и Ар. придоша*”²⁰. Однако в Патриаршем также читается в этом месте “поидоша”. В первом издании “Сказаний” принят вариант “поидоша”, а к нему в примечании указано: “*Въ П придоша*”. Это ошибочное прочтение Устрялова, каким-то образом совпавшее с чтением Архивского № 60. Отступление Академического от Патриаршего происходит в чтении f 77v/10 “смешеннымъ”, но среди списков, содержащих данное чтение Патриарший не назван по ошибке²¹. Еще одно отступление в f 136/16–17 также является следствием ошибки Устрялова. В первом издании “Сказаний” он неверно передает здесь особый вариант Патриаршего “незсогласнымъ”, а позднее вариант Академического отождествляет с вариантом Бороздинского и Архивского “несогласнымъ” – при этом *de facto* Патриарший в этом месте идентичен Архивскому и так называемым Бороздинскому и Академическому спискам²². Особое чтение Архивского и Академического “имый громъ бытіе” Устрялов обнаружил в Первом послании Ивана Грозного Курбскому (ППГ) – это неточно, так как в Патриаршем списке читается не основной вариант “Сказаний” “и мы громъ бытія”, а как раз-таки вариант Архивского и Академического²³. В том же ППГ, согласно второму изданию “Сказа-

¹⁸ Сказания... 2-е изд. С. XL; Барсуков Н. Жизнь и труды П.М. Строева. С. 240. Таким образом, Устряловым сопоставлены оба старших списка IV извода. Устрялов не комментирует древность Архивского списка, вероятно, признавая старшинство Патриаршего. Верно при этом замечено преимущество Архивского: в нем действительно лучше переданы глоссы протографа Архивского и Патриаршего. Об этом можно судить, привлекая к сравнению список ОР РНБ Погодинский № 1494 и учитывая, что источником для протографа IV извода послужил сборник Отдела коллекций редких изданий и книг Центральной научной библиотеки Харьковского национального университета № 168/с.

¹⁹ Сказания... 2-е изд. С. XL.

²⁰ Сказания... 2-е изд. С. 30. Примеч. f; ср.: Сказания... 1-е изд. Ч. 1. С. 36. Примеч. f.

²¹ Сказания... 2-е изд. С. 88. Примеч. d; ср.: Сказания... 1-е изд. Ч. 1. С. 114. Примеч. b.

²² Сказания... 2-е изд. С. 154. Примеч. c; ср.: Сказания... 1-е изд. Ч. 2. С. 7. Примеч. b.

²³ Сказания... 2-е изд. С. 163. Примеч. d; ср.: Сказания... 1-е изд. Ч. 2. С. 22. Примеч. f; ср.: РИБ. СПб., 1914. Т. 31. Стб. 27; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским: Репринтное воспроизведение текста издания 1981 г. / Подгот. текста Я.С. Лурье, Ю.Д. Ры-

ний”, Академический сохранил особое чтение “зелие” вместо зѣлнѣ. Однако на проверку оказывается, что сходным образом отрывок *нам немощию одержимым быти и зельне изнемогишу* передан и в Патриаршем²⁴.

Чтение f 15v/6 “свальнымъ гуеомъ” – якобы общее для Архивского, Академического и Румянцевского²⁵. Это неверно: таким же образом читается данное место в Патриаршем. В Академическом, как и в Архивском и Патриаршем, читалась глосса о “юрте”²⁶. Особым образом Устрялов читает f 29v/2: “да поглядѣли”, и в примечании пишет: “*Такъ я читаю; въ П. Ар. Ак. и Б. да поглядити; въ Р. да погладили; въ Э и бывше уже*”²⁷. В этом случае сходство с Патриаршим затрудняет поиск индивидуальных особенностей Академического. Еще одна загадка – текстологический комментарий Устрялова к f 33v/2: “*Въ Р. К. Ар. и Э. богатый во адѣ; въ Б. долготы; въ П и Ак. Бога ны во адѣ*”²⁸. Чтение Патриаршего передано неверно, в рукописи оно совпадает с архетипом III–V изводов *богатый во ад*, причем такая же ошибка прочтения была в первом издании “Сказаний” – чтение Академического списка вновь совпадает не с вариантом Патриаршего, а с ошибкой прочтения Патриаршего. Еще раз мы сталкиваемся с ошибочным вариантом Патриаршего к “прочим спискам” в f 81v/19. Местоимение *ю* амплифицировано в Патриаршем до “скурату або личину ю”. Устрялов читает по-своему: “*сиурагу або личину*”, и находит подтверждение своему прочтению Патриаршего в Академическом списке²⁹. В f 38v/16 во втором издании “Сказаний” Устрялов принимает чтение основного текста “постиналь еси” и к нему по Патриаршему, Архивскому и Академическому приводит глоссу “*посѣклъ еси*”³⁰. В первом издании принято в основном тексте “*посѣклъ еси*” и комментарий к чтению совершенно иной: “*изъ Р. и Э.; въ П. и Б. постиналь еси, на полть: посѣклъ еси*”³¹. Во втором издании публикатор меняет и архетип основного текста, и свои источники. Бесследно исчезает Бороздинский список, который, если верить первому изданию, должен бы передавать архетип. Однако Архивский и Академический создают тот перевес над поздними Румянцевским и Эрмитажным, которого достаточно, чтобы архетип был переосмыслен. Бороздинский с появлением Архивского и Академического теряет актуальность, а Академический вновь ничем не выделяется по сравнению с Патриаршим. В f 41v/17 оба издания верно отражают индивидуальное чтение Патриаршего “*пригороды*” вместо *пригоды*, во втором издании к Патриаршему добавлен Академический и, в связи с этим, устранено замечание первого издания к основному тексту “*Такъ въ другихъ спис.*”³². Чтения Патриаршего, Архивского и

ков. М., 1993. С. 66 (л. 12). Ссылки на листы ППГ даются по изданию 2-й пространной редакции памятника, подготовленной Я.С. Лурье на основе списка ОР ГИМ Уваровского № 330/1581.

²⁴ Сказания... 2-е изд. С. 190. Примеч. б; ср.: Сказания... 1-е изд. С. 60. Примеч. а; РИБ. Т. 31. С. 64. Примеч. 17; ПИГАК. С. 80 (л. 33).

²⁵ Сказания... 2-е изд. С. 21. Примеч. а; ср.: Сказания... 1-е изд. Ч. 1. С. 24. Примеч. d.

²⁶ СК f 27v/13g; Сказания... 2-е изд. С. 34. Примеч. d; ср.: Сказания... 1-е изд. Ч. 1 С. 41. Примеч. e.

²⁷ Сказания... 2-е изд. С. 36. Примеч. б; ср.: Сказания... 1-е изд. Ч. 1. С. 44. Примеч. а.

²⁸ Сказания... 2-е изд. С. 40. Примеч. h; ср.: Сказания... 1-е изд. Ч. 1. С. 50. Примеч. g.

²⁹ Сказания... 2-е изд. С. 93. Примеч. б; ср.: Сказания... 1-е изд. Ч. 1. С. 120. Примеч. g.

³⁰ Сказания... 2-е изд. С. 46. Примеч. f.

³¹ Сказания... 1-е изд. Ч. 1. С. 58. Примеч. б.

³² Сказания... 2-е изд. С. 49. Примеч. f; ср.: Сказания... 1-е изд. Ч. 1. С. 62. Примеч. d.

Академического совпадают в ff 47/2g, 133v/8, ППГ (л. 7 об.)³³ и к тем же спискам добавляется вслед за первым изданием Бороздинский в f 56v/4, ППГ (л. 15)³⁴. Как и Патриарший, Академический включает глоссу архетипа *Зри здѣ...* в основной текст³⁵, вместо *еще ли ся* содержит “ащели ша”³⁶, выпускает отрывок *в неповинном... предреченных*³⁷, вместо *после тех* IV и V изводов читает “повеле тѣхъ”³⁸, читает “*послать въ церковныхъ*”³⁹, “не довольство ми”⁴⁰, вместе Патриаршим с другими списками – “колико ты сящъ съ нихъ почту”⁴¹, “лѣтушихъ”⁴², “потомъ”⁴³, “пресвитеровъвъыхъ”⁴⁴, “такіе”⁴⁵, “не можетъ”⁴⁶, “не довольство ми”⁴⁷. Слова *О побииени боярских и дворянских родов* в Патриаршем, Архивском и Академическом, согласно Устрялову, “*напис. киноварью*”⁴⁸.

Мы рассмотрели все варианты Академического во втором издании “Сказаний”. Устрялов подвел этот список к трем текстам – “Истории” и Первому Посланию Курбского и Первому Посланию Ивана Грозного Курбскому. Из этого не следует, что других текстов Патриаршего списка в Академическом не было: их объем подозрительно совпадает (“страницы” необходимо понимать как листы), т.е. при отсутствии в Академическом списке текстов после ППГ незаполненными в нем оказались бы примерно 100 листов. Скорее, остальные тексты типа Патриаршего в Академическом *были*, но по каким-то причинам оказались вне поля зрения публикатора при под-

³³ Сказания... 2-е изд. С. 55, 151. Примеч. m; С. 157. Примеч. f; ср.: Сказания... 1-е изд. Ч. 1. С. 70. Примеч. f; 1-е изд. Ч. 2. С. 3. Примеч. b; С. 15. Примеч. c; ПИГАК. С. 63.

³⁴ Сказания... 2-е изд. С. 65. Примеч. l; С. 167. Примеч. d; ср.: Сказания... 1-е изд. Ч. 1. С. 83. Примеч. d; 1-е изд. Ч. 2. С. 28. Примеч. d.

³⁵ СК f 71v/3g; Сказания... 2-е изд. С. 82. Примеч. b; ср.: Сказания... 1-е изд. Ч. 1. С. 105. Примеч. e.

³⁶ СК f 75/11; Сказания... 2-е изд. С. 86. Примеч. b; ср.: Сказания... 1-е изд. Ч. 1. С. 111. Примеч. a.

³⁷ СК f 79v/20–80/1; Сказания... 2-е изд. С. 91. Примеч. b; ср.: Сказания... 1-е изд. Ч. 1. С. 118. Примеч. b.

³⁸ СК f 80v/20; Сказания... 2-е изд. С. 92. Примеч. a; ср.: Сказания... 1-е изд. Ч. 1. С. 119. Примеч. b.

³⁹ СК f 109/16; Сказания... 2-е изд. С. 122. Примеч. e; ср.: Сказания... 1-е изд. Ч. 1. С. 161. Примеч. e.

⁴⁰ СК f 125/6; Сказания... 2-е изд. С. 138. Примеч. h; ср.: Сказания... 1-е изд. Ч. 1. С. 184. Примеч. a.

⁴¹ СК f 89/4; Сказания... 2-е изд. С. 99. Примеч. l; ср.: Сказания... 1-е изд. Ч. 1. С. 130. Примеч. b.

⁴² СК f 91/7; Сказания... 2-е изд. С. 102. Примеч. d; ср.: Сказания... 1-е изд. Ч. 1. С. 133. Примеч. d.

⁴³ СК f 96/1; Сказания... 2-е изд. С. 107. Примеч. i; ср.: Сказания... 1-е изд. Ч. 1. С. 141. Примеч. c. Здесь неверно: в Патриаршем читается архетип I–V извода *потол*, а вариант *потом* – только в Архивском. Но это не принципиально. Важно, что Устрялов отождествляет чтение Академического и Патриаршего.

⁴⁴ СК f 105/4; Сказания... 2-е изд. С. 118. Примеч. a; ср.: Сказания... 1-е изд. Ч. 1. С. 155. Примеч. d.

⁴⁵ СК f 109/3; Сказания... 2-е изд. С. 122. Примеч. d; ср.: Сказания... 1-е изд. Ч. 1. С. 161. Примеч. d.

⁴⁶ СК f 119v/15; Сказания... 2-е изд. С. 132. Примеч. g; ср.: Сказания... 1-е изд. Ч. 1. С. 176. Примеч. c.

⁴⁷ СК f 125/6; Сказания... 2-е изд. С. 138. Примеч. h; ср.: Сказания... 1-е изд. Ч. 1. С. 184. Примеч. a.

⁴⁸ СК f 93/6; Сказания... 2-е изд. С. 104. Примеч. f; ср.: Сказания... 1-е изд. Ч. 1. С. 137. Примеч. a.

ведении разночтений. Совпадение состава не вызывало бы удивления, но совпадение числа “страниц” в двух, даже очень сходных, “сборниках Курбского” XVII в. было бы исключительным фактом. К этому можно добавить сходства в расположении и текстах записей обоих списков. Однако наиболее интересны для определения Академического списка результаты текстологического анализа. В ряде случаев Академический список подтверждает неверные прочтения Устряловым Патриаршего списка, которые возникли при подготовке первого издания “Сказаний”. Допустить, что при подготовке второго издания Николай Герасимович обнаружил список, в котором находили подтверждение именно ошибки, допущенные им при прочтении основного списка предшествующего издания, почти невозможно. Гораздо правдоподобнее иная интерпретация. Действительно, если задаться вопросом, какие чтения отличают Академический список от Патриаршего, то парадоксальным образом оказывается, что все пять “индивидуальных чтений” Академического – следствие недоразумения, поскольку такие же варианты содержатся в Патриаршем (на что публикатор не указывает), тогда как во всех остальных чтениях Академический, согласно разночтениям Устрялова, сходен только с Патриаршим или с Патриаршим наряду с другими списками. Таким образом, наиболее вероятный вывод из наших наблюдений заключается в том, что Академический список – это и есть Патриарший, а Н.Г. Устрялов, говоря о двух разных рукописях, подразумевает в обоих случаях одну и ту же.

Каковы мотивы “раздвоения”? Учитывая убеждение Устрялова в различиях между Патриаршим и Академическим списками, а также особенности разночтений, вряд ли имеет место случайное невнимание публикатора. След к интерпретации “раздвоения” может быть обнаружен в том отличии одной рукописи от другой, которое выявил Н.Г. Устрялов. Академический список – “второй половины XVII в.”, т.е., очевидно, позднее Патриаршего, почерки которого Устрялов в обоих изданиях отнес “по всем признакам” к началу XVII в. Это была ошибка первого издания, которую было нелегко признавать во втором: Патриарший список, который был использован при подготовке “Сказаний”, современен записи о создании переплета 11 августа 1684 г. При подготовке первого издания Устрялов прокомментировал только первую часть этой записи – “Кирилова монастыря”, однако пояснил ее крайне неточно: “[список. – К.Е.] принадлежал некогда Кириллобелозерскому монастырю, куда доставлен, как видно из надписи на выходном листе, Федором Поликарповым...”⁴⁹. Здесь допущено сразу две ошибки: во-первых, из записи на “выходном листе” никак не следует, что рукопись была доставлена Ф.П. Орловым-Поликарповым в Кирилло-Белозерский монастырь, а говорится лишь, что она была “взята от Федора Поликарпова”, куда – не сказано; во-вторых, в записи на обороте задней крышки рукописи сказано, что рукопись переплетена в Кирилло-Белозерском монастыре и указано, когда именно. Во втором издании Н.Г. Устрялов сохраняет без изменений свое замечание о Патриаршем, а вот об Академическом (Ак.) специально отмечает: “в конце на переплете: *Кирилова монастыря*”⁵⁰. Для читателей “Сказаний”, конечно, было неясно, сходна ли запись Академического с Патриаршим, но тем более неясно было, имеет ли запись Акаде-

⁴⁹ Сказания... 1-е изд. Ч. 1. С. XXVII.

⁵⁰ Сказания... 2-е изд. С. XL.

мического такое же продолжение, как в Патриаршем. По нашему мнению, запись Патриаршего заставила Устрялова пересмотреть датировку этого списка, но вместо того чтобы прокомментировать запись в Патриаршем и отнести новую датировку к рукописи, которую он считал “древнейшей” и в связи с этим “весьма исправной”, Николай Герасимович сконструировал еще одну рукопись, следы которой сразу затерялись бы или приводили... все к той же рукописи из Патриаршей библиотеки. Очевидно, никакая рукопись сходная с Патриаршей, то есть Синодальной № 136, не входила и не входит в рукописное собрание Санктпетербургской Духовной академии, и Устрялов не называет никаких шифров для нее в издании 1842 г.⁵¹ В случае обнаружения несоответствий можно было бы сослаться на то, что и описание, и немногочисленные варианты списка “Ак.” были предоставлены публикатору сторонними лицами. Такой ценой с помощью фиктивного списка можно было добиться главной цели – оправдать выбор Патриаршего в качестве основы для обоих изданий. Более точная оценка времени создания Патриаршего подрывала археографическую утопию “древнейшего списка”. Вместо того, чтобы от нее отказаться, ставя под сомнение весь проект, Устрялов осторожно скрывает следы своей ошибки и даже обращает ее себе на пользу, вводя в научный оборот “новый список”⁵².

Итак, если верны наши гипотезы, на сегодняшний день известны все рукописи, использованные Н.Г. Устряловым при подготовке изданий “Сказаний Князя Курбского” 1833 и 1842 гг. (издание 1868 г. – точное воспроизведение предшествующего) – это сборники ОР ГИМ. Синодальное собр. № 136, ОР РНБ. Эрмитажное собр. № 135, НИОР РГБ. Собр. Н.П. Румянцева. № 240, НИОР РГБ. Собр. Н.П. Румянцева. № 241, ОР РНБ. Собр. СПбДА. № 309, НИОР РГБ. Собр. П.А. Овчинникова. № 500, ОР РНБ. Собр. Н.Я. Колобова. № 79, РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 60. В приложении ко второму изданию “Сказаний” помимо синодиков были опубликованы аннотации актов Литовской Метрики о жизни Курбских и письмо “Каспера Курбского” князю В.В. Голицыну⁵³.

⁵¹ Появление в библиотеке Санктпетербургской Духовной академии рукописи из Кирилло-Белозерского книжного собрания не вызывало бы удивления. Именно туда была передана часть книг монастыря в 1859 г., т.е. двадцать лет спустя после подготовки второго издания “Сказаний” (*Родосский А.* Описание 432-х рукописей, принадлежащих С.-Петербургской духовной академии и составляющих ее первое по времени собрание. СПб., 1893. С. 3; *Кобленц И.Н.* Источники и деятели русской библиографии XV–XVIII вв. М., 1991. С. 18).

⁵² Много десятилетий спустя и уже после того, как было сломано немало копий вокруг рукописного наследия князя Курбского, у исследователей так и нет ни одного ясного следа второго “Академического” списка из второго издания “Сказаний”. Если перед нами мистификация, то неясно, почему Устрялов избрал именно собрание Санктпетербургской духовной академии в качестве фиктивного места ее хранения (впрочем, к примеру, можно было оправдаться, что именно туда была выпрошена на время Патриаршая рукопись). Феномен Синодального № 136 как “древнейшего списка” благодаря Н.Г. Устрялову оказался необычайно живучим. Его предположение поддержал в XX в. исследователь “Истории” Курбского К.А. Уваров.

⁵³ На идею дополнить “Сказания” синодиками Н.Г. Устрялова могли натолкнуть сравнения сочинений Курбского с синодиками опальных у Н.М. Карамзина (*Карамзин Н.М.* История Государства Российского. Кн. 3. Примеч. к IX тому. Стб. 10, примеч. 35). Источники почти всех выписок из Литовской Метрики обнаруживаются в копиях книг нынешнего одноименного фонда РГАДА, а источник письма Каспера Курбского до сих пор не установлен, и, вероятно, само письмо является фальсификатом (см.: *Ерусалимский К.Ю.* Потомки А.М. Курбского // *Ad fontem / У источника: Сборник статей в честь чл.-корр. РАН Сергея Михайловича Каштанова.* М., 2005. С. 350–376).

В издании приведено множество – хотя, конечно, при любых подсчетах значительно менее 20 000 (так у Н.Г. Устрялова!) – вариантов к основному списку. Публикатор придерживался строгих для его времени археографических установок: исправляя только очевидные грубые ошибки писцов и придерживаясь элементарных норм современной грамматики, он старался сохранять индивидуальные особенности основного списка, характер его слога и учесть к нему варианты: “но всегда, при малейшем уклонении от главного списка, читатель найдет под текстом замечание, откуда именно взято то или другое слово, и увидит, какое стоит в рукописи Патриаршей. Сверх того, указаны под текстом все вообще варианты, или разнословия других осьми списков”⁵⁴. Допущенные при этом неточности не всецело могут быть отнесены к просмотрам и не объясняются только напряженными условиями подготовительных работ.

Уже современники обратили внимание на методические просчеты Н.Г. Устрялова. Харьковский соискатель, защищавший кандидатскую диссертацию после 1873 г.⁵⁵, провел сравнение вариантов в “Сказаниях” по Эрмитажному списку ППГ с самим списком. “Из этого сравнения оказывается, – пишет исследователь, – что отмены прочих списков от Патриаршего приведены далеко не все и притом некоторые, действительно нелепые, указаны, а другие, могущие служить к объяснению текста, не приведены”⁵⁶. Автор приводит ряд наглядных примеров, среди которых недосмотры в написании имен собственных (“навад” вместо “Нават”, “святой” вместо “Ивань Святой”), неточная передача частей слова (“временъхъ” вместо “временемъ”) и частей речи (существительное “обычай” вместо аориста “обыче”)⁵⁷. Ошибки произошли потому, что публикатор неверно определил значение разночтений списков для осмысления текста. Выводы исследователя звучат как суровый приговор: “Таким образом сличение I^{го} Послания, по изданию Устрялова, с Эрмитажной рукописью, где только и есть одно первое послание, доказывает неудовлетворительность издания текста. Отсюда можно с полным правом заключить, что издатель также относится и к прочим рукописям, как к вышеупомянутой”⁵⁸. Данное заключение, конечно, нуждается в верификации. Автор производит языковедческий анализ послания на основе известных в эпоху “Сказаний” поздних списков и не учитывает, что “темные места” издания могли быть темными уже в источниках и лишь позднее исправляться, еще более удаляясь от авторских текстов. Кроме того, опубликованные тексты исследователь сопоставил с реалиями только одного списка и поспешил додумать оценку результатов

⁵⁴ Сказания князя Курбского. 2-е изд. СПб., 1842. С. XXXIII–XXXV.

⁵⁵ Исследование языка двух посланий царя Ивана Васильевича Грозного к князю Андрею Михайловичу Курбскому: [Рукописное кандидатское сочинение второй половины XIX в.] // ЦНБ ХГУ. Инв. № 378. Сейф. № 487/с. 59 с. [только пагинация]. Второй частью работы является словарь посланий Грозного (на 569 слов), содержащийся в том же древлехранилище, но под другими шифрами и без указаний на связь с первой частью: Послания Ивана IV Грозного к кн. Курбскому, как богатый материал для словаря: [Рукописное сочинение второй половины XIX в.] // ЦНБ ХГУ. Инв. № 413. Сейф. № 523/с. 43 с. Главным датирующим признаком для обеих рукописей является знакомство автора с книгой М.П. Петровского, вышедшей в статьях и отдельным изданием в 1873 г.

⁵⁶ Исследование языка... С. 5.

⁵⁷ Там же. С. 5–10.

⁵⁸ Там же. С. 7.

работы, проведенной Н.Г. Устряловым по другим рукописям, в том числе и основной. Однако главное замечание о выборочном привлечении различных обосновано. Нужно принять во внимание и еще одно наблюдение харьковского анонима: “Текст, изданный Устряловым, хотя и есть в основе текст древнейшего и лучшего списка начала XVII в., но все-таки представляет собою свод чтений рукописей разного времени (XVII и XVIII в.) и следовательно содержит в себе много позднейших элементов”⁵⁹. Доверчивость в отношении палеографических сведений публикатора не была затронута, но критике подверглась избыточность привлеченных данных. Действительно, изучения рукописной традиции и соотношения текстов списков ни Н.Г. Устрялов, ни последующие исследователи XIX в. не проводили.

Однако публикатор задался трудной для своего времени целью сбалансировать между принятыми языковыми нормами и особенностями списков. “Очевидных” ошибок оказалось слишком много для историка, не имевшего специальной лингвистической подготовки. Обследование языка издания в сравнении со списком Синодальной библиотеки № 136 показывает, что баланс не всегда соблюдался. Не противоречили правилам издания исправления слов и дополнения пропусков, когда они производились систематично и повсеместно⁶⁰. В “Сказаниях” при этом попали не оговоренные заимствования из поздних списков и ошибочные прочтения “значимых” вариантов Синодального № 136, особенно местоимений и предлогов⁶¹.

⁵⁹ Там же. С.10, 17.

⁶⁰ Скажем, окончания прилагательных родительного падежа единственного числа “ого” списка методично заменяются окончаниями “аго”. Исправляются окончания прилагательных множественного числа (“ие”, “ые” на “ия”, “ья”). Буква “ю” после палагалльных “ч”, “ш”, “щ” превращается в “у”. Косвенные падежи от существительных “имя” и “племя” корректируются и образуются по правилам грамматики XIX в. Дополняются окончания мужского рода именительного падежа (“искусный” из “искусны”), слова с пропусками, восстанавливающимися по другим спискам (“израильтеских” из “ис рильтеских”). Индивидуальные чтения Синодального № 136 иногда без оговорок исправляются на варианты, принятые в большинстве списков (“сиречь” из “сиіречь”). В некоторых случаях исправляется порядок слов (“вашего ради частаго” из “ради вашего частаго”, “все было” из “было все”). Принятые правила публикации иногда вызывают появление курьезных ложных различий, когда к исправленному под принятые нормы языковому явлению в качестве варианта подводится точное воспроизведение языка Синодального № 136 по другим спискам (“инья и инья” уточняется чтением “иные и иные” по Румянцевскому и Бороздинскому спискам). Вместе с тем, из Синодального № 136 при издании устранены характерные фонетические особенности, например, оканье (“возбранял” из “возбронял”, “опустошена” из “опустошено”) или цаканье в возвратном местоимении вместо “ся” (“сумнитса” из “сумнитца”).

⁶¹ Характеристика археографической программы Н.Г. Устрялова в работе А.Н. Бачинина опирается на самооценку издателя “Сказаний” и особенности публикации независимо от того, как она передает источник (*Бачинин А.Н. Н.Г. Устрялов как публикатор... // АЕ за 2000 год. С. 186–189*). Сравнение изданий с текстами рукописей позволяет несколько уточнить оценку. Например, Устрялов привел далеко не “все” “отмены” факультативных списков. Некоторые подзаголовки, использованные для издания “Истории”, не стилизованы “под Карамзина”, как полагает А.Н. Бачинин, а заимствованы из рукописной традиции – в том числе приводимая А.Н. Бачининым рубрика “Начало злу” (архетипное чтение IV и V изводов “начало злому”) в изданиях Н.Г. Устрялова и Г.З. Кунцевича встречается действительно в виде рубрики в рукописях Сборника Курбского IV и V изводов (СК f 67v/8). “Явной ошибкой” вряд ли можно считать то, что Устрялов разделил Третье Послание Курбского Ивану Грозному на два самостоятельных письма: вопрос о составе Третьего Послания в науке дискутируется.

Помимо специфических языковедческих трудностей предпринятого издания, ученого оправдывает еще стремление сохранить только те особенности языка, которые, по его мнению, отличали подлинник А.М. Курбского. Поэтому к публикации Н.Г. Устрялова следует относиться еще и как к реконструкции, выполненной на высоком научном уровне. Этот вывод подкрепляется уже тем, что предложенные ученым конъектуры в Синодальном № 136 из поздних списков, иногда упрощающие текст в ущерб его древности, выглядели для последующих исследователей убедительными и вплоть до наших дней сохраняют научное значение. Более того, многие прочтения Н.Г. Устрялова были некритично приняты Г.З. Кунцевичем для переиздания сочинений А.М. Курбского и срослись в издании 1913–1914 гг. с текстами списков. В основе археографического проекта Н.Г. Устрялова научное представление эпохи Просвещения о “сводном” тексте, в котором списки должны выявить древнейшую основу, скрытую за “ошибочными” напластованиями⁶². “Сказания Князя Курбского” выполнены в рамках просветительских идеалов, которые допускают непрерывность единой структуры, в обобщающей таблице чтений, из которой только и может возникнуть одновременно Автор, генезис текстов и все разнообразие случайных чтений⁶³. Просветительская археографическая программа “исправного текста” сращена в “Сказаниях Князя Курбского” с романтическим идеалом “древнейшего списка”, и в этом смысле проект Устрялова был образцом научного компромисса.

Поиск “древнейшего” списка обернулся при подготовке “Сказаний Князя Курбского” неточностью в датировке Синодального списка. Фантом “рукописи князя Курбского” был сформирован романтической исторической культурой, сконцентрированной на идее аутентичности и озабоченной поисками автографов и оригиналов⁶⁴. Устрялов осуществил масштабную работу по подготовке “Сказаний Князя Курбского” к изданию, ориентируясь на предписания романтической археографии. Вместе с тем Николай Герасимович был слишком хорошо знаком со своими источниками, чтобы не понять, что для него цель недостижима. Ему были доступны два списка

⁶² В российской археографии первой половины XIX в. сохранялось противостояние между сторонниками концепции очищенного сводного текста, к которым принадлежали А.Л. фон Шлэцер, П.М. Строев, и такими их противниками, как А.Н. Оленин, А.Х. Востоков, выступавшими за дословное издание древних текстов с сохранением пунктуации подлинников; К.Ф. Калайдович остановился на промежуточной позиции, считая допустимой концепцию Оленина для дорогих роскошных изданий (*Stuart M. Aristocrat-Librarian in Service to the Tsar. Aleksei Nikolaevich Olenin and the Imperial Public Library. Boulder; N.Y., 1986. P. 19–22*). Р.Ф. Тимковский таким же образом в начале XIX в. готовил сводное издание русских летописей. Жесткая критика в адрес археографического универсализма звучит особенно часто в той научной парадигме, где уже существует текстология с ее арсеналом историзирующих методов.

⁶³ Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. 2-е изд. / Пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. СПб., 1994. С. 229, сл.

⁶⁴ Так, на списке “Нового летописца” из собрания Санктпетербургской духовной академии № 293 почерком XVIII в. указано: “Рукопись князя Курбского, жившаго при царь Иоаннъ Васильевичъ” (*Родосский А. Описание 432-х рукописей... С. 292*). Во второй половине XIX в. А.Н. Попов атрибутировал Курбскому приписки в рукописи Хлудовского собрания № 60, не имея для этого вывода никаких сравнительно-почерковедческих данных (*Попов А.Н. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А.И. Хлудова. М., 1872. С. 99–119*).

сочинений князя Андрея Михайловича, которые могли претендовать на статус “прижизненных”, но оба следа оказались ложными. Список Сулакадзева содержал фальсифицированное указание на время создания книги при жизни Курбского, и Устрялов не мог обойти его стороной – так, по нашему мнению, возник “Бороздинский список” (Б) со списка Сулакадзева, это не особая ранняя рукопись, а выписки Устрялова и Бороздина из рукописи Сулакадзева; так же был создан второй “Архивский список” (Ак.), который тоже не существовал в виде отдельной рукописи, а был результатом переосмысления датировки и значения Синодального списка⁶⁵.

Показателем признания “Сказаний Князя Курбского” были не только тиражи и спрос на издания. Главное и наиболее убедительное свидетельство реорганизации литературного корпуса Курбского после изданий Н.Г. Устрялова – прекращение копирования “сборников Курбского” и появление на рукописях заметок, сопоставляющих текст списка с изданием Устрялова⁶⁶. Издание “Истории” и других сочинений Курбского немедленно повлекло полемику, развивающую спор Н.С. Арцыбашева с Н.М. Карамзиным. К 1843 г. сформировалось представление, что князь Андрей “еще во многом не разгадан. Одни верят, что его сочинения наполнены истинными известиями, другие считают их пристрастными и ошибочными”⁶⁷.

⁶⁵ А.Н. Бачинин справедливо отметил, что список Бороздина в “Сказаниях” представлен множеством вариантов в разночтениях. Кроме того, по замечанию исследователя, Устрялов, готовя свои “Воспоминания”, ссылаясь на рукопись Бороздина как на реально существующий рукописный сборник. Вопрос о существовании Бороздинского списка мог бы разрешиться обнаружением дополнительных данных о нем, тогда как в настоящее время экспертные оценки Устрялова, далекие от ясности, свидетельствуют скорее о том, что для самого Устрялова было важно, чтобы его список “Б” остался в неизвестности. Оценка этого списка заканчивается знаменательным выводом о происхождении Бороздинского от Сулаказдевского. И это не вывод текстолога, как и слова “он довольно верен и притом полон”. Старательно подведя чтения Архивского № 60 к своей публикации, Устрялов никак не прокомментировал очевидные в результате его же работы совпадения Архивского с Бороздинским. Других выводов о соотношении списков, если не считать соотношения столь же сомнительного второго Академического и Патриаршего, Устрялов не делал. Текстологический анализ Сулаказдевского списка и “Бороздинского” показывает, что последний представляет собой неисправную копию первого, хотя “Бороздинский” (Сулаказдевский), как, впрочем, и установленные списки, использованные Устряловым для разночтений, передает отличия от Патриаршего выборочно. При этом обращает на себя внимание замечание самого Устрялова о состоянии рукописи с текстом Бороздинского: “К сожалению переписчик, не разобрав многих слов в подлиннике, оставил по местам пробелы”. Заметим, не разобрать “многих слов” в Сулаказдевском списке, написанном хорошо читаемой скорописью начала XVIII в., мог только непрофессиональный переписчик или переписчик, у которого было мало времени на работу с “подлинником”. Пока вообще трудно судить, как “много” слов было пропущено этим неразборчивым переписчиком. Наконец, выражение “новый почерк” следует соотносить не с почерками первой половины XVII в., а с почерком Сулаказдевского списка первой половины следующего столетия, что гипотезе о причастности Бороздина и Устрялова к созданию “Бороздинского списка”, по меньшей мере, не противоречит.

⁶⁶ Следы таких заметок сохранились, например, в сборниках: РГАЛИ. Вяземских № 6040; ОРГИМ Барсовском, № 1700 и Чертковском, № 80, Псковского государственного объединенного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника № 142.

⁶⁷ [Сахаров И.П.]. Письмо Андрея Курбского // Москвитянин. 1843. № 9. С. 146–147.

С.В. Тютюкин

**Г.В. ПЛЕХАНОВ И ЕГО ТАК НАЗЫВАЕМОЕ
“ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ”**

**(К 150-летию со дня рождения
“отца русского марксизма”)**

В декабре 2006 г. исполнилось 150 лет со дня рождения выдающегося революционера, общественного деятеля и мыслителя России Георгия Валентиновича Плеханова (1856–1918). Он по праву занимает место в Пантеоне выдающихся людей России, хотя сегодня у многих те страницы его биографии, которые напрямую связаны с историей революционного движения, вызывают чувство отторжения и даже прямого осуждения. Тем не менее щедрая одаренность и тонкость его натуры, мощный интеллект, несомненное ораторское и публицистическое дарование и колоссальная эрудиция (при отсутствии высшего образования) заметно выделяли Плеханова из большой группы российских революционных лидеров последней четверти XIX – начала XX в.

Связав с 20-летнего возраста свою судьбу с народническим революционным движением, сын мелкопоместного тамбовского дворянина Георгий Плеханов уже через несколько лет вынужден был эмигрировать, а затем тяжелая болезнь и усиление политической реакции в России помешали ему вернуться на родину и снова включиться в практическую борьбу с самодержавным режимом. Обратной стороной столь необычной судьбы стало значительное расширение диапазона его литературно-публицистической деятельности, включавшей в себя занятия философией, историей, литературоведением и т.д., причем до сих пор представляют интерес, например, его взгляды на механизмы развития исторического процесса, роль выдающихся личностей и народных масс в истории, влияние природной среды на судьбы отдельных народов и государств. При всей спорности ряда суждений Плеханова и его склонности к излишней схематизации исторического процесса в духе марксистского исторического материализма, можно лишь пожалеть о том, что незавершенной осталась задуманная им многотомная “История русской общественной мысли”, первые тома которой (М., 1914–1917. Т. 1–3) охватывали большой период российской истории с глубокой древности до конца XVIII в. Заметно, что с начала 1880-х годов и до конца своих дней Плеханов сохранял верность марксистскому учению, основные положения которого представлялись ему логичными и убедительными, хотя при его жизни они еще не прошли испытания социальной практикой, а первый опыт применения марксизма в России в его специфической ленинской интерпретации (которую Плеханов считал вульгаризацией, а отчасти и прямым извращением теоретических взглядов Маркса и Энгельса) вызвали у него лишь чувство отвращения и глубочайшего разочарования.

При наличии ряда весьма непривлекательных черт характера (значительная доля высокомерия и обособленность от товарищей по революционной работе, повышенная амбициозность, гипертрофированное честолюбие, резкие перепады настроений и т.д.), усугублявшихся тяжелой болезнью (туберкулез) и 37-летней эмиграцией, Плеханов обладал и многими качествами, которые отличали его от Ленина, Троцкого и тем более Сталина. Недаром Ленин писал в свое время об “особой позиции” Плеханова в вопросах стратегии и тактики революционного движения, которая выделяла его среди других вождей РСДРП. Так, будучи в молодости народником, он не стал народовольцем-террористом, а перейдя в начале 1880-х годов на позиции марксизма, не превратился затем ни в “настоящего” меньшевика, ни, тем более, в “настоящего” большевика, оказавшись организационно под конец жизни вне обеих этих марксистских партий. Плеханов был значительно тверже и последовательнее подавляющего большинства меньшевиков, но чем дальше, тем больше расходился и с большевиками, став в 1917–1918 гг. уже не просто оппонентом, а настоящим антиподом Ленина. Кстати говоря, категорическое неприятие им большевизма, ленинизма и Октябрьской революции во многом объясняет тот факт, что сегодня к Плеханову многие относятся совсем не так враждебно, как к Ленину или Сталину. Это во многом объясняется тем, что в 1914–1918 гг. Плеханов решительно разошелся с Лениным по основным вопросам, связанным с оценкой войны, мира и революции, и резко осудил установление диктатуры большевиков в октябре 1917 г., не призывая, однако, рабочих к открытой борьбе с нею. Он умер непримиримым противником большевизма, хотя Ленин искренне считал себя учеником Плеханова и завещал молодым большевикам изучать его научное наследие.

В последние годы в России развернулась довольно острая дискуссия в связи с публикацией в конце 1999 г. апокрифического текста “Политического завещания”¹ Плеханова, где он якобы пересмотрел многие свои прежние взгляды на рабочий класс, революцию и социализм. И хотя я не раз уже высказывался по всем этим вопросам², позволю себе вернуться к ним здесь еще раз, поскольку начавшаяся в 2000 г. дискуссия вокруг “Политического завещания” Плеханова продолжается до сих пор.

Для меня совершенно очевидно, что появление в ходе думской избирательной кампании 1999 г. сенсационной публикации, использующей имя Плеханова, призвано было нанести удар не только по Ленину и большевикам, которые завели страну в тоталитарный тупик, но и по их современным наследникам в лице КПРФ с тем, чтобы подорвать доверие части российского электората к коммунистам. При этом была сочинена следующая версия: умирающий Плеханов, находясь в санатории в Финляндии, яко-

¹ Независимая газета. 1999. 30 нояб. В подборку материалов вошли: Политическое завещание (последние мысли Г.В. Плеханова); *Дейч Л.Г.* Он диктовал на смертном одре; Вводные заметки В.Т. Третьякова; *Нижегородов Н.И.* Как этот документ попал в мои руки; *Березжанский А.С.* Примечания к последнему труду революционера и мыслителя; *Он же.* “Завещание” принадлежит именно Плеханову. (А.С. Береканский был в то время директором музея Г.В. Плеханова в Липецке).

² См., например: *Тютюкин С.В.* Своеобразный историографический феномен // Свободная мысль – XXI. 2000. № 6. С. 86–89; *Канцевич Я.* Еще раз о “Политическом завещании” Г.В. Плеханова. // ОИ. 2000. № 6. С. 178–179; *Тютюкин С.В.* Комментарий к письму Яна Канцевича // Там же. С. 180–182.

бы продиктовал своему старому другу по группе “Освобождение труда” Льву Дейчу весьма пространный текст с изложением своих мыслей о Ленине, большевиках и новой исторической эпохе, наступившей после ухода из жизни Маркса и Энгельса. В противовес Ленину Плеханов, судя по тексту “Завещания”, полагал, что мировой капитализм еще не исчерпал своих потенций, о социализме (особенно в России) говорить еще рано, а пролетариат утратил свою роль главного двигателя общественного прогресса, уступив ее интеллигенции. Что касается большевиков, то они, по мнению Георгия Валентиновича, являлись всего лишь политическими авантюристами и спекулянтами, а их приход к власти в октябре 1917 г. стал для России предвестником неизбежной в будущем национальной катастрофы (хотя последняя могла наступить, как якобы считал Плеханов, далеко не сразу).

Из опубликованных в том же номере “Независимой газеты” сопроводительных материалов вырисовывалась и совершенно фантастическая судьба “Завещания” после смерти Плеханова. Явно “несвоевременный” характер многих его мыслей в условиях Советской России побудил Дейча к тому, чтобы после похорон друга поскорее избавиться от этого “взрывоопасного” документа. В результате его хранителями последовательно стали сначала племянник Георгия Валентиновича Сергей, у которого “Завещание” находилось с 1918 по 1937 г., потом еще один дальний родственник Плеханова Г.В. Барышев и, наконец, ученик последнего в Липецком строительном техникуме Н.И. Нижегородов, ставший в конце концов публикатором данного материала. При этом текст “Завещания” в интересах конспирации подвергался в сталинское время кодированию, потом расшифровывался, переписывался и т.д., так что нет никаких гарантий, что он, – если бы и был подлинным, – дошел до нас в своем первоизданном виде.

Характерно, что редакция газеты “Известия”, куда сначала обратился работавший тогда по контракту в Африке Нижегородов, видимо, усомнилась в подлинности текста “Завещания” и потребовала проведения его научной экспертизы. Однако тогдашний редактор “Независимой газеты”, а ныне известный московский политолог В.Т. Третьяков оказался смелее своих коллег и дал “добро” на публикацию этого сенсационного материала, оговорив, правда, возможность проведения в дальнейшем дискуссии по данному вопросу.

Этим приглашением и воспользовалась научная общественность, откликнувшаяся на предложение Третьякова. С одной стороны, это была группа историков и философов (руководитель Дома Плеханова в Петербурге Т.И. Филимонова, доктора наук Е.Л. Петренко, А.А. Чернобаев и автор этих строк), а с другой – известный экономист, а ныне президент Фонда им. Г.В. Плеханова профессор Г.Х. Попов. При этом первые доказывали, что “Завещание” Плеханова – это апокриф, тогда как Г.Х. Попов, хотя и с рядом оговорок, поддержал версию о его подлинности. Нелишне заметить, что редакция “Независимой газеты” очень долго (до 4 марта 2000 г.) задерживала публикацию нашего письма, дожидаясь, пока закончит свою работу Г.Х. Попов, призванный убедить читателей в подлинности “Завещания” и его большом теоретико-концептуальном значении.

Специалисты-плехановеды обстоятельно проанализировали и историческую обстановку, в которой якобы рождалось весной 1918 г. “Завещание”, и сам его текст. Они подчеркивали, что состояние здоровья Плеханова уже

не позволяло ему тогда продиктовать столь обширный и ответственный материал концептуального характера, да и жена Георгия Валентиновича Р.М. Боград-Плеханова, буквально не спускавшая глаз со своего мужа, ни в коем случае не позволила бы ему заниматься столь изнурительной многодневной диктовкой, чреватой быстрым приближением физического конца дорогого ей человека.

Серьезные сомнения вызывал и сам текст “Завещания”. Как известно, еще в 1921 г. в Париже был издан двухтомник последних произведений Плеханова 1917–1918 гг. под названием “Год на родине”, включавший в себя практически все его публикации в газете “Единство” – органе социал-демократической группы того же названия, которую после возвращения из эмиграции в революционную Россию в последний день марта 1917 г. возглавил Георгий Валентинович. Анализ этих текстов позволяет утверждать, что ни их содержание, ни литературная форма не идут ни в какое сравнение ни с более ранними произведениями Плеханова, написанными в период расцвета его политической и литературной деятельности, ни с “Завещанием”. Нет в них и намека на те политико-социологические “прозрения”, которые мы находим в тексте “Завещания” и которые требуют даже от такого талантливого человека, каким был Плеханов, колоссальной концентрации мысли, физической энергии и интеллектуальной самодисциплины. Я убежден, что тяжело больной человек, которому уже элементарно трудно было говорить и тем более следить за логикой изложения своих мыслей (а Плеханов весной 1918 г. находился именно в таком состоянии), продиктовать подобное “Завещание” уже не мог.

Читая “Завещание”, трудно отделаться от мысли, что многие пассажи написаны с позиций сегодняшнего дня, ибо у Плеханова еще не было ни достаточного фактического материала для тех выводов, которые мы там находим, ни времени и сил для обдумывания и решения столь масштабных проблем. При этом обращает на себя внимание тот факт, что, допуская в принципе возможность наличия у Плеханова “соавтора” (или “соавторов”), Г.Х. Попов не попытался даже предположительно указать те места “Завещания”, к которым относится его столь же многозначительная, сколь и туманная оговорка. Между тем без подобных уточнений сама дискуссия по поводу “Завещания” теряет всякий смысл.

Улыбку вызывает и концовка “Завещания”: «В заключение изложу несколько строк, которые никогда не публиковать – передать будущему демократическому правительству России (...) Никогда не использовал чужих мыслей, но в данном случае она уместна: “Хиди те савилва ананим еамм”. Питккярви (20 – 7) + 4 = 18».

Во-первых, подобная манера письма абсолютно чужда Плеханову. Во-вторых, неясно, что скрывается за отточием в тексте и кому оно принадлежит? В-третьих, что значит та фраза на каком-то “тарабарском” языке, которой заканчивается этот пассаж? В-четвертых, зачем понадобилось столь странным образом шифровать дату составления “Завещания”? Все эти вопросы оставлены его публикаторами без всяких комментариев. А жаль.

Обо всем этом говорилось и в упомянутом выше коллективном письме четырех авторов в редакцию “Независимой газеты”, и в моем отклике на письмо в редакцию польского историка Яна Канцевича³, который, кстати

³ См. сноску 2.

говоря, тоже не признавал подлинности “Завещания”. Я вполне допускаю, что Г.Х. Попов не следит за перипетиями данной дискуссии, но ему как руководителю Фонда им. Г.В. Плеханова следовало бы об этом знать хотя бы от своих референтов. Так или иначе, в своем выступлении на торжественном заседании в Колонном зале Дома союзов в Москве в декабре 2006 г., посвященном 150-летию со дня рождения Г.В. Плеханова, профессор Попов снова говорил о “Завещании” как о подлинном историческом документе, причем уже без всяких оговорок. Примерно с той же ситуацией мы сталкиваемся и в самой последней работе Г.Х. Попова на эту тему – небольшой, но очень емкой и тщательно продуманной автором статье «Марксистский метод против марксистской концепции (“Политическое завещание” Г.В. Плеханова)»⁴, хотя здесь опять появляется старый тезис о том, что “некоторые части текста (какие? – С.Т.) явно написаны кем-то уже после смерти Плеханова” (с. 122). При этом уважаемый профессор как будто не хочет замечать, что эта оговорка делает во многом беспредметным сам спор об авторстве Плеханова, обесценивает все похвалы в его адрес и делает дальнейшую полемику по данному вопросу нецелесообразной.

Создается впечатление, что Г.Х. Попову так хочется, чтобы “Завещание” было продиктовано Плехановым, что он готов закрыть глаза на все сомнения в подлинности его текста, о которых говорилось выше. При этом основной пафос его статьи направлен на то, чтобы подчеркнуть ведущую роль современной интеллигенции в производстве, науке, общественной и политической жизни и культуре. Он с сочувствием пишет о врачах, учителях и инженерах с их мизерными зарплатами и тяжелейшими условиями труда, призывает к объединению всех интеллектуалов и критикует бюрократические и партийные структуры за недооценку их роли, корпоративный эгоизм и социальную близорукость в данном вопросе, чреватые самыми негативными последствиями. Более того, Г.Х. Попов даже предлагает видоизменить существующую сегодня в России избирательную систему, дав на выборах образованным людям дополнительные голоса.

Характерно, что сам же Г.Х. Попов признает: гениальное предвидение Плеханова о новой роли интеллигенции оказалось в России не востребовавшимся (с. 127). Вопрос заключается, однако, в том, действительно ли так называемое “Завещание” Плеханова и тем более его интерпретация и “творческое развитие” профессором Поповым отражают подлинные мысли “отца русского марксизма” в конце его жизни? Думается, что оснований для подобных утверждений у нас нет, ибо Плеханов до конца своих дней видел главную силу общественного развития в рабочем классе, а не в интеллигенции. Не случайно именно к петроградским рабочим обратился он в своей газете “Единство” 28 октября 1917 г. – всего через пару дней после установления в столице Петрограде советской власти – с открытым письмом, где разъяснял, что время для установления в России диктатуры пролетариата еще не пришло. Причем об интеллигенции в этом, несомненно, подлинном и знаковом для Плеханова документе нет ни слова.

Что касается идей гегемонии и тем более диктатуры пролетариата, то они, видимо, действительно отжили свой век: слишком изменился в XX столетии мир, совсем иным стал рабочий класс, слишком упал его

⁴ Вопросы экономики. 2007. № 2. С. 122–127. Далее ссылки на статью даны в тексте.

былой авторитет в глазах других слоев общества. Нет уже и тех радикальных партий, которые делали бы ставку на рабочих и готовы были бы активно действовать в индустриальной среде и представлять интересы рабочих на общественно-политической арене. Кроме того, в современном демократическом обществе лозунги гегемонии и диктатуры одного класса, которые с трудом прививались в начале XX в. даже в России, фактически обречены на непонимание и отторжение. Это относится и к интеллигенции, слабыми сторонами которой всегда были разобщенность и излишняя амбициозность, во многом обесценивающая ее достоинства в глазах общества.

Вряд ли можно согласиться и с идеей Г.Х. Попова о предоставлении интеллигенции электоральных предпочтений, поскольку это был бы шаг назад от принятых во всем мире демократических процедур. Поэтому мне представляется, что в своих прогнозах Попов скорее выдает желаемое за действительное, чем исходит из российских реалий начала XXI в.

Справедливости ради нужно признать, что в своей последней статье на плехановскую тему он сделал несколько очень ценных и справедливых признаний, с которыми я вполне согласен. Во-первых, в отличие от многих современных публицистов, считающих, что в 1917–1918 гг. патриот России Плеханов уже не был марксистом, Г.Х. Попов этого не отрицает, как не хоронит он и саму социалистическую идею. Во-вторых, он тщательно отделяет Плеханова не только от Ленина, но и от Бернштейна, тогда как многие современные историки и политологи полагают, что в 1914–1918 гг. Георгий Валентинович стал настоящим русским бернштейнианцем.

Замечу уже от себя, что поддержка Плехановым в 1917 г. Временного правительства и идеи продолжения войны с Германией и Австро-Венгрией до победного конца отнюдь не означали, на мой взгляд, его принципиального отречения от идей пролетарской революции и социализма. Думаю, что никакого идеологического разоружения, в чем в очень резкой форме упрекали тогда Плеханова большевики, в действительности все же не было. Да и осуждать его за патриотизм (“социал-шовинизм”), как это делали Ленин и большевики, было несправедливо, особенно с учетом последующего провала идеи мировой революции, на которую была рассчитана большевистская тактика “революционного пораженчества”, с таким трудом приживавшаяся в 1914–1917 гг. даже в большевистской партийной среде.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что юбилей Плеханова дает основание вновь поставить вопрос об издании полного собрания его сочинений и писем, поскольку 24-томное собрание под редакцией академика Д.Б. Рязанова давно стало библиографической редкостью. Вдобавок оно оборвалось на публикации работ Плеханова начала 1914 г. Литературно-публицистическое наследие периода Первой мировой войны, революции 1917 г. и первых месяцев советской власти в оборванное Сталиным рязановское издание не вошло и до сих пор не переиздавалось. Думается, что решение этой задачи как раз и должен взять на себя Фонд им. Г.В. Плеханова.

А.Л. Хорошкевич

К 85-ЛЕТИЮ В.В. ДОРОШЕНКО

В 2006 г. Василию Васильевичу Дорошенко исполнилось бы 85 лет. Однако он дожил лишь до 66-ти. Виной тому – война, сложные послевоенные перипетии, не оставлявшая его язвенная болезнь, семейные и политико-социальные коллизии брежневского времени. Наша последняя встреча, как впрочем, и все предыдущие, состоялась в Риге в декабре 1985 г. на советско-финском симпозиуме, где он выступил с блистательным докладом “Рига в системе балтийской торговли XVI–XVIII вв.”. Василий Васильевич был в удрученном состоянии и жаловался, что ему вообще было несвойственно, на некоторую изоляцию в мире латышской исторической науки. Атмосферу этой конференции лучше всего проиллюстрировал Г. Стродс, бывший докторант Института истории СССР. К 1985 г. он “забыл” русский и предложил мне общаться на латышском (на котором я – увы – кроме формул приветствия и любезности так и не выучила ничего).

У Василия Васильевича языкового барьера не было. Он не только говорил, но и свободно писал по-латышски. Его скрупулезно выполненное исследование (достойное звания ученика А.И. Неусыхина) аграрной истории Латвии¹ принесло ему избрание в члены-корреспонденты Латвийской АН. А коллективная с А.К. Бироном монографическая работа ввела латышскую историческую науку в общемировую, произведя некоторый переворот в наших представлениях о развитии местной исследовательской школы. К сожалению, для мировой общественности или тех ее представителей, которые вроде меня не овладели латышским языком, осталась недоступной другая коллективная работа “Феодальная Рига”, большая часть которой была написана В.В. Дорошенко. К счастью, “Торговля и купечество Риги в XVII веке” вышла на русском языке². Эта работа содержит чрезвычайно интересный материал о рижско-российских связях³. Свообразным завещанием исследователя можно рассматривать упомянутый выше доклад декабря 1985 г., итог его исследований этой темы, содержавший широкую программу направлений будущих исследований проблемы. К сожалению, латышская историческая наука времени государственной самостоятельности не проявляет особого интереса к давним временам и не торопится продолжить занятия В.В. Дорошенко.

¹ См.: Список печатных трудов В.В. Дорошенко // АЕ за 1991 год. М., 1993. С. 263–268.

² *Дорошенко В.В.* Торговля и купечество Риги в XVII веке. Рига, 1985.

³ Впрочем, это не единственная работа, содержащая важный для истории Руси и России материал. В статье “Русские связи таллинского купца в 30-е гг. XVI в.” для сборника “Экономические связи Прибалтики с Россией” (Рига, 1968) В.В. Дорошенко использовал данные торговой книги ливонского купца, поддерживавшего постоянный обмен товарами с новгородскими церковными властями. При редкости подобного рода памятников публикация этой торговой книги представляется в высшей степени актуальным делом. Ее публикация дополнила бы картину культурных связей Новгорода с Прибалтикой, ясно прослеживаемой в области архитектуры (на материалах раскопок у Владычной палаты Новгорода).

То же самое можно сказать и относительно его работ о Литовской метрике⁴. Василий Васильевич в давние советские времена выступил пионером в этой сфере. В центре СССР ни о Литовской метрике, ни о Великом княжестве Литовском не полагалось даже заикаться. Усилия литовских коллег, и в первую очередь К. Яблонскиса, по получению микрофильмов Литовской метрики, хранящейся с конца XIX в. в Москве (Центральном, ныне Российском архиве древних актов), не увенчались успехом⁵. Потерпела крах поддерживавшаяся членом-корреспондентом АН СССР В.Т. Пашуто инициатива совместного российско-польского издания материалов Литовской метрики (проект возник в неблагоприятной для этого обстановке победы Солидарности в Польше)⁶. Между тем безо всякой шумихи и широковещательных заявлений В.В. Дорошенко опубликовал две статьи – о материалах Литовской метрики, касавшихся истории Латвии и Эстонии. И это его начинание осталось ныне без продолжения...

Думается, в связи с даже некруглой годовщиной смерти талантливого исследователя следовало бы поднять вопрос (и не только поднять, но и осуществить) об издании истории торговли Риги на русском языке. Есть и еще проект, дожидющийся молодых сил – издание его переписки с ученицей Пауля Йохансена Елизабет Хардер-Герсдорф. Их интенсивный обмен мнениями продолжался несколько десятилетий. В.В. Дорошенко сохранил все письма немецкой исследовательницы из г. Билефельда. Хотелось бы надеяться, что и в ее архиве также бережно хранятся письма Василия Васильевича. Издание этой переписки продолжило бы земную жизнь обоих, ныне покойных ученых⁷.

В заключение хотелось бы закончить словами благодарной памяти Василию Васильевичу. В 50-е годы XX в. для начинающей аспирантки он был примером преданности науке⁸, начинающей исследовательницы – поводырем, как и Г.А. Енш, в запутанном мире Рижского городского архива, состарившейся издательницы Герберштейна – помощником (его описание первого венского издания “Записок о Московии” Сигизмунда Герберштейна 1549 г. будет использовано во втором московском издании этого памятника, если таковое состоится)*. А его щедрый дар (12 томов из 15 увидевших свет ливонских средневековых грамот⁹) облегчал мою жизнь в течение многих десятилетий, не давая забыть о добром внимании талантливого исследователя Прибалтики и ее связей с Русью и Россией.

⁴ Исключение составляет работа И. Иларене: *Иларене И.* Фрагменты архива Рижского архиепископства в Литовской метрике: исследование одной книги (публичных дел № 525) // Литовская метрика и Литовский статут как источниковедческая база для славистики и балканистики: Памяти Анатолия Павловича Непокупного: Тезисы докладов. М., 23–26 ноября 2006 г. М., 2006. С. 17–18.

⁵ *Анужите Л.* Константинас Яблонскис и Литовская метрика // *Новости Литовской метрики.* 2002. [Вып.] 6. С. 26–31.

⁶ *Хорошкевич А.Л.* Советская историография русского средневековья и русско-польско-литовских средневековых связей в XI–й пятилетке (1981–1985 гг.) // *Kwartalnik historyczny.* 2003. №4. S. 125–143.

⁷ То же предложение об издании касается и писем В.В. Дорошенко, хранящихся в личных московских архивах.

⁸ Он мог сидеть в архиве круглые дни, делая краткие перерывы для успокоения язвы и поглощения домашних бутербродов.

* *От ред.:* Издание в двух томах состоялось в 2009 г.

⁹ Эти тяжеленные тома (Liv-, Est- und Curlaendisches Urkundenbuch. Abt. I. Bd. 1–3. 6–12; Abt. II. Bd 1–2) он принес мне прямо к поезду, взяв за них 72 руб. и уверяя, что мне они более полезны, чем ему, не позволив мне лишний раз посетить его гостеприимную семью в доме на ул. Иерико, по моим представлениям на окраине города...

Б.Ф. Егоров

**УЧЕНый С ТРУДНОЙ СУДЬБОЙ – А.Л. ГРИШУНИН
(1921–2006)**

Мой старший коллега С.А. Рейсер, друживший с Андреем Леопольдовичем Гришуниным (в дальнейшем сокращенно: А.Л.Г.), намекал на овеванные тайной два момента его биографии: происхождение и ожидание ареста и ГУЛАГа в советское время. В происхождение не будем подробно вдаваться, А.Л.Г. – не Пушкин, тем более, что сам А.Л.Г. поведал в замечательной мемуарной книге “Царицыно. Записки старожила” (М., ИИЦ “ДС”, 2000): его настоящая фамилия – Виссор (отец, Леопольд Гансович Виссор, – петербургский немец). Нам достаточно знать, что родился А.Л.Г. в милой Елатье, ныне всероссийски известном городке на Оке, благодаря рекламе медицинских электроприборов, а с двухлетнего возраста он – житель подмосковного Царицына (семье дали квартиру прямо в одном из строений екатерининского дворцового комплекса).

А о страшном эпизоде, совсем без загадочной подкладки, А.Л.Г. тоже сам рассказал при начале перестройки в “Опыте автобиографии”, приложенной к справочнику “Андрей Леопольдович Гришунин: Библиографический указатель” (М., 1991; в то время – 208 научных работ и 81 отзыв о них). Окончив среднюю школу, он потом прошел шесть лет армейской службы, включая четыре года Великой Отечественной войны, почти целиком проведенной в обороне Ленинграда; в конце армейской жизни он стал кандидатом в члены КПСС, в 1946 г., не попав в МГУ, поступил в Московский полиграфический институт, на редакционно-издательский факультет. Почти перед окончанием института из-за материальных трудностей А.Л.Г. вынужден был устроиться на работу в издательстве и перейти на заочное отделение, но тут его застал подлый политический донос (ведь многие солдаты уже в конце войны, и тем более после ее окончания проникались утопическими мечтами о необходимости либерализации сталинского режима и осмеливались открыто критиковать общественно-политический строй – а стукачи не дремали). А.Л.Г. был исключен из партии и выгнан со службы и из института. Только испытавшие подобное состояние советского безработного с политическим клеймом глубинно понимали, что это такое. Недаром Д.С. Лихачев, прошедший еще более жестокий путь, так тепло относился не только к научному, но и к человеческому облику младшего коллеги; в 1971 г. он пригласил его в редколлегию академической серии книг “Литературные памятники”.

В результате исключений 1951 г. А.Л.Г. пережил несколько месяцев полного остракизма, потом устроился корректором в небольшую типографию (тоже сходство с этапом биографии Д.С. Лихачева). Лишь при начале хрущевской “оттепели”, в 1954 г., удалось восстановиться в институте и окончить его “с отличием”. Но только в 1958 г. он с трудом получил место

“научно-технического сотрудника” (самая низшая должность) в Институте мировой литературы (далее – ИМЛИ). Но еще раньше, продолжая корректорскую службу, А.Л.Г. внештатно включился в научную работу института, больше всего занимаясь текстологическими проблемами. Особенно заметны результаты первых его исследований в этой области, опубликованные в коллективном труде “Основы текстологии” (М., 1962), где им написана основополагающая глава “Очерк истории текстологии новой русской литературы” (с. 11–134). Эта глава легла в основу одноименной кандидатской диссертации (автореферат – Л., 1963). Любопытно, что обе диссертации А.Л.Г. защищал не в “родном” институте, а в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) в Ленинграде.

В 1960-х годах А.Л.Г. серьезно углубился в изучение творчества А.С. Грибоедова. Вместе с выдающимся грибоедововедом Н.К. Пиксановым, у которого относительно молодой ученый “многое почерпнул” в системно-методическом плане (но, честно добавляет А.Л.Г., “при полном неприятии известного его сервизизма” – “Опыт автобиографии”, с. 6), было издано в серии “Литературные памятники” “Горе от ума” (М., 1969).

Занимаясь потом изданием и комментированием произведений писателей-классиков XIX в. и редактированием соответствующих книг (Рылеев, Грибоедов, Герцен, Тургенев, Некрасов, Чехов), А.Л.Г. по инициативе Д.С. Лихачева, высоко оценившего его издательски-текстологические навыки и способности, “переходит” в XX век. Именно ему, а не специалистам по творчеству советских писателей, Дмитрий Сергеевич поручил сложную в идеологическом и текстологическом отношении подготовку к изданию в серии “Литературные памятники” знаменитой поэмы Твардовского “Василий Теркин”. Важно отметить, что в редколлегии “Литературных памятников”, возглавлявшейся Лихачевым, все шло к созданию неписанного закона: так как книга, чтобы стать литературным памятником, должна пройти проверку временем, то следует наметить условную хронологическую границу, после которой считать историческую апробацию на “вечность” еще не установившейся (при выработке такой границы Дмитрий Сергеевич опасался, что если она будет незначительно отдаленной в прошлое, то партийные инстанции смогут навязывать редколлегии нужные им однодневки, не имеющие художественной ценности; поэтому был намечен 1917 г., и советские произведения выносились за пределы серии). Но в преддверии 30-летия победы в Великой Отечественной войне редколлегия решила нарушить правило и издать “Василия Теркина” как выдающееся произведение новейшего времени. А.Л.Г. блистательно справился со сложными текстологическими проблемами, опираясь на рукописный фонд, и издал поэму через академическое издательство “Наука” в 1976 г., стотысячным тиражом. В 1978 г. была еще допечатка 50 тысяч экземпляров. Результатами работы А.Л.Г. над творчеством автора поэмы, явились книги ученого ““Василий Теркин” Александра Твардовского” (М., 1987; 2-е изд. – 2001) и “Творчество Твардовского” (М., 1998).

После успеха “Василия Теркина” в серии “Литературные памятники” Д.С. Лихачев поручил А.Л.Г. подготовку для той же серии обширных мемуаров А.Н. Бенуа, больше всего сложных именно в идеологическом отношении (в результате пришлось в угоду советской цензуре сделать ряд

купюр, изъять прямые антисоветские пассажи автора). Книга (А.Н. Бенуа. Мои воспоминания. Кн. 1–5) вышла в двух томах (М., 1980). На заре перестройки в 1990 г. удалось выпустить в свет 2-е издание, с восстановлением цензурных купюр.

Мастерство А.Л.Г. как архивиста и текстолога было наконец высоко оценено руководством ИМЛИ, назначившим его главным редактором задуманного академического полного собрания сочинений и писем А. Блока. До самой кончины А.Л.Г. энергично трудился над подготовкой первых томов этого издания.

Назначение на этот пост не-блоковеда вызвало у некоторых коллег прямое недоброжелательство. С.С. Лесневский, незадолго до того уволенный из ИМЛИ, опубликовал в “Литературной газете” весьма сердитую статью “Молчите, проклятые книги...” с подзаголовком “Дождемся ли мы академического Блока?” (1994, 28 декабря, № 52). Больше всего в статье достается А.Л.Г.: “... среди московских литературоведов невозможно найти человека, принципиально более далекого от наследия Блока”. Но показательно, что в защиту А.Л.Г. выступила целая группа сотрудников ИМЛИ: В.А. Келдыш, Д.М. Магомедова, З.С. Паперный, А.Е. Парнис (“Литературная газета”, 1995, 15 февраля, № 7).

Многолетние занятия сложными текстологическими вопросами привели А.Л.Г. к созданию обобщающего труда “Исследовательские аспекты текстологии” (М., 1998), где большое место занимает “пиксановская” проблема творческой истории. Характерной чертой А.Л.Г. как ученого (да и человека тоже) является толерантность, внимание к “чужим”, иногда буквально чуждым теориям и положениям (см., например, его подводющую итоги спора статью “В общем оркестре...” в сборнике “Генезис художественного произведения: Материалы советско-французского коллоквиума”, М., ИМЛИ, 1986). А.Л.Г. считает, например, что и выдвижение на первый план истории текста, и перенос акцента на изучение последней редакции могут быть оправданы.

Не признавал он только крайности. Длительная полемика возникла у него в 1979–1981 гг. с маститыми специалистами по XVIII в. Ю.М. Лотманом и Б.А. Успенским, которые, подготавливая для “Литературных памятников” “Письма русского путешественника” Н.М. Карамзина (издано: Л., 1984), настаивали на максимальном сохранении карамзинской орфографии и пунктуации, где, например, большую роль играла особая система тире. Составители не требовали дипломатического издания, буква в букву воспроизводящего текст XVIII в., они соглашались на исключение “Ъ” и на замену ликвидированных в 1918 г. букв современными аналогами, но настаивали на сохранении большинства старых форм (например, начальное слово в “Письмах...” – “Расстался” – у составителей выглядело как “Розстался”. Свою программную теоретическую статью “Некоторые вопросы текстологии и публикации русских литературных памятников” составители с привлечением Н.И. Толстого опубликовали в “Известиях АН СССР”, серия литературы и языка (1981, № 4). А.Л.Г. решительно выступил против такой сплошной архаики. Но Лотман и Успенский нашли поддержку у Д.С. Лихачева и автора этих строк. Я, с оговорками, согласился, что орфография и пунктуация XVIII в. заметно отличается от более поздних грамматических форм, ее надо в разумных пределах донести до современного

читателя. А А.Л.Г. твердо стоял на принципах большей модернизации орфографии и пунктуации XVIII в. – крайностей он не признавал!

Спор длился несколько месяцев, он ярко отражен не только в печатных публикациях, но и в частных письмах (см. письма 1979–1981 гг. в недавно изданной книге: *Юрий Лотман. Борис Успенский. Переписка.* М., НЛО, 2008). Важно подчеркнуть, что А.Л.Г. всегда оставался в пределах научной полемики, не переходя к человеческим характеристикам (увы, эмоционально возбудимые Лотман и Успенский границу переходили!).

В конце концов издание Карамзина было перенесено из Москвы в Петербург, под крылья Д.С. Лихачева и Б.Ф. Егорова, а, с другой стороны, составители пошли на компромисс и сократили в печати ряд форм XVIII в. “Письма...” начинались все-таки не с “Розстался”, а с “Расстался”. И давно уже доказано, что специалистам, изучающим стиль и язык достаточно отдаленной эпохи (а именно для них, в первую очередь, предполагалось восстановление старых форм), все равно придется обращаться к подлинникам, а не к современным переизданиям, как бы публикаторы ни пытались сохранить особенности старины.

Следует особо отметить глубокую человеческую толерантность А.Л.Г. Приведу забавный пример. А.Л.Г. уезжал в Смоленск на научную конференцию вместе с М.Л. Гаспаровым, который заявил, что так как он живет недалеко от железнодорожных предварительных касс, то возьмет оба билета, и А.Л.Г. предстоит только прийти к поезду. Встретились на перроне. А.Л.Г. предельно удивился, что спутник взял билеты в плацкартный вагон, да еще на верхние полки. Ночь, шум, духота, битковое заполнение вагона, невозможность заснуть... А.Л.Г. высокого роста, его ноги, когда он распрямлялся на второй полке, занимали значительную часть ширины прохода, и идущие по вагону люди натывались на уровне своих голов на ступни А.Л.Г. Михаил Леонович, чуя недовольство соседа, смущенно объяснял: он не любит закрытые купе (предполагая подобные чувства и в собеседнике), так как всегда находятся любопытствующие соседи, готовые приставать с расспросами; а в плацкартном изобилии народа легче уединиться. Иной коллега мог бы наброситься на Гаспарова с бранью, но А.Л.Г. улыбчиво рассказывал потом (и много раз!) об этом эпизоде как о смешном.

Разнообразны были поздние научные интересы ученого. Наряду с его обширными издательскими, текстологическими и вообще историко-литературными трудами отметим еще серьезные многолетние занятия историей отечественного литературоведения. Как член редколлегии и автор нескольких разделов, А.Л.Г. вместе с коллегами из ИМЛИ выпустил в свет фундаментальный трехтомник: “Возникновение русской науки о языке”, “Академические школы в русском литературоведении”, “Русская наука о литературе в конце XIX – начале XX в.” (М., “Наука”, 1975–1982). Вместе с П.А. Николаевым и А.С. Куриловым А.Л.Г. издал эти книги в переработанном и сокращенном виде как однотомное учебное пособие для вузов: “История русского литературоведения” (М., “Высшая школа”, 1980). Эти труды легли в основу докторской диссертации А.Л.Г.; автореферат ее: “Развитие исторического сознания в дореволюционном русском академическом литературоведении” (Л., ИРЛИ АН СССР, 1980).

Советская действительность не баловала А.Л.Г. Почти сорокалетним он опубликовал свою первую научную работу (“Опыт обследования упо-

требительности языковых дублетов в целях атрибуции” // “Вопросы текстологии”. М., АН СССР, 1960. Вып. 2). Но это уже была по-настоящему творческая работа! Почти шестидесятилетним А.Л.Г. защитил докторскую диссертацию. Он как бы опаздывал почти на 20 лет! Известную пушкинскую строку “Я вышел рано, до звезды” А.Л.Г. мог бы контрастно переиначить: “Я вышел поздно и во тьме”. Но как много ему удалось сделать в эти поздние часы! Тут уже не контрастно, а в прямом смысле действует другой известный лозунг: “В России надо жить долго”.

А с другой стороны, научная судьба А.Л.Г. еще раз подтверждает лживость “социалистической” и “коммунистической” формулы “От каждого по способностям”. Нет, не были по-настоящему востребованы способности талантливого человека. Ему пришлось, вопреки предоставляемым щелям и обильным препонам, самому прокладывать научную дорогу. И она привела его к плодотворным результатам.

А.Л. Хорошкевич

**“...РАДИ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ”:
ПАМЯТИ ЛЮДМИЛЫ МИХАЙЛОВНЫ МАРАСИНОВОЙ
(10 октября 1936 г. – 23 июня 2001 г.)¹**

Не жди разлуки, но и встреч не жди,
Судьба тобой и мной располагает.

Л.М. Марасинова

Как бы ни сложилась твоя жизнь,
стилем жизни победишь судьбу.

Фазиль Искандер

Пять лет со времени кончины – достаточный срок, чтобы понять, кого и что мы потеряли в лице Людмилы Михайловны Марасиновой, осмыслить урок ее жизни для нас. Но начинать посвященную ее памяти статью цитатой из поэмы А.Т. Твардовского “Василий Теркин”, на самом деле открывающуюся словом “бой” (“Бой идет не ради славы”) – на первый взгляд нонсенс. Женственная, хрупкая и деликатная, внешне совершенно непохожая на “бойца”, она мужественно и красиво вела именно “бой... ради жизни на земле”. Предваряя рассказ о Л.М. Марасиновой, хочется сказать о ней словами Ф. Искандера, что она принадлежала к “христианскому типу человека, внутренне твердому, но именно поэтому внешне мягкому”².

Если ее отрочество, юность и отчасти молодость не сулили “боевого” будущего, то уже в детстве, попав в тяжелые условия эвакуации в г. Уфе, ребенку пришлось доказывать силу характера. Но обо всем по порядку. Дочь Михаила Алексеевича Марасинова, сына крестьянина Мологского уезда, прошедшего путь от рабочего до главного конструктора и главного инженера Рыбинского моторостроительного завода в 1950–1964 гг., и учительницы Елены Андреевны Уваровой, в возрасте пяти лет оказалась вместе с родителями в Уфе, куда в 1941 г. был вывезен Рыбинский моторостроительный завод. Отец не выходил из цеха, все ночевали возле станков. Голод был страшный. Некоторые рабочие и инженеры, не выдерживая его, вопреки всем запретам бежали на фронт. Мать уходила за десятки километров от города, пытаясь выменять что-нибудь на продукты. А Люда зачастую оставалась целые дни одна. Недоедание в пяти–семилетнем возрасте подорвало ее здоровье на всю жизнь, но пример самоотверженности родителей формировал душу.

¹ Автор приносит искреннюю благодарность за помощь дочери Л.М. Марасиновой – Елене Нигметовне и В.Д. Назарову, а также Л.Н. Куркову, И.К. Лабутиной, Н.Н. Масленниковой, разрешившим воспользоваться их пока не опубликованными воспоминаниями, А.В. Антонову и А.В. Юрасову – за ценные историографические указания.

² *Искандер Фазиль*. Из записных книжек // Знамя. 2003. № 9. С. 134.

По возвращении в 1944 г. в Рыбинск девочка попала в атмосферу, сохранявшую давние традиции порядочности, совестливости, ответственности, свойственные лучшим представителям крестьянства и разночинной интеллигенции. Учение давалось Люде легко и оставляло много времени и для чтения, и для посещения Рыбинского театра, постановки в котором оформлялись художницей, сохранившей дореволюционные традиции искусства, женой адмирала Колчака Еленой Телешовой. С третьего по десятый класс Людмила училась игре на фортепьяно, став, если можно так выразиться, внучатой ученицей С.В. Рахманинова, ибо ее преподавательница Мария Луарсабовна Челищева в свое время занималась у него. До 1917 г. Челищева была владелицей Рыбинской музыкальной школы, а после 1917 г. – ее директором. Детские годы проходили в романтической обстановке заброшенной усадьбы Петровское. До десяти лет Люда с родителями жила в доме бывшего священника тамошней церкви на территории, некогда принадлежавшей известному роду деятелей “культуры” советского и постсоветского периода – Михалковых (ныне Михалковых-Кончаловских). Впрочем и этому роду было кем гордиться в прошлом. Среди людей стандартной дворянской судьбы – воинов, отличавшихся на поле брани от Смутного времени до Отечественной войны 1812 г., в начале XIX в. появились иные лица. Последний из вояк – С.В. Михалков женился на М.С. Голицыной, поддерживавшей дружеские отношения с поэтами и поэтессами, литераторами-декабристами и друзьями декабристов, а их сын Владимир Сергеевич, в 1839 г. закончив с золотой медалью знаменитый в XIX в. Дерптский (Юрьевский) университет, посвятил себя делу народного просвещения. Почетный попечитель народной гимназии в Ярославле с 1855 по 1890 г., он, высокообразованный человек своего времени, в 1855 г. создает в ней минералогический кабинет, заботится о формировании библиотеки, не только гимназической, но и своей собственной, ставшей одной из богатейших в России. Вплоть до смерти В.С. Михалков тщательно собирал и рукописи – переписку всех родственников (самих Михалковых, Тихменевых, Ухтомских, Языковых и др.), деловые документы, дневники и т.д. и определил их судьбу как истинный патриот. В 1910 г. вся коллекция по его распоряжению была передана в библиотеку Российской академии наук. Изобразительные материалы и произведения прикладного искусства составляют ныне гордость Рыбинского музея³. Разумеется, в детстве и отрочестве Люде доводилось слышать о патриоте-филантропе. Правда, в отрочестве, да и позднее, более сильные ассоциации в Петровском у Людмилы возникали в связи с прадедом Львом Павловичем Уваровым, священником церкви этого имения, и его сыном Андреем, арестованным именно здесь в 1932 г. Обращаясь к бабушке Елизавете Андреевне Уваровой, она писала в стихотворении 90-х годов “Петровское”:

Здесь падала твоя слеза,
И сердце здесь от боли стыло,
И васильковые глаза
Лихое горе замутило⁴.

³ Сахаров В.И. Село Петровское и его обитатели // Верхневолжская правда. Андропов, 1986. 11 окт. С. 3.

⁴ Марасинова Л.М. Моим землякам: Сборник стихов. Рыбинск, 2001. С. 55.

Мрачно тяжелые волны рукотворного Рыбинского моря, до сих пор, кажется, доносят стоны погибших на его дне тех деревенских жителей, которые не решились покинуть родного очага, скрывшегося под водой, и заключенных, тачками перевозивших тяжелую глину для расширения русла. Так же исчез и дом отца Людмилы, и память о доме, залитом водой нового моря, сохранялась всю жизнь, иногда прорываясь намеками в более поздних стихах.

Сам Рыбинск, изобиловавший памятниками в стиле барокко и ампир, церквями и колокольнями, возвышавшимися на берегу, формировал ее интерес к прошлому страны, края, реки и родного города, некогда процветавшего благодаря Волге. Это и определило выбор профессии.

В 1954 г., как раз в то время, когда только-только утихали страсти в связи с разоблачением так называемого космополитизма (1947–1952)⁵, позорным делом врачей, смертью Сталина и борьбой за власть в партии и государстве, исход которой, впрочем, еще не был вполне ясен, Людмила Марасинова, обладательница золотой медали, вряд ли полностью оценивая реальную ситуацию, поступила на исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Новое здание его уже было отстроено и горделиво возвышалось над старой Москвой, всем своим видом демонстрируя непоколебимость социализма.

Время учебы Л.М. Марасиновой в МГУ (1954–1959 гг.) совпало с забрезжившей в СССР надеждой на перемены. Хотя в 1949–1952 гг. факультет потерял К.В. Базилевича и С.В. Бахрушина, лишился выдающегося медиэвиста А.И. Неусыхина, там все еще преподавали Л.В. Черепнин, С.С. Дмитриев, П.А. Зайончковский. Под руководством последнего активно действовало Научное студенческое общество, в заседаниях которого участвовала и Людмила. А.М. Сахаров и М.Т. Белявский руководили поездками по Подмосковию и его историческим местам городам и местностям. Людмиле же особенно запомнилась экскурсия с М.Т. Белявским на Яхрому⁶.

Семейные традиции честного и беззаветного труда Людмила Михайловна в Москве не растеряла, но приумножила. Несмотря на сложное материальное положение (ей, как человеку из обеспеченной семьи, где впрочем на содержании отца находились его собственные родители и вернувшийся из заключения тесть, стипендия не полагалась) Люда трудилась,

⁵ Это бедствие, отнюдь не стихийное, коснулось и семейства Марасиновых. Тетка Людмилы Михайловны Нина Андреевна вышла замуж за витебского уроженца, филолога Михаила Абрамовича Темкина, который, будучи на военной службе, в ответ на антисемитское высказывание офицера дал ему пощечину и попал под военный трибунал, который однако ограничился лишь отправкой “оскорбителя” на службу в далекий район с невыносимыми условиями жизни, куда за ним последовала и Н.А. Уварова, оставив малолетнюю дочь Лилию на попечение сестры.

⁶ Опыт подобных экскурсий и их значение в обучении студентов М.Т. Белявский обобщил в серии статей, первая из которых относится ко времени завершения Л.М. Марасиновой ее диссертации – к 1966 г. (*Белявский М.Т.* Экскурсионная работа и изучение отечественной истории периода феодализма в вузах // ИСССР. 1966. № 5. С. 68–79; *Белявский М.Т., Ковальченко И.Д.* Некоторые вопросы профессиональной подготовки историков // СА. 1969. № 5. С. 54–60; *Белявский М.Т.* Историки и туризм // ИСССР. 1970. № 4. С. 193–199). Из них вырос несколькими годами позже учебник для историков (*Белявский М.Т.* Работа в музеях с историческими памятниками при изучении истории СССР: с древнейших времен до 1917 г. М., 1978), остающийся непревзойденным, несмотря на появление основательных курсов музееведения (*Юренева Т.Ю.* Музееведение. М., 2003).

не покладая рук. Ее курсовые, а затем и дипломная выдвигались на конкурс лучших студенческих работ. Здоровье однако не позволяло ездить на целину, как это делало большинство сокурсников, в том числе и будущий муж Нигмет Ажигереевич Казетов. По этой же причине Люду Марасинову вскоре переселили из общежития на Стромынке в главное здание университета, где она делила комнату с Зигрид Кумпф, дочерью генерала, некогда служившего в гитлеровской армии Паулюса. Это соседство своеобразно – на жизненном, бытовом уровне ввело будущую медиевистку в проблемы современности. Отец соседки, разочаровавшись в фашизме, добровольно переехал за “стену” – в Восточный Берлин, а дочь отправил на учебу в Москву. Жительство в Главном корпусе МГУ не помешало однако Люде Марасиновой дружить с сокурсниками, многие из которых служили или служат доньше в академических институтах (И. Желенина, М. Мейер, Н. Петрова, Н. Синицына, М. Суслова, А. Чернов), преподают в родном МГУ (Г. Оприщенко) или руководили музеями, как Т. Лапшина (Суздаль).

Людмила стала ученицей Анатолия Михайловича Сахарова, унаследовавшего от своих руководителей М.Н. Тихомирова, а потом и Л.В. Черепнина интерес к истории города и методологии. Людмила Михайловна писала у него и курсовые, и дипломную работу на тему “Южные и юго-западные города Великого княжества Московского в конце XV – первой половине XVI в.». Ее наставник как раз в это время переживал некоторую эволюцию. Из верного последователя исторического материализма в его советизированном варианте, знавшего на зубок все высказывания четырех классиков марксизма-ленинизма (Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина) о русском и европейском феодализме, чем шеголял и перед студентами-первокурсниками уже в 1949 г., он, возможно, незаметно для себя, превращался в самостоятельно и неординарно мыслящего ученого, результатом чего как раз в год окончания Людмилой университета, т.е. в 1959 г., стало появление его книги, немало удивившей историческую общественность, “Города Северо-Восточной Руси XIV–XV веков”. В ней даже под микроскопом нельзя было обнаружить следов так называемого советского патриотизма, предписывавшего считать, как тогда говорилось, что “родиной слонов была Россия”⁷. А.М. Сахаров рисовал города изучаемого им региона отсталыми сравнительно с городами других европейских стран, центрами аграрной, крайне медленно развивавшейся округи. Он отверг модную тогда идею об организационном оформлении русских ремесленников в цехи, идею, которую упорно пропагандировали Б.А. Рыбаков и М.Н. Тихомиров, оспаривавшие (например, даже на защите дипломных работ весной 1954 г.) друг у друга пальму первенства в ее публикации. Пожалуй, и в книге А.М. Сахарова можно было уловить дуновение перемен, связанных с оттепелью. В это время романтических надежд всего советского общества или, вернее, интеллигенции на возможность политического прогресса в пределах одной шестой части земной суши, развития там демократии и уважения личности Людмила Марасинова формировалась как истинная “шестидесятница”. Она зачитывалась, как и все сверстники, Паустовским и Грином, впервые открытым советским читателям Ремарком, верность которым, как и Сер-

⁷ [Дмитриев С.С.] Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева // ОИ. 1999. № 3. С. 145–166. Ср.: Бернштейн С.Б. Зигзаги памяти. М., 2002. С. 136, 141, 144–146, 152.

вантесу, сохранила на всю жизнь. Особый смысл имело ее раннее знакомство с исторической эпопеей А.И. Солженицына “Архипелаг ГУЛАГ”. Она оказалась среди первых читательниц этого произведения, поскольку родственник ее матери Елены Андреевны – Юрий Карбе, друг и сокамерник автора романа, о котором последний писал и в этом произведении и говорил в нескольких интервью, после возвращения из ссылки в 1956 г. исправно снабжал ее текстами по мере написания романа. Людмила воспринимала роман далеко не как литературное произведение, он глубоко затрагивал ее душу, поскольку ГУЛАГ ассоциировался с судьбой деда – Андрея Львовича Уварова, выпускника Духовной академии, отказавшегося однако от традиционной родовой профессии и закончившего в 1917 г. юридический факультет Харьковского университета, но арестованного, как сын священника.

Несмотря на то, что дипломная работа Л.М. Марасиновой на конкурсе студенческих работ была признана лучшей, а закончила она университет с красным дипломом, поступить в аспирантуру сразу по окончании университета ей не удалось: согласно порядкам того времени выпускники должны были отработать год по направлению факультета (в основном в школах удаленных от Москвы районов) или по вызову учреждений в местах их расположения. В 1959 г. Л.М. Марасинова вернулась в родной город и стала там преподавать историю партии в Рыбинском авиационно-технологическом институте (РАТИ). Читатель, пожалуйста, запомните это сокращение. Оно будет часто и даже слишком часто встречаться в дальнейшем изложении. Ранний опыт преподавательской работы в дальнейшем очень пригодился Л.М. Марасиновой.

В 1961 г. молодой преподаватель истории партии⁸, основательно подготовившись, поступает в аспирантуру под руководство того же А.М. Сахарова, который предложил ей обратиться к истории Пскова XIV–XV вв., одного из крупнейших городов северо-запада Руси. К тому времени прошлым этого замечательного города занимались М.Н. Тихомиров, издавший исследование о псковском восстании 1650 г.⁹, и две псковитянки – Г.В. Проскурякова, автор великолепной, но до сих пор не опубликованной диссертации 1954 г. о псковском восстании 1608 г. и социально-экономическом развитии города в конце XVI – начале XVII в., и ее дочь, правда, жившая в ту пору уже в Ленинграде, Н.Н. Масленникова, автор монографии 1955 г. о присоединении Пскова к Русскому государству, тогда именовавшемуся централизованным¹⁰.

⁸ В это же время она вступила в КПСС. Не знаю, что заставило ее сделать это, прагматичные ли соображения получения места преподавателя или, что, на мой взгляд вероятнее, надежда на то, что личная порядочность и честность, инициатива и готовность работать ради процветания своих сограждан, принесут плоды. Такие настроения были очень распространены среди интеллигенции конца 1950-х – начала 1960-х годов. Позднее Л.М. Марасинова, по словам дочери, неоднократно говорила, что нужно идти во власть и даже занимать места в административном аппарате, а не ждать от власти уступок. При этом, пожалуй, несколько наивно заявляла, что власть нужно воспитывать... При этом сама она полагала, что ей удалось “воспитать” двух секретарей горкома партии и одного мэра. Ей было виднее...

⁹ Тихомиров М.Н. Псковское восстание 1650 года: Из истории классовой борьбы в русском городе XVII века. М.; Л., 1975.

¹⁰ Проскурякова Г.В. Классовая борьба в Пскове в период псковско-шведской интервенции: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1954. 337 л., машинопись; Масленникова Н.Н. Присоединение

Л.М. Марасинова выбрала иной путь. Она занялась активным и целенаправленным поиском ранних документов по истории Пскова в поздних материалах Поместного приказа, хранившихся в ЦГАДА (ныне РГАДА). Направление поисков определили изыскания ряда далеких предшественников университетской аспирантки начала 60-х годов XX в. Среди них ближайшим был В.И. Корецкий¹¹. Так, Д.Я. Самоквасов обнаружил остатки делопроизводства Поместного стола Псковской приказной избы в Древлехранилище Псковского музея и архиве Вотчинной конторы в Петербурге, поступившем в 1852 г. в МАМЮ (ныне в РГАДА)¹². Случайные находки ранних документов в приказном делопроизводстве XVII столетия делали В.Н. Сторожев и С.Б. Веселовский, однако никто из них не ставил перед собой задачи сплошного просмотра поздних документов с целью обнаружения древних.

Однако директор ЦГАДА и прекрасный знаток материалов архива В.Н. Шумилов, считая своим прямым долгом оберегать вверенные ему сокровища от читателей-исследователей, приложил немало усилий, чтобы воспрепятствовать аспирантке МГУ работать с подлинными материалами Поместного приказа, с некоторыми из которых уже знакомился В.И. Корецкий¹³. Но вынужден был сдаться. За время аспирантуры, прерванной на полтора года рождением дочери, Л.М. Марасиновой удалось просмотреть 423 папки столбцов, содержащих по 350–400 листов, т.е. несколько десятков тысяч документов разной сохранности, разных почерков. Н.Н. Масленникова в своих воспоминаниях живо описывает картину работы молодой исследовательницы в читальном зале архива, где сдвигались столы, чтобы разложить карты Генерального межевания, по которым Л.М. Марасинова стремилась восстановить точное местонахождение упоминаемых в найденных ею копиях ранних грамот населенных пунктов и гидронимов. По топонимике Пскова исследовательницу консультировала ее ближайшая подруга Инга Годунова (И.К. Лабутина).

Круг участников псковского начинания Л.М. Марасиновой этим не ограничился. В Древлехранилище Псковского музея она работала над столбцами Псковской приказной избы. Здесь ее верным помощником и старшим другом стал Леонид Алексеевич Творогов, некогда ленинградец, занимавшийся историей Пскова уже в 1920-е годы, репрессированный в 1929 г., он в 1931 г. попал на строительство Беломорканала, но чудом один

Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955.

¹¹ *Корецкий В.И.* Новгородские грамоты XV в. из архива Палеостровского монастыря // АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 437–450; *Он же.* Новгородские дела 90-х годов XVI в. со ссылками на неизвестные указы царя Федора Ивановича о крестьянах // АЕ за 1966 год. М., 1967. С. 306–330; *Он же.* Вновь открытые новгородские и псковские грамоты XIV–XVI вв. // АЕ за 1967 год. М., 1968. С. 275–290; *Он же.* Новый документ о Великом Новгороде: О купчей XV в. // СА. 1967. № 1; *Он же.* Методика выявления уникальных документов из столбцов приказного делопроизводства XVI–XVII вв. // Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин: Тезисы докладов IV Всесоюзной конференции. Днепропетровск, 31 октября – 2 ноября 1983 г. М., 1983. С. 155–161.

¹² *Корецкий В.И.* Новые псковские грамоты // ИСССР. 1967. № 4. С. 154.

¹³ *Корецкий В.И.* Новый список грамоты великого князя Изяслава Мстиславича новгородскому Пантелеймонову монастырю // ИА. 1955. № 5. С. 204–207; *Он же.* Новгородские грамоты XV века из архива Палеостровского монастыря // АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 437–450.

из немногих выжил там. По возвращении во Псков в 1944 г. Творогов стал работать над восстановлением сохранившегося архива и библиотеки музея. Глубокий знаток довоенных псковских материалов, которые он организовывал по новому принципу – в соответствии с фондом первичного образования, Леонид Алексеевич фактически стал создателем Древлехранилища, пользовался большим уважением в городе и далеко за его пределами¹⁴. Он консультировал многих исследователей, в том числе Д.С. Лихачева, сфрагистов В.Д. и С.В. Белецких, а также А.Н. Насонова, когда тот готовил к изданию второй выпуск Псковских летописей. Людмила Марасинова попала во Псков в то самое время, когда, по словам А.А. Проханова, Псков переживал эпоху возрождения¹⁵. Здесь работали архитекторы-реставраторы, переехавшие из Ленинграда – Б.С. Скобельцын и В.П. Смирнов. Атмосфера увлеченности прошлым царилла во Пскове в 60-е годы. Новые находки и пути их интерпретации Людмила самым подробным образом обсуждала с В.Д. Назаровым, в ту пору еще студентом и учеником Л.В. Черепнина.

Сама Людмила Марасинова не ограничивалась сидением над столбцами, но собственными ногами отмеривала расстояние от одного описываемого в грамотах участка до другого, стремилась определить на месте упомянутые в них топонимы и гидронимы. И в одной из первых публикаций на псковскую тему в 1965 г. писала: “Часто речь идет о маленьких деревушках, уже не существующих в наше время, о речушках и горках, таких небольших, что им подчас не дано и названия. Но найти их нужно, ибо тогда старинный документ становится понятнее: незнакомое, непонятное слово оказывается названием реки или местечка, определяются размеры земельных владений. А как интересно просто обойти эти старинные земли, которые делили, меняли, продавали и дарили древние псковичи!”¹⁶

Результат стоил таких усилий самой аспирантки и ее верных друзей. В море столбцов она обнаружила одну подлинную и 30 копий псковских актов XIV–XV вв. Что это значит для истории средневекового Пскова, долго говорить не нужно. От XIV–XV вв. до ее открытий было известно лишь 15 грамот, значительную часть которых составляли грамоты сношений Пскова с Ригой и соседними государствами. Благодаря усилиям Л.М. Марасиновой корпус псковских грамот увеличился вдвое.

Исследование было рекомендовано к изданию. В.Д. Назаров в 1966 г. выступил в качестве редактора ее книги, во время работы над которой уточнялись позиции и взгляды автора. Аспирантка поставила своей задачей подготовить к печати все вновь обнаруженные грамоты в соответствии с действовавшими тогда правилами публикации исторических документов, снабдив их комментариями. Поскольку копии сохранили описания скреплявших подлинник печатей, а это открывало новый путь к исследованию псковской сфрагистики, к подготовке грамот подключился В.Л. Янин, к тому времени уже доктор наук, автор бесчисленных статей, в том числе и

¹⁴ О нем см. подробнее воспоминания Н.П. Осиповой и И.К. Лабутиной: *Осипова Н.П. Подвижник духа: Л.А. Творогов и Древлехранилище Псковского музея-заповедника // Древности Пскова: Археология, история, архитектура: К юбилею Инги Константиновны Лабутиной. Псков, 1999. С. 296–303; Лабутина И.К. Леонид Алексеевич // Музея дивное пространство: храм памяти, наук и муз. Псков, 2002. С. 48–54.*

¹⁵ *Проханов А. Псков земной и небесный // Завтра. 2001. № 33 (402).*

¹⁶ *Марасинова Л.М. Лицом к лицу с древним Псковом // Знание–сила. 1965. № 11. С. 21.*

о псковских печатях, и двух монографий¹⁷. Он с не меньшим увлечением, чем сама Л.М. Марасинова, взялся за сфрагистический комментарий.

В уже упоминавшихся воспоминаниях Н.Н. Масленникова писала: “Открытия, сделанные исследовательницей, сразу стали известны в научном мире, ею гордился А.М. Сахаров, восхищался А.А. Зимин, ей помогал в датировке грамот В.Л. Янин своим сфрагистическим материалом и консультациями”. К написанному Н.Н. Масленниковой можно добавить и неизменно высокую оценку ее исследования, высказанную В.Л. Яниным 12 января 2004 г. А я хорошо помню, как из уст в уста передавалась весть о выходе замечательной книги и какую радость вызывала эта новость у русистов-медиевистов.

И все-таки неспециалистам, даже историкам, но занимающимся другими периодами отечественной истории, трудно понять причины всеобщего восхищения книгой в 60-е годы и бесконечное уважение к ее автору в начале третьего тысячелетия. Порой они спрашивают с недоумением, в чем же секрет популярности монографии-публикации 1966 г. Отчасти я уже касалась этого: удвоен корпус псковских актов, в том числе частных XV–XVI вв. Но дело даже не в этом. Теперь, когда монография выдержала испытание временем, и чрезвычайно широка сфера гуманитарного знания, в которой нашел научное применение труд Л.М. Марасиновой (источниковедение, история социально-экономических отношений и права, историческая география, сфрагистика, разные отрасли лингвистики¹⁸), на этот вопрос можно ответить даже точнее, чем в момент выхода книги в свет. Ведь и через полвека после ее издания она не только востребована, но поражает и размахом поиска древних грамот, и подходом к самим этим документам, живым интересом не к “винтикам” государственной машины, а людям реальным и полнокровным, их стилю жизни и образу мыслей. Л.М. Марасинова стала первопроходцем (увы – в женском роде это существительное пока неупотребимо) советского времени в той Атлантиде средневековой Руси, которая всплывает в работах современных исследователей (осознающих себя в качестве звеньев той когорты, к которой принадлежала и Л.М. Марасинова) – архивистов РГАДА А.В. Антонова, К.В. Баранова и многих других. Возвращение к этому эвристическому методу в 60-е годы знаменовало становление традиции, распространившейся потом и на дела Разрядного приказа, плодом чего явились четыре тома “Актов служилых землевладельцев” и многочисленные публикации в “Русском дипломатии”¹⁹.

Второй причиной успеха и долговечности монографии Марасиновой можно назвать полевую *этно-топо-археографию*. Людя Марасинова, как уже упоминалось, делала свои открытия не только в читальных залах архива и музея, но и в полевых условиях, она на месте уточняла происхождение тех или иных названий, локализовывала их, опрашивая жителей.

¹⁷ Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья: домонгольский период. М., 1956; *Он же*. Новгородские посадники. М., 1962.

¹⁸ См. подробнее: *Лабутина И.К.* Об авторе [предисловие к переизданию статьи Л.М. Марасиновой 1966 г. “Загадки древних псковских грамот”] // Псков: Историко-практический, историко-краеведческий журнал. 2003. № 18. С. 9.

¹⁹ Акты служилых землевладельцев. М., 1997–2004. Т. 1–4; Русский дипломатий. М., 1993–2003. Вып. 1–9. См. также: *Хорошкевич А.Л.* Акты, акты и еще раз акты... Новые миры средневековой Руси, эдиционная техника и научная традиция // ОИ. 2000. № 5. С. 127–138.

Конечно, она была не первым историком, вышедшим из-за письменного стола к людям, далекое прошлое которых он изучал. Можно назвать, например, М.Н. Тихомирова, который объездил почти все города средневековой России, но только города²⁰. Людмила Михайловна Марасинова вышла за их пределы, не без подсознательного влияния, вероятно, подмосковных экскурсий М.Т. Белявского и А.М. Сахарова. И этот метод прочно вошел в творческий инструментарий археографов. И то, чем сегодня занимается С.З. Чернов и, может быть, даже с большим успехом, чем Л.М. Марасинова, начала именно она. Благодаря применению этих двух методов ее имя навсегда останется в ряду лучших отечественных историков советского времени.

Непривычным для того времени было и включение в качестве одного из приложений “пояснительного словаря”. Особенности псковского диалекта, имевшего значительные отличия и от новгородского, и от “московского” (может быть центрально-русского) сделали такое приложение необходимым. И пусть некоторые из предложенных Людмилой Михайловной интерпретаций оказались не вполне точными, сама попытка историка истолковать термины грамот заслуживает полного одобрения. В наше время подобными или аналогичными словарями снабжают свои публикации издатели книг Литовской метрики, ибо старобелорусские термины также нуждаются в объяснениях.

Нужно сказать и о другом. Академические студии Л.М. Марасиновой не только выделялись среди других трудоемкостью упорных поисков и живым подходом к прошлому, они сопровождались обращением к самому широкому кругу читателей непрофессионалов в газете “Псковская правда”, журнале “Знание–сила”. Популяризация научных открытий была тогда, а впрочем, отчасти остается и теперь, редкостью. Пожалуй, есть одно исключение – В.Л. Янин, который и при отсутствии специального научно-популярного исторического журнала умел и любил оповестить о своих открытиях всех, кого интересовало прошлое страны. Людмила Михайловна Марасинова пришла в науку на волне духовного подъема, который страна переживала в период оттепели в начале 60-х годов. Интерес к прошлому, слегка очищенному от давящих мысль догм краткого курса истории партии, был чрезвычайно велик. И Марасинова пошла навстречу ему. Первая же научно-популярная статья “Лицом к лицу с древним Псковом” обнаружила ее стиль – открытого, яркого, увлекательного и доверительного обращения к читателю с чисто учеными размышлениями. Она выступила как живой человек, способный понять и проникнуться заботами и судьбами людей, отдаленных от нее несколькими столетиями. И.К. Лабутина четко подметила “новую сторону таланта исследовательницы – доступно и поэтично говорить на научную тему”²¹.

Необычайным стал и факт защиты кандидатской диссертации, опубликованной отдельной монографией. До 1966 г. на кафедре отечественной истории истфака МГУ подобных прецедентов не было. Стоит вспомнить, что у самого руководителя аспирантки была одна-единственная монография 1959 г. Руководство кафедры и факультета в связи с изданием книги даже перенесло срок окончания аспирантуры с 13 ноября 1965 г. на 13 февраля 1966 г. Однако дата защиты все переносилась и переносилась, как с неко-

²⁰ Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962.

²¹ Лабутина И.К. Об авторе. С. 9.

торым недоумением относительно причин этого Людмила писала Инге Лабутиной летом и осенью 1966 г. Разумеется, далеко не у всех реакция на издание книги и ее защиту могла вызвать адекватную реакцию.

Тем не менее защита, состоявшаяся 15 ноября 1966 г., прошла блистательно. Л.В. Черепнин выступил с позиций источниковеда, Н.Н. Масленникова как специалистка по истории средневекового Пскова. Оба оппонента дали прекрасную характеристику работы. Уже на следующий год В.И. Корецкий, хорошо знавший материалы Поместного приказа, опубликовал рецензию на книгу, подтвердив мнение оппонентов²².

Но, говоря словами самой Л.М. Марасиновой,

Тому везет, другому – нет,
Так повелось уже от века²³.

Талантливую исследовательницу, имевшую к тому времени опыт общения со студенческой аудиторией, на работу в МГУ не взяли. Дурные языки склонны были винить в этом пассивность А.М. Сахарова. Ситуация была сложной: вакантное место было одно, а претендентов на него два: Людмила Марасинова и Олег Рапов, ученик академика Б.А. Рыбакова. Ни тот, ни другой не имели “прописки” в Москве, но для ученика всемогущего академика было сделано исключение, а для ученицы А.М. Сахарова – этот факт послужил официальной причиной отказа! Сам же академик смог записать на свой счет еще одну прерванную ученую карьеру и почти разбитую судьбу. А может быть, в этом проявился общий стиль отношения к талантам. “Жизнь плохо оберегает талантливых людей”, – заметил на старости лет Виктор Астафьев. Принцип: “Не высовывайся, а то лишишься головы”, сработал и на этот раз. Голову Л.М. Марасинова сохранила, но в душе осталась рана – тоска по науке, Пскову, вошедшему в ее жизнь как отчий город Рыбинск, как первая любовь Историка с большой буквы. Неудача не ожесточила и не озлобила ее:

Ведь посреди обид и мщенья,
Несправедливостей и зла
Есть место радости прощенья,
Есть место святости добра²⁴.

Но как бы то ни было, жизнь нужно было продолжать. И снова та же палочка-выручалочка – РАТИ. Но если в 1960 г. это был краткий перерыв для подготовки к вступительным экзаменам в аспирантуру, то теперь все выглядело иначе. С надеждами на регулярные научные занятия, кажется, нужно было расставаться. А планов было еще такое множество: не осуществилась идея создания карты средневековой Псковской земли, хотя часть материалов в начале 70-х годов была востребована Институтом истории СССР АН СССР для создания Исторического атласа СССР²⁵, до сих пор так и не-

²² *Корецкий В.И.* Новые псковские грамоты. С. 153–156.

²³ *Марасинова Л.М.* Мой Рыбинск. Рыбинск, 1986. С. 96.

²⁴ *Марасинова Л.М.* Мой Рыбинск. С. 74.

²⁵ В связи с этим в 1971–1973 гг. Л.М. Марасинова частенько появлялась на ул. Дм. Ульянова, 19, где мы и встречались. Она обращала на себя внимание скромностью, деликатной как бы извиняющейся улыбкой неуверенного в себе человека, что совершенно не соответствовало ее реальному весу в науке. Я на нее смотрела как на живую легенду, затаив дыхание, а эти мимолетные встречи окрашены были “струей тепла, дающей свет и веру”,

изданного; остались недосмотренными папки, в которых Л.М. Марасинова, по словам дочери, надеялась найти новые ранние грамоты. Надежда на возобновление псковских штудий не умирала. Летом 1967 г. преподаватель истории партии работала во Пскове на археологических раскопках Нового торгового XVI–XVII вв., а летом 1969 г. была начальником участка на раскопе около Педагогического института, где шли слои XII–XV вв. В дальнейшем эта практика легла в ее копилку историка-универсала и дала возможность профессионально подготовить студента РАТИ, в настоящее время доктора технических наук – А. Рыкунова к археологическим раскопкам в Усть-Шексне, которые он успешно ведет уже много лет.

В конце 60-х годов, когда оттепель сменилась заморозками, порой довольно серьезными²⁶, в исторической науке, тяжелой на подъем, консервативно инерционной, еще продолжалось движение вверх. Импульс, заданный в начале 60-х годов, породил многие начинания. В Институте истории СССР под руководством Л.В. Черепнина возобновилось издание актов, в университете А.В. Арциховский и А.М. Сахаров готовили и издавали “Очерки русской культуры”, это начинание оказалось звездным временем не только самих издателей, но и всей исторической науки. И там, и там нужны были новые сотрудники. И Черепнин, и Сахаров предложили Л.М. Марасиновой прийти к ним на работу, тем более, что благодаря второму замужеству появилась московская прописка. Верность первому наставнику пересилила. Л.М. Марасинова выбрала лабораторию русской культуры, где ей было поручено написать разделы о торговле, путях и средствах сообщения и передвижения в XVI, XVII и XVIII вв. (соответствующие тома были изданы в 1977, 1979 и 1985 гг.), а также курировать университетскую серию сборников “Русский город”. Пребывание в лаборатории и работа над порученными ей темами (равно как и техническая работа по подготовке к печати вышеназванных сборников) пробудили острый интерес к истории Рыбинска, некогда занимавшего далеко не последнее место среди волжских торговых и транспортных центров, с одной стороны, а, с другой, “интерес к культурологии и стремление к системному подходу”, как она признавалась в своей “Автобиографии”.

Если изобразить жизнь Л.М. Марасиновой в виде графика, то это будет сильно ломанная кривая, то устремляющаяся в поднебесье, то ниспадающая до нуля. Второй московский период 1971–1973 гг., пожалуй, исключение – это сравнительно ровный, хотя и краткий отрезок линии. Трудно сказать, что побудило Л.М. Марасинову, человека в высшей степени инициативного, природного лидера, расстаться с лабораторией – неудовлетворенность ли мелкими задачами, поставленными перед ней, несоизмеримость ли узкой сферы деятельности с уровнем потенциальных возможностей и таланта, неудовлетворенность ли от разделения семьи (дочь оставалась в Рыбинске на попечении деда и бабушки), что-либо еще. Но как бы то ни было, она сделала крутой поворот и на этот раз самостоятельно в третий и окончательный раз вернулась в Рыбинск²⁷.

как писала московская поэтесса Татьяна Стомахина, посвятившая памяти Людмилы Михайловны два стихотворения: “С ней каждый в себе солнце раскрывал” (Золотое кольцо. 2001. 4 августа. С. 2).

²⁶ Впрочем, особенно чутким уже в 1958 г. казалось, что наступало возвращение к концу 40-х годов (*Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти. С. 243).

²⁷ С высоты своего академического пижонства я неоднократно выражала ей сочувствие в связи с этим.

Л.М. Марасинова пережила в Рыбинске эпоху брежневского застоя, бродила по городу, узнавая и не узнавая “улучки эти в морщинках времен и усталости”²⁸, поражаясь переменам, не способствовавшим его украшению (Где были пашни, поля и овражки, // Встали безликие пятиэтажки²⁹). И поступила в тот же РАТИ и вынуждена была обратиться к преподаванию того же предмета, вряд ли ею любимого. Однако и этот предмет – историю партии она пыталась “очеловечить”, связать с историей родного города:

И я давно уже мечтаю
Ту связь веков соединить,
Времен разорванную нить
Я потихоньку собираю –
Ведь, чтоб себя не потерять
Нам нужно память сохранять. --

писала она в поэме “Мой Рыбинск”³⁰.

Она была весьма своеобразным преподавателем истории партии. Ее студенты писали доклады и курсовые по истории Рыбинска, формируясь не только как “технари”, но и как гуманитарии.

Вскоре по возвращении историк Божьей милостью начала сбор документов по истории города, которые в 1977 г. были изданы в специальном и единственном в своем роде сборнике “Рыбинск. Документы и материалы по истории города”. Этот сборник, основанный по преимуществу на архивных материалах ЦГАДА, Ярославского государственного исторического архива и отчасти архива ЛОИИ, представил многоплановую картину далекого и близкого прошлого города. Здесь и первое упоминание Рыбной слободы, и указы царей и императоров, в том числе Екатерины II о преобразовании слободы в город, и поддержка купечеством городского образования (Ф. Крашенинников 23 октября 1790 г. обратился с посланием относительно ветхости Рыбинского городского училища), и челобитные жителей (поразительная судьба одного из них может послужить канвой исторического романа: Федор Китаев, крепостной графа Г.Г. Орлова, поступил в рекруты, был направлен в Измайловский полк, потом в Нарвский, пристал “к партии Костюшки бунтовщика под Варшавой”, где воевал полтора года, затем записался в Воронежский гусарский полк, а затем через Турцию, добрался до Ясс, где обратился к российскому консулу, получил разрешение вернуться на родину, и в 1802 г. был причислен к рыбинскому мещанству), и материалы о зарождении собственной городской прессы (О “Рыбинском листке” один из современников, А.М. Скабичевский, писал: “Ох, как рыбинским воротилам будет он не по вкусу”), и мемуары о культурной жизни города второй половины XIX в. (так, свою творческую жизнь начинала в Рыбинске Л.А. Стрепетова, вспоминая, что “нигде и никогда не встречала более мирной, согласной, дружной труппы: ни сплетен, ни зависти, ни интриг”). Составительница довела подборку материалов до начала 70-х годов XX в., опубликовав некоторые документы Управления делами Рыбинского совнархоза. Выяснилось, в частности, что наряду с моторами в городе уже в 1975 г. производили снегоходы. Жаль, что поля России бороздят теперь не рыбинские, а японские и немецкие подобные машины.

²⁸ Марасинова Л.М. Мой Рыбинск. С. 37.

²⁹ Марасинова Л.М. Веретье // Марасинова Л.М. Мой Рыбинск. С. 54.

³⁰ Марасинова Л.М. Мой Рыбинск. С. 5.

Однако значение сборника не ограничивается его содержанием. Составительница подошла к сборнику так же, как к своей предшествующей публикации: обоснованы датировки, имеются содержательные комментарии, научно-справочный аппарат (указатели, список литературы, словарь устарелых слов, впрочем, не совсем полный: не учтена специфика терминов рыбного промысла). Образцов таких научных публикаций по истории города до 1977 г. в СССР еще не было. Увы, сборник прошел почти незамеченным научной общественностью.

Собранные материалы Л.М. Марасинова пропагандировала в многочисленных лекциях общества “Знание”, на занятиях в РАТИ и в стихах, прежде всего в поэме “Мой Рыбинск”, ничуть не уступающей аналогичному сочинению Н.П. Кончаловской о Москве. Дворцовая Рыбная слобода, известная с 1504 г., поставляла к царскому столу во время длительных постов, на праздничные пиры и приемы дипломатов, длившиеся по полдню, рыбные богатства Волги, прежде всего разные сорта красной рыбы .

Итак, наш предок был рыбак [...]
Он был умен и не простак.
Из рыбы выгоду извлек
И стал Дворцу платить оброк.

Строительство Петербурга в начале XVIII в. сопровождалось подъемом Рыбинска, как транспортного центра.

С низовий Волги каждый год
С товаром баржи прибывали,
С больших судов перегружали
Его на мелководный флот.
И наш рыбак был очень рад
Семейный взять на то подряд [...]

Одновременно Рыбинск превратился в центр хлебной торговли:

Город шумный и небедный,
В Петербург от Волги дверь
Старый Рыбинск, город хлебный,
Ты – торговли цитадель³¹.

Возносились к небу купола новых храмов, до сих пор существующего знаменитого Никольского собора, и их колокольни, строились Гостиный двор и биржа, вдоль Волги один за другим поднимались особняки, в том числе и Алексея Попова, до сих пор даже в обветшавшем виде остающиеся украшением города³².

Дома пекли, как куличи,
И город вырос, наконец,
Как классицизма образец.

³¹ Марасинова Л.М. Мой Рыбинск. С. 9, 15.

³² Укажем кстати, что собранные Л.М. Марасиновой материалы о рыбинских памятниках архитектуры послужили основой очерка о Рыбинске в книге: Борисов Н.С., Марасинова Л.М. Рыбинск, Мышкин, Пошехонье: архитектурно-художественные памятники XVII–XIX вв. М., 2001.

А в 80-е годы XVIII в. Рыбинск, давно уже переросший границы “слободы”, превращен был в “город”:

Берет перо Екатерина:
Теперь слободке повезло.
Такой указ давно уж снился,
То город Рыбный появился³³.

Восемнадцатым веком поэма тактично завершается, ибо естественный ход развития города в XX в. был насильственно прерван. Именем города было названо водохранилище, на дне которого оказались погребены 130 деревень, в том числе и отца Людмилы Михайловны³⁴, масса памятников культуры, и среди них имение Иловна, принадлежавшее роду Мусиных-Пушкиных, один из представителей которого владел единственным экземпляром знаменитого “Слова о полку Игореве”.

Ради спасения памятников архитектуры и культуры XVII–XIX вв. Л.М. Марасинова поставила своей первой задачей причисление города к “историческим”. В “Рыбинской правде” одна за другой появлялись ее статьи “Бережно относиться к памятникам”, “Заботливо хранить”, “Хранить историю”, “В ожидании Пугачева” и другие. Они были адресованы жителям и властям города. Статья в “Памятниках отечества” 1981 г. была рассчитана на более широкую аудиторию. Усилия Марасиновой и на этот раз не пропали даром. Через 9 лет после издания сборника “Рыбинск”, через пять лет после статьи в “Памятниках”, в 1986 г. город был причислен к историческим, а это в свою очередь сулило большую, чем прежде, охрану исторических памятников и внимание к ним.

Но как всегда в ее жизни, богатой трагическими неожиданностями, и в 1986 г. судьба преподнесла ей подлый сюрприз. Лихорадочная деятельность во славу города сопровождалась развитием тяжелейшей болезни, приведшей к необходимости операции (“поздно к хирургу спешим за спасением” – призналась она³⁵). И вот парадокс: в том же 1986 г. на ее жизненном пути возник ангел-хранитель Виталий Дмитриевич Салов, сопровождавший ее до последней секунды жизни. Преданная любовь и успех первой операции окрылили Людмилу Михайловну, и она, снова забыв о себе, бросила все силы на исполнение своей миссии – спасения исторических памятников родного города. Однако 1986 г. стал для нее переломным и по отношению к Рыбинску. Если до этого она находила отраду в прошлом города и его ушедших жителей, воспевала красоты города, частично уже утраченные, то со второй половины 80-х годов ее помыслы были устремлены в его будущее, кипучая деятельность направлена на совершенствование настоящего и строительство будущего. Расставшись в 1987 г. с РАТИ, она с головой погрузилась в общественную работу. Перестройка дала но-

³³ Марасинова Л.М. Мой Рыбинск. С. 28, 191.

³⁴ “А волны шумят, как тяжелая сеча,

И хочется в прошлое сердцу взглянуться.

Да, было все это далече, далече,

Во мгле твоего затонувшего детства”, – писала она в стихотворении “Рыбинское море”, посвященном отцу (Марасинова Л.М. Моим землякам. С. 29). Это четырехстишие – одно из лучших. Оно удивительно точно передает рокот темного, несколько мрачного даже при солнце Рыбинского моря.

³⁵ Марасинова Л.М. Мой Рыбинск. С. 99.

вый импульс ее работе. Людмила Михайловна Марасинова выступила инициатором возвращения городу его настоящего имени (с 23 февраля 1984 г. ему в связи со смертью бывшего до 1982 г. председателем КГБ, Генерального секретаря ЦК КПСС, председателя Президиума Верховного Совета СССР уроженца Рыбинска Ю.В. Андропова было присвоено название Андропов³⁶). Это переименование фактически перечеркивало всю предшествующую историю города

Я ваш земляк, я старый Рыбинск, честь имею.
Я очень стар, мне двести с лишним лет,
И жизнь мою вы вряд ли сохраните
Не знаю, долго жить мне или нет,
Но имя мне, пожалуйста, верните [...].
Но все-таки я – Рыбинск. Честь имею³⁷.

Грустная нота, прозвучавшая в цитированном выше стихотворении, была навеяна трезвой оценкой экономики города и тех разрушительных последствий для его экологии, которые сопровождали развитие авиамоторной промышленности.

Удушьем, дымными ветрами
Природа шлет нам знак беды.
Мы не бедны ее дарами,
Мы ясным разумом бедны.
Но над отравленной рекою,
Безумный не потупя взгляд,
Мы равнодушною рукою
Спускаем в воду смрадный яд³⁸.

Читая эти стихи, невольно вспоминаешь высказывание, приблизительно того же времени, замечательного историка А.Я. Гуревича: “Человек XX века ... стоит одиноко перед деформированной им природой, перед поверженным им Богом и перед социумом, превратившимся в массу, толпу, с которой его не связывают глубокие моральные связи”³⁹, или более поздние “Понемногу о многом” С.П. Залыгина: “Мы, собственно, вступили в эпоху экологического краха... Мы забываем о том, что человек существует в двух сферах: одна – это отношение людей друг с другом, другая – отношения между людьми и природой”⁴⁰.

Даже из этого сопоставления ясно, что Л.М. Марасинова была отнюдь не одинока в оценке экологического состояния страны, но в ее обостренном понимании экологического бедствия, постигшего город, свою роль, конечно, сыграл и субъективный фактор – перенесенная болезнь.

³⁶ Один из наиболее скрытных генсеков КПСС в последние годы стал объектом пристального внимания не только историков, но и писателей. О нем см.: *Клемашов И.С.* Феномен Андропова: воспоминания и размышления лечащего врача. М., 1992; *Медведев Р.А.* Неизвестный Андропов. Ростов-на-Дону, 1999; *Семанов С.Н.* 7 тайн генсека с Лубянки. М., 2001; *Микутко И.* Бездна: Миф о Юрии Андропове: (Роман). М., 1997; *Он же.* Андропология // Новая газета. 2004. № 11 (941). 16.02.–18.02. С. 16–17.

³⁷ *Марасинова Л.М.* Мой Рыбинск. С. 46.

³⁸ *Марасинова Л.М.* Мой Рыбинск. С. 59.

³⁹ *Гуревич А.Я.* Европейское средневековье и современность // Европейский альманах. М., 1990. С. 147.

⁴⁰ *Залыгин С.П.* Понемногу о многом // Новый мир. 2000. № 10. С. 121.

Восстановление былой славы города наталкивалось на массу препятствий, связанных с его экономическим профилированием и воздействием промышленности на физическое и психическое здоровье горожан. Естественно поэтому Л.М. Марасинова сосредоточила свои усилия на создании экологически благоприятных условий жизни горожан. Она стала координатором программы “Эколого-экономическая территория на побережье Рыбинского водохранилища” и автором локальной программы “Остров” в проекте “Побережье”. Людмила Михайловна Марасинова практически прокладывала новые пути для музейной и экологической деятельности, связав их обе в один неразрывный узел. Пожалуй, в связи с этим можно вспомнить слова известного отечественного слависта С.Б. Бернштейна: “Ученому мало таланта и труда. Он непременно должен жить будущим. Без этого нет науки”⁴¹. Без этого нет ни общественной, ни политической деятельности. Предложенный Л.М. Марасиновой подход к музейному делу, без сомнения, был основан на совершенно новом для нашей страны принципе не только музейного строительства, но и культурного развития, который, впрочем, давно уже стал обычной нормой в развитых странах⁴².

Интересы Людмилы Михайловны не ограничивались одним только городом. Она чутко уловила возможности, связанные с возрождением русской усадьбы и музеефикацией сохранившихся памятников. Горько оплакивая потерю Иловны Мусиных-Пушкиных, она обратила свою энергию на восстановление уцелевшего Петровского, приватизировать которое вслед за “Мосфильмом” собрался самый предприимчивый из всех деятелей советского и постсоветского периода представитель рода Михалковых – талантливый приспособленец Никита⁴³.

Этими двумя направлениями – историко-экологическим и усадебным ее энергия не исчерпывалась. Она активно содействовала восстановлению связей с заграничными рыбинскими уроженцами, прежде всего с разросшимся вне пределов России семейством Мусиных-Пушкиных, став инициатором создания фонда Рыбинск–Париж и членом Рыбинской ассоциации международного сотрудничества. Это как раз совпало с попыткой “Рыбинских моторов” выйти на международный рынок, попыткой – увы – не увенчавшейся ожидавшимся успехом. Если экономическая сторона международных связей оставалась ей неподвластной, то культурная, близкая ей⁴⁴, расцвела. Так, осенью 2000 г. на конференцию, посвященную Слову о полку Игореве, прибыли в Ярославль и Рыбинск десятки иностранных гостей, среди которых было много и рыбинских уроженцев и их потомков, новых друзей города. Глубокое уважение и симпатия, с которой они относились

⁴¹ Бернштейн С.Б. Указ. соч. С. 183.

⁴² О нем см.: Сотникова С.И. Музеология как междисциплинарное знание // Музейные фонды и экспозиции в научно-образовательном процессе. Томск, 2002. С. 13–15; Газалова К.М. Музей как социальный институт // Музей в современном мире: традиции и новаторство. М., 2001. (Труды ГИМ; Вып. 104). С. 21–26.

⁴³ Леонтьева Т.Г. Жестокий роман с историей: (о творчестве Н. Михалкова) // История страны... История кино... М., 2004. С. 240–264.

⁴⁴ Культура – все, что нас объединяет,
Культура – это общий банк идей,
Культура – то, что души просветляет,

А мир культуры – это мир людей “ (Марасинова Л.М. Мой Рыбинск. С. 98).

к Людмиле Михайловне, поразили меня не меньше, чем всегда присущая ей скромность. Это была наша последняя встреча... Но я забежала вперед.

Вернемся на десятилетие назад. 2 марта 1989 г. городу вернули его исконное имя. На радостях инициатору этого – Людмиле Михайловне Марасиновой присвоили звание почетного гражданина Рыбинска – уже не Андропова. Но нужно было сохранить и его исторический облик. Лектор общества “Знание”, член Исторической комиссии при Рыбинском совете народных депутатов в 90-е годы, Л.М. Марасинова умела воодушевить и сплотить творческую молодежь и интеллигенцию. Без устали выступала в прессе, рассказывая о буднях Исторической комиссии (борьбе за сохранение каждого памятника) и далекого прошлого, жизнь которого проходила в пределах исторического центра города. Она безгранично верила в силы своих сограждан, объединенных идеей возрождения Рыбинска “Большой России – малого уголка”⁴⁵. В атмосфере всеобщих надежд, всенародного общественного подъема она пыталась направить энергию сограждан на конкретные, порой казавшиеся совершенно неосуществимые дела. Этим стремлением были проникнуты многочисленные и разнообразные темы и проекты, которые она продвигала в жизнь несмотря на неизменный ответ властей: “Возможностей пока нет”. Так, в 1994 г. Людмила Михайловна Марасинова добилась публикации книги знаменитого русского философа и физиолога А.А. Ухтомского “Заслуженный собеседник”, найдя в городе достаточное количество спонсоров. В период проведения выборов в местные органы власти в 1999 г. ей удалось организовать издание другой книги знаменитого рыбинского уроженца: “Интуиция совести” (Рыбинск, 2000). Ее усилиями в городе открыт музей А.А. Ухтомского и были проведены первые чтения, посвященные его памяти, собравшие цвет не только отечественной, но и зарубежной науки.

Диапазон ее интересов и занятий огромен: это и Программа перспективного развития Рыбинского муниципального округа – творческий проект “Наследие”, членство в Комиссии по природному и историко-культурному наследию при Рыбинском совете депутатов, и хор “Соколята”, прославившийся на всю Россию, попечительский совет Спасо-Преображенского собора и создание школы нового типа, ориентированной на раскрытие способностей каждого ученика, его самораскрытие-самоидентификацию, самосовершенствование и творческую самостоятельность – самореализацию. Особо хотелось бы отметить ее постоянную заботу и о других школах, в том числе сельских, и четкое понимание их роли в жизни всей страны:

Здесь корни страны, здесь истоки народа,
Снегов белизна, алый отблеск восхода,
И купол небес, ослепительно синий,
И сельская школа – надежда России⁴⁶.

Марасинова рассматривала школу как научно-исследовательскую лабораторию, где формируются и применяются новые педагогические технологии. Опытной площадкой послужила гимназия № 8, которая в течение 90-х годов заслуженно оказывалась дипломантом конкурсов “Школа буду-

⁴⁵ Марасинова Л.М. Моим землякам. С. 12.

⁴⁶ Марасинова Л.М. Моим землякам. С. 61.

шего России”, “Школа года-96”, “Авторская школа”, “Школа века” и многих других, а сама Людмила Михайловна стала основательницей научного общества Рыбинской гимназической академии наук.

Все это давалось не легко, а с боем. В стихотворении, посвященном Надежде Владимировне Бородулиной, Л.М. Марасинова писала:

Ведь наши мирные дела,
Поверьте, требуют отваги⁴⁷.

Во всей ее деятельности – служебной, общественной и личном творчестве, совершенно неразделимых, было удивительное сочетание романтической мечты и прагматически трезвого расчета. “В этой хрупкой, миниатюрной женщине, в ее страдающей душе сочетались дальновидность глубокого мудрого человека и практичность, проступающая в действиях и поступках, казавшихся многим непонятными, преждевременными или просто нереальными”, – считают ее коллеги Ю. Чубукова и Т. Иванова⁴⁸. Это осознавала и сама Людмила Михайловна:

И жизнь я трезвой меркой мерю,
Но все ж, друзья, представьте, верю
И в чудеса, и в волшебство⁴⁹.

Она мыслила общегосударственными и общепланетарными категориями, пропагандировала учение В.И. Вернадского о ноосфере, подлинной ученицей которого она стала в Рыбинске. Если профессиональные историки-медиевисты, знакомые с Людой Марасиновой и ее работами московско-псковского периода, считают ее ученицей А.М. Сахарова, то все, кто знает весь путь ее духовного развития, с полным правом могут назвать ее ученицей и последовательницей В.И. Вернадского. Феномен столь же поразительный, сколь и редкий для сообщества советских историков и историков советского и постсоветского времени, хотя и более обычный в среде музейных работников и экологов.

Л.М. Марасинова не ограничивалась теоретическим принятием учения о ноосфере. В соответствии со своими убеждениями она пыталась внедрить в родном городе решения ООН о стабильном развитии человечества. Речь шла о программе перехода мирового сообщества к устойчивому развитию, принятой в июне 1992 г. конференцией ООН в Рио-де-Жанейро. Очевидно, Л.М. Марасиновой была очень близка идея будущей цивилизации – сохранение жизни на планете и гуманная организация общества. В связи с этим она выдвинула новую программу “Совершенствование механизмов культурных программ, соответствующих сущностному содержанию категории культура (понимая ее как совокупность духовных и материальных ценностей, охватывающих все многообразие способов и результатов человеческой деятельности, направленной на сохранение специфических черт отдельных этносов и групп, а также на развитие мировой цивилизации)”. Людмила Михайловна Марасинова полагала, что отработка новых технологий должна происходить в экспериментальных районах, территориях

⁴⁷ Марасинова Л.М. Мой Рыбинск. С. 77.

⁴⁸ Чубукова Ю., Иванова Т. “Неповторимостью живу, неповторимостью страдаю” // Рыбинские известия. 2001. 1 авг. С. 2.

⁴⁹ Марасинова Л.М. Особняк на Крестовой // Марасинова Л.М. Мой Рыбинск. С. 49.

опережающего развития (так называемых пилотных). К ним она и относилась Рыбинск с его историческим центром и дворянские усадьбы “Петровское”, и природно-культурный центр “Александрова пустынь”.

Несоединимое, на первый взгляд, единство прагматизма и романтизма ясно чувствуется в ее стихах 90-х годов. Здесь и гимн рыбинскому купцу с пожеланием видеть таких же новых, но современных предпринимателей, и воспаряющая к небесам идея личного духовного спасения, и преклонение перед литературными и реальными героями юности – Дон Кихотом, Ассоль, Жанной д’Арк. Подход к истории как общечеловеческому деянию и личному делу и служению (недаром она писала И.К. Лабутиной в марте 1978 г.: “История... моя судьба, любовь и смысл жизни”) позволял ей объединяться и работать с представителями самых разных общественно-политических направлений. 2 октября 1999 г. в статье “Я не разочарована” Л.М. Марасинова писала: «Я состою в “Яблоке”, при этом являюсь помощником депутата-коммуниста, а машина ЛДПР возит меня в Петровское, в интернат». – Прервем на время цитату, чтобы отметить поразительное совпадение позиций Марасиновой и Фазиля Искандера, записные книжки которого опубликованы тремя годами позже ее кончины. “Разумный человек, – по мнению последнего, – должен быть одновременно либералом и антилибералом, консерватором и антиконсерватором... и т.д. Меняющаяся действительность требует каждый раз конкретного решения... При всех обстоятельствах должен оставаться гуманистический пафос... Всякая партийность мешает разглядеть эту естественную жизненную потребность”⁵⁰. Но вернемся к прерванной цитате из статьи Л.М. Марасиновой: “Может, я иду поперек... занимаюсь проблемой качества воды с Рыбинским коммунистическим советом. Вода у нас одна. Пьют ее и коммунисты, и демократы... Наряду с разьединением на партии и организации у всех нас должно быть что-то объединяющее”⁵¹. Ту же мысль она повторяла и в 2000 г. в статье “Повестка дня на XXI-й век”: “Нужно объединить людей для общего созидательного дела”⁵². Поразительны обстоятельства написания этой статьи. Едва оправившись после второй операции, она подверглась массовой атаке кандидатов в местную власть, которые просили ее написать для них программы деятельности на ближайшее время. Людмила Михайловна удивлялась тому, как можно ограничивать подобные программы сроком политической карьеры того или иного “деятеля” и в контексте подобных просьб, которые, впрочем, исполняла, и изложила свое видение нового столетия и задач, стоящих перед человечеством в новых условиях.

Уроженец Рыбинска, хорошо знакомый не только с местными, но и мировыми экологическими проблемами, академик, доктор физико-математических наук, советник Центра экологической безопасности РАН К.Я. Кондратьев писал ей еще 4 марта 1997 г.: “Поражаюсь Вашей энергией и оптимизмом: в таких трудных условиях Вы продолжаете столь активно и плодотворно работать”.

Для Людмилы Михайловны Марасиновой история не оставалась мертвой догмой, раковинной, в которой в советское время пряталось от реаль-

⁵⁰ Искандер Фазиль. Из записных книжек // Знамя. 2003. № 9. С. 29.

⁵¹ Рыбинские известия. 1999. 2 октября.

⁵² 7 дней. Рыбинск. 2000. 26 апреля.

ной жизни большинство академически-профессиональных специалистов (и продолжает это делать и теперь), разумеется не была средством наживы или даже просто источником благосостояния, как для попутчиков ученых, вступивших в нынешнюю эру всеобщего потребительства с уже готовыми ухватками бандитов с большой дороги.

Кредо Марасиновой последних лет звучало так:

Мечтаю я, чтоб каждый мог
Понять истории движенье,
Пред Родиной исполнить долг
И на земле предназначенье⁵³.

Свое предназначение – человека, идущего впереди, заглядывающего вперед не на одно десятилетие, она выполнила с честью. Однако была ли Людмила Михайловна полностью понята и поддержана современниками, в том числе и согражданами бесконечно дорогого ей Рыбинска? Если на первую половину вопроса можно ответить положительно, имея в виду жителей Рыбинска, но отнюдь не общероссийскую историческую общественность, то на вторую – с грустью приходится дать отрицательный ответ. Выборы новых депутатов в Рыбинский муниципальный совет в конце 2000 г., произошедшие в условиях “укрепления вертикали власти” или точнее реставрации “демократического самодержавия”, сопровождались свертыванием всех общественных начинаний и организаций. Колокол беды и надежды, звучавший в Историко-экологической комиссии, в новой эпохе реставрации был неуместен. Вертикаль власти своим острием ударила и по ней. Резчики мемориальной доски 2003 г. (на которой значится: “В этом доме с 1957 по 2001 г. жила почетный гражданин, ученый историк, просветитель и общественный деятель Людмила Михайловна Марасинова”) заметили по этому поводу: “А это – та Марасинова, после смерти которой все чиновники города вздохнули спокойно”, – лучшая эпитафия патриоту города. Бесцеремонность, с которой закрыли детище общественности, уже десятилетиями доказывавшее свою полезность – Историко-экологическую комиссию, и цинизм, с которым Л.М. Марасинову лишили права активно соучаствовать в жизни родного города, нанесли последние удары человеку, только что перенесшему вторую операцию. За полгода до своей кончины 4 ноября 2000 г. она опубликовала статью в “Рыбинских известиях” – опыт системного подхода к историко-краеведческой работе, основанный на анализе “конкретных реалий современных тенденций развития человечества, его производительных сил и взаимоотношений с природой”. Идеи Марасиновой, вполне созвучные теории и соответствующие практике передовых просвещенных стран, где давно сложилось гражданское общество, особенно актуальны сегодня, в нелегкое для многих провинциальных музеев время.

Время ее кончины символично. Период активной деятельности Людмилы Михайловны – почти полустолетие от первой до второй послевоенных (т.е. после Второй мировой и Отечественной войны 1941–1945 гг.) оттепелей, естественно с цезурой брежневского глубокого застоя. Начало второго – и, вероятно, более глубокого застоя оказалось ей уже не по силам.

⁵³ Курьер новостей. Рыбинск. 2001. 10 октября. С. 4; *Марасинова Л.М.* Моим землякам С. 81.

Да и общество перестало нуждаться в людях подобного типа... Говоря ее стихами, мы в это время

Сменили пафос разрушенья
На мелкий рыночный расчет.

Романтикам, будь они самыми дальнзоркими или даже самыми трезвыми и прагматичными, места в стране уже не остается. Ее завет

Умей не только получать,
Учись уменью отказатьсь,
И очень скоро ты поймешь
Условье в жизненной задаче:
Чем больше людям отдаешь,
Тем сам становишься богаче⁵⁴, –

кажется теперь анахронизмом. Впрочем, не в самом Рыбинске. Несмотря на то, что хозяйственная и промышленная жизнь едва теплится в городе, в нем создалась атмосфера гражданского общества. Несмотря на противодействие властей на доме Марасиновых установлена мемориальная доска, средства на которую собирали ученики Людмилы Михайловны в РАТИ, слушатели лекций и радиовыступлений, соседи (справедливости ради нужно признать, что лепту горожан в конце концов пополнили городская казна и банки). Гимназии № 8 присвоено имя Марасиновой. Там по-прежнему ежегодно проходят краеведческие школьные чтения, участники которых берут призовые места на областных конференциях. Живы преподаваемые ею уроки бескорыстного благородства, бесконечной ответственности каждого за судьбу своих близких и страны в целом, моральной стойкости и верности своему призванию. Еще звучат ее строки:

Так пусть любой из нас поймет,
Что друг за друга мы в ответе.
Веди своим поступкам счет.
Добро и зло к тебе вернется.
Твоя ошибка, твой просчет
Кому-то горем обернется.
К твоей душе взываю вновь,
Пускай в ней сила наберется.
Твоя любовь, твое добро
Кому-то счастьем обернется⁵⁵.

Так что же мы потеряли с кончиной Людмилы Михайловны Марасиновой? Мы – это не только ее семья и в первую очередь внук, готовый продолжить дело бабушки, хотя и стремящийся идти своим путем... Мы – это не только студенты истфака 60-х–70-х годов, преподавательницей которого не стала бывшая студентка, аспирантка и автор монографии, вышедшей в издательстве МГУ... Мы – это не только жители современного Пскова, средневековой истории которого она посвятила свое исследование... Мы – это не только граждане ее родного и горячо любимого Рыбинска, которому она отдала добрую половину жизни, спасая останки его прошлого, созидавая его настоящее и будущее... Мы – это все россияне, для которых любовь к

⁵⁴ Марасинова Л.М. Мой Рыбинск. С. 101.

⁵⁵ Марасинова Л.М. Мой Рыбинск. С. 93.

отечеству и его прошлому еще не превратилась в разменную монету на пути достижения сиюминутных утех и наслаждений.

Итак, что потеряли мы? Чистый голос малой родины, которым она говорила при посредстве Людмилы Михайловны, один из тех голосов, которые, как бы ни были они тихи, служили камертоном нашего общественного развития и духовной зрелости, давали надежду на то, что нам не достанется перспектива, в минуту горьких предчувствий нарисованная Марасиновой:

Освободиться от оков,
И каяться, и ждать мессию,
Чтобы от собственных врагов
В который раз спасти Россию⁵⁶.

⁵⁶ *Марасинова Л.М. Моим землякам. С. 81.*

Н.Л. Еловская

**ДМИТРОВСКИЙ КРАЕВЕД РОМУАЛЬД ФЕДОРОВИЧ ХОХЛОВ
(1936–2001):
К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ**

Время бежит неумолимо, все дальше оно отдаляет нас от человека, всю свою жизнь посвятившего изучению истории Дмитровского края. Жизненный путь Р.Ф. Хохлова может служить примером бескорыстного и фанатически преданного служения своему призванию.

Родился Р.Ф. Хохлов 7 ноября 1936 г. в г. Ржеве Тверской области в семье кадрового военнослужащего. Отец Федор Петрович – политработник, мать Анна Григорьевна – педагог. Свое редкое имя Ромуальд он получил в честь видного военного Ромуальда Адамовича Муклевича (1890–1938).

Семье военнослужащего выпало на долю более десяти лет скитаний от Вольска и Ржева... в Монголию, Забайкалье, затем Казахстан, Крым. Из четырех детей выжили двое – средний Ромуальд и старший Владлен. В 1948 г. в Крыму умер Владлен. После Крыма были и другие места, куда забрасывала семью военная служба отца.

В 1956 г. семья приехала из Хабаровска в Дмитров. С 1956 по 1958 г. Р.Ф. Хохлов проработал токарем на Дмитровском заводе фрезерных станков. В 1958 г. он поступает в Московский государственный университет на филологический факультет. Учеба в альма-матер заложила в нем фундаментальные знания, интерес к науке, познакомила с замечательными людьми. С большой теплотой и уважением он вспоминал своего педагога Виктора Дмитриевича Дувакина, у которого защищал свою дипломную работу по творчеству В.В. Маяковского. В 1963 г., окончив университет по специальности “Русский язык и литература”, он едет по распределению преподавателем русского языка и литературы в село Софиевка Абдулинского района Оренбургской области. Проработав там два года, он возвращается в Дмитров и в сентябре 1965 г. устраивается на работу в Дмитровский районный краеведческий музей научным сотрудником, «осуществив мечту, возникшую вскоре же по приезду в Дмитров и первого визита в музей в качестве “простого посетителя”».

Вскоре после прихода на работу в музей он занялся разбором большого архива, документы которого послужили темой его исследовательских работ и публикаций в Археографических ежегодниках Академии наук СССР: “М.Н. Тихомиров и Дмитровский музей” (АЕ за 1968 год. М., 1970); “Личные фонды краеведов-историков в архивном собрании Дмитровского музея” (АЕ за 1970 год. М., 1971); “Фонд П.А. Кропоткина в собрании Дмитровского музея” (АЕ за 1974 год. М., 1975); “70 лет на службе культуре: [о Дмитровском музее]” (АЕ за 1988 год. М., 1989).

Не случайно Сигурд Оттович Шмидт предложил ему место аспиранта, выделенное для Археографической комиссии. Годы учебы в аспиранту-

ре (1969–1970 гг.) и общения с С.О. Шмидтом оставили в душе Ромуальда Федоровича неизгладимый след. На протяжении всей своей жизни он поддерживал связь со своим учителем. Незадолго до смерти Р.Ф. Хохлова С.О. Шмидт, помня о своем ученике, прислал ему сборник “Источниковедение и краеведение в культуре России: к 50-летию служения С.О. Шмидта Историко-архивному институту”.

Р.Ф. Хохлов не защитил кандидатскую диссертацию, но, по словам профессора А.И. Аксенова “без всякого сомнения, по объему знаний, уровню научного мышления был сложившимся ученым”.

Образованность, талант и огромный научный и творческий потенциал всегда вызывает зависть и недоброжелательство, а если прибавить бескомпромиссность и бунтарский характер научного сотрудника, то можно представить, с какими трудностями приходилось сталкиваться Р.Ф. Хохлову на протяжении всей 35-летней работы в музее. Сухие строки из послужного списка об этом говорят весьма красноречиво:

1965–1978 гг. – научный сотрудник музея,

1979–1987 гг. – экскурсовод и старший методист Дмитровского бюро путешествия и экскурсий, инструктор Дмитровского городского Совета по туризму и экскурсиям,

с 1987 г. – старший научный сотрудник Дмитровского историко-художественного музея,

с 1994 г. – ученый секретарь,

с 1997 г. – заведующий архивом кинофотодокументов,

с декабря 1997 г. – “переходит” на должность внештатного сотрудника-консультанта музея-заповедника “Дмитровский кремль” в связи с выходом на пенсию и по состоянию здоровья.

Оказавшись вне музея, тяжело пережив потерю своего рабочего места и привычного образа жизни, он смог еще четыре года напряженно трудиться, подрабатывая себе на жизнь публикациями в местной прессе. За эти годы он опубликовал более 70 статей и заметок, принимал участие в редактировании краеведческого сборника “Край наш Клинский”, участвовал в научно-практических конференциях, оказывал методическую и практическую помощь центральной районной библиотеке.

Чтобы оценить значение творческого наследия Р.Ф. Хохлова, необходимо собрать воедино все, что было им опубликовано за 35 лет деятельности. Первым шагом в этом направлении стал библиографический указатель, выпущенный в 2005 г. Дмитровской центральной районной библиотекой, в который вошло более двухсот работ краеведа¹ и сборник его работ, посвященный 70-летию со дня рождения².

Фонд Р.Ф. Хохлова, хранящийся в архиве музея-заповедника “Дмитровский кремль”, насчитывает 558 единиц хранения. Это рукописи статей, литературных зарисовок, рецензий, отзывов, текстов выступлений, экскурсий, биографические материалы за 1967–1973 гг., а также диссертация, монографии о Дмитрове, личные дневники, письма.

¹ Р.Ф. Хохлов: библиографический указатель / сост. Н.Л. Еловская. Дмитров, 2005. 28 с. Машинопись.

² Хохлов Р.Ф. Сборник работ / сост. Н.Л. Еловская; ред. и автор предисловия А.И. Аксенов. Дмитров, 2006. 151 с. Машинопись.

Большая часть библиотеки Р.Ф. Хохлова (945 книг) была передана в Литературный фонд музея. В основном это книги по различным отраслям знаний. Некоторые – с дарственными надписями. Библиотека, которую собирал Р.Ф. Хохлов на протяжении всей жизни, говорит о его разносторонних интересах и профессиональном подходе в выборе книг.

Среди многообразия тем исследований Р.Ф. Хохлова, выделяются несколько, к которым он обращался снова и снова на протяжении всей жизни. Одна из них – Петр Алексеевич Кропоткин, проживший последние два с половиной года в Дмитрове. Начиная с 1967 и до 2001 г. не прерывается поток публикаций о нем: обзор фонда П.А. Кропоткина, хранящегося в музее, связи ученого с Дмитровском музеем, Союзом кооперативов, Кропоткин и Толстой, биографический очерк “Вехи большой жизни” (К 150-летию со дня рождения).

В Дмитровском музее Ромуальд Федорович возглавлял работу по воссозданию мемориального музея П.А. Кропоткина в Дмитрове, в доме Олсуфьевых, ратовал о восстановлении музея в Москве. В память ученого он выступал с докладами на всех кропоткинских конференциях, проходивших в Москве, Ленинграде, Дмитрове. На Международной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения П.А. Кропоткина, проходившей в Москве в 1992 г., Ромуальд Федорович как член Комиссии по научному наследию П.А. Кропоткина при Российской академии наук не только выступил с докладом, но и руководил работой секции.

Последний раз он приехал на заседание “круглого стола”, посвященного 80-летию со дня кончины П.А. Кропоткина, в Историко-архивный институт в феврале 2001 г. Вскоре в местной газете появляется статья, в которой Р.Ф. Хохлов подытоживает для себя кропоткинскую тему: из опыта последних лет жизни в России теоретик анархизма не увидел перспектив для широкого распространения идей анархизма в нашей стране, отсюда его интерес к кооперации, народному самоуправлению и федерализму, “именно эти стороны многогранной деятельности Петра Алексеевича найдут достойное отражение в воссоздаваемом мемориальном музее П.А. Кропоткина”.

Ромуальд Федорович – автор очерков о Дмитрове и Яхроме, которые были опубликованы в трехтомнике “Города Подмосковья” (М., 1980). Значительная часть краеведческого пособия “Дмитровский край” (Дмитров, 1993) состоит из его работ.

Р.Ф. Хохлов брал на себя смелость говорить и писать о “белых пятнах” в истории Дмитрова. Так, в сборнике “Память сердца: Дмитровский район в годы Великой Отечественной войны” (Дмитров, 1995), он поместил очерк об опальном маршале артиллерии, земляке, Герое Советского Союза – Сергее Сергеевиче Варенцове (1900–1971), вычеркнутом из истории не только города, но из истории Великой Отечественной войны из-за скандального дела Пеньковского. Сейчас имя С.С. Варенцова увековечено. В дни празднования 100-летнего юбилея знаменитого земляка был установлен памятный камень недалеко от дома, где он родился, в музее хранятся документы и вещи, переданные его родными.

Время, когда Р.Ф. Хохлов начал свою деятельность, не давало ему возможность свободно заниматься тем, к чему так стремился его пытливый ум и талант исследователя. Так, в конце 1960-х годов, разбирая архив музея,

он обнаружил документы, связанные с историей Дмитлага. Работать над этой темой в то время было невозможно. Только в 1988 г. ему удалось напечатать статью “Дело местного масштаба”, в которой он изложил историю противостояния сотрудников музея, с одной стороны, и ОГПУ – с другой, против выселения музея Дмитровского края с территории Борисоглебского монастыря и размещения там Управления канала и Дмитлага. Эта тема стала возможна для изучения последующим поколением местных краеведов.

Ромуальд Федорович не написал книгу о канале, но, сколько он успел сделать: его перу принадлежат прекрасные очерки о купцах Толченых и Тугариновых, дворянах Норовых и Чаадаеве, Толстом и Олсуфьевых, Кропоткине и дмитровских кооператорах, краеведах, Голицыных и “дмитровских чудаках”.

С годами он стал настоящим знатоком Дмитровского края, “ходячей энциклопедией”. У него учились молодые, начинающие музейные сотрудники, к нему обращались за справкой, советом и помощью. Скольким студентам, аспирантам он помог. Подобной щедростью иногда пользовались люди не совсем порядочные. Так, в 1969 г. им был написан один из лучших очерков “Размышления у портрета или история неразделенной любви” – об истории взаимоотношений Евдокии Норовой и Петра Чаадаева, опубликовать который Ромуальду Федоровичу не удалось. По рекомендации одного из его друзей, к нему обратился молодой литератор Борис Тарасов, работавший над книгой о Чаадаеве для популярной серии “ЖЗЛ”. Р.Ф. Хохлов отдал ему один из машинописных вариантов своего очерка и познакомил с другими материалами, касающимися Норовых и их окружения. Используя эти материалы, без ссылки на автора и несколько дополнив их, Б. Тарасов опубликовал в 1982 г. статью в журнале “Огонек” “История неразделенной любви”, а затем включил эту историю в книгу о Чаадаеве.

Ромуальд Федорович первый вывел из забвения имя Владимира Михайловича Голицына – художника, моряка и изобретателя детских игр. В 1968 г. он заинтересовался работами этого художника, хранившимися в музее. При разборе архива он обнаружил фотокопию письма М. Горького с отзывом на игру В.М. Голицына “Пираты” и опубликовал небольшую заметку о своей находке в районной газете “Путь Ильича”. Вскоре в музей пришел младший сын художника Илларион. С тех пор завязалась дружба с семьей Голицыных. Одна из последних работ Р.Ф. Хохлова – биографический очерк “Время возвращения” – посвящена 100-летию со дня рождения В.М. Голицына, сложному пути возвращения из небытия талантливого художника, погибшего в годы сталинского тоталитаризма.

Давняя мечта Ромуальда Федоровича – издание дневниковых записей В.М. Голицына “Дмитровские чудаки” – осуществилась. Но это произошло не в Дмитрове, а в Москве уже после его смерти. Илларион Голицын издал их в журнале “Юность” в 2003 г. Автор “Дмитровских чудаков” запечатлел целую галерею местных жителей. Почти все они “бывшие” интеллигенты, судьбы которых впоследствии сложились трагически. Это А.П. Любимов – талантливый самоучка, свободолюбивый художник А.Т. Гревцев, Г.И. Ростовцев – санитарный врач и библиотекарь, музейные работники, сам В.М. Голицын. Многие “чудаки” – люди неординарные, талантливые и гонимые новой властью, оставили после себя заметный след в истории

города. Если продолжить этот список, то имя Ромуальда Федоровича займет в нем достойное место.

Ромуальд Федорович искренне радовался открытиям и новым книгам других авторов. Он был инициатором презентации в Дмитрове книги З.И. Поздеевой “Вспоминая забытого поэта” о Льве Николаевиче Зилове, о котором писал задолго до появления книги, как о потомке Франца Гарднера и авторе поэмы “Дед”. Строки из ее главы “Уездный город”, посвященные Дмитрову, он бесконечно любил цитировать:

Пять тысяч жителей, шесть винных лавок;
Шинки везде, трактир – второй разряд;
Завод колбас, к которым нужен навык;
Завод литья да кузниц длинный ряд.

Отдавая дань уважения своим предшественникам, музейщикам “золотого десятилетия” краеведения – будущему академику М.Н. Тихомирову, К.А. Соловьеву, М.С. Померанцеву, И.А. Смирнову и многим другим, Ромуальд Федорович посвящал им исследовательские работы, небольшие очерки.

Будучи знатоком Дмитровского края, Р.Ф. Хохлов оставил после себя целую серию статей об улицах, домах, площадях Дмитрова и о достопримечательностях района. Памятники истории и архитектуры, одна из самых острых тем, всегда была в центре его внимания. К его голосу прислушивались, он смело высказывал критические замечания в любой адрес.

В одной из последних статей “Время итогов” Ромуальд Федорович, говоря о своей 35-летней научно-просветительской деятельности, напутствует своих последователей: «непростая это наука – история, а очень даже сложная. Да и не “хлебная” к тому же. И все же: сколько за это время было открытий (больших и маленьких). Это для меня компенсирует все невзгоды и неприятности. Бог с ними, думается, неприятности пройдут, а история и культура вечны, по крайней мере, до тех пор, пока на Земле сохранится хоть один человек. Его жизнь и будет окончанием (или продолжением) истории...»

В.Б. Жиромская

**АКАДЕМИК Ю.А. ПОЛЯКОВ –
ИНИЦИАТОР ПУБЛИКАЦИЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ
СТАТИСТИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ 1930-х ГОДОВ**

Научная общественность отметила 85-летие Юрия Александровича Полякова¹. С именем этого выдающегося историка связаны лучшие достижения нашей науки, он является хранителем ее традиций и в то же время генератором новых направлений в ее дальнейшем развитии.

Более 60 лет деятельность Юрия Александровича связана с ИРИ РАН (ранее – Институт истории АН СССР, затем – Институт истории СССР АН СССР).

При общении с Юрием Александровичем трудно поверить в его возраст. Перед нами полный жизненных сил и творческих планов ученый. Потенциал накопленных им знаний, опыта и его природного дарования неисчерпаем. Немногие ученые наделены даром исторического видения, обгоняющего время, которым щедро награжден Юрий Александрович. Безусловно, талант всегда имеет природную основу, но в данном случае ему сопутствует и необъятная эрудиция, знания, накопленные кропотливым трудом. Его манера говорить и писать неповторимо блестящи, она говорит о литературном даровании, присущем лучшим представителям исторической мысли.

Круг интересов Юрия Александровича обширен. Он всегда в курсе событий, которыми живут наша страна и весь мир. Приходится удивляться его работоспособности, которая позволяет ему регулярно знакомиться с научными трудами коллег, а также читать массу газет и журналов, не прерывая творческой деятельности над собственными трудами, статьями и монографиями.

Выдающийся ученый-историк Ю.А. Поляков – автор более 600 трудов. Успешное решение Юрием Александровичем ряда фундаментальных проблем исторической науки получило признание не только у нас в стране, но и за рубежом. Он является лауреатом Государственной премии СССР, лауреатом премии им. В.О. Ключевского, награжден орденом Почета и медалями.

За крупный вклад в развитие исторической науки Ю.А. Полякова избрали в 1966 г. членом-корреспондентом АН СССР, а в 1997 г. – действительным членом РАН.

¹ См.: *Жиромская В.Б., Морозов С.Д.* Выдающемуся ученому России – академику Юрию Александровичу Полякову – 85 лет // Основные проблемы гуманитарного знания: Сборник научн. трудов. Пенза, 2006. Вып. 5. С. 37–43; о Ю.А. Полякове см. также: Этот противоречивый XX век. К 80-летию со дня рождения академика РАН Ю.А. Полякова / Отв. ред. академик Г.Н. Севостьянов. М., 2001. Т. 1; *Жиромская В.Б.* Академик Юрий Александрович Поляков – учитель и ученый // Там же. С. 7–19; *Севостьянов Г.Н., Жиромская В.Б.* Юбилей академика РАН Юрия Александровича Полякова // ОИ. 2001. № 5. С. 121–122.

тельным членом РАН. Талант Юрия Александровича многогранен. Его перу принадлежат монографии, мемуары, статьи, очерки и т.д. Будучи еще молодым ученым, Юрий Александрович стал одним из авторов солидного шеститомного издания “История Москвы”. Он был членом Главной редакции многотомной “Истории СССР с древнейших времен до наших дней”, членом редколлегии второй серии издания и много сил отдал подготовке в качестве ответственного редактора восьмого тома (М., 1967). В качестве автора и редактора Юрий Александрович участвовал в подготовке таких многотомных изданий как “Всемирная история”, “История крестьянства”, “История советского рабочего класса”, “История Северного Кавказа”, “История Белорусской ССР”, “История Якутской АССР” и многих других.

Ю.А. Поляков – автор монографий, не потерявших своего значения и в наши дни: “Переход к НЭПу и советское крестьянство” (М., 1966), “Советская страна после окончания Гражданской войны: Территория и население” (М., 1986). Его полемическая книга “Наше непредсказуемое прошлое: Полемические заметки” (М., 1996) имела широкий общественный резонанс. Поляков предостерегал от одностороннего подхода в рассмотрении исторических событий и явлений, призывал к новому осмыслению прошлого нашей страны во всей его сложности и противоречивости. Значение этих работ трудно переоценить. Время оказалось на стороне Ю.А. Полякова: страсти улеглись, и стало возможным объективно исследовать исторический процесс. В своих мемуарах “Историческая наука: Люди и проблемы” (Кн. 1–2. М., 1999, 2004) Ю.А. Поляков знакомит с творческой лабораторией известных отечественных историков – академиков М.Н. Тихомирова, М.В. Нечкиной, Н.М. Дружинина и др.

Юрий Александрович известен и как публикатор источников, создававших документальную базу для объективного освещения исторических событий. Являясь ответственным редактором журнала “История СССР”, он взял на себя смелость, несмотря на препоны жесткой цензуры, опубликовать мемуары В.В. Шульгина, а затем – воспоминания А.И. Деникина, которые открывались его обстоятельным предисловием. Эти издания, вышедшие в “застойное” время, не остались для публикатора безнаказанными.

Публикация архивных документов и материалов – это целая полоса в творческой деятельности Ю.А. Полякова. Она неразрывно связана с возрождением исторической демографии, у истоков которой он стоял.

В начале 1983 г. по инициативе Ю.А. Полякова была создана при Отделении истории АН СССР Комиссия по исторической демографии и исторической географии, а осенью того же года в журнале “Вопросы истории” была опубликована информация о первых заседаниях Комиссии по поводу принципиальных проблем развития исторической демографии: определения ее места как особой области знания в исторической науке, предмета и основных методов исследований. Позднее Ю.А. Поляков как председатель Комиссии принял участие в сотрудничестве со специалистами Госкомстата СССР, Министерства обороны СССР и МГУ им. М.В. Ломоносова в исчислении людских потерь в годы Великой Отечественной войны.

В 1984 г. Комиссия была преобразована в Научный совет АН СССР по исторической демографии и исторической географии, который объединил историков-демографов всей страны (их было тогда немного). Совет провел ряд всесоюзных и всероссийских конференций по исторической демогра-

фии. На многих из них Юрий Александрович выступал с теоретическими докладами. География этих конференций была широкой и охватывала не только РСФСР, но и Прибалтику, Молдавию, Украину, Азербайджан, Белоруссию. Конференции были очень плодотворными: они позволили поднять на высокий теоретический уровень изучение историко-демографических проблем и основать целую сеть секций Совета: в Эстонии, на Украине, в Молдавии, Азербайджане, в городах Уфе, Казани, Свердловске, Новосибирске, Томске, Пензе, Курске и т.д.

В 1992 г. Ю.А. Поляков организовал в ИРИ РАН Центр по изучению истории территории и населения России, который он возглавляет поныне. Именно с деятельностью Центра и Научного совета связана работа над изданием переписей населения.

Начало этой стороне деятельности Ю.А. Полякова положила скрупулезная работа над переписями 1920 и 1926 гг. Результаты последней нашли отражение в упоминавшейся выше книге “Советская страна после окончания Гражданской войны: Территория и население”.

Излишне говорить о том, насколько подвижными были границы России в годы Гражданской войны, насколько отрывочными были статистические сведения о ее населении. Перепись 1920 г. охватила отнюдь не все районы страны и осуществлялась в военное время. Надо было потратить годы кропотливой работы над выяснением и сопоставлением разного рода противоречивых данных, выяснить при этом географию размещения и численность каждой народности из населявших тогда нашу страну. Юрий Александрович разработал новую методику ретроспективного восстановления динамических рядов численности населения за 1917–1926 гг. Исчисления базировались на данных переписи 1926 г., а также на данных текущего учета естественного и механического движения населения за указанные годы. В результате он охарактеризовал динамику населения по различным регионам и по стране в целом (в разных территориальных вариантах). Были составлены оригинальные таблицы по численности и удельному весу различных народов, населявших страну в тот период. Дана была взвешенная оценка людских потерь в Первой мировой и Гражданской войнах. Трудно переоценить значение этой работы, ставшей опорной для изучения демографической истории.

Присущие Юрию Александровичу особая любовь к этому виду источников и дар научного предвидения позволили ему направить усилия демографической группы, работавшей в рамках возглавляемого им Центра, на поиски статистики 1930-х годов. Это случилось как только в процессе Перестройки стали рассекречиваться архивные материалы. “Ищите запрещенную перепись населения 1937 года! – Напутствовал он нас, своих сотрудников. – Без этого опорного источника нельзя серьезно говорить об изучении проблем исторической демографии, прежде всего численности населения в 1930-е годы”.

Вопрос о численности населения СССР в 1930-е годы был принципиально важным, поскольку был связан с людскими потерями в годы голода 1932/33 гг., массовых репрессий, раскулачивания, насильственных переселений. Официальный прогноз Госплана СССР был ориентирован на численность населения в 1937 г. в 180 млн человек и базировался на исчислениях, сделанных на основе высокого прироста населения середины 1920-х годов

и ошибочной концепции “расширенного воспроизводства населения при социализме”. Исходя из этих данных, И.В. Сталин на XVII съезде ВКП(б) назвал цифру численности населения СССР на конец 1933 г. – 168 млн человек. Перепись 1937 г. не подтвердила этих данных и показала большую убыль населения. Ее итог составил 162 млн человек. Такие данные не могли удовлетворить советское руководство. Но не только они вызвали недовольство. Рушился миф о сплошной грамотности населения (перепись показала наличие значительного числа абсолютно неграмотных во всех возрастных группах, особенно среди женщин, во всех регионах, не только в сельской местности, но и в городах). Не подтвердился тезис и о всеобщем атеизме: большинство взрослого населения, в том числе молодого, самоопределилось при прохождении переписи как верующее. Главное же, материалы переписи выявили на территории России, Украины, Казахстана районы, где даже в 1937 г. все еще ощущались последствия людских потерь во время голода 1932/33 гг. Обнажились и районы концентрации заключенных, последние в некоторых случаях превышали по численности коренное население.

В итоге перепись была признана Специальным постановлением СНК СССР “дефектной”, “умышленно испорченной врагами народа”. Ее организаторы подверглись репрессиям, многие были расстреляны. Материалы переписи были строго засекречены. Ходили слухи, что они были уничтожены, погибли во время пожара или затопления хранилища.

В действительности же оказалось, что основной массив итогов переписи 1937 г. сохранился, причем в нефальсифицированном виде, а сама перепись была проведена с высокой степенью точности. Проверки ее итогов, проводившиеся в ходе и сразу после ее окончания, оценки специалистов – ее современников и работавших с ней в 1990-е годы в России и за рубежом – неизменно подтверждали достоверность ее данных.

Найти эти материалы в конце 1980-х годов оказалось несложным. Сложным было другое. Во-первых, надо было получить допуск к ним, во-вторых – разрешение на их издание. Над переписью все еще довлело постановление СНК СССР о ее дефектности. Репрессированная перепись должна была быть реабилитирована.

В решении этих двух вопросов роль Юрия Александровича Полякова была главной. С упорством и решительностью он предпринимал всевозможные ходатайства в разные инстанции, вплоть до самых высоких, но и при этом лишь через два года добился допуска к материалам для ограниченного круга своих сотрудников и разрешения на публикацию переписи. Путь от получения разрешения до ее публикации был долгим и трудным. Уже подготовленные к публикации авторским коллективом материалы этой запрещенной переписи никто не спешил издавать.

Некоторые зарубежные издательства предложили нам свои услуги. Юрий Александрович решительно воспротивился передаче публикации этих материалов за рубеж. “Российская академия наук, – сказал он тогда, – должна быть первым публикатором переписей населения 1930-х годов”.

Тогда от имени ИРИ РАН обратились в журнал “Социологические исследования”. Там заинтересовались, но потребовали под публикацией личной подписи Полякова и, получив ее, продолжали беспокоиться: “А можно ли надеяться на то, что Ю.А. Поляков не снимет в самый последний мо-

мент своего имени?” Ведь без солидного имени такая публикация не могла увидеть света. Прямо из редакции мы позвонили Юрию Александровичу и сразу услышали в ответ: “Пожалуйста, я готов нести ответственность за эту публикацию!” Так были опубликованы впервые фрагменты этой переписи (1990 г.). Именно в России. Первый сборник ее итогов был опубликован на ротапринте в ИРИ в 1991 г. Ю.А. Поляков возглавил эту публикацию в качестве ответственного редактора. Впоследствии материалы этой переписи публиковались и за рубежом, и в России, однако, первоиздателями остались ученые Российской академии наук. Ротапринтное издание было малотиражным и скоро превратилось в библиографическую редкость.

Трагической судьбе переписи, аналитическому осмыслению ее итогов была посвящена книга, написанная Ю.А. Поляковым в соавторстве с В.Б. Жиромской и И.Н. Киселевым «Полвека под грифом “секретно”: Всесоюзная перепись населения 1937 года». Книга была направлена в издательство в 1990 г., но увидела свет лишь в 1996 г.

Однако настоящий ученый никогда не успокаивается и не останавливается на полдороге. Уже были и журнальная, и книжная публикации, не только в России, но и в Нью-Йорке (в 1992 г. с участием уже названных авторов), но Юрий Александрович мечтал о полном издании сохранившихся итогов переписи, включая ее подготовительные материалы и переписку правительственных органов вокруг итогов. Такие материалы были выявлены публикаторской группой в архивах, устойчивый интерес к ним сохранялся и у научной, и у широкой общественности. Однако “пробить” публикацию было вновь непросто. Основной причиной теперь стала дороговизна и техническая сложность издания. Вполне реальные, но оттого не менее трудно преодолимые причины.

Вновь пришлось длительное время искать издательство, которое бы взяло на себя эти расходы и при этом обладало необходимой для такого сложного издания технической базой и квалификацией. Такое издательство было найдено – РОССПЭН.

В результате появилось новое издание переписи 1937 г., включившее практически весь комплекс ее сохранившихся данных². Документы сборника позволяют дать всестороннюю характеристику населения в тот сложный исторический период: численности, возрастно-полового и национального состава, занятий, уровня грамотности и образования. Они проливают свет на остродискуссионный вопрос о людских потерях в 1930-е годы, обнажают “демографические ямы” в возрастной пирамиде населения. В книге содержатся уникальные данные об отношении населения к религии. Кроме итогов переписи представлены материалы машиносчетных станций, частично восполняющие утраченные региональные сведения. Включены ранее абсолютно секретные материалы по подготовке и проведению переписи, в том числе переписка органов статистики с ЦК ВКП(б) и СНК СССР. Особый раздел составляют спецпереписи заключенных тюрем и лагерей, проведенные НКВД в рамках гражданской переписи. Сборник снабжен вступительными статьями и комментариями.

Во время поисков переписи 1937 г. был обнаружен огромный массив неопубликованных материалов Всесоюзной переписи населения 1939 г.

² Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги: Сб. док-тов и мат-лов / Отв. ред. Ю.А. Поляков; Сост.: В.Б. Жиромская, Е.А. Тюрина, Я.Е. Водарский и др. М., 2007. 320 с.

В свое время была опубликована лишь незначительная часть ее общих итогов, уместившаяся на четырех страницах газеты “Правда”. Организаторы этой переписи были награждены. Удалось однако издать основные итоги переписи только офсетом. Но, главное, они увидели свет: “Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги” (М.: Наука, 1992). При большом участии Юрия Александровича как ответственного редактора была подготовлена вторая часть этого издания, включавшая в себя материалы собственно по России (“Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. Россия”). Юрий Александрович добился, чтобы вторая часть отличалась высокой культурой издательского оформления. Рукопись эта была направлена для печати в Санкт-Петербург. На ее издание было потрачено также немало лет и немало усилий со стороны публикаторской группы во главе с Поляковым. Вторая часть материалов переписи 1939 г. увидела свет к своему юбилею, в 1999 г.

В свои 85 лет Юрий Александрович полон жизненных сил и энергии, и мы еще надеемся, что ему удастся пробить издание уникальных региональных материалов переписи 1939 г., которые так и остаются до сих пор в пыли архивов.

Е.И. Анненкова, Л.Е. Ляпина

К ЮБИЛЕЮ Б.Ф. ЕГОРОВА

В одной из своих работ об основателе славянофильства А.С. Хомякове Б.Ф. Егоров написал: “Разносторонность Хомякова была принципиальной, обосновывалась им теоретически. Он верил в разнообразие интересов человека, в идеал гармонической универсальности творческой природы, в то, что широта кругозора лишь будет способствовать углубленным занятиям в отдельных сферах”¹. Эти слова могут быть интерпретированы как своего рода самопризнание ученого. Из всех славянофилов Хомяков, пожалуй, ему ближе всего, понятнее, даже родственнее. Разносторонность и интересов, и занятий присуща обоим, и для нашего времени она имеет особую ценность, даже уникальность: разносторонность – при развитости отдельных отраслей и подотраслей всех наук – вещь нечастая. Борисом Федоровичем Егоровым сделано столь многое, что уже одно, даже неполное, перечисление всех его трудов стало бы содержательной характеристикой разнородных научных занятий: история и теория литературы, литературная критика, поэтика художественного текста, история общественной жизни и мысли, культурология, семиотика, краеведение. Его перу принадлежат академические штудии и заметки, научные монографии и биографические статьи, учебные пособия и мемуары, публикации и комментарии. К счастью, библиография научных работ ученого издавалась, и не раз². Поэтому имеет смысл обратить внимание на те аспекты научной деятельности Б.Ф. Егорова, которые более всего раскрывают его индивидуальность и которые наиболее активно влияли на отечественное литературоведение. Можно заметить, что интерес к “первоисточникам”, т.е. к рукописному наследию писателей, критиков, публицистов, историков, дал о себе знать в самом начале научных занятий и сохранился до наших дней. Введено в научный обиход великое множество рукописных материалов: писем, статей, неопубликованных редакций художественных произведений. Одна из самых ранних публикаций – «Лекции Н.А. Добролюбова о русской литературе. “Конспекты” Н.А. Татариновой (1857 г.)»³. Сопровожденная вступительной статьей и комментариями, она положила начало дальнейшему, длительному и обстоятельному, изучению творчества Н.А. Добролюбова. Особо следует выделить публикацию эпистолярного наследия русских писателей и критиков, потребовавшую для составления обширного комментария знаний самого разного рода: историографических, культурно-бытовых, фило-

¹ *Егоров Б.Ф.* От Хомякова до Лотмана. М., 2003. С. 102.

² Последние выпуски: Борис Федорович Егоров: (К 75-летию со дня рождения): Библиогр. указ. / Сост. С.А. Николаева. СПб., 2001; Борис Федорович Егоров: (К 80-летию со дня рождения): Библиографический указ. 2001–2006 гг. / Сост. С.А. Николаева. СПб., 2006.

³ Лекции Н.А. Добролюбова о русской литературе. “Конспекты” Н.А. Татариновой / Вступ. ст., публ., примеч. Б.Ф. Егорова // Литературное наследство. М., 1959. Т. 67. С. 223–258.

софских, теоретико-эстетических. Так, Б.Ф. Егоровым в “Ученых записках Тартуского государственного университета” в 1960–1980-х годы были опубликованы письма Ап. Григорьева к разным адресатам: Н.Н. Страхову⁴, В.Ф. Одоевскому⁵, М.П. Погодину⁶. Также последовательно публиковались, например, письма В.П. Боткина к М.А. Бакунину⁷. Если же проследить дальнейшую судьбу этих и подобных публикаций, то можно заметить, что ни одна из них не оказалась единичной, случайной, напротив, каждая заняла свое органичное место в составе того или иного целостного, завершенного труда. В издательстве “Наука” вышла объемная книга эпистолярного наследия Ап. Григорьева⁸. Еще ранее были изданы статьи критика⁹, в серии “Литературные памятники” вышли воспоминания¹⁰, в 1990 г. – “Сочинения” в двух томах¹¹. Столь всестороннее изучение материала не могло не завершиться (во всяком случае, у такого исследователя, как Б.Ф. Егоров) написанием обобщающей книги об Ап. Григорьеве¹².

Наследие В.П. Боткина было издано в сборниках “Литературная критика. Публицистика. Письма” (М., 1984) и “Письма об Испании” (Л., 1976) (совместно с А. Звигильским), а материалы, связанные с жизнью и деятельностью не только В.П. Боткина, но и представителей его рода в целом опубликованы в книге серии “Преданья русского семейства” – “Боткины” (СПб., 2004).

В завершающей книге, как правило, не повторяются публикации, осуществленные ранее; они либо становятся основой для создания психологически точного портрета, либо удостоверяют те или иные факты творчества, либо вносят уточнение в характеристику исторического времени, идеологических споров, развертывающихся в переломные эпохи. Так, в книге “Боткины” лишь упоминается письмо, опубликованное Б.Ф. Егоровым еще в 1963 г.¹³; а между тем, оно в свое время убедительно опровергло мнение исследователей, полагавших, что Боткин не бывал в Испании, а создал свои очерки, используя печатные источники. По рукописи другого письма (к И.С. Тургеневу), расшифровав зачеркнутую фразу, Б.Ф. Егоров восстанавливает истинное отношение В.П. Боткина к Н.А. Некрасову¹⁴.

⁴ Материалы об Ап. Григорьеве из архива Н.Н. Страхова / Обзор, публ., примеч. Б.Ф. Егорова // Учен. зап. ТГУ. 1963. Вып. 139. С. 343–350; Переписка Ап. Григорьева с Н.Н. Страховым / Вступ. ст., публ., примеч. Б.Ф. Егорова // Там же. 1965. Вып. 167. С. 163–178.

⁵ Переписка князя В.Ф. Одоевского с А.С. Хомяковым / Вступ. ст., публ., примеч. Б.Ф. Егорова // Учен. зап. ТГУ. 1970. Вып. 251. С. 335–349.

⁶ Письма Ап. Григорьева М.П. Погодину 1855–1857 гг. / Вступ. ст., публ., примеч. Б.Ф. Егорова // Там же. 1973. Вып. 306. С. 353–358; Письма Ап. Григорьева М.П. Погодину 1857–1863 гг. / Вступ. ст., публ., примеч. Б.Ф. Егорова // Там же. 1975. Вып. 358. С. 336–354.

⁷ Боткин В.П. Письма к М.А. Бакунину [1837–1838 гг.] / Вступ. ст., публ., примеч. Б.Ф. Егорова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1973 год. Л., 1976. С. 90–103; Он же. Письма к М.А. Бакунину [1838–1840 гг.] / Вступ. ст., публ., примеч. Б.Ф. Егорова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С. 88–128.

⁸ Григорьев Ап. Письма. М., 1999. (Литературные памятники).

⁹ Григорьев Ап. Искусство и нравственность. М., 1986.

¹⁰ Григорьев Ап. Воспоминания. М., 1988. (Литературные памятники).

¹¹ Григорьев Ап. Соч.: В 2 т. М., 1990. (Литературные памятники).

¹² Егоров Б.Ф. Аполлон Григорьев. М., 2000. (Жизнь замечательных людей: Серия биографий; Вып. 770).

¹³ Егоров Б.Ф. Отъезд В.П. Боткина в Испанию // Учен. зап. ТГУ. 1963. Вып. 139. С. 340–346.

¹⁴ Егоров Б.Ф. Боткины. СПб., 2004. С. 81. (Примеч.)

Опубликовав отрывок из письма Б.М. Маркевича к М.Н. Каткову, в котором шла речь о последних днях умиравшего в октябре 1869 г. В.П. Боткина, исследователь зафиксировал неизвестный прежде факт дружеских отношений с Боткиным Тютчева, Гончарова и Б. Маркевича¹⁵. В книге в целом содержится немало впервые публикуемых рукописных материалов. Частные письма воспринимаются как исторический документ, и в этом смысле ценность для Б.Ф. Егорова представляют эпистолярные материалы, независимо от содержащейся в них историко-литературной информации и времени их создания. Так, публикацию переписки Ап. Григорьева с Н.Н. Страховым Б.Ф. Егоров предваряет указанием на то, что данные письма самим Страховым не были включены в его публикацию писем Ап. Григорьева¹⁶, что они «посвящены или интимным фактам жизни Григорьева, или его резким нападкам на редакцию “Времени” и “Эпохи” [...] а больше всего – безвыходным мольбам о денежной помощи»¹⁷. Ученый принципиально приоткрывает некие завесы, закрывавшие для читателя сугубо личную жизнь писателя, даже если она, как может показаться, в чем-то снижает образ последнего. Любое личное содержит в себе историческое, частная жизнь сохраняет атмосферу времени, убежден Б.Ф. Егоров. При этом возникают характерные переключки времен, разных исторических эпох – в силу общности индивидуального, частного сознания мыслящих людей.

Любопытное суждение содержится в письме Ап. Григорьева Н.Н. Страхову, опубликованном в том же выпуске “Ученых записок Тартуского государственного университета”: “Что мы на время ненужные люди, это надо переварить. То, чему мы служили, во что веруем, т.е. дух истины, прекрасное, стремление, поверь мне, неиссякаемо и еще не раз поднимется к небу, если не стройным целым Парфенона и не стрелами готических соборов, то чем-нибудь другим, равно прекрасным, равно свидетельствующем о борьбе и силе духа”¹⁸. Б.Ф. Егорову неоднократно доводилось – также в ходе публикации эпистолярного наследия – выявлять существенные этические черты, свойственные изучаемым им русским критикам. Письма Ап. Григорьева к М.П. Погодину содержат интересный материал, освещающий подчас достаточно сложные отношения журналиста, критика и редакции журнала. При этом ценность представляют и те суждения, замечания, которые на первый взгляд кажутся сугубо частными. Как раз в них-то и проявляется напряженность этических отношений в сложные исторические периоды. В одном из писем Ап. Григорьева к М.П. Погодину (от 22 января 1857) приводится текст письма А.В. Дружинина, где тот сообщает, что не сможет опубликовать статью Ап. Григорьева о Ф. Соллогубе: «Нападать на Соллогуба после “Вестника”, “Современника” и т.д. я не могу по одной безумной причине, лежащей в основании моего характера. На него напала вся литература, и с этой минуты я скорей соглашусь пустить камнем в своего друга, чем в него»¹⁹.

Одно из приоритетных направлений в разносторонней научной деятельности Б.Ф. Егорова – это русская литературная критика. Ее проблемами он

¹⁵ Там же. С. 118. (Примеч.)

¹⁶ См.: Эпоха. 1864. № 9.

¹⁷ Переписка Ап. Григорьева с Н.Н. Страховым. С. 163.

¹⁸ Там же. С. 165.

¹⁹ Письма Ап. Григорьева М.П. Погодину 1855–1877 гг. С. 375.

занимается в начале своего исследовательского пути, в 1950–1960-е годы, на протяжении которых он издает более 50 книг, статей и всевозможных заметок по этой теме. Тогда же он разрабатывает и читает в ЛГУ и в Герценовском педагогическом институте курс лекций по литературной критике. Но и позже этот интерес сохраняется: появляются новые разработки, обобщаются более ранние, и в результате общее число публикаций, так или иначе затрагивающих проблемы критики, за последние годы удваивается.

Непосредственным предметом внимания Бориса Федоровича выступает литературно-критическая деятельность и наследие Н.А. Добролюбова, Н.Г. Чернышевского, Ап. Григорьева, В.П. Боткина, П.В. Анненкова, А.В. Дружинина, Н.Н. Страхова, В.Г. Белинского, Н.К. Михайловского, Д.И. Писарева, А.С. Хомякова, М.Л. Михайлова, а также многих авторов “второго ряда”: Н.И. Соловьева, А.И. Рыжова, В.Р. Зотова, С.Д. Полторацкого, С.С. Дудышкина и др., вплоть до С.М. Кирова. Интерес Б.Ф. Егорова к каждому из авторов имеет всесторонний характер: биография, творческий путь, эстетическая позиция, ее эволюция, связи и отношения с современниками, выявление новых фактов и документов, их анализ.

Так, обращаясь к изучению Н.А. Добролюбова (которому посвящено более 30 работ и публикаций, а также диссертация 1952 г. на соискание степени кандидата филологических наук “Н.А. Добролюбов и проблемы фольклористики”), Б.Ф. Егоров характеризует его фольклористическую и этнографическую деятельность, природу и поэтику его “реальной критики”, искусство Добролюбова-полемиста, особенности его человеческой личности, отношения с современниками и т.д. При этом принципиальной основой изучения выступает исторический документ.

Аналогичную картину представляют и серии работ Б.Ф. Егорова о других литературных критиках. Последние интересуют его как индивидуальности и деятели своего времени, мыслители и публицисты. Б.Ф. Егоров умеет видеть специфическое, интересное для понимания литературной и культурной жизни XIX в. в деятельности не только таких значительных фигур, как Страхов и Белинский, но и совсем малоизвестных, периферийных авторов. Так, к примеру, давая портрет чрезвычайно плодовитого литератора и журналиста В.Р. Зотова, исследователь вводит читателя в “кухню” журналистики второй половины XIX в., сопровождая текст публикацией неизданных рецензий и отзывов, демонстрирующих борьбу Зотова с А.Н. Майковым. Комментируя их, он приводит тексты писем и отзывов. В результате не только Зотов предстает любопытной фигурой своего времени, но и само время получает дополнительную рельефную характеристику, предстает в сложном взаимодействии многих и многих связанных литературой индивидуальностей²⁰.

Б.Ф. Егоровым создана целая библиотека работ по русской литературной критике XIX в. Результаты многолетних изысканий со временем обобщаются в книгах – научных, учебных, представляющих личность и творчество того или иного автора²¹.

²⁰ См.: Егоров Б.Ф. В.Р. Зотов – критик и публицист 1850-х гг. // Учен. зап. ТГУ. 1959. Вып. 78. С. 107–143.

²¹ См.: Егоров Б.Ф. Литературно-критическая деятельность В.Г. Белинского: Пособие для учителя. М., 1982; Он же. Николай Александрович Добролюбов: Книга для учащихся. М., 1986; и др.

Деятельность целого ряда критиков, сыгравших важнейшую роль в истории отечественной литературы и культуры (но отодвигавшаяся официальным советским литературоведением на второй план), требовала прежде всего представленности, научной обработки и публикации их наследия. Так появляются книги наследия В.П. Боткина и Ап. Григорьева²². Параллельно с этими академическими изысканиями Б.Ф. Егоров подготовил ряд учебных пособий по курсу литературной критики²³.

Еще в аспирантские годы у ученого родился замысел оригинальной монографии “Мастерство литературной критики. Жанры. Композиция. Стиль” (Л., 1980), ставшей началом системного изучения поэтики литературной критики. Существовавшие к этому времени многие частные, отдельные наблюдения над стилем, приемами критиков-литераторов, целостной картины они никак не составляли. Б.Ф. Егоров возвел такого рода изучение на новый уровень, выделив “художественную составляющую” литературной критики как посредника между литературой и читателем, причем посредника, использующего, в частности, эмоционально-эстетическое воздействие. Большой собранный и представленный в книге материал (от середины XIX в. до раннего марксизма) демонстрирует разнообразие и динамику форм литературной критики, связь приемов с методами и идеями, философско-мировоззренческой позицией каждого из авторов. Замысел Б.Ф. Егорова был потом продолжен А.М. Штейнгольд в ее ценной книге “Анатомия литературной критики: (Природа, структура, поэтика)” (СПб., 2003).

Многообразие методологических установок Б.Ф. Егорова стремится понять исходя из общественно-исторической ситуации (нормативность славянофилов, “антикатегоричность” критиков “чистого искусства”, романтизм Ап. Григорьева), которая, однако, не отменяет творческой индивидуальности стиля каждого (“цепевидные” рассуждения Добролюбова и многоаспектное, разветвленное развитие базовых тезисов Чернышевским). В результате русская литературная критика обретает облик уникального эстетического, поэтического организма со своими внутренними законами жизни, исторически создаваемого конкретными деятелями.

Для Б.Ф. Егорова остается актуальной и связь критики с более общими сферами истории. В “диалогии” “Борьба эстетических идей в России середины XIX века” (Л., 1982) и “Борьба эстетических идей в России 1860-х годов” (Л., 1991) мировоззренческие установки критиков и литераторов, их практическая деятельность, полемические столкновения, программы ведущих журналов представлены как единый эпохальный полилог.

К этого рода работам примыкает монография Б.Ф. Егорова “Петрашевцы” (Л., 1988), в которой, в частности, представлен обширный круг архивных материалов. Доскональное изучение архивных запасов ЦГВИА, ЦГАОР и ЦГИА позволило внести уточнения в хронологию “пятниц” М.В. Петрашевского и в состав их посетителей. Установлен характер деятельности лиц, близких петрашевцам, например, А.П. Беклемишева.

²² Боткин В.П. Письма об Испании. Л., 1976; *Он же*. Литературная критика. Публицистика. Письма. М., 1984; Григорьев А.А. Литературная критика. М., 1967; *Он же*. Искусство и нравственность. М., 1986.

²³ Егоров Б.Ф. Русская критика. В.Г. Белинский. А.И. Герцен. Н.Г. Чернышевский. Н.А. Добролюбов. Д.И. Писарев. И.С. Тургенев. И.А. Гончаров. М.Е. Салытков-Щедрин. Л., 1973; *Он же*. Очерки по истории русской литературной критики середины XIX века. Л., 1973; и др.

Использование рукописных материалов позволило также рассмотреть возникшие время от времени противоречия между членами кружков. В итоге небольшая по объему книга (по сравнению с другими монографиями Б.Ф. Егорова) обогатила фактическую картину деятельности кружка Петрашевского и проблематизировала ее содержательные аспекты.

Специальное внимание уделил Б.Ф. Егоров изучению славянофильства. Фактически первым в советском литературоведении он взялся за анализ славянофильской эстетики, приложив немало усилий и для того, чтобы выпустить отдельные издания художественных и публицистических произведений славянофилов. В 1969 г. увидела свет книга литературных трудов А.С. Хомякова со вступительной статьей и примечаниями ученого²⁴. Без этого издания были бы невозможны теперешние, уже, к счастью, многочисленные работы о его литературной деятельности. Не меньшую ценность представляет и книга статей А.С. Хомякова, выпущенная в издательстве “Современник”²⁵. Работам ученого, как о славянофилах, так и о западниках, присуще уникальное чувство меры. О пристрастиях самого исследователя можно догадаться, но они не довлеют над читателем, да, пожалуй, о них не приходится и говорить: это скорее способность ученого лично, заинтересованно относиться к предмету своего исследования, писать о нем с теплой интонацией сочувствия, восхищения, подчас с легкой иронией, но не измерять деятельность человека другой эпохи идеологическим критерием эпохи новой или собственными мировоззренческими принципами. Можно сказать, что Б.Ф. Егоров к своим “героям” подходит достаточно близко, чтобы их хорошо понять, но в то же время остается немного в стороне, удерживает себя на определенном расстоянии. Вероятно, это и есть позиция истинного ученого-гуманитария.

Назвав одну из книг последних лет “От Хомякова до Лотмана”, Б.Ф. Егоров не только обозначил диапазон своих интересов на протяжении нескольких десятилетий, но сформулировал один из существенных аспектов близкой ему методологии: «Постоянный интерес к сопоставлению по сходству и по контрасту всегда тянул меня к “плутарховым парам”, к сравнительным характеристикам наших выдающихся предков и современников»²⁶. Один из разделов книги так и называется – “Плутарховы пары” и включает в себя работы, написанные в разные годы: “В.П. Боткин и А.И. Герцен”, “Н.А. Добролюбов и Н.Г. Чернышевский”, “Булгаков и Гоголь”, “М. Бахтин и Ю. Лотман”.

Обстоятельно, академически дотошно изучая и реконструируя концепцию того или иного мыслителя, Б.Ф. Егоров всегда умеет сказать об уникальности его личности, о неповторимости присущих ему психологических черт. Так, анализируя историографию, публицистику, эстетику А.С. Хомякова, он неоднократно говорит о “веселости” основателя славянофильства, о склонности его к розыгрышам, о многомерности его внутреннего облика (о “дневном” и “ночном” Хомякове и т.д.). Учение, концепция принимают в себя черты личности их создателя, и, зная “веселость” (как поведенческую и мировоззренческую черту Хомякова), соседствующую с внутренним

²⁴ Хомяков А.С. Стихотворения и драмы. М., 1969.

²⁵ Хомяков А.С. О Старом и новом. М., 1988.

²⁶ Егоров Б.Ф. От Хомякова до Лотмана. С. 7.

трагизмом последних лет его жизни, мы, скорее всего, и славянофильское учение сумеем увидеть более многомерным, чем представляли прежде.

Поставив рядом с именем Хомякова имя Лотмана, Егоров тем самым утверждает сопряженность исторического с сегодняшним, актуальность интереса к современнику. И это тоже важный предмет его научных размышлений. Среди публикаций Б.Ф. Егорова – воспоминания о В.Я. Проппе, Д.С. Лихачеве, Е.А. Маймине, Е.Г. Эткинде, Б.О. Кормане, У.Р. Фохте, Я.С. Билинкисе и др. В недавно вышедшей книге “Воспоминания” (СПб., 2004) они соседствуют с воспоминаниями о родных и близких автора, представляющих историю семьи, рода, частного человека. Б.Ф. Егоров выступает хранителем и публикатором писем своих выдающихся современников. Так, в последние годы опубликована его переписка с Б.О. Корманом: 34 письма Кормана и 6 – Егорова²⁷. Чрезвычайно интересна переписка Д.Е. Максимова с Ю.М. Лотманом и З.Г. Минц, опубликованная в журнале “Звезда”²⁸. Диалог Максимова и Лотмана о дворянской революционности не утратил актуальности и для современного читателя, как и размышления об общественной, исторической роли ученого. “Вы – создатель русской науки о символизме, – писал Лотман Максиму. В этом ваша историческая заслуга”²⁹.

Фигура Ю.М. Лотмана – коллеги, единомышленника, близкого друга Бориса Федоровича, которого он знал на протяжении полувека – занимает в этом направлении деятельности Б.Ф. Егорова особое место. В фундаментальной книге “Жизнь и творчество Ю.М. Лотмана” (М., 1991) он соединил житейскую биографию ученого с последовательным анализом его научного наследия. В 1997 г. в серии “Языки русской культуры” Б.Ф. Егоров издал том писем Ю.М. Лотмана – родным, друзьям, коллегам и ученикам; всего 732 письма, отправленных полуторам десяткам адресатов³⁰.

Книга эта не только дает представление о мыслях, принципах, заботах Юрия Михайловича, но и формирует картину филологической и нравственно-общественной жизни его непростого времени. И подробные комментарии составителя играют в этом незаменимую роль. За этого рода деятельностью Бориса Федоровича – личный живой интерес и осознанная позиция.

Размышляя о природе гуманитарного знания, Б.Ф. Егоров всегда подчеркивает, что в тексте отражается личность его автора. А значит, текст способен дать всевозможные сведения об этой неповторимой личности.

В предисловии к “Письмам” Ю.М. Лотмана Борис Федорович утверждает, что о людях прошлого история должна знать все. Нам неизвестно, что нужно будет потомкам из нашего наследия, а значит, важнейшая наша задача – поиск и сохранение всевозможных сведений, которые завтра собрать и откомментировать будет уже труднее. В этом – исследовательская установка Б.Ф. Егорова, органично сочетающего в себе интересы литературоведа

²⁷ Переписка Б.О. Кормана с Б.Ф. Егоровым / Вступ. ст., примеч. Б.Ф. Егорова // Проблема автора в художественной литературе. Ижевск, 2003. С. 5–37.

²⁸ К столетию Д.Е. Максимова: Из переписки Д.Е. Максимова с Ю.М. Лотманом и З.Г. Минц / Подгот. текста, вступ. ст., примеч. Б.Ф. Егорова // Звезда. 2004. № 12. С. 110–144.

²⁹ Там же. С. 142.

³⁰ Лотман Ю.М. Письма: 1940–1993 / Сост., подгот. текста., вступ. ст. и коммент. Б.Ф. Егорова. М., 1997 (2-е изд. М., 2006).

и историка. Именно она придает целостность его личности ученого – и той богатой информации, которую его книги несут читателю.

А вот сформулировать какие-то подытоживающие слова об этой информации в целом представляется невозможным – просто потому что это процесс активно продолжающийся. Недавно вышла из печати монография “Русские утопии: Исторический путеводитель” (СПб., 2007), где прослеживается сложный путь утопий и антиутопий в отечественной культуре, от древнерусских народных представлений до романов XX в. Понятая широко, как мечта об идеальной жизни, утопия выступает своеобразной призмой, позволяющей осмыслить как российский менталитет, так и многообразие исканий думающего человека.

Размышления и работы Б.Ф. Егорова последнего времени сосредоточены на широком спектре вопросов – на проблеме провинциальной культуры³¹; роли интеллигенции³²; современном книгоиздании³³.

Б.Ф. Егоров готовит к изданию второй том писем Лотмана, дописывает и расширяет книгу воспоминаний для второго издания (ее будущие главы уже появляются в виде отдельных публикаций). На сегодняшний день общее количество научных публикаций Б.Ф. Егорова – около пятисот.

³¹ Егоров Б.Ф. О провинциальной культуре и региональном самосознании (ответы на вопросы Н.В. Серебренникова) // Сибирь в контексте мировой культуры: Опыт самоописания. Томск, 2003. С. 7–9.

³² Егоров Б.Ф. Интеллигенция и массовая культура // Русская интеллигенция. История и судьба. М., 2000. С. 208–214.

³³ Егоров Б.Ф. Новинки из глубинки: (Обзор за лето 2002 г.) // Новая русская книга. 2002. № 2. С. 83–85; *Он же*. Новинки из глубинки – 2 // Филологические записки. Воронеж, 2002. Вып. 18. С. 255–260; *Он же*. Новинки из глубинки – 3 // Филологические записки. Воронеж, 2003. Вып. 19. С. 277–281; *Он же*. Новинки из глубинки – 4 // Филологические записки. Воронеж, 2004. Вып. 21. С. 275–278; *Он же*. Новинки из глубинки – 5 // Филологические записки. Воронеж, 2004. Вып. 22. С. 280–285; *Он же*. Новинки из глубинки – 6 // Филологические записки. Воронеж, 2005. Вып. 23. С. 92–94.

ИСТОРИК И АРХЕОГРАФ А.Л. ЛИТВИН

18 декабря 2006 г. исполнилось 75 лет Алтеру Львовичу Литвину, доктору исторических наук, профессору, заслуженному деятелю науки Российской Федерации и Республики Татарстан.

А.Л. Литвин родился в Казани, в семье рабочего. В 1941 г. его отец по ложному обвинению был репрессирован, и Алтер – единственная опора для матери и трех младших сестер – вынужден был уйти из школы и продолжить обучение на механическом факультете техникума. Проучившись год, он стал рабочим на заводе гаражного оборудования. В 1950 г. А.Л. Литвин закончил вечернюю школу с серебряной медалью (получить золотую медаль ему помешал не дефицит знаний, талантов или упорства, а “политическая близорукость”: в выпускном сочинении он позволил себе сделать перенос в сакральном слове “Сталин”).

Уже в школьные годы А.Л. Литвин увлекался физикой, но о поступлении на физический факультет и работе в такой оборонозначимой области, как физика ему – сыну репрессированного – нечего было и думать. В 1950 г. Литвин поступил на историко-филологический факультет КГУ, в 1955 г. успешно защитил диплом по истории монголоведения в России. На протяжении всех лет учебы в университете и вплоть до 1962 г. он работал в школе учителем истории.

В 1957 г. Алтер Львович становится сотрудником Государственного музея Татарской АССР, а затем – Татарского НИИ языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР. С 1962 г. начинается научно-педагогическая деятельность А.Л. Литвина в вузах: сначала в Казанском педагогическом, с 1979 г. – в Казанском химико-технологическом институте в качестве профессора и заведующего кафедрой. С 1985 г. А.Л. Литвин – профессор КГУ, в 1989 г. – основатель и первый заведующий кафедры историографии и источниковедения.

Уже с конца 1950-х годов А.Л. Литвин начинает активно заниматься научными исследованиями. Кандидатскую диссертацию “Партийно-советская печать в борьбе за организацию разгрома врага на Восточном фронте. 1918 – август 1919 гг. (по материалам Вятской, Казанской, Самарской и Симбирской губерний)” он успешно защитил в 1962 г. Это была первая серьезная и по тем временам новаторская работа молодого ученого о начальном периоде истории Гражданской войны: ведь, согласно сталинистской историографии, Гражданская война началась в 1919 г. с “походов Антанты”, а роль Восточного фронта в 1918 г. практически игнорировалась ввиду отсутствия там И.В. Сталина. Теме Гражданской войны были посвящены и первая монография А.Л. Литвина “Из истории борьбы местной печати за укрепление тыла Восточного фронта в 1918–1919 гг.” (Казань, 1961), и его докторская диссертация “Крестьянство Среднего Поволжья

в годы Гражданской войны”, защищенная в 1975 г. в МГПИ. В этой диссертации и одноименной монографии (Казань, 1972) автор продемонстрировал сложность и неоднозначность позиции крестьянства, его противостояние различным режимам Гражданской войны, в том числе – советской власти. Введя в научный оборот новые, ранее не опубликованные источники, А.Л. Литвин убедительно доказал, что отношение крестьянства к большевикам дифференцировалось в зависимости от губернии, уезда, уровня благосостояния, а также во многом определялось политикой и тактикой противоборствующих сторон.

За несколько десятилетий научно-педагогической деятельности А.Л. Литвин опубликовал свыше 350 работ по различным проблемам истории, историографии и источниковедения советского общества, среди них – более 40 монографий, учебных пособий, сборников документов.

Тема Гражданской войны неизменно оставалась одной из главных в научном творчестве А.Л. Литвина. Целый ряд его работ раскрыл важнейшую страницу ее истории – взятие Казани в сентябре 1918 г., ставшее крупной вехой в истории становления Красной армии и переломным моментом в кампании на Восточном фронте¹. Одним из первых в отечественной историографии на основе исследования архивных документов (в том числе малоизученных в то время документов эмигрантских фондов) А.Л. Литвин подробно и всесторонне осветил историю “комучевской” Казани. В его книгах, посвященных отечественной и зарубежной историографии Гражданской войны, были подведены итоги и намечены основные тенденции и перспективы будущих исследований². Само появление этих трудов способствовало активизации исследований по истории Гражданской войны. А.Л. Литвин стал активным участником ряда дискуссий, развернувшихся в то время в отечественной историографии и ставших отправной точкой для переоценки ряда сложившихся концептуальных установок³.

Одним из сюжетов, привлечших особое внимание А.Л. Литвина, стала история социалистических партий России, особенно партий меньшевиков и социалистов-революционеров⁴. Поиск ответа на вопрос, почему эти партии, стоявшие на позиции “третьей силы”, оказались побежденными, и в силу каких причин оказался столь недолог правительственный союз большевиков с левыми эсерами, привел историка к необходимости более пристального и специального исследования их истории, что отразилось в ряде сборников документов, извлеченных из Центрального архива ФСБ РФ. Благодаря этому стали более понятны такие важные страницы исто-

¹ Литвин А.Л., Мухарьямов М.К. Решающий рубеж. Казань, 1978; Литвин А.Л. “Дело сдать в архив...”. Казань, 1986; Он же. Казань: время Гражданской войны. Казань, 1991; и др.

² Спиринов Л.М., Литвин А.Л. На защите революции: В.И. Ленин, РКП(б) в годы Гражданской войны: Историограф. очерк. Л., 1985; Литвин А.Л. Советская историография Гражданской войны в Поволжье. Казань, 1988; Литвин А.Л., Скибинская С.Б. Современная англо-американская историография Гражданской войны в Поволжье. Казань, 1990.

³ Литвин А.Л., Поликарпов В.Д., Спиринов Л.М. Гражданская война: ломка старых догм и стереотипов // Историки спорят: 13 бесед. М., 1988.

⁴ Литвин А.Л. Крушение буржуазно-помещичьих партий в Советской России // Борьба Коммунистической партии против непролетарских партий, групп и течений. Историографические очерки. Л., 1982; Он же. Под флагом эсеровской “ортодоксии” // Непролетарские партии России: Урок истории. М., 1984; Литвин А.Л., Овруцкий Л.М. Левые эсеры: программа и тактика (Некоторые вопросы). Казань, 1992.

рии упомянутых партий, как июльское 1918 г. “восстание” левых эсеров, меньшевистский процесс 1931 г. и др.⁵

В ходе этих исследований были поколеблены многие историографические стереотипы, например, положение о контрреволюционном, антибольшевистском и антисоветском характере “мятежа” левых эсеров. На основе изучения следственных документов по делу Ф. Каплан А.Л. Литвин показал сомнительность мифа советской историографии об “эсерке Каплан, стрелявшей в Ленина”, выдвинул положение о причастности к организации покушения некоторых лиц из высшего большевистского руководства⁶.

Другая проблема, интерес к которой пробудила работа над архивными документами по истории Гражданской войны – история органов, осуществлявших “революционное насилие”, инструментов государственного террора, а также тема насилия в гражданском противостоянии⁷. Так появилась монография о казанских чекистах и губернской ЧК, а позже – фундаментальное исследование о красном и белом терроре в России, своего рода энциклопедия насилия в годы Гражданской войны, в основе которой – посылка, что белый и красный террор, по сути, – две ипостаси одного явления.

А.Л. Литвин предпринял попытку подойти к насилию в Гражданской войне как к феномену. Он проследил историю формирования системы советского государственного террора – от первых эксцессов конца 1917 – начала 1918 г. до массовых расстрелов, практики заложничества и декретов, возводивших политические убийства и преследования в ранг чуть ли не житейского обыкновения. Он показал, что расправы над повстанцами и пробные показательные процессы над социалистическими партиями 1920-х годов предвещали массовые репрессии и судебные инспирации 1930-х годов. Анализируя репрессивную политику антибольшевистских правительств, А.Л. Литвин задался вопросом: почему демократы и социалисты, клеймившие большевиков за их экстремизм и жестокость к политическим оппонентам, неизменно шли по тому же пути, и необходима ли была такая “симметрия террора”?

Логичен интерес профессора Литвина и к истории репрессий 1930-х годов⁸, к Большому террору. И не только в силу преемственности и взаимосвязи тем. Большой террор коснулся его лично: памяти отца – Льва Вульфовича Литвина, семь лет проведенного в застенках и потом еще несколько лет вынужденного жить вдали от семьи, историк посвятил одну из книг о судьбах репрессированных писателей, ученых и общественных

⁵ *Меньшевики в Советской России: Сб. док-тов / Сост. и автор предисл. А.Л. Литвин. Казань, 1998; Левые эсеры и ВЧК: Сб. док-тов / Сост. и автор предисл. А.Л. Литвин. Казань, 1996; Меньшевистский процесс 1931 г.: Сб. док-тов: В 2 т. / Сост. и автор предисл. А.Л. Литвин. М., 1999; и др.*

⁶ *Фанни Каплан, или кто стрелял в Ленина: Сб. док-тов / Сост. и автор предисл. А.Л. Литвин. Казань, 1995; Дело Фанни Каплан, или кто стрелял в Ленина / Науч. ред., автор предисл. и один из сост. А.Л. Литвин. 2-е изд., доп. М., 2003.*

⁷ *Литвин А.Л., Панюков В.Н., Титов Л.Н. Защищая революцию. Чекисты Татарии в первые годы советской власти. 1917–1922. Казань, 1980; Казанская губернская чрезвычайная комиссия (1917–1922): Сб. док-тов и мат-лов / Сост. и автор предисл. А.Л. Литвин. Казань, 1989; Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. Казань, 1995 (2-е изд., доп. М., 2004); Левые эсеры и ВЧК; и др.*

⁸ *Литвин А.Л. Запрет на жизнь. Казань, 1993; Два следственных дела Евгении Гинзбург: Сб. док-тов. Казань, 1994; Литвин А.Л. Без права на мысль (Историки в эпоху большого террора. Очерки судеб). Казань, 1994; и др.*

деятели Татарстана – “Запрет на жизнь”, основанную на анализе следственных документов. Рассматривать эту проблему “в человеческом измерении” А.Л. Литвину помогают документы личного происхождения: мемуары, дневники, письма современников⁹. Его архивные находки нередко раскрывают неизвестные страницы биографий не только незаслуженно забытых персонажей истории, но и весьма известных лиц. Так, А.Л. Литвин обнаружил документы о репрессиях, коснувшихся в 1930-е годы семьи первого президента России Б.Н. Ельцина – его отца и дяди. На основании этих документов он опубликовал работу “Ельцины в Казани” (Казань, 2004).

А.Л. Литвин известен в кругу исследователей России XX в. как публикатор интереснейших, а нередко уникальных, документов и их комплексов из государственных и ведомственных архивов страны. Одним из последних по времени стал масштабный публикаторский проект А.Л. Литвина, посвященный Б.В. Савинкову¹⁰. Этот человек – террорист, эсер, отвергнутый собственной партией, сыгравший не последнюю роль в Гражданской войне, один из идеологов “третьей силы”, участник одной из самых известных чекистских операций по привлечению в Советскую Россию видных деятелей эмиграции, обвиняемый по одному из первых показательных политических процессов, узник Лубянки, чье самоубийство/убийство обросло слухами и домыслами, – неслучайно оказался в сфере исследовательских интересов профессора Литвина.

Работы А.Л. Литвина широко известны не только в нашей стране, но и за рубежом. Он участвовал в ряде международных проектов, в частности, в лондонском издании энциклопедии русской революции¹¹, в издании, посвященном открытию Немецкого исторического института в Москве¹² и др. Зарубежный читатель мог познакомиться с результатами многолетних исследований А.Л. Литвина в области историографии и истории России XX в., опубликованными им в двух монографиях, вышедших в Лондоне и Нью-Йорке¹³. В книге “Историография в России XX в.: взгляд изнутри” профессор Литвин охарактеризовал понятие школы в отечественной историографии, определил основные признаки и критерии принадлежности к научной школе, осветил роль внешних и внутренних факторов в историографическом процессе. Развитие исторической мысли в России XX в. рассматривается в книге как сложный и противоречивый, но единый эволюционный процесс.

Монография “Сталинизм. Российский и западный взгляд на рубеже тысячелетий” написана А.Л. Литвиным в соавторстве с одним из извест-

⁹ Дневник историка: Предисловие и комментарии к публикации дневника С.А. Пионтковского // *Ab Imperio*. Казань. 2002. № 3. С. 419–490.

¹⁰ Б.В. Савинков на Лубянке: Сб. док-тов / Соавтор предисл., один из сост. и науч. ред. А.Л. Литвин. М., 2001.

¹¹ *Litvin A. The Cheka // Critical Companion to the Russian Revolution / Ed. by E. Acton, V. Cherniaev and W. Rosenberg. L., 1997.*

¹² *Litwin A. Das Schicksal der Deutschen in Tatarstan in den 1930-er und 1940-er Jahren // Bulletin № 1: Russland und Deutschland. Die gemeinsame Geschichte und ihre Erforschung: Beiträge zur Eröffnung des Deutschen Historischen Instituts in Moskau. 12. September 2005. S. 151–159.*

¹³ *Litvin A. Writing History in XX-th Century Russia: a View from Within / Transl. Prof. J. Keep. L., 2001; Litvin A., Keep J. Stalinism. Russian and Western Views at the Turn of the Millenium. L.; N.Y., 2005.*

тнейших западных россиеведов, профессором Дж. Кипом. Помимо комплексного историографического анализа отечественных и зарубежных исследований по сталинизму, в работе представлено авторское видение этого феномена, основанное на многолетнем тщательном изучении неопубликованных документальных источников из российских и западных архивохранилищ.

Таким образом, круг исследовательских интересов А.Л. Литвина широк и многообразен. Это история и историография Гражданской войны, красного и белого террора в России, российских социалистических партий, история репрессий 1930-х годов и феномена сталинизма, общие проблемы историографии и источниковедения истории советского общества. Преодоление историографических стереотипов в воззрениях на советскую историю, на ее “героев” и “антигероев”, на ее “создателей” и “хранителей” было осуществлено исследователем не только путем реконцептуализации, но и в результате введения в научный оборот огромного массива ранее не использованных (прежде всего архивных) документов. Ряд многотомных публикаторских проектов, в которых А.Л. Литвин принимал самое деятельное участие (как один из составителей и комментаторов), явился существенным вкладом в отечественную археографию.

Биография историка – это его книги, но это и его ученики. Сегодня с полным правом можно говорить о существовании “научной школы Литвина”. Три доктора и более 30 кандидатов исторических наук выполнили под его руководством свои диссертационные исследования и уже имеют немало своих учеников.

Алтер Львович Литвин – представитель поколения российских историков, становление которых пришлось на нелегкие годы сталинизма. Мировоззрение этих людей формировалось в жестких рамках официальной сталинистской идеологии, выйти за пределы которых было дано далеко не многим. А.Л. Литвин – яркий представитель тех историков, кому это удалось и кто успешно сочетает основательность и фундаментальность подходов классической историографии с открытостью и интересом к новейшим подходам, концепциям и методам современного исторического знания.

К ЮБИЛЕЮ В.Ю. АФИАНИ

19 февраля 2006 г. исполнилось 60 лет историку, археографу, краеведу, директору АРАН Виталию Юрьевичу Афиани. Он родился в 1946 г. в г. Калининграде Московской области. Его отец, Юрий Павлович, был инженером, мать, Клавдия Ивановна, – директором детского сада. В 1965 г. В.Ю. Афиани поступил в МГИАИ, где стал одним из наиболее активных и преданных делу участников студенческого научного кружка источниковедения, который вел с 1950 г. в Историко-архивном институте С.О. Шмидт. Дипломная работа В.Ю. Афиани была посвящена архивному наследию выдающегося русского филолога, языковеда, историка искусства академика Ф.И. Буслая.

Отслужив после окончания института в армии, В.Ю. Афиани в течение года работал в секторе источниковедения Института истории СССР, но уже в 1972 г. перешел на должность младшего научного сотрудника в Археографическую комиссию, где проработал 20 лет. Там он сложился как вдумчивый исследователь археографической и публикаторской деятельности русских журналов первой трети XIX в.¹, источниковед и историограф². В 1982 г. В.Ю. Афиани защитил кандидатскую диссертацию “Публикация исторических документов в отечественных журналах первой трети XIX в. (Опыт историографического изучения)”.

Именно В.Ю. Афиани принадлежала идея создания и подготовки в Археографической комиссии совместно со специалистами многих хранилищ (архивов, библиотек, музеев) аннотированного Каталога личных архивных фондов отечественных историков, работу над которой он возглавил. Другим важным направлением его деятельности была реализация комплексной научной программы “Культура российской провинции XVIII – начала

¹ Из истории русской историографии. Публикация исторических источников в “Отечественных записках” П.П. Свиньина (1818–1830) // АЕ за 1976 год. М., 1977. С. 89–98; Публикация источников и материалов по истории Европейского Севера России конца XVIII – начала XIX в. // Историография и источниковедение истории северного крестьянства СССР: Северный археографический сборник. Вологда, 1978. Вып. VI. С. 98–103; Журнальная археография и историческая наука первой трети XIX века // Вопросы источниковедения и историографии досоветского общества. М., 1979. С. 127–139; Археография в журнале “Северный архив” (1822–1828) // Вопросы источниковедения и историографии истории СССР: Дооктябрьский период. М., 1981. С. 148–158; Начало журнальной археографии в России в XVIII в. // АЕ за 1987 год. М., 1988. С. 26–34; О журнальной археографии // АЕ за 1988 год. М., 1989. С. 15–24; Становление журнальной археографии в России в первой трети XIX в. // АЕ за 1989 год. М., 1990. С. 28–38.

² Судьба рукописей “Русского Музеума” П.П. Свиньина // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник. 1982. Л., 1984. С. 116–122; Путеводитель для императрицы: “Записка о достопримечательностях Москвы” Н.М. Карамзина // Наше наследие. М., 1991. № VI (24). С. 36–47; Археографические особенности изданий “Истории государства Российского” Н.М. Карамзина // АЕ за 1991 год. М., 1994.

XX в.". В.Ю. Афиани – автор целого ряда работ по истории русской провинциальной жизни и культуры, краеведению³. Им совместно с В.П. Козловым и В.М. Живовым была осуществлена подготовка к печати научного издания "Истории государства Российского" Н.М. Карамзина в 12-ти томах, начавшей выходить в издательстве "Наука" в 1989 г. (к настоящему времени издано 6 томов).

В 1992 г. В.Ю. Афиани стал заместителем директора ЦХСД, образованного на базе текущих архивов ЦК КПСС. Здесь он активно занялся введением в научный оборот документов высших партийных органов, выявлением и подготовкой к печати материалов по закрытым ранее темам. В.Ю. Афиани принял деятельное участие в подготовке документальной серии "Культура и власть от Сталина до Горбачева: Идеологические комиссии ЦК КПСС". С его участием были изданы сборники документов по истории социологии в СССР⁴, сборник документов "Идеологические комиссии ЦК КПСС. 1958–1964"⁵, аннотированный справочник "Отдел ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями. 1953–1957"⁶, сборники документов "Аппарат ЦК КПСС и культура" за 1953–1957 гг. и 1958–1964 гг.⁷, документальный сборник черновых протокольных записей, стенограмм, постановлений заседаний Президиума ЦК КПСС 1954–1964 гг.⁸, сборник "Отдел культуры ЦК КПСС, 1953–1966: Аннотированные описи"⁹, в который вошли документы структурных подразделений ЦК КПСС, осуществлявших руководство деятельностью Министерств культуры СССР и РСФСР, госкомитетов кинематографии и других ведомств и учебных заведений, творческих союзов по международным культурным связям, а также контроль за исполнением партийных решений по вопросам литературы, театра, драматургии, музыкального и изобразительного искусства, кинематографии, радио и телевидения.

Важным культурным событием стал выход сборника "А за мною шум погони...", посвященного драматической истории издания романа "Доктор

³ Открываемая Россия: путешествие как метод исторического изучения // Историческое краеведение: По мат-лам II Всесоюзной конф. по историческому краеведению. Пенза, 1993; Провинция: пространство и культурное взаимодействие // Российская провинция XVIII–XIX вв.: Реалии культурной жизни. Пенза, 1996; Десять лет программе "Культура российской провинции" // В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии: Мат-лы научной конф. Пенза. 25–26 июня 2001 г. М., 2005. Кн. II. С. 24–34 и др.

⁴ Социология и власть: 1953–1968. М., 1997. Сб. 1: Док-ты / Сост. В.Ю. Афиани и др.; Социология и власть: 1969–1972. М., 2001. Сб. 2: Док-ты / Сост.: Е.С. Афанасьева, В.Ю. Афиани и др.; Социология и власть. 1973–1984. М., 2003. Сб. 3: Док-ты.

⁵ Идеологические комиссии ЦК КПСС: 1958–1964: Док-ты / Отв. ред. В.Ю. Афиани; Предисл. К. Аймермахера, В.Ю. Афиани. М., 1998.

⁶ Отдел ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями. 1953–1957: Аннотированный справочник / Сост. Е.С. Афанасьева, В.Ю. Афиани, И.В. Казарина и др.; под ред. Н.Г. Томиной. М., 1999.

⁷ Аппарат ЦК КПСС и культура: 1953–1957 годы: Док-ты / Сост. З.К. Водопьянова и др.; отв. ред. В.Ю. Афиани. М., 2002; Аппарат ЦК КПСС и культура: 1958–1964 годы: Док-ты / Сост. В.Ю. Афиани и др. М., 2005.

⁸ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления / Редкол.: А.А. Фурсенко (гл. ред.), В.Ю. Афиани, В.П. Козлов и др.; отв. сост. В.Ю. Афиани. М., 2004. Т. 1.

⁹ Отдел культуры ЦК КПСС, 1953–1966: Аннотированные описи / Науч. ред. В.Ю. Афиани. М., 2004.

Живаго”¹⁰. В сборник вошли официальные документы, главным образом, материалы ЦК КПСС, десятилетиями остававшиеся недоступными для читателей, ныне хранящиеся в РГАНИ и АП РФ. Документы детально раскрывают, как пишет в своем предисловии к сборнику В.Ю. Афиани, работу механизма власти, обрушившегося всей своей мощью на человека, нарушившего “идеологические табу”, рассказывают “о неравной борьбе Поэта и Власти, в которой нравственная победа осталась на стороне Поэта”.

Занимался В.Ю. Афиани и проблемами информатизации архивной деятельности. В 1998 г. он выступил с докладом “Информационные технологии в архиве (на примере ЦХСД)” на шестой конференции ассоциации “История и компьютер” (конференция называлась “Новые информационные ресурсы в исторических исследованиях”). В.Ю. Афиани – автор целого ряда статей, посвященных изучению и использованию документов РГАНИ¹¹.

В те же годы под руководством В.Ю. Афиани было подготовлено ценное справочное издание “Россия. Хроника основных событий. IX–XX века. Календарь истории” (М.: РОССПЭН, 2002. 896 с.). Эту публикацию совместно осуществили Федеральная архивная служба, Министерство культуры, ГИМ, РАН и Российский организационный комитет “III тысячелетие”. Составители поставили главной задачей “Хроники...” объективно зафиксировать значимые события в отечественной истории, донести до читателя сведения и факты прошлого, систематизированные в хронологическом порядке. “Хроника...” включила в себя важнейшие факты и события отечественной истории с 852 г. (с момента возникновения государственности у восточных славян) по 2000 г.

Одновременно В.Ю. Афиани вел большую редакторскую и организационную работу в возобновленном в 1992 г. научно-публикаторском журнале “Исторический архив”, где был заместителем главного редактора. Продолжал он и свои научные исследования по источниковедению, историографии, краеведению¹².

¹⁰ “А за мною шум погони...”: Борис Пастернак и власть: Док-ты. 1956–1972 / Под ред. В.Ю. Афиани и Н.Г. Томилиной. М., 2001.

¹¹ Документы о зарубежной архивной Россике и перемещенных архивах в фондах ЦХСД // Проблемы зарубежной архивной России: Сб. ст. М., 1997. С. 92–99; Документы Политбюро ЦК КПСС: архивоведческие и источниковедческие проблемы // Архивоведение и источниковедение отечественной истории: Проблемы взаимодействия на современном этапе. М., 1999; К проблеме обеспечения информационной безопасности в архивах в процессе использования документов: (из опыта работы РГАНИ) // ВА. 2000. № 2; Секретная история советской науки: проблемы ее изучения и документы бывшего архива ЦК КПСС 1950–1980-х гг. // Источниковедение и краеведение в культуре России: Сборник к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту. М., 2000. С. 215–219; Ожидание перемен в деле рассекречивания документов КПСС: мнения хранителей и пользователей // ОА. 2001. № 5 (совместно с Т.Ф. Павловой и А.О. Чубарьяном); “Честно служить партии”: Постановление Президиума ЦК КПСС об образовании КГБ при Совете Министров СССР. 1954 г. / Публ. В.Ю. Афиани, А.Л. Паниной, А.И. Пожарова // ИА. 2002. № 3; Международные отклики на доклад Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС о культе личности Сталина // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв. Новосибирск, 2005. С. 464–477.

¹² Мир русской провинциальной культуры // Русская провинция: Культура XVIII–XX вв. М., 1993; Жизнь жанра: (о юбилейных и мемориальных сборниках статей) // Мир источ-

С 2002 г. В.Ю. Афиани начал преподавательскую деятельность, в которой он мог опереться на свои практические знания архивиста, археографа, исследователя. Он доцент кафедры истории России и архивоведения Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. В 2006 г. В.Ю. Афиани стал заведовать кафедрой археографии в ИАИ РГГУ.

В 2003 г. В.Ю. Афиани возглавил АРАН. Было проведено широкое обсуждение концепции и перспективного плана дальнейшей деятельности архива как научно-исследовательского центра, положено начало собиранию документов и предметов будущего Музея Академии наук. В 2006 г. вышел в свет «Путеводитель по фондам Архива Российской академии наук»¹³. Это – справочник о составе и содержании московской части документального собрания – почти тысяче фондов личного происхождения, учреждений и коллекций с описательными статьями; со списками фондов личного происхождения, принятых на хранение, но еще не прошедших научно-техническую обработку. В 2005 г. АРАН совместно с ЦИАМ осуществил публикацию воспоминаний и писем известного русского ученого-правоведа, общественного деятеля, члена Первой Государственной думы М.М. Ковалевского¹⁴. Как писали об этом издании рецензенты, «ценность его состоит не только во введении в научный оборот новых источников из фондов Архива РАН и ЦИАМ, но и в объединении документов, особым образом раскрывающих жизненный мир яркой исторической личности предреволюционной эпохи»¹⁵. В 2007 г. АРАН совместно с Научным архивом Болгарской академии наук подготовил издание «Князь Николай Владимирович Яшвилъ. Походные письма (1877–1878 гг.)», в котором впервые было опубликовано эпистолярное наследие двадцатилетнего российского офицера, ординарца генерала И.В. Гурко, героя русско-турецкой войны князя Н.В. Яшвиля к родным.

Благодаря инициативе В.Ю. Афиани в АРАН был открыт постоянный выставочный зал для популяризации фондов архивов системы РАН и научных достижений выдающихся российских ученых. В выставочном зале состоялись привлекшие внимание общественности выставки. В частности, на выставке «Портрет науки на рубеже эпох» были представлены фото-портреты членов Академии наук 1930-х годов, выполненные классиком советской фотографии М.С. Наппельбаумом, а также уникальные архивные документы. В 2003 г. АРАН принял участие в выставке «1953 год. Между прошлым и будущим», организованной ГАРФ совместно с АП РФ, Центральным архивом ФСБ, ГИМ и рядом других организаций. В 2007 г. в АРАН открылась выставка документов и книжных изданий «Гражданин Вселенной: к 150-летию со дня рождения К.Э. Циолковского (1857–1935)». В экспозиции можно было видеть более 350 подлинных документов

никоведения. Москва; Пенза, 1994. С. 216–221; Роль периодической печати XVIII–первой половины XIX вв. в развитии исторического краеведения в России // Историческое краеведение в России: Вопросы теории и практики: Сборник научных статей. Киев, 1991. С. 139–143.

¹³ Путеводитель по фондам Архива Российской академии наук: Москва / Под ред. В.Ю. Афиани. М., 2006.

¹⁴ Ковалевский М.М. Моя жизнь: Воспоминания. М., 2005.

¹⁵ Антонов Д.И., Юрганов А.Л. Рец. на кн.: Ковалевский М.М. Моя жизнь: Воспоминания. М., 2005 // ОА. 2006. № 2.

из фонда Циолковского: рукописи трудов, научно-фантастические сочинения, письма, фотографии, чертежи, рисунки. Впервые было представлено философское наследие ученого, прежде мало известное. Большой интерес вызвала выставка живописи “Музы в храме науки”, на которой были представлены неизвестные широкому зрителю картины и рисунки русских ученых И.И. Мечникова, К.Э. Циолковского, В.Г. Шухова, В.А. Обручева, А.Н. Северцова, Е.А. Косминского, В.Л. Комарова, А.Н. Несмеянова и др. На выставке гостям был вручен ее прекрасно исполненный красочный каталог.

Талантливый, инициативный, всегда открытый для новых путей и подходов в науке и архивной практике, Виталий Юрьевич Афиани встретил свой юбилей в расцвете своей творческой деятельности.

К 100-ЛЕТИЮ АКАДЕМИКА Д.С. ЛИХАЧЕВА

С.О. Шмидт

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Естественно, что в 2006 г., объявленном “Годом Лихачева”, традиционное декабрьское заседание Археографической комиссии посвящается проблемам изучения творческого наследия академика Дмитрия Сергеевича Лихачева. Тем более, что он был членом Археографической комиссии со времени ее основания, а затем и членом ее Бюро. В нынешнем году, особенно в последние три месяца, поскольку Дмитрий Сергеевич родился 28 ноября, переизданы труды Лихачева, проведено много заседаний, напечатано много статей в научных и массовых изданиях, было и много теле- и радиопередач о Лихачеве. Наше заседание, происходящее в самый канун Нового года, посвящается проблематике, сравнительно мало затронутой на юбилейных заседаниях, но соответствующей профилю работы Археографической комиссии – архивной части наследия Д.С. Лихачева. Ознакомимся с информационными докладами об относящихся к жизни и творчеству Д.С. Лихачева материалах Архива РАН и об архивных материалах, выявленных в РГАЛИ и других хранилищах Москвы для готовящегося издания писем Дмитрия Сергеевича.

Начиная с 1976 г. мне доводилось не раз писать о Д.С. Лихачеве, набралось статей на целую книгу*. А в последние месяцы юбилейного для Лихачева года особенно часто приходится говорить и о многообразной деятельности его и делиться впечатлениями от общения с дорогим мне Дмитрием Сергеевичем¹. И на нашем заседании полагаю возможным

* В 2007 г. Фонд имени Д.С. Лихачева издал книгу С.О. Шмидта “Наш великий современник: Статьи об академике Д.С. Лихачеве 1976–2006” (СПб., издательство “АРС”). В книге, открывающейся Предисловием составителя исполнительного директора Фонда А.В. Кобака, разделы “Жизненный путь” (7 статей), “Научная деятельность” (6 статей), “Краеведение и общественное служение” (8 статей), “Научные статьи в сборниках, посвященных Д.С. Лихачеву” (3 статьи), Приложения: “Лихачев о Шмидте” (3 материала), “Список печатных работ С.О. Шмидта о Д.С. Лихачеве”. Указатель имен.

¹ 22 ноября на церемонии открытия мемориальной доски Д.С. Лихачеву на доме редакции журнала “Наше наследие” (Москва, Неопалимовский переулок, д. 4); 27 ноября на Третьих Лихачевских чтениях в Пушкинском Доме в Петербурге; 29 ноября доклад “Д.С. Лихачев и традиции российского просветительства” на заседании Международного юбилейного конгресса к 100-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачева в Петербурге; 29 ноября ответное слово при вручении премии имени Д.С. Лихачева “За выдающийся вклад в сохранение историко-культурного наследия”; 5 декабря выступление в НИИ культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева на Международной конференции “Экология культуры и сохранение наследия” памяти Д.С. Лихачева; 12 декабря на вечере памяти Д.С. Лихачева в квартире-музее А.С. Пушкина в Москве; 20 декабря доклад “Д.С. Лихачев

ограничиться лишь напоминанием о том, сколь много обязана академику Д.С. Лихачеву наша Археографическая комиссия (хотя об этом тоже писал, и еще при жизни ученого²).

Когда была основана Археографическая комиссия, ее организатор и первый председатель академик М.Н. Тихомиров обратился к некоторым, особенно авторитетным, по его представлению, ученым, с письмами, предлагая им поделиться своими соображениями о возможных направлениях деятельности Комиссии. Среди этих немногих был и Дмитрий Сергеевич (тогда еще член-корреспондент Академии наук). Д.С. Лихачев откликнулся конкретными предложениями организации работ, которые могли бы способствовать “возрождению палеографии”; и его практические рекомендации по фиксации данных о датированных почерках и переплетах учитывались и учитываются при подготовке описаний рукописей в Сводном каталоге славяно-русских рукописных книг (хотя для составления фототеки почерков датированных рукописей в Археографической комиссии не хватило сил). В опубликованных выпусках “Методических рекомендаций по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР” (1973, 1976, 1990 гг.) немало написанного по совету Д.С. Лихачева. Он неустанно предлагал инициировать фотокопирование всех томов Лицевого свода, описание которых затем осуществлялось и сотрудниками АК. Д.С. Лихачев принимал действенное, определяющее научный уровень форума участие в научных конференциях, организуемых АК или при ее участии. Знаком его серьезной заинтересованности в нашей деятельности было и то, что ученый неизменно давал конкретные практические советы, полагая, что работа по подготовке Сводного каталога – “лучший университет” для специалистов по описанию рукописей (Д.С. Лихачев был сторонником указания авторства описания каждой рукописи, и для того, чтобы выдержать “принцип надежности” предлагалось отмечать данные, вызывающие сомнение у описателя)³.

Должно обратить особое внимание и на заключительную часть статьи в АЕ “Задать составления методик описания славяно-русских рукописей”: «Научное описание – это такого рода работа, которая легко может быть сделана очень плохо и которая может быть даже вредна, потому что определить, что она сделана плохо, напротив, очень нелегко. Но она может быть такова, что ее можно представить в качестве кандидатской и даже докторской диссертации.

Кстати, настоящая научная работа по описанию рукописей иногда более сложна, более квалифицирована, более рекомендует описывающего как ученого, чем статьи, которые печатаются в наших сборниках, или работы, которые подаются в качестве кандидатских диссертаций. И может быть,

и практика сохранения культурного наследия России” на научной сессии Отделения историко-филологических наук РАН “Проблемы сохранения и изучения культурного наследия. К 100-летию академика Д.С. Лихачева”.

² *Покровский Н.Н., Шмидт С.О.* Археографическая деятельность Д.С. Лихачева // АЕ за 1976 год. С. 125–126; *Шмидт С.О.* К изучению истории археографической культуры // Литература и искусство в системе культуры: (Сб. статей к 80-летию Д.С. Лихачева). М., 1988. С. 489–491; *Он же.* Дмитрий Сергеевич Лихачев и Археографическая комиссия: К 90-летию со дня рождения ученого // АЕ за 1996 год. М., 1998. С. 212–216, и др.

³ *Шеламанова Н.Б.* Совещание по составлению Сводного каталога славяно-русских рукописей XI–XIV вв. // АЕ за 1971 год. М., 1972. С. 386.

следовало бы подумать, чтобы поставить перед ВАКом вопрос о разрешении допускать к защите хорошо сделанные научные описания рукописей. Добросовестная работа по описанию рукописей – это настоящая и очень важная научная работа, требующая высокой научной квалификации. Хорошие научные описания, при наличии достаточно надежных оппонентов, должны были бы представляться в качестве диссертаций, если, конечно, эти описания будут иметь введения с описанием истории фонда или введения, ставящие принципиальные вопросы, связанные с описанием фондов. Полное постатейное описание рукописей – серьезный научный труд, требующий своего признания как научного труда и детальной разработки своей методики. Это научная база, основание так называемых “базисных наук” в области исторической, лингвистической и литературоведческой»⁴.

Археографическая комиссия, обратилась вскоре после того с подобным предложением в ВАК, ссылаясь на недавнюю практику присвоения ученых степеней за описание рукописей востоковедам и античникам – знатокам эпиграфики. Но инициатива эта не была поддержана. Полагаю, что пришло время снова обратить внимание ВАК на высокие исследовательские достоинства научных описаний рукописей и уникальность научного труда немногих таких специалистов-эрудитов.

На совещании по вопросам описания древнеславянских рукописей (организованном в Ленинграде в марте 1973 г. совместно с Институтом славяноведения и балканистики АН СССР и БАН) Д.С. Лихачев указал на необходимость выработки строгих правил работы с рукописями, с целью обеспечить их сохранность и приоритет нашей страны в публикации их⁵.

В феврале 1979 г. на проходившей в Ленинграде Первой Всесоюзной конференции “Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности”, организованной АК и БАН СССР, Д.С. Лихачев, выступая в прениях по докладам, остановился на мерах, необходимых для улучшения работы в хранилищах по описанию рукописей, улучшения качества самих описаний, их унификации для последующего введения в электронно-запоминающие комплексы⁶. Для Д.С. Лихачева показательным старанием приобщить ученых в его области научных интересов к самой передовой современной технологии.

Д.С. Лихачев оказал доверие и честь редколлегии АЕ, напечатав на страницах нашего издания несколько своих трудов: в АЕ за 1962 год – статью “К истории сложения повести о разорения Рязани Батыем”; в АЕ за 1970 год – “Вступительное слово” на Совещании в ИМЛИ, посвященном памяти А.А. Шахматова; в АЕ за 1971 год – статью «Н.И. Конрад как руководитель серии “Литературные памятники”»; в АЕ за 1972 год – статья “Задачи составления методик описания славяно-русских рукописей”, в основе которой доклад на Тихомировских чтениях 1972 г. в Ленинграде, темой которых была “Методика описания древних рукописей”; в АЕ за 1982 год – рецензию на книгу болгарской славистки Кл. Ивановой, “Описание рукописей Погодинского собрания”, изданной в Софии в 1981 г.

⁴ Лихачев Д.С. Задачи составления методик описания славяно-русских рукописей // АЕ за 1972 год. М., 1974. С. 242.

⁵ См.: Воробьев М.Н. Совещание по вопросам описания древнеславянских рукописей // АЕ за 1973 год. М., 1974. С. 327.

⁶ См.: Бубнов Н.Ю. Первая Всесоюзная конференция по описанию и изданию памятников древней письменности // АЕ за 1979 год. М., 1981. С. 349.

В разделе “Хроника” томов АЕ изложено содержание некоторых выступлений Д.С. Лихачева на научных заседаниях: об Изборнике 1073 г.⁷ к 900-летию Изборника 1076 г.⁸, памяти В.П. Адриановой-Перетц⁹, памяти И.П. Еремина¹⁰. Зинаида Александровна и Дмитрий Сергеевич приехали на заседание памяти Веры Дмитриевны Лихачевой 7 апреля 1982 г., организованное АК совместно с сектором истории Византии Института всеобщей истории АН СССР¹¹.

Д.С. Лихачев принимал действенное участие в заседаниях АК и организованных с ее участием. Особенно дороги и памятны нам начальные слова доклада академика Д.С. Лихачева на Тихомировских чтениях 1972 г. в Ленинграде: “Прежде всего я хотел бы сказать, что мне очень приятно выступать в Археографической комиссии. Долгие годы наша археография страдала от разобщенности, от того, что мы все работали порознь, мало делились опытом. И вот, наконец, мы имеем энергично работающий центр, объединяющий наши усилия и руководящий археографической работой. Это чрезвычайно важно, и я думаю, что мы все должны всячески поддерживать Археографическую комиссию в деле руководства описанием рукописей, потому что до сих пор и описанием рукописей все занимались порознь и в какой-то мере, к сожалению, кустарно”¹².

В докладе этом четко охарактеризованы различия типов описания рукописей, рассмотрено развитие отечественной археографии и текстологии в контексте развития мировой науки послевоенных лет, определены важнейшие практические задачи, обоснованы практические рекомендации. И в Археографической комиссии могут гордиться тем, что организованное ею совещание (а по существу – научная конференция) побудило ученого к написанию текста, столь важного для дальнейшей деятельности и филологов, и историков.

Академик Д.С. Лихачев неутомимо и деятельно способствовал утверждению представлений о большом научном и общественном значении полевой археографии, пропаганде в широкой прессе достижений полевых палеографов, изучающих памятники древней письменности, традиции старообрядческой письменности, в том числе в статьях написанных совместно с председателем и заместителем председателя Археографической комиссии¹³, и других выступлениях на страницах газет и журналов.

Не раз приходилось повторять благодарственные рассуждения о том, каким судьбоносным для АК оказался доклад Д.С. Лихачева на заседании Президиума Академии наук 23 сентября 1971 г. о новых открытиях памятников древнерусской литературы и задачах выявления, описания, изучения, публикации памятников древнерусской письменности, и его обсуждение. Именно вслед за этим по инициативе академика-секретаря Отделения

⁷ АЕ за 1974 год. С. 377.

⁸ АЕ за 1976 год. С. 317.

⁹ АЕ за 1973 год. С. 329.

¹⁰ АЕ за 1974 год. С. 375.

¹¹ См.: *Мироненко М.П.* Деятельность Археографической комиссии в 1982 г. // АЕ за 1982 год. М., 1983. С. 282–283.

¹² АЕ за 1972 год. М., 1974. С. 234.

¹³ *Лихачев Д., Покровский Н., Шмидт С.* Сквозь толщу лет // Правда. 1970. 30 июня. (Об организации выявления и спасения старинных памятников письменности); *Они же.* Уважение к древности // Правда. 1973. 14 авг. (О собирании и описании древних рукописей.)

исторических наук В.М. Хвостова штат комиссии был заметно увеличен, а принятое Президиумом решение во многом способствовало активизации работы АК и текстологов и археографов нашей страны. А когда в 1972 г. руководители МГИАИ тех лет, поддерживаемые Отделом науки ЦК КПСС (или – точнее выразиться – активным на пакости чиновником Отдела В.И. Куликовым) предприняли попытки представить в негативном виде деятельность редколлегии “Археографического ежегодника”, публичное выступление академика Д.С. Лихачева, охарактеризовавшего (во время обсуждения в Ленинграде ежегодников за 1968–1972 гг.) издание как “главный и руководящий орган в области археографии”¹⁴; завоевавший большой авторитет в кругах исследователей, существенно помогло в противостоянии этим нападкам.

На страницах АЕ помещены статьи о Д.С. Лихачеве: в АЕ за 1976 год (т.е. к 70-летию его) статья Н.Н. Покровского и С.О. Шмидта “Археографическая деятельность Д.С. Лихачева”; в АЕ за 1986 год – статья О.А. Князевской и академика Н.И. Толстого “Вопросы палеографии и кодикологии в трудах академика Д.С. Лихачева (К 80-летию со дня рождения)”; в АЕ за 1996 год – статья С.О. Шмидта “Дмитрий Сергеевич Лихачев и Археографическая комиссия (К 90-летию со дня рождения ученого)”. В АЕ за 1981 год напечатан составленный М.А. Салминой “Список печатных трудов академика Д.С. Лихачева за 1977–1981 гг.”. В АЕ за 1991 год помещена подготовленная И.В. Ковалевым публикация “Отзывы на труды Д.С. Лихачева в архиве Н.Н. Воронина” (находящемся в Государственном архиве Владимирской области). В АЕ за 2005 год в заметке к 85-летию Ольги Александровны Князевской напечатано письмо Д.С. Лихачева ноября 1997 г.

После кончины Дмитрия Сергеевича, которую в Комиссии ощущали и как большую нашу личную утрату, по предложению научного руководителя культурного центра Дома-музея Марины Цветаевой Н.И. Катаевой-Лыткиной в день рождения его, 28 ноября 1996 г., состоялся совместно с АК “Вечер памяти Дмитрия Сергеевича Лихачева. Первые Лихачевские чтения”. Фонограмма заседания (с авторской правкой) напечатана отдельной книжечкой Домом-музеем Марины Цветаевой в 2000 г.: там выступления Н.И. Катаевой-Лыткиной, А.И. Музыкантского, М.Л. Горянова, С.О. Шмидта, А.В. Петровского, Д.В. Сарабьянова, Н.И. Михайловой, А.Д. Михайлова, А.Л. Гришунина, Ю.А. Веденина, В.П. Нерознака, Р.Н. Клейменовой, Ю.А. Бельчикова, Е.Ц. Чуковской, И.И. Махаева.

В АЕ за 1999 год добавлен был раздел “Памяти академика Дмитрия Сергеевича Лихачева” со статьями: Н.И. Катаевой-Лыткиной “Первые ежегодные чтения памяти академика Дмитрия Сергеевича Лихачева”, С.О. Шмидта – “Первый раз без Дмитрия Сергеевича...”, академика В.Н. Топорова “Дмитрий Сергеевич Лихачев в контексте XX века”, академика Д.В. Сарабьянова “Лихачев и искусствоведение”, академика Н.Н. Покровского “Дмитрий Сергеевич Лихачев и начало сибирской археографии”, члена-корр. РАН Е.К. Ромодановской “О Дмитрие Сергеевиче Лихачеве: Воспоминания разных лет”, Б.Ф. Егорова «Д.С. Лихачев и “Литературные памятники”», Дж. Биллингтона “О Дмитрие Сергеевиче Лихачеве”.

¹⁴ См.: Павлов-Сильванский В.Б. Обсуждение “Археографических ежегодников” за 1967–1972 гг. // АЕ за 1972 год. С. 363.

К столетию со дня рождения Д.С. Лихачева издательство “Наука” подготовило с участием Археографической комиссии переиздание трех книг его (ответственным редактором которых был С.О. Шмидт). Две имеют гриф Археографической комиссии – “Человек в литературе Древней Руси” (3-е изд. М., 2006. 202 с.) и “Текстология: Краткий очерк” (2-е изд., 175 с. – с Послесловием С.О. Шмидта (с. 161–170)). В серии “Литературные памятники” (малого формата) издана книга “Письма о добром” (М., 2006. 315 с.). В Дополнениях «Дмитрий Сергеевич Лихачев и серия “Литературные памятники”» – перепечатаны статьи Д.С. Лихачева «Несколько слов о С.И. Вавилове как инициаторе серии “Литературные памятники”»; “Николай Иосифович Конрад”; «Очередные задачи серии “Литературные памятники”»; Предисловие (Александр Бенуа “Мои воспоминания”); Предисловие ко второму изданию (Александр Бенуа “Мои воспоминания”); От редактора (Андрей Белый “Петербург” (с. 211–264). В Приложении помещена статья С.О. Шмидта «Нравственные вершины “ученого и писателя”» (с. 267–311)), написанная специально для этого издания.

В данном выпуске Ежегодника публикуются тексты докладов на заседании, посвященном столетию Д.С. Лихачева, и информация о других выступлениях. Темы “Жизнь и творчество академика Д.С. Лихачева”, можно думать, будут находить отражение и в Археографических ежегодниках последующих лет, и в других изданиях Археографической комиссии.

· В.Ю. Афиани

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ АКАДЕМИКА Д.С. ЛИХАЧЕВА В АРХИВЕ РАН

2006 год в соответствии с указом Президента России был объявлен “Годом гуманитарных наук, культуры и образования – годом Дмитрия Сергеевича Лихачева”. В распоряжении Председателя Правительства предусматривалась обширная программа – около 250 мероприятий. Но мероприятий состоялось, может быть, даже больше, чем планировалось. Информация об этом широко представлена в Интернете. Это очень разные по форме и по содержанию культурные события – уроки в школах, читательские и педагогические конференции, выставки, конференции, подготовленные силами библиотек, музеев и университетов, создано два специальных сайта, посвященных Д.С. Лихачеву. Кстати сказать, жизнь и деятельность Д.С. Лихачева и ее отражение в Интернете могли бы стать самостоятельной темой исследования.

Не меньших масштабов, чем в России, прошли торжества в разных городах Болгарии. Об их уровне говорит то, что председателем оргкомитета стал президент Болгарии.

Много говорилось о Д.С. Лихачеве как гуманисте, просветителе, как духовном лидере, борце за права культуры, за спасение памятников истории и культуры. Понятно, что в Санкт-Петербурге отношение к Лихачеву особое. Поставлен памятник, в его честь названа площадь, “аллеей Лихачева” стал один из переулков города.

Из издательских проектов, наверное, самый важный – издание избранного собрания сочинений в трех томах.

Это были мероприятия, адресованные всем и каждому.

Состоялись и масштабные научные мероприятия – IV Лихачевские чтения и Международный конгресс “Культура и будущее России” в Санкт-Петербурге. Юбилею Д.С. Лихачева было посвящено Общее собрание Отделения историко-филологических наук РАН в Москве.

Сейчас много говорится о научном вкладе Д.С. Лихачева в различные области знания, о значимости его научного наследия. В то же время, глубокое изучение этого наследия только начинается. И немаловажную роль в его изучении и осмыслении, должны сыграть архивные материалы, в первую очередь, конечно, архив Д.С. Лихачева, поступивший в Пушкинский Дом. Но пока идет его обработка, научное описание, фонд этот мало доступен исследователям. Поэтому в научный оборот можно и нужно вводить документы личных фондов и учреждений, уже поступивших на хранение в архивы и прошедших научное описание.

В связи с этим очень важна инициатива РГАЛИ, поддержанная С.О. Шмидтом, о подготовке сборника писем Д.С. Лихачева, хранящихся в фондах этого архива. Архив РАН с удовольствием поддержал этот проект. Выявление документов в РГАЛИ и в Архиве РАН позволило обнаружить очень интересные документы*. Эту работу в фондах двух архивов, наверное, нельзя рассматривать как окончательную, но уже найденное представляет несомненный интерес для изучения жизни и деятельности ученого.

Документы Д.С. Лихачева в Архиве РАН выявлены в 16 личных фондах ученых-гуманитариев, более 150 писем, открыток, телеграмм самого ученого и ряд писем ему. Это документы из фондов литературоведа, члена-корреспондента, директора ИМЛИ И.И. Анисимова¹, археолога, чл.- корр. АН СССР А.В. Арциховского², языковеда, академика В.И. Борковского³, литературоведа, чл.-корр. АН СССР Д.Д. Благого⁴, этнографа и фольклориста П.Г. Богатырева⁵, филолога, академика В.В. Виноградова⁶, востоковеда, академика В.А. Гордлевского⁷, востоковеда, академика Н.И. Конрада⁸, историка А.Н. Насонова⁹, историка, академика М.В. Нечкиной¹⁰,

* Е.В. Бронниковой и А.В. Мельниковым проделана предварительная работа по выявлению документов в фондах Архива РАН, что очень помогло при подготовке доклада и статьи.

¹ АРАН. Ф. 1662 (И.И. Анисимов). Оп. 1. Д. 345. 1 п., 23 июня 1959 г., на 2 л.

² Там же. Ф. 1804 (А.В. Арциховский). Оп. 1. Д. 161. 4 п., 1 открытка. Из Ленинграда, 2 сент. 1954 г. – 24 дек. 1965 г. и б/д, на 12 л.

³ Там же. Ф. 1781 (В.И. Барковский). Оп. 1. Д. 172. 7 п., 17 нояб. 1958 г. – 21 дек. 1982 г., на 8 л.

⁴ Там же. Ф. 1828 (Д.Д. Благой). Оп. 1. Д. 520. 29 п., 1 тел., из Ленинграда, Комарово, Пушкинских гор, 19 янв. 1954 г. – 4 сент. 1983 г., на 43 л.

⁵ Там же. Ф. 1651 (П.Г. Богатырев). Оп. 1. Д. 350. 12 п., 2 открытки, из Ленинграда и Кироводска, 3 февр. 1957 г. – 22 апр. 1971 г. и б/д, на 16 л.

⁶ Там же. Ф. 1602 (В.В. Виноградов). Оп. 1. Д. 266. 25 п., 1 тел., из Ленинграда, 28 сент. 1957 г. – 5 нояб. 1966 г., на 28 л.; Д. 267 – З.А. Лихачева (жена Д.С. Лихачева), письмо В.В. Виноградову из Ленинграда, 10 марта 1963 г., на 2 л.; Д. 543. Письма Н.М. Малышевой (жене В.В. Виноградова), 3 п., 12 окт. 1969 г. – 28 нояб. 1969 г., на 3 л.

⁷ Там же. Ф. 688 (В.А. Гордлевский). Оп. 2. Д. 198. Записка В.А. Гордлевскому, 1956 г., 1 л., автограф.

⁸ Там же. Ф. 1657 (Н.И. Конрад). Оп. 1. Д. 320. 4 п. из Ленинграда, Карловых Вар, 23 июня 1958 г. – 28 сент. 1969 г., на 4 л.; Д. 356. Письмо Д.С. Лихачева Н.И. Конрад-Фельдман (вдове Н.И. Конрада), 25 дек. 1973 г., на 1 л.

⁹ Там же. Ф. 1547 (А.Н. Насонов). Оп. 1. Д. 227. 3 п., из Ленинграда, 17 апр. 1947 г. – 3 авг. 1956 г., на 3 л.

¹⁰ Там же. Ф. 1820 (М.В. Нечкина). Оп. 1. Д. 675. 1 п., 2 тел. 5 февр. 1973 г. – 13 февр. 1981 г., на 3 л.

историка, академика М.Н. Тихомирова¹¹, историка, чл.-корр. АН СССР, директора Института всеобщей истории З.В. Удальцовой¹², историка Н.В. Устюгова¹³, историка, академика Л.В. Черепнина¹⁴, историка, чл.-корр. АН СССР В.И. Шункова¹⁵.

В фондах В.И. Борковского¹⁶, Д.Д. Благого¹⁷, П.Г. Богатырева¹⁸, Н.А. Насонова¹⁹ отложились черновики и копии писем этих ученых, направленных Лихачеву.

Большинство писем типичны для 1960–1980-х годов, когда значительную часть переписки составляли письма, открытки, поздравительного характера. Но многие письма представляют большой интерес и для биографии и творчества ученого, и для истории отечественной науки.

В письмах Д.С. Лихачев высказывал свое мнение по актуальным вопросам науки, о перспективных научных проектах, содержатся его характеристики деятельности коллег, немало информации биографического характера.

В письмах отразилась известная дискуссия о “Слове о полку Игореве”, особенно волновавшая Д.С. Лихачева как знатока древнерусской письменности и литературы. Позиция Лихачева известна, он был сторонником подлинности этого памятника. Дискуссия получила широкий, в том числе международный резонанс. И в СССР с интересом прислушивались к мнениям видных зарубежных ученых. Особое значение имело мнение известного французского слависта А. Мазона, первоначально считавшего “Слово” произведением XVIII в. Поэтому изменение его позиции в вопросе об авторе памятника, вызвало живой интерес Д.С. Лихачева. Об этом он сообщал В.И. Шункову в письме от 26 декабря 1964 г. В нем он писал, что Мазон, ранее считавший автором произведения Иоила Быковского, после прочтения стенограммы обсуждения книги А.А. Зимина, пришел к мнению, что “Слово” было написано в XVI–XVII вв.²⁰

В письме Н.И. Конраду, Лихачев поблагодарил за подаренную им книгу о смысле истории, высоко оценил опубликованную в “Новом мире” в 1967 г. переписку ученого с Арнольдом Тойнби. К работам А. Дж. Тойнби Лихачев вновь возвратился в письме от 28 сентября 1969 г. Его заинтересовало то, что Тойнби писал об учении “кенозиса”, означавшем человеколюбие, личное добровольное уничтожение, по примеру пути Творца на

¹¹ Там же. Ф. 693 (М.Н. Тихомиров). Оп. 4. Д. 345. 43 п., 2 тел., из Ленинграда, 15 сент. 1946 г. – 26 дек. 1964 г., б/д, на 47 л.

¹² Там же. Ф. 1913 (З.В. Удальцова). Оп. 1. Д. 112. 26 п., 2 тел., 26 дек. 1965 г. – 22 дек. 1985 г., на 30 лл.; Д. 113. 16 п. В.Д. Лихачевой-Курбатовой З.В. Удальцовой. 2 февр. 1966 г. – [1978 г.].

¹³ Там же. Ф. 1535 (Н.В. Устюгов). Оп. 4. Д. 129. 5 п., 17 окт. 1952 г. – 28 нояб. 1958 г., на 5 л.

¹⁴ Там же. Ф. 1791 (Л.В. Черепнин). Оп. 1. Д. 379. 2 п., 13 янв. 1969 г., 10 авг. 1973 г., на 2 л.

¹⁵ Там же. Ф. 155 (В.И. Шунков). Д. 364, 1 п, 26 дек. 1964 г., на 2 л.

¹⁶ Там же. Ф. 1781 (В.И. Борковский). Оп. 1. Д. 139. Письмо Д.С. Лихачеву 20 окт. 1960 г., на 1 л., маш. копия.

¹⁷ Там же. Ф. 1828. Оп. 1. Д. 268. 3 п., 3 тел., из Москвы, черновики, машинопись с правкой рукой Б.Я. Брайниной, Маш. копии [1973–1974 гг.], 6 июля 1983 г., на 24 л.

¹⁸ Там же. Ф. 1651. Оп. 1. Д. 238. Письмо Д.С. Лихачеву (черновик), б/д, на 2 л.

¹⁹ Там же. Ф. 1547. Оп. 1. Д. 202. Письмо Д.С. Лихачеву, 25 февр. 1951 г., на 3 л., черновик.

²⁰ Там же. Ф. 1555. Оп.1. Д. 364. Л. 1–10б.

Голгофу. Учение развивалось в раннехристианский период и особенно на Христианском Востоке в IV–VI вв. Сопоставляя это явление с отечественными историческими реалиями, Лихачев замечал, что сходное кенозису явление имеет аналогию на Руси, отразилось в древнерусских памятниках. Пример – “потрясающее письмо Владимира Мономаха к Олегу Святославичу”, прощавшее врага, убийцу своего сына. Ученый рассматривал это письмо, как “поразительный пример альтруизма и мудрости гос[ударственного] деятеля, высочайшей нравственности в политике”²¹.

В переписке с В.И. Борковским, председателем Комиссии по делам конкретных научных предприятий АН СССР в 1960 г., детально обсуждался вопрос о планах подготовки международного Сводного каталога славянских рукописей. Д.С. Лихачев отказался возглавить эту работу и в письмах детально описал свое видение проблемы и причины своего отказа.

Лихачев был против составления каталогов – краткого описания рукописей, считая, что это было бы неоправданным перенесением библиотечных принципов в другую сферу. Он был сторонником более подробных научных описаний. По мнению Лихачева, прежде, чем приступить к созданию Сводного каталога, распределению работы между ее участниками, необходимо было уточнить его принципы, которые, к тому же, по-разному понимались и в Советском Союзе, и в других странах²².

Довольно интенсивная переписка связывала Лихачева с П.Г. Богатыревым – 12 писем. Лихачев “сманивал” его на работу в Ленинград. Значительная переписка велась с В.В. Виноградовым – 26 писем, с З.В. Удальцовой – 29 писем и телеграмм, Д.Д. Благим – 30 писем.

Но самое большое число документов – в переписке с М. Н. Тихомировым, почти 50 писем. Особенно обстоятельны, емки пять писем, присланных Лихачевым в 1950-х годах. Видимо, особая значимость писем подчеркивается тем фактом, что они были напечатаны на машинке, а не написаны от руки. В них обсуждалось издание трудов по истории древнерусской литературы, состав издания, методы публикации и комментария “Повести временных лет”, вышедшей в том же году под редакцией В.П. Адриановой-Перетц, вопросов истории летописания, публикации “Трудов Отдела древнерусской литературы” Пушкинского Дома и др.

Д.С. Лихачев очень высоко ценил мнение М.Н.Тихомирова, обсуждал с ним различные идеи и научно-исследовательские проекты. Об этом свидетельствуют и самые ранние письма. В первом письме от 24 января 1950 г. Лихачев высказал идею об издании “Лицевого свода Грозного в фотографиях”, с тем, чтобы “сделать возможным изучать миниатюры этого издания во всех основных городах СССР”. Эту “затею”, писал он, уже “обдумал и с технической стороны, и со стороны экономической”²³. Тема эта настолько увлекла Лихачева, что организационной стороне подготовки такого издания он посвятил специально подробное письмо²⁴.

Дистанция от замысла до воплощения этого проекта оказалась очень длинной. Как известно, первые три тома из намеченных десяти томов фак-

²¹ Там же. Ф. 1675. Оп. 1. Д. 320. Л. 4.

²² Там же. Ф. 1781. Оп. 1. Д. 139. Л. 3–4 об.

²³ Там же. Ф. 693. Оп. 4. Д. 345. Л. 7 об.

²⁴ Об этом подробнее см. в статье С.О. Шмидта в настоящем издании (с. 59).

симильного издания Лицевого летописного свода вышли из печати только в мае 2006 г.!

Письма рисуют Д.С. Лихачева не только как ученого, но и как личность, отзывчивого человека. В письме от 7 июля 1954 г. Лихачев просил Тихомирова помочь В.И. Малышеву, знаменитому археографу, собирателю рукописей, защитить диссертацию.

Интересно еще одно обстоятельное письмо Д.С. Лихачева от 23 октября 1959 г. Здесь ученый обосновывал новый проект составления фототеки датированных рукописей, почерков “в натуральную величину”. Он также предлагал включить в планы Археографической комиссии подготовку под руководством Тихомирова труда “История письма в России” или “История русского письма” в двух томах по 30 п.л. К этой работе он предлагал привлечь известных специалистов – М.В. Щепкину, В.И. Малышева, И.М. Кудрявцева, В.Г. Геймана, Н.Н. Розова, А.А. Зимина и других. Сам Лихачев “охотно” брал на себя раздел о соловецком скрипториуме – соловецких почерках в рукописях²⁵. В фонде М.Н. Тихомирова, кроме того, имеются также замечания Лихачева о переводе “Повестей о Мамаевом побоище”²⁶.

В фонде историка литературы Д.Д. Благого выявлена рукопись его статьи “Для кого же пишет советский литературовед”. Это отклик на статью Д.С. Лихачева “Для кого пишет литературовед”, опубликованную в “Литературной газете” 23 июля 1964 г.²⁷

В фонде историка и источниковеда А.Н. Насонова хранятся два отзыва на работы Лихачева, разделяемые больше, чем двадцатью годами: “Новгородские летописные своды XII в.”. (19 мая 1941 г.) и “Текстология”, от 15 января 1964 г.²⁸ Интересен черновик письма Насонова от 25 февраля 1951 г. В нем кратко обсуждается рукопись рецензии Лихачева на издания древнерусских памятников: “Духовные и договорные грамоты”, “Новгородская первая летопись”, позиция в вопросах методов передачи их текстов историками-археографами А.И. Андреевым и Л.В. Черепниним²⁹.

Археографические проблемы, вопросы публикации памятников письменности, нашли, естественно, широкое отражение в переписке ученого. В фонде А.А. Новосельского хранится небольшая рукопись Лихачева “К вопросу об издании исторических документов для языковедов” (по поводу замечаний языковедов на “Правила издания документов”) 1954 г., присланная, очевидно, для обсуждения³⁰.

²⁵ Там же. Л. 35–35 об.

²⁶ Там же. Ф. 693. Оп. 2. Д. 342. *Лихачев Д.С.* О переводе “Повестей о Мамаевом побоище”. Из письма к Д.В. Ознобишину. 19 янв. 1957 г., на 1 л.

²⁷ Там же. Ф. 1828. Оп. 1. Д. 23. Авториз. машинопись с правкой; вырезка из газеты, опубликовано под названием “Итак, для кого же мы пишем” (Лит. газета. 1964. 30 июля). Приложена статья Д.С. Лихачева и др. газетные вырезки по теме, 24–29 июля 1964 г., на 24 л.

²⁸ Там же. Ф. 1547. Оп. 1. Д. 162. Л. 80–120. Отзыв А.Н. Насонова о работе Д.С. Лихачева “Новгородские летописные своды XII в.”, автограф и авториз. машинопись, 19 мая 1941 г.; Л. 121–126. Отзыв А.Н. Насонова о работе Д.С. Лихачева “Текстология”, автограф, 15 янв. 1964 г.

²⁹ Там же. Ф. 1547. Оп. 1. Д. 202. Л. 1–3.

³⁰ Там же. Ф. 1714 (А.А. Новосельский). Оп. 1. Д. 221. *Лихачев Д.С.* “К вопросу об издании исторических документов для языковедов” (по поводу замечаний языковедов на “Правила издания документов”) Института истории АН СССР, ГАУ и МГИИ. М., 1954, на правах рукописи). Авториз. машинопись. 13 дек. 1954 г., на 6 л.

В фондах ряда ученых имеются оттиски статей Лихачева с дарственными надписями ученого. 14 оттисков хранятся в фонде Тихомирова³¹, имеются они и в фонде Н.В. Устюгова³².

Немало документов и работ Лихачева выявлено в фондах академических учреждений и Президиума Академии наук.

Конечно, здесь хранится личное дело Д.С. Лихачева, связанное с его избранием в члены-корреспонденты и действительные члены РАН.

Большой комплекс материалов обнаружился в фонде редакции «Краткого биографического словаря “Выдающиеся деятели нашей Родины”»³³ за 1946–1952 гг. Для него Лихачевым были подготовлены статьи о Нестор-летописце, Александре Невском, протопопе Аввакуме, А.А. Шахматове. В списке трудов Лихачева, опубликованном на сайте Санкт-Петербургского фонда культуры, эти статьи не указаны. Насколько известно, они не были опубликованы*. Материалы редакции требуют дополнительного изучения, и в частности дела переписки с авторами³⁴.

В фонде Отделения русского языка и литературы АН СССР хранятся: докладная записка академика В.В. Виноградова и чл.-кор. АН СССР Д.С. Лихачева о состоянии и задачах советской филологической науки от 14 ноября 1952 г.³⁵, стенограмма заседания сектора древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР 26 января 1953 г. – обсуждение книги Д.С. Лихачева “Возникновение русской литературы”, материалы совещания в феврале–апреле 1953 г., посвященного обсуждению печатных трудов Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР: постановление Отделения, тексты докладов, отзывы о трудах, в том числе отзывы о трудах Д.С. Лихачева – В.Ф. Ржиги, Н.К. Гудзия, Л.В. Черепнина и др.³⁶.

В составе материалов Отделения хранится доклад Д.С. Лихачева “Изучение древней русской литературы в Советском Союзе за последние 10 лет”, подготовленный для Международного совещания славистов 1955 г. в Белграде³⁷. Здесь же отзыв профессора Н.К. Гудзия на рукопись доклада, его замечания, направленные в ОЛЯ и лично Лихачеву, копия письма Лихачева председателю Оргкомитета А.И. Беличу от 12 мая 1955 г.³⁸ Ученому не

* Эти статьи публикуются в настоящем издании, с. 427–432. (Примеч. ред.)

³¹ Там же. Ф. 693. Оп. 5. Д. 52. 25 сент. 1948–1955, 1959 гг.

³² Там же. Ф. 1535. Оп. 5. Д. 6. Л. 50. 1955 г.

³³ Там же. Ф. 609 (Краткий биографический словарь “Выдающиеся деятели нашей Родины”. 1946–1952 гг.) Оп. 1. Д. 295. Шахматов Алексей Александрович, авториз. машинопись, 7 янв. 1947 г., на 2 л.; Д. 470. Аввакум, протопоп, авториз. машинопись, 2 редакции, 11 янв. 1947 г., на 5 л.; Д. 473. Александр Невский, авториз. машинопись, 2 экз., б/д, на 11 л.; Д. 515. Нестор-летописец, 4 февр. 1947 г., на 2 л.

³⁴ Там же. Д. 559, 560, 561, 562 – переписка с авторами за 1946, 1947, 1948, 1949 гг.; Д. 572. Переписка с авторами по разделу “Языкознание” за 1951–1952 гг., на 21 л.; Д. 584. Переписка с авторами по разделу “Исторические и военные науки”.

³⁵ Там же. Ф. 456 (Отделение литературы и языка АН СССР). Оп. 1. Д. 326.

³⁶ Там же. Д. 368. Материалы совещания по обсуждению печатных трудов Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (постановление, тексты и тезисы докладов, отзывы о трудах Д.С. Лихачева и др.). Начато 23 февр. 1953 – оконч. 17 апр. 1953, на 199 л. Стенограмма заседания сектора древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР 26 января 1953 г. (Там же. Л. 113–199).

³⁷ Там же. Д. 456. Сопроводительные письма Д.С. Лихачева.

³⁸ Там же. Л. 13, 26–28.

довелось принять участие в совещании, прошедшем 15–22 сентября 1955 г., но доклад, после утверждения на Бюро ОЛЯ, был напечатан, и брошюра была представлена на совещании.

В фонде Археографической комиссии АН СССР хранится телеграмма Лихачева, посланная 24 декабря 1974 г. Она была приурочена к совместному заседанию Комиссии с Группой по изданию ПСРЛ Института истории СССР, посвященному 75-летию историка А.Н. Насонова (1898–1965)³⁹.

В ней, в частности, говорилось: “Арсений Николаевич Насонов был настоящим ученым, отдавшим себя целиком только науке, ответственным за каждый свой вывод, за каждое сказанное и написанное слово, за каждую букву опубликованных им текстов в изданных им летописях [...] в его общении нет сделанных вопреки совести, в угоду предвзятым взглядам или того хуже, отдельным ученым, даже самым влиятельным. Благодаря этому работы Арсения Николаевича лишены суетности и останутся живыми навсегда”⁴⁰. Этот отзыв, эта высокая оценка, тем более интересны, что, судя по переписке ученых, их научные взгляды далеко не всегда совпадали, они спорили друг с другом.

С деятельностью Археографической комиссии, так или иначе, связано немало документов Лихачева, хранящихся в Архиве РАН. На одном из них я хотел бы остановиться несколько подробнее, так как это сыграло заметную роль в истории Археографической комиссии.

23 сентября 1971 г. Лихачев сделал на заседании Президиума РАН научное сообщение “Новые открытия памятников русской письменности и литературы”. Доклад и дискуссия по нему отражены в стенограмме заседания. Заседание вел президент АН СССР М.В. Келдыш. Сообщением Лихачева открывалось заседание Президиума АН СССР. Оно прозвучало в интересном контексте, его значимость подчеркивало то обстоятельство, что дальше должны были обсуждаться вопросы химии, металлургии, топлива.

Сам текст доклада известен, он опубликован⁴¹, хотя, наверное, следовало бы сравнить разные тексты. Но очевидны различия между устным докладом и публикацией статьи, тем более, что стенограмма осталась неуправленной.

Как заявил Д.С. Лихачев в начале своего доклада, он планировал затронуть две основные темы. Первая – “условия, при которых совершаются открытия новых рукописей и новых памятников литературы”, и вторая – важнейшие открытия и какое они имеют значение для истории древнерусской литературы.

Лихачев специально остановился на проблеме научного описания памятников письменности. Важнейшие хранилища рукописей в СССР, за исключением отдела рукописей БАН, в тот период еще не имели таких описаний.

Затронул он вопросы сохранности рукописей и их собирания. Он подчеркнул тот факт, что многие рукописные книги “вообще не собраны”, находятся в частных руках, стали “катастрофически уничтожаться и пропадать”. В этих частных собраниях могут находиться ценные памятники.

³⁹ Там же. Ф. 1901 (Археографическая комиссия АН СССР–РАН). Оп. 1. Д. 72. Л. 76. 24 дек. 1974 г.

⁴⁰ Там же. Ф. 1901. Оп. 1. Д.72. Л.76.

⁴¹ Лихачев Д.С. Новые открытия памятников русской письменности и литературы // ВАН. 1972. № 7. С. 55–65.

Д.С. Лихачев подчеркнул, что в последние годы совершены замечательные открытия в области древнерусской письменности и литературы. И эти открытия совершаются как при изучении неописанных собраний в государственных хранилищах, так и при изучении памятников, собранных в результате археографических экспедиций. И эти открытия рукописей идут во все возрастающем количестве. Более подробно Лихачев характеризовал рукописное собрание Пушкинского Дома.

Об интересе присутствующих членов Президиума АН СССР говорит обсуждение, и даже отдельные реплики. Показывая снимки с Галицко-Волынского Евангелия XI века, Д.С. Лихачев оговорился в одном месте, назвал Евангелие относящимся к XIV в. Тут же последовал вопрос П.Л. Капицы – к какому времени относится Евангелие? Д.С. уточнил, назвав место его хранения – Публичную библиотеку и подчеркнул его значение – “величайшая наша ценность”. Более подробно остановился на недавно приобретенном автографе “Жития” протопopa Аввакума, показав “снимки” его почерка.

В докладе специально обращалось внимание на роль ученых Новосибирска в изучении памятников древнерусской письменности, было сказано об “археографическом открытии Сибири”. Лихачев перечислил самые знаменитые находки рукописей в Сибири: “Синодик ермаковских казаков”, сборник XVIII в. Кирши Данилова, “Судный список” Максима Грека, найденный учеником Тихомирова – Н.Н. Покровским, и др. Конечно, упоминалось и о рукописном собрании академика М.Н. Тихомирова, подаренном Новосибирску. Говоря о значимости этих находок, Лихачев сопоставил найденное “Слово о Рахмане и предивном их житии” с “Утопией” Томаса Мора.

По словам Лихачева, в результате открытий, в частности, по-новому стала представляться жизнь на Русском Севере и в Сибири в XVII в., начало истории русской поэзии, так называемой “приказной поэзии”. Был подчеркнут вклад А.М. Панченко, который присутствовал на этом заседании Президиума АН СССР. Д.С. Лихачев подчеркивал значение не только исторических, литературных сочинений и рукописей, но и церковных памятников, на примере своего открытия автора Канона Ангелу Грозному, доказывая, что автор Парфений Уродивый – это псевдоним Ивана Грозного.

В заключении доклада, Д.С. отметил “крайнюю ограниченность” возможность публикации и исследовательских кадров, необходимость “спешить с поисками рукописей, экспедиционными работами”⁴².

Наибольшую активность проявил академик П.Л. Капица. Он задал вопрос о проблеме подлинности “Слова о полку Игореве” и трудах в этой области, попросив рассказать об этом. Д.С. Лихачев сжато рассказал о концепции А. Мазона, основанной, по его словам, на оценке различных редакций (“версий”) “Задонщины”, краткой, и пространной. Вероятно, в этом же контексте следует рассматривать следующий вопрос Капицы, о том, как могло получиться, что Проспер Мериме своими “Песнями” славян (у Капицы – “северных славян”), ввел в заблуждение “наших ученых”? В том же русле был еще один вопрос: мог бы Лихачев сейчас отличить эту мистификацию от подлинных произведений? На что Лихачев ответил кратко: “да, безусловно”.

⁴² АРАН. Ф. 2. Оп. 3-а. Д. 426. Л. 174–194.

Важные последствия имел вопрос академика В.М. Хвостова, в это время – академика-секретаря Отделения истории: не думает ли Лихачев о том, что нужны какие-то “организационные мероприятия в смысле более тесного контакта между Отделением литературы и языка, Отделением истории и Главным архивным управлением Совета Министров”? Лихачев ответил, что координацией экспедиционной работы должна, по его мнению, заниматься Археографическая комиссия во главе с С.О. Шмидтом. И добавил, что нужно решать вопрос и о научном описании рукописей.

Академик, языковед В.И. Борковский выдвинул предложение, привлечь к собиранию рукописей широкий круг людей, “хранителей рукописей”, обратившись к ним через научно-популярные журналы “Русская речь”, “Наука и жизнь”. Это предложение поддержал Лихачев, сославшись на опыт археографа В.И. Малышева.

По докладу выступил и другой знаменитый физик, академик Л.А. Арцимович. Его обеспокоило прозвучавшее, по его мнению, предложение Лихачева запретить частным лицам заниматься собиранием рукописей. Он сослался на дореволюционный опыт, на людей собравших “гигантское количество” рукописей и документов и предложил привлекать больше “частных собирателей-энтузиастов”, что могло значительно увеличить вероятность поиска.

Д.С. Лихачев согласился, что значение частных коллекций может быть большим, упомянув собрание Тихомирова. В то же время он предложил, чтобы Археографическая комиссия стала органом, регулирующим эту деятельность, выдавая разрешения на собирание рукописей. Тем самым, считал Лихачев, можно ограничить деятельность спекулянтов.

Историк, академик Б.А. Рыбаков выступил с предложением к Президиуму, чтобы новые интересные открытия в области русской культуры публиковались в специальном издании по образцу трудов Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома или хотя бы какого-либо бюллетеня. На что М.В. Келдыш ответил: “Пожалуйста, выпускайте ежегодник. Никакого разрешения для этого нам не нужно”⁴³. Так благодаря докладу Д.С. родилось известное издание “Памятники культуры. Новые открытия”.

Можно считать, что доклад сыграл значительную роль и в истории Археографической комиссии. 27 марта 1972 г. вышло распоряжение Президиума АН СССР № 24-450 “Об улучшении работы по выявлению, приобретению и научному описанию памятников древней письменности и литературы”, во исполнение постановления Президиума АН СССР (№ 782). Постановлением на Комиссию были возложены обязанности координации и планирования работы в области полевой археографии, создания каталогов рукописи, выделены целевые и аспирантские ставки. В Ленинградском отделении Архива РАН, кстати сказать, была создана Археографическая группа во главе с академиком Лихачевым, просуществовавшая до 1999 г.

Но, конечно, не один только этот доклад оказал положительное влияние на работы по собиранию и описанию памятников древнерусской письменности. Нельзя не вспомнить статью Д.С. Лихачева, С.О. Шмидта и Н.Н. Покровского “Сквозь толщу лет. Об организации выявления и спасении памятников письменности и печати”, опубликованную в газете

⁴³ Там же. Л. 198–200.

“Правда” 30 июня 1970 г. и получившую общественный отклик. Доклад на Президиуме АН СССР, вероятно, мог состояться только после этой публикации.

В материалах Президиума РАН, очевидно, есть и другие материалы, представляющие интерес для изучения наследия Лихачева, его деятельности.

Ряд материалов имеется и в фондах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН. В фонде П.Н. Беркова (№ 1047) – статья к юбилею Д.С. Лихачева, письма Лихачева. В фонде В.М. Жирмунского (№ 1001) – отзыв о трудах Лихачева. В фонде А.С. Орлова (№ 673) – отзывы о трудах Д.С. Лихачева “Рассуждение о новгородских летописных сводах XII века”, “Национальное самосознание древней Руси”⁴⁴ и др.

Писатель Даниил Гранин сказал: “У Лихачева был талант человека, который знал, что ему надо делать, знал, что он обязан делать, – талант ответственности. Перед историей, обществом. Перед самим собой, перед своим прошлым”. Эту ответственность, эту увлеченность, равнодушие к судьбам людей, к их памяти, мы видим и в выявленных документах.

Выявление и изучение наследия Д.С. Лихачева только еще начинается. Впереди нас ждут новые интересные открытия. Одним из которых будет издание сборника писем Д.С. Лихачева.

⁴⁴ См. Архив Академии наук СССР: Обзор архивных материалов. М.; Л., 1959. Т. 4. С. 227.

Е.В. Бронникова

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ Д.С. ЛИХАЧЕВА В ФОНДАХ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА¹

В РГАЛИ началась подготовка сборника архивных документов, посвященного выдающемуся отечественному просветителю XX в., крупнейшему специалисту по истории древнерусской литературы, общественному деятелю, первому президенту Российского фонда культуры Д.С. Лихачеву. В сборнике предполагается впервые опубликовать письма Лихачева, отложившиеся в фондах РГАЛИ. Сборник будет посвящен проблемам: “Лихачев и его время”, “Лихачев и его современники”.

В фондах РГАЛИ были выявлены и отобраны для публикации письма Д.С. Лихачева: А.А. Белкину, В.П. Беляеву, С.П. Боброву, Б.А. Введенскому, А.Л. Гришунину, А.Н. Дмитриеву, А.Л. Дымшицу, В.В. Жданову, В.Я. Кирпотину, Н.В. Кузьмину и его жене Т.А. Мавриной, С.Л. Львову, В.Н. Марковой, Д.М. Молдавскому, Р.М. Наппельбаум, И.А. Новикову, В.Н. Орлову, С.А. Рейсеру, Л.К. Степановой с приложением воспоминаний Лихачева об учителе-словеснике Л.В. Георге, Н.Л. Степанову, А.А. Суркову, А.Т. Твардовскому, М.Б. Храпченко, В.И. Чичерову, В.Т. Шаламову, В.Б. Шкловскому, Б.М. Эйхенбауму и другим.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 06-01-92230а/Л) и Фонда Д.С. Лихачева.

Выявление, комплексное исследование и введение в научный оборот части эпистолярного наследия Д.С. Лихачева предпринимается впервые. Публикация не известных ранее архивных материалов позволит создать уникальный сборник, представляющий собой и самостоятельное научное исследование, и материал для дальнейших исследований по истории отечественного гуманитарного знания, научной и общественной жизни второй половины XX в. Публикации архивных документов будут сопровождаться научным комментарием, показывающим место Д.С. Лихачева в развитии отечественного гуманитарного знания, раскрывающим основные идеи и замыслы выдающегося деятеля науки, прослеживающим его творческие связи с современниками. Вступительную статью к сборнику любезно согласился написать С.О. Шмидт, лично знавший Дмитрия Сергеевича. Принимая во внимание многогранную деятельность Дмитрия Сергеевича, в сборник будут включены эпистолярные документы, хранящиеся в частных собраниях и в других архивах – Архиве РАН, Архиве Президента РФ, РГАНИ, Музее МХАТ, Архиве Фонда культуры.

Рукописное наследие Д.С. Лихачева представляет собой квинтэссенцию гуманитарного знания этой эпохи. С каждым годом возрастает интерес к трудам и к личности самого ученого. Творческое наследие Д.С. Лихачева (его научные труды, статьи, публицистические работы, воспоминания) широко публиковалось при жизни ученого и переиздается до сих пор. Между тем такая важная часть его, как переписка, остается почти совсем не известной ни специалистам, ни тем более широкому читателю. Он был лично знаком и поддерживал дружеские и научные контакты со многими представителями советской интеллигенции. Издание эпистолярных источников Д.С. Лихачева необходимо не только для изучения жизни и творчества ученого, но важно и для реконструкции научной и общественной жизни второй половины XX в.

Лихачев как литературовед и выдающийся текстолог хорошо понимал значение архивных документов, поэтому передал на хранение в Архив ИРЛИ свой личный архив. Проблемы сохранения и использования документов он обсуждал в переписке со своим младшим современником, текстологом, сотрудником ИМЛИ, членом редколлегии серии “Литературные памятники” Андреем Леопольдовичем Гришуниним: “Я открыл свой фонд в Пушкинском Доме. Малая часть его описана, большая – будет разбираться невесть когда. Я на это и рассчитываю. Когда дело дойдет до моих писем, корреспондентов и всех вообще лиц, в письмах затронутых, не будет уже в живых. Не думаю, что у Вас будет иначе и письма Ваши станут доступны Вашим неприятелям.

У меня переписка с Шкловским, Кавериним, Чуковским, Дорошем, Заболоцким, полно писем иностранных славистов [...]. Не думаю, чтобы все выбросили, хотя мусора предостаточно. После войны я ничего не уничтожал” (письмо А.Л. Гришунину, не позднее 17 сентября 1996 г.)². Свой личный архив А.Л. Гришунин начал передавать с середины 1990-х годов в РГАЛИ, в том числе и свыше 100 писем Д.С. Лихачева за 30 лет их знакомства. Это самый значительный комплекс эпистолярного наследия Лихачева в фондах РГАЛИ.

² РГАЛИ. Ф. 3288 (А.Л. Гришунин). Новое поступление.

Д.С. Лихачев, страстный любитель и охранитель отечественной культуры, прекрасный организатор, в годы перестройки возглавил Советский фонд культуры, но это почетное и важное начинание стало одним из самых больших разочарований в его многотрудной жизни. В этом он признавался в одном из писем Гришунину: «В “Узкое” мы не поедим: не дадут мне покая дела РФ Культуры. [...] 5 лет потеряны. Столько волнений, загубленного времени, нервов, здоровья! И все это, чтобы нажиться несколькими людям» (письмо от 29 апреля 1993 г.)³.

Несколько десятилетий своей жизни ученый посвятил фундаментальной книжной серии “Литературные памятники”, встречая в своей работе много препятствий и условностей. Для пользы дела он вынужден был не раз искать компромиссы и идти на уступки. Об этом читаем в одном из писем известному литературоведу-блоковеду В.Н. Орлову: “[...] я как председатель серии часто становлюсь жертвой разного рода хамства и не ухожу из председателей, так как хочу, чтобы дело продолжалось и чтобы хоть что-то интересное выходило. Приходится прятать самолюбие в карман. Хотя я и председатель, но разные согласования происходят в Москве и московские члены редколлегии творят, что хотят. Мне приходится отменять часто их решения, но они ходят к вице-президенту, докладывают, и тот уже дает распоряжения” (письмо от 31 августа 1977 г.)⁴.

Судя по письмам, Дмитрий Сергеевич был вдумчивым и благодарным читателем. Он писал Орлову 11 мая 1979 г. после прочтения его книги “Гамаюн. Жизнь Александра Блока” (Л., 1978): «Зимой с удовольствием читал “Гамаюна” (раньше не мог добраться: дел горы и больше пишу, чем читаю...).

Для второго издания “Гамаюна” крошечная поправка: на германском посольстве была победная колесница не с 4 лошадьми, а с 2 конями только. Я помню, как толпа зацепила ее канатами, сбросила и волокла в Мойку (долго стояли сломанные перила), потом выбрасывали из окон посольства рояли и один упал с великолепным, мощным и очень трагичным звуком всех струн.

А здание считалось последним криком архитектуры, оно только что было открыто к 1914 г. – неоклассицизм. Архитектор хороший. Оно до сих пор красивое»⁵. В письме речь идет о здании на Исаакиевской площади (д. 11/41), приобретенном в 1873 г. Германским посольством. В 1911–1913 гг. дом был полностью перестроен по проекту немецкого архитектора Петера Беренса в стиле неоклассицизма, аттик здания украсила скульптурная группа “Диоскуры” (автор Э. Эпке). Новый облик Германского посольства был критически воспринят художественной общественностью Петербурга за его “тевтонский дух”. В июле 1914 г., после объявления Германией войны, в посольстве был устроен погром, свидетелем которого, как явствует из письма, был Лихачев.

Всю жизнь Дмитрий Сергеевич старался не оказаться “схематизатором, еретиком, путаником”. Он предпочитал, как сам писал об этом литературоведу Б.М. Эйхенбауму, “думать сердцем” и его “представления о взаимоотношении литературы и фольклора при феодализме связаны с ощущени-

³ РГАЛИ. Ф. 3288.

⁴ Там же. Ф. 2833 (В.Н. Орлов). Оп. 1. Ед. хр.174. Л.5.

⁵ Там же. Л. 6 и об.

ем, с чувством, эстетическим восприятием средневековья”. Далее в письме Лихачев сообщает о самом значительном событии последних дней: «Купил себе проигрыватель “Юбилейный” и первую партию пластинок в новом магазине на Невском около Михайловской улицы» (письмо от 13 марта 1959 г.)⁶. Исследователю остается только догадываться, что в этой фразе главное – приобретение проигрывателя или открытие нового магазина!

В РГАЛИ хранятся 43 письма Лихачева литературоведу Дмитрию Мироновичу Молдавскому за 1956 по 1986 годы. В одном из них Лихачев размышляет о соотношении древнейшей истории с современностью: «[...] занятие древнерусской литературой, рукописями, стариной и показывает, что это не “уход в прошлое”, а приближение этого прошлого к современности, что современность не ограничивается современностью, что она обращена вперед и назад, что оценить современность можно только в большой исторической перспективе и что чем величественнее современность, тем большей перспективы она требует. Наша современность – не узкая злободневность, а вершина многовекового исторического развития, вершина, с которой далеко видно – и вперед, и назад, и которую самую видно хорошо из прошлого, как будет еще лучше видно из будущего [...]» (письмо от 9 июня 1971 г.)⁷. В письме Молдавскому он послал текст своего юношеского поэтического экзерсиса, а также упомянул об одном из путешествий по Волге и на Валаам в 1986 г.: «В юношеские годы мне казалось, что в поэзии главное – удачные ассонансы, словесная игра, эквилибристика, шутка, идущая от экспромтов. Нашел листок с одним из моих шуточных упражнений. Стихи непременно должны были быть “глубокими”, т. е. бессмысленными:

Исчадием ада
И чадом чадающим
На озере Чада
Встал алый причал.
К причалу причалил
Чалдон чуко чуткий
И чады шадящий
Отпраздновал бал.

Только что приехали на теплоходе из Москвы (ехали в Москву на “Владимире Ильиче”, а затем вернулись, посетив Углич, Плёс, Кострому, Ярославль, Кириллов, Петрозаводск, Кижы, Валаам). В который раз, но все равно приятно – без хлопот и всей семьей, с Милой и Сергеем. 14 дней. Как раз для стариков» (письмо от 21 июля 1986 г.)⁸.

Чрезвычайно содержательны письма литературоведу, писателю В.Б. Шкловскому (18 писем за 1959–1984 гг.)⁹. В них – замыслы, размышления о литературе, воспоминания. Интересы Дмитрия Сергеевича не ограничивались только проблемами древнерусской литературы. Так, еще в 1963 г. он писал Шкловскому о мало кому известном тогда А.М. Ремизове, писателе-эмигранте, с которым они вместе с Виктором Борисовичем имели

⁶ РГАЛИ. Ф. 1527 (Б.М. Эйхенбаум). Оп. 1. Ед. хр. 480. Л. 8.

⁷ Там же. Ф. 2873 (Д.М. Молдавский). Оп. 1. Ед. хр. 251. Л. 27.

⁸ Там же. Л. 53.

⁹ РГАЛИ. Ф. 562 (В.Б. Шкловский). Оп. 2. Ед. хр. 530.

счастье общаться в 1910-е годы: “Хорошая тема – написать книгу об А. Ремизове. Материал выигрышный, трагический (есть уже книга Кодрянской, но это не то). Самый русский писатель, попавший в самую заграничную страну, и как он титулами Обезвельволпала¹⁰ англичан награждал и чертяками комнату свою населял, а умер от голода и тоски по всему русскому, а под конец Малышев ему столичной и икры прислал и тем (этим приветом) смерть его скрасил.

Все книги Ремизова и его рисунки есть в Пушкинском Доме” (письмо от 13 августа 1963 г.)¹¹.

Шкловского Лихачев любил, воспринимал Виктора Борисовича как “односельчанина”, поскольку, по его словам, “Ленинград стал большой деревней”. Дмитрий Сергеевич восхищался стилем Шкловского: “Все больше хочется писать, как Вы: заметками, афоризмами и на разные темы. [...] Живем теперь в Комаровах (Келомякки), изредка езжу в места детства в Куоккале (говорили – К’окала). Дом Репина не похож на себя, деревья сменились, дача Чуковского разваливается, только земля (рельеф земли) прежний и цвет неба. Все уйдет в землю и поднимет глаза к небу. Верю, что буду видеть” (письмо от 28 марта 1981 г.)¹².

В другом письме Шкловскому Лихачев упоминал о неудавшейся попытке на рубеже 1970–1980-х годов создать новую академическую серию “Эпистолярная культура”. Это начинание опережало потребности своего времени, и поэтому не было поддержано академическим сообществом.

«Очень приятно было получить от Вас письмо: точно повидался с Вами. В Ваших письмах, как и в Ваших книгах, чувствуется Ваш голос, Ваша речь. А письменная обогащается от речи устной – во все века, даже в самые древние. Не хочу говорить пошлостей, но литература всегда обогащалась, когда шла от обыденной жизни, высокопарность убивалась разговором, устностью. Литература все время борется сама с собой. Процесс примерно такой: сперва литература “смягчается” бытовой жизнью, устность документом, разговором, “низшими жанрами”. Потом – все это в свою очередь становится привычной литературой, снова происходит борьба, пока и эта волна вторжения жизни не “захлебывается” и не становится снова литературой. [...] Я говорил на общем собрании Отделения АН и на “ученом” совете ИРЛИ – надо начать серию “эпистолярная культура”, в которой издавать письма как “маленькую литературу”, ибо большая литература обогащается “маленькой”. Письма, которые писатель пишет, не думая и не переписывая их, – основа его больших, парадных писаний. Исследователь ведь всегда идет по черному ходу: он дворник и кухарка в литературе (замечаете, что в Вашем письме к Вам я подпадаю под влияние Вашего стиля – Вы заразительны в хорошем смысле – не как заразительная болезнь, а как заразителен смех). Но серии “эпистолярная культура” не добился. А ведь она интересна и для древней русской литературы. [...] Мы, литературоведы, тоже святые люди, нас изредка прорабатывают, но мы возвращаемся к нашему скоморошеству – “изобретению книг”. Это было в Чуковском, рождалось на тех берегах Финского моря, где жили мы: Чуковский, Вы, Маяковский, приезжал кавалер Обезьянего ордена Мейерхольд, жил

¹⁰ Обезвельволпал – “Обезьянья великая и вольная палата”, игровое “тайное” общество, придуманное Ремизовым.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 562. Оп. 2. Ед. хр. 530. Л. 2об.

¹² Там же. Л. 17.

и командор Обезволпала Ремизов, рождался авангард – Пуни, Анненков, Кульбин, Хлебников» (письмо от 20 апреля 1982 г.)¹³.

Шкловского и Лихачева связывали общие воспоминания о молодости, проведенной на берегах Финского залива: «Любимыми развлечениями были “огненные” – костры (а любимый праздник Иванов день), фейерверки (пиротехнику покупали под Думой), играл оркестрик из четырех немецких отставных солдат “Ойру” (ее потом требовали играть даже в “Бродячей собаке” потому, что она напоминала Куоккалу), был свой “смеховой мир” (сугубо серьезны были только местные Панталоне – не знавшие ни слова по-русски немецкие музыканты: они думали, что ходят по Германии и их приглашают на детские праздники из немецкой сентиментальности, – они жили и переосмыслили себя в ином мире). А русские в Куоккале, Оллиле и Дюнах (где была Ваша дача) состояли из немцев обрусившихся, итальянцев (Пуни и пр[очих]), шведов, финских мальчишек, петербургских евреев, англичан (Грин, Прен), русских артистов, поэтов, режиссеров, художников и пр[очих]. Не прижился в Куоккале Блок (лишен чувства юмора? как Вы думаете?), и провалилась со своим Стринбергом Любовь Дмитриевна¹⁴ (веселей были водевили, которые ставили куоккальские подростки)». На склоне лет Лихачев продолжал оставаться “изобретателем книг”, о чем читаем далее в письме: “Скоро выходит (в IV квартале) моя книга о садах и парках (надоела только литература – изобрел для себя новую тему)”¹⁵.

Лихачев был знаком со многими известными писателями своего времени. Дружескими были взаимоотношения Дмитрия Сергеевича с редакцией “Нового мира” и, прежде всего, с главным редактором журнала Александром Трифоновичем Твардовским. Именно “Новый мир” стал инициатором выдвижения ученого на соискание Государственной премии 1969 г. за исследование “Поэтика древнерусской литературы” (1967). В фонде Твардовского хранятся два поздравления Лихачева. Первое – открытка, содержащая поздравления сотрудников редакции журнала “Новый мир” с наступающим Новым 1970-м годом: «Сердечно поздравляю с Новым годом и очень благодарю за поздравления с Государственной премией в № 10 редакцию “Нового мира”.

От души желаю редакции мирной, спокойной, уютной (“за самоваром”) работы на пользу и славу нашей глубоко любимой страны. Мне особенно приятно, что премию я получил по инициативе “Нового мира”. Лихачев» (около 26 декабря 1969 г.)¹⁶. Этим от души идущим пожеланиям Дмитрия Сергеевича, не суждено было исполниться. В начале 1970 г. Твардовский покинул пост главного редактора “Нового мира”. 23 июня Лихачев прислал на домашний адрес Твардовского поздравительную телеграмму в связи с 60-летним юбилеем поэта: “Горячо поздравляю, крепкого здоровья, творческого оптимизма, успехов. Всегда благодарны. Лихачев”¹⁷».

¹³ Там же. Л. 18.

¹⁴ Блок Любовь Дмитриевна (урожд. Менделеева; 1881–1939) – актриса, сценический псевдоним Басаргина, жена А.А. Блока.

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 562. Оп.2. Ед. хр. 530. Л. 18 об.

¹⁶ Там же. Ф. 1816 (А.Т. Твардовский). Оп.2. Ед. хр. 431. Л. 53. Открытка с изображением самовара из собрания Русского музея.

¹⁷ Там же. Л. 55.

В числе корреспондентов Лихачева был и Иван Алексеевич Новиков. Их знакомство было основано на общности исследовательского интереса к выдающемуся литературному памятнику, “Слову о полку Игореве”, споры о котором не утихают и сегодня.

И.А. Новиков с 1937 г. и до конца своей жизни занимался переводом “Слова” на современный язык. Писатель участвовал в полемике конца 1930-х годов о “Слове о полку Игореве” – о времени создания этого произведения, о месте его написания, об авторстве. В январе 1938 г. он принял самое деятельное участие в подготовке юбилейных мероприятий, посвященных 750-летию со времени создания “Слова”: был одним из членов Единого консультационного центра при Союзе советских писателей, написал ряд статей для периодической печати об этом литературном памятнике, был членом выставочного комитета по подготовке выставки, посвященной “Слову” в Государственном литературном музее. В 1950 г. Новиков был председателем комиссии Союза писателей по празднованию 150-летия со дня опубликования “Слова о полку Игореве”. В связи с этим юбилеем создали постоянно действующую комиссию по “Слову о полку Игореве” при Союзе писателей. Новиков возглавил эту комиссию. Главным направлением работы первоначально было разыскание списка “Слова” (с привлечением к работе Главного архивного управления СССР), исследование текста памятника (изучение его языка, исторического фона и т.д.) и истории его бытования, создание новых переводов на современный язык, знакомство с новыми работами о “Слове”, пропаганда “Слова” среди деятелей искусства, педагогов, систематическое общение с Радиокomiteетом, издание не-периодических сборников, соби́рание тематической библиотеки.

Д.С. Лихачев дважды обращался к Новикову от имени Сектора древнерусской литературы ИРЛИ с просьбой “прислать нам полный список Ваших печатных работ с точным указанием выходящих данных (желательно расположение работ в строго хронологическом порядке) и Вашу краткую автобиографию” (письма от 14 сентября и 20 декабря 1955 г.)¹⁸.

Новиков ответил почти через год, 17 октября 1956 г.: «Посылаю Вам новую свою книгу “Писатель и его творчество”: там и о “Слове”, и о более поздних наших классиках. Вы ведь верный поклонник “юности нашей старины” и вообще взгляда на историю литературы как на нечто цельное и непрерывное. У меня же с годами (ведь вот-вот целых сто!) ощущение это – жизни самого времени – все более и более крепнет.

Пользуюсь случаем принести Вам свое извинение за длительное молчание на запрос о моих работах литературоведческого порядка. Все собирался это сделать, но и занятость, и здоровье, и годы, и непривычка к подобным поискам “у самого себя” – помешали мне это сделать. Не сердитесь же за это на меня и примите мой душевный привет и пожелание здоровья и успехов в Ваших очередных работах»¹⁹.

В ответ на это Лихачев писал Ивану Алексеевичу 21 октября 1956 г.: «Каковы бы ни были суждения литературоведов об отдельных деталях Ваших работ о “Слове”, я думаю, что никогда не забудется то, что Вы подошли к “Слову” как художник, ощутили “Слово” сердцем, не только умом, почувствовали его как русский. Поэтому и работы Ваши о “Слове” будут

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 343 (И.А. Новиков). Оп. 4. Ед. хр.733. Л. 1, 2.

¹⁹ Там же. Ед. хр. 405. Л. 1.

всегда читаться с особым интересом – с интересом к “Слову” и с интересом к Вам, как художнику»²⁰.

Лихачев был членом редколлегии “Краткой литературной энциклопедии”, работа над которой велась почти 10 лет. В 1975 г., после выхода в свет 8-го тома, Дмитрий Сергеевич в письме к А.А. Суркову, члену научно-редакционного совета КЛЭ и ее главному редактору, подвел итоги колоссальной работы по подготовке этого фундаментального издания: «“Краткая литературная энциклопедия” почти завершена. В связи с этим мне хотелось бы высказать о ней Вам свое мнение.

Такое предприятие, как “Литературная энциклопедия”, при любых обстоятельствах и в любое время – дело очень сложное и всегда оставляет множество обиженных людей, так как оно захватывает и современников. Одному кажется, что его почтили в энциклопедии недостаточным количеством строк, другому обидно, что нет его портрета, третьего – что его вообще “забыли” и т.д. Литературные люди всегда очень активны, и им легко мобилизовать своих друзей на протесты и то или иное выражение недовольства. Мог бы и я выразить какое-нибудь неудовольствие по поводу статьи обо мне (портрет недостаточно красив или строки две надо бы прибавить, в списке трудов пропущена какая-нибудь моя статья и пр., и пр.). Но, отвлекаясь от тех или иных мелких недостатков, которые, действительно, в таком крупном и сложном предприятии всегда найдутся, я должен сказать, что все издание чрезвычайно нужное и хорошее.

Сравнивая нашу энциклопедию с ее предшественницей, видишь, насколько мы продвинулись вперед в составлении таких изданий. Наша энциклопедия очень полна, порой по части включенных в нее имен даже излишне полна (но это не беда), и она хороша по тону своих статей: строго научному, без преувеличений, без похвал или “разоблачений”. Например, все статьи о формалистах и формализме написаны спокойно, с марксистских позиций, но без заушательства²¹. Они не бранят, а разъясняют с современной точки зрения суть вопроса. Строгий, ясный, доходчивый стиль статей – это большое достижение работников КЛЭ. Очень хороша библиография, прилагаемая к статьям. Виден единый принцип: дать в руки читателя ключи к литературе вопроса, имея которые, читатель сможет найти все, что ему будет нужно.

Очень трудно было уделить должное внимание всем нашим республикам. И это сделано. Пришлось советским писателям даже потесниться. Но по русским писателям нужны отдельные издания. Без этого просто невозможно сейчас заниматься русской литературой: ни классической, ни древней, ни русской советской. Необходим был бы также “Словарь русских периодических изданий” (может быть, ограничившись только литературными и филологическими изданиями). Необходимо дать в руки читателей историю всех периодических общественно-политических и филологических журналов.

С искренним уважением Д. Лихачев

27.VI.75»²².

²⁰ Там же. Ед. хр. 733. Л. 3.

²¹ Так у Лихачева.

²² РГАЛИ. Ф. 3105 (В.В. Жданов). Оп. 1. Ед. хр. 282. Л. 1 и об.

Лихачев был знаком с В.Т. Шаламовым, о чем свидетельствует письмо Дмитрия Сергеевича в личном архивном фонде писателя. Оно написано тогда, когда о сталинских репрессиях опасно было говорить даже вполголоса, а уж тем более письменно (т.е. документально) обращаться к запрещенному властью писателю: «Дорогой Варлам Тихонович, захотелось написать Вам. Просто так! У меня тоже был период в жизни, который я считаю для себя самым важным. Сейчас уже никого нет из моих современников и “соотечественников”. Сотни людей слабо мерцают в моей памяти. Не будет меня, и прекратится память о них. Не себя жалко – их жалко. Никто ничего не знает. А жизнь была очень значительной.

Вы другое дело. Вы выразили себя и свое» (письмо от 20 сентября 1979 г.)²³.

“Выразить себя и свое”, запечатлеть не только свою эпоху, но и времена давно прошедшие удалось в полной мере и Дмитрию Сергеевичу Лихачеву – в научных монографиях, статьях, публикациях древнерусских памятников, воспоминаниях... Определенное место в этом предстоит занять эпистолярному наследию ученого. Тем более что Лихачев рассматривал переписку как “маленькую литературу” и называл эпистолярную культуру тем “черным ходом”, без которого невозможно проникновение в литературу большую.

²³ Там же. Ф. 2596 (В.Т. Шаламов). Оп. 3. Ед. хр. 330. Л. 1.

II. ОБЗОРЫ, ОПИСАНИЯ, БИБЛИОГРАФИЯ

А.Г. Смирнова

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ МУЗЕЙНО-ЭКСКУРСИОННЫЙ ИНСТИТУТ: ИЗ ИСТОРИИ ОРГАНИЗАЦИИ ЭКСКУРСИОННОГО ДЕЛА В МОСКВЕ В НАЧАЛЕ 1920-х ГОДОВ

(по документам ГАРФ)

История отечественной экскурсионной школы насчитывает уже более ста лет. Один из наиболее ярких и плодотворных периодов в процессе становления экскурсии как просветительного, образовательного и исследовательского метода приходится на 1920-е годы. Именно в это время в Москве и Петрограде (Ленинграде) работала плеяда блестящих экскурсионистов, и деятельность их была сконцентрирована вокруг двух специальных научных учреждений: московского Центрального музейно-экскурсионного института (ЦМЭИ) и Петроградского экскурсионного института (ПЭИ). Несмотря на серьезный научный потенциал, на значительные результаты в развитии методики и практики экскурсионного дела, оба института просуществовали всего лишь несколько лет, были реорганизованы и затем окончательно прекратили свою деятельность. Опыт 1920-х годов получил лишь частичное применение в дальнейшем развитии экскурсионно-туристической деятельности. Многие глубокие научные разработки историко-культурной и естественно-научной экскурсии оказались забытыми на десятки лет. Малоизвестной для исследователей оставалась и деятельность экскурсионных институтов. Хотя Петроградскому экскурсионному институту в этом отношении повезло чуть больше благодаря введенным в научный оборот архивным документам и появившимся в последние годы публикациям мемуарного и эпистолярного наследия петроградских (ленинградских) экскурсионистов И.М. Гревса и Н.П. Анциферова. О деятельности же московских экскурсионистов и в особенности Музейно-экскурсионного института почти ничего не известно, о нем вообще мало кто упоминает¹.

Из-за отсутствия научной информации о ЦМЭИ утвердилось мнение об основополагающем влиянии петроградской (ленинградской) экскурсионной школы на становление отечественного экскурсионного дела. Однако, как нам представляется, дальнейшая научная разработка истории

¹ Одна из очень немногих работ, затрагивающих деятельность ЦМЭИ, принадлежит перу сотрудника Института А.А. Коленкина. См.: *Коленкин А.А. Дальние экскурсии. Опыт массовой работы Центрального Музейно-экскурсионного института и Института методов внешкольной работы НКП. М., 1927.*

экскурсионной школы в России может существенно скорректировать наши представления. Такую возможность дают архивные документы, связанные с деятельностью ЦМЭИ, отложившиеся в фонде Главнауки в ГАРФ². В деле № 152 сохранились машинописные копии и рукописные делопроизводственные и методические документы (отчеты и планы работ, служебные записки, списки личного состава, формуляры анкет, методические разработки экскурсионных маршрутов и пр.), содержащие обширную и разностороннюю информацию о ЦМЭИ за период с октября 1921 г. по ноябрь 1923 г.

ЦМЭИ начал свою деятельность в октябре 1921 г.³, будучи в ведении Наркомпроса и имея в качестве основных задачи “выработки новых активных и творческих исследовательских приемов работы в школе путем широкой пропаганды правильного применения экскурсионного метода и экскурсий; создания на местах краеведческих учреждений, связанных с экскурсионным обслуживанием детей и педагогического персонала”⁴. В научно-теоретическом плане предполагалось сделать следующее:

- разработать типовые методы педагогической экскурсии;
- разработать отдельные педагогические экскурсии по научно-исследовательским институтам Наркомпроса совместно с сотрудниками соответствующих институтов;
- составить программы экскурсионных курсов по различным дисциплинам и разработать ряд научных экскурсий по Москве;
- разработать темы и маршруты по Поволжью, Северу, городам Ростову Великому, Владимиру, Ярославлю, Вологде, Нижнему Новгороду, Пскову, Архангельску;
- разработать основные положения о проведении дальних экскурсий и методы и формы учета результатов экскурсионной работы;
- составить программы для экскурсионных семинариев и курсов;
- поставить вопросы о производственно-технических экскурсиях⁵.

Возглавлялся Институт Президиумом, который наряду с общим руководством занимался и административно-хозяйственными вопросами: специальных хозяйственных подразделений в Институте не было⁶.

В составе Института действовали комиссии: методическая, по разработке цикловых и курсовых планов и эпизодических экскурсий для школ второй ступени, “Город и деревня”, педагогическая, учетная⁷. В структуре Института существовал отдел дальних экскурсий⁸.

ЦМЭИ имел девять экскурсионных баз в городах Ростове, Ярославле, Владимире, Нижнем Новгороде, Казани, Вологде, Пскове, Архангель-

² ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 8. Д. 152.

³ Сохранившиеся в деле отчетные документы содержат информацию начиная с 1 октября 1921 г. (см.: ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 8. Д. 152. Л. 1, 26). Документов о создании ЦМЭИ автору пока обнаружить не удалось.

⁴ ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 8. Д. 152. Л. 1.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 26.

⁷ Там же. Л. 1–2.

⁸ Там же. Л. 5.

ске, Новгороде и два отделения в Самаре и Екатеринбурге⁹. В результате постоянных сокращений штатов число экскурсионных баз и отделений было доведено до трех (в Ростове, Ярославле и Владимире), однако при этом Уральское отделение в Екатеринбурге и уполномоченный ЦМЭИ в Пскове продолжили работу по собственной инициативе без финансирования¹⁰. Задачами уполномоченных являлись разработка новых экскурсий с подробным изложением содержания, названия, маршрута, с перечнем литературы, проведение совещаний по экскурсионным вопросам для педагогов, руководство экскурсионными группами, как направленными отделом дальних экскурсий, так и сформированными на месте, организация пребывания экскурсантов¹¹.

При Институте была своя библиотека, насчитывавшая 1215 томов, выполнявшая вспомогательные функции и обслуживавшая экскурсантов¹².

К январю 1923 г. структура Института выглядела следующим образом: общий отдел (2 сотрудника), отдел экскурсий по Москве (15 сотрудников), отдел дальних экскурсий (2 сотрудника), отдел выставок и пропаганды (1 сотрудник), отдел методической разработки краеведческих экскурсий (2 сотрудника)¹³.

В документах сохранились сведения о персональном составе коллектива ЦМЭИ. Возглавлял Институт Арт Яковлевич Закс (совмещая эту должность с деятельностью заведующего Московской опытно-показательной экскурсионной базой), в состав руководства входили также Анатолий Васильевич Бакушинский (хранитель Цветковской галереи), Николай Александрович Гейнике, также в числе научных сотрудников были Д.М. Щиголев, О.И. Коленкина, В.В. Симоновская, Е.А. Есипович, А.И. Архангельская, З.П. Базилева, М.Н. Райненштейн, М.М. Себенцова, Н.П. Федорова, Л.Е. Случевская, Н.П. Зимин, П.П. Смолин, А.А. Коленкин, С.А. Преображенская, Ю.И. Менжинская, Я.Н. Шихманов, Н.Г. Тарасов, Л.Е. Игнатова, З.А. Карпов и др.¹⁴

Как уже говорилось, на протяжении всей своей деятельности ЦМЭИ подвергался сокращению кадров, что значительно осложняло его работу. Если начиная работу в октябре 1921 г., Институт имел в штате 28 сотрудников, а к 1 января 1922 г. это число даже возросло до 43 человек, то уже к 15 июля того же года оно снизилось до 30, а к 15 октября – до 27 единиц¹⁵.

В своей работе Институт сочетал научно-исследовательские, методические и практические функции. Все подразделения, решая свои непосредственные задачи и взаимодействуя друг с другом, органично способствовали достижению главной цели – всестороннему развитию экскурсионного дела.

Основными направлениями деятельности методической комиссии были: составление плана общеобразовательной работы с педагогическими группами, разработка специальной методики экскурсионного дела для

⁹ Там же. Л. 18.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Л. 26.

¹³ Там же. Л. 29.

¹⁴ Там же. Л. 41–41а.

¹⁵ Там же. Л. 26.

школ первой и второй ступеней, разработка программ экскурсионных курсов для педагогов. За год работы (с октября 1921 по октябрь 1922 г.) методическая комиссия составила программу шестинедельных экскурсионных курсов для педагогов, “объединяющих моменты преподавания естествознания, обществоведения, эстетического воспитания”; план работ циклового семинария для учителей по эстетическим экскурсиям; план экскурсий для месячных учительских курсов; программу курсов по биологии и план биологической методической цикловой экскурсионной работы для школьных работников, а также план работ по обществоведческой экскурсии в цикловом семинарии для учителей¹⁶.

За тот же отчетный срок комиссия по разработке цикловых и курсовых планов и эпизодических экскурсий для школ второй ступени выполнила работу по сбору материала для обществоведческих экскурсий и разработала следующие виды экскурсий: по улицам Москвы, по Музею изящных искусств, по Картинной галерее Румянцевского музея, по Третьяковской галерее¹⁷.

Комиссия “Город и деревня”, в задачи которой входило “дать в руки учителя материал программы для построения курса обществоведения в школе на основе краеведческого материала изучения области”, составила программу “Монументальный материал города и деревни как предмет экскурсии” с отделами “Типы человеческих обществ”, “Типы поселений, исторически сложившиеся в средней полосе России”, “Большой промышленный город”, “Маленький провинциальный город”, “Фабричный поселок”¹⁸. Экскурсия по этой программе имела характер учебной экспедиции, и работа в ней была поставлена “на основе самостоятельных учебно-исследовательских работ учащихся”, собиравших и обрабатывавших материал с последующими обобщениями и выводами. Экскурсионная группа была разбита на 11 подгрупп, каждая из которых работала со своей подтемой, являвшейся составной частью общей экскурсионной темы¹⁹.

Основное внимание в работе педагогической комиссии было уделено разработке школьной и внешкольной экскурсии, методическим вопросам воспитательной и просветительной экскурсионной работы. В рамках этих задач комиссия изучала школу как особый организм, типы школ, технику преподавания и воспитания в школе, опираясь на опыт работы опытно-показательных учреждений Наркомпроса. Среди современных направлений социального воспитания и внешкольной работы внимание комиссии привлекли клубы, театр, научные учреждения, в связи с чем сотрудники изучали темы “Клубы как молодые побеги старого организма Народного Дома”, “Клуб и театр” и др.²⁰

Организацией учетной работы с приезжими группами и разработкой специфических форм учета занималась учетная комиссия Института. В архивном фонде в приложении к “Отчету Центрального музейно-экскурсионного института с 1 октября 1921 г. по 1 октября 1922 г.” сохранились

¹⁶ Там же. Л. 1.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Л. 1 об.

²⁰ Там же.

образцы “Предварительной анкеты для группы”²¹ и “Анкеты”²², составленных учетной комиссией. И тот, и другой документы свидетельствуют, насколько тщательно московские экскурсионисты подходили ко всем этапам экскурсионной работы. Детальность вопросов “Предварительной анкеты” и “Анкеты” позволяла собрать максимально полную информацию не только о самой группе, о ее составе, интересах, уровне подготовки и особенностях подготовительной исследовательской работы экскурсантов, об их связях с краеведением и участии в краеведческой работе, но и об отношении к предпринятой экскурсии местных органов власти, о постановке педагогической работы на местах, о характере предварительной организационной работы, о способах передвижения группы к месту экскурсии, об экономической стороне дела и многом другом, что в конечном итоге давало широкое представление о состоянии экскурсионного дела на местах и об основных проблемах организации экскурсий.

Работа отдела дальних экскурсий предполагала охват большого географического пространства, в качестве базовых районов для разработки дальних экскурсий были определены территории Северо-Запада, Русского Севера, Центральной России, Поволжья, Урала. Среди тем, разработанных отделом были: “Русский город и его роль в прошлом и настоящем”, “Смена культур в Поволжье”, “Псковская и новгородская культуры”, “Владимиросуздалская культура и современный Владимир”, “Роль большой реки в жизни природы и человека” (с подтемами “Роль Волги в жизни природы” и “Роль Волги в истории и современной жизни”), “Природа и человек”. Сотрудниками отдела в качестве экскурсионных были предложены также темы и маршруты по Вологде и Русскому Северу, по Ростову Великому, по Уралу²³.

В документах сохранились методические разработки экскурсионных поездок в Поволжье и Архангельск²⁴, сделанные сотрудниками отдела дальних экскурсий. Первая экскурсия носила название “Смена культур в Поволжье”²⁵. Она была организована силами сотрудников Института и его Восточной казанской экскурсионной базы, возглавлявшейся заведующим М.Г. Худяковым²⁶. Экскурсия включала подтемы: первобытная культура; культура, непосредственно предшествовавшая появлению в крае исторических народов; культура болгаро-татар; культура русской колонизации. По первой подтеме, посвященной знакомству с археологической культурой края, была подобрана литература, дан анализ материала и разработаны вопросы.

Собственно экскурсия представляла собой цикл экскурсионных мероприятий, как в Казани, так и в Москве. Разработанный сотрудниками ЦМЭИ план второй подтемы предусматривал посещение в Москве Исторического музея и Антропологического кабинета Московского университета, а в Казани – Музея Казанского университета²⁷. Знакомство с культурой

²¹ Там же. Л. 3.

²² Там же. Л. 4–4 об.

²³ Там же. Л. 5.

²⁴ Там же. Л. 6–7; 8–8 об.

²⁵ Там же. Л. 6.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Л. 6 об.

черемис осуществлялось благодаря экскурсиям в Этнографический музей Казанского университета, в московский Румянцевский музей, в г. Козьмодемьянск и черемисскую деревню²⁸. Таким же образом ознакомление с чувашской культурой предполагалось путем посещения Этнографического и Румянцевского музеев, г. Чебоксары и чувашской деревни²⁹.

Третий раздел плана включал знакомство с городами, в первую очередь с Казанью, городским и сельским населением, бытом и духовной культурой казанских татар. Специально рассматривались причины принятия ислама населением края. Изучалась его древняя топография. Освоение этого материала осуществлялось при посещении музея Казанского университета, Старого городища, Кремля, Сенного рынка, мечети, древних городских стен, Новотатарской слободы и татарской деревни во время поездки в Болгары. При этом предлагалось реконструировать картины средневековой уличной жизни, выявить древнюю топографию края³⁰.

Изучение периода русской колонизации предусматривало историческую реконструкцию ее этапов (строительство Васильсурска и Свяжска, превращение Казани в русскую крепость, экономическое, торговое значение Казани в XVIII в., Пугачевский бунт, возникновение Казанского университета, картины современной жизни Казани). Для решения этих задач предлагалось изучить топографию казанского Кремля и посада, познакомиться с памятниками Свяжского монастыря (экскурсии вокруг Кремля, на Спасскую башню и стены, к памятнику взятия Казани, в Свяжский монастырь). К анализу предлагались вопросы о взаимодействии, сосуществовании “самобытных” культур и русской культуры³¹.

Судя по этим методическим материалам, экскурсионное изучение Поволжья и культур края рассматривалось как просветительское и одновременно исследовательское мероприятие, предполагающее не только зрительное, эмоциональное знакомство с местностью, народами, памятниками, населенными пунктами, музейными собраниями, но и самостоятельную аналитическую работу экскурсантов. Можно утверждать, что подобный подход к экскурсии, складывавшийся еще с конца XIX в., был вообще характерен для рассматриваемого периода, и определенная близость понятий “экскурсия” и “экспедиция” традиционно продолжала сохраняться в восприятии феномена экскурсии московскими экскурсионистами.

В несколько ином содержательном ключе был решен план экскурсии в Архангельск на Архангельскую экскурсбазу³². По своим масштабам и широте задач эта экскурсия также по сути являлась экспедицией, причем достаточно длительной, предполагавшей комплексное изучение Северного края: его природного и географического своеобразия, этнографических особенностей, форм жизнедеятельности человека, направлений исторического развития, специфики местного хозяйства и пр. Разработанный экскурсионный цикл был рассчитан на группы из 25–30 человек³³. Каждая экскурсия преследовала самостоятельные цели, но при этом являлась со-

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Л. 6 об.–7.

³¹ Там же. Л. 7.

³² Там же. Л. 8–8об.

³³ Там же. Л. 8 об.

ставной частью взаимосвязанных просветительских и одновременно исследовательских мероприятий по изучению Северного края. Так, в качестве отдельных экскурсий предлагалось знакомство с Архангельском как морским портом, при этом предметом изучения был город и его памятники, а экскурсионными объектами – музей, домик Петра, городской собор, кирха, костел, порт (плавучие доки, морские суда, мастерские, заводы), городской транспорт (трамвайный парк), астрономическая станция. Изучение географических особенностей и природного комплекса Севера включало темы: “Жизнь моря между рейсами” (маршрут на Соловецкие о-ва с посещением Соловецкой биологической станции или в Мурманск), “Жизнь летнего берега Белого моря” (маршрут либо пароходный, либо пешеходный, длиной примерно в 100 верст, вдоль берега из Архангельска – предусматривалось возможное разделение этой экскурсии на несколько экскурсий), “Тундра”, “Сталактиты и сталагмиты” (маршрут от Архангельска до Кальи по р. Северной Двине), “Дерево и его обработка” (посещение Архангельска и Шенкурска), “Торфяное болото” (окрестности г. Архангельска), “Мурман и его скалы” (по маршруту Архангельск–Александровск–Мурманск с возвращением по маршруту Мурманск–Кемь и Кемь–Архангельск на морском пароходе или же из Кеми по железной дороге).

Целый блок экскурсий был посвящен знакомству с этнокультурным и историческим развитием Севера: “Летняя жизнь приморской приполярной русской деревни” (цикл из нескольких экскурсий, имеющих целью знакомство с языком, одеждой, жилищем, промысловой деятельностью крестьян), “Влияние Северной Двины на население Севера России” (экскурсия в Архангельск и Великий Устюг), “Жизнь нашей северной деревни и влияние гор на нее” (посещение одной из островных деревень), “Жизнь в пограничной полосе между морскими и пресными водами” (поездка на один из “крайних” островов р. Северной Двины (о-в Нижевский, д. Реушеньга или о-ва Лайда, Голец и др.)), “Зодчество Севера” (осмотр старинных домов и церквей в д. Кальи, Си, Чухчерме, Холмогорах, Ишме, Лае), этнографические экскурсии, посвященные самоедам (по маршруту Архангельск–Новая Земля и обратно), зырянам (по маршруту Архангельск–Устье Печеры–д. Куя–вверх по Печере до Чердыни и возвращение в Пермь). На каждую экскурсию в зависимости от дальности маршрута и объема задач отводилось от 12 часов до двух недель³⁴.

Не менее интересна сделанная ЦМЭИ разработка экскурсий по Ярославлю “Город в прошлом и настоящем”³⁵, также объединяющая цикл экскурсий, преследующих цель рассмотреть город как живой функционирующий организм³⁶. Тематами экскурсионного цикла были: “Происхождение и

³⁴ Там же Л. 8–8 об.

³⁵ Там же. Л. 19–20 об.

³⁶ Для краеведов и экскурсионистов 1920-х годов был характерен научный подход к городу как к живому развивающемуся организму, он начал формироваться еще в XIX в. и наиболее ярко оформился в работах И.М. Гревса и Н.П. Анциферова. (См., например: *Анциферов Н.П.* Пути изучения города как социального организма. Л., 1925; *Гревс И.М.* Монументальный город и его жизнь в исторических экскурсиях: Историко-педагогический этюд: Предисл. // Научные труды Государственного центрального музея современной истории России. М., 2001. Вып. 26: Экскурсии и культурное наследие. Русская экскурсионная школа. С. 171–258; *Он же.* Монументальный город и исторические экскурсии // Экскурсионное дело / Под ред. И. Поляновского и В. Шимкевича. Пг., 1921. С. 20–31.

рост Ярославля”, “Природа и город”, “Город и общественно-политическая и экономическая жизнь данной местности и страны”, “Постройки города, их связь с различными сторонами общественной, духовной и экономической жизни”, “Душа ярославская: настроение, вызываемое городом”, “Город в живописи и действительности. Общий колорит города. Типичный уголок”³⁷.

В качестве экскурсионных объектов для ознакомления были выбраны исторические и современные территории Ярославля, окружающие город природные комплексы, крепостные сооружения, монастыри, памятники гражданского и культового зодчества и рядовая застройка города, ярославские реки, археологические памятники, музеи и художественные собрания. По этим объектам предлагались следующие экскурсии: “Лик города” (вводная по исторической части города, с целью дать почувствовать экскурсантам “нерв местной жизни”³⁸), экскурсии в Естественно-исторический музей, в Исторический музей и его библиотеку, в Ярославский музей русского зодчества XVII в., в Художественную галерею, в Ярославское художественное общество, экскурсии по главным храмам Ярославля, на стрелку рек Волги и Которосли и по набережным, в Демидовский сквер и церкви Николы Малеина, экскурсии «Русское Поволжье и Ярославль как “красавец Поволжья”», “Ярославль-городок – Москвы уголок”, “Ярославль Богомольем взял”. Заключительная экскурсия на Турову гору, на правый берег Которосли с осмотром панорамы Ярославля должна была стать подведением итогов, суммированием впечатлений от всего экскурсионного цикла³⁹.

За 1921–1922 гг. были организованы экскурсии “Владими́ро-Суздальская культура и современный Владимир” (Москва–Владимир–Боголюбово) для школьных работников Хамовнического района, “Типы городов” (Москва–Ростов–Ярославль–Нижний Новгород) для школы второй ступени колонии “Детское гнездышко” опытной станции Наробраза, “Роль реки в жизни природы” (Москва–Нижний Новгород–Ярославль) для школы второй ступени им. Петрова при опытной станции Наробраза, “Владими́ро-Суздальская культура” (Мстера–Владимир–Боголюбово–Суздаль) для Мстерского художественного техникума, “Киев в прошлом и настоящем” (Москва–Киев) для школьных работников Замоскворецкого района, “Русский город и его роль в прошлом и настоящем” (Москва–Боголюбово–Суздаль–Владимир–Нижний Новгород–Павлово) – опытно-показательная экскурсия ЦМЭИ с участием школ второй ступени московской № 193 и малаховской⁴⁰.

В документах сохранились интересные статистические сведения по работе отдела дальних экскурсий за 1921–1922 гг. Так, по составу экскурсантов работа велась с группами школьников (27 групп из школ первой ступени и 189 – школ второй), школьных работников (53 группы), с группами из педагогических учебных заведений (57 групп), из высших учебных заведений (6 групп), с группами экскурсионных деятелей (12 групп), внешкольников (20 групп), рабфаковцев (12 групп)⁴¹. Интересна и статистика по гу-

³⁷ ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 8. Д. 152. Л. 19–20 об.

³⁸ Там же. Л. 20 об.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. Л. 9 об.–11.

⁴¹ Там же. Л. 12.

берниям. Экскурсионной работой были охвачены 30 губерний, наибольшее число групп было из Московской, Тверской, Тамбовской, Владимирской, Калужской, Смоленской, Тульской, Рязанской, Нижегородской, Санкт-Петербургской, Гомельской и Брянской⁴². Вообще же организация дальних экскурсий становилась все более затруднительной прежде всего по экономическим причинам: транспортных льгот для экскурсантов не было, и проезд оказывался слишком дорогим. По сравнению с 1920–1921 гг. число дальних экскурсий постоянно сокращалось⁴³.

В отчетных документах ЦМЭИ есть солидный перечень направлений деятельности и конкретных мероприятий, объединенных общим понятием “лабораторная работа”, подразумевающих “проверку методов и приемов экскурсионной работы путем постановки опытов, проводимую преимущественно с группами, принимаемыми опытными базами Наркомпроса, а также другими опытными учреждениями и школами”⁴⁴. В рамках этой деятельности ЦМЭИ в 1921–1922 гг. работал с 385⁴⁵ провинциальными группами, среди экскурсантов преобладали учащиеся школ второй ступени и педагоги⁴⁶. Одним из важнейших направлений этой работы было ознакомление педагогов с экскурсионным методом, обучение ему для внедрения в школьную практику как нового, позволяющего осуществлять непосредственную связь образования с окружающей жизнью метода⁴⁷. Кроме того, методическая работа велась и со школьниками, также получившими возможность овладеть основами экскурсионного метода для проведения экскурсии по провинциальному городу или селу. Работа со школьниками преследовала общеобразовательные и воспитательные задачи, давая возможность на основе экскурсионных впечатлений делать “широкие социологические обобщения” и/или “развивать отдельные стороны психики экскурсантов”, учить их наблюдать, сосредотачивать внимание и, в конечном итоге, добиваться “сознательной ориентировки в окружающей жизни”⁴⁸.

Такая работа велась как с московскими, так и с иногородними группами. Лекционными и семинарскими мероприятиями были охвачены работники просвещения в Москве (районов Замоскворечье, Хамовники, и Центрального дома просвещения) и Московском уезде⁴⁹. Кроме того, ЦМЭИ организовал семинарии: по экскурсионному делу на краеведческой основе; по изучению искусства экскурсионным методом и по изучению экскурсионного метода как метода художественного воспитания; по методике художественной экскурсии и основным вопросам эстетического воспитания, по эволюционно-биологическому экскурсионному

⁴² Там же. Л. 13.

⁴³ Там же. Л. 9 об.

⁴⁴ Там же. Л. 9.

⁴⁵ Эта цифра дважды встречается в документах (см.: Там же. Л. 9, 13), однако роспись числа губернских групп, на основании которой фигурирует эта итоговая цифра, в сумме дает цифру 395 (См.: Там же. Л. 13).

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Формирование экскурсионного метода как образовательного, позволяющего соединить книжное знание с практической, окружающей жизнью, началось еще во второй половине XIX – начале XX в.

⁴⁸ ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 8. Д. 152. Л. 9.

⁴⁹ Там же.

циклу. Семинарии включали методические экскурсии, предварительные (подготовительные) занятия и заключительную проработку результатов. В таких семинариях участвовали студенты Первого московского педагогического техникума, Тверского педагогического института, школьные работники г. Омска, Калужского отделения Первой опытной станции по народному образованию и др.⁵⁰

Одним из направлений в работе ЦМЭИ была популяризация идей экскурсионного дела. Сотрудники выезжали в командировки, участвовали в съездах и конференциях краеведов и работников просвещения (в том числе в краеведческих съездах в Москве и Рыбинске, в конференции вологодских школьных работников и краеведов, в губернском съезде работников просвещения в Ярославле⁵¹), читали публичные лекции в местных институтах Наробраза, проводили методические экскурсии со слушателями Педагогического института и школьными работниками на местах⁵². Летом 1922 г. была проведена опытно-показательная экскурсия в г. Владимир⁵³.

В своей деятельности ЦМЭИ сотрудничал с опытно-показательными учреждениями Наркомпроса, с учреждения Наробраза и Главнауки. Велась активная работа на подмосковной экскурсионной станции в Братовщине, где летом 1922 г. проводились естественно-исторические и географические экскурсии, имевшие своей целью “обучить экскурсировать детей в природе”. Приезжавшие на две недели группы занимались исследованием местности с “краеведческим уклоном” с точки зрения биологии, географии и культурно-исторического развития. С некоторыми группами был проведен опыт “системной экскурсионной колониальной” работы, т.е. дети жили на станции колонией все лето и занимались изучением природы. По окончании работ была проведена детская конференция с выставкой результатов экскурсионной работы как колонистов, так и приезжих групп. Одновременно был изучен опыт создания школьного краеведческого музея по материалам выставки⁵⁴.

Говоря о сотрудничестве с научными учреждениями, в первую очередь, хочется упомянуть ПЭИ. Представляя два направления в развитии отечественной экскурсионной школы, эти институты обобщили весь дореволюционный опыт развития экскурсионного дела и заложили основы современных методики и практики экскурсии как просветительного, образовательного и исследовательского метода. Тем более важно, что оба учреждения активно взаимодействовали друг с другом. Интересный опыт был накоплен ими в развитии дальних экскурсий в связи с организацией совместной экскурсии-экспедиции на Русский Север (в Вологду и Галич) летом 1922 г.⁵⁵ и с последующей совместной разработкой подобной экс-

⁵⁰ Там же. Л. 9.

⁵¹ Там же. Л. 27.

⁵² Там же. Л. 14.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. Л. 9.

⁵⁵ Там же. Л. 14. В отчетах ЦМЭИ эта экскурсия-экспедиция только упоминается, однако ее значение было исключительно велико, и успешное ее проведение позволило обоим институтам разработать план следующей совместной дальней поездки на Север в Мурманский край. Более подробные сведения об экспедиции 1922 г. можно найти в документах

педиции на Мурманский север, запланированной на лето 1923 г. Известно также, что московские и петроградские экскурсионисты обменялись экскурсионными поездками в Москву и Петроград, а москвичи приняли участие в работе Второй Петроградской экскурсионной конференции 10–12 марта 1923 г.⁵⁶ Несмотря на высокую результативность развития экскурсионного дела москвичами и петроградцами, трудности, связанные с нехваткой кадров и отсутствием финансирования (дававшие о себе знать и ранее, в 1923 г.), стали ощущаться все сильнее. Рухнули планы совместной Мурманской экспедиции (не было выделено денег на исследовательскую работу). Для ЦМЭИ 1923 г. вообще стал последним. В деле не сохранилось сведений о конкретной дате реорганизации Института, но “Требовательная ведомость № 4223 на выплату жалования” за ноябрь 1923 г. уже оформлена на “сотрудников экскурсионного отдела (бывшего Центрального музейно-экскурсионного института) Научно-исследовательского института методов внешкольной работы”⁵⁷.

Итак, научно-исследовательский экскурсионный институт в Москве был реорганизован в экскурсионный отдел Института методов внешкольной работы (аналогичная судьба в 1924 г. постигла и ПЭИ). В составе отдела были организованы бюро: теории и практики ближних экскурсий, теории и практики дальних экскурсий, краеведения, школьных музеев, педагогических музеев, по учету экскурсионной работы, литературы, библиографии – всего в составе 26 сотрудников⁵⁸.

Существенные изменения претерпела и тематика работы. В планах общеинститутских мероприятий на 1924 г. намечалась организация курсов по экскурсионно-клубно-библиотечному делу, а в планах самого отдела стали преобладать экономико-технические, производственные, энергетические, демографические экскурсии, экскурсии в кооперацию, на железнодорожную станцию, электростанцию и пр.⁵⁹ Правда, в этих же планах еще в значительном объеме присутствуют и вопросы общеметодической работы (обследование состояния экскурсионного дела, классификация экскурсий, разработка методов исследовательской экскурсионной работы). Особое внимание уделяется краеведческой и дальней экскурсии (в том числе в Крым, Донбасс, Подмосковный каменноугольный бассейн, на Волховстрой и в Петроград – можно предположить, что эти маршруты свидетельствуют и о тематике экскурсий). Все же определенная преемственность в работе экскурсионного отдела Института методов внешкольной работы и бывшего ЦМЭИ существовала. Сотрудники отдела планировали продолжить экскурсионную работу с учителями на Московской экскурсбазе, а также подготовить к печати материалы по итогам своей работы⁶⁰. Так закончилась одна из интереснейших страниц в истории московской экскурсионной школы.

ПЭИ (См.: ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 8. Д. 193.) и в статье И.М. Гревса в журнале “Север” (См.: Гревс И.М. К живым образам истории и культуры русского Севера: (Экскурсия-экспедиция Московского и Петроградского Экскурсионных институтов летом 1922 г.) // Север. 1923. Кн. 1. С. 154–179).

⁵⁶ ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 8. Д. 152. Л. 21–24.

⁵⁷ Там же. Л. 44.

⁵⁸ Там же. Л. 47.

⁵⁹ Там же. Л. 51–51 об.

⁶⁰ Там же. Л. 51 об.

ИЗ ИСТОРИИ ПОДГОТОВКИ И ПРИНЯТИЯ ЗАКОНА ОБ ОТЗЫВЕ ДЕПУТАТА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР. 1956–1959 гг.

(по фонду ГАРФ и другим материалам)

Середина и особенно вторая половина 1950-х годов характеризуется усилением законотворческой деятельности Верховного Совета СССР и его структурных органов: обеих палат (Совета Союза и Совета Национальностей), их постоянных комиссий, Президиума.

Начавшаяся в первые послесталинские годы демократизация общественно-политической жизни страны оказывала все большее влияние на работу центральных, республиканских и местных органов советской власти. О расширении масштаба деятельности Верховного Совета СССР можно судить по количеству актов, принятых им за время сессий третьего (март 1950 г. – март 1954 г.) и четвертого (март 1954 г. – март 1958 г.) созывов. Из опубликованных данных видно, что, если за пять созванных сессий третьего созыва был принят 41 законодательный акт, то за девять сессий четвертого созыва – 125 актов, в том числе об утверждении указов Верховного Совета – 70¹.

Среди принятых был и документ от 24 мая 1955 г., санкционировавший Положение о прокурорском надзоре в СССР. Последнее предусматривало высший надзор за точным исполнением законов о правах и охраняемых законами интересах граждан². Отметим также, что после состоявшихся в феврале–марте 1955 г. выборов в Верховные Советы союзных и автономных республик и местные советы депутатов трудящихся заметно активизировалась деятельность постоянных комиссий советов всех уровней³.

Существенное воздействие на законодательное творчество Верховного Совета СССР (ВС СССР) оказали политические решения XX съезда КПСС (февраль 1956 г.). Так, в отчетном докладе ЦК партии съезду, с которым выступил Н.С. Хрущев, содержались указания по поводу развития советской демократии и устранения серьезных недостатков в деятельности советов. В докладе были отмечены случаи отступления от норм и положений действовавшей тогда Конституции 1936 г. Они выражались, например, в том, что некоторые советы и их исполкомы нарушали положение Основного закона страны, установившее, что “депутат совета, не оправдавший оказанного ему доверия, может быть отозван избирателями”⁴.

Основные требования к депутатам всех уровней были сформулированы в статье 142 Конституции СССР, которая обязала каждого депутата “отчитываться перед избирателями в своей работе и в работе совета” и закрепила право избирателей в любое время отзывать депутата в установленном законом порядке⁵. Однако Конституция СССР, равно как и конституции

¹ Верховный Совет СССР / Под ред. М.П. Георгадзе и др. М., 1975. С. 191.

² Там же. С. 317–318.

³ См.: XX съезд КПСС и его исторические реальности. М., 1991. С. 24.

⁴ XX съезд Коммунистической партии Советского Союза: Стенографический отчет. М., 1956 [Т. 1]. С. 92.

⁵ Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик: Сб. док-тов: в 3 т. 1917–1936. М., 1960. Т. 3: 1922–1936 гг. С. 245.

союзных и автономных республик, устанавливали лишь общие принципы отзыва депутатов. Поэтому еще в 1930-е годы, в соответствии с этими конституционными постановлениями предполагалось принять об отзыве специальные законы.

Но формально провозглашенные общесоюзной Конституцией права граждан и избирателей в значительной мере остались нереализованными. В обстановке начавшихся и усилившихся во второй половине 1930-х годов массовых репрессий и “чисток” партийного и советского аппарата осуществление задуманных намерений о расширении круга демократических прав и свобод граждан многонациональной страны задержалось на многие годы.

Что касается исторической и юридической литературы о советах депутатов трудящихся, то вопрос об отзыве депутатов специально рассмотрен только в двух небольших брошюрах, написанных по данным ряда работ⁶. В предлагаемом обзоре анализируются архивные и опубликованные документы и материалы о подготовке закона об отзыве депутата ВС СССР и утверждении законопроекта на сессии Верховного Совета осенью 1959 г.

Среди хранящихся в фонде ВС СССР дел имеются копии служебных писем в ЦК КПСС и копии справок комиссий законодательных предположений обеих палат по подготовке различных законопроектов в 1957–1959 гг. Одна из них – “Справка о ходе подготовки Закона о порядке отзыва депутата Верховного Совета СССР”, завизированная неустановленным лицом 11 мая 1959 г.⁷ В начале ее сказано, что 19 июня 1956 г. Президиум ВС СССР передал первоначальный проект Положения о порядке отзыва депутата на предварительное рассмотрение комиссий законодательных предположений (Д. 33. Л. 112), создавших подкомиссию, в которую вошли депутаты ВС, представители ведомств и ученые-юристы. Свои замечания на проект подкомиссия направила в комиссии законодательных предположений обеих палат. Последние, рассмотрев и одобрив законопроект, представили его Президиуму ВС. Затем, 30 апреля 1957 г., проект закона поступил в ЦК КПСС и вскоре был одобрен Секретариатом ЦК партии. 15 февраля 1958 г. Секретариат распорядился разослать проект на отзыв центральных комитетов компартий союзных республик, обкомов и крайкомов партии (Там же). В последующие месяцы партийные органы на местах подготовили свои заключения на проект.

Как видно из справки, 19 июня 1958 г. состоялось совместное заседание комиссий законодательных предположений, на котором были обсуждены замечания партийных органов на законопроект и проанализирован его текст. В справке указано: “Отредактированный с учетом замечаний партийных органов проект закона 6 августа 1958 года комиссии представили на рассмотрение ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР” (Там же). В сентябре проект был рассмотрен в ЦК партии. После состоявшегося обмена мнениями и высказывания отдельных замечаний (они касались упрощения процедуры отзыва депутата) проект был снова передан в подко-

⁶ См.: Тихонова Е.А. Право отзыва депутата. М., 1961; Попова С.М. Отзыв депутатов местных советов народных депутатов: Учебное пособие. М., 1982.

⁷ ГАРФ. Ф. 7523 (Верховный Совет СССР). Оп. 45 а (Комиссия законодательных предположений Совета Национальностей). Д. 33. Л. 112–113. Далее сноски на дела фонда даны в тексте.

миссию, созданную в 1956 г. Затем исправленные по замечаниям тексты законопроекта были в два приема (28 февраля и 19 марта 1959 г.) направлены в ЦК партии. Наконец, в конце справки зафиксировано, что 10 апреля 1959 г. ЦК КПСС одобрил улучшенный проект закона и поручил комиссиям законодательных предположений обеих палат внести его на рассмотрение очередной сессии ВС (Там же. Л. 113).

О выполнении этого партийного указания имеется краткая запись в “Справке о состоянии работы над законопроектами, находящимися на рассмотрении комиссий законодательных предположений Совета Союза и Совета Национальностей” от 15 июля 1959 г. В ней отмечено: “29 июня 1959 года Комиссии законодательных предположений одобрили проект Закона о порядке отзыва депутата Верховного Совета СССР и решили внести его на рассмотрение очередной сессии Верховного Совета СССР”.

Определенный интерес для исследователя представляет следующая фраза из вышеназванной справки: “Секретариатами постоянных комиссий палат подготавливаются материалы к докладу комиссий законодательных предположений на сессии” (Там же. Л. 126). Это означает, что в составе постоянных комиссий имелись секретариаты, сотрудники которых занимались выявлением материалов, предназначенных для использования в докладе. Об этом свидетельствует отложившееся в одном из дел ф. 7523 сопроводительное письмо в ЦК партии от 21 октября 1959 г. к подготовленным докладом на осенней сессии ВС председателя Комиссии законодательных предположений Совета Союза Д.С. Полянского о проекте закона об отзыве депутата и председателя комиссии Совета Национальностей Д. Расулова о бюджетных правах Союза ССР и союзных республик (Д. 44. Л. 1).

Сохранившийся в архивном деле доклад Полянского начинается так: “Товарищи депутаты!

Право отзыва в Советском государстве представляет собой одно из основных положений социалистического демократизма, является выражением полновластия трудящихся и гарантирует действительную ответственность депутатов перед избирателями, перед народом” (Там же. Л. 3). Сравнение с опубликованным докладом показывает идентичность начала двух текстов. Идентичны и другие фразы. В то же время следует отметить, что из обнародованной стенограммы были устранены отдельные погрешности и неточности, имевшиеся в неопубликованном документе.

Доклад по проекту закона Д.С. Полянский сделал на совместном заседании Совета Союза и Совета Национальностей 30 октября 1959 г.⁸ Он обстоятельно изложил содержание ряда статей законопроекта и охарактеризовал значение принимаемого акта. Остановившись на первой статье, Полянский указал, что она закрепляет право избирателей на отзыв депутата ВС в случаях, если он не оправдал доверия большинства избирателей соответствующего избирательного округа или совершил действия, недостойные звания депутата⁹.

Касаясь содержания второй статьи, Д.С. Полянский отметил, что возбуждать вопрос об отзыве депутата имели право общественные органи-

⁸ Заседания Верховного Совета пятого созыва: Третья сессия (27–31 октября 1959 г.): Стенографический отчет. [М.], 1959. С. 583–588.

⁹ Там же. С. 586.

зации или общества трудящихся (партийные, молодежные организации и культурные общества) в лице их центральных, республиканских, краевых, областных и иных органов, а также общие собрания рабочих, служащих, крестьян и военнослужащих. Перейдя к статье третьей, докладчик отметил, что все общественные организации, возбуждающе вопрос об отзыве депутата ВС, обязаны сообщить об этом депутату и изложить мотивы своего намерения. В статье седьмой, сказал Полянский, указывается, что при проведении голосования об отзыве депутатов образуются окружные комиссии из представителей общественных организаций и общих собраний трудящихся¹⁰.

Докладчик изложил также историю вопроса, относящегося к концу 1917 г. Тогда, после провозглашения советской власти на территории Российской империи, 21 ноября (4 декабря н.с.) на заседании ВЦИК выступил с речью председатель Совнаркома В.И. Ульянов (Ленин). Он обосновал необходимость принятия декрета “О праве отзыва делегатов”¹¹. Сформулированные им положения о праве отзыва, о свободном осуществлении выборности и сменяемости делегатов (в дальнейшем – депутатов) получили подтверждение в первой Советской конституции 1918 г. Однако в принятой затем Конституции СССР 1924 г. право избирателей об отзыве депутата не было отражено, так как оно стало фиксироваться в конституциях союзных республик¹². Например, в статье 75 Конституции РСФСР (принята в мае 1925 г.) записано: “Избиратели, пославшие в Совет депутата, имеют право во всякое время отозвать его и провести новые выборы”¹³. Аналогичная запись сделана и в статье 69 Конституции Белорусской ССР (принята в апреле 1927 г.)¹⁴. Несколько иначе сформулировано право избирателей в отношении досрочного отзыва депутатов местных советов в статье 62 Конституции Украинской ССР (май 1929 г.). В ней указано: “Члены Советов городских, поселковых и других советов могут быть отозваны до окончания срока их избрания по постановлению избирателей”¹⁵.

В обсуждении доклада Полянского приняли участие П.С. Шелест, Т. Кулатов, М.К. Дзорвайте, Л.С. Соколов, З. Рахимова и А.Г. Бондарь, которые подчеркнули возросшую роль депутатов в жизни страны и высказались за принятие законопроекта¹⁶. После их выступлений депутаты палат, как это было принято, единогласно проголосовали за принятие закона¹⁷.

“Закон о порядке отзыва депутата Верховного Совета СССР” от 30 октября 1959 г. состоял из 12 статей. В преамбуле указывалось, что право отзыва депутата является одним “из основных положений социалистического демократизма”, “выражением полновластия советского народа”

¹⁰ Там же. С. 587.

¹¹ Подробнее о роли Ленина в подготовке и принятии декрета о праве отзыва избирателями своих делегатов см.: Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. С. 115–117.

¹² *Попова С.М.* Отзыв депутатов... С. 10.

¹³ Съезды Советов Союза Советских Социалистических Республик: Сб. док-тов. 1923–1937 гг. М., 1962. Т. IV, ч. 1. С. 54.

¹⁴ Съезды Советов союзных и автономных Советских Социалистических Республик: Сб. док-тов 1923–1937 гг. М., 1964. Т. V. С. 564.

¹⁵ Там же. С. 238.

¹⁶ Заседания Верховного Совета пятого созыва... С. 589–610.

¹⁷ Там же. С. 610.

и гарантирует действительную ответственность депутата перед избирателями¹⁸. Шестая статья закона определяла демократический характер агитации за и против отзыва избранника избирателей. В ней разъяснялось, что после назначения Президиумом ВС проведения голосования каждой общественной организации и даже отдельному гражданину обеспечивается право беспрепятственной агитации за или против отзыва депутата¹⁹. Демократичность закона подтверждалась и содержанием статьи десятой. Депутат ВС считался отозванным, если за отзыв проголосовало большинство избирателей данного избирательного округа. Последняя (12) статья разъясняла, что рассмотрение жалоб на проведение голосования по отзыву депутата производится окружной комиссией²⁰.

Аналогично рассмотренной была и процедура принятия законопроектов об отзыве депутатов союзных республик. Так, 26 ноября 1959 г. на второй сессии ВС РСФСР пятого созыва был обсужден и принят закон “О порядке отзыва депутата Верховного Совета РСФСР”²¹.

Вслед за этим в 1959–1961 гг. такие же законы были приняты и в остальных союзных республиках. С этого времени законы об отзыве депутатов разного уровня стали довольно интенсивно применяться на практике.

По имеющимся в литературе сведениям за период работы советов девятого созыва (1963–1964 гг.) было отозвано около 650 депутатов, десятого (1965–1966 гг.) – около 850, одиннадцатого (1967–1968 гг.) – 841, двенадцатого (1969–1970 гг.) – 799, тринадцатого (1971–1972 гг.) – 915 и четырнадцатого (1973–1974 гг.) – 831 депутат²². Всего за эти 11 лет по требованию избирателей лишились своих мандатов около 4886 депутатов. Приведенные количественные показатели числа отзывов депутатов из советов разных ступеней свидетельствуют о возрастании требовательности трудящихся к своим избранникам.

Небезынтересно также отметить, что из общего числа отозванных с конца 1959 г. и до 1975 г. депутатов на долю депутатов ВС СССР пришлось только 11 человек²³. Думается, что это не случайно. Во-первых, в состав ВС страны избирались, как правило, наиболее авторитетные, выделявшиеся своими деловыми качествами граждане, а во-вторых, чтобы лишить мандата провинившегося “слугу народа” необходимо было получить согласие на это партийных “верхов” и ВС.

Изученные источники дают возможность проследить основные вехи подготовки законопроекта о праве отзыва депутата ВС СССР (его прохождение через центральные партийные и государственные органы власти) и утверждение текста закона на осенней сессии ВС 1959 г. Применение же на практике закона приходится на периоды хрущевской “Оттепели” и брежневского “развитого социализма”. В эти годы продолжали нарушаться демократические права и свободы граждан, декларировавшиеся общесо-

¹⁸ Там же. С. 704.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 706.

²¹ См.: Заседания Верховного Совета РСФСР пятого созыва: Вторая сессия (24–26 ноября 1959 г.): Стенографический отчет. [М.], 1959. С. 200–206, 218, 237–239.

²² Куликова Г.Б. Демократические основы деятельности местных советов в развитом социалистическом обществе. 1959–1975. М., 1978. С. 289.

²³ См.: Верховный Совет СССР. С. 178–179.

зной Конституцией, что снижало демократичность законодательной системы и роль принятого прогрессивного акта. Вместе с тем критическое изучение советского опыта в области законодательства могло бы пригодиться при разработке подобного демократического закона Федеральным собранием Российской Федерации.

Ю.М. Эскин

К ВЫХОДУ КНИГИ С.К. БОГОЯВЛЕНСКОГО “МОСКОВСКИЙ ПРИКАЗНЫЙ АППАРАТ И ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО XVI–XVII ВЕКОВ”*

На рубеже 1970–1980-х годов, когда я начинал работать в ЦГАДА (ныне РГАДА), еще можно было встретить в читальном зале или в рабочей комнате архива пожилую даму, например, А.П. Гудзинскую или Т.Д. Лавренцову, которая, глядя на показанный ей лист из столбца с неразборчивой правкой некоего дьяка, замечала: “Вот Сергей Константинович вам бы сразу сказал, чей это почерк, он всех дьяков знал на память”. С.К. Богоявленский был еще жив в памяти старых архивистов, он оставался неотъемлемой частью архива и архивной науки. “Академик без монографии” несколько иронично и удивленно говорили о нем в послевоенные годы некоторые ученые более молодых поколений, люди, выросшие уже в последующую эпоху, когда все было много строже регламентировано: одна монография – кандидат, вторая – доктор, еще монографии и важные научные достижения (или “политическое чутье”, умение ориентироваться в течениях внутри академической верхушки) – и член-корреспондент, академик. Членом-корреспондентом Академии избран был в свое время и С.К. Богоявленский, но еще в конце 1920-х годов, когда звание это материально мало что давало, а Академия еще сохраняла остатки автономии, оставаясь, как в царские времена, неким добровольным сообществом деятелей науки, не располагала большими материальными средствами и не была объектом вождения для карьеристов. Именно в эти годы ученый и создал справочник, опубликованный спустя 20 лет – “Приказные судьи XVII в.”¹ В данной рецензии я не буду характеризовать все его научное творчество, уже давно являющееся объектом историографического изучения, отмечу только, что Сергей Константинович был крупнейшим знатоком истории приказов и дьячества, и работы его по этим вопросам доселе сохраняют свое научное и справочное значение. Что же касается упомянутого справочника “Приказные судьи”, то он давно стал библиографической редкостью, а потребность в нем всех, занимающихся русской историей XVII в. такова, что во всех крупнейших библиотеках и учебных заведениях книга находится в виде не только чудовищно затрепанном и стократно переплетенном, но и в ксерокопированном, микрофильмированном, и даже электронном. По-

* *Богоявленский С.К. Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков / Отв. ред. С.О. Шмидт; подгот., сост. А.В. Топычканов. М.: Языки славянской культуры, 2006.*

¹ *Богоявленский С.К. Приказные судьи XVII в. М., 1946.*

этому, когда в 2006 г. из печати вышел великолепный фолиант, содержащий переиздание справочника, к тому же с приложением основополагающих статей автора по данной проблематике (о приказных дьяках XVII в., Боярской думе, Расправной палате, Пушкарском и Разрядном приказах и пр.), ликовал каждый историк, кому посчастливилось его достать (а с прилавков книга исчезла мгновенно). Сборник трудов Богоявленского издан по инициативе и под редакцией академика РАО С.О. Шмидта, неутомимого борца за восстановление утраченных исторических, методологических, духовных связей между поколениями ученых-историков, инициатора издания множества научных трудов, как знаменитых, так и незаслуженно забытых предшественников современной исторической науки, в продолжение издания серии наследия ученых-московедов, осуществляемой на средства Правительства Москвы. Подготовлена книга его учеником А.В. Топычкановым, который проделал очень трудоемкую работу. Справочник не только переиздан, но и усовершенствован – даты у Богоявленского были даны “От Сотворения мира”, к ним публикатор добавил перевод на современное летоисчисление. Постоянно “служащий” в архиве автор этих строк может по достоинству оценить и другой громадный труд А.В. Топычканова – перевод на нынешние шифры всех архивных сносок автора, что означало просмотр многих сотен документов. Работая с личным фондом С.К. Богоявленского в Архиве РАН, публикатор использовал собственный экземпляр книги ученого, в который Сергей Константинович вносил добавления, отмечал ошибки, опечатки. Все эти поправки были бережно перенесены в новое издание (отмечены в тексте квадратными скобками), весьма повысив его ценность. Характерны, например, вставки в статью об известном думном дьяке И.А. Гавренева: “Из кашинских дв.”, “Женат на кн. Волконской, дочь замужем за В.Б. Шереметевым”. Интересен археографический комментарий и вступительная статья, из которых можно почерпнуть немало нового – например, о том, что С.Б. Веселовский еще в конце 1920-х годов скопировал “Приказных судей” для себя. Таким образом, он послужил одним из источников второго фундаментального справочника по служилой бюрократии², кроме того, объясняется одна историографическая загадка – в “Дьяках и подьячих” Веселовского не использована статья Богоявленского “Приказные дьяки XVII в.”, что в свое время вызвало мое недоумение; теперь ясно, что Степан Борисович полагал, что в статье нет новых фактов по сравнению со скопированным им справочником.

Все публикации снабжены археографическим комментарием, из которого следует, что большая часть статей – по сути заново вводимые в научный оборот произведения, несмотря на то, что почти все они были опубликованы. Дело в том, что здесь они печатаются, по мере возможности, по автографам, со включением фрагментов, не вошедших по цензурным или редакторским соображениям, из-за сокращения объема и пр. Не менее интересны и публикации работ Богоявленского по истории Москвы, о ее управлении, Мещанской слободе и др., отчасти повторяющие предыдущее издание его работ³, но с дополнительными уточнениями. Конечно, такое масштабное издание не могло обойтись без небольших недостатков.

² Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XVI–XVII в. М., 1975.

³ Богоявленский С.К. Научное наследие: О Москве XVII в. М., 1980.

В свой собственный экземпляр “Приказных судей” 1946 г. я вносил некоторые исправления описок и опечаток, там, где реестр по приказам не совпадал с отсылочным алфавитным реестром судей. Сличив “свои” исправления с новым изданием, я с удовлетворением заметил, что все они “учтены” (уже не говоря о многом, мной не замеченном), за исключением одного – в алфавите пропущен Денис Игнатьевич Сафонов (Софонов) печатник, думный дьяк в Печатном приказе 1608/09 г.⁴, кроме того, еще Богоявленский заметил, что Иванов Ивановичей Баклановских было два, но не “разделил” их, хотя отделить отца от сына по служебной хронологии, на мой взгляд, не сложно – первый завершает “руководящую” карьеру в 1638/39 г., второй начинает возглавлять приказы через 20 лет, с 1658/59 г. В предисловии к “Приказным судьям” Богоявленский упоминал работы Е.Д. Сташевского о сыскных приказах и С.А. Шумакова и Н.Н. Ардашева о Поместном приказе. В редакторской сноске почему-то указано, что “эти работы до сих пор не выявлены”, хотя тут же в главе “Сыскные приказы” (на с. 183) имеется ссылка на монографию Сташевского “Очерки по истории царствования Михаила Федоровича” (Киев, 1913. Ч. 1); в главе о Поместном приказе, судя по авторской сноске (на с. 124), был использован список дьяков этого приказа, составленный Н.Н. Ардашевым, видимо, неопубликованный. Что же касается С.А. Шумакова, то, очевидно, имелся в виду цикл его статей⁵. Археографический комментарий иногда несколько туманен. Так, о публикации одной из основополагающих работ Богоявленского – о приказных дьяках XVII в., сказано, что здесь «не учитывается тот вариант статьи, который вышел в 1937 г. под названием “Приказные дьяки XVII в.”, поскольку изменения несут смысловой характер»⁶. Поскольку эта статья, увидевшая свет в первом томе “Исторических записок”, именно в данной редакции вошла в научный оборот и использовалась ровно 70 лет историками всего мира, следовало бы объяснить, в чем заключаются *смысловые* изменения; еще более запутывает читателя последующая фраза о том, что учтены только вставки, сделанные рукой Богоявленского в экземпляр, присоединенный к его фонду из редакционных материалов “Исторических записок”. Читателю же придется брать в библиотеке издание 1937 г. и сличать редакции работы, которая и называется теперь по-иному – “Социальное происхождение и служба дьяков XVII века”, что так же не объяснено. Не в обиду будь сказано публикаторам, они часто забывают, что читатели, даже профессионалы, знают как правило много меньше, чем они, и им надо растолковывать нечто, в глазах публикатора выглядящее как само собой разумеющееся. Однако все эти мелкие недочеты не умаляют достоинств книги, составляя ничтожные доли процента работы. Следует отметить и полиграфическое великолепие издания. Последнее качество позволило бы осуществить еще одно усовершенствование справочника “Приказные судьи”. Богоявленский, десятилетиями просиживавший в архиве, бывший членом его научного совета и редактором первого

⁴ Богоявленский С.К. Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII вв. С. 119.

⁵ Шумаков С.А. К истории Поместного приказа // ЖМНП. 1905. № 8; Он же. Из разысканий о составе Поместного приказа // ЧОИДР. 1906. Кн. 4; Он же. Эскурсы по истории Поместного приказа. М., 1910.

⁶ Богоявленский С.К. Московский приказной аппарат и делопроизводство XVI–XVII вв.

Путеводителя ЦГАДА 1947 г., собрал сведения о почерках множества дьяков и приложил архивные шифры этих образцов к своему изданию. Если бы нынешние архивисты РГАДА знали о подготовке издания, они бы с радостью помогли скопировать эти образцы для публикации, что заняло бы не слишком много места и еще повысило бы ее информативность. Впрочем, это вполне выполнимо и в рамках отдельной работы, которую можно осуществить в дальнейшем⁷.

Замечательно, что в сборник включены шуточные произведения Бого-явленского (чем продолжена традиция последних десятилетий – в публикациях наследия В.О. Ключевского, С.В. Бахрушина, М.Н. Тихомирова и др.), его лексически виртуозно составленные “послания” друзьям – то на делопроизводственном языке московского приказного подьячего, то в духе пересыпанной церковнославянизмами книжности XVII столетия, особенно эффектно выдержанное в “аввакумовской” эмоциональности “сказание” о полете на самолете в Прагу. К сочинениям этим так и “просятся” в дополнение публикации эпистолярной (например, о той же фантастической поездке для разборки и приема Пражского эмигрантского архива, буде она сохранилась), – наверно, столь же яркой, как и научные, и “смеховые” сочинения этого замечательного ученого и человека, но это – дело будущего. Пока же остается поблагодарить публикатора и редактора от имени всех, кто изучает историю России XVII столетия, за эту замечательную книгу, поскольку новейшие исследователи получили не переизданный “музейный” факт историографии, а живые и ценнейшие научные произведения, столь же полезные современной науке, как и 60–80 лет назад, в момент их написания и первого издания.

⁷ Подобная публикация – свод была осуществлена Ю.Г. Алексеевым для раннего дьячества (Алексеев Ю.Г. У кормила Российского государства. СПб., 1998) и дала интересные плоды в виде выводов о службе у московских князей уйгуров-канцеляристов (Морозов Д.А. Уйгурские автографы московских дьяков // Памяти Лукичева: Сб. ст. по истории и источниковедению. М., 2006. С. 173–199).

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ Н.Б. ШЕЛАМАНОВОЙ

(К 80-летию со дня рождения)

1953

Материалы для объяснительного словаря Русской Правды // Тихомиров М.Н. Пособие для изучения Русской Правды. [2-е изд.]. М. С. 137–174; указатели – с. 175–191.

1958

Подгот.: Археографический ежегодник за 1957 год / Под ред. М.Н. Тихомирова. М. 521 с. Совм. с А.А. Новосельским, А.А. Зиминым, Ю.О. Бемом, А.И. Роговым.

1960

Подгот.: Археографический ежегодник за 1958 год / Под ред. М.Н. Тихомирова. М. 461 с. Совм. с А.А. Зиминым, Д.А. Чугаевым, Ю.О. Бемом и др. Общее наблюдение над изданием вела Н.А. Долдобанова.

Подгот.: Археографический ежегодник за 1959 год / Под ред. М.Н. Тихомирова. М. 464 с. Совм. с Ю.О. Бемом, Н.А. Долдобановой, В.Б. Павловым-Сильванским и др.

1961

О составлении Сводного каталога рукописей // ИА. № 1. С. 179–181.

1962

Деятельность Археографической комиссии при Отделении исторических наук АН СССР за 1960 год // АЕ за 1962 год. М. С. 368–370.

Деятельность Археографической комиссии при Отделении исторических наук АН СССР за 1961 год // Там же. С. 466–471.

Подгот.: Археографический ежегодник за 1960 год / Под ред. М.Н. Тихомирова. М. 503 с. Совм. с В.Б. Павловым-Сильванским, А.И. Роговым, Н.А. Саморуковой, Б.Н. Флорей. Общее наблюдение над изданием вела Н.А. Долдобанова.

Подгот.: Археографический ежегодник за 1961 год / Под ред. М.Н. Тихомирова. М. 480 с. Совм. с Ю.О. Бемом, Н.А. Долдобановой, В.Б. Павловым-Сильванским и др.

1963

Подгот.: Археографический ежегодник за 1962 год / Под ред. А.А. Зимина; отв.

ред. чл.-корр. АН СССР В.И. Шунков. М. 500 с. Совм. с Ю.О. Бемом, В.Б. Павловым-Сильванским, Н.А. Саморуковой и др. Общее наблюдение над изданием вела Н.А. Долдобанова.

1965

К вопросу о поселениях пленных ливонцев в Москве во второй половине XVI в. // Австро-Венгрия и славяно-германские отношения / Редкол.: В.Д. Королюк (отв. ред.), Н.Д. Ватнер, А.И. Рогов и др. М. С. 180–182.

Состав документов Посольского приказа и их значение для исторической географии России XVI в. // АЕ за 1964 год. М. С. 40–55.

О характере и времени составления Тетради рубежей Полоцкого повета // Вопросы архивоведения. № 4. С. 51–56.

1966

Сост.: Предварительный список славяно-русских рукописей XI–XIV вв., хранящихся в СССР (для “Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР”, до конца XIV в. включительно) // АЕ за 1965 год. М. С. 177–272.

К биографии академика М.Н. Тихомирова // Там же. С. 173–175. Совм. с Н.А. Долдобановой.

1967

К вопросу об изучении источников по истории внешней политики России в конце XVI в. // Новое о прошлом нашей страны / Редкол.: В.А. Александров, М.Т. Белявский, Ю.О. Бем и др. М. С. 180–199.

1969

Себежская земля в XVI в. // АЕ за 1967 год. М. С. 73–95.

Подгот. к изд.: Тихомиров М.Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М. 374 с. Совм. с Н.А. Саморуковой; указатели – С. 357–372.

1970

Заседания Археографической комиссии // АЕ за 1968 год. М. С. 435–446.

Составление “Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР” // Там же. С. 447.

1971

Образование западной части территории России в XVI в. в связи с ее отношениями с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 30 с. Ротапринт.

1972

Документы государственных межеваний 30–40-х годов XVII в. // АЕ за 1971 год. М. С. 161–172.

Совещание по составлению Сводного каталога славяно-русских рукописей XI–XIV вв. // Там же. М. С. 384–391. О совещании АК совместно с БАН СССР 1–4 февр. 1971 г. в Ленинграде.

1973

Чл. редкол.: Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для “Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР” [вып. 1] / Отв. ред. Л.П. Жуковская. М. 388 с. Ротапринт. Совм. с Л.И. Паниным, Н.Б. Тихомировым, С.О. Шмидтом.

1974

Инструкция по описанию славяно-русских рукописей XI–XIV вв. для “Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР”. М. 44 с. Ротапринт. Совм. с Л.П. Жуковской.

Трубчевский уезд в XVII в. // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в.: Очерки по исторической географии XVII в. / Редкол.: Л.Г. Бескровный (отв. ред.), Я.Е. Водарский. М. С. 131–152.

Комарицкая волость и Севский уезд в первой половине XVII в. // Там же. С. 191–214.

Рославльский уезд XVI в. // Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск. Вып. VIII / Редкол.: Д.П. Будаев и др. С. 165–193.

1975

К истории западной границы России в первой половине XVII в.: Серпейский участок по Поляновскому миру 1634 г. // Историческая география России: XII–начало XX в.: Сб. ст. к 70-летию проф. Л.Г. Бескровного / Отв. ред. А.Д. Нарочницкий и др. М. С. 63–69.

Подгот к изд., ред.: Тихомиров М.Н. Древняя Русь. М. 393 с. Совм. с А.В. Арциховским, М.Т. Белявским; сост. указ. имен. С. 418–428.

1976

Инструкция по описанию славяно-русских рукописей XI–XIV вв. для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР // АЕ за 1975 год. М. С. 28–40. Совм. с Л.П. Жуковской и др. Переиздание работы 1974 г., без приложений – образцов описаний рукописей.

Рекомендуемые наименования памятников письменности и рукописей для славянского выпуска “Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР” // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для “Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР”. Вып. 2, ч. I. С. 1–32. Совм. с Л.П. Жуковской, Н.Б. Тихомировым.

Славяно-русский Октоих XII–XIV вв. (ненотированный) // Там же. Ч. II. С. 340–388.

Чл. редкол. Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для “Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР”. М. Вып. 2, ч. I, II. 483 с. Совм. с Л.П. Жуковской. Ротапринт.

1977

[О “Сводном каталоге рукописей, хранящихся в СССР”] Ереван // Конференция АК и Института древних рукописей им. Маштоца – “Матенадаран” 1977 г. по истории средневековой письменности и книги: Тез. докл. / Редкол.: С.О. Шмидт, Л.С. Хачикян, В.А. Черных и др. Ереван, 1977. С. 14.

1978

Рец. на кн.: Пергаменные рукописи Библиотеки АН СССР. Л., 1976. 234 с. // ИСССР. С. 199–201.

1981

О подготовке Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР // Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности: Материалы Всесоюзной конференции. Ленинград, 1979 год, БАН. Л. С. 20–24.

1983

О составлении “Сводного каталога славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР” // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: Доклады советской делегации. IX Международный съезд славистов. Киев, 1983. М. С. 270–282. Совм. с Л.П. Жуковской, С.О. Шмидтом.

Чл. редкол.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. / отв. ред Л.П. Жуковская. М. 403 с. Совм. с Н.Б. Тихомировым. Описание рукописей (№ 10, 37, 152, 247, 248, 292, 373, 437, 470, 493); уточнение ряда элементов по собраниям ГИМ, ЦГАДА, львовским собраниям, ЦНБ АН СССР; библиография для всего тома просмотрена и пополнена; сост. указателей (с. 375–403); организационная работа по составлению этой части каталога, подгот. к изд. материалов описания, поступивших из хранилищ, компоновка их по всей книге.

1990

Чл. редкол.: Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг. М. Вып. 3, ч. 1, 2 / отв. ред. Л.П. Жуковская. Совм. с Б.Н. Морозовым, А.А. Туриловым, С.О. Шмидтом. Ротапринт.

1992

К юбилею Лидии Петровны Жуковской // АЕ за 1990 год. М. С. 172. Совм. с В.А. Черных.

2002

Чл. редкол.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии: XIV век / Редкол.: А.А. Турилов (отв. ред.) и др. М. Вып. 1. Совм. с О.А. Князевской, Н.А. Кобяк, А.Л. Лифшицем, Н.Б. Тихомировым. Первоначальное редактирование описаний (совм. с Н.А. Кобяк, А.Л. Лифшицем); сост. библиографии; сост. указателей (совм. с Н.А. Кобяк, А.Л. Лифшицем и др.). Описание рукописей: № 186, 223 (совм. с Б.Н. Морозовым), 313 (по материалам А.П. Запаско).

О деятельности Н.Б. Шеламановой

Долдобанова Н.А. Деятельность Археографической комиссии при Отделении исторических наук АН СССР за 1962 г. // АЕ за 1963 год. М. С. 497. О работе по "Сводному каталогу рукописей, хранящихся в СССР (до конца XIV в.)" включительно.

Саморукова Н.А. Деятельность Археографической комиссии АН СССР за 1964 год // АЕ за 1965 год. М. С. 387. Изложение доклада Н.Б. Шеламановой на Общем

собрании Археографической комиссии 18 декабря 1964 г., посвященном созданию Сводного каталога источников отечественной истории по древнейшему периоду.

Долдобанова Н.А. Деятельность Археографической комиссии в 1969 г. // АЕ за 1971 год. М. С. 322. Изложение сообщения о составлении "Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР" на 2-й научн. конф. по вопросам археографии и изучения древних рукописей, организованной совместно с Институтом рукописей им. К.С. Кекелидзе АН Грузинской ССР. Тбилиси, 1969 г.

Жуковская Л.П. Работа над Сводным каталогом славяно-русских рукописей и некоторые вопросы методики их описания // АЕ за 1972 год. М., 1974. С. 243–247. О деятельности Н.Б. Шеламановой по составлению Предварительного списка славяно-русских рукописей (ПС – 1966 г.) и выработке методики их описания: организационная работа по сбору сведений о древнейших славяно-русских рукописях XI–XIV вв. путем переписки и запросов их в хранилищах; участие в совещаниях по методике их описания в Ленинграде совместно с АК и БАН в феврале 1971 г., подготовка к этому совещанию материалов о практике описания рукописей в разных хранилищах, предложение по рекомендуемому списку названий памятников (совместно с Л.П. Жуковской и Н.Б. Тихомировым); участие в подготовке Методического пособия для описания рукописей для СК (совм. с Л.П. Жуковской).

Баранцева С.С. Деятельность Археографической комиссии в 1978 году // АЕ за 1979 год. М. С. 340. Изложение выступления на обсуждении сообщения О.А. Князевской "Задачи палеографического исследования и палеографического описания в изданиях и описаниях славяно-русских рукописей" на заседании АК 14 ноября 1978 г.

Бубнов Н.Ю. Первая всесоюзная конференция по описанию и изданию памятников древней письменности // АЕ за 1979 год. М. С. 348. О работе по составлению Сводного каталога древнейших рукописей, хранящихся на территории СССР.

Гурьянова Н.С., Титова Л.В. Тихомировские чтения 1980 г. // АЕ за 1980 год. М. С. 162. Краткое содержание доклада Н.Б. Шеламановой «Деятельность М.Н. Тихомирова и "Сводный каталог рукописей, хранящихся в СССР"» на Тихомировских

чтениях “Деятельность М.Н. Тихомирова и актуальные проблемы археографии” 14–16 мая 1980, Новосибирск.

Турилов А.А. Деятельность Археографической комиссии за 1980 год // Там же. С. 344. О сообщении Н.Б. Шеламановой, сделанном на заседании АК 27 мая 1980 г., о выступлениях участников в Тихомировских чтениях 1980 г. в Новосибирске (с. 344); об отчете о работе по завершению первого выпуска “Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР” на заседании АК 15 июля 1980 г. (с. 346).

Мироненко М.П. Деятельность Археографической комиссии в 1982 году // АЕ за 1982 год. М. С. 287. Об участии в обсуждении доклада И.В. Левочкина “Неопубликованные описания рукописей ГИМ” на совместном заседании ОР ГИМ и АК 17 ноября 1982 г.

Чирков С.В. Деятельность Археографической комиссии в 1984 г. // АЕ за 1984 год. М. Об участии в обсуждении сообщения О.А. Князевской на заседании АК совместно с ВНИИ искусствознания 10 января 1984 г. о подготовке возобновленного издания “Хроники Георгия Амартола” (с. 310); об участии в обсуждении сообщения А.А. Турилова на заседании АК 25 сентября 1984 г. об открытии издания, напечатанного в Казани шрифтом московской анонимной типографии около 1579 г. (с. 313); об участии в обсуждении доклада проф. П. Кеннеди-Гримстед (Гарвардский ун-т, США) “Новые издания справочников по материалам советских архивов в США” – на заседании АК 30 октября 1984 г. (с. 313, 314).

Морозов Б.Н. Деятельность Археографической комиссии в 1985 году // АЕ за 1985 год. М. С. 325. О докладе совм. с С.О. Шмидтом, А.А. Туриловым, Л.П. Жуковской «Рукописные книги балканского происхождения в издании “Сводный каталог славяно-русских книг,

хранящихся в СССР»» на научн. конф. 26–30 марта 1985 г. (Ленинград) “Система описания памятников средневековой книжности: Нарративные памятники по истории и культуре балканских народов и методика их описаний”, в связи с 3-м рабочим совещанием Комиссии рукописей СИБАЛ.

Охотина Н.А. Первое совещание по филиграноведению // АЕ за 1987 год. С. 325. Об участии в обсуждении докладов на первом всесоюзном совещании филиграноведов в Москве в 1987 г.; прочтение текста выступления Л.П. Жуковской.

Морозов Б.Н. Хроника заседания, [посвящ. 25-летию со дня смерти М.Н. Тихомирова 2 октября 1990 г.] // АЕ за 1990 год. С. 215. О выступлении на заседании о многосторонней деятельности М.Н. Тихомирова как ученого и патриота.

Лохина Т.В. Деятельность Археографической комиссии в 1995 г. // АЕ за 1995 год. М. С. 372. Об участии в обсуждении отчета Б.Н. Морозова о его работе в США по созданию компьютерной базы библиографических сведений о составе Боярской думы Российского государства XV–XVII вв. (проект осуществляется РГАДА и Гарвардским университетом) на заседании АК 10 октября 1995 г.

Турилов А.А. О работе над “Сводным каталогом славяно-русских рукописных книг XIV в.”; (К 30-летию выхода в свет “Предварительного списка славяно-русских рукописей XI–XIV вв.”) // АЕ за 1996 год. М., 1998. С. 16. О работе Н.Б. Шеламановой над составлением Предварительного списка славяно-русских рукописей XI–XIV вв., хранящихся в СССР (для “Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР”, до конца XIV в. включительно).

Кобяк Н.А., Лифищиз А.Л. Двойной юбилей // АЕ за 2001 год. М. 2002. С. 409–410. О 75-летнем юбилее Н.Б. Шеламановой и ее 45-летней работе в АК в 1956–2001 гг.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ Б.В. ЛЕВШИНА

(К 80-летию со дня рождения)*

1951

Тоголь Николай Васильевич (1809–1852):
Опись документальных материалов личного фонда № 139 / Ред. Н.И. Прокофьев. М. 20 С. Совм. с В.И. Любимовой.

1957

Документальные материалы фонда Ю. Крымова как исторический источник для изучения жизни и творчества писателя: (Обзор фонда) // ТМГИАИ. М. Т. 10: Сборник студенческих научных работ / Под ред. С.О. Шмидта. С. 363–366.
Документы о первых Ленинских премиях // ИА. № 2. С. 178–179.

1958

Издание трудов академика С.Б. Веселовского // ИСССР. № 5. С. 250.
Публ.: Два новых автографа В.И. Ленина: Документы Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС // ИА. № 2. С. 3–5. Публикация двух записок В.И. Ленина Н.М. Крицману 1921 г., обнаруженных в Московском отделении Архива АН СССР.

1959

Пособие по обработке, хранению и использованию документальных материалов в учреждениях Академии наук СССР / Под ред. Г.А. Князева. М.; Л. 66 с.
В архивах Германской Демократической Республики // Вопросы архивоведения. № 2. С. 108–113.
Archiwum Akademii Nauk Związku Radzieckiego // Biuletyn Archiwum Polskiej akademii nauk. Warszawa. № 2. S. 3–9.

1960

Обзор документальных материалов фонда академика С.Б. Веселовского // АЕ за 1958 год. М. С. 257–266.

1961

Публ., сост.: Письма В.Г. Хлопина к В.И. Вернадскому (1916–1943) / Под общ. ред. В.И. Баранова, Н.Г. Хлопина; отв. ред. Г.А. Князев. М.; Л. 90 с.; ил. Совм. с Л.А. Зайцевой.

Академия наук СССР в годы Великой Отечественной войны // ИСССР. № 3. С. 13–27.

Из истории деятельности ученых в восточных районах страны (1941–1943 гг.) // ИА. № 1. С. 120–127.

Публ.: Люди науки на Урале в дни войны. Дневник академика Л.Д. Шевякова (1941–1943 гг.) // Там же. № 1. С. 82–99; № 3. С. 201–224; № 4. С. 159–181.

Академия наук СССР // Советская историческая энциклопедия. М. Т. 1: Аалтонен – Аяны. С. 294–299. Совм. с Г.А. Князевым, А.В. Кольцовым.

1963

Источники по истории Академии наук СССР периода Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // АЕ за 1962 год. М. С. 409–413.

Степан Борисович Веселовский: (Биографический очерк) // Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины / Отв. ред. М.Н. Тихомиров. М. 1963. С. 3–6.

Публ.: Морозов Н.А. Лунные кратеры и цирки: Путешествия в Мировом пространстве: [Рассказы] // Техника – молодежи. № 7. С. 12–14; № 8. С. 30–31.

Ред.: Архив Академии наук СССР: Обзорные архивных материалов. Л. Т. 5. 188 с.; ил. (Труды Архива АН СССР; Вып. 19). Совм. с Г.А. Князевым (отв. ред.), Е.С. Кулябко, Н.М. Раскиным, А.М. Черниковым.

1964

Академия наук СССР и ее вклад в оборону и народное хозяйство страны в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. М. 25 с.

1965

20-летие освобождения народов Европы от фашизма (научные сессии) [в разделе – информация о научной конференции, по истории советско-немецких культурных связей периода 1918–1933 гг., 6–8 апреля 1965 г. в Берлине, посвященной 20-летию

* 21 декабря 2006 г. исполнилось 80 лет выдающемуся историку-архивисту и историку советской науки, члену Бюро Археографической комиссии РАН, советнику РАН, доктору исторических наук Борису Венедиктовичу Левшину, несколько десятилетий возглавлявшему Архив Российской академии наук. См.: Юбилей Бориса Венедиктовича Левшина // ВА. 2006. № 6. С. 393–394.

освобождения ГДР от фашизма] // Вестник АН СССР. № 6. С. 89.

Основные принципы классификации служебной документации в учреждениях АН СССР // Труды научной конференции по вопросам архивного дела в СССР. М. Т. 2. С. 217–222. Совм. с Г.В. Мамоновой.

Ценный источник по истории отечественного почвоведения: [О поступлении в Архив АН СССР рукописного фонда акад. Л.И. Прасолова] // Почвоведение. № 3. С. 99–100. Совм. с В.М. Суриновым.

Экспертиза ценности документальных материалов ученых в Архиве Академии наук СССР // Материалы Всесоюзного совещания-семинара по комплектованию государственных архивов материалами личного происхождения, экспертизе их ценности и фондированию. М. С. 80–96.

Отв. ред.: Рукописное наследие В.Ф. Шишмарева в Архиве Академии наук СССР: Описание и публикации / Сост. М.А. Бородин, Б.А. Малькевич. М.; Л. 245 с.; ил. (Труды Архива; Вып. 21).

1966

Академия наук СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М. 188 с.; ил.

Рец.: Кольцов А.В. // ИСССР. 1967. № 6. С. 182–184; Комков Г.Д. // ВИ. 1968. № 1. С. 169–172; Кузнецов Б.Г. // ВИЕТ. 1968. Вып. 24. С. 85–86; Куманев В.А. // Вестник АН СССР. № 8. С. 132–134.

Выставка документальных материалов, посвященных академику М.Н. Тихомирову // АЕ за 1965 год: Посвящается памяти академика М.Н. Тихомирова. М. С. 176.

Основные направления работы Архива Академии наук СССР // Материалы [I-go] совещания представителей архивов академий наук стран социалистического лагеря. Варшава. С. 37–45.

Памяти академика М.Н. Тихомирова // СА. № 4. С. 121.

Постоянная выставка в Архиве АН СССР, посвященная академику М.Н. Тихомирову // Советское славяноведение. № 5. С. 117–118.

Рец.: Путеводитель по Архиву Польской академии наук [Рец. на кн.: Przewodnik po zespołach i zbiorach Archiwum PAN. Kraków, 1965. 184 s.] // СА. № 3. С. 116–117.

Публ.: Космос: Мечта и дело: [Письма К.Э. Циолковского] // Радио. Телевидение. № 9. С. 6–7. Совм. с Н. Митрофановым, В. Гордеевым.

Ред.: Рукописные материалы К.Э. Циолковского в Архиве Академии наук СССР: Научное описание / Сост. М.Я. Ржевникова, И.П. Староверова, Л.Г. Самохвалова. М. 171 с.; ил. (Труды Архива; Вып. 22). Совм. с Б.Н. Воробьевым.

Die sowjetisch-deutsche Gesellschaft "Kultur und Technik" in den Jahren 1923 bis 1933 // Deutschland – Sowjetunion: Aus fünf Jahrzehnten kultureller Zusammenarbeit. Berlin. S. 138–144.

1967

Архивы Академии наук СССР // СА. № 5. С. 117–121.

Сост.: Из истории Академии наук СССР: (Даты и события за 50 лет) // Вестник АН СССР. № 11. С. 14–104. Б/п. Совм. с М.С. Бастраковой, Н.М. Кузьминой.

Советские ученые в Великой Отечественной войне // Техника и вооружение. № 11.

У истоков ядерной физики // Вестник АН СССР. № 10. С. 81–87. Совм. с В.К. Воронцовским.

Публ.: Из истории советской науки: Материалы Архива АН СССР // Природа. № 11. С. 10–11, 33–34, 45, 59, 70–71, 89, 101, 110–111. Совм. с М.С. Бастраковой, Н.М. Кузьминой, Н.Я. Московченко, В.С. Неаполетанской, А.Л. Станиславским, Ю.П. Тимохиной.

Рец.: Соболев Г.Л. Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. М.; Л.: Наука, 1967 // ВИ. № 3. С. 141–143.

Ученые в Великой Отечественной войне // Литературная газета. 27 сент. С. 2. Совм. с В.В. Станцо.

Das Archiv der Akademie der Wissenschaften der UdSSR // Archivmitteilungen. Berlin. Jg. 17, № 5. S. 178–181.

1968

Академия наук СССР – штаб советской науки. М. 217 с. Совм. с Г.Д. Комковым, О.М. Карпенко, Л.К. Семеновым.

Архив Академии наук СССР: (Московское отделение) // ВИЕИТ. Вып. 24. С. 117–118.

Архивное строительство в Академии наук СССР за 50 лет Советской власти и перспективы его дальнейшего развития // Академические архивы СССР за 50 лет Советской власти: (Труды 1-го совещания архивистов Академии наук СССР и Академий наук союзных республик. 17–23 мая 1967 г.). М. С. 6–34. Ротапринт. Ученые-москвичи – фронту // Беспрецедентный подвиг: Материалы науч. конф., посвящ.

25-летию разгрома немецко-фашистских войск под Москвой. М. С. 269–282.

Штаб советской науки // Голос Родины. № 98. С. 8.

Ред.: Академические архивы СССР за 50 лет Советской власти: (Труды 1-го совещания архивистов АН СССР и академий наук союзных республик, 17–23 мая 1967 г.). М. 313 с. Ротапринт.

Чл. редкол.: Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925): Сб. документов / Сост. М.С. Бастракова, Л.В. Жигалова и др. Л. 419 с.

Чл. редкол.: Тихомиров М.Н. Русская культура X–XVIII веков / Подгот. текста к печати, ред. М.Т. Белявский, С.О. Шмидт. М. 447 с.

Архивы при Академии наук СССР // Известия на Архивный институт Българска академия на науките. София. Кн. 4. С. 202–213.

1969

Н.К. Крупская – почетный член Академии наук СССР: [К 100-летию со дня рождения] // СА. № 1. С. 19–24.

Сост.: Ленин и Академия наук: Сб. док. / Под ред. П.Н. Поспелова. М. 343 с., ил. Совм. с М.С. Бастраковой, Л.Г. Дубинской, Н.Я. Московченко, А.К. Панфиловой.

Предисловие // Там же. С. 5–18.

Публ.: О Ленине: К.А. Тимирязев, П.П. Лазарев, Н.А. Семашко, А.Е. Ферсман, Н.И. Вавилов, А.П. Карпинский, С.Ф. Ольденбург, В.А. Стеклов, С.И. Вавилов // Огонек. № 39. С. 10–11. Б/п. Совм. с сотрудниками Архива АН СССР.

Ред.: Материалы [2-го] совещания представителей архивов академий наук социалистических стран. М. 252 с.

Чл. редкол.: Тихомиров М.Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М. 374 с.

Чл. редкол.: Тихомиров М.Н. Классовая борьба в России XVII в. М. 447 с.

1970

Академия наук СССР в годы Великой Отечественной войны // Химия и жизнь. № 5. С. 2–8.

Архив АН СССР – к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина // Природа. № 4. С. 5–7.

Во имя Родины и науки // Слово лектора. № 5. С. 58–61.

Ленин и Академия наук: [Аннотация издания “Ленин и Академия наук: Сб. док.” (М., 1969)] // Огонек. № 7. С. 10.

Ленин и Академия наук // Слово лектора. № 4. С. 44.

Ленинградские ученые в годы блокады // СА. № 2. С. 62–67.

Наука – фронту. 1941–1945 гг. // Наука и жизнь. № 5. С. 31, 41, 72, 73.

Ленин и Академия наук: Сб. док. М., 1969: [Аннотация] // Вестник АН СССР. № 1. С. 127–131.

Сост.: Библиография трудов С.Б. Веселовского // АЕ за 1969 год. М. С. 401–404.

Отв. ред.: Тематика исследований по документальным материалам архивов Академии наук СССР: Справочник / Отв. сост. Ю.В. Виноградов. Л. Вып. 1: 1967 г. 172 с.

Ее девиз: знания народу // Известия. 25 февр. С. 3.

1971

Вклад советской науки в достижение победы над врагом // Всемирно-историческая победа советского народа. 1941–1945. М. С. 344–348.

[Серафиме Сергеевне Зиминой, заведующей Архивом А.М. Горького – 60 лет] // СА. № 6. С. 111. Совм. с Л.М. Зак.

Отв. ред.: Архив Академии наук СССР: Обзорные архивные материалы. Л. Т. 6. 224 с.; ил. (Труды Архива АН СССР; Вып. 24). Совм. с Е.С. Кулябко, Т.И. Лысенко.

Отв. ред.: Архивы академий наук социалистических стран: Библиография / Подгот. Ю.А. Виноградов. Л. Вып. 1. 1917–1968. 251 с.

Ред.: Методические рекомендации по научно-технической обработке документальных материалов фондов личного происхождения. М. 112 с.

1972

К истории Российской академии наук // Вестник АН СССР. № 10. С. 131–136.

Основные принципы комплектования академических архивов научной документацией: (внедрение практических мероприятий по комплектованию итоговой научной документацией и разработкам вопросов организации первичной научной документации) // Третья конференция архивов академий наук социалистических стран. Берлин, 1971. Берлин. С. 50–68. Совм. с Г.В. Мамоновой. То же на нем. яз.

Публ.: Документы о развитии образования, культуры и науки в Советском Союзе в 1945–1971 годах // СА. № 6. С. 55–71. Совм. с кол. авторов.

Отв. ред.: Тематика исследований по документальным материалам архивов Академии наук СССР: Справочник / Отв. сост. Ю.В. Виноградов. Л. Вып. 2: 1968 год. 208 с.

Отв. ред.: Тематика исследований по документальным материалам архивов Академии наук СССР: Справочник / Отв. сост. Ю.В. Виноградов. Л. Вып. 3: 1969 год. 238 с.

Отв. ред.: Тематика исследований по документальным материалам архивов Академии наук СССР: Справочник / Отв. сост. А.К. Панфилова. Л. Вып. 4: 1970 год. 195 с.

Чл. редкол.: Тихомиров М.Н. Российское государство XV–XVII веков. М. 423 с.

1973

Перестройка деятельности научных учреждений // История СССР с древнейших времен до наших дней. В 2 сериях. В 12 т. История СССР. Вторая серия. Т. 7–12: От Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. М. Т. 10: СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. С. 96–102.

Ученые в борьбе за развитие военного хозяйства // Там же. С. 290–295.

Советская наука – фронту // Там же. С. 431–436.

Юбилейные медали Академии наук // Природа. № 11. С. 100.

Ред.: Академические архивы: Методика использования документов. М. 113 с.

1974

Академия наук СССР: Краткий исторический очерк. М. 522 с.; ил. Совм с Г.Д. Комковым, Л.К. Семеновым.

Рец.: Иванова Л.В. // ИСССР. 1975. № 5. С. 182–183.

Академии наук СССР – 250 лет. М. 64 с.

Академия наук СССР в годы социалистической индустриализации // ИСССР. № 3. С. 31–46.

Архив Академии наук СССР: (К 250-летию АН СССР) // СА. № 2. С. 17–25.

В годы войны // Вестник АН СССР. № 2. С. 121–128.

250-летие Академии наук СССР // Наука и человечество. № 2. С. 8–17.

Система информации исследователей о содержании фондов деятелей науки, литературы и искусства // АЕ за 1972 год. М. С. 93–97.

Советская литература по истории Академии наук СССР // НиНИ. № 3. С. 12–24.

Создание Академии наук в России // Природа. № 1. С. 6–23.

Страницы истории: [К 250-летию АН СССР] // Мировая экономика и международные отношения. № 5. С. 19–35.

Публ.: Начало Академии наук в России: К 250-летию Академии наук СССР // ИСССР. № 2. С. 94–108.

Сост.: Академия наук СССР: 250 лет (1724–1974): Персональный состав. М. Т. 1–2.

Сост.: Уставы Академии наук СССР. 1724–1974. М. 208 с. Совм. с кол. сост.

Ред.: Веселовский С.Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии / Подгот. к печати Э.Г. Чумаченко. М. 382 с. Совм. с В.И. Бугановым.

Ред.: Мечников И.И. Письма (1863–1916 гг.). М. 522 с.; ил. Совм. с А.Е. Гайсановичем.

Ред.: Рукописное наследие академика М.Н. Тихомирова в Архиве Академии наук СССР: Научное описание / Сост. И.П. Старовойта. М. 184 с.; ил. (Труды Архива; Вып. 25). Совм. с С.О. Шмидтом.

Чл. редкол.: Организация советской науки в 1926–1932 гг.: Сб. документов / Сост. К.Г. Большакова, Н.Н. Винокурова и др. Л. 407 с.

Чл. редкол.: Русско-германские научные связи между Академией наук СССР и Академией наук ГДР: 1700–1974: Сб. док. / Под ред. П.Н. Поспелова, Г. Шееля. М. 296 с., ил.

1975

Академия наук СССР в годы Великой Отечественной войны // Природа. № 4. С. 2–13.

Академия – фронту // Химия и жизнь. № 5. С. 16.

Весомый вклад в победу: Роль советской науки в материально-техническом обеспечении обороны страны // ИСССР. № 3. С. 45–62.

[Выступление о некоторых вопросах взаимосвязи в работе академических архивов с системой государственных архивов] // Материалы VII Международного конгресса архивов. М. С. 92–94.

“Мы вложим в доблестные руки бойцов непобедимое оружие” // Техника и наука. № 3. С. 22–23; № 4. С. 10–11.

Организационные формы деятельности ученых по оказанию помощи фронту в Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // 30 лет победы советского народа над фашистской Германией: Боевой и трудовой подвиг сибиряков в Великой Отечественной войне: Материалы регион. науч. конф. Томск. С. 126–129.

Организация и осуществление научных исследований по истории Академии наук СССР и Архиве АН СССР // IV Конференция архивов академий наук социалистических стран. Прага – Братислава. М.; Прага. С. 13–49.

Советская наука в годы войны // Слово лектора. № 5. С. 12–20.

Содружество трех академий (1929–1933 гг.) // ВИ. № 10. С. 203–208.

Страницы истории // Юный техник. № 2. С. 18–23.

Отв. ред.: Архивы академий наук социалистических стран: Библиография / Подгот. Ю.А. Виноградов. Л. Вып. 2: 1969–1972. 376 с.

Ред.: Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. / Подгот. Э.Г. Чумаченко. М. 607 с. Совм. с В.И. Бугановым.

Ред.: Русско-германские научные связи между Академией наук СССР и Академией наук ГДР. М.

Чл. редкол.: Тихомиров М.Н. Древняя Русь. М. 429 с. ил.

Отв. ред.: Шишмарев В.Ф. Романские поселения на юге России: Научное наследие / Подгот. М.А. Бородина, Б.А. Малькевич, Н.Л. Сухачев. Л. 246 с., ил. Совм. с В.М. Жирмунским.

Ученые – фронту // Московская правда. 19 янв. С. 3.

1976

Деятельность Архива АН СССР в годы Великой Отечественной войны // АЕ за 1975 год. М. С. 142–148.

Деятельность Комиссии по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // История и историки: Историографический ежегодник за 1974 год. М. С. 312–317.

Место и роль академических архивов в исследованиях по истории науки // Материалы к Всесоюзной научной конференции по проблемам научно-информационной деятельности государственных архивов СССР (Москва, ноябрь 1976 г.): Краткие тезисы. М. С. 87–89.

Развитие советской науки в годы войны // Советская культура в годы Великой Отечественной войны. М. С. 38–54.

Публ.: “Прочный союз с наукой”: Из выступления А.В. Луначарского по случаю 200-летия Академии наук // Наука и жизнь. № 3. С. 54–57.

Публ.: У истоков журнала “Историк – марксист” // ВИ. № 6. С. 97–107.

Ред.: Акты писцового дела (1644–1661 гг.) / Сост. С.Б. Веселовский. Подгот. к печати

А.Л. Станиславский, Э.Г. Чумаченко. М. 287 с. Совм. с В.И. Бугановым.

1977

Академия наук СССР: Краткий исторический очерк. В 2 т. 2-е изд., перераб. и доп. М. Т. 1: 1724–1917. 383 с.; ил. Совм. с Г.Д. Комковым, Л.К. Семеновым. То же на нем. яз.

Работа Комиссии по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны страны // Академия наук и Сибирь. Новосибирск. С. 152–158.

Отв. ред.: Архив Академии наук СССР: Обзор архивных материалов. Л. Т. 7. 178 с.; ил. (Труды Архива; Вып. 27).

1978

Архиву Академии наук СССР – 250 лет // Общественные науки. № 1. С. 178–180.

250-летие Архива Академии наук СССР: [Расширенное заседание Ученого совета Архива АН СССР] // Вестник АН СССР. № 7. С. 93–101. Б/п.

1979

Личный фонд В.В. Максаква в Архиве АН СССР // АЕ за 1978 год. М. С. 301–305.

Отв. ред.: Краткий справочник по научно-отраслевым и мемориальным архивам АН СССР / Сост. Г.И. Пронина, Н.Н. Жаркова и др. М. 252 с.

Отв. ред.: Документальное наследие академика А.А. Полканова в Архиве Академии наук СССР: Научное описание / Сост.: Н.Н. Бархатова, Т.И. Лысенко. Л., 175 с., ил. Совм. с К.О. Кротцем.

Отв. ред., чл. редкол.: Переписка В.И. Вернадского с Б.И. Личковым: 1918–1939 / Сост. В.С. Неаполитанская. М. 271 с.

Чл. редкол.: Тихомиров М.Н. Русское летописание. М. 384 с.

1980

Ред.: Богоявленский С.К. Научное наследие: О Москве XVII века / Сост. Л.Г. Дубинская. М. 271 с.

Отв. ред.: Рукописные материалы Ф.А. Цандера в Архиве АН СССР: научное описание / Сост. Ю.С. Воронков и др. М. 128 с.; ил. Совм. с В.П. Мишиным.

Чл. редкол.: Личные архивные фонды в хранилищах СССР: Указатель. М. Т. 3. 544 с.

1981

Рец. на кн.: Иванова Л.В. Формирование советской научной интеллигенции (1917–1927 гг.). М., 1980. 390 с. // ИСССР. № 3. С. 191–192.

1982

Вклад ученых в мобилизацию духовных сил народа в 1941–1945 годах // ИСССР. № 3. С. 21–35. Совм. с Г.Д. Комковым.

1983

Советская наука в годы Великой Отечественной войны / Отв. ред. П.М. Ким. М. 1982. с.; ил.

Рец.: *Сергеев А.С.* Незабываемые страницы истории: советская наука в годы Великой Отечественной войны // ВИЕИТ. 1984. № 4. С. 143–147; *Самсонов А.М.* // ВИ. 1984. № 5. 105–108; *Тельпуховский Б.С.* // ИСССР. 1984. № 5. С. 151–152; *Макареня А.А.* Наука в борьбе за победу // Вестник АН СССР. 1985. № 3. С. 135–138.

Советская наука на идеологическом фронте Великой Отечественной войны // Советская культура: История и современность. М. С. 343–366. Совм. с Г.Д. Комковым.

Совместная работа академических архивов // Общественные науки. № 6. С. 179–183.

Ред.: Приходо-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. / Сост. акад. С.Б. Веселовский; Подгот. к печати Л.Г. Дубинская, А.Л. Станиславский. М. 479 с. Совм. с В.И. Бугановым.

1984

Мобилизация научного потенциала советского государства и вклад ученых в разгром фашистских агрессоров (1941–1945 гг.): Автореф. дис. на соиск. учен. степени д-ра ист. наук. М. 48 с.

1985

Академия наук СССР в 1941–1945 годах // Экономика и организация промышленного производства. № 5. С. 66–72.

Архив АН СССР и развитие архивов научных центров в союзных и автономных республиках // АЕ за 1983 год. М. С. 157–165.

Вклад советской науки в достижение победы в Великой Отечественной войне // Военно-исторический журнал. № 5. С. 66–79.

Геологи в Великой Отечественной войне // Земля и Вселенная. № 2. С. 52–55.

Наука и некоторые продовольственные проблемы периода Великой Отечественной войны // Природа. № 5. С. 6–10.

Перестройка деятельности Академии наук СССР в первый период Великой Отечественной войны // ВИЕИТ. № 2. С. 3–11.

Роль советской науки в разгроме фашизма // Источники победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М. С. 206–247. Совм. с Э.И. Гракиной.

Ученые – фронту // Энергия. № 5. С. 8–10.

Ученые Москвы – фронту // Величие подвига Москвы. М. С. 102–120. Совм. с В.Т. Полуниным.

Чем мы воевали // Советский Союз. № 2. С. 30–31. Совм. С.Ю. Воиновым.

Отв. ред.: Гравировальная палата Академии наук в XVIII веке: Сб. документов / Сост.: М.А. Алексеева и др. Л. 293 с.; ил.

Отв. ред.: Документы по истории Академии наук СССР: 1917–1925 гг. / Сост. В.А. Трякина. Л. 384 с.; ил.

Естественные и технические науки // Великая Отечественная война: 1941–1945: Энциклопедия. М. С. 261–265. Б/п.

1986

Отв. ред.: Архив Академии наук СССР: Обзор архивных материалов. Л. Т. 8. 175 с.; ил. (Труды Архива; Вып. 28). Совм. с Н.Я. Московченко.

Отв. ред.: *Горбунов Н.П.* Воспоминания. Статьи. Документы / Сост.: А.Н. Горбунов, Г.А. Савина, А.П. Трошина. М. 240 с.

1987

Г.А. Князев: К 100-летию со дня рождения // СА. № 4. С. 110–111.

Основные этапы развития Академии наук СССР после победы Великого Октября // Советская культура: 70 лет развития. М. С. 216–221.

Ред.: *Бахрушин С.В.* Труды по источниковедению, историографии и истории эпохи феодализма: (Научное наследие). М.

1988

Фонд академика В.И. Вернадского в Архиве АН СССР // Бюллетень Комиссии по разработке научного наследия академика В.И. Вернадского. Л. С. 28–30.

Рец.: Академик Н.М. Лукин – ученый и революционер: Рец. на кн.: *Дунаевский В.А., Цфасман А.Б.* Николай Михайлович Лукин. М., 1987. 192 с. // Вестник АН СССР. № 6. С. 135–138.

Отв. ред.: *Вернадский В.И.* Письма Н.Е. Вернадской: 1886–1889 / Сост. Н.В. Филиппова. М. 304 с.

Отв. ред.: Документы по истории Академии наук СССР: 1926–1934 гг. / Сост. О.В. Иодко. 286 с.; ил.

1989

Отв. ред.: Гракина Э.И. Ученые – фронту: 1941–1945. М. 255 с. (Борьба народов против фашизма и агрессии).

Отв. ред.: Заозерский А.И. Фельдмаршал Б.П. Шереметев / Сост. Н.К. Ткачева. М. 307 с.

1990

Ред.: Акты писцового дела 60–80-х годов XVII века / Сост. С.Б. Веселовский. М. 475 с. Совм. с В.И. Бугановым.

1991

Отв. ред.: Вернадский В.И. Письма Н.Е. Вернадской (1889–1892) / Сост. Н.В. Филиппова. 319 с.; ил.

Чл. редкол.: Валк С.Н. Избранные труды по археологии: Научное наследие. СПб. 366 с.

1992

М.Н. Тихомиров и Архив Академии наук СССР // АЕ за 1990 год. М. С. 191–198.

Публ.: М.Н. Покровский о В.И. Ленине: (стенограмма выступления в Институте красной профессуры 7 февраля 1924 г.) // ОА. № 3. С. 97–108. Совм. с А.Н. Артизовым.

Чл.-редкол.: Международные научные связи Академии наук СССР. 1917–1941: Сб. док. / Сост. Ю.А. Панцырев. М. 368 с.

Отв. ред.: Пацута В.Т. Русские историки эмигранты в Европе. М. 400 с.

1993

Публ.: Неизданная статья С.Ф. Платонова [“Н.М. Карамзин – историк”, 1924 г.] // ОА. № 2. С. 46–56. Совм. с А.Н. Артизовым.

1994

Отв. ред.: Вернадский В.И. Дневники: 1917–1921: [В 2 кн.]. Киев. [Кн. 1]: Октябрь 1917– январь 1920. 271 с. Совм. с К.М. Сытником.

Ред.: Вернадский В.И. Письма Н.Е. Вернадской (1893–1900). М.

Отв. ред.: Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.) / Сост. С.Б. Веселовский. Подгот. к печати Н.К. Ткачева. М. 479 с.

Отв. ред.: Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма: (Научное наследие) / Сост. Л.Г. Дубинская. М. 223 с.

1995

Академик М.Н. Тихомиров в своих воспоминаниях (по документам АРАН) // АЕ за 1993 год. М. С. 20–29.

Архив РАН в 1994 году // Бюллетень Отделения истории РАН. № 1. С. 272–287.

Испытание огнем: Академия наук в годы Великой Отечественной войны // Вестник РАН. № 5. С. 403–415.

Первый научный архив России // Вестник РАН. № 3. С. 242–250.

1996

Российские научные учреждения и ученые в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Наука и ученые России в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945: Очерки. Воспоминания. Документы / Сост. Е.А. Беляев, Н.М. Осипова, Е.А. Шитиков. М. С. 7–23.

Рец. на кн.: Шаранов Ю.П. Лицей в Сокольниках: Очерк истории ИФЛИ – Московского института истории, философии и литературы имени Н.Г. Чернышевского (1931–1941 гг.). М., 1995 // ВИ. № 1. С. 164–166.

Чл. редкол.: Наука и ученые России в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Очерки. Воспоминания. Документы / Сост. Е.А. Беляев, Н.М. Осипова, Е.А. Шитиков. М. 311 с.

1997

Отв. ред.: Вернадский В.И. Дневники: 1917–1921: [В 2 кн.]. Киев. [Кн. 2]: Январь 1920–март 1921.

1998

Академический университет в Санкт-Петербурге: (Историческая справка) // ОИ. № 5. С. 73–76.

В конце “серебряного века” // Вестник РАН. № 7. С. 579–586. Совм. с Б.И. Козловым.

1999

Российская академия наук: Персональный состав. 1724–1999. 3 т. М. Кол. авторов; чл. редсовета.

Авт.-сост., чл. ред. совета: Российская академия наук: Список членов Академии. 1724–1999. М. 542 с. Совм. с др.

Авт.-сост., чл. ред. совета.: Уставы Российской академии наук: 1724–1999. М. 287 с.; ил. Совм. с др.

“Как вообще развивается такая наука, как химия?..” (о новом поступлении документов в фонд академика Н.Д. Зелинского в Архиве РАН) // ВИБИТ. № 2. С. 140–146.

Предисловие // Вернадский В.И. Дневники: Март 1921–август 1925. М. С. 9–11.

Отв. ред.: Дело академика Николая Николаевича Лузина. СПб. 305 с. Совм. с С.С. Демидовым.

Отв. ред.: Паллас Петр Симон. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Российской империи в 1793–1794 годах / Сост. Н.К. Ткачева. 244 с.; ил. (Научное наследство; Т. 27).

Чл. редсов., чл. авторского коллектива: Российская академия наук: История и современность: Краткий очерк. М. 272 с.; ил. Текст параллельно на рус. и англ. яз.

2000

Архив Российской академии наук в структуре архивных учреждений Российской Федерации // The Sciences Archives in the European Integration: Materials of the International Conference. Warsaw, Poland, 2–3 XII 1999. Warsaw. P. 47–55.

Чл. редкол.: Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б) – КПСС: 1922–1991. М. Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б): 1922–1941 / Сост. В.Д. Есаков. 591 с.; ил.

2001

Предисловие // Вернадский В.И. Дневники. 1926–1934 / Отв. ред. В.П. Волков. М. С. 5–8.

Ред.: Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками / Сост.: Л.Г. Дубинская, А.М. Дубровский. М. 528 с.; ил. Совм. с С.А. Левиной.

2002

Волшебное древо знаний: [Воспоминания о времени учения в МГИАИ] // ВА. № 2. С. 151–152.

Центральный комитет ВКП(б) и Академия наук в 1930-х гг. // За “железным занавесом”: Мифы и реалии советской науки / Под ред. М. Хайнеманна и Э.И. Колчинского. СПб. С. 87–96.

2003

К 275-летию Архива Российской академии наук: “...драгоценный для истории науки Архив...” [Левшин Б.В. Основные этапы деятельности и перспективы дальнейшего развития Архива АН СССР: (250 лет Архиву Академии наук СССР)] / Подгот. Н.М. Осипова // ВА. № 1. С. 254–267; № 2. С. 172–189.

Отв. ред.: Академик Норайр Мартиросович Сисакян: Ученый. Учитель. Патриот: Сб. архивных документов / Сост. Е.Р. Курапова, А.Н. Сасикян, И.И. Филиппович. М. 438 с.; ил. Совм. с О.Г. Газенко, А.И. Григорьевым.

Отв. ред.: Козлов Б.И. Академия наук СССР и индустриализация России. 1925–1963. М. 396 с.; ил.

2004

Выдающийся вклад ученых // Война и общество. 1941–1945. В 2 кн. М. Кн. 2. С. 78–91.

Медицина в войне // Там же. С. 119–128.

2005

Ред.: Переписка В.И. Вернадского с Б.Л. Личковым: 1918–1939 гг. М. Совм. с Ф.Т. Яншиной, С.Н. Жидовиновым.

2007

Академия наук в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Басаргина Е.Ю., Козлов Б.И., Кривоносов Ю.И., Савина Г.А. Институционализация отношений государства и науки в истории России. М. С. 165–167.

Наука и Великая Отечественная война // Единство фронта и тыла в Великой Отечественной войне (1941–1945): Материалы Всерос. науч.-практич. конф., 21–22 апреля 2005 г. М. С. 279–286.

Отв. ред.: Вернадский В.И. Письма Н.Е. Вернадской: 1909–1940 / Сост.: Н.В. Филиппова, В.С. Чесноков. М. 288 с.

2008

Г.А. Князев – директор, архивист, педагог // Академический архив в прошлом и настоящем: Сб. науч. статей к 280-летию Архива Российской академии наук. СПб. С. 32–40.

2009

Сост.: Российская академия наук: Персональный состав: 1724–1917: Действительные члены. Члены-корреспонденты. Почетные члены. Иностранные члены. М. Кн. 1. 561 с. Авт.-сост., чл. ред. совета.

Сост.: Российская академия наук. Персональный состав: 1918–1973: Действительные члены. Члены-корреспонденты. Почетные члены. Иностранные члены. М. Кн. 2. Авт.-сост., чл. ред. совета.

Сост.: Российская академия наук. Персональный состав: 1974–1999: Действительные члены. Члены-корреспонденты. Почетные члены. Иностранные члены. М. Кн. 3. 454 с. Авт.-сост., чл. ред. совета.

Сост.: Российская академия наук: Список членов академии. 1724–2009. М. 681 с. Авт.-сост., чл. ред. совета.

Сост.: Уставы Российской академии наук. М.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ А.В. ЕЛПАТЬЕВСКОГО С 1989 г.

(К 75-летию со дня рождения)*

1989

Государственная архивная служба СССР: проблемы и пути их решения: Интервью // СА. № 1. С. 6–11.

1991

Выступление на учредительном съезде общества архивистов СССР // ВА. № 2. С. 36–37.

1992

О рассекречивании архивных фондов // ОА. № 5. С. 15–20.

Через 17 лет... (размышления архивиста о перспективном планировании) // Там же. № 1. С. 34–42.

Публ.: Энрике Гомес Каррильо. “Дом поэта” // Вопросы литературы. № 3. С. 374–376.

1993

“Грустный режим, при котором конфискуется литература”: (испанский журналист о России начала 20-х годов) // ОА. № 3. С. 114–116.

Аннотация: Онучин А.Н. Твое родословное древо. Пермь, 1992 // Там же. № 6. С. 111–112.

Источниковое значение оценок российской действительности в публикациях зарубежных посетителей России в первой трети XX века: (на примере испаноязычных путешественников) // Источниковедение XX столетия. Тез. докл. и сообщ. науч. конф., Москва 28–29 января 1993 г. М. С. 45–46.

1994

Засекречивание архивных документов – часть истории архивного дела // ВА. № 4. С. 79–81.

Русская революция глазами испанских журналистки и историка // Мир источниковедения: Сборник в честь Сигурда Оттовича Шмидта, Москва; Пенза, 1994. С. 146–150.

Русско-кубинские контакты в 1920-х-1930-х годах // ОА. № 2. С. 91–95.

Аннотация: Народный Архив: Из подвала: Альманах. Выпуск 1 // Там же. № 3. С. 117–118.

Статьи в “Российской еврейской энциклопедии” (М. Т. 1): Арончик А.Б., Бах А.Н., Бибергаль А.Н., Виттенберг С.Я., Гаусман А.Л., Гецов И.Н., Гинсбург С.М., Гольденберг Г.Д., Гольденберг-Гетройтман Л.Б., Гринберг А.Г., Геревич Г.Е., Гурович Я.Е., Добрускина Г.Н., Дрей М.И., Златопольские Л.С. и С.С., Зунделевич А.И., Каминер И.А., Каминский Б.А.

1995

М. Нелькен и ее книга “Кремлевские башни” // АЕ за 1993 год. М. С. 270–282.

Комментарий архивиста // ОА. № 2. С. 13–14.

Аннотация: Народный архив: Женская судьба в России // Там же. № 3. С. 122.

Рец.: Словарь испанской архивной терминологии // Там же. № 4. С. 106–107.

Участник “Голубой дивизии” о России // ВА. № 6. С. 77–83.

Статьи в “Российской еврейской энциклопедии” (М. Т. 2): Клячко С.Л., Коган-Берштейн Л.М., Левенталь Л.Г., Левентали Л. и Н., Лисянский С.А., Лурье С.Н., Минор И.С., Морейкис М.А., Морейкис-Муратова Ф.А., Млодецкий И.С., Новаковская С.Е., Оржих Б.Д., Перетц Г.А., Рабинович М.А., Розенштейн А.М., Розовский И.И.

1996

Архивист – хранитель старого в новом // ВА. № 1. С. 11–13.

“Как это было” (воспоминания к 30-летию ВНИИДАД) // ОА. № 1. С. 19–21.

Из истории не принятого закона // ОА. № 4. С. 9–15.

Рец.: Государственность России: Словарь-справочник. М., 1996. Кн. 1 // ОА. № 6. С. 112–114.

Публ.: Социалисты в стране социализма: Испанцы-эмигранты в СССР. 1935 г. // ИА. № 2. С. 133–141.

Вольный дух архивной пыли: (интервью) // Общая газета. 25 апр. – 4 мая. С. 10.

* 8 февраля 2006 г. исполнилось 75 лет историку-архивисту, источниковеду и археографу, члену Археографической комиссии РАН, принимающему деятельное участие во всех начинаниях и изданиях Комиссии Андрею Валериановичу Елпатьевскому. Начало списка см.: Список печатных трудов А.В. Елпатьевского // АЕ за 1991 год. М., 1994. С. 272–274.

1997

- Заемствование или взаимовлияние? (Российское и западноевропейское архивоведение в 1920–1930-х гг.) // ВА. № 5. С. 34–40.
- Источниковое значение и этические проблемы использования современных служебных документов о посещении России иностранцами // Архивоведение и источниковедение отечественной истории: Проблемы взаимодействия на современном этапе: Докл. и тез. выступлений на Второй Всерос. конф. 12–13 марта 1996 г., М. С. 125–127.
- Об испаноязычных источниках по истории России первой половины XX века // Проблемы зарубежной архивной Россики. М. С. 134–141.
- С другой стороны Атлантики: (из латиноамериканской Россики) // Исторический источник: человек и пространство: Тез. докл. и сообщ. науч. конф., Москва, 3–5 февраля 1997 г. М. С. 123–126.
- Рец.: Труды Историко-архивного института, т. 33 // ОА. № 4. С. 95–98.
- Создается “Красная книга” Архивного фонда России // Там же. № 2. С. 6–11. Интервью совм. с Т.Е. Шабановой, В.Д. Банасюкевичем, Н.И. Химиной.
- Публ.: Два письма А.В. Луначарского перуанскому политику // АЕ за 1997 год. М. С. 561–565.
- Статьи в “Российской еврейской энциклопедии” (М. Т. 3): Фундаминский М.И., Фрейфельд Л.В., Хотинский А.А., Чудновский С.Л.

1998

- Из истории формирования основных нормативно-методических документов отечественного архивного дела (1918–1990 гг.) // ОА. № 4. С. 16–24.
- Международный совет архивов и российские архивы // ВА. № 3. С. 38–50. Совм. с М.В. Лариным, В.Н. Гармаш.
- Рамон Х. Сендер и его книга “Мадрид–Москва” // АЕ за 1996 год. М. С. 282–288.
- [Выступление на “круглом столе” историков и архивистов] // Международная научная конференция “Историки и архивисты: сотрудничество в сохранении и познании прошлого в интересах настоящего и будущего”, 27–28 ноября 1997 г. М. С. 253.

1999

- О приватном и публичном в личной жизни: (Письмо в редакцию) // ОА. № 1. С. 122–124.

Российское и советское архивоведение: попытка сравнительного анализа // Архивоведение и источниковедение отечественной истории: Проблемы взаимодействия на современном этапе: Докл. и тез. выступлений на Третьей Верос. конф. 25–26 февр. 1999 г. М. С. 8–19. Совм. с В.Д. Банасюкевичем, М.В. Лариным.

Литература и источники об испанской эмиграции в СССР // Там же. С. 169–173.

Рец.: Центральные архивы Москвы: Путеводитель по фондам. Вып. 1, 2 // ОА. № 6. С. 94–96.

2000

Источники об испанской эмиграции в СССР (1930 – начало 1950-х годов) // Источниковедение и краеведение в культуре России: Сборник к 50-летию служения С.О. Шмидта Историко-архивному институту. М. С. 183–185.

Рец.: Центральные архивы Москвы: Путеводитель по фондам. Вып. 3, 5 // ОА. № 3. С. 92–93.

Рец.: Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан: Путеводитель; Центр документации новейшей истории Кировской области: Путеводитель; Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга: Путеводитель // Там же. № 5. С. 97–100.

Следует ли публиковать документы фальсифицированных дел? (Письмо в редакцию) // Там же. С. 120.

2001

Как мы делали газету... // ВА. № 3. С. 128–133.

Проблемы доступа к архивам: мнимая секретность и неясности в определении понятия “частная жизнь” // Конференция “Современные проблемы обеспечения доступа к архивным документам и их использования” 9–10 декабря 2000 г.: Стенограф. отчет. СПб. С. 26–31, 88–89.

Человек (архивист) в архивном деле и человек (гражданин) в архивах изменяющейся России на рубеже тысячелетий // ВА. № 2. С. 174–185.

Российские выходцы в Латинской Америке: (первая половина XX века): потенциальные создатели личных архивов // Зарубежная архивная Россики: Итоги и перспективы выявления и возвращения: Материалы междунар. науч.-практ. конф., 16–17 нояб. 2000 г., Москва. М. С. 145–153.

Предисловие // Проблемы научной ценности, использования и сохранности историко-биографических и генеалогических документов в составе Архивного фонда России: Материалы “круглого стола”, март 2000 г. и науч.-практ. конф., 30 мая 2001 г. М. С. 7–12.

Об источниковом потенциале организационно-распорядительной документации для получения историко-биографических сведений персонального характера: (на примере изучения состава испанской эмиграции в СССР в 1920–1950-х гг.) // Там же. С. 26–32.

Отв. ред.: Проблемы научной ценности, использования и сохранности историко-биографических и генеалогических документов в составе Архивного фонда России: Материалы “круглого стола”, март 2000 г. и науч.-практ. конф., 30 мая 2001 г. М. 175 с.

2002

Испанская эмиграция в СССР: Историография и источники, попытка интерпретации. М.; Тверь. 290 с.

Изменяющаяся Россия и российские архивы на рубеже веков // Изменяющаяся Россия и российские архивы на рубеже веков: Материалы конф. 1–2 марта 2001 года. М. С. 142–153. Совм. с В.И. Пономаревой.

Об отношении к документам по личному составу // Там же. С. 177–179.

Источники о военных и интернированных испанцах в СССР // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания: Докл. и тез. XIV науч. конф. Москва 18–19 апреля 2002 г. М. С. 206–208.

Краткая историография проблемы документов по личному составу последних лет // Архивоведение и источниковедение отечественной истории: Проблемы взаимодействия на современном этапе: Докл. и сообщ. на Четвертой Всерос. конф. 24–25 апреля 2002 г. М. С. 115–127.

2003

Умолчание тоже что-то значит: (о необходимости нового прочтения идеологизированных источников) // Источниковедческая компаративистика и историческое построение: Тез. докл. и сообщ. XV науч. конф., Москва 30 янв. – 1 февр. 2003 г. М. С. 123–125.

2004

Еще раз о книгах в архивах // ОА. № 2. С. 140–141.

[Мнение в редакционной подборке “Административная реформа и российские архивы: факты, мнения”] // Там же. № 3. С. 4–5.
К вопросу о состоянии работы с особо ценными документами в государственных архивах Российской Федерации // Там же. С. 16–23. Совм. с Н.И. Химиной.

Неизвестная страничка зарубежной России // ВА. № 3/4. С. 266–271. Об американском музыканте Л. Адомяне.

2005

Фондирование документов современных организаций в государственных архивах России // ОА. № 2. С. 35–43. Совм. с Н.И. Химиной.

2006

Методические рекомендации по работе с особо ценными документами в государственных архивах Российской Федерации. М. 46 с. Совм. с Н.И. Химиной.

Методические рекомендации по фондированию документов в государственных и муниципальных архивах Российской Федерации. М. 42 с. Совм. с Н.И. Химиной, З.П. Иноземцевой.

Испаноязычная книжная Россия XX века: Проблема доступности // Вспомогательные исторические дисциплины: Классическое наследие и новые направления: Материалы XVIII науч. конф., Москва, 26–28 янв. 2006 г. М. С. 189–194.

О допуске к документам архивов // ОА. № 1. С. 8–11.

Немного о документах “шарашки” из романа А.И. Солженицына: (Письмо в редакцию) // Там же. № 2. С. 139–140.

Об испанских военнопленных и интернированных в СССР // ВА. № 2/3. С. 273–286; № 4/5. С. 156–172.

Рец.: Житомирская С.В. Просто жизнь. М., 2006. 600 с. // ОА. № 5. С. 124–127.

2007

Гражданская война в Испании: (вводная статья) // Каталог выставки “Гражданская война в Испании. 1936–1939”. М. С. 9.
Аннотация: Матвеева Л.В. Отто Юльевич Шмидт. 1891–1956 // ОА. № 3. С. 133.

2008

Еще раз о декрете от 1 июня 1918 г. // ОА. № 2. С. 26–27.

Выставка архивных документов о гражданской войне в Испании (1936–1939 годы) // Россия и современный мир. № 1. С. 228–235.

“Тогда, в молодые года...” // ВА. № 2. С. 249–254.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ В.Ю. АФИАНИ

(К 60-летию со дня рождения)¹

1970

Письма Ф.И. Буслаева в московских архивах // Материалы научной студенческой конференции МГИАИ. М. Вып. II: Источниковедение историографии. С. 35–39.

1972

Эпистолярное наследие Ф.И. Буслаева в московских хранилищах // АЕ за 1971 год. М. С. 304–314.

1975

Деятельность Археографической комиссии в 1974 году // АЕ за 1974 год. М. С. 361–363.

В Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова: [заседание памяти А.Н. Мальцева] // Там же. 378–380.

1977

Из истории русской археологии: Публикация источников в “Отечественных записках” П.П. Свиньина (1818–1830) // АЕ за 1976 год. М. С. 89–97.

О применении статистических методов в изучении журналистики: (На примере публикаций исторических источников в отечественных журналах первой трети XIX в.) // Великий Октябрь и всемирно-исторический процесс: Московская городская конференция молодых ученых, посвященная 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции: Тез. докл. М. С. 200–201.

У истоков научного изучения памятников древнерусской письменности // Конференция по истории средневековой письменности и книги: К 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции: Тез. докл. Ереван. С. 24.

1978

Документальные публикации в отечественных журналах первой трети XIX в. как историографический источник // XXV съезд КПСС и задачи изучения исторической науки: Тезисы. Калинин. Вып. II. С. 46–47.

Историко-документальные жанры журналистики и источниковедение // Теория и практика источниковедения и археологии отечественной истории: Сб. статей. М. С. 97–105.

Публикация источников и материалов по истории Европейского Севера в журналах первой трети XIX века // Историография и источниковедение истории северного крестьянства СССР: Северный археологический сб. Вологда. Вып. VI. С. 98–102.

1979

Журнальная археология и историческая наука в первой трети XIX в. // Вопросы источниковедения и историографии допетровского периода: Сб. М. С. 131–141. Малиновский Алексей Федорович // Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь. М. С. 232–233.

Погодин Михаил Петрович // Там же. 272–273.

Румянцев Николай Петрович // Там же. С. 295.

1981

Археология в журнале “Северный архив” (1822–1828) // Вопросы источниковедения и историографии истории СССР: Октябрьский период. Сб. М. С. 143–158. Тихомировские чтения 1981 г. // СА. № 6. С. 85–86.

1982

Публикация исторических документов в отечественных журналах первой трети XIX в.: (Опыт историографического изучения): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 27 с.

Хроника заседания [Тихомировских чтений 1981 года, посвященных 25-летию Археографической комиссии] // АЕ за 1981 год. М. С. 261–263.

Деятельность Археографической комиссии в 1981 г. // Там же. С. 347–353.

Заседание, посвященное 200-летию со дня рождения А.Х. Востокова // Там же. С. 361.

1983

Публ.: Савва В.И. Дьяки и подьячие Погодинского приказа в XVI веке: Справочник. М. Вып. 1–2. Подг. текста совм. с С.А. Морозовым и С.Е. Князьковым, сост. указателей.

¹ В.Ю. Афиани состоит также членом редакционного совета журнала “Исторический архив”, членом редакционной коллегии журналов “Научная книга” (с 2004 г.), “Вестник архивиста” (с 2005 г.).

1984

- Сост.*: Предварительный список для “Каталога личных архивных фондов отечественных историков” / Отв. ред. С.О. Шмидт. М. 148 С. Ротапринт. Совм. с М.П. Мироненко.
- О подготовке “Каталога личных архивных фондов отечественных историков” // ВИ. № 9. 147–148.
- Судьба рукописей “Русского музеума” П.П. Свиньина // Памятники культуры: Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология. 1982. Л. Т. IX. С. 116–122.
- Рец.*: Присенко Г.М. Проникновение в былое. Тула, 1984 // СА. № 5. С. 79–80.

1985

- Чл. авт. колл., подг. словника и перечня личных фондов*: Историки освободительного движения в России: Библиограф. словарь: Проект словника. Л. С. 131–141.
- Деятельность Археографической комиссии в 1983 г. // АЕ за 1983 год. М. С. 327–336.

1987

- Русская старина: Карманная книжка для любителей отечественного на 1824 год, изданная А. Корниловичем. Факсим. изд. М. 550 с. Вступ. ст., коммент.
- Журнал “Сын Отечества”: К 175-летию со дня издания журнала // Памятные книжные даты. 1987. М. С. 25–27.
- Комплексные методы изучения журнальных публикаций исторических источников: (Некоторые аспекты общественно-исторического сознания русского общества первой трети XIX века) // Комплексные исторические исследования: Тез. докл. и сообщ. М. С. 151–153.

1988

- Начало журнальной археологии в России в XVIII в. // АЕ за 1987 год. М. С. 26–34.
- Публикация исторических документов в журнале Г.И. Спасского “Сибирский вестник” (1818–1824) // Актуальные вопросы теории, методики и истории публикации исторических документов: Межвузовский сб. статей. М. С. 119–129.

1989

- Варианты и разночтения // Карамзин Н.М. История государства Российского. М. Т 1. С. 315–328. Сост. совм. с В.М. Живовым и В.П. Козловым.

- Комментированный список источников и литературы, использованных Н.М. Карамзиным в “Примечаниях” // Там же. С. 330–382. Сост. совм. с М.И. Афанасьевой, В.П. Козловым, Г.А. Космолинской.
- Научные принципы издания // Там же. С. 400–414. Сост. совм. с В.М. Живовым и В.П. Козловым.
- От замысла к изданию “Истории государства Российского” // Там же. С. 514–550. Сост. совм. с В.П. Козловым.
- Н.М. Карамзин: примирение с Петербургом? // Анциферовские чтения: Материалы и тезисы конференции (20–22 декабря 1989 г.). Л. С. 101–106.
- Каталог для историков и краеведов // Памятники Отечества. № 1. С. 32–33.
- О журнальной археологии // АЕ за 1988 год. М. С. 15–24.
- Публикация исторических документов в журнале “Московский телеграф” (1825–1834) // Издание исторических документов в СССР: (Вопросы истории, теории и методики). М. С. 153–169.
- Путешествие как метод краеведческого изучения городов, сел XVIII – первой половины XIX в. // II Всесоюзная конференция по историческому краеведению. Апрель 1989; Тезисы. Пенза. С. 70–72.
- Судьбы личных архивов // Наше наследие. № 1. С. 158.

1990

- Исторические источники в средствах массовой информации // Перестройка в исторической науке и проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин: Тез. докл. и сообщ. V Всесоюз. конф. 30 мая – 1 июня. Киев. С. 13–14.
- Становление журнальной археологии в России в первой трети XIX в. // АЕ за 1989 год. М. С. 28–37.
- Рец.*: Документальные сокровища Эрмитажа [рец. на кн.: Архив Государственного ордена Ленина Эрмитажа: Путеводитель. Л., 1988] // Там же. М. С. 265–267.

1991

- Варианты и разночтения к томам II и III “Истории государства Российского” // Карамзин Н.М. История государства Российского. М. Т. 2/3. С. 647–657. Совм. с В.М. Живовым и В.П. Козловым.
- Комментированный список источников и литературы, использованных Н.М. Карамзиным в “Примечаниях” // Там же. С. 647–657. Совм. с М.И. Афанасьевой, В.П. Козловым, Г.А. Космолинской.

Обществу архивистов Нидерландов – 100 лет // СА. № 4. С. 111–112.

Роль периодической печати XVIII – первой половины XIX в. в развитии исторического краеведения в России // Историческое краеведение в России: Вопросы теории и практики: Сб. научн. статей. Киев. С. 139–143.

“Русский путешественник” Павел Петрович Свиньин. 1787–1839 // Краеведы Москвы. Сб. М. Вып. 1. С. 45–60.

Публ.: Путеводитель для императрицы: [“Записка о московских достопамятностях” Н.М. Карамзина] // Наше наследие. № 6. С. 36–38.

1992

Варианты и разночтения // Карамзин Н.М. История государства Российского / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М. Т. 4. С. 338–343. Сост. совм. с В.П. Козловым.

Комментированный список источников и литературы, использованных Н.М. Карамзиным в “Примечаниях” к IV тому ИГР. Раздел 1: Рукописи // Там же. С. 345–358. Сост. совм. с В.П. Козловым.

1993

Варианты и разночтения // Карамзин Н.М. История государства Российского / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М. Т. 5. С. 406–420. Сост. совм. с В.П. Козловым.

Комментированный список источников и литературы, использованных Н.М. Карамзиным в “Примечаниях” к V тому ИГР. Раздел 1: Рукописи // Там же. Т. 5. С. 406–420. Сост. совм. с В.П. Козловым.

“Открываемая Россия”: Путешествие как метод краеведческого изучения // Историческое краеведение: Сб. материалов II Всесоюз. конф. по ист. краеведению. 4–6 апреля 1989 г. Пенза. С. 189–200.

Познание России: (Путешествия как факт культуры и исторический источник) // Русская провинция: Культура XVIII–XX веков. М. С. 12–124. Совм. с Л.Б. Хорошиловой.

Чл. редкол.: Русская провинция: Культура XVIII–XX вв. / Отв. ред. С.О. Шмидт. М.

1994

Археографические особенности изданий “Истории государства Российского” Н.М. Карамзина // АЕ за 1991 год. М. С. 23–32.

Жизнь жанра: (О юбилейных и мемориальных сборниках статей) // Мир источ-

никоведения: (Сборник в честь Сигурда Оттовича Шмидта). Москва; Пенза. С. 216–221.

Преемственность: (О сборниках статей, посвященных С.О. Шмидту) // Там же. С. 432–436. Совм. с А.Д. Зайцевым.

Корнилович Александр Осипович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М. Т. 3. К–М. С. 73–74.

Публ.: Документы о подготовке издания сочинений Н.М. Карамзина Академией наук (1914–1917 гг.) // АЕ за 1991 год. М. С. 281–289.

Рец.: Российский архив: (История отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX веков). М., 1991. Вып. 1, 2 // ИА. № 4. С. 218–220. Совм. с М.В. Бельдовой.

1995

“Кто был в Москве, знает Россию”: Николай Михайлович Карамзин. 1766–1826 // Краеведы Москвы: (Историки и знатоки Москвы). М. [Вып. 2]. С. 7–25.

Мир русской провинциальной культуры // Русская провинция: Культура. XVIII–XX вв.: Сб. статей по материалам первой республиканской научной конференции по изучению провинциальной культуры. М. С. 80–89.

Познание России: (путешествия как факт культуры и исторический источник) // Там же. С. 120–124. Совм. с Л.Б. Хорошиловой.

Проблемы археографии и источниковедения документов новейшей истории: (По фондам бывших архивов ЦК КПСС) // Архивоведение и источниковедение отечественной истории: Проблемы взаимодействия на современном этапе: Доклады и тезисы выступлений на Всероссийской конференции 20–22 декабря 1994 г. М. С. 81–89.

Публ.: Памятник Победы: Документы об истории сооружения мемориала на Поклонной горе в Москве. 1955–1991 гг. М. 116 С. Ред. совм. с Н.Г. Томилиной; сост., совм. с З.К. Водопьяновой, Т.В. Домрачевой.

Публ.: Памятник Победы: Из истории строительства мемориального комплекса на Поклонной горе в Москве. 1955–1991 гг. // ИА. № 3. С. 84–94. Совм. с Т.В. Домрачевой и З.К. Водопьяновой.

Zur sowjetischen politik Herbst im 1956 // Aussenpo Tauwetter ohne Frühling: Das Jahr 1956 im Spiegel blockinterner Wandlungen und internationalen Krisen. Berlin, 1995. S. 26–44. Совм. с Л.Я. Гибианским, А.С. Стыкалиным.

Василий Сталин за Отца отвечать не захотел: Документы ЦК КПСС, рассекреченные сорок лет спустя // Общая газета. 15–21 февр. С. 9.

Чл. редколл., зам. отв. ред.: Российская провинция веков: Реалии культурной жизни: Материалы III Всероссийской научн. конф. (Пенза, 25–29 июня 1995 г.) / Отв. ред. С.О. Шмидт. Пенза, 1996. Кн. 1–2.

Рец.: Сталинское Политбюро в 30-е годы: Сб. док. М., 1995 // ОА. № 2. С. 112–114.
Maďarska revoluce a suezska krize. Stanovisko sovietskeho vedeni // Soudobe Dejiny. Praha. S. 474–481. На чешск. яз.

1997

Государственный, общественный, научный статус документа // Архивоведение и источниковедение отечественной истории: Проблемы взаимодействия на современном этапе: Доклады и тезисы выступлений на второй Всероссийской конференции 12–13 марта 1996 г. М. С. 194–197.
Документы о зарубежной архивной России и перемещенных архивах в фондах Центра хранения современной документации // Проблемы зарубежной архивной России: Сб. статей. М. С. 92–99.

Статус документа в контексте взаимосвязей историка и архивиста: (Тезисы) // Международная научная конференция “Историки и архивисты: сотрудничество в сохранении и познании прошлого в интересах настоящего и будущего” 27–28 ноября 1997 г.: Материалы конференции. М. С. 68–71.

Публ., чл. редколл.: Социология и власть: Документы и материалы. / Отв. ред. Л.Н. Москвичев. М. Сб. 1: Документы: 1953–1968. (Серия: Социология и власть: 1950–1990).

Публ.: Об изменении Генплана реконструкции Москвы: Записка МК КПСС и исполкома Моссовета Г.М. Маленкову и Н.С. Хрущеву. 1953 г. // ИА. № 5/6. С. 51–74.

Чл. редколл.: Государственные хранилища бывшего архивного фонда КПСС: Справочник. Новосибирск.

Чл. редколл.: ΟΙ ΣΧΕΣΕΙΣ ΚΚΕ ΚΑΙ ΚΚ ΣΟΒΙΕΤΙΚΗΣ ΕΝΩΣΗΣ ΣΤΟ ΔΙΑΣΤΗΜΑ. (Σύμφωνα με τα έγγραφα του Αρχείου της ΚΕ του ΚΚΣΕ). Θεσσαλονίκη.

Az 1956-os Magyar estmenyek a Szezei valsag tukreben: A szovijet vezetes allasponntija. (Tezisek). 1956 // Evkonyv v. 1996/1997. Budapest. Old. 238–240.

Идеологические комиссии ЦК КПСС (1958–1964 гг.) в механизме управления культурой // Идеологические комиссии ЦК КПСС. 1958–1964: Документы. М. С. 23–29.

Варианты и разночтения // Карамзин Н.М. История государства Российского / Отв. ред. А.Н.Сахаров. М. Т. 6. С. 346–353. Сост. совм. с В.П. Козловым.

Комментированный список источников и литературы, использованных Н.М. Карамзиным в Примечаниях в VI томе Истории государства Российского. Раздел 1: Рукописи // Там же. С. 354–360.

Some notes on the history of Tambov and Yaroslavl in the nineteenth and early twentieth centuries // Where the Twain meet: Dutch and russian regional development in a comparative perspective. 1800–1917 / Ed. Pim Kooij; Historia agriculturae. 1998. 28. Nederland Agronomish Historish Instituut. Groningen; Wageningen. P. 27–33.

Отв. ред., чл. редколл. серии: Идеологические комиссии ЦК КПСС. 1958–1964: Документы. М. (Серия: Культура и власть от Сталина до Горбачева).

Чл. редколл.: Карамзин Н.М. История государства Российского М. Т. 6.

Чл. редколл.: Советский Союз и Венгерский кризис 1956 года: Документы. М.

1999

К изданию первого выпуска “Каталога личных фондов отечественных историков: XVIII век” // АЕ за 1998 год. М. С. 39–45. Совм. с М.П. Мироненко.

Новое учебное пособие по источниковедению: Взгляд специалистов: [выступление в дискуссии] // ОА. № 5. С. 5–6.

Презентация в Государственной публичной исторической библиотеке [книги Российская провинция веков: Реалии культурной жизни. Материалы III Всероссийской науч. конф. (Пенза, 25–29 июня 1995 г.) / Отв. ред. С.О. Шмидт (Пенза, 1996. Кн. 1–2)] // ВА. № 2/3. С. 179–181.

Презентация в Центре хранения современной документации [книги Идеологические комиссии ЦК КПСС. 1958–1964: Документы. М., 1998] // Там же. С. 183–187.

Справочник об архивах отечественных историков XVIII–XIX вв. // Архивоведение и источниковедение отечественной истории: Проблемы взаимодействия на современном этапе: Докл. и тез. выступлений на Всеросс. конф. 25–26 февраля 1999 г. М. С. 55–62. Совм. с М.П. Мироненко, С.О. Шмидтом.

Владимир Петрович Козлов // ВА. № 4/5. С. 304–308. Без подписи.

Документы Политбюро ЦК КПСС: архивоведческие и источниковедческие проблемы // Архивоведение и источниковедение отечественной истории: Проблемы взаимодействия на современном этапе: Докл. и тез. выступлений на 3-й Всероссийской конференции, 25–26 февр. 1999 г. М. С. 156–163.

Отдел ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями. 1953–1957: аннотированный справочник М.: РОССПЭН. 1999. Сост. в колл. авт.

“...Мы разгоним к чертовой матери Академию наук”: Из выступления Н.С. Хрущева на пленуме // Вопросы истории естествознания и техники. № 1. С. 167–173. Совм. с С.С. Илизаровым.

Публ.: Советско-югославские отношения. Из документов июльского пленума 1955 г. // ИА. № 2. С. 3–63. Совм. А.Б. Едемским; ИА. № 5. С. 3–50. Совм. с А.Б. Едемским, М.Ф. Кишкиной-Иваненко и др.

2000

Протоколы Бюро Президиума и Президиума ЦК КПСС 1950–1960-х годов: Проблемы источниковедения и археографии советского периода // Проблемы истории русской книжности, культуры и общественного сознания: Сб. статей к 70-летию академика Н.Н. Покровского. Новосибирск. С. 275–288.

Секретная история советской науки: проблемы ее изучения и документы бывшего архива ЦК КПСС. 1950–1980-х гг. // Источниковедение и краеведение в культуре России: Сб. к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту. М. С. 215–219.

Отв. ред., чл. редкол.: Трудные пути правды: Великая Отечественная война в книгах и документах: 1950–1980-е гг.: Аннотированный каталог. М. 150 с.

Чл. редкол.: КПСС и Компартия Греции: К истории взаимоотношений с 1953 по 1977 г.: Сб. документов. Салоники.

2001

Сост.: Каталог личных архивных фондов отечественных историков / Отв. ред. С.О. Шмидт. М. Вып. 1: XVIII век. Совм. с Т.В. Лохиной, М.П. Мироненко.

От составителей // Там же. С. 6–12. Совм. с Т.В. Лохиной, М.П. Мироненко.

Отв. ред.: “А за мною шум погони...”: Борис Пастернак и власть: Документы. 1956–1972. М. 431 с. Совм. с Н.Г. Томилиной.

Предисловие // Там же. М. С. 5–9.

Отв. ред., чл. редкол.: Аппарат ЦК КПСС и культура: 1953–1957 гг.: Документы. М. (Серия: Культура и власть от Сталина до Горбачева).

От редакции // Там же. М. С. 9–11.

Дискуссионные вопросы археографии документов XX в.: (К разработке методического пособия по публикации документов центральных органов РКП(б)–ВКП(б)–КПСС: 1917–1991) // Проблемы публикации документов по истории России XX века: Материалы Всероссийской научно-практической конференции научных и архивных работников, 1–2 июня 1999 г. М. С. 71–81.

Ожидание перемен в рассекречивании документов КПСС: мнения хранителей и пользователей // ОА. № 5. С. 3–10. Совм. с Т.Ф. Павловой, А.О. Чубарьяном.

Чл. редкол.: Социология и власть: Документы и материалы. 1969–1972. М. (Серия: Социология и власть. 1950–1990: Документы и материалы).

2002

Доклад Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС о культе личности И.В. Сталина как исторический источник: (Из истории подготовки) // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания: Доклады и тезисы XIV научной конференции. Москва. 18–19 апреля 2002. М. С. 102–105.

Доклад Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС “О культе личности и его последствиях”: (Из истории подготовки и издания) // АЕ за 2002 год. М. С. 56–74. Совм. с А.А. Фурсенко.

Публикаторская деятельность Российского государственного архива новейшей истории (1991–2001) // АЕ за 2001 год. М. С. 10–24.

Отв. сост., чл. редкол.: Доклад Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС о культе личности И.В. Сталина: Сб. документов. М. (Серия “Культура и власть от Сталина до Горбачева”).

Археографическое предисловие // Там же. Совм. с З.К. Водопьяновой.

Публ.: Борис Пастернак и власть: 1956–1960 гг. // Альманах: Россия. XX век: Документы. № 7. – <http://idf.ru/11/word.shtml> [Международный фонд “Демократия” (Фонд Александра Н. Яковлева)]. Совм. с Т.В. Домрачевой, И.Н. Шевчуком.

Отв. сост.: Россия: Хроника основных событий: IX–XX вв. М. 894 с.

Предисловие // Там же. С. 5–12. Совм. с И.И. Кудрявцевым.

Публ.: Мастера русской историографии: Сигурд Оттович Шмидт // ИА. № 2. С. 87–102. То же в кн.: Историки России: Иконография / Сост., отв. ред. А.А. Чернобаев. М., 2008. С. 340–355.

Публ.: Мастера русской историографии: Николай Михайлович Карамзин (1766–1826) // ИА. № 5. С. 93–108. Совм. с А.А. Чернобаевым. То же в кн.: Историки России: Иконография / Сост., отв. ред. А.А. Чернобаев. М., 2008. С. 20–35.

Публ.: “Честно служить партии”: Постановление Президиума ЦК КПСС об образовании КГБ СССР. 1954 г. // ИА. № 3. С. 7–28. Совм. с А.Л. Паниной, А.И. Пожаровым.

2003

1953: Между прошлым и будущим // 1953: Между прошлым и будущим: Каталог выставки. М. С. 4–27. Совм. с А.А. Фурсенко.

Отв. сост., чл. редколл.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг.: Черновые протоколы заседаний. Стенограммы. Постановления. В 3 т. М. Т. 1: Черновые протоколы заседаний. Стенограммы. 1954–1964 гг. 1343 с. (Архивы Кремля).

Археографическое предисловие // Там же. С. 8–16. Совм. с А.Л. Паниной.

И.В. Сталин: Полвека спустя // Международная жизнь. № 4. С. 116–129. Совм. с А.А. Фурсенко.

Публ.: “Показать руководящую роль Коммунистической партии во главе с В.И. Лениным”: по подготовке празднования 250-летия Ленинграда. 1953–1957 гг. // ИА. № 3. С. 41–46.

Сталин хотел воевать с США, только его смерть предотвратила третью мировую // Новая газета. 27 февр. Совм. с А.А. Фурсенко.

2004

Записи заседаний Президиума ЦК КПСС за 1950–1960-е годы: Вопросы изучения и публикации // АЕ за 2002 год. М. С. 61–72. Архиву Российской академии наук – 275 лет // АЕ за 2003 год. М. С. 3–11.

Научное заседание, посвященное 275-летию Архива РАН // Там же. С. 385–393. Совм. с Т.Г. Красновой.

Документы по истории российско-польских научных контактов из фондов Архива Российской академии наук // Z dziejow rosyjsko-polskich kontaktow naukowych = Страницы истории российско-польских научных контактов: Wistawa dokumentow ze zbiorow Archiwum Rosjskiej Akademii Nauk oraz Archiwum Polskiej Akademii

Nauk = Выставка документов из фондов Архива Российской академии наук и Архива Польской академии наук. М. С. 1–3.

То же, на польск. яз.: Dokumenty, dotyczace dziejow rosyjsko-polskich kontaktow naukowych ze zbiorow Archiwum Polskiej Akademii Nauk // Там же. С. 8–10.

Предисловие // В.П. Козлов: Биобиблиограф. указ. / Сост. Т.С. Буякевич, Э.Л. Гараненкова. М. Совм. с А.А. Чернобаевым.

Отв. сост.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг.: Черновые протоколы заседаний. Стенограммы. Постановления. В 3 т. 2-е изд. М. Т. 1: Черновые протоколы заседаний. Стенограммы. 1954–1964 гг

Науч. ред., чл. редколл.: Отдел культуры ЦК КПСС. 1953–1966 гг.: Справочник. Аннотированные описи. М.

Науч. ред., чл. редколл.: Российский государственный архив новейшей истории: Путеводитель. М. Вып. 1.

Some results from the study of culture of the Russian provinces and prospects for future research in the context of integral history // Where the Twain meet again: New results of the Dutch-Russian project on regional development 1750–1917 / Historia Agriculturae 34. Pim Kooij and Richard Paping (eds.); Nederlands Agronomisch Historisch Instituut. Groningen; Wageningen. P. 293–296.

2005

Международные отклики на доклад Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС о культе личности Сталина // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв.: Сб. научных трудов. Новосибирск. С. 464–477. (Серия: Археография и источниковедение Сибири).

Протокол: (Источниковедческие заметки) // Ad fontem = У источника: Сб. статей в честь С.М. Каштанова. М. С. 432–434.

Развитие отечественного краеведения и комплексная программа “Культура российской провинции XVIII–XX вв.” // АЕ за 2004 год. М. С. 219–229.

Публ.: “У кого наука, у того будущее”: Проект “Записки” Н.С. Хрущева в Президиум ЦК КПСС, 1963 г. // Изв. № 8 (120). С. 417–440. Совм. с А.А. Фурсенко.

Отв. ред., чл. редколл. серии: Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964 гг.: Документы. М. (Серия: Культура и власть от Сталина до Горбачева).

От редакции // Там же.

Чл. редколл.: Ковалевский М.М. Моя жизнь. М.

2006

Рец.: Шмидт С.О. История Москвы и проблемы москвоведения. М., 2004 // ОИ. № 1. С. 287–288.

Чл. редколл.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. М., 2006. Т. 2: Постановления 1954–1964.

Предисловие // Там же. С. Совм. с А.А. Фурсенко.

Отв. сост.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. М., 2006. Т. 2: Постановления 1954–1958.

2007

“Русский музей” П.П. Свинына (1787–1839) // Музеи Российской академии наук: Альманах-7. М. С. 71–82.

Ред.: Гражданин Вселенной: К 150-летию со дня рождения К.Э. Циолковского: Документы. Фотографии. М.

От составителей // Там же. С. 3–4.

2008

“В целях глубокого и всестороннего изучения достижений и опыта...”: Из истории советского китаеведения в 1950-е гг. // Раздвигая горизонты науки: К 90-летию академика С.Л. Тихвинского. М. С. 31–38.

Советский Союз и Великобритания в 1950-е годы // ИЗ. Вып. 11 (129). С. 5–20. Совм. с А.А. Фурсенко.

Публ.: История Института китаеведения в документах (1956–1960 гг.) // Там же. С. 39–57. Совм. с А.С. Ипатовой.

[Стенограмма доклада]: Заседание круглого стола “Преподавание археографии в РГГУ: современное состояние и перспективы развития”, 4 апреля 2007 г. // Вестник РГГУ. Серия “История” (Документоведение, архивоведение). № 7. Август. С. 13–17.

Ред.: Архив Российской академии наук: Путеводитель по фондам (Москва): Фонды личного происхождения / Сост.: Г.А. Савина, Н.М. Осипова, Ю.В. Щепанская. М. 632 С. (Труды Архива Российской академии наук. Т. 1 (30))

Предисловие // Там же. С. 7–15.

Отв. ред.: Музы в храме науки: Альбом-каталог выставки: К 280-летию Архива Российской академии наук. М.

Страсти творчества // Там же. С. 6–11. Совм. с Н.М. Осиповой.

[Тексты разделов “Образы прошлого”] // Там же. С. 12–43. Совм. с Н.М. Осиповой.

Отв. сост.: Президиум ЦК КПСС: 1954–1964 гг. М., 2008. Т. 3: Постановления 1959–1964. Совм. с А.А. Фурсенко.

Ред.: Заседание круглого стола “Преподавание археографии в РГГУ: современное состояние и перспективы развития”, 4 апреля 2007 г. // Вестник РГГУ. Серия “История” (Документоведение, архивоведение). 2008. № 7, август. С. 9–53. Совм. с В.М. Магидовым.

III. ПУБЛИКАЦИИ

О СОСТОЯНИИ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ АРХИВОВ И МУЗЕЕВ РОССИИ В ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ XX ВЕКА

Представление и докладные записки профессора И.Е. Евсева о состоянии порховских архивов

Осознание необходимости спешного спасения памятников в годы Гражданской войны в России “сплывало всех, кто понимал их общекультурную и историческую ценность”¹. Среди этих “подвижников культурной преемственности”² оказались люди самых разных интеллигентных профессий; был среди них и выдающийся библиолог-славист, председатель Порховского общества изучения местного края И.Е. Евсев³.

В.Г. Бухерт

1

В Главное управление архивным делом
уполномоченного по Порховскому
отделению архивного фонда

Представление

24 декабря 1919 года за № 10654 я Петроградским отделением Главархива назначен уполномоченным по делам архивного фонда в г. Порхов Псковской губернии и Порховский уезд, с поручением взять на учет и охрану архивы г. Порхова и Порховского уезда. С означенного времени я заведую этим делом. Целый год заведование протекало в тяжелых условиях: помещения для архивов не было, архивы оставались в тех местах, где они помещались раньше; средств для ограждения их от расхищения не имелось; преимущественный способ их ограждения состоял в личной просьбе и личном воздействии на тов[арищей] заведующих помещениями, где помещались архивы, так как опыты официального запечатания входа в архив повели к намеренному разрушению запоров и архивного материала. Многие из архивных дел пострадало за это время, так как уездные отделы и другие учреждения, при недостатке бумаги, обращались за бумагой в архивы, но большая часть архивов все-таки сохранилась, хотя и в разбитом виде. Всего в г. Пор-

¹ Шмидт С.О. Краеведение в научной и общественной жизни России 1920-х годов // Он же. Путь историка. М., 1997. С. 158.

² Там же. С. 159.

³ Евсев Иван Евсеевич (1868–1921) – филолог, славист, доцент (с 1909 г. профессор) Петербургской духовной академии (1905–1916), член-корреспондент АН (с 1914 г.), возглавлял (с 1915 г.) Комиссию по научному изданию славянской Библии. (Подробнее о нем см.: К.Л. [Логачев К.И.] Профессор И.Е. Евсев: (К 50-летию со дня кончины) // Журнал Московской патриархии. 1971. № 12. С. 64–67.)

хове и Порховском уезде имеется в большей или меньшей степени сохранности до 100 архивов б[ывших] государственных, общественных и частных установлений и отдельных лиц.

В настоящее время я получил от коммунального Порховского отдела особое помещение для архивного фонда: пять больших комнат во втором этаже каменного дома, рядом с уездным казначейством. Сохранившийся архивный материал весь мог бы быть свезен и помещен в означенных пяти комнатах. Если бы понадобилось расширить это помещение для текущих дел, то для этой цели могло бы быть использовано помещение в нижнем этаже того же дома, под архивом, почти равное верхнему помещению архива.

Для предстоящей неотложной работы по перевозке и размещению архива, я не располагал никакими возможностями. Жалованья по своей должности я не получал ни одной копейки. Связи с Псковским губернским отделением архива мне установить не удалось: на деловое представление мое в отделение я ответа не получил; при личном свидании уполномоченный Псковским отделением ссылается на отсутствие средств и свою незаинтересованность архивным делом в Порхове. Петроградское отделение Главархива сообщило мне, что оно передало заведование провинциальными архивными учреждениями в московский Главархив. Местные отделы в Порхове также не получали ни откуда из центра, никаких указаний относительно финансирования и содействия Порховскому архивному отделению. В общем я ни для себя, ни для сотрудницы по отделению – Нонны Георгиевны Павловой, ни для расходов по устройству архива не получал и не получаю никаких средств и никаких других возможностей, предоставленных нынешним законом государственным установлениям.

Прошу Главное управление архивным делом 1) уплатить мне и сотруднице отделения т. Павловой соответствующее вознаграждение со времени назначения по настоящее время; 2) указать порядок подчиненности отделения Псковскому губернскому архивному отделению, или Порховскому уездному отделу народного образования, или другому учреждению; 3) указать, из какого источника можно получить средства на перевозку и устройство Порховского архивного фонда и на предварительное приспособление помещения под надобности архивного фонда; 4) определить подробно состав и организацию Порховского уездного отделения архивного фонда.

В спешном порядке прошу Главное управление сообщить, что архивы б[ывших] правительственных, общественных и частных учреждений подлежат немедленному сосредоточению их в особом, предназначенном для этой цели помещении в здании казначейства, и оплата расходов по перевозке и устройству архива, по утвержденной правительством таксе, будет произведена из средств Главархива. Я настаиваю на спешности этого дела, потому что промедление с устройством архива, когда долго ожидавшееся помещение для архива получено, может быть на месте истолковано как отказ от устройства архива в г. Порхове, а это отразится неблагоприятно на сохранности уцелевших до сих пор архивов. Означенное распоряжение я прошу прислать мне по телеграфу. Если Главное управление признает желательным выслушать сведения об архиве от меня лично, то одновременно с указанным распоряжением прошу телеграммой вызвать меня в Москву для служебных распоряжений по архиву.

Уполномоченный Порховского отделения Государственного архивного фонда

профессор Иван Евсеев

9 января 1921 г.

г. Порхов

ГАРФ. Ф. Р-5325 (Главное архивное управление при Совете министров СССР). Оп. 9. Д. 261. Л. 42-45 об. Автограф.

2

В Главархив

Почитаю долгом в третий раз доложить, что порховские архивы гибнут. Путем личного воздействия расхищение умеряется и сдерживается, но безучастное отношение Главархива к судьбе этих архивов повлечет полное их уничтожение. Временно я задерживаю и отведенное под архивный фонд помещение. Если я объявлю Исполкому, что я снимаю с себя наблюдение над архивами, то помещение будет отобрано, а архивы немедленно будут растащены.

Прошу Главархив, в интересах сохранения оставшихся порховских архивов, принять соответствующие меры к устройению в г. Порхове архивного фонда.

18 января 1921 г. г. Порхов

Профессор И. Евсеев

ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 261. Л. 53–53 об. Автограф.

3

В Главархив

уполномоченного Порховского
архивного фонда, профессора И. Евсева

Доклад

В текущем январе с/г. мною послан Вам доклад о положении Порховского архивного фонда, а за ним телеграмма о неотложных потребностях по устройению означенного фонда. Не имея никаких указаний от Вас, почитаю себя вынужденным представить, что обращение мое непосредственно в Главархив, помимо Псковского губархива, вызывается тем обстоятельством, что войти в связь с губархивом мне не удается: уполномоченный Псковского губархива Е.М. Тихвинский¹ неоднократно заявлял мне, что заведование губархивом тяготит его, что он занят Отделом охраны памятников старины и искусства, что заведует губархивом новгородский уполномоченный Муравьев², что вновь назначен уполномоченный Псковским губархивом Сергеевский. Не находя определенности в указаниях на личность заведующего Псковским губархивом, прошу Главархив поставить меня в известность, кто состоит после г. Тихвинского уполномоченным по Псковскому губархиву и кто в состоянии разрешить вопросы по заведованию и устройению Порховского уездного архивного фонда.

20 января 1921 г.

Уполномоченный Порховского архивного фонда профессор И. Евсеев

г. Порхов

ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 261. Л. 49–49 об. Автограф.

4

В Главархив

уполномоченного по Порховскому
архивному фонду профессора
Ивана Евсеевича Евсева

Отчет за 1920 г.

От 24/ХІІ 1919 г. я назначен был Петроградским отделением Главархива уполномоченным по Порховскому архивному фонду. При полном неимении средств я поставил себе задачей привести в известность и, по мере возможности, охранить

от расхищения архивы б[ывших] правительственных и общественных учреждений г. Порхова и его уезда. В г. Порхове оказалось 10 архивов: Порховской городской управы, Порховской земской управы, съезда мировых судей, участковых мировых судей и земских начальников, городского полицейского управления, станковых приставов, казначейства, городского банка имени Жукова, конторы банка Юнкера, а равно архивы 3-х церквей и 3-х учебных заведений г. Порхова. Кроме последних 6 архивов, остальные все были в разрушении: дела развязаны и распущены по полу, о порядке не было и помину. Особенно жестоко был разрушен полицейский архив. Оградить от расхищения в дальнейшем удалось те архивы, которые состояли при заинтересованных в них учреждениях – архивы мировых судей и съезда мировых судей, казначейства и городской управы; архивы эти были запорты по принадлежности канцеляриями народного суда и коммунального отдела. Остальные архивы не имели заинтересованных учреждений, не имели прочных и закрытых помещений, свалены были на чердаках, в открытых чуланах и в открытых шкафах – и защищать их от дальнейшего уничтожения возможно было только при посредстве личного воздействия на занимавшие эти помещения учреждения. Приходилось упрашивать при поиске бумаги не разбивать дел, брать только чистую, не писанную бумагу и т.п. Это заступничество достигало своей цели, но не всегда и не везде. Положить полный предел расхищению не представлялось возможным, потому что я не располагал никакими средствами и не имел помещения. К концу года помещение под архив было найдено, но за отсутствием кредита, три месяца я не мог приступить к свозке архивов в это помещение, и теперь оно снова отобрано.

В уезде архивы имеются при 23 волостях – архивы б[ывших] волостных управлений. Из этих архивов я лично ознакомился с двумя – в волостях Ясенской и Ручьевской, куда я ездил на своей лошади. Волостные архивы тоже расхищаются на бумагу для письма (и отчасти куренья), сохраняются только имеющие значение для справок дела судебные и земельные. В волости были написаны отношения о сохранении архивов впредь до их затребования в уезд или город.

Кроме того, в уезде имеются архивы церковные: один Никандровского монастыря (с XVII в.) и до 36 архивов приходских церквей. Эти архивы не расхищались; из них изъяты были только метрические книги, которые и хранятся при соответствующих волостных правлениях.

В середине лета Петроградским отделением Главархива была назначена сотрудница Порховского архивного фонда – окончившая Петроградский университет Нонна Георгиевна Павлова. Никакого содержания по службе ни Павлова, ни я от Петроградского отделения не получали.

19 февраля 1921 г.

Профессор И. Евсеев

В июле 1920 г. мною представлен был отчет за первую половину года Псковскому губархиву по принадлежности. Из отчета явствовало, что устройство Порховского архивного фонда нуждалось в снабжении средствами и административном содействии. Ни того, ни другого я от губархива не получил и установить связь с ним мне не удалось.

И. Евсеев

19 февр[аля] 1921 г.

ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 261. Л. 57–59 об. Автограф.

В Главархив
профессора Ивана Евсеевича Евсеева

Заявление

Личным заявлением, сделанным в феврале с/г. я считаю себя отказавшимся от должности уполномоченного Государственного архивного фонда по Порховскому уезду. Прошу выслать мне переводом на порховский Уотнаробраз причитающееся мне содержание за 1920 год.

25 марта 1921 [г.] г. Порхов

Профессор И. Евсеев

ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 261. Л. 54. Автограф.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тихвинский Евгений Михайлович (1893–1942) – уполномоченный ГУАД по Псковской губ. (1920–1921).

² Муравьев Михаил Валерьянович (1867–1942) – председатель Новгородского общества любителей древности (1908–1914 и 1917–1921), уполномоченный ГУАД по Новгородской губ. (1919–1921).

Докладные записки М.И. Смирнова о состоянии переславских архивов

Научная, просветительская и издательская деятельность Михаила Ивановича Смирнова (1868–1949) – заведующего Переславль-Залесским историко-художественным и краеведческим музеем и председателя Переславль-Залесского научно-просветительского общества (“Пезанпроб”) принадлежит к “вершинным достижениям российского краеведения”¹. Высоко отзывался о М.И. Смирнове академик С.Ф. Платонов, видевший в нем “образцового по методу и научным приемам русского историка”, признававший “большую научную ценность” его трудов². Жизни и деятельности М.И. Смирнова посвящена статья С.Б. Филимонова³, ранее опубликованного список его научных работ⁴. Вновь обнаруженные документы: две докладные записки М.И. Смирнова Московскому областному (от 15 сентября 1918 г.) и Главному (от 5 июня 1919 г.) управлениям архивным делом дают возможность составить более полное представление о деятельности его как архивиста.

В.Г. Бухерт

¹ Шмидт С.О. О труде М.И. Смирнова “Переславль-Залесский: Исторический очерк” // ОА. 1993. № 2. С. 122.

² С.Ф. Платонов об историках; приветствие А.Я. Ефименко (1910), отзыв о научной работе М.И. Смирнова (1929) / Подгот. публ. С.О. Шмидт // АЕ за 1993 год. М., 1995. С. 341.

³ Филимонов С.Б. М.И. Смирнов – выдающийся краевед-исследователь Переславского края // Малые города России. М., 1998. С. 85–95.

⁴ См.: Филимонов С.Б. Обзор архива М.И. Смирнова // АЕ за 1971 год. М., 1972. С. 323–324.

В Московское областное управление архивным делом ученого архивиста Михаила Ивановича Смирнова, проживающего в г. Переславле-Залесском, на Рождественской ул., в д. Побединского

Докладная записка

В г. Переславле-Залесском, известном своей исторической стариной, имеются богатые архивные материалы, разбросанные по разным местам. Самыми значительными и ценными из них являются в первую голову вотчинные архивы местных монастырей: Данилова, Никитского, Федоровского, Никольского, Сольбинского. Далее следуют: остатки архива бывшей Переславской епархии, городского магистрата с 1788 г., сиротского суда с 1780 г., духовного правления, полиции, где между прочим имеются связки дел земского суда XVIII ст[олетия]. К этому нужно добавить архивы в большинстве почти исчезнувшие помещичьих усадеб, но тем не менее доколе еще по местам существующие. В общей своей совокупности в перечисленных пунктах заключаются документы (подлинники и копии) с начала XVI ст[олетия], состоят из свитков и листовых тетрадей значительного количества в несколько тысяч документов. Более или менее точное число их установить пока невозможно.

Являясь ценным материалом по истории местного края, материалы эти находятся в самых неблагоприятных условиях хранения. Некоторые из них исчезли на моих глазах из монастырских архивов, все находятся без призора и под постоянной угрозой частичного или даже полного уничтожения.

Чтобы спасти это наследие старины, необходимо собрать его в одно место и бережно хранить для будущего. Для этого в Переславле имеются достаточные каменные помещения, напр[имер], под Смоленской церковью в бывших монастырских кельях, там теперь находятся архивы духовного правления и Переславской епархии. Но чтобы привести в надлежащий вид это помещение, необходим ремонт, который на первое время может быть ограничен самым неотложным, а именно поставлены добавочные полки, приобретены прочные рамы и вставлены стекла, произведена очистка от птичьего помета. Расход на это выразится в сумме примерно 500 руб. Но так как это помещение не имеет печей и для зимних занятий не пригодно, то на первое время комната для занятий и хранения самого ценного архива может быть бесплатно предоставлена в здании местного музея и библиотеки в д[оме] быв[шем] Шиль. Для оборудования этой комнаты необходимой мебели, полками и шкапами потребуется до 1000 руб. Кроме указанного выше расхода потребуются следующее:

На перевозку архивов из разных мест	400 р.
На поездки для розыска и приобретения документов в помещичьих усадьбах и др[угих] местах.....	500 р.
На канцелярские принадлежности и почтовые расходы...	400 р.
Приобретение рукописей.....	2000 р.
Случайные и мелочные расходы	200 р.
Итого.....	5000 р.

Если Управление найдет нужным согласиться, то я с своей стороны готов принять в этом деле ближайшее участие и быть заведующим архивом с присвоением мне существующего оклада содержания. Для ознакомления присовокупляю, что я окончил Московский археологический институт со званием ученого архивиста, имею об этом аттестат за № 309. Работаю в области истории и археографии с 1900 г. Мне принадлежат следующие печатные статьи:

“Владимирские уроженцы – воспитанники Вифанской духовной семинарии (1797–1897 г.)” (во “Влад[имерских] епарх[иальных] ведомостях” 1900 г.)

“О князьях Мещерских XIII–XV ст.” (в “Трудах Рязан[ской] архив[ной] ком[иссии]” 1904 г.)

“К родословной князей Мещерских” (в “Летописи Ист[орико]-родослов[ного] о[бществ]а”)

“Нижегородские казенные кабаки XVII в.” (в “Действиях Нижегородской арх[ивной] ком[иссии]”)

“Село Большая Брембола” (в “Трудах Влад[имерской] арх[ивной] ком[иссии]”)

“Больше-Брембольский дьякон Михаила Михайлов” (id.)

“Переславские сокольи помыгчики” (id.)

“Соль Переславская” (id.)

“Смутные годы XVII в. [в] Переславле-Зал[есском]” (id.)

“Переславль-Залесский; его прошлое и настоящее”. М., 1911 г. и др.

В случае утверждения моего в должности заведующего архивом, прошу преподать мне указания, каким порядком могут быть взяты от монастырей и от разных лиц архивы и документы, имеющие значение для истории местного края: путем соглашения, покупки или иными способами. В существующем на этот предмет декрете 1 июня 1918 г. имеются указания лишь относительно правительственных учреждений.

Сентябрь 15 дня 1918 г. Переславль-Залесский.

М. Смирнов

ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 26. Л. 57–58. Автограф.

2

В Архивное управление
председателя Переславль-Залесского
подотдела по охране памятников
искусства и старины
Михаила Ивановича Смирнова

Докладная записка

В дополнение к записке, поданной мною в сентябре 1918 г., считаю необходимым донести, что состояние переславских архивов продолжает быть неопределенным и довольно безотрадным. Из 40 архивов уезда, как исключение, имеет ответственных хранителей лишь незначительная часть, большинство же никак не оберегается, некоторые лежат в незапертых помещениях, под лестницами, в коридорах и т.д. Часть архивов сожжена, разгромлена или же расхищается ввиду недостатка бумаги. Некоторые архивы прежнего времени взяты новыми учреждениями частично и так[им] обр[азом] разрознены. Есть архивы Временного и царского правительств у частных лиц.

Чтобы спасти особенно угрожаемые архивы, необходимо принять срочные меры. Мною вывезены из уезда в Переславский музей вотчинные архивы из помещичьих усадеб и из них организуется мною исторический архив. Сюда же можно бы было свезти значительную часть дел из архивов города и уезда бывш[их] правительственных учреждений. При музее, помещающемся в Горицком монастыре, найдется для этого помещение, а кроме того есть подходящее помещение под Смоленской церковью, где находится архив быв[шего] Переслав[ского] духовного правления.

Для организации перевозки и элементарного оборудования помещений, т.е. устройство полок, дверей и запоров необходимы средства и подходящие работники.

Последние могут быть найдены из местной интеллигенции, общий надзор и руководство, если это найдено будет нужным, могу взять на себя. Что касается средств, то местным не имеется. Сколько их потребуется, сказать довольно трудно. Но я бы полагал, в виде приблизительного предположения, что понадобится на устройство полок и пр[очего] тысяч 15, при этом часть лесного материала можно будет достать бесплатно, но нужно будет оплатить перевозку. На покупку бечевки, перевозку дел – тысяч 10; и, наконец, на вознаграждение работникам в виде командировочных по 30 р. – 40 р. в сутки – 5 тыс[яч]. Всего так[им] обр[азом] 30 000 р.

В заключение считаю необходимым сообщить, что мною частично по мере надобности принимаются меры охраны, но моих единоличных усилий мало. Образованная местным исполкомом архивная коллегия состоит из двух лиц, как лишенная средств, тоже много сделать не может. Тем не менее мною чрез школьных работников предпринята анкета состояния переславских архивов и на основании полученных этим путем данных мною применяются по мере надобности соответствующие меры.

5 июня 1919 г.

М. Смирнов

г. Переславль-Залесский,
народный музей

ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 123. Л. 80–81 об. Автограф.

Письмо А.А. Семенова Т.Г. Трапезникову о состоянии музейного дела в Туркестане

В сохранении исторических и иных памятников на территории Средней Азии значительную роль сыграл Туркестанский (с 1925 г. Среднеазиатский) комитет по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы (Туркомстарис, Средазкомстарис). Комитет и одновременно архивное ведомство Туркестанской АССР возглавлял Д.И. Нечкин¹, заслуги которого перед наукой “еще ждут своей оценки”². О трудностях, с которыми пришлось сразу столкнуться местной интеллигенции, привлеченной Нечкиным к делу спасения памятников, повествует письмо известного востоковеда А.А. Семенова³, являвшегося уполномоченным Российской академии истории материальной культуры при Туркомстарисе⁴, адресованное Т.Г. Трапезникову⁵.

В.Г. Бухерт

¹ Нечкин Дмитрий Иванович (?–?) – главноуправляющий Центральным управлением архивным делом (ЦУАРДЕЛ) Туркестанской АССР (1920–1922), председатель Комитета по делам музеев и охраны памятников искусства, старины и природы (Туркомстарис) при Наркомпросе Туркестанской АССР (1921–1928), директор музея института К. Маркса и Ф. Энгельса.

² Лунин Б.В. Из истории изучения памятников старины и искусства Средней Азии: (Туркомстарис, Средазкомстарис, Узкомстарис) // *Общественные науки в Узбекистане*. 1990. № 3. С. 44.

³ Семенов Александр Александрович (1873–1958) – востоковед, историк, профессор Среднеазиатского государственного университета, директор Института по изучению восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР (1943–1946), Института истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР (с 1951 г.), академик Академии наук Таджикской ССР (с 1951 г.).

⁴ *Литвинский Б.А., Акрамов Н.М.* Александр Александрович Семенов. М., 1971. С. 82–83.

⁵ Трапезников Трифон Григорьевич (1882–1926) – председатель Главного комитета по делам музеев и охраны памятников искусства, старины и природы (Главмузей) Наркомпроса РСФСР (1918–1924).

А.А. Семенов – Т.Г. Трапезникову

25 мая 1921 г.

Многоуважаемый Трифон Григорьевич!

Не знаю, получено ли было мое сообщение о “делах ташкентских” музеев и охраны, но думаю, что получено, т. к. я его послал (в марте) заказным на имя Отдела. В дополнение к этому позволю добавить, что 14 этого мая местный Сов[ет] нар[одных] ком[иссаров] утвердил “Положение о Комитете по делам музеев и охраны пам[ятников] стар[ины], иск[усства] и природы Нар[одного] ком[иссариата] просв[ещения] Турк[естанской] республики” (его сокращение “Туркомстарис”). Комитет делится на секции: музейную (зав[едующий] проф[ессор] истории права С.П. Покровский¹), реставрации и охраны памятников стар[ины] и искусства (зав[едующий] я), археологическую (зав[едующий] препод[аватель] истории Др[евнего] Востока Н.Э. Вундцель²) и охраны пам[ятников] природы (зав[едующий] проф[ессор] зоологии А.Л. Бродский³). Секции должны делиться на подотделы, но детальной разработки этого еще не наметилось. К тому же так трудно найти людей, знакомых с стариной края! Наша Самарк[андская] археологическо-реставрационная комиссия, хотя и обеспечена опытными людьми, но находится в отчаянном положении по безденежью. Ей позарезу нужно 80 миллионов для расплаты за работы, на жалованье и т.п. расходы; удалось вчера председателю Комитета получить десять миллионов на это из местной Турк[естанской] комиссии. Во всяком случае колоссальные пространства края и чрезвычайное обилие всяких памятников старины ставят пред нашим Комитетом ряд почти невыполнимых задач, отсутствие же средств и людей на местах еще более усугубляет положение. С марта, когда открыл действия Комитет (сначала Отдел), проведены декреты: об учете частных коллекций и вещей, имеющих научное и художественное значение, о сохранении старых исторических названий за городами, местечками, урочищами и т.п. (чтобы разные исполкомы не называли их по своему вдохновенно другим названиями) и о невывозе за границу памятников местной старины и искусства (но, в связи с разными торговыми договорами, этот декрет временно застрял и, вероятно, подвергнется переработке). В ближайшем будущем собираем съезд заведующих областными музеями, т.к. все они разъединены и действуют каждый по-своему, не имея ни малейшего представления о музейном строительстве. К великому сожалению, в областях, кажется, никто из властей не сознает ни значения, ни пользы музеев и охраны памятников искусства и старины, поэтому там очень туго культивируется это дело. Приходится поэтому все проводить из Ташкента чрез Совком. На днях устраивается выставка предметов искусства, привезенная тов. Мидлером⁴ из Москвы (пожертвования Туркестану Отд[ела] по дел[ам] музеев). Имею сведения из Петрограда, что к нам предполагается приезд археолог[ической] экспедиции Н.Б. Бакланова⁵ и В.А. Городцова⁶. Правда ли это? Петроградцы на этот счет имеют скудные сведения.

Пока позвольте позвать Вашу руку и пожелать Вам всего наилучшего

Уважающий Вас

А. Семенов

ГАРФ. Ф. А-2307 (Главное управление научных, музейных, научно-художественных учреждений Наркомпроса РСФСР). Оп. 3. Д. 358. Л. 10–11 об. Автограф.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Покровский Сергей Петрович (1880– ?) – юрист, профессор Казанского университета (1917–1918), Среднеазиатского государственного университета (САГУ).

² Вундцель Николай Эдуардович (?–?) – историк, преподаватель САГУ.

- ³ Бродский Абрам Леонидович (1882–1943) – биолог, профессор (с 1919 г.), ректор (1921–1926) САГУ.
- ⁴ Мидлер Виктор Маркович (1886–1979) – художник, зам. заведующего Комитетом по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы (Туркомстарис) Наркомпроса Туркестанской АССР (с 1921 г.).
- ⁵ Бакланов Николай Борисович (1881 – 1959) – историк.
- ⁶ Городцов Василий Алексеевич (1860–1945) – археолог, профессор Московского государственного университета (1918–1944).

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М.О. ГЕРШЕНЗОНА-АРХИВИСТА

В одной из книг, посвященных М.О. Гершензону¹, довольно мрачно характеризуется перспектива, открывшаяся перед ним в первые послереволюционные годы: «Новая реальность представляла и в виде вереницы бессмысленных и малооплачиваемых “служб”»². К счастью для Михаила Осиповича, не все было так безотраднo. Служба в ведомстве Главного управления архивным делом (далее ГУАД) в 1920–1921 гг. отвечала не только его научным интересам, но и его представлению о смысле общественной деятельности. Участие в спасении историко-культурного наследия – одна из лучших страниц в биографии М.О. Гершензона.

План спасения гибнущих “семейных архивов” был изложен им в записке от 28 сентября 1918 г., адресованной наркому А.В. Луначарскому³. Гершензон предлагал основать в Москве “музей старых бумаг”, который должен был стать научным институтом – “местом ученой разработки архивного материала” по истории русской культуры XIX века. Инициатива Гершензона поначалу не была востребована, очевидно, потому, что с подобной же инициативой выступило ГУАД, создавшее в Москве в январе 1919 г. Хранилище частных архивов (ХРАНЧАСАР) во главе с А.М. Фокиным⁴, просуществовавшее до июня 1920 г.⁵

В новом обращении Гершензона от 10 сентября 1920 г., адресованном ГУАД, содержалась критика сложившейся практики собирательской деятельности, отчасти, по-видимому, объясняемая тем, что в ХРАНЧАСАР “материалы деятелей литературы составили довольно незначительную часть по сравнению с массой остальных материалов”⁶. Свозимые в Москву частные архивы, писал Гершензон, складываются то в одном, то в другом хранилище “по причинам случайного свойства” и, таким образом, “ценный историко-литературный материал дробится, попадая в неподлежащие места, остается неопиcанным и забывается”. Главный порок Гершензон видел

¹ Гершензон Михаил (Мейлих) Осипович (1869–1925) – историк, литературовед, философ, публицист, председатель Всероссийского союза писателей (с 1917 г.).

² *Проскура В.* Течение Гольфстрема: Михаил Гершензон, его жизнь и миф. СПб., 1998. С. 396.

³ ГАРФ. Ф. Р-5325 (Главное архивное управление при Совете министров СССР). Оп. 9. Д. 243. Л. 4–5.

⁴ Фокин Анатолий Михайлович (1892–1979) – историк, геолог, инспектор ГУАД (1918–1920).

⁵ Подробнее см.: *Быкова Л.А.* Хранилище частных архивов (ХРАНЧАСАР) в Москве, 1919 г. // АЕ за 1993 год. М., 1995. С. 289–308.

⁶ *Сырченко Л.Г.* К истории комплектования государственных архивов СССР документальными материалами деятелей литературы (1918–1941 гг.) // ТМГИАИ. М., 1962. Т. 15. С. 351.

в отсутствии должной организованности в вывозе частных архивов, что приводит к тому, что “многие собрания до сих пор остаются в брошенных усадьбах, расхищаются, портятся и гибнут”. Необходимо, считал он, налаживание “планомерного вывоза и централизации привозимого материала”, а также создание “отдельного Литературного музея”, куда бы поступили привозимые в Москву “историко-литературные рукописные материалы” и где со временем необходимо собрать весь архивный материал этого рода, “изъяв его из всех других московских хранилищ”⁷.

По докладу Гершензона Коллегия ГУАД 10 сентября 1920 г. признала “желательным” образование историко-литературной секции ЕГАФ⁸. На следующем заседании Коллегии ГУАД (17 сентября 1920 г.) обсуждалась составленная Гершензоном “схема” ее организации, и “в общем возражений не встретила”⁹. Секция, располагавшаяся в Москве, должна была “собирать и регистрировать архивные материалы по истории русской поэзии, художественной прозы, критики и журналистики”. При ней основывался “Государственный литературный архив”, куда со временем должны были быть переданы не только “все соответствующие документы”, но и вещи из Румянцевского, Исторического и других московских музеев и хранилищ¹⁰.

5 ноября 1920 г. Гершензон был назначен заведующим Историко-литературным отделом I отделения II секции¹¹, который вскоре был реорганизован в I отделение вновь учреждаемой IX (историко-литературной) секции ЕГАФ. Помощником управляющего отделением был назначен Н.В. Яковлев¹², к работе в отделении Гершензон привлек Н.Ф. Бельчикова¹³. В штат секции были зачислены В.С. Нечаева¹⁴ и В.Н. Стефанович¹⁵. 1 января 1921 г. под архив и канцелярию была получена одна из комнат в помещении Музея новой западной живописи (Пречистенка, д. 21)¹⁶.

Нижепубликуемые документы дают представление о деятельности историко-литературной секции, длившейся всего восемь месяцев до преобразования ее в историко-культурную.

8 июля 1921 г. заведующим историко-культурной секцией ЕГАФ был назначен В.М. Фриче¹⁷, бывший им до 1925 г., а управляющими отделениями секции стали С.Н. Эверлинг¹⁸ и Н.Ф. Бельчиков.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 243. Л. 1.

⁸ Там же. Д. 209 Л. 3 об.

⁹ Там же. Л. 4 об.

¹⁰ Там же. Д. 243. Л. 2.

¹¹ Там же. Д. 209. Л. 13 об.

¹² Яковлев Николай Васильевич (1891–1981) – литературовед, инспектор ГУАД (1920), ст. научный сотрудник Пушкинского Дома (1916–1932, 1953–1957).

¹³ Бельчиков Николай Федорович (1890–1979) – литературовед, инспектор ГУАД (1919–1921), член-корреспондент АН (с 1953 г.).

¹⁴ Нечаева Вера Степановна (1893–1979) – литературовед, ст. архивариус Историко-литературной секции ГУАД (1920–1921).

¹⁵ Стефанович Вера Николаевна (1900–1985) – библиограф, архивариус Историко-литературной секции ГУАД (1921).

¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 243. Л. 33.

¹⁷ Там же. Д. 267. Л. 30 об. Фриче Владимир Максимович (1870–1929) – литературовед, искусствовед, приват-доцент (1915–1917), профессор (с 1917 г.) Московского университета, академик АН (с 1929 г.), заведующий Историко-культурной секцией ГУАД (1921–1925).

¹⁸ Эверлинг Сергей Николаевич (1875 – ?) – сотрудник МГАМИД (1903–1907).

Оценка деятельности Гершензона-архивиста давалась неоднозначная. Отмечалось, что осуществление всех его предложений “могло привести к разрушению архивных фондов”¹⁹. Следует однако иметь в виду, что при жизни Гершензона само понятие “архивный фонд” не было научно определено. Выделение признаков самостоятельного фондообразователя и хронологических границ его деятельности стало “наиболее существенным достижением архивоведческой мысли” более позднего времени²⁰.

Чрезвычайно плодотворным оказалось предложение Гершензона о создании “Государственного литературного архива” как составной части системы государственных архивов. А его мысль об образовании в Москве Литературного музея нашла свое продолжение, она была реализована В.Д. Бонч-Бруевичем²¹, участвовавшим в создании в 1933 г. Центрального музея художественной литературы, критики и публицистики (с 1934 г. Государственный литературный музей), который он и возглавил.

В.Г. Бухерт

1

Теперь в средней полосе России, вокруг Москвы, разоряются многие старые усадьбы, и в них гибнут семейные архивы, подчас драгоценные. Даже те из бывших владельцев, которые среди разгрома еще помнят о старых бумагах и стремятся спасти их, вывезти в города или в Москву, не знают, куда девать их для сохранности. Ко мне одному не раз обращались в последнее время с просьбой взять такие бумаги; из многих мест до меня доходят рассказы о гибели семейных архивов, о продаже в частные руки наиболее ценных рукописных памятников, о противодействии местных властей вывозу бумаг. Забота о сохранении старинных бумаг всегда была у нас слаба; в настоящее время их гибнет и обречено на гибель так много, что представляется необходимым планомерно выступить против этого зла. Разрушение семейных архивов причиняет невознаградимый ущерб русской науке – науке о прошлом, о движении общественной мысли, о достижениях отдельных умов, о жизни и творчестве наших писателей, художников, деятелей; ущерб этот не должен быть допущен. Должны быть приняты решительные меры к сохранению бумаг и к сосредоточению их в одном месте.

Было бы рационально сделать местом их хранения Москву. В Москве для этой цели должен быть отведен дом, который мог бы стать специальным музеем старых бумаг. Я видел на днях на углу Остоженки и 3-го Ушаковского переулка – рядом два дома чудесной старой постройки, истинные старые усадьбы в центре Москвы, занятые какими-то официальными учреждениями; один из них как нельзя более подходил бы для такого музея. Сюда должны быть доставляемы семейные архивы из взятых на учет усадеб, сюда же должны быть приглашаемы и частные лица переносить на благо просвещения бумаги, имеющиеся в их распоряжении.

Но с этой простой задачей – сохранения и сосредоточения архивов – следовало бы соединить и задачу высшую. Музей должен стать и научным институтом, местом ученой разработки архивного материала, наподобие зоологических станций в Неаполе и Севастополе. Здесь под руководством компетентных “храните-

¹⁹ Сырченко Л.Г. К истории формирования... С. 354.

²⁰ Автократов В.И. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М., 2001. С. 163.

²¹ Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873–1955) – управляющий делами Совета народных комиссаров РСФСР (1917–1920), директор Государственного литературного музея (1933–1939), Музея истории религии и атеизма АН (с 1946 г.).

лей” должна идти непрерывная разработка бумаг и каталогизация их; и здесь же должны быть устроены несколько отдельных комнат, из которых каждая представлялась бы на известный срок исследователю, работающему по специальному вопросу истории над материалами, хранящимися в музее (так как материалы эти не могут быть выдаваемы за стены музея). Здесь, следовательно, в главных помещениях студенты и курсистки по найму разбирали бы бумаги, писали бы карточки, и пр., а в ученых кельях ученые с удобством работали бы, требуя по каталогу нужные им документы, и имея под рукою соответственный подбор книг – библиотеку для справок. Правильным кажется, чтобы музей-институт ограничил круг своего собирания и ведения только документами *общего культурного содержания за девятнадцатый век*, представляя специальный архивный материал (по истории хозяйства и пр.) другим, специальным учреждениям

М. Гершензон

28 сентября 1918 г.

ГАРФ. Ф. Р-5325 (Главное архивное управление при Совете министров СССР). Оп. 9. Д. 243. Л. 4–5. Автограф.

2

За последние три года из усадеб Средней России свезено в Москву и непрерывно свозится донине большое число частных архивов, в составе которых нередко встречаются документы, важные для истории русской литературы и общественной мысли. Бумаги эти попадают здесь то в одно, то в другое книгохранилище, по причинам случайного свойства; таким образом ценный историко-литературный материал дробится, попадая в неподлежащие места, остается неопианным и забывается. Далее, неорганизованность этого дела (т.е. вывоза частных архивов) приводит к тому, что многие собрания до сих пор остаются в брошенных усадьбах, расхищаются, портятся и гибнут. Ввиду этих обстоятельств Академический подотдел ЛИТО Наркомпроса постановил созвать, с согласия Главархива, комиссию из лиц, причастных к делу хранения рукописей при московских книгохранилищах, музеях и пр., которая обсудила бы это дело и приняла меры к устранению сказанных неудобств путем планомерного вывоза и централизации привозимого материала. При этом Академический подотдел имеет также в виду организацию отдельного Литературного музея, куда бы впредь передавались привозимые в Москву историко-литературные рукописные материалы и где впоследствии, может быть, удалось бы сосредоточить весь архивный материал этого рода, изъяв его из всех других московских хранилищ.

По поручению Акад[емического] подотд[ела] член его

М. Гершензон

10 сентября 1920 г.

ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 243. Л. 1. Автограф.

3

В Главное управление архивным делом
Михаила Осиповича Гершензона

Заявление

Прошу о предоставлении мне должности заведующего Историко-литературным отделом.

4 ноября 1920 г. М. Гершензон

ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 11. Д. 28. Л. 1. Автограф.

4

В Главархив

Прошу разрешения командировать моих сотрудников для вывоза историко-литературных материалов в нижепоименованные места: г. Белев (для вывоза Уткинского архива); ст[анция] Барыбино, 53 версты по Павелецкой ж[елезной] д[ороге] (архив Боборыкиных); ст[анция] Бутово Курской ж[елезной] д[ороги] (архив М. Каткова¹).

Управляющий I от[делением] IX секции

М. Гершензон

[15 января 1921 г.]

ГАРФ. Р-5325. Оп. 11. Д. 28. Л. 18. Автограф.

5

В Главархив

Прошу допустить научную сотрудницу I Моск[овского] отд[еления] IX секции В.С. Нечаеву к осмотру и выделению историко-литературных материалов из архива Зимнего дворца.

Управляющий I Моск[овским] отд[елением]
IX секции

М. Гершензон

21 января 1921 г.

ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 243. Л. 11. Автограф.

6

В Главархив

Прошу разрешения принять в ведение Историко-литературного архива ниже поименованные рукописи, находящиеся ныне в архиве Зимнего дворца, как материал историко-литературный. Рукописи эти, как видно из прилагаемого списка, естественно распадаются на две группы: *во-первых*, рукописи чисто литературные или историко-литературные, не имеющие никакого отношения к обитателям и жизни Зимнего дворца, попавшие в его архив, очевидно, случайно или в качестве автографов, – именно, стихотворные и прозаические произведения русских писателей (стихотворения, пьесы, статьи) и частные письма писателей и к ним; сюда же относится и большое число рукописей, проливающих свет на биографии писателей, как бумаги о дуэли и смерти Пушкина и т.п. Это – материал бесспорный. Необходимость его изъятия из архива Зимнего дворца, с которым он никак не связан и где распылен среди подавляющего множества документов совсем иного рода, и передачи его в Историко-литературный архив, где только он и может быть систематизирован и сделан легко доступным для историко-литературных исследований, кажется, не может возбудить сомнений, подобно тому, как историко-литературные материалы всегда передавались и теперь передаются в специальные хранилища из архивов цензурного, казенных мест и т.п.

Спорной можно признать лишь *вторую* группу, именно письма писателей (преимущественно Жуковского²) к лицам царской семьи, и стихотворения, посвященные им. Тем не менее я ходатайствую о передаче также и этих рукописей в Историко-литературный архив, так как они несомненно в гораздо большей степени представляют материал для изучения жизни и творчества данных писателей, нежели для характеристики жизни Зимнего дворца, с которой они связаны лишь отдаленно и случайно.

Управляющий I Моск[овским] отд[елением]
IX секции

М. Гершензон

[10 февраля 1921 г.]

ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 243. Л. 20. Автограф.

В Губернскую Московскую комиссию по охране
памятников искусства и старины

Основанный в декабре прошлого года при I отделении IX секции Главархива Историко-литературный архив обращается с нижеследующею просьбою: во-первых, если в Комиссии имеются какие-либо историко-литературные материалы, быть может, случайно привезенные из усадеб Московской губернии, – передать их в Ист[орико]-лит[ературный] архив; во-вторых, не отказать Ист[орико]-лит[ературному] архиву вообще в возможном содействии, особенно в сообщении сведений о местах, где могут быть найдены историко-литературные материалы в пределах Московской губернии.

Управляющий I отд[елением] IX секции

М. Гершензон

12 февраля 1921 г.

ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 243. Л. 14. Автограф.

В Главархив

Согласно постановлению Коллегии Главархива от 11 февраля прошу предписать Воронежскому уполномоченному – переслать в Москву, при первой обеспеченной оказии, в Главархив для передачи в Историко-литературный архив все материалы, касающиеся А.В. Кольцова³ и его семьи, какие находятся в Воронежском губернском архивном фонде.

Управляющий I отд[елением] IX секции

М. Гершензон

20 февраля 1921 г.

ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 243. Л. 18. Автограф.

В Главархив
от управляющего I отд[елением]
IX секции

Прошу указаний Главархива по нижеследующим вопросам.

Трехмесячная работа по обследованию и собиранию историко-литературного материала показала, что весь наличный материал этого рода может быть разделен на две группы: во-первых, уже находящийся в хорошо содержимых хранилищах, каковы Румянцевский к Исторический музеи, рукописные отделения Петербургской Публичной библиотеки и Академии наук, Пушкинский Дом при Академии наук и Остафьевский архив в с. Михайловском. Я полагал бы этот материал на ближайшее время оставить в тех местах, где он находится. Во-вторых, материал не собранный, не охраненный, или лежащий в случайных местах. Сюда относятся как документы, находящиеся в специальных архивах и в усадьбах, так и те, которые, будучи вывезены в Москву в общем составе казенных или частных архивов, безнадежно, вероятно, на годы утонули в подавляющей массе неразобранных и часто вовсе не ценных бумаг, тогда как выемка их и передача в Историко-литературный архив сразу сделали бы этот материал доступным для исследователей по истории литературы и общественной мысли.

Итак, прошу указаний, во-первых, оставлять ли хорошо охраненный материал на нынешних местах хранения; во-вторых, посылать ли сотрудников отделения в

провинцию для вывоза историко-литературного материала; и в третьих, продолжать ли выборку историко-литературного материала из случайных хранилищ, каковы архивы казенных палат, полицейские и т.п., а также из усадебных архивов, уже свезенных в Москву и заполняющих неразобранными ворохами всевозможных бумаг шкапы Архива юстиции и других хранилищ.

Считаю долгом прибавить, что работу отделения крайне тормозит невозможность обеспечить его сотрудников пайком или хоть половиною пайка. Сейчас в отделении только две сотрудницы довольствующиеся скудным жалованьем. Работа подвигается медленно; необходимо увеличить штат. А для командировок в провинцию нужен мужчина, помощник управляющего, но такого без пайка нельзя найти. Между тем предстоят неотложные поездки: в Белев – за Уткинским архивом В.А. Жуковского, в Калугу – за архивом пушкинских Гончаровых и т.д.

Управляющий I отд[елением] IX секции

М. Гершензон

22 февраля 1921 г.

ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 243. Л. 31. Автограф.

10

В Главархив

Прошу выдать мандат на имя научной сотрудницы В.С. Нечаевой на право выемки архивных материалов, входивших в состав архива Голохвостовых, в г. Звенигороде Моск[овской] губ.

Управляющий I отд[елением] IX секции

М. Гершензон

5 марта 1921 г.

ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 11. Д. 28. Л. 22. Автограф.

11

В Главархив

С согласия Н.Ф. Бельчикова прошу временно прикомандировать его к I отд[елению] IX секции. В дополнение к моему заявлению считаю долгом сообщить, что до сих пор отысканы: архив[ы] Зин. А. Волконской⁴, А.И. Подолинского⁵, В.А. Соллогуба⁶ (автор “Тарантаса” и др.). Кроме того, 2 неизд[анных] письма Гете⁷, 4 письма А.И. Герцена⁸, большое и важное письмо Фета⁹, 1 п[исьмо] Мицкевича¹⁰, важные записи В.Д. Олсуфьева¹¹ о Пушкине и других писателях и др.

Управляющий I отд[елением] IX секции

М. Гершензон

ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 11. Д. 28. Л. 26. Автограф.

12

В Главархив

от I отделения IX секции

Плановая комиссия образована в составе управляющего и архивариуса В.С. Нечаевой.

План работы на ближайшие два месяца (май, июнь): закончить разборку усадебных архивов в бывш[ем] архиве Юстиции, вывезти из Белева архив Жуковского

и из Калуги архив Гончаровых и приступить к разборке бумаг в Историко-литературном архиве.

Управляющий

М. Гершензон

10 мая 1921 г.

ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 285. Л. 36. Автограф.

13

В Главархив

І Отделения ІХ секции ЕГАФ

В ответ на телефонограмму за № 1566/23 сим доводится до сведения, что сотрудница отделения В.С. Нечаева в данный момент занята регистрацией архива З.А. Волконской под руководством управляющего М.О. Гершензона.

Случаев совместительства в І отделении ІХ секции нет.

Управляющий

М. Гершензон

3 июня 1921 г.

ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 11. Д. 22. Л. 12. Автограф.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Катков Михаил Никифорович (1818–1887) – публицист, издатель журнала “Русский вестник” (с 1856 г.) и газеты “Московские ведомости” (1851–1855 и 1863–1867).
- ² Жуковский Василий Андреевич (1783–1852) – поэт.
- ³ Кольцов Алексей Васильевич (1809–1842) – поэт.
- ⁴ Волконская (урожд. кн. Белосельская-Белозерская) Зинаида Александровна (1792–1862) – княгиня, писательница, автор музыкальных сочинений, основательница литературно-музыкального салона в С.-Петербурге.
- ⁵ Подолинский Андрей Иванович (1806–1886) – поэт.
- ⁶ Соллогуб Владимир Андреевич (1813–1882) – граф, писатель.
- ⁷ Гете Иоганн Вольфганг (1749–1832) – немецкий писатель, иностранный почетный член АН (с 1826 г.).
- ⁸ Герцен Александр Иванович (1812–1870) – революционер, писатель, философ.
- ⁹ Фет (Шеншин) Афанасий Афанасьевич (1820–1892) – поэт, член-корреспондент АН (с 1886 г.).
- ¹⁰ Мицкевич Адам (1798–1855) – польский поэт.
- ¹¹ Олсуфьев Владимир Дмитриевич (1796–1858) – граф, обер-гофмейстер.

ДВЕ ЗАПИСКИ А.А. ПОКРОВСКОГО 1919 и 1920 гг. ОБ АРХИВЕ МОСКОВСКОГО ПЕЧАТНОГО ДВОРА

Жизнь Алексея Алексеевича Покровского (18(6).01.1875–7.01. 1954¹), как у людей его поколения, переживших революцию, разделена на две половины. Профессиональную выучку архивиста-историка он получил в библиотеке синодальной типографии (архиве Печатного двора), куда поступил сразу после окончания Московского университета (1900 г.) и в которой к 1917 г. служил заведующим. Это место формально сохранялось за ним до

¹ Дата смерти установлена по: ГАРФ. Ф. 5142. Оп. 4. Д. 525. Л. 1.

начала 1920-х годов. В дальнейшем А.А. Покровский оказался активно востребованным советской властью, впрочем, на незначительных должностях. Об изучении древней русской письменности и прежних научных интересах пришлось забыть навсегда. Вся его деятельность отныне сосредоточилась на археографии. Он редактирует журнал “Красный архив”, все 106 номеров которого от первого до последнего прошли через его руки, редактирует и принимает участие в подготовке к печати документальных изданий Центрархива (“Разинщина”, “Пугачевщина”, “Международные отношения в эпоху империализма”, “Экспедиция Беринга”². Главным вкладом А.А. Покровского в отечественную археографию стало серийное издание “Восстание декабристов” (М.; Л., 1925–1927. Т. 1–3; 1948–1958. Т. 8–11), в том числе научная публикация “Русской правды” П.И. Пестеля³. Его имя вошло в учебники и энциклопедии⁴, хотя сколько-нибудь полной библиографии его трудов не существует⁵.

Время от времени А.А. Покровский привлекался к работе на курсах для архивных работников при ЦАУ, благо некоторый преподавательский опыт он успел получить до революции на кафедре русской литературы в Археологическом институте имени императора Николая II. Читал лекции и проводил практикумы по палеографии с группами научных сотрудников ЦАУ (1928–1930 гг.), в МГУ (1930 г.) и “в основном при ЦАУ – институте им. М.Н. Покровского” (т.е. в Историко-архивном институте) (1935–1937 гг.)⁶. Память учеников Алексея Алексеевича наделила его типичными черта-

² Краткие биографические сведения об А.А. Покровском см.: Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914 гг.) / Под ред. гр. П.С. Уваровой и И. Н. Бороздина. М., 1915. Т. 2. С. 275–276; *Прокопенко И.Р.* Исследователь-энтузиаст // Архивное дело. 1940. № 4. С. 70–72; *Рабинович М.Д.* Выдающиеся ученые-архивисты: (А.А. Покровский, М.С. Вишнеvский, А.Н. Сперанский) // Вопросы архивоведения. 1963. № 3. С. 41–43; *Марлинский С.Я.* Алексей Алексеевич Покровский // ИССР 1974. № 5. С. 140–144; *Зелов Н.С.* Видный советский историк-архивист А.А. Покровский // СА. 1975. № 4. С. 30–31; *Он же.* Археограф, исследователь русской печати // Мир библиографии. 2006. № 1. С. 81–84; *Жучкова И.Л.* Новые материалы к биографии историка А. А. Покровского (По документам ЦГАДА) // АЕ за 1989 год. М., 1990. С. 230–234.

³ Подробнее см.: *Зелов Н.С.* Работа А.А. Покровского над “Русской Правдой” П.И. Пестеля // ВА. 2001. № 1. С. 177–185; *Зелов Н.С., Чернобаев А.А.* Как готовилось издание “Русской Правды” П.И. Пестеля: Документы Государственного архива Российской Федерации // ИА. 2001. № 2. С. 168–184.

⁴ *Валк С.Н.* Советская археография. М.; Л., 1948. С. 118; *Максаков В.В.* История и организация архивного дела в СССР. М., 1964. С. 278; Книговедение: Энциклопедический словарь. М., 1982. С. 412; Книга: Энциклопедия. М., 1998. С. 497.

⁵ Наиболее важные из его работ: “Ведомости” времени Петра Великого. М., 1906. Вып. 2: (1708–1719); Календари и святцы // Библиотека Московский синодальной типографии. М., 1911. Ч. 1, вып. 5; Проповеди первой половины XIX в. // Там же. Вып. 6; Печатный Московский двор в первой половине XVII века // Древности: Труды Императорского Московского археологического общества. М., 1914. Т. 23, вып. 2. С. 12–79. [Оттиск: М., 1913]; Древнее псковско-новгородское письменное наследие: Обзорение пергаменных рукописей Типографской и Патриаршей библиотек в связи с вопросом о времени образования этих книгохранилищ // Труды XV археологического съезда в Новгороде (1911 г.). [М., 1916]. Т. 2. С. III–XCI, 215–494. См. также: Российский государственный архив древних актов: Путеводитель. М., 1999. Т. 4. С. 358–360 (описание фонда А.А. Покровского); ГАРФ. Ф. 5142. Оп. 4. Д. 525. Л. 16, 17.

⁶ “Краткая автобиография А.А. Покровского”. [1943 г.]. (ГАРФ. Ф. 5142. Оп. 4. Д. 525. Л. 14).

ми чеховского интеллигента-культуртрегера, милого, доброго человека, немного не от мира сего: “С точки зрения педагогических канонов преподавателем он был довольно своеобразным: не учил студентов самих разбирать документы, читал по доброте своей за них тексты, постоянно отвлекался, не укладывался в программу. Но разве в этом было дело? Он буквально заражал нас трепетной любовью к истории [...] Часами в холодной аудитории бывшего Печатного Двора [...] мы [...] слушали седого, взерошенного человека с лицом Дон Кихота, зябко кутавшегося в наброшенное на плечи старенькое пальтишко. [...] А.А. Покровский был первым человеком, раскрывшим перед нами труд и муку, ни с чем не сравнимое счастье архивного поиска [...]. В трудные минуты сомнений и неудач он мог подбодрить, помочь дельным советом, дружеским словом, сердечной улыбкой⁷.”

Характерная деталь, высвечивающая индивидуальность Алексея Алексеевича Покровского: передавая М.Н. Покровскому текст предисловия к первому тому “Восстания декабристов”, он не знает, как поступить, подписать ли его «безлично – т.е. “Редакция” или лично, чтобы читатели в случае неясностей могли бы считать виновником меня⁸”. Алексей Алексеевич не был и никогда не стремился быть публичным человеком, скорее напротив; одинокий, тихий, до робости застенчивый, он жил анхоретом даже не в Москве, а в пригороде (домик в Вешняках), имея на иждивении две старших сестры. Смолоду всячески избегал политики, карьера не интересовала его совершенно, впрочем, всегда пользовался уважением и сочувствием просвещенного начальства (медаль в память 300-летия Дома Романовых (1913), орден “Знак почета” (1943 г.), медали “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.” (1946 г.) и “800-летие Москвы”)⁹.

Печатаемые ниже две записки А.А. Покровского 1919 и 1920 гг. в Главное архивное управление¹⁰ были вызваны неопределенностью положения архива Печатного двора в условиях административной неразберихи революционных лет и связанной с этим тревогой за его судьбу. Обе записки объединены одной общей темой – разъяснением ценности архива и тем самым обоснованием целесообразности включения его в ведение Главархива.

Очевидно, первая из этих записок возымела свое действие. В заседании коллегии Главного управления архивным делом 21 февраля 1919 г. слушался доклад о состоянии архива Печатного двора, по результатам которого было принято постановление о переходе архива в ведение Главархи-

⁷ Рабинович М.Д. Выдающиеся ученые-архивисты. С. 43.

⁸ РГАДА. Ф. 1623. Оп. 1. Д. 8. Л. 1. Записка от 31 декабря 1924 г. Речь идет о статье: Покровский А.А. Следствие над декабристами // Восстание декабристов: Материалы. М.; Л., 1925. Т. 1. С. XIII–XIX). Общее “Предисловие” к серии написано М.Н. Покровским. (Там же. С. VII–XII).

⁹ Согласно служебной характеристике (19 апреля 1943 г.), А.А. Покровский “почти ежегодно получал поощрения и премии от Управления государственными архивами НКВД СССР”. По случаю исполнения 1 октября 1950 г. полувекового юбилея трудовой деятельности А.А. Покровский представлялся к правительственной награде как “старейший историк-архивист, исследователь-энтузиаст”, однако по какой-то причине награждение не состоялось. (См.: ГАРФ. Ф. 5142. Оп. 4. Д. 525. Л. 8, 13–13 об.).

¹⁰ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 149, автографы.

ва и включении его в состав 2-го отделения 4-й секции Государственного архивного фонда; 24 февраля А.А. Покровский назначался архивариусом. Акт передачи архива, подписанный сотрудниками Главархива инспектором М. Вишневым и архитектором С. Ильинским и архитектором Комиссии по охране памятников искусства и старины Моссовета В. Немировым, состоялся 22 марта 1919 г.¹¹

Вторая записка, не имеющая даты, зарегистрирована в Главархиве 17 июля 1920 г. Трудно сказать, удалось ли ей сыграть предназначенную роль. Во всяком случае, в ответе А.А. Покровскому от 20 июля разъяснялось, что 12 июля дополнением к принятому ранее постановлению “о временном прекращении работы некоторых архивов” Главархив подтверждал прежний статус архива Печатного двора, а самого А.А. Покровского и его сотрудницу “тов. Костюрину” принадлежащими “с присвоенными им окладами” к штату Главархива¹².

А.Н. Бачинин

1

Справка об архиве Печатного двора 1 (14) февраля 1919 г.*

Из числа архивов, прежде числившихся за церковным правлением, до сих пор не перешел в ведение Главного архивного управления архив Печатного двора. По своему содержанию и значению этот архив представляет исключительную ценность: можно сказать, что архива подобного типа неизвестно и Западной Европе. Здесь сосредоточено все, что касается до истории печатной книги: здесь находятся и подлинники, или источники, по которым люди, работавшие на Печатном дворе, составляли свои оригиналы; здесь хранятся и самые оригиналы, подчас испещренные разными поправками, вставками, исправлениями и дополнениями; здесь же собраны первые оттиски тех или других изданий, которые весьма часто носят на себе следы дополнительной редакторской работы и в свою очередь являются оригиналами для дальнейших изданий. А главное содержание Архива Печатного двора – это приходо-расходные книги и столбцы, ярко и полно рисующие историю этого учреждения, начиная с XVII в., точнее с 1619 года. В этих приходо-расходных книгах мы находим точные данные о том, в каком количестве печатались наши книги, кто и как долго трудился над их “совершением”, сколько они стоили себе и почему их продавали “в народ”. Так как эти документы сохранились до нас в их последовательности, то данные, извлекаемые из Архива, весьма важны для историко-экономического изучения русского прошлого на протяжении целых 300 лет. История Печатного двора – это история первого по времени государственного просветительного и в то же время торгово-промышленного предприятия; поэтому архивные дела Печатного двора дают нам материал по истории фабричного дела в России, они выясняют нам условия быта и труда первых в России рабочих, освещающих жизнь со всех сторон; кроме того, они отражают жизнь не высших представителей общества, а рисуют нравы и положение простого народа. Следует далее обратить внимание и на то обстоятельство, что до указа 1783 г. о вольных типографиях Печатный двор был почти единственным центром книгопечатания в

¹¹ Там же. Л. 3, 5, 6.

¹² Там же. Л. 9.

* В публикации сохранены авторские заголовки документов.

России (Петербургская типография, основанная в 1711 г. – являлась лишь только филиальным отделением Московской); – поэтому, приходя в соприкосновение с другими учреждениями, Печатный двор в своих документах отразил и многие другие стороны русской жизни, особенно те, которые касаются разных деятелей на почве просвещения; он дает нам точные указания о старинных переводчиках, о состоянии школьного дела, о положении отдельных отраслей русского искусства, напр[имер], гравюры и т. д. Кроме того, по его документам можно проследить историю сношений с южными славянами и т.п. – словом, документы Печатного двора слишком разнообразны и разносторонни, чтобы их можно было хотя бы бегло и кратко описать. Не менее важны и те оригиналы, печатные и рукописные, которые хранятся ныне в стенах этого архива. Тщательно собираемые в течение не одной сотни лет, эти оригиналы представляют научный интерес и сами по себе и как документы по истории книгопечатания и книжной “справы”. Эти оригиналы становятся нам понятными лишь при помощи данного Архива Печатного двора и составляют с ними одно неразрывное целое; напр[имер], в 1703 г., как известно, из стен типографии вышла первая русская газета, оригиналы и оттиски которой хранятся теперь в Архиве Печатного двора; история первой русской газеты возможна лишь благодаря тем данным, которые можно почерпнуть в архиве этого учреждения. Кроме того, в состав архива входят и книжные собрания бывших справщиков и руководителей Печатного двора, напр[имер] С. Полоцкого, С. Медведева и некоторых других. Эти собрания, являясь оригиналами и историческими пособиями при справе книг, также теснейшим образом спаяны с документами Архива.

Общее количество архивных дел, документов и рукописных оригиналов за XVII и XVIII вв. достигает до 4500 номеров; дела XIX в., еще не переданные в архив, хранятся ныне отчасти в подвалах при самой типографии, отчасти в Донском монастыре, и по самому ходу вещей требуется, чтобы и архив бывшей Синодальной типографии за XIX столетие был включен в общий Архив Печатного двора.

Общее число старопечатных книг, русских и иностранных, доходит, включая сюда и разные справочные пособия и издания, необходимые для работ, до 15 000 томов. Уже эти цифровые данные показывают, что Архив Печатного двора является одним из важных московских архивов.

Наконец, должно упомянуть и о том, что этот архив помещается в старинном здании, специально устроенном в 1679 г. для хранения “кавычных” книг и рукописей. Это здание, являясь одним из выдающихся памятников русского зодчества, представляет интерес и в другом отношении: здесь с 1719 года была открыта первая в России библиотека не только для нужд служащих на Печатном дворе, но и для “всенародного” пользования.

Архив Печатного двора до сих пор числился за Синодальной типографией и был обслуживаем небольшим штатом лиц, а именно в состав служащих входили заведующий, его помощница, которая исполняла в то же время и роль переписчицы, и служитель. В настоящее время в связи с реорганизацией типографии и с переходом ее в ведение Полиграфического отдела, Архив Печатного двора остается изолированным от типографии; подобно бывшей Синодальной Патриаршей библиотеке, было бы желательно и этот Архив Печатного двора отнести к числу учреждений, подведомственных Главному архивному правлению, от такой постановки выиграло бы и общее положение архивного дела в России и положение самого Архива Печатного двора.

С 6 января сего года по распоряжению Полиграфического отдела Высшего Совета народного хозяйства в типографии производится ревизия. По сношению с Комиссией по сохранению памятников при М.С.Р.Д. члены ревизии наложили печати и на здание Архива Печатного двора, и с 29 января архив бездействует.

Заведующим библиотекой состоит Алексей Алексеевич Покровский, окончивший курс историко-филологического факультета Московского университета

и работает в этом архиве 18 лет; оклад жалования – 670 р. в месяц. Помощницей состоит Евгения Аполлоновна Костюрина с окладом в 540 р. в месяц.

Служителем состоял до сих пор один из чередных служителей (дворников) при типографии и за свой труд дополнительного вознаграждения не получал.

Заведующий б[иблите]кой А. Покровский

ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 149. Л. 1 – 2 об.

2

Записка

Архив Печатного двора разделяется на три главные части:

I) Собственно архив – это дела о печатании и продаже книг, начиная с 20-х годов XVII века. Здесь рисуется жизнь средних и низших слоев московского государства во всех ее проявлениях. Это единственный архив, где собраны документы по рабочему вопросу на протяжении целых 300 лет, архив, подобного которому нет и в Западной Европе. Эти документы важны и с другой стороны, а именно: в том отношении, что они наглядно – языком цифр и конкретных фактов рисуют картину просвещения в России, т[ак] к[ак] до половины XVIII века Московская типография была почти единственным местом, где печатались книги; далее эти документы содержат весьма важный, строго и последовательно расположенный материал по истории русской валюты. В этих документах нарисован и выпукло изображен весь старинный быт, все стороны жизни, напр[имер], здесь находим и материалы по лубочным народным картинкам; здесь помещены самые точные сведения о печатании первых русских газет; здесь находим единственный по своему богатству обширный материал по истории рус[ской] гравюры и других искусств; находим точные перечни книг, которые тогда читались, встречаем указания на разные театральные “действия”; здесь то в делах, то в челобитных изображена жизнь многих поколений печатников, начиная со дня поступления их на работу и кончая просьбами их осиротевших семейств после смерти того или другого рабочего. Словом, его содержание также многогранно, как сложна и пестра сама жизнь.

II) Второй частью архива являются старопечатные и другие книги – результат упорной трудовой работы тех лиц, о которых говорится в делах архива. Этот отдел особенно полно подобран, и по количеству старопечатных экземпляров занимает одно из первых мест в русской библиографии.

По своим внутренним признакам все старопечатные книги, входящие в этот отдел приближаются к понятию рукописных уников: это книги – корректурные оттиски с поправками, изменениями и сокращениями или с записями старинных редакторов, весьма часто с указаниями на количество, в каком выходило то или другое издание. Если в первом отделе можно найти сведения о жизни и трудах самих печатников, то здесь мы видим продук[т] их деятельности, подчас неотделанном, неотработанном еще виде.

III) Третий отдел названного архива представляет из себя собрание рукописных оригиналов, с которых печатали или с которых сличали старинные книги. Этот отдел представляет сам по себе весьма ценное собрание. Уже число одних только пергаменных рукописей-оригиналов, не говоря о рукописях бумажных, входящих в этот отдел, доходит до 180 №№. По количеству, а равно по их исторической ценности этот отдел Архива Печатного двора бесспорно занимает первое место среди всех русских библиотек и архивов, т[ак] к[ак] общее количество пергаменных рукописей, известных в настоящее время и хранящихся во всех русских и зарубежных библиотеках и музеях доходит лишь только до 400 с небольшим экземпляров. Эти пергаменные рукописи XI–XIV вв. заключают исключительной ценности материал как по истории нашего языка, так и по истории старинной рус[ской] культуры. Достаточно указать, что среди этих рукописей мы находим и знаменитую

Саввину книгу и целый ряд др[угих]. Все эти три отдела теснейшим образом слиты в одно целое и являются отдельными звеньями одной и той же драгоценной цепи. Отдел рукописей-оригиналов делается понятен лишь только благодаря архивным сведениям и в свою очередь объясняет их. Все эти отделы наглядно рисуют нам весь процесс старинного печатания во всех стадиях его развития, начиная с оригинала, кончая первыми оттисками вновь напечатанной книги.

Не лишним будет заметка о самом здании, где помещается в настоящее время главная часть Архива Печатного двора^{1*}. Это здание само по себе является одним из памятников русской архитектуры конца XVII в. (построено в 1679 г.), оно было сооружено со специальной целью, а именно для нужд библиотеки при типографии, и по своим украшениям является ярким образцом зодчества второй половины XVII в., интересно оно и по историческим данным: в нем уже до 1719 г. была открыта первая публичная библиотека. Вот почему даже в наши дни это здание особенно охотно посещается экскурсантами разных наименований и категорий.

Все это вместе взятое кладет на архив особый отпечаток: по своей структуре он представляет, с одной стороны, архив, с другой – библиотеку, а с третьей – является показательным музеем.

Такое положение побуждает с особым вниманием отнестись к этому архиву, считать приостановку его деятельности лишь только временной, и предполагаемое его причисление к губотделу архивов, заставляют считать лишь только формальным^{2*}, а не по качеству наличного научного материала.

Заведующий архивом А. Покровский

ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 149. Л. 7 – 8.

^{1*} Часть его хранится в здании типографии (примеч. А.А. Покровского).

^{2*} См. прот[окол] сов[ещания] № 86 от 18/VI 20 с. г. (примеч. А.А. Покровского).

ДОКУМЕНТЫ ЦГАЛИ СПБ О ЧАСТНЫХ БИБЛИОТЕЧНЫХ И АРХИВНЫХ СОБРАНИЯХ В ПЕТРОГРАДЕ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Книгособирательство – одна из интереснейших страниц духовной жизни Санкт-Петербурга. Истории государственных, ведомственных библиотек, петербургским библиофилам посвящены монографии, статьи, очерки. Серьезным испытанием для книжных собраний стали годы Гражданской войны и первое послереволюционное десятилетие. Книгами отапливали квартиры, их продавали на обертки рыночным торговцам и лавочникам, сдавали как макулатуру для перемалывания на бумагу. Многие книжные собрания оказались за рубежом и также пострадали. Однако судьба ведомственных и частных библиотек могла оказаться трагичнее, если бы не организация в 1918 г. библиотечной секции при Народном комиссариате по просвещению РСФСР.

Выдающийся филолог и книговед П.Н. Берков (1896–1969) в монографии об истории советского библиофильства отметил: “Если о деятельности Московского библиотечного отдела мы располагаем более или менее точными фактическими сведениями, то нельзя сказать того же о Петроградском отделе”¹. Документальные свидетельства, на отсутствие которых

¹ Берков П.Н. История советского библиофильства. М., 1983. С. 54.

указывал П.Н. Берков, содержатся в архивных источниках, в частности, в делах фонда “Государственный музейный фонд Наркомпроса РСФСР” в ЦГАЛИ СПб.

В хранилища и на склады Музейного фонда свозились не только художественные предметы из национализированных дворцов, особняков и квартир, оставленных владельцами, но и библиотечные собрания. На основании декрета Совета Народных Комиссаров “Об охране библиотек и книгохранилищ” от 17 июля 1918 г. при Художественной комиссии по охране памятников искусства и старины (с ноября 1918 г. – Отдел по охране, учету и регистрации памятников искусства и старины) Наркомпроса РСФСР была образована библиотечная секция (третья секция).

Наряду с книгами частные библиотеки содержали разнообразные рукописи, поэтому работа секции проводилась в сотрудничестве с Петроградским отделением Главного управления архивным делом (далее – ГУАД).

В докладных записках, переписке, актах передачи книг содержатся сведения о перемещении библиотек ликвидированных учреждений, об условиях хранения частных библиотек. В августе 1918 г. возник вопрос о библиотеке ликвидированного Санкт-Петербургского училища правоведения, помещение которого передавалось Агрономическому институту. Библиотека насчитывала около 10 тыс. томов. Искусствовед и библиофил В.А. Верещагин в своем заключении подчеркнул необходимость “обратиться с ходатайством к Главному управлению архивов о возможно бережном хранении этой библиотеки в целом и неприкосновенном ее составе”².

Значительный интерес представляют подробные отчеты о состоянии библиотеки и архива графов Воронцовых, библиотек в доме графа А.А. Бобринского, в квартирах академика Н.П. Кондакова, профессора Ю.Ю. Иверсена и др.³ В отчете об осмотре библиотеки директора Алтайских горных заводов инженера А.И. Красносельского, где, как предполагалось, хранилась библиотека и рукописи социолога, публициста Н.К. Михайловского, эксперт библиотечной секции В.А. Пасенко писал, что библиотечная комната и кабинет владельца квартиры сильно пострадали в результате разгрома, который произвели в квартире поселившиеся там в декабре 1917 г. красноармейцы. Рукописи Н.К. Михайловского, по предположению В.А. Пасенко, были сожжены. После составления описей книжные шкафы и двери, ведущие в библиотечную комнату и кабинет, были опечатаны⁴.

С осени 1918 г. в Отдел по охране, учету и регистрации памятников искусства и старины стали поступать прошения о взятии частных библиотек под охрану. В документах Музейного фонда хранятся заявления профессора И.И. Толстого о взятии под охрану его собрания книг по классической филологии⁵, П.Н. Столпянского о выдаче охранного свидетельства на его библиотеку по истории Петербурга⁶ и др. В удостоверениях, выдаваемых владельцам частных библиотек, указывалось: “Библиотека находится на учете и под охраной Правительства и состоит в ведении Отдела по охране, учету и регистрации памятников искусства и старины, а потому без

² ЦГАЛИ СПб. Ф. 36. Оп. 1. Д. 23. Л. 3.

³ Там же. Д. 41. Л. 43–44 об., 69, 42, 19.

⁴ Там же. Д. 23. Л. 8–9.

⁵ Там же. Д. 56. Л. 28–29.

⁶ Там же. Д. 343. Л. 1–3.

особого на то разрешения означенного отдела не может быть перемещена и не подлежит никаким реквизициям”⁷.

Архивно-книжное отделение склада Государственного музейного фонда помещалось при Дворце-музее С.Д. Шереметева (набережная р. Фонтанки, 34), другим местом хранения был Ново-Михайловский дворец (Дворцовая набережная, 18), отдельные библиотечные собрания перевозились во дворец Строгановых (Невский проспект, 17). Архивно-книжный склад продолжал работу до 1925 г., о чем свидетельствуют переписка и реестры описей книжных и архивных фондов, хранящихся на складе⁸.

Значительная часть книг поступала в Государственный книжный фонд, созданный в октябре 1919 г., который снабжал государственные библиотеки и в первую очередь Российскую Публичную библиотеку. В докладной записке заведующего Петроградским отделением Государственного книжного фонда М.М. Саранчина за 1922 г. сообщалось о том, что Публичной библиотеке передано 15 тыс. книг⁹.

20 декабря 1919 г. Петроградский совет рабочих и красноармейских депутатов издал постановление “О муниципализации крупных книгохранилищ”, в котором указывалось: «Немедленной муниципализации подлежат книжные склады, магазины и все принадлежащее им имущество следующих крупных издательств и книготорговых фирм: “Маркс”, Давриеля, “Просвещение”, “Брокгауз и Ефрон”, Вольфа, Карбасникова, Панафидина, Голльст, “Провинция”, Рокера, Сыркина, Глазунова, Башмакова, Цуккермана, Базлова, Сытина. Общее руководство по исполнению настоящего постановления возлагается на отдел печати Петроградского Совета, Петроградское отделение Государственного издательства и “Севцентрочепать”»¹⁰.

20 апреля 1920 г. СНК РСФСР принял “Декрет о национализации запасов книг и иных печатных изданий”¹¹. В дополнение к нему 5 мая 1920 г. последовало следующее разъяснение Совнаркома: “Запасы Петербурга как имеющие общегосударственное значение берутся на учет на таком же основании как и московские книжные запасы, то есть через Центральную учетную комиссию при Наркомпросе”¹².

9 мая 1920 г. отдел печати Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов получил приказ от Центральной учетной комиссии “опечатать все книжные лавки, склады. Списки книг направлять в Москву в Центральную учетную комиссию [...]. Организовать местную распределительную комиссию, задача которой будет – распределение книг Петрограда между соответствующими органами”¹³. Национализированные книги свозили в склад Петроградской комиссии по учету и распределению национализированных запасов книг на Невском проспекте, 12. Межведомственный характер комиссии становился тормозом в работе и с 1 января 1922 г. произошла ее ликвидация, а книжный склад перешел в ведение Петроградского отделения Государственного издательства¹⁴.

⁷ Там же. Д. 41. Л. 59.

⁸ Там же. Д. 198. Л. 1–3.

⁹ Там же. Ф. 70. Оп. 1. Д. 9. Л. 33.

¹⁰ Там же. Ф. 35. Оп. 1. Д. 6. Л. 56.

¹¹ Известия Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов. 1920. 10 мая.

¹² ЦГАЛИ СПб. Ф. 35. Оп. 1. Д. 6. Л. 20.

¹³ Там же. Л. 23.

¹⁴ Там же. Ф. 70. Оп. 1. Д. 9. Л. 36 об.

Публикуемые ниже документы, сгруппированные по персональной принадлежности частных библиотек и коллекций, свидетельствуют, что наряду с неминуемыми утратами многие ценные книжные собрания и исторические рукописи удалось сохранить в Петрограде лишь благодаря своевременным принятым мерам. Документы по истории архива графов Воронцовых, библиотек великого князя Николая Михайловича, профессора Ю.Ю. Иверсена, В.Д. Набокова, Е.И. Чертковой в первые месяцы и годы после революций 1917 г., могут, думается, помочь в выяснении последующей их исторической судьбы и современного местонахождения.

М.П. Ирошников, В.П. Ярошецкая

1

Письмо Военно-революционного комитета Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов в Исполнительный Комитет Совета Фабричных и Солдатских Депутатов Васильевского острова

№ 3174

10 ноября 1917 г.

В ответ на Ваше отношение за № 1185 Военно-Революционный Комитет извещает Вас, что им разрешено реквизировать для организации фабричных и заводских комитетов Васильеостровского района помещение на Васильевском острове по Большому проспекту № 79 княжны Чертковой¹.

Председатель А. Иоффе²
Секретарь С. Гусев³

Резолюция: "Постановление это отменено, согласно заключения Совета Народных Комиссаров. Помещение Чертковой не реквизировать в виду исторической библиотеки в нем находящейся.

За председателя*
Секретарь С. Гусев
22 ноября 1917 г."

ЦГАЛИ СПб. Ф. 36. Оп. 1. Д. 23. Л. 28. Подлинник.

2

Удостоверение Российской академии наук

г. Петроград

30 октября 1918 г.

Сим удостоверяется, что в доме № 79 по Большому проспекту Васильевского острова хранится обширное собрание книг и художественных предметов, в 1915 году принесенное владелицей дома Елизаветой Ивановной Чертковой в дар Библиотеке Российской Академии Наук и временно за отсутствием подходящего помещения не перевезенное в здание Академии, а посему означенный дом требует самой тщательной охраны, не подлежит реквизиции и вселение в него не должно быть допускаемо.

В виду сего Российская Академия Наук просит все учреждения и лиц, от коих сие зависит, охранять означенный дом от вселения в него посторонних лиц, признавая его состоящим под особым покровительством Российской Академии Наук.

За неперменного секретаря
Правитель канцелярии Конференции

А. Шахматов⁴
В. Барановский⁵

ЦГАЛИ СПб. Ф. 36. Оп. 1. Д. 23. Л. 27. Подлинник.

* Подпись неразборчива.

3

Отношение уполномоченных Народного комиссариата юстиции РСФСР по делам архивов и книжных хранилищ на территории Петроградской трудовой коммуны в Центральный комитет по управлению архивов и библиотек РСФСР

г. Петроград № 40

8 мая 1918 г.

Мы, уполномоченные по делам архивов и книжных хранилищ Комиссариата юстиции, обязаны уведомить Комитет о необходимости принятия мер по охране библиотеки, принадлежащей покойному Витте⁶ (Каменноостровский, 5), так как, по дошедшим до нас сведениям, эта библиотека перевозится без предварительной описи книжного имущества.

Р. Тотенборн⁷ и С. Драницын⁸

ЦГАЛИ СПб. Ф. 36. Оп. 1. Д. 23. Л. 11 об. Заверенная копия.

4

Отношение заведующего научным отделом Народного комиссариата по просвещению РСФСР Д.Б. Рязанова в Комиссию по охране, учету и регистрации памятников искусства и старины

г. Петроград № 45

9 августа 1918 г.

Признавая необходимость сохранения состава как книжных фондов, так и связанных с ними художественных и историко-бытовых предметов и рукописей бывших императорских библиотек впредь до окончания производимой им описи, которая должна выяснить этот состав и лечь в основание рационального решения вопроса о дальнейшем порядке хранения или частичного пересмотра и распределения названных собраний, прошу Комиссию по охране и регистрации памятников старины и искусства иметь в виду, что никакие распоряжения, направленные на перемещение этих книжных фондов и связанных с ними музейно-библиотечных коллекций на их разделение или иное распределение не могут быть произведены без ведома и согласия научного отдела Народного комиссариата по просвещению.

Заведующий научным отделом Д. Рязанов⁹
Секретарь М. Кристи¹⁰

ЦГАЛИ СПб. Ф. 36. Оп. 1. Д. 23. Л. 6. Подлинник.

5

Отношение Художественной комиссии по охране памятников искусства и старины в библиотечный отдел Главного управления архивным делом Народного комиссариата по просвещению РСФСР

№ 721

28 октября 1918 г.

В доме Набокова¹¹ (Морская, 47) имеется библиотека, преимущественно по юриспруденции, нуждающаяся в охране ввиду занятия дома Военным Комиссариатом.

Об изложенном Комиссия по охране и регистрации памятников искусства и старины доводит до сведения и на распоряжение Библиотечного отдела Главного управления архивов.

За председателя комиссии В. Суслов¹²
Исп. обязанности секретаря Н. Александрова

ЦГАЛИ СПб. Ф. 36. Оп. 1. Д. 23. Л. 13. Заверенная копия.

6

Письмо Главного управления архивным делом Народного комиссариата по просвещению РСФСР в Художественную комиссию по охране памятников искусства и старины

2 ноября 1918 г.

Вследствие отношения от 28 октября 1918 г. за № 721 Главное управление архивным делом уведомляет, что вместе с сим Главным управлением поручено инспектору его В.И. Ромишовскому¹³ озаботиться принятием мер к охране имеющейся в доме Набокова (Морская, 47) библиотекой.

За заведующего Главным управлением С. Платонов¹⁴

ЦГАЛИ СПб. Ф. 36. Оп. 1. Д. 23. Л. 15. Подлинник.

7

Из доклада сотрудника Художественной комиссии по охране памятников искусства и старины Д.А. Коптева о библиотеке великого князя Николая Михайловича

13 ноября 1918 г.

[...] Библиотека б[ывшего] в[еликого] к[нязя] Николая Михайловича¹⁵ представляет собрание книг по истории, относящихся к эпохам царствования Павла I¹⁶, Александра I¹⁷ и войн Наполеона I¹⁸.

В числе изданий имеется немало редких, представляющих значительную ценность.

В числе альбомов с рисунками (гравюрами, литографиями и т.п.) имеются также редкие экземпляры. Между ними обращает на себя внимание жестяной пенал с написанною пером, акварелью и гуашью панорамой Санкт-Петербурга в виде свитка длиной 10 аршин с двумя верхками. Работа эта выполнена с натуры художником, выписанным из Италии (Toselli Angello¹⁹, Bobognese) при Александре I. Как видно из надписи художника, работа эта была начата им в 1817 году и окончена в 1820 году. Все виды С.-Петербурга по реке Неве оживлены массою фигур людей, экипажей, животных, судов и лодок на реке и представляют пеструю картину уличной жизни того времени.

В числе рукописей имеются подлинные письма и бумаги с автографами исторических личностей эпохи Наполеона I, приобретавшихся у антикваров в Париже, а также Людовика XVIII²⁰, Наполеона I, Жозефины²¹.

Из рукописных материалов, между прочим, усматривается, что б[ывшим] в[еликим] к[нязем] Николаем Михайловичем был приобретен за крупную сумму альбом Антинга²² (собрание силуэтов, представляющее большую редкость), причем Николай Михайлович, написавший биографию Антинга, имел намерение выпустить в свет с воспроизведением альбома по его эскизу в Экспедиции заготовления государственных бумаг, а самый альбом пожертвовать Эрмитажу или музею Александра III²³.

Вместе с тем, по некоторым отметкам на рукописи можно предположить, что работа эта производилась в Экспедиции в 1917 году. Между тем, она не вышла в свет, и подлинник альбома в Михайловском дворце не найден, поэтому казалось бы необходимым навести по этому предмету справки в бывшей экспедиции заготовления государственных бумаг.

Д. Коптев²⁴

ЦГАЛИ СПб. Ф. 36. Оп. 1. Д. 23. Л. 38 об., 39. Подлинник.

8

Удостоверение Отдела по охране, учету и регистрации памятников искусства и старины сотруднику А.А. Войтову²⁵

25 декабря 1918 г.

Отдел по охране, учету и регистрации памятников искусства и старины (бывшая Комиссия того же наименования) сим поручает Вам наложить печати на подвальное помещение дома № 10 по Моховой улице в целях охраны находящегося в указанном помещении архива Воронцовых, имеющего национальное культурно-просветительное значение.

Исполняющий обязанности заведующего отделом Б. Надеждин²⁶
Заведующая канцелярией Н. Александрова

ЦГАЛИ СПб. Ф. 36. Оп. 1. Д. 23. Л. 31. Заверенная копия.

9

Отношение Отдела по охране, учету и регистрации памятников искусства и старины в Археологический институт

27 января 1919 г.

Соответственно личным переговорам Директора института С.Ф. Платонова с исполняющим обязанность заведующего Отделом по охране, учету и регистрации памятников искусства и старины Б.А. Надеждиным для составления предварительной краткой описи перевезенного в институт архива Воронцовых на предмет передачи его в распоряжение Главного управления архивным делом командирован от отдела сотрудник Дмитрий Алексеевич Коптев, о чем Отдел доводит до сведения Археологический институт.

ЦГАЛИ СПб. Ф. 36. Оп. 1. Д. 41. Л. 9. Заверенная копия.

10

Отчет сотрудника Отдела по охране, учету и регистрации памятников искусства и старины Д.А. Коптева о составе архива графов Воронцовых

15 марта 1919 г.

Доношу Отделу, что возложенная на меня разборка ящиков с рукописями архива графов Воронцовых закончена. Требовавшаяся спешность разгрузки не дала возможности в короткое время ознакомиться во всех деталях с настоящим состоянием архива, но общая картина его неутешительна и приведение его наличности в порядок потребует немало труда.

Прежде всего, по некоторым данным можно полагать, что разнообразные ящики не заключают всего рукописного материала графов Воронцовых, ибо в них почти не имеется оригиналов, бывших в переплетах. Связок с бумагами, отмеченных ярлыками Архива, также немного, большая часть бумаг разбита и не имеет нумерации описи архива. Некоторые бумаги оказались подмоченными, пропитанными грязью, страницы разорванными, покрытыми плесенью и даже обгорелыми. Из них часть можно считать совершенно погибшею, ибо текста бумаг не сохранилось и бумага несколько потемнела и при дотрагивании распадается.

Беглый обзор всего рукописного материала показывает, что он состоит из разных бумаг и документов пяти архивов графов Воронцовых, начиная с 1740-х годов по 1880-ые годы, а именно: графов Михаила Ларионовича²⁷, Романа Ларионовича²⁸, Александра Романовича²⁹, Семена Романовича³⁰, Михаила Семеновича³¹ и отчасти его ближайших наследников. Архив содержит следующие главные категории дел и бумаг.

1. Дипломатические (трактаты, конвенции, конференции, журналы, сношения с правителями иностранных держав, проекты и всякого рода сведения по части дипломатии в виде записок, выписок, черновых проектов и т.д.).

2. Служебные дела и переписка с графами Воронцовыми по государственным должностям, их записи, доклады, рапорты в черновиках.

3. Дела разных учреждений.

4. Разные исторические сведения, относящиеся к России и другим государствам Европы и Азии (Китай и Персия).

5. Ответная переписка графов Воронцовых и с ними их современников, в числе коих были и царственные особы.

6. Многочисленные бумаги вотчинного характера по имениям графов Воронцовых и управлению ими, инвентарные описи движимости, всякого рода отчеты, ведомости, счета, квитанции кухонным расходам.

Насколько было возможно при разгрузке дела и бумаг распределены по двум главным категориям 1) дел и бумаг XVIII и начала XIX вв., относящиеся к деятельности графов Михаила Ларионовича, Романа Ларионовича, Александра Ларионовича и Семена Романовича Воронцовых и 2) дел и бумаг, относящихся к деятельности генерал-фельдмаршала Михаила Семеновича Воронцова с распределением соответственно прохождению его службы на Кавказе, участию в Отечественной войне, военных действиях в Задунайской кампании и управлению Новороссийским наместничеством.

Из этой категории дел и бумаг выделены все же которые, судя по некоторым пометам, были уже напечатаны в издании Архива графов Воронцовых³², а также бумаги к управлению имениями и домами под названием "домашняя частная родственная переписка".

В виду того, что разорванные бумаги в настоящее время обсохли возможно приступить к более подробной их разборке и описанию по несколько другой системе, соответственно назначению, которое дано будет Архиву и месту его хранения.

Сотрудник отдела Д.А. Коптев

ЦГАЛИ СПб. Ф. 36. Оп. 1. Д. 41. Л. 43, 43 об., 44, 44 об. Подлинник.

**Отношение библиотечного отдела Комиссариата
народного просвещения Союза коммун Северной области РСФСР
в библиотечную секцию Отдела по охране, учету
и регистрации памятников искусства и старины Б.А. Надеждину**

8 февраля 1919 г.

Препровождая при сем отношение Российской Академии Наук от 3 февраля с.г. за № 165 Библиотечный отдел Комиссариата народного просвещения в исполнение постановления I сессии Государственных библиотек от 12 августа 1918 г. о передаче арабских рукописей из библиотеки Зимнего дворца в Азиатский музей Российской Академии Наук просил Библиотечную секцию Комиссии по охране памятников озаботиться оказанием всяческого содействия командированному Академией проф. И.Ю. Крачковскому³³ в деле передачи ему означенных рукописей.

При этом Отдел считает нужным указать, что согласно положению о Центральном Комитете Государственных библиотек, опубликованному в “Северной Коммуне” от 29 декабря 1918 года, распределение дворцовых библиотек должно происходить по взаимному согласию Библиотечного отдела и Комиссии по охране памятников искусства старины.

За зав. библиотечным отделом*
За секретаря Н. Архангельская

ЦГАЛИ СПб. Ф. 36. Оп. 1. Д. 41. Л. 11, 11 об. Подлинник.

12

**Докладная записка В.Ф. Левинсона-Лессинга
в библиотечную секцию Отдела по охране, учету
и регистрации памятников искусства и старины**

22 февраля 1919 г.

2-ой секцией отдела мне было поручено произвести осмотр квартиры профессора Ю.Ю. Иверсена³⁴ (Гороховая, 31), что мною и было исполнено 20–21 февраля 1919 г.

Профессором Иверсеном занимались две смежные квартиры (№№ 9 и 10), из коих одна в настоящее время опечатана Жилищным отделом Спасского Совета и предназначена для вселения семей красноармейцев; в одной из комнат квартиры находится ценное собрание монет, медалей и печатей (собрание известного нумизмата Ю.Б. Иверсена³⁵, автора труда “Медали в честь русских государственных деятелей” и др. – отца проф. Ю.Ю. Иверсена), картины и библиотека. К охране собрания медалей, гравюр (большое собрание гравированных портретов) и картин 2-ой секцией будут приняты соответствующие меры, что же касается библиотеки, то таковая могла бы быть принята 3-ей секцией. В виду того, что на библиотеку предъявляет претензии Культурно-просветительный отдел Спасского Совета, желательно было бы провести это дело в срочном порядке. В настоящее время библиотека находится в крайне хаотическом состоянии; книги свалены на полу в кучу, частью изорваны, смяты, повреждены; во время моих посещений квартиры я постарался до некоторой степени разобраться в этом хаосе и наиболее ценные убрать в шкафы, но ближайшее посещение квартиры контролерами жилищного отдела неминуемо приведет библиотеку в прежний вид. Между тем, библиотека заключает в себя ряд ценных и

* Подпись неразборчива.

редких изданий, и ее специальный научный характер вряд ли может представлять серьезный интерес для культурно-просветительного отдела.

В ней имеется довольно большой подбор изданий авторов, среди прочих издания XVI–XVIII вв. (в том числе небольшое собрание эльзевиров), русской истории XVIII–XIX столетий.

Считаю своим долгом довести о вышеуказанном до сведения 3-ей секции. Полагаю, что меры по охране библиотеки следовало бы принять как можно скорее и в соответствии с мерами охраны, предпринимаемыми 2-ой секцией по отношению к собранию медалей и гравюр (в тесном контакте с 2-ой секцией).

Сотрудник отдела Вл. Левинсон-Лессинг³⁶

ЦГАЛИ СПб. Ф. 36. Оп. 1. Д. 41. Л. 15, 15 об. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Черткова Елизавета Ивановна (урожденная графиня Чернышева-Кругликова) (1832–1922) – вдова генерал-адъютанта Григория Ивановича Черткова (1828–1884). Их сын Владимир Григорьевич Чертков (1854–1936) вместе с Л.Н. Толстым в декабре 1884 г. организовал издательство “Посредник”. В 1897 г. за Воззвание о помощи духоборам он был выслан за границу. В Англии В.Г. Чертков организовал издательство “Свободное слово”, в котором печатал сочинения, запрещенные в России.
- ² Иоффе Адольф Абрамович (1883–1927) – один из руководителей Петроградского Военно-революционного комитета в ноябре 1917 г.
- ³ Гусев Сергей Иванович (Драбкин Яков Давыдович) (1874–1933) – секретарь Петроградского Военно-революционного комитета в ноябре 1917 г.
- ⁴ Шахматов Алексей Александрович (1864–1920) – языковед, историк древнерусской литературы. Академик Петербургской академии наук (с 1894 г.), директор 1-го отделения Библиотеки Академии наук (с 1899 г.).
- ⁵ Барановский Василий Рафаилович (?–?) – правитель Канцелярии Конференции Российской академии наук в 1918–1920 гг.
- ⁶ Витте Сергей Юльевич (1849–1915) – политический деятель, министр финансов (1892–1903), председатель Комитета министров (1903–1905), председатель Совета министров (1905–1906).
- ⁷ Тотенборн (Теттенборн) Ричард Андреевич (?–?) – юрист.
- ⁸ Драницын Сергей Никанорович (?–?) – юрист.
- ⁹ Рязанов (Гольдендах) Давид Борисович (1870–1938) – деятель российского революционного движения, директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса (1921–1931).
- ¹⁰ Кристи Михаил Петрович (1875–1956) – юрист, государственный деятель, заведующий Петроградским управлением научными учреждениями Академического центра Наркомпроса РСФСР (1918–1926).
- ¹¹ Набоков Владимир Дмитриевич (1869–1922) – политический деятель, профессор уголовного права в Санкт-Петербургском училище правоведения (1896–1904), один из основателей Конституционно-демократической партии, депутат 1-й Государственной думы. После Февральской революции 1917 г. управляющий делами Временного правительства. Уехал из Петрограда 29 ноября 1917 г. в Крым, в апреле 1919 г. вместе с семьей эмигрировал за границу.
- ¹² Суслев Владимир Васильевич (1857–1921) – академик архитектуры, профессор Академии художеств (1902–1918), заведующий архитектурной секцией Отдела по охране, учету и регистрации памятников искусства и старины Наркомпроса РСФСР (1918–1920).
- ¹³ Ромишовский Виталий Иванович (1876–?) – историк, архивист, инспектор ГУАД, уволен 1 августа 1921 г. по сокращению штата.
- ¹⁴ Платонов Сергей Федорович (1860–1933) – историк, профессор Петербургского университета (с 1899 г.), академик АН СССР (1920–1931), председатель Археографической комиссии (1918–1929), директор Библиотеки Академии наук (1925–1928) и Пушкинского Дома (1925–1929).
- ¹⁵ Николай Михайлович (1859–1919) – великий князь, генерал-адъютант, председатель Русского исторического общества (1909–1917). Автор исследований по русской истории первой четверти XIX в. Летом 1918 г. был арестован, расстрелян в Петропавловской крепости 28 января 1919 г.

- ¹⁶ Павел I Петрович (1754–1801) – император (с 1796 г.).
- ¹⁷ Александр I Павлович (1777–1825) – император (с 1801 г.).
- ¹⁸ Наполеон I Бонапарт (1769–1821) – французский император.
- ¹⁹ Тозелли (Toselli) Анжело (1770–1827) – итальянский живописец и архитектор.
- ²⁰ Людовик XVIII (Louis XVIII, Луи-Стонислос-Ксавье (Louis Stonislos Xavier) (1755–1824) – король Франции (1814–1824).
- ²¹ Жозефинна Богарне (Joséphine de Beauharnais, урожд. Мари Роз Жозефа Тоше де ла Пажери) (1763–1814) – первая жена Наполеона I, императрица Франции (1804–1809).
- ²² Антинг Фридрих Иоганн (Федор Иванович) (1765–1805) – адъютант фельдмаршала А.В. Суворова, автор книги “Жизнь и военные деяния генералиссимуса, князя Итальянского, графа Суворова-Рымнического”. СПб., 1799–1800. Ч. 1–2.
- ²³ Александр III Александрович (1845–1894) – император (с 1881 г.).
- ²⁴ Коптев Дмитрий Алексеевич (1850–?) – юрист, статс-секретарь Государственного совета (1916 г.), сотрудник Художественной комиссии по охране памятников искусства и старины (1918–1919).
- ²⁵ Войтов Александр Александрович (1893–1966) – специалист в области русской нумизматики и геральдики, сотрудник Государственного Русского музея (1927–1936, 1953–1966).
- ²⁶ Надеждин Борис Александрович (1882–?) – историк искусства, заведующий библиотечной секцией Отдела по охране, учету и регистрации памятников искусства и старины Наркомпроса РСФСР (1918–1921), заведующий историко-бытовым отделом Музейного фонда (1921–1926), научный сотрудник Государственного Эрмитажа (1926–1935).
- ²⁷ Воронцов Михаил Илларионович (1714–1767), граф – государственный канцлер (1758–1763).
- ²⁸ Воронцов Роман Илларионович (1707–1783) – генерал-поручик, сенатор.
- ²⁹ Воронцов Александр Романович (1741–1805) – граф; государственный канцлер (1802–1804).
- ³⁰ Воронцов Семен Романович (1744–1832), граф – полномочный министр в Венеции (1783–1785), в Лондоне (1785–1806).
- ³¹ Воронцов Михаил Семенович (1782–1856) – князь; генерал-фельдмаршал, генерал-губернатор Новороссии и наместник Бессарабской области (1823–1844), наместник Кавказа и главнокомандующий Отдельным кавказским корпусом (1844–1854).
- ³² “Архив кн. Воронцова” – издание с 1870 по 1891 г. под редакцией П.И. Бартенева.
- ³³ Крачковский Игнатий Юлианович (1883–1951) – специалист по истории арабской литературы, профессор Петроградского университета (с 1918 г.), академик (с 1921 г.).
- ³⁴ Иверсен Юлий Юльевич (?–?) – врач-инфекционист, заведующий отделением Обуховской больницы.
- ³⁵ Иверсен Юлий Богданович (1823–1890) – исследователь русских медалей, старший хранитель минц-кабинета в Императорском Эрмитаже (с 1879 г.).
- ³⁶ Левинсон-Лессинг Владимир Францевич (1893–1972) – искусствовед, сотрудник Отдела по охране, учету и регистрации памятников искусства и старины (1918–1919), библиотекарь и научный сотрудник художественного отдела Русского музея (1919–1923), научный сотрудник картинной галереи Государственного Эрмитажа (с 1921 г.), профессор отдела истории западноевропейского искусства Государственного Эрмитажа (1932–1972).

СТАТЬИ Д.С. ЛИХАЧЕВА ДЛЯ КРАТКОГО БИОГРАФИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ “ВЫДАЮЩИЕСЯ ДЕЯТЕЛИ НАШЕЙ РОДИНЫ”

28 мая 1946 г. президент Академии наук СССР академик С.И. Вавилов выступил на заседании ее Президиума с докладом «Об издании словаря “Выдающиеся деятели нашей Родины”», в основу которого было положено соответствующее предложение от Комиссии по изданию научно-популярной литературы. В результате обсуждения доклада было решено уже во второй половине 1947 г.¹ выпустить краткий однотомный словарь

¹ АРАН. Ф. 2 (Канцелярия Президиума АН СССР). Оп. 6. Д. 53. Л. 243.

объемом 100 печатных листов (приблизительно 1000 имен), под редакцией видного советского партийного деятеля профессора Ф.Н. Петрова, в те годы – директора Государственного института “Советская энциклопедия”.

К составлению словаря кроме Академии наук СССР были привлечены Академия педагогических наук РСФСР, Академия медицинских наук СССР, Академии наук союзных и партийные организации автономных республик*. Приглашения участвовать в подготовке словаря рассылались и отдельным ученым. Получил такое приглашение и старший научный сотрудник Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом), доцент Ленинградского государственного университета Д.С. Лихачев. В письме от 24 сентября 1946 г. он, благодаря Ф.Н. Петрова за приглашение, давал согласие написать биографию Александра Невского, сообщая при этом, что готов написать биографии академика А.А. Шахматова, Нестора Летописца, протопопа Аввакума, а также Ярослава Мудрого и Дмитрия Донского². 5 ноября 1946 г. он выслал Петрову подготовленную статью “Александр Невский”, а затем статьи “Аввакум”, “А.А. Шахматов”. Сообщив Лихачеву 13 декабря 1946 г., что его статья об Александре Невском для словаря “вполне подходит”, Петров продолжал: «К моему большому огорчению не могу сказать того же о биографиях Шахматова и Аввакума. Они Вам не удалось, – не тот стиль. Надо дать в доступном изложении, но более строго научно. В биографии Аввакума самое ценное – его “Житие”. Это произведение следовало бы сделать центром биографии, показав его научное, литературное и политическое значение»³. Второй вариант статьи о А.А. Шахматове был подготовлен Д.С. Лихачевым 7 января 1947 г., статья о Несторе Летописце и второй вариант статьи об Аввакуме – 10 января 1947 г. Все три статьи были получены в редакции Словаря 4 февраля 1947 г., но были отклонены редакцией по разным причинам. Статье Д.С. Лихачева о Несторе Летописце предпочли аналогичную статью А.А. Зимина, статью о А.А. Шахматове было решено перезаказать академику С.П. Обнорскому, а второй вариант статьи об Аввакуме, как и первый, был сочтен не подходящим. Статья об Александре Невском была принята к изданию, на ее экземпляре имеется помета от 20 февраля 1951 г. о считке отредактированной статьи с макетом издания⁴. О статьях этих не выявлено упоминаний в трудах, посвященных Д.С. Лихачеву.

Распоряжением Президиума АН СССР от 21 ноября 1952 г. подготовку словаря “Выдающиеся деятели нашей Родины” решено было прекратить, а подготовленные статьи направить в Архив Академии наук СССР, куда они и были сданы в 1953 г.

В.Г. Бухерт

* *От ред.:* в АЕ за 2007 год будет опубликована статья В.Г. Бухерта «Краткий биографический словарь “Выдающиеся деятели нашей Родины” (1946–1952 гг.)».

² АРАН. Ф. 609 (Краткий биографический словарь “Выдающиеся деятели нашей Родины”). Оп. 1. Д. 559. Л. 52.

³ Там же. Л. 53.

⁴ Там же. Д. 473. Л. 8.

Аввакум, протопоп. Родился в 1620 или 1621 г. в бедной крестьянской семье Нижегородской области. Пользовался большой славой как проповедник. Первые церковные реформы Никона вызвали резкий протест А[ввакума]. Темпераментная, “огнепальная” проповедь А[ввакума] нашла себе многих сторонников в разнообразных социальных группах – угнетенных или просто оппозиционных власти и высшему духовенству: среди низшего и среднего духовенства, среди крестьянства, мелкой городской буржуазии – “посадских”, и даже среди оппозиционной части боярства. А[ввакума] сослали в Тобольск, затем в “Даурскую землю” – до Нерчинска и Амура, но А[ввакум] продолжал обличения. В 1663 г. А[ввакума] возвратили в Москву и пытались уговоривать. Однако А[ввакум] вновь обличал реформы. Его снова держали в тюрьмах, в конце концов сослали на Мезень. В 1666 г. его вернули в Москву, увещевали на церковном соборе, а затем расстригли при огромном стечении народа и предали анафеме. В свою очередь А[ввакум] предал анафеме отлучивших. В 1667 г. его били кнутом и сослали в Пустозерск. Отсюда, через своих многочисленных сторонников А[ввакум] рассылал обличительные послания. Его влияние росло и грозило серьезными государственными потрясениями. 14 апреля 1682 г. А[ввакум] был сожжен в срубе “за великие на царский дом хулы”.

Крайний консерватор по убеждениям А[ввакум] был, тем не менее, полон противоречий. Его староверству предшествовал период церковного реформаторства. Прежде чем стать противником церковных исправлений Никона, он сам исправлял книги, вводил в церковную практику проповедь и единоголосное пение. Наряду с защитой старины А[ввакум] боролся против высшего духовенства, против насилий и злоупотреблений властей. Последователи А[ввакума] восприняли по преимуществу консервативную сторону его проповеди.

Также противоречива была и литературная деятельность А[ввакума]. Ему принадлежит 78 сочинений. По содержанию произведения А[ввакума] тянут к прошлому, но живое, темпераментное изложение, богатая образность, многочисленные картины живого быта являются предвестниками литературы нового времени. Прирожденный оратор, он оставался таким и в своих сочинениях. Он вводит в свои произведения свободное просторечие, он пишет, как бы беседа или проповедуя, сохраняя в письме все особенности живой, устной речи. По словам М. Горького, язык и стиль его сочинений “остается непревзойденным образцом пламенной и страстной речи бойца” (“О литературе”, статьи и речи 1928–1936 гг., стр. 143). И. Тургенев говорил об Аввакуме, что он писал таким языком, что “каждому писателю следует изучать его” (А.Л. “Мое знакомство с Тургеневым”, Сев[ерный] вестник, 1887, № 3, стр. 234). Своеобразное литературное дарование А[ввакума] ярче всего проявилось в его “Житии”, написанном им в пустозерской земляной тюрьме, вероятно, в 1672–1673 гг. Это, по существу, первый опыт автобиографии в русской литературе. Картины величественной сибирской природы, яркие сцены произвола и насилий властей, проникновенная лиричность отдельных страниц и превосходный язык делают Житие одним из лучших произведений древней русской литературы. Оно неоднократно переводилось и выдержало по несколько изданий на английском, французском и немецком языках.

Литература об А[ввакуме]:

- 1) Житие протопопа Аввакума, им самим написанное и другие его сочинения, ред., вступ. статья и комм. Н.К. Гудзия, 1934.
- 2) “Памятники истории старообрядчества XVII в.” под ред. Я.Л. Барскова и П.И. Смирнова, кн. I, вып. I, изд. АН СССР, Л., 1927.
- 3) А.К. Бороздин. Протопоп Аввакум: Очерк из истории умственной жизни русского общества в XVII в., изд. 2, 1900.

Д. Лихачев

10. I. [19]47 [г.]

АРАН. Ф. 609 (Краткий биографический словарь “Выдающиеся деятели нашей Родины”). Оп. 1. Д. 470. Л. 1–2. Машинопись, подпись и дата – автограф. На первом листе текста резолюция Ф.Н. Петрова: “В таком виде не может пойти”.

№ 2

Александр Невский (1220–1263) – князь новгородский, а затем великий князь владимирский, сын великого князя Ярослава Всеволодовича*. Родился 30 V 1220 [г.] (или 1219 [г.]) в Переяславле-Залесском. Восьми лет А[лександр] вместе со своим братом Федором (ум. в 1233 [г.]) был посажен отцом княжить в Новгороде под руководством двух мужей суздальцев, но вскоре вынужден был бежать. В 1230 [г.]. А[лександр] вернулся в Новгород и с этого времени долго его не покидал. С 1236 [г.]^{1*} стал править Новгородом самостоятельно.

Годы юношеского княжения А[лександра] в Новгороде потребовали от молодого князя чрезвычайного напряжения всех его способностей: в 1237 [г.] разразилась опустошительная гроза Батыева нашествия. Войска Батгия дошли до самых границ Новгорода и внезапно повернули назад. С Запада неуклонно нарастала страшная опасность немецкого вторжения. Еще в 1224 [г.], пользуясь поражением русских сил на Калке, меченосцы, после отчаянного сопротивления русских, захватили и сожгли Юрьев (Тарту), а жителей истребили. В 1237 [г.] – в год нашествия Батгия на Русь – рыцари Тевтонского ордена св. Марии и Ливонского ордена меченосцев объединились^{2*} для нового наступления на русскую землю. Рыцари были поддержаны католической церковью, призвавшей Швецию к участию в крестовом походе на Русь. Несмотря на свою молодость, А[лександр] отчетливо видел опасность вторжения чужеземных войск. В 1239 [г.] он усиленно строит крепости на западных границах Новгородской обл[асти] по р. Шелони^{3*}. В 1240 [г.] немцы перешли к наступательным действиям против Пскова, а шведы, предводительствуемые ярлом (герцогом) Биргером^{4*}, на многих кораблях вошли в Неву. Весть об этом достигла Новгорода. А[лександр] неоткуда было ждать помощи. С немногочисленной ратью, состоявшей из его дружины и новгородского ополчения, он быстро выступил навстречу шведам. По дороге к нему присоединились ладожане. Направляемый указаниями местного жителя – ижорца Пельгусия, А[лександр] настиг шведов на левом берегу реки Невы у устья р. Ижоры и внезапно напал на них, так что рать их не успела даже “опоясать мечи на чресла свои”. Битва завершилась полным разгромом шведов. А[лександр] лично принял участие в сечи и самому Биргеру “возложи печать на лице острым своим копием”. Невская битва надолго приостановила завоевательные планы шведов. За эту победу А[лександр] получил прозвание “Невского”.

Избегнув шведской опасности, самовластное новгородское боярство не захотело терпеть “крепкое” управление А[лександром]; он рассорился с новгородским боярством и уехал к отцу в родной Переяславль. Однако немецкая опасность все нарастала. В 1241 [г.] немцы захватили Псков, затем Копорье, Тесов. Немцы разорили новгородские земли по р. Луге и, наконец, появились в 30 в[ерстах] от самого Новгорода, всюду сея смерть и разрушение. Новгородцы послали за А[лександром] к его отцу. Ярослав дал им другого сына – Андрея, но новгородцы вновь отправили за А[лександром] посольство в Переяславль во главе с новгородским архиепископом. А[лександр] не отказался. Радостно встреченный новгородцами, он быстро отвоевал Копорье и, получив в помощь суздальские полки, приступом освободил Псков. В числе захваченных пленных были и орденские наместники. Из Пскова

А[лександр] двинулся дальше – в Ливонию. Сильное немецкое войско выступило ему навстречу. 5 IV 1242 [г.] произошла битва с немецкими рыцарями на Чудском оз[ере] у Вороньего камня. А[лександр] ясно представлял себе силу фронтального удара знаменитой немецкой “свиньи” (построение рыцарского войска клином) и вместе с тем слабость ее флангов и неповоротливость. Поэтому А[лександр] выстроил свои войска так, что основные силы его рати находились не в центре, а на флангах. Рыцарский клин, ударивший в центр русского войска, был в свою очередь зажат русскими с флангов и с тыла. Немцы потерпели страшное поражение. Не было видно льда от покрывшей его крови. Семь верст гнал А[лександр] немецких рыцарей по озеру. Тяжело вооруженные рыцари проваливались на подтаявшем весеннем льду и тонули. К. Маркс писал по поводу Чудской победы А[лександра]: “Александр Невский выступает против немецких рыцарей, разбивает их на льду Чудского озера, так что прохвосты были окончательно отброшены от русской границы” (Хронологические выписки, стр. 54). Еще несколько побед А[лександра] на западе и севере Руси окончательно закрепили здесь прежние русские границы.

А[лександр] обладал не только полководческим гением: он был государственным человеком исключительной исторической дальновзоркости. Дипломатический талант А[лександра] особенно отчетливо проявился в его отношениях к Орде. А[лександр] ставил себе и здесь те же цели обороны русской земли, стремясь отвести татаро-монгольские удары, не допустить дробления русской земли, сохранить в ней русское управление. В 1246 [г.] А[лександр] и его брат Андрей ездили в Орду к Батю, а от него совершили далекий путь в Монголию, в Кара-Корум к великому хану. В 1250 [г.] братья вернулись: Андрей получил ярлык на великое княжение владимирское, А[лександр] – на Киев и Новгород. В разоренный Киев А[лександр] не поехал, а остался в Новгороде. Андрей недолго оставался на великом княжении, вступив в конфликт с Ордою. В 1252 [г.] татаро-монгольские полчища царевича Неврюя разбили войска Андрея, который бежал сначала в Новгород, а затем в Швецию. Во время нашествия Неврюя А[лександр] находился в Орде. Здесь он получил ярлык на великое княжение владимирское. Как великий князь, А[лександр] стремился подчинить области своей власти. В 1255 [г.] А[лександр] заставил новгородцев вновь принять изгнанного ими своего сына Василия. В 1257 [г.] он принудил тех же новгородцев платить дань Орде наравне с другими русскими княжествами и круто обошелся с Василием, перешедшим на сторону восставших против татар новгородцев. В 1258 [г.] А[лександр] в третий раз ездил улаживать отношения с Ордой. Однако политика внешней покорности Орде была лишь временной. Есть основания думать, что восстание против татар, одновременно вспыхнувшее в 1262 [г.] в Ростове, Суздале, Переяславле-Залесском, и, возможно, в Владимире, было организовано не без участия А[лександра]. В 1263 [г.] А[лександр] в четвертый и последний раз ездил в Орду, чтобы отмолить людей от “беды”, под которой летописец, очевидно, имел в виду попытку татаро-монголов заставить участвовать русские войска в военных предприятиях Орды. На обратном пути из этой поездки А[лександр] заболел и 14 XI 1263 [г.] умер на Волге, в Городецце.

Победы А[лександра] и его личные достоинства были высоко оценены русским народом. При встрече его тела в Боголюбове люди так рыдали, “яко земли потрясти-ся”. Сразу же после смерти А[лександра] была составлена его светская биография, позднее переделанная в церковное житие. Народная любовь к А[лександру] отразилась в этой биографии в сильнейшей степени. В ней А[лександр] сравнивается со всеми героями древности: храбростью он напоминал римского цесаря Веспасиана, силой – Самсона, красотой – Иосифа Прекрасного, мудростью – Соломона. В народе голос его звучал как труба. Славе А[лександра] биограф придал всесветное значение: народы “по всем странам” трепещут его имени, король северной страны завидует ему, римский папа посылает к нему своих кардиналов. Литва боится его, татарские жены пугают своих детей угрозой “Александр едет” и даже сам Батый признает его превосходство над всеми русскими князьями. Магистр Ливонского ордена меченосцев ездил посмотреть на А[лександра] и так о нем отозвался: “Не видел такого ни в

царях царя, ни в князьях князя”. Впоследствии А[лександр] вспоминали при всех наиболее тревожных моментах русской истории. Так, например, в дни, когда Москве угрожал Девлет Гирей, сложилась легенда о том, что в церкви, где лежал А[лександр], сами собой зажглись свечи, распахнулись двери, А[лександр] встал из гроба и помчался на коне против врагов. Дмитрий Донской, Иван III, Иван IV Грозный гордились своим родством с А[лександром]. Петр I, чья память А[лександра], перенес его останки в Петербург. Наконец, в наше время его имя носит один из славных боевых орденов Советской армии.

Лит: *Маркс К.* Хронологические выписки, Архив Маркса и Энгельса, т. V; *Летописи: Новгородская, 1-ая Лаврентьевская и 1-ая Софийская; Мансика В.* Жития Александра Невского. СПб., 1913; *Серебрянский Н.* Древне-русские княжеские жития, М., 1915; *Костомаров Н.* Русская история в жизнеописаниях, кн. I; *Экземплярский.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период; *Соловьев С.* История России, т. III; *Насонов А.* Монголы и Русь, 1940; *Бахрушин С.* Александр Невский, “Вестник АН СССР”, 1942, № 4; *Тихомиров М.Н.* Борьба русского народа с немецкими интервентами в XIII–XV вв., 1942.

Проф[ессор] Д.С.Лихачев

АРАН. Ф. 609. Оп. 1. Д. 473. Л. 1–6. Машинопись.

* *Далее зачеркнуто:* “внук по матери Мстислава Удалого и правнук Мстислава Храброго”.

¹ *Далее зачеркнуто:* “отец А[лександра] – Ярослав – уехал в Киев на великое княжение, и шестнадцатилетний А[лександр] остался один управлять”.

² *Далее зачеркнуто:* “и добились в 1238 [г.], по договору в Стенби, признания этого объединения Данией, чем обеспечили себе тыл”.

³ *Далее зачеркнуто:* “Наступление шведов и объединенного рыцарского войска началось одновременно”.

⁴ *Далее зачеркнуто:* “управлявшим Швецией вместо больного короля”.

№ 3

Нестор Летописец – крупнейший русский писатель к[онца] XI – нач[ала] XII в. Когда и где родился Нестор и когда умер – неизвестно. Он был принят в Киево-Печерский м[онасты]рь и пострижен в нем при иг[умене] Стефане, т.е. между 1074 и 1078 гг., и при нем же получил сан дьякона. В десятых годах XII в. Нестор был еще жив.

Киево-Печерский м[онасты]рь, в котором более 30 лет прожил Нестор, стоял в центре политической борьбы своего времени, он был самым крупным в XI и XII вв. рассадником книжности и не раз выступал и против митрополита, и против киевского князя в защиту общерусских интересов. Сам Нестор был свидетелем страшных половецких набегов и однажды пережил разгром половцами своего м[онасты]ря (в 1096 г.).

Достоверно Нестору принадлежат два произведения: Чтение о Борисе и Глебе и Житие Феодосия, написанные, вероятно, в перв[ой] пол[овине] 80-х гг. XI в. Литературная традиция, идущая еще от перв[ой] четверти XIII в., называет Н[естора] летописцем. С его именем связывается замечательное историческое произведение начала XII в. – Повесть временных лет. В непосредственном виде труд Н[естора] не дошел. Он сохранился лишь в обработках: выдубицкого игумена Сильвестра (так наз[ываемая] 2-я редакция) и летописца кн[язя] Мстислава Владимировича (так наз[ываемая] 3-я ред[акция]). Эти редакторы изъяли имя Нестора из заглавия Летописи. Однако в одном из списков (Хлебниковском) имя Нестора все же сохранилось. Признание Н[естора] составителем Повести вр[еменных] лет встречало в науке неоднократные возражения: ссылались на противоречия, существующие между Повестью вр[еменных] лет и достоверно принадлежащим ему Житием Феодосия. Однако противоречия эти не могут свидетельствовать против авторства Н[естора]: Повесть вр[еменных] лет составлена на четверть века позднее Жития Феодосия и в Повести эти противоречия находятся в составе той части, которая заимствована из предшествующей летописи.

Уже первые житийные произведения Н[естора] свидетельствуют о незаурядном уме и таланте автора: “Чтение” открывается широким общеисторическим вве-

дением, “Житие” отличается почти исследовательской точностью в ссылках на источники сведений; оба вместе – блестящи по изложению.

Повесть вр[еменных] лет представляет собою широкий обзор русской истории более чем за три столетия. Свои задачи Н[естор] сформулировал уже в самом названии своего труда: “Се Повести времяньных лет, откуда есть пошла руская земля, кто в Киеве нача первее княжити и откуда руская земля стала есть”. В начале своего труда Н[естор] связал русскую историю с мировой (в ее средневековом понимании), придал ей центральное значение в истории европейских стран. Широта замысла сообщила спокойствие и неторопливость рассказу Нестора, художественное единство и монументальность всему произведению в целом. Начитанность Нестора в греческой и русской литературе огромна. Нестор использовал труды своих предшественников летописцев, извлек данные из византийских историков, воспользовался русским фольклором, данными русского языка, привлек архивные материалы (договоры русских с греками) и т.д. Нестор уточнил хронологию событий русской истории и стремился объяснить происхождение различных названий (народов, племен, городов). В основе политических воззрений Н[естора] лежит убеждение о единстве Руси, единстве и братстве княжеского рода и необходимости крепкого отпора половцам. Умение подняться до общерусской точки зрения на события сделали Повесть вр[еменных] лет самой авторитетной книгой по русской истории в течение 6 веков. Повесть вр[еменных] лет ставилась в начало большинства русских летописей, служа для них своеобразным политическим введением и литературным образцом.

Литература о Н[есторе] Л[етописце]:

- 1) М.Д. Приселков. “Нестор Летописец”, П., 1922.
- 2) А.А. Шахматов. “Повесть временных лет”, т. I, П., 1916. А.А. Шахматов. “Повесть вр[еменных] лет и ее источники”, Труды Отдела древней русской литературы, IV, 1940.

Д. Лихачев

10. I. [19]47 [г.]

АРАН. Ф. 609. Оп. 1. Д. 515. Л. 1–2. Машинопись, подпись и дата – автограф.

№ 4

Шахматов Алексей Александрович – крупнейший русский филолог. Родился 5 июня 1864 г. в старинной дворянской семье. Способности Шахматова проявились исключительно рано. Первые ученые труды Ш[ахматова] были напечатаны еще тогда, когда он учился в гимназии в Москве, а затем в Московском университете. Не достигнув тридцатилетнего возраста, Ш[ахматов] был приглашен занять место адъюнкта Академии наук (1893 г.). В 1897 г. его избирают экстраординарным, а с 1899 г. ординарным академиком. С момента своего избрания в Академию Ш[ахматов] признанный глава русской филологии.

Перу Ш[ахматова] принадлежит более 200 научных трудов. Работы Ш[ахматова] все посвящены труднейшим областям русской филологии – древнейшему периоду истории русского языка, русскому синтаксису, акцентологии, русской диалектологии, истории русского летописания. Во всех этих областях труды Ш[ахматова] явились основополагающими. Сравнительно с западноевропейской филологией своего времени Ш[ахматов] пошел далеко вперед в методологическом отношении, тесно связав свои лингвистические и литературоведческие выводы с общей историей народа в целом.

В области лингвистики Ш[ахматов] начал с разработки многих частных вопросов истории русского языка (“Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV вв.”, СПб., 1885; “Исследования в области русской фонетики”, Варш[ава], 1893, и др.), подготовив себе тем самым широкий фундамент для обобщающих работ последующих лет (“Очерк древнейшего периода истории русского языка”, П., 1915; “Введение в курс истории русского языка”, П., 1916; “Очерк современного русского литературного языка”, перв[ое] изд[ание]. – Л., 1925; “Синтаксис русского языка”, перв[ое] изд[ание] – 1925, и др.). В своих последних работах (начиная

с 1915 г.) по истории русского языка Ш[ахматов] вплотную подошел к вопросу об образовании русских наречий и племен, к вопросу об образовании русской государственности (особенно в работе “Древнейшие судьбы русского племени”, П., 1919). В этих работах Ш[ахматов] устанавливает тесную связь языковых явлений с фактами живой действительности, он рассматривает язык как явление общественного характера, являясь в этом отношении одним из предшественников лингвистической школы Н.Я. Марра в ее связях с марксистским учением.

Тот же исторический подход характеризует и большие обобщающие работы Ш[ахматова] последних лет по летописанию. Начав с узко текстологических исследований, Ш[ахматов] постепенно перешел к большим обобщающим трудам, дав совершенно новые представления о русском летописании. Развитие летописной работы он поставил в тесную зависимость от политической жизни Руси. История русского летописания рассматривается им как отражение русской исторической и общественной мысли (такой подход сказался уже в его работе: “Общерусские летописные своды XIV–XV вв.” 1900 и 1901 гг., и в особенности в его знаменитых “Разысканиях о древнейших русских летописных сводах”, П., 1908).

Исследовательскую работу Ш[ахматов] соединял с научно-организационной деятельностью. Он явился инициатором целого ряда научных изданий и академических предприятий как-то: Словаря русского языка, Энциклопедии славянской филологии, Диалектологической комиссии и т.д. Его переписка, хранящаяся в Архиве А[кадемии] н[аук], охватывает 17 000 писем и около 2000 корреспондентов: русских и иностранных ученых.

Умер Ш[ахматов] 16 августа 1920 г. В числе учеников Ш[ахматова] следует отметить многих выдающихся советских ученых: академика С.П. Обнорского, академ[ика] В.В. Виноградова, чл[ена]-корр[еспондента] Е.С. Истрину, чл[ена]-корр[еспондента] Д.К. Зеленина, проф[ессора] М.Д. Приселкова и др.

Литература о Ш[ахматове]:

В.В. Виноградов. “А.А. Шахматов”, П., 1922.

“Алексей Александрович Шахматов. 1884–1920”, Л., 1930.

Известия Отделения русского языка и словесности, 1920, т. XXV (“Посвящается памяти А.А. Шахматова”).

“Шахматовский сборник”, вып. I, под ред[акцией] акад[емика] С.П. Обнорского (печатается).

Д. Лихачев

7. I. [19]47 [г.]

АРАН. Ф. 609. Оп. 1. Д. 295. Л. 1–2. На первом листе текста имеется резолюция Ф.Н. Петрова: “Надо переадресовать Обнорскому или кому другому из специалистов языковедов”.

Письма Д.С. Лихачева – Ф.Н. Петрову

1

[Ленинград]. 5 ноября 1946 г.

Глубокоуважаемый Федор Николаевич!

Посылаю Вам “Александра Невского”. К сожалению, я получил Ваше письмо от 23 октября только 2 ноября и поэтому не мог выслать Вам раньше. Остальное вышло к указанному Вами сроку, но мне хотелось бы, чтобы Вы до написания остальных статей телеграфировали мне, подходит ли тот тип изложения, который я принял для “Александра Невского”.

Привет!

Ваш Д. Лихачев

5. XI. [19]46 [г.].

АРАН. Ф. 609. Оп. 1. Д. 559. Л. 52. Машинопись, подпись-автограф.

№ 2

Ленинград. 21 декабря 1946 г.

Глубокоуважаемый Федор Николаевич!

Статьи о Шахматове и Аввакуме постараюсь переделать, как только вернусь из клиники Института для усоверш[енствования] врачей (у меня был общий сепсис – инфекцию внесли в парикмахерской). Кстати, статьи эти я от Вас не получил. Пожалуйста, дайте распоряжение, чтобы мне их выслали. Из-за болезни не смог вовремя выслать Вам статьи о Дм[итрии] Донском и Несторе Летописце.

Привет! Д. Лихачев

21. XII. [19]46 [г.].

АРАН. Ф. 609. Оп. 1. Д. 559. Л. 54. Автограф.

№ 3

[Ленинград. Январь 1947 г.]

Глубокоуважаемый Федор Николаевич!

Посылаю Вам исправленных – “Аввакума” и “Шахматова”, а, кроме того, “Нестора”.

Нужен ли еще “Д[митрий] Донской” или я пропустил уже все сроки? Всего хорошего!

Ваш Д. Лихачев

Когда намечен словарь к сдаче в набор?

Ленинград, 136, Лахтинская 9, кв. 12, Лихачев Дм[итрий] Серг[еевич].

АРАН. Ф. 609. Оп. 1. Д. 560. Л. 39. Автограф.

ПИСЬМО АКАДЕМИКА Н.М. ДРУЖИНИНА ОТ 17 ДЕКАБРЯ 1954 г. ПРЕЗИДЕНТУ АН СССР АКАДЕМИКУ С.И. ВАВИЛОВУ О СОДЕЙСТВИИ В ОСВОБОЖДЕНИИ Н.Н. УЛАЩИКА

Значительную роль в судьбе известного белорусского ученого Н.Н. Улащика¹ сыграл академик Н.М. Дружинин².

В 1947 г. Н.Н. Улащик защитил в Институте истории Академии наук СССР, где работал Н.М. Дружинин, диссертацию на ученую степень кандидата исторических наук. Она называлась “Подготовка крестьянской реформы 1861 г. в губерниях Виленской, Гродненской, Ковенской”.

24 декабря 1950 г. Н.Н. Улащик был в четвертый раз арестован и приговорен Особым совещанием по статье 58 (10) к 8 годам лагерей. Он находился в заключении в пос. Суслово Кемеровской области. В ответ на просьбу жены Н.Н. Улащика³ о содействии в освобождении мужа, Н.М. Дружинин

¹ Улащик Николай Николаевич (1906–1986) – историк, археограф, младший научный сотрудник Института истории АН (с 1955 г.).

² Дружинин Николай Михайлович (1886–1986) – историк, академик АН (с 1953 г.).

³ Шамарина Наталья Марковна (1907–1985) – физиолог, жена Н.Н. Улащика.

обратился 17 декабря 1954 г. с письмом к президенту Академии наук СССР академику А.Н. Несмеянову⁴, в котором, фактически поручаясь за политическую благонадежность Н.Н. Улащика, дал ему высокую оценку как ученому. Весомость авторитета Н.М. Дружинина и ясность занятой им позиции, очевидно, и предопределили дальнейший ход дела.

20 января 1955 г. А.Н. Несмеянов обратился к генеральному прокурору СССР Р.А. Руденко⁵ с просьбой дать указание о затребовании в порядке надзора дела Н.Н. Улащика⁶. 23 марта 1955 г. Н.Н. Улащик был освобожден⁷.

В.Г. Бухерт

А.Н. Несмеянову

Ленинград. 17 декабря 1954 г.

Глубокоуважаемый Александр Николаевич!

Ко мне обратилась Наталия Марковна Шамарина с просьбой оказать содействие в постановке вопроса о пересмотре дела ее мужа, репрессированного историка Николая Николаевича Улащика. Находя, что возбуждение такого вопроса должно исходить не от частного лица, а от учреждения, я считаю своим долгом сообщить Вам все, что я знаю о Н.Н. Улащике, – на случай, если Вы признаете возможным оказать свое содействие в этом деле.

Мне неизвестно, по какой причине был репрессирован Николай Николаевич Улащик, но я знаю его как молодого даровитого исследователя, в свое время успешно окончившего аспирантуру в Институте истории Академии наук СССР и защитившего диссертацию на степень кандидата исторических наук. Н.Н. Улащик много и плодотворно занимался изучением отмены крепостного права в Литве и Белоруссии, используя не только печатные, но и архивные источники (до него эта тема не было освещена в научной литературе). обстоятельное исследование Н.Н. Улащика было выше обычного уровня кандидатских диссертаций и обратило на себя внимание не только оппонентов, но и всех, присутствовавших на диспуте. Статьи Н.Н. Улащика печатались в “Вопросах истории” и “Исторических записках”; мне приходилось давать о них отзывы, которые были неизменно положительными.

В своих выступлениях Н.Н. Улащик всегда производил впечатление вдумчивого и сведущего историка, стоящего на марксистско-ленинской точке зрения. В частных беседах на разные темы я никогда не замечал в Н.Н. Улащике ничего такого, что могло бы политически его скомпрометировать.

Поскольку каждый гражданин нашего социалистического государства должен быть использован в соответствии с его знаниями и способностями, я считал бы целесообразным довести до сведения подлежащих органов благоприятное мнение о Н.Н. Улащике как историке. Если в деле этого молодого ученого найдутся основания для пересмотра прежнего решения и он получит возможность возобно-

⁴ Несмеянов Александр Николаевич (1899–1980) – химик-органик, директор Института элементарноорганических соединений АН (с 1954 г.), академик (с 1943 г.), президент (1951–1961) АН.

⁵ Руденко Роман Андреевич (1907–1981) – советский государственный деятель, генеральный прокурор СССР (с 1953 г.).

⁶ АРАН. Ф. 1647 (А.Н. Несмеянов). Оп.1. Д. 194. Л. 3.

⁷ Мастера историографии: Николай Николаевич Улащик / Публ. подг. А.К. Кавко, А.Н. Улащик // ИА. 2005. № 6. С. 112.

вить прерванную исследовательскую работу, то она, несомненно, принесет пользу исторической науке.

Находясь в научной командировке и не имея возможности лично поговорить с Вами, я решил обратиться к Вам с настоящим письмом. Если Вам потребуются какие-нибудь дополнительные сведения, я могу сообщить их письменно, а после 29 декабря – и устно.

Глубоко уважающий Вас

академик Н.М. Дружинин.

АРАН. Ф. 1647 (А.Н. Несмеянов). Оп. 1. Д. 194. Л. 1–2 об. Автограф.

IV. ХРОНИКА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ В 2006 ГОДУ

7 марта на заседании АК Б.Н. Морозов сообщил о выходе в свет книги, содержащей составленное им описание коллекции рукописей Музея истории полиграфии, книгоиздания и истории Московского государственного университета печати¹. Это небольшое собрание (25 рукописей) содержит ценные памятники как древнерусской книжности начиная с XVI в., так и нового времени. Пример подобного описания “малого собрания” рукописей, очевидно, заслуживает особого внимания (многие подобные коллекции даже в столичных регионах много лет ждут введения в научный оборот). В данном случае инициатива проведения научного описания и издания справочника целиком принадлежит хранителям музея, поддержанным руководством университета. Благодаря этому автору была дана возможность провести наиболее подробные построчные аннотированные описания всех рукописей, каждое из которых в книге сопровождается иллюстрациями. Сама книга была подготовлена к печати и оригинально оформлена на кафедре Художественно-технического оформления печатной продукции МГУП (где первоначально и хранились данные рукописи).

26 мая младший научный сотрудник АК А.В. Мельников защитил в РГГУ диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему “Архивное наследие академика М.М. Богословского (1867–1929 гг.): Реконструкция и научное использование”.

31 мая в Бежевом зале Президиума РАН состоялись организованные совместно с ОИФН РАН юбилейные Тихомировские чтения, посвященные 50-летию АК. С докладами и сообщениями о деятельности АК, современных проблемах археографии и смежных научных дисциплин выступили: академик-секретарь ОИФН РАН академик А.П. Деревянко; председатель АК член-корр. РАН С.М. Каштанов; почетный председатель АК, советник РАН, академик РАО С.О. Шмидт; руководитель Федерального архивного агентства член-корр. РАН В.П. Козлов; генеральный директор Академиздатцентра “Наука” РАН В.И. Васильев; представители региональных отделений АК, Архива РАН, РГГУ. Юбилей комиссии был широко отмечен в печати², издательством “Наука” выпущена специальная брошюра, содержащая информацию о работе комиссии, данные о ее сотрудниках в различные годы, библиографию изданий³, а также пригласительные билеты и программа юбилейной международной конференции.

8 июня старший научный сотрудник АК В.В. Морозов защитил в Российской академии государственной службы диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук на тему “Лицевой свод и русские летописи XVI века”.

24 октября на заседании АК Б.Н. Морозов рассказал об участии в организованной Национальным музеем Республики Коми (НМРК) Всероссийской научно-практиче-

¹ Морозов Б.Н. Рукописные книги XVI–XIX веков в собрании Музея истории полиграфии, книгоиздания и истории МГУП: Каталог. М., 2006. 226 с., ил. Рец.: *Лифшиц А.Л.* // Про книги: Журнал библиофила. 2007. № 1. С. 143–145.

² См. наст. изд. С. 3–53; Шмидт С.О., Каштанов С.М., Черных В.А. Археографической комиссии РАН – полвека // ОА. 2006. № 2. С. 69–79; Свеча бы не угасла: Археографической комиссии – полвека / Беседа С.О. Шмидта с Н. Горловой // Литературная газета. 2006. 31 мая; Черных В.А. Центр изучения минувших времен: К 50-летию Археографической комиссии // Вестник РАН. 2006. № 9; 50 лет Археографической комиссии РАН // Вестник церковной истории. 2006. № 3. С. 274–276; Кобелькова Л.А. Юбилейные “Тихомировские чтения” // ОА. 2006. № 2006. № 4. С. 113–114.

³ 50 лет Археографической комиссии / Сост. А.В. Мельников, отв. ред. С.О. Шмидт. М., 2006. 56 с.

ской конференции “Музеи в культуре региона: история, проблемы и перспективы”, прошедшей в Сыктывкаре 17–20 октября. На конференции он выступил с докладом: “Новые памятники древней коми-письменности конца XV – начала XVI в.”⁴ Доклад вызвал большой интерес слушателей и привлек внимание средств массовой информации⁵, поскольку в нем впервые было сообщено о находке в хранилищах Москвы и Санкт-Петербурга рукописей конца XV и начала XVI в., содержащих неизвестные записи пермской азбукой на древнем коми языке. Эти находки были началом работы над большим проектом по изучению деятельности и наследия Стефана Пермского, просветителя народа коми (зырян) и создателя пермской азбуки (автор и куратор проекта – директор НМРК И.Н. Котылева). В августе 2006 г. Б.Н. Морозов принимал также участие в проходившей в рамках этого проекта экспедиции “По пути Стефана Пермского” (Москва–Сыктывкар), в ходе которой проводилась специальная цифровая съемка ряда рукописей местных хранилищ, а также иконы конца XIV в. “Троица зырянская” (Вологодский музей-заповедник), содержащей наибольший по объему текст, записанный пермской азбукой.

27–28 октября АК приняла участие в работе Всероссийской научной конференции, посвященной 40-летию полевых археографических исследований МГУ “Традиционная книга и культура позднего русского Средневековья в жизни своего времени,

в науке, музейной и библиотечной работе XXI века”, с докладами и сообщениями выступили председатель АК С.М. Каштанов, сотрудник АК Н.А. Кобяк⁶.

13–15 ноября Научная библиотека МГУ и АК провели международную научную конференцию “Редкие книги и рукописи в библиотеках высших учебных заведений: Комплексный подход в научных исследованиях”, с приветствием к конференции обратился почетный председатель АК С.О. Шмидт, с докладами выступили сотрудники АК Н.А. Кобяк и А.Л. Лифшиц⁷.

В декабре в здании ИРИ РАН состоялось совместное заседание АК, РАГЛИ и АРАН, посвященное 100-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачева. Материалы заседания публикуются в настоящем издании⁸.

Новые издания Археографической комиссии в 2006 году

Лихачев Д.С. Текстология: Краткий очерк. 2-е изд. / Отв. ред. С.О. Шмидт; РАН. АК. М.: Наука. 175 с., портр.

Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. 3-е изд. / Отв. ред. С.О. Шмидт; РАН. АК. М.: Наука. 201 с., ил., портр.

50 лет Археографической комиссии / Отв. ред. С.О. Шмидт, сост. А.В. Мельников; РАН. Ин-т славяноведения. АК. М.: Наука, 2006. 56 с., ил.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ К 60-ЛЕТИЮ ОТДЕЛА РЕДКИХ КНИГ И РУКОПИСЕЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ МГУ

13–15 ноября 2006 г. Научная библиотека МГУ совместно с АК РАН провела международную научную конференцию “Редкие книги и рукописи в библиотеках высших учебных заведений: Комплексный подход в научных исследованиях”, в которой приняли участие исследователи из различных го-

родов России – Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежа, Петрозаводска, Рязани, Томска; Украины – Львова, Одессы; Польши – Кракова; Эстонии – Таллинна.

Открыл работу конференции почетный председатель АК РАН академик РАО С.О. Шмидт. В своем вступительном слове

⁴ Оупбл.: Музеи и краеведение: Труды Национального музея Республики Коми. Сыктывкар, 2007. Вып. 6. С. 176–181.

⁵ Сенсационная находка памятников на алфавите Стефана Пермского // Бизнес-новости Республики Коми. 2006. 23 октября; (<http://www.businesskomi.ru/12388>); На языке Стефана // “АиФ Коми”. 2006, 25 октября; *Королева Т.* Ученые отыскали новый источник древней коми письменности // “МК Коми”. 2006, 1 ноября и др.

⁶ См. наст. изд. С. 440–441.

⁷ См. наст. изд. С. 437–439.

⁸ См. наст. изд. С. 328–350.

он говорил о нерасторжимом единстве науки и библиотеки, о библиотеке как источнике не только знаний, но научного вдохновения. По словам С.О. Шмидта, старые книги, рукописи, архивные документы, хранящиеся в университетских библиотеках позволяют студентам впервые прикоснуться к истории, увидеть ее в конкретной вещи, ощутить свою сопричастность событиям прошлого.

С приветственным словом к собравшимся обратился директор Научной библиотеки МГУ *В.В. Мосягин*. Заведующая Отделом редких книг и рукописей *И.Л. Великодная* в своем слове напомнила присутствующим историю формирования фондов библиотеки Московского университета, имена тех, чьи стараниями на книжных полках появились уникальные книжные памятники. Она также говорила о продолжающихся по сей день традициях дарения частных книжных коллекций, которые пополняют библиотеку ценнейшими изданиями, рукописными и архивными материалами, что за 60 лет своего существования Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ превратился в уникальное хранение редкостей, равным которому не существует среди университетских библиотек, да и в России принадлежит по праву четвертое по значимости собрание уникалов. На сегодняшний день фонды этого Отдела насчитывают около 350 тысяч единиц хранения, из которых многие претендуют на редкость, уникальность, исключительность.

Отдел редких книг и рукописей является богатейшим хранилищем письменного наследия позднего русского Средневековья, продолжающей его старообрядческой рукописной традиции. Этой проблематике, а также результатам комплексных археографических экспедиций были посвящены доклады *И.В. Поздеевой* (Археографическая лаборатория МГУ) “Комплексные полевые исследования Верхокамского региона и территориальный архив традиционной культуры (1972–2002 гг.)”, *Е.М. Сморгуновой* (Москва) “Пермские староверы-бегуны и их правила жизни (по рукописям Пермской коллекции НБ МГУ)”, *Н.Г. Денисова* (РГНФ) и *Е.Б. Смелянской* (РГГУ) “О специфике Липованской книжности и культуры (по материалам Бессарабского собрания НБ МГУ и полевым исследованиям)”, *Т.А. Кругловой* (исторический факультет МГУ). “Проблемы описания Пермско-Удмуртской коллекции НБ МГУ”, *С.Е. Никитиной* (Ин-т языкознания РАН) “Стиховник из Волго-Донской коллекции Отдела редких книг и рукописей НБ МГУ”, *Е.А. Агеевой* (Музей истории МГУ) “Русская рукописная книга Кав-

каза (к 20-летию Кавказской коллекции НБ МГУ)”, *Н.Ю. Бубнова* (БАН, Санкт-Петербург) “Старообрядческие гектографированные издания (по фондам БАН)”, *В.А. Есиповой* (НБ ТГУ) “К вопросу о формировании старообрядческого сборника как типа книги: исторические сочинения в качестве источника (по материалам НБ ТГУ)”.

Различным аспектам изучения славянской рукописной книги были посвящены выступления *Л.В. Мошковой* (РГАДА) “Описание рукописей как исследование”, *А.А. Турилова* (Ин-т славяноведения РАН) “Побочные эффекты при составлении Сводного каталога славяно-русских рукописей”, *С.В. Зинченко* (Львов, Украина) “Особенности переплетов византийской конструкции, изготовленные в Львовской и Перемышльской епархиях XV–XVII вв.”, *Е.В. Ухановой* (ОР ГИМ) “О возможностях электронной базы данных рукописной книги: Опыт ГИМ”, *Э.В. Шульгиной* (ОР ГИМ) “Рукописное собрание профессора Московского университета М.И. Соколова”.

Частным книжным собраниям, их изучению и возможностям реконструкции были посвящены доклады *Л.Ю. Аристовой* (НБ МГУ) “Фрагмент книжного собрания Осипа Бодянского в Российской государственной библиотеке”, *Г.С. Ланцузской* (НБ Воронежского ГУ) “Библиофильское собрание О.Г. Ласунского в фонде НБ Воронежского университета”, *Г.И. Колосовой* (НБ Томского ГУ) “Книжные собрания сибиряков: междисциплинарный подход к их изучению (По материалам НБ Томского университета)”, *Е.В. Полевщиковой* (Одесса, Украина) “Собрание А. Кухарского в фондах Научной библиотеки Одесского университета”, *Т.А. Романовой* (НТБ Томского политехнического университета) “Иностранное издание XVIII века в коллекции С.Н. Кулибина”, *С. Съесс-Кишиковского* (Краков, Польша) “Опыт реконструкции уцелевшей части Несвижского книжного собрания Кароля Станислава Радзивилла в фондах БАН, НБ МГУ и Библиотеки университета г. Хельсинки”.

Об архивных фондах университетских библиотек, проблемах их описания и изучения рассказывали *Е.Р. Сквайрс* (филологический факультет МГУ) “Коллекции документов Густава Шмидта. 1998–2005 гг.: Итоги, находки, перспективы”, *Г.И. Колосов* и *Е.В. Сизова* (НБ Томского ГУ) “Некоторые аспекты изучения материалов архива Г.Н. Потанина, хранящегося в НБ Томского университета”, *Н.Т. Тарумова* (НИВЦ МГУ) “Земельный участок на Кавказе – новые документы из личного архивного фонда Н.В. Бугаева”, *А.В. Уланова* (НИВЦ МГУ)

“Вопросы развития средней школы в трудах Н.В. Бугаева: (по материалам личного архивного фонда)”.

Книге как особому виду исторического источника были посвящены выступления *А.Х. Матиевой* (НБ МГУ) “Автографы из библиотеки М.М. Ковалевского в собрании НБ МГУ”, *К.Г. Боленко* (Музей-усадьба “Архангельское”) “Дневниковые пометы в календарях М.А. Дмитриева как исторический источник”, *М.В. Ленчиненко* (НБ МГУ) “Записи и пометы на книгах библиотеки Муравьевых: взаимодействие читатель – книга”.

Значительные коллекции графических материалов, хранящиеся в Научной библиотеке МГУ, позволили включить в программу конференции доклады заслуженного деятеля культуры РФ *И.Н. Врубель* “Формирование принципов изучения западной части коллекции Ф.Ф. Вигеля”, *Е.В. Зименко* (НБ МГУ) “Проблемы атрибуции портретных изображений коллекции Ф.Ф. Вигеля”, *Н.Г. Деркач* (ГМИИ им. А.С. Пушкина) “Коллекция русского экслибриса У.Г. Иваска из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина”, *Н.О. Веденева* (ГМИИ им. А.С. Пушкина) – «Увраж “Veue de Maisons Royales et des Villes” из библиотеки И.И. Шувалова в ГМИИ им. А.С. Пушкина».

Частным проблемам изучения фондов были посвящены сообщения *Л.И. Петинной* (Таллин, Эстония) “Редкие русские книги Национальной библиотеки Эстонии: состав и происхождение коллекции”, *П.В. Кузнецова* (НБ МГУ) “Издания времен Великой Французской революции в фондах НБ МГУ”, *Н.А. Кобяк* (АК РАН) – «Переводной рукописный роман XVIII в. “Азиатская Баниза” в собрании Отдела редких книг и рукописей НБ МГУ», *Н.В. Самовер* (Москва) “Неизвестный автограф В.А. Жуковского в собрании НБ МГУ”, *Л.Г. Литвинова* (Музей истории МГУ) «“Танцовальный словарь” Шарля Компана как источник по истории балета (из фондов Отдела редких книг и рукописей НБ МГУ)».

Во время конференции была открыта выставка “Редкие польские книги и рукописи в собрании НБ МГУ”, на которой были представлены уникальные издания, оставшиеся неизвестными Институту польской библиографии (Краков, Польша). Выставке был посвящен доклад *В. Валецкого* (Краков, Польша) “Тайны краковских типографов начала XVI в.”.

Также в перерывах между заседаниями состоялась презентация каталогов двух небольших по объему, но замечательных по составу собраний Отдела редких книг и рукописей. Каталог, составленный заместителем директора Института востоковедения РАН *И.В. Зайцевым*¹, посвящен собранию рукописей на восточных языках. Многие из этих рукописей поступили из собрания одного из первых востоковедов России П.Я. Петрова. Самая ранняя из собрания восточных рукописей – рукопись “Сады красноречия”. Это собрание писем разных лиц на персидском языке, составленное Ходжа Джаханом в 1533 году. К числу редких относится и рукопись “Беседы влюбленных” – список с рукописи второй половины XV в., которая была создана одним из потомков Тимура – султаном Кемаль ад-дин. Кроме списка из МГУ, в мире известны еще только два.

Знаменитую не количеством книг, но составом коллекцию греческих рукописей библиотеки МГУ представил автор каталога профессор *Б.Л. Фонкич*² (Институт всеобщей истории РАН). Самая древняя рукопись университетского собрания – греческий сборник X в. Эта пергаменная рукопись попала в Московский университет в 1805 г. благодаря стараниями его выдающегося почитателя М.Н. Муравьева. В состав кодекса входит единственный дошедший до нашего времени список хроники Петра Александрийского – ценный памятник по истории Византии.

В заключительном слове заместитель директора Научной библиотеки МГУ *А.Ф. Панца* поблагодарила участников и гостей конференции и охарактеризовала Отдел редких книг университетской библиотеки как сокровищницу культурного и исторического наследия, которое не только бережно сохраняется, но постоянно изучается и пропагандируется. Она упомянула, что Отдел редких книг и рукописей НБ МГУ ведет большую научную работу, издает сборники своих трудов, проводит многочисленные выставки, привлекает к изучению своих фондов не только профессорско-преподавательский состав МГУ, но и лучших студентов и аспирантов, тем самым являясь примером успешного взаимодействия библиотеки и научного сообщества.

Н.А. Кобяк, А.Л. Лифшиц

¹ *Зайцев И.В.* Арабские, персидские и тюркские рукописи Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. М., 2006. 160 с., ил.

² Греческие рукописи Научной библиотеки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова: Каталог. М., 2006. 96 с., ил.

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ К 40-ЛЕТИЮ ПОЛЕВЫХ АРХЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ МГУ

27–28 октября 2006 г. в стенах исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова прошла Всероссийская конференция “Традиционная книга и культура позднего русского Средневековья в жизни своего времени, в науке, музейной и библиотечной работе XXI века”, приуроченная к 40-летию археографических полевых работ Московского университета. По итогам конференции вышел ряд статей¹, а также сборник трудов², что избавляет нас от подробного освещения этого события.

В работе конференции приняли участие три члена-корреспондента РАН, 14 докторов и 22 кандидата наук, представлявшие 32 научных центра 15 городов четырех государств. Всего было заявлено более 60 докладов, из них было прочитано 55. “География конференции” охватила исследователей от Гейдельберга до Владивостока и от Петрозаводска до Одессы. Среди выступавших, кроме представителей ученого сообщества, были также представители старообрядческих согласий: Русской православной старообрядческой церкви (Рогожская община; с докладами выступили *В.В. Боченков, В.В. Волков, Г.С. Чистяков*), Древлеправославной поморской церкви (в том числе Рижской гребенщиковской общины), Древлеправославной церкви (Курская епархия), Древлекефалической церкви (федосеевцы).

В числе выступавших были маститые ученые (*С.М. Каштанов, О.Н. Бахтина, В.В. Керов, Е.Л. Конявская, А.В. Пигин* и др.), многие из которых начинали свой научный путь с участия в археографических экспедициях Московского университета (*Е.А. Агеева, Е.Б. Смилянская, Е.М. Юхименко*), и молодые исследователи, только начинающие проходить школу полевой и камеральной археографии истфака МГУ (*Е.В. Градобойнова, М.С. Губанова, А.А. Исэров* и др.). Тематика докладов также охватывала широкий круг тем: от проблем источниковедения

Степенной книги (*А.С. Усачев*, РГБ) и Лицевого летописного свода (*В.В. Морозов*, АК) до проблем напевки (*Л.А. Игошев*, Синодальная библиотека) и форм старообрядческого хозяйствования (*В.П. Пушков*, МГУ; *Ю.В. Волошин*, Полтавский педагогический университет, Украина).

Ряд докладов был посвящен региональным программам изучения памятников старопечатной кириллицы, которые ведутся в настоящее время коллективом археографической лаборатории МГУ: в Пермском (*С.В. Пигалева и О.А. Баталова*) и Ярославском (*Т.И. Гулина*) регионах. В этом же ряду стоят и выступления, касающиеся формирования фондов старопечатных книг ряда хранилищ страны (например, в Петрозаводске – доклады профессора *А.В. Пигина*, заведующего фондом редкой книги Национальной библиотеки Карелии *Н.И. Кинис* и старшего научного сотрудника Музея-заповедника “Кижи” *Л.С. Харебовой*). Кроме того, прозвучали доклады, затрагивающие проблемы традиционной культуры старообрядческих регионов, в которых московские археографы проводили комплексные экспедиции, в частности Верхокамья (*О.Б. Христоворова, Н.В. Литвина*), Южной Вятки (*Е.В. Градобойнова, А.А. Исэров*).

В приветственных речах на открытии конференции (декана исторического факультета МГУ чл.-корр. РАН *С.П. Карпова*, зам. директора НБ МГУ *А.Ф. Панца*, председателя АК, чл.-корр. РАН *С.М. Каштанова*, директора издательства “Наука” и Научного центра исследований истории книжной культуры, чл.-корр. РАН *В.И. Васильева*) была дана высокая оценка деятельности Археографической лаборатории МГУ как крупного научного и педагогического центра. Заместитель директора Ярославского музея-заповедника *Н.А. Грязнова* зачитала благодарственное письмо от департамента культуры и туризма администрации Яро-

¹ См. о конференции: *Дадыкин А.В., Конявская Е.Л.* 40 лет археографических исследований Московского государственного университета // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики.* 2006. № 4 (26), декабрь. С. 123–124; *Богданов В.П.* Традиционная книга и культура позднего русского средневековья в жизни своего времени, в науке, музейной и библиотечной работе XXI века: Всероссийская научная конференция к 40-летию полевых археографических исследований Московского государственного университета // Книга: исследования и материалы. М., 2007.

² *Традиционная культура позднего русского средневековья: Труды Всероссийской научной конференции к 40-летию полевых археографических исследований Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова* (Москва, 27–28 октября 2006 г.). Ярославль, 2008. (Мир старообрядчества; Вып. 7, кн. 1, 2).

славской области в адрес И.В. Поздеевой и сотрудников лаборатории. В письме выражалась надежда на то, что осуществляемая под руководством и при участии коллектива лаборатории программа каталогизации книжных фондов области, подготовка и обучение местных кадров будут успешно продолжены. Представитель Древлеправославной церкви епископ Курский Аполлинарий подчеркнул заслуги ученых в изучении русских древних традиций и культуры, отметил важность взвешенного научного изучения истории старообрядчества – принципа, которого всегда придерживались сотрудники лаборатории, – для избежания тех крайностей, которые накопились в дореволюционной и советской историографии.

Доклады пленарных заседаний затрагивали проблемы истории и результаты археографической деятельности Московского университета (*Н.А. Кобяк*, НБ МГУ, АК, Москва), *И.В. Ключикина* (ГИМ), *А.В. Дадыкин* (МГУ), а также проблемы педагогического значения истории книжной культуры (*О.П. Еланцева*, ДавГУ) и полевой археографии на современном этапе (*А.Ю. Бородихина*, ГПНТБ СО РАН, Новосибирск).

В рамках конференции работали две секции: “Кириллическая книга в русской истории и культуре” (27 октября председателями были проф. каф. истории мировой литературы УРАО образования Е.Л. Конявская и проф. каф. русской литературы Петрозаводского государственного университета А.В. Пигин, 28 октября – д-р ист. наук И.В. Поздеева и к.и.н., ученый секретарь НБ ТвГУ Г.С. Гадалова³) и “История, книжность и культура русского старообрядчества” (27 октября председателями были д-р филол. наук Ю.А. Лабынцев (Институт славяноведения РАН, Москва) и проф. Клаус Штайнке (Гейдельберг, Германия), 28 октября – д-р ист. наук Е.М. Юхименко (ГИМ, Москва) и д-р ист. наук В.В. Керов (РУДН, Москва)).

На первой секции ряд докладов был посвящен рукописной традиции (*Б.Н. Морозов* (АК) и *Ю.А. Грибов* (ГИМ)), а также изучению филиграней (*В.А. Есипова*, Научная библиотека Томского гос. ун-та). Доклады были посвящены как частным вопросам

книжной культуры (например, сообщения сотрудника Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника *Е.В. Шапиловой*, научн. сотр. ОР ГИМ *Г.М. Шитовой* и доц. РГГУ *Ю.Э. Шустовой*), так и общим проблемам создания сводных каталогов кириллической печати (доклады сотрудников ОРК РГБ д-ра ист. наук *Е.Л. Немировского* и канд. ист. наук *А.А. Гусевой*).

Открыл вторую секцию доклад *А.В. Стадникова*, посвященный эволюции государственной политики в отношении старообрядцев в XVII в. Ряд докладов секции был посвящен истории местных старообрядческих традиций: *А.А. Безгодова* (член Российского Совета Древлеправославной поморской церкви), *С.В. Бураевой* (Ин-т монголоведения, буддизма и тибетологии СО РАН), *О.П. Савостьяновой* (Музей-заповедник Коломенское), *А.А. Пригарина* (Одесский нац. ун-т им. И.И. Мечникова), *Л.Н. Приль* (Центр документации новейшей истории, Томск), *С.В. Таранца* (Ин-т украинской археологии и источниковедения им. М.С. Грушевского НАНУ). На этой секции также прозвучали выступления, посвященные старообрядческой книжности (*Е.А. Емельянова*, *В.К. Семibrатов*, *Д.А. Урушев*, *Ю.А. Лабынцев* и *Л.Л. Щавинская*). Попытка проф. ТГУ *О.Н. Бахтиной*, *Е.Е. Дутчак* (Томск) и проф. РУДН *В.В. Керова* (Москва) поставить проблему институционализации нового научного направления – социальной археографии, – вызвала оживленную дискуссию. Полевая археография всегда уделяла большое внимание изучению среды бытования книжных памятников, тем более важны комплексные полевые исследования, которые по природе своей социальны. С этой точки зрения предлагаемая формулировка может рассматриваться как новый термин, а вовсе не как новое направление, а внимание к социальным аспектам всегда было характерно для археографов МГУ!

В целом следует сказать, что тематика докладов значительно превосходила границы не только России, но и стран СНГ, что еще раз подтверждало de facto международный характер конференции.

В.П. Богданов

³ О тематике докладов, посвященных истории книжной культуры см. также: *Дадыкин А.В., Конявская Е.Л.* Указ. соч. С. 123–124.

К 70-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА О.Г. ЛАСУНСКОГО

5 мая 2006 г. исполнилось 70 лет члену Археографической комиссии РАН, историку провинциальной культуры, литературоведу, книговеду, председателю Воронежского историко-культурного общества, заместителю председателя Союза краеведов России, кандидату филологических наук, члену Союза российских писателей Олегу Григорьевичу Ласунскому. Более четверти века он проработал на кафедре русской литературы Воронежского государственного университета, пройдя путь от старшего преподавателя до профессора. Именно он создал университетский вестник литературоведения и языкознания “Филологические записки”, восстановив тем самым дореволюционную традицию: выходявший в Воронеже единственный журнал (1860–1917) пользовался большой популярностью в российской гуманитарной среде. В 1993–1996 гг. О.Г. Ласунский являлся главным редактором обновленных “Филологических записок”. В связи с его юбилеем 25-й выпуск вестника (2006) был посвящен О.Г. Ласунскому. В этом же выпуске опубликована статья доцента ВГУ О.Ю. Алейникова “Духовная оседлость человека”. В ней рассматривается творческий путь юбиляра и его вклад в науку, культуру и просвещение. В названии статьи использована известная формула Д.С. Лихачева: О.Г. Ласунскому близка мысль ученого о необходимости и благотворности духовной земляческой связи, соединяющей любого человека, где бы он ни жил, с породившим его краем.

70-летие О.Г. Ласунского совпало с еще одной важной датой, имеющей к нему непосредственное отношение. Весной 2006 г. отмечалось 35-летие Воронежского историко-культурного общества (ВИКО): его организатором и неизменным руководителем является О.Г. Ласунский. В вышедшем к юбилею ВИКО сборнике справочно-библиографических материалов дается полная информация о деятельности ведущего в регионе краеведческого объединения за все годы его существования.

Пребывание О.Г. Ласунского на посту председателя ВИКО позволило ему сплотить вокруг себя команду высококвалифицированных исследователей местной старины, преимущественно вузовских специалистов. Наличие такой команды стало залогом успешной работы О.Г. Ласунского по составлению и редактированию “Воронежской

историко-культурной энциклопедии: Персоналии” (Воронеж, 2006): она явилась первым опытом подобного рода в регионе. В 2007 г. на национальном конкурсе “Лучшие книги года” энциклопедия получила лауреатский диплом.

К юбилею ученого и писателя воронежский Центр духовного возрождения Черноземного края переиздал в очередной раз его “Литературную прогулку по Воронежу”. По итогам 3-го Всероссийского конкурса региональной и краеведческой литературы “Малая родина” (2007) автор стал лауреатом в номинации “Подвижник краеведения” – за многолетнюю популяризацию памятников культуры родного края, воспитание патриотизма и любви к историческому наследию.

5 мая 2006 г. в актовом зале Воронежской областной универсальной научной библиотеки им. И.С. Никитина состоялось торжественное заседание научной, педагогической и творческой общественности города по случаю 70-летия О.Г. Ласунского. Среди выступавших были: руководители областного и городского управлений культуры И.Д. Образцов и И.П. Чухнов, представитель ректората ВГУ В.С. Листенгартен, декан филологического факультета ВГУ проф. В.М. Акаткин, председатель общества “Мемориал” В.И. Битюцкий, историки А.Н. Акиншин, З.Я. Анчиполовский, И.И. Кесслер, и многие другие. Юбиляру были вручены почетные знаки за заслуги перед областной культурой и перед ВГУ... 11 мая юбиляра чествовали на кафедре русской литературы ВГУ (заведующий – проф. Б.Т. Удодов).

К юбилею О.Г. Ласунского в печати появилось немало посвященных ему материалов, в частности, библиографический указатель опубликованных работ О.Г. Ласунского и литературы о нем за 1987–2005 гг. (предисловие О.Ю. Алейникова), иллюстрированный буклет (составитель В.Г. Красильников), специальные статьи в “Российском экслибрисном журнале” (2006, № 4), альманахе “Библиофилы России” (Москва, 2007, Т. 4) и “Невском библиофиле” (С.-Петербург, 2006, Вып. 11). Поздравительной заметкой откликнулся и “Воронежский вестник архивиста” (2006, Вып. 4).

16 мая 2006 г. в Зональной научной библиотеке ВГУ состоялась 8-е книговедческие чтения, которые ежегодно проходят на базе

переданной туда личной коллекции О.Г. Ласунского. Сотрудники отдела редких книг университетской библиотеки подготовили юбиляру хороший подарок: издали фундаментальный библиографический труд “Собрание О.Г. Ласунского: Книговедение. Библиофильство. Аннотированный каталог”.

70-летие О.Г. Ласунского широко отмечалось в местных печатных и электронных СМИ. В частности, газета “Воронежский курьер” в номере от 4 мая поместила большую статью З.Я. Анчиполовского “Житель родного города”, адресованные юбиляру стихотворения, а также приветственный текст, поступивший из Археографической комиссии РАН (член-корр. РАН С.М. Каштанов, академик РАО С.О. Шмидт, кандидат исторических наук В.А. Черных).

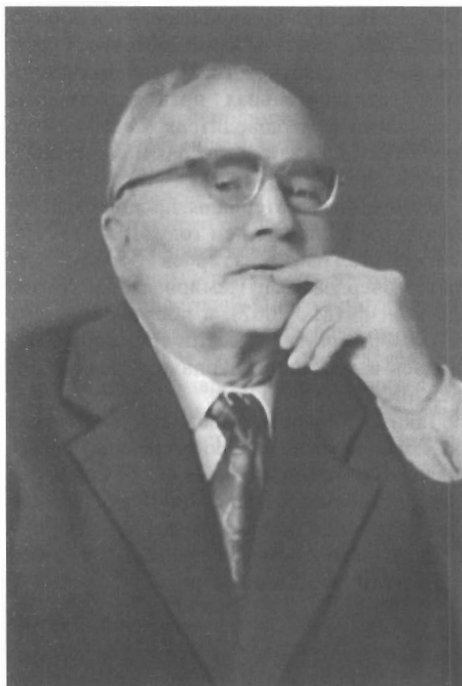
Юбилей О.Г. Ласунского не могли не заметить его коллеги по книжническому увлечению: ведь он является организатором и многолетним сопредседателем Организации российских библиофилов (ОРБ). 19–21 мая

2006 г. в Вологде прошла очередная встреча членов ОРБ, в ходе которой состоялось чествование О.Г. Ласунского. На его имя поступила поздравительная правительственная телеграмма от руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям М.В. Сеславинского.

Юбилейные материалы продолжали появляться и в следующем году. Так, О.Г. Ласунский стал одним из героев сборника портретов-очерков Е.Л. Немировского “Жизнь для книги” (М., 2007), а посвященная ему статья Фр. Краузе “Русский друг книги” появилась в немецком журнале “Marginalien” (Берлин, 2007. № 4).

Таким образом, юбилей воронезца О.Г. Ласунского перерос уровень регионального события, привлек к себе внимание общероссийской гуманитарной общественности, стал немаловажным фактором современного историко-краеведческого и книговедческого движения в стране.

А.Н. Акиншин

**АРКАДИЙ
ГЕОРГИЕВИЧ
МАНЬКОВ
(1913–2006)**

Историческая наука понесла невосполнимую утрату – 1 марта 2006 г. ушел из жизни выдающийся отечественный историк Аркадий Георгиевич Маньков.

А.Г. Маньков родился в С.-Петербурге 19 марта 1913 г. Его отец – выпускник юридического факультета ун-та, до 1917 г. служил обер-секретарем гражданского департамента Сената, после революции, в 1917–1931 гг., – членом коллегии адвокатов в г. Кашине, куда вынужденно уехал после Октябрьской революции. Вести гражданские дела в суде после коллективизации он не имел сил и желания, поэтому в 1931 г. вернулся в Ленинград и до смерти в 1942 г. находился на хозяйственной работе. В 1930 г. А.Г. Маньков окончил среднюю школу в Кашине, но по причине непростого происхождения (мать из купеческого сословия, а отец – из чиновников) не мог продолжить учебу в университете. Ради рабочего стажа в 1931–1933 гг. он устроился на работу статистиком на завод “Промтехника” комбината “Красный треугольник” в Ленинграде и одновременно учился на высших курсах библиотековедения при Государственной публичной библиотеке (ГПБ). По окончании курсов, в 1933–1934 гг. он работал сначала библиотекарем в НИИ жировой промышленности, затем, в 1934–1935 гг. – библиотекарем ГПБ. Заработав трудовой стаж, он, наконец, в 1935 г. поступил на исторический

факультет ЛГУ. Пять лет жизни пришлось отдать ради осуществления мечты – поступления в университет. В 1940 г. А.Г. Маньков с отличием окончил ЛГУ и был оставлен в аспирантуре. Ради этого в 1939 г., на 26-м году жизни, он был вынужден вступить в комсомол – иначе поступить в аспирантуру было невозможно. В 1940–1941 гг. А.Г. Маньков – аспирант кафедры истории СССР истфака ЛГУ. Начавшаяся война вновь на пять лет прервала путь в науке. 1 июля 1941 г. он был призван в Красную армию и служил в строительных частях командиром взвода, политруком и командиром роты, начальником отдела кадров. Служил, как и все что он делал, хорошо – в 1944 г. был награжден медалью “За оборону Ленинграда”.

Сразу после демобилизации в 1946 г. А.Г. Маньков возвращается в аспирантуру, заканчивает ее под руководством И.И. Смирнова в 1948 г. триумфальной защитой кандидатской диссертации “Цены в Русском государстве в XVI в.”. В апреле 1948 г. его принимают научным сотрудником в Ленинградское отделение Института истории, где он работает до ухода на пенсию в 1997 г., в том числе в 1964–1979 гг. в качестве зав. отделом истории СССР периода феодализма. В 1962 г. А.Г. Маньков успешно защитил докторскую диссертацию “Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в.”.

За 50 лет работы в институте А.Г. Манькову удалось сделать необыкновенно много. Он издал свыше 100 книг, статей и публикаций источников – по объему (400 а.л.) целое собрание сочинений, и выступил ответственным редактором более 30 книг. Уже его первая монография “Цены и их движение в Русском государстве в XVI в.” (1951) была переведена на французский язык в 1957 г. и получила признание в России и за границей. Столь же широкую известность получили его вторая капитальная монография “Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в.” (1962) и третья – “Уложение 1649 года: Кодекс феодального права России” (1980). Вершиной его научной карьеры была подготовка академического издания “Соборное уложение 1649 года: Текст. Комментарий” (1987), где он выступал в роли редактора и автора комментариев к нескольким главам. В 1994–1995 гг. А.Г. Маньков неожиданно для всех опубликовал чрезвычайно интересные “Дневники 30-х годов”, которые имели большой общественный резонанс.

Работы А.Г. Манькова, в какие бы годы они ни создавались, отличает величайший академизм, поэтому они не потеряли и вряд ли потеряют когда-либо свое научное значение. В 1948 г., в начале научной деятельности, С.Б. Окунь, зав. аспирантурой истфака, писал в его характеристике: «Характерными чертами А.Г. Манькова как исследователя являются исключительная точность в работе, строгая самодисциплина, настойчивость

и упорство. При этом его влекут к себе не частные “боковые” темы, а такие вопросы, которые касаются важнейших сторон Русского государства XVI–XVII вв.». В 1953 г. его бывший научный руководитель И.И. Смирнов, не слишком щедрый на похвалу, отметил: “Основные черты трудов А.Г. Манькова – богатство материала, тщательность его обработки и правильный анализ”. Так работал А.Г. Маньков до конца своей жизни, всегда оставаясь подлинным ученым, лишенным житейской суетности, для которого главным было бескорыстное служение науке. За несомненные заслуги перед наукой в 1984 г. ему было присуждено звание заслуженного деятеля науки РСФСР, а в 1989 г. – премия АН СССР им. Б.Д. Грекова.

А.Г. Маньков был не только выдающимся историком, но и замечательным человеком. Его отличали глубокая внутренняя интеллигентность и порядочность. Он был отзывчивым и надежным другом, человеком большой души, чистого сердца и удивительной благожелательности. Он умел видеть в людях прежде всего хорошее, сострадать им и радоваться их успехам. При этом он отличался независимостью суждений, принципиальностью и твердой волей.

Светлая ему память.

Санкт-Петербургский
институт истории РАН

Санкт-Петербургское отделение
Археографической комиссии РАН

**ЛЮДМИЛА
МАКСИМОВНА
КУЗНЕЦОВА
(1947–2006)**

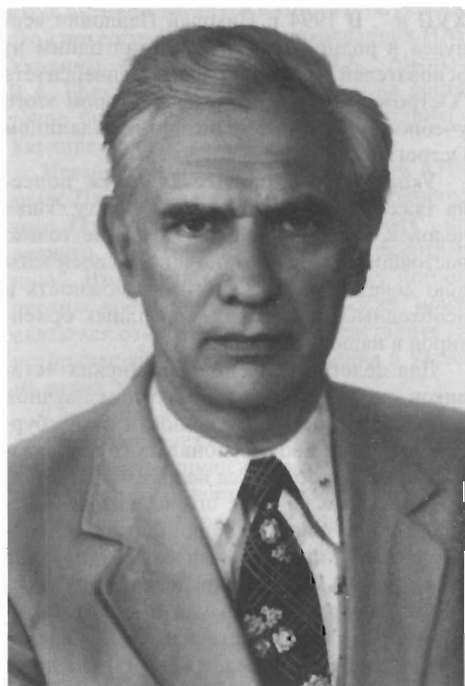
12 сентября 2006 г. скоропостижно скончалась ведущий редактор редакции “Наука – история” РАН Людмила Максимовна Кузнецова – высокопрофессиональный издательский работник, человек редких душевных качеств, глубоко уважаемый руководителями и сотрудниками издательства “Наука”, многие годы избиравшаяся председателем его месткома.

Л.М. Кузнецова родилась 25 ноября 1947 г. в подмосковном Клину, окончила исторический факультет Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина. В 1973 г. она начала работать в издательстве “Наука”, где прошла путь от старшего корректора до ведущего редактора. Корректорская практика помогла ей с особой чуткостью и в то же время педантичностью улавливать малейшее несоблюдение норм русского языка и отступления от необходимого в обязательных случаях единообразия. Как редактор она неизменно учитывала своеобразие стилистики авторов, не навязывала более ей привычное. Ощукая продолжающееся стремление авторов к улучшению своего сочинения – и,

следовательно, к изменению отредактированного уже текста – Людмила Максимовна обычно шла навстречу, не щадя ни своих сил, ни своего времени. Редактор по душевному складу, это – человек, способствующий совершенствованию издания (его содержания, конструкции, стилистики), все достоинства которого припишут не ему, а автору. Это – всегда натура альтруистическая, благородная, преданная общему делу, без склонности к выпячиванию своего “я”. Как многолетний руководитель Археографической комиссии РАН знаю сколь многим мы обязаны Людмиле Максимовне. Она была редактором 14 книг Археографических ежегодников, материалов конференций, организуемых Комиссией, других ее изданий, моих книг. Тактичная и доброжелательная Людмила Максимовна излучала столь привлекательную русскую уютность. Для сотрудников Комиссии кончина ее – тяжелая личная утрата. Издательская работа Людмилы Максимовны – достойнейший образец и редакторской культуры, и культуры человеческого общения.

С.О. Шмидт

**НИКОЛАЙ
ПАВЛОВИЧ
КОВАЛЬСКИЙ**
(1929–2006)

5 октября 2006 г. на семьдесят восьмом году жизни в Остроге (Ровенская область Украины) умер доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники Украины, член Археографической комиссии РАН, основатель и фактический руководитель Днепропетровского отделения Института украинской археографии и источниковедения им. М. Грушевского Николай Павлович Ковальский¹.

Николай Павлович родился 19 марта 1929 г. в Остроге, который тогда был в составе Польши, в учительской семье. В 1946 г. закончил с золотой медалью местную среднюю школу, а в 1947 г. – Острожское педагогическое училище с отличием. С 1947 по 1952 г. учился на историческом факультете Львовского университета. В 1953–1956 гг. – в аспирантуре того же вуза, в котором в 1958 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Связи западноукраинских земель с Русским государством

(вторая половина XVI–XVII в.)». С 1959 по 1963 гг. работал в Украинском государственном музее этнографии и художественного промысла АН УССР во Львове. В 1963 г. переехал в Кривой Рог, где был избран доцентом Криворожского общенаучного факультета Днепропетровского гос. университета и проработал там до 1967 г. С того времени и до 1994 г. жизнь и творчество М.П. Ковальского связаны с Днепропетровским государственным университетом, где он с 1977 по 1994 г. возглавлял кафедру историографии и источниковедения, которая под его руководством превратилась в ведущий центр развития этих отраслей исторической науки, как в Украине, так и в Советском Союзе, создал собственную научную школу, воспитал около трех десятков кандидатов и докторов наук. В 1984 г. в Московском университете состоялась защита его докторской диссертации «Источники по истории Украины XVI – первой половины

¹ Более детальную информацию о жизни и деятельности Н.П. Ковальского можно почерпнуть в следующих изданиях: Дніпропетровський історико-археографічний збірник. Днепропетровск, 1997. Вип. 1: На пошану професора М.П. Ковальського [3 нагоди 40-річчя наукової діяльності]. 536 с.; Осягнення історії: Збірник наукових праць на пошану професора Миколи Павловича Ковальського з нагоди 70-річчя. Острог; Нью-Йорк, 1999. 595 с.; Наукові записки Національного університету «Острозька академія»: Історичні науки. Острог, 2004. Вип. 4: На пошану професора Миколи Павловича Ковальського [3 нагоди 75-річчя з дня народження]. 534 с.; Микола Павлович Ковальський: матеріали до біобібліографії. Острог, 2002. 149 с.; *Плохий С.* Жизненная миссия Николая Ковальского // Зеркало недели. К., 2006. 11 ноября.

XVII в.". В 1994 г. Николай Павлович вернулся в родной Острог, где стал одним из основателей Национального университета "Острожская академия", проректором этого учебного заведения, почетным гражданином Острога.

Украинская историческая наука понесла тяжелую и непоправимую утрату. Ушел человек, которому удалось стать не только настоящим историком, но и всей своей жизнью доказывать и доказать возможность и необходимость высоких моральных ориентиров в нашей профессии.

Для целого поколения украинских историков он был не только образцом научной добросовестности, преданности делу, бурной энергии и профессионального энтузиазма. Он стал и останется великим Учителем. Созданная им научная школа источниковедов, хотя и зовется традиционно "днепропетровской", имеет далеко не региональное значение, во многом определяя лицо украинской исторической науки в целом. Сегодня невозможно представить "цех" украинских историков без целой когорты учеников Николая Павловича: А.К. Швидько, А.Г. Боллебуха, С.Н. Плохия, Ю.А. Мыцька, В.А. Брехуненко, Ю.А. Святца, С.В. Абримовой, П. Кулаковского, В.И. Воронова и других. Николай Павлович не только прививал нам, его ученикам, профессиональную культуру, он выставлял высокую нравственную планку самоотверженного, вдумчивого, критического отношения к профессии, требовал постоянной саморефлексии по поводу ее смысла, ценностей, содержания.

Источниковедческие, архивоведческие и археографические изыскания Н.П. Ковальского были посвящены, прежде всего, периоду XVI – первой половины XVII в. Они открывали и будут открывать еще не для одного поколения историков двери в мир раннемодеิร์นй истории Украины. Яркой особенностью этих исследований и педагогических усилий Николая Павловича стало глубокое и постоянное внимание к теории, истории, методологии источниковедения, археографии и архивоведения, т.е. к кругу тех проблем, разработка которых и сегодня остается не только крайне недостаточной, но, нередко, даже неосознанной.

Значение и масштаб этой личности трудно понять вне интеллектуального, политического, профессионального контекста развития советской исторической науки 1970–1980-х годов в целом и ее украинского варианта в частности. Сегодня можно вполне уверенно сказать, что в условиях безграничной заполитизированности основной

массы исторических исследований, господства цензуры и самоцензуры, табуированности значительного количества сюжетов, персонажей, направлений, целых исторических эпох, что было особенно характерно как для истории Украины, так и для отношения к тем, кто не занимался историко-партийной проблематикой, Николай Павлович оказался среди очень немногих профессионалов, кто своей подвижнической, честной работой спас честь украинской исторической науки.

Стоит отметить и еще один важный момент жизни и творчества Н.П. Ковальского, имеющий не столько историографическое, сколько культурно-региональное значение. Этот волынянин с галицким высшим образованием оставил неповторимый и чрезвычайно глубокий след в интеллектуальной истории Украины, в особенности южноукраинского историко-культурного региона. На абсолютно пустом, с точки зрения обеспеченности источниками, исторической литературой, соответствующими традициями, кадрами месте, Николай Павлович смог самостоятельно, вопреки множеству неблагоприятных обстоятельств создать настоящий интеллектуальный центр, нанести Днепропетровск как значимый пункт на историографическую карту Советского Союза и Украины. Он стал бесспорным лидером истфака, кафедры историографии и источниковедения, творя вокруг себя атмосферу постоянного научного энтузиазма, поиска, взаимной заинтересованности и настроенности на все новое и оригинальное.

Николай Павлович никогда не замыкался в кругу только своей научной проблематики и собственных интересов. Он обогащал своих коллег и учеников, не стыдился учиться у них, пребывая в постоянном диалоге с историографами, археологами, этнографами, филологами.

Занятия проблемами источниковедения истории Украины XVI–XVII вв. в Днепропетровске требовали от Николая Павловича постоянных усилий, связанных с непрерывными разъездами, изысканиями в архивах и библиотеках Москвы, Варшавы, Кракова, Киева, Львова. По проложенным и протоптанным им дорожкам из "внеисторического" Днепропетровска к центрам залегания "источниковых сокровищ" с начала 1970-х годов потянулись, увлеченные страстью Учителя, его ученики и последователи. Контакты и связи с российскими, польскими, украинскими, а с конца 1980-х годов с американскими и канадскими историками, высоко ценились как самим Н.П. Ко-

вальским, так и его коллегами. Особенно тесными и плодотворными были контакты Николая Павловича и его кафедры с московскими и петербургскими специалистами. В одном из своих интервью Николай Павлович подчеркивал, что для него образцом ученого-историка являлись А.П. Пронштейн, Р.Г. Скрынников, О.М. Медушевская, С.М. Каштанов, О.В. Чистякова, В.А. Дунаевский. Не случайно ведущие историографы и источниковеды Днепропетровского истфака 1980 – начала 1990-х годов (А.Г. Болебрух, И.И. Колесник, С.Н. Плохий, В.В. Подгаецкий) защищали свои докторские диссертации в Историко-архивном институте, Университете дружбы народов, МГУ.

Увлечение историей и теорией археологии, контакты и членство в Археологической комиссии, чем Н.П. Ковальский очень гордился, наложили серьезный отпечаток как на научные судьбы его отдельных учеников, значительное число которых

ныне активно трудится в Институте украинской археологии и источниковедения НАН Украины (Г.К. Швидько, Ю.А. Мыщык, В.А. Брехуненко и другие), так и на достаточно бурное развитие этой дисциплины в Украине на рубеже XX–XXI вв.

Несмотря на безусловную харизму, в Николае Павловиче не было ничего титанического. Однако он был из тех “смертных”, кто начисто лишен способности к “омертвлению”. Именно поэтому на поверку историческим временем Н.П. Ковальский может оказаться самым успешным представителем исторической науки и образования в Украине конца XX в.

Скорбная весть о смерти Н.П. Ковальского продолжает отзываться щемящей, ноющей болью, ощущением тоски и чувством осиротелости у всех, кто имел счастливую возможность пересечься на жизненных путях-дорожках с этим выдающимся Человеком.

О.И. Журба

**ТАМАРА
ВАСИЛЬЕВНА
БАТАЕВА
(1927–2006)**

29 октября 2006 г. внезапно оборвалась жизнь Тамары Васильевны Батаевой – выдающегося археографа, историка и источниковеда, талантливого педагога, доктора исторических наук, многолетнего деятельного члена Археографической комиссии.

На протяжении четверти века учеба и преподавательская деятельность Т.В. Батаевой была связана с Московским историко-архивным институтом. Поступив в институт в победном 1945 году, Тамара Васильевна окончила его с отличием, затем три года приобретала практический опыт археографа в научно-издательском отделе Главного архивного управления, одновременно занимаясь в заочной аспирантуре. В 1953 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему “Документальные публикации по истории борьбы рабочего класса в период военной интервенции и гражданской войны” и по рекомендации заведующего кафедрой теории и практики архивного дела профессора И.Л. Маяковского была зачислена на кафедру преподавателем археографии. В 1961 г. ей было присвоено звание доцента. Наряду с успешной преподавательской работой, Т.В. Батаева (известная коллегам в то время под фамилией своего однокурсника и первого мужа – Иваннической) столь же трудолюбиво и успешно занималась историей и методикой издания исторических документов. Вместе с тем она никогда не оставляла практической дея-

тельности по публикации архивных документов бурной и сложной отечественной истории XX века. В качестве составителя и редактора она участвовала в подготовке капитальных изданий источников по истории рабочего класса и профсоюзного движения. В тяжелой общественно-политической атмосфере 1950–1960-х годов Тамара Васильевна и в преподавательской, и в практической публикационной деятельности старалась отстаивать научные подходы к изданию документов советского времени, выступала против тенденциозных купюр в публикуемых документах. На этой почве она вступила в острый конфликт с тогдашним заведующим кафедрой археографии М.С. Селезньевым и ректором МГИАИ С.И. Мурашевым, обвинившим Тамару Васильевну в “объективизме” и “отходе от принципа партийности”. В 1971 г. Т.В. Батаевой вместе с несколькими преподавателями пришлось покинуть родной институт.

Тамара Васильевна перешла на работу в Университет дружбы народов, где вскоре стала заместителем заведующего кафедрой истории СССР. Здесь значительно расширился круг ее научных интересов. Она разработала и стала читать курс истории СССР советского периода, ориентированный на уникальную интернациональную аудиторию УДН. В лекционных курсах и в работе организованных ею семинаров и кружков в полной мере проявился ее талант университетского преподавателя

и воспитателя своеобразного молодежного коллектива – студентов из разных стран. В 1979 г. Т.В. Батаева защитила докторскую диссертацию на тему: “Документы РКП(б) как источниковая основа изучения истории рабочего класса периода укрепления и защиты завоеваний Октября (1918–1920 гг.)”. О научном качестве и непреходящей ценности этой работы, в которой традиционным был лишь заголовок, а методика исследования – новаторской, убедительно свидетельствует тот факт, что в 1990 г., в резко изменившейся исторической обстановке, диссертация была опубликована издательством “Высшая школа” в виде монографии. В 1982 г. Т.В. Батаева получила ученое звание профессора и возглавила кафедру истории СССР (с 1992 г. – кафедра истории России). Свойственный Тамаре Васильевне и в более ранние годы объективный, чуждый идеологических штампов подход к исследовательским и педагогическим трудам существенно помог ей и руководимой ею кафедре при переходе к работе в новых общественно-политических условиях.

С 2001 г. до последних дней жизни Т.В. Батаева работала профессором на кафедре истории России и архивоведения исторического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

Членом Археографической комиссии Тамара Васильевна официально стала в середине 1980-х годов, хотя фактически намного раньше активно участвовала в ее трудах. Уже в “Археографическом ежегоднике” за 1961 год появилась ее статья “Археографическая деятельность архивных органов и государственных архивов в предвоенные годы”, и с тех пор ее работы по истории и методике

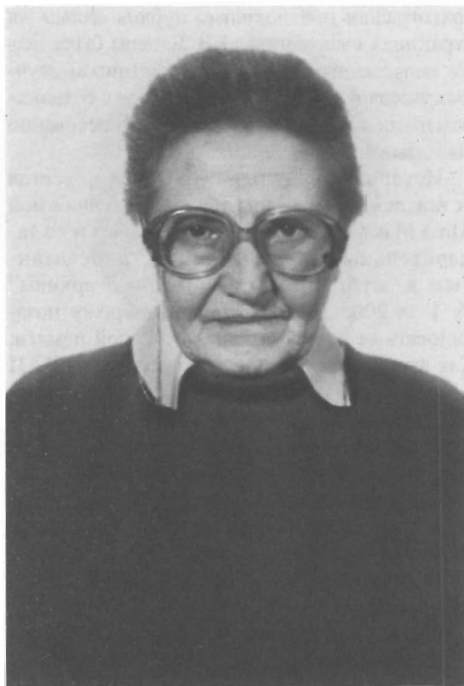
археографии неоднократно публиковалась на страницах ежегодника. Т.В. Батаева была также непременным активным участником научных заседаний Комиссии, выступала с содержательными докладами, остро и заинтересованно высказывалась в прениях.

Историко-архивный институт всегда оставался для Тамары Васильевны любимой Alma Mater. Об этом свидетельствуют и ее замечательные воспоминания, напечатанные в журнале “Отечественные архивы” № 1 за 2005 год. Можно по-доброму позавидовать ее ясной, емкой и образной памяти. Как выпускник предыдущего курса МГИАИ могу подтвердить, что ее описания нелегкой послевоенной студенческой жизни, живые характеристики каждого из блестящей плеяды наших тогдашних учителей, и всей вообще институтской обстановки тех лет абсолютно точны и достоверны. Не могу не отметить и прекрасный литературный стиль, свойственный всем ее работам, но особенно ярко проявившийся в воспоминаниях.

Тамара Васильевна была цельным, щедро одаренным от природы, талантливым и добрым человеком. В юности она училась и музыке, и спортивной гимнастике, и балету, но выбрала путь историка, археографа, исследователя, учителя и воспитателя молодежи; очень достойно прожила жизнь, в которой были и большие достижения, и тяжелые утраты.

В сердцах ее многочисленных друзей, коллег, а также учеников, хранящих в разных частях света – от Новой Зеландии до Канады благодарную память о своем педагоге, Тамара Васильевна останется навсегда.

В.А. Черных

**ЛЮБОВЬ
НИКОЛАЕВНА
РАСТОПЧИНА
(1917–2006)**

9 ноября 2006 г. на 90-м году жизни скончалась Любовь Николаевна Растопчина, работавшая в 1970–1983 гг. научным сотрудником Археографической комиссии.

Любовь Николаевна родилась 24 июня 1917 г. в Костроме. В 1936 г. поступила на исторический факультет МГУ, который окончила с отличием в июне 1941 г. Сразу же после сдачи государственных экзаменов стала заниматься на курсах медсестер, созданных при МГУ в первые дни Великой Отечественной войны. В 1941–1943 гг. работала медицинской сестрой в госпиталях Подмосковья и Уфы. Вернувшись из эвакуации, в 1943–1949 гг. работала редактором во Всесоюзном обществе культурной связи с заграницей (ВОКС). В ноябре 1949 г. была зачислена младшим научным сотрудником в Институт истории АН СССР. Работала референтом академика И.И. Минца. Приняла деятельное участие в подготовке первых трех томов капитального документального издания “Декреты Советской власти” (М., 1957–1964), была членом редколлегии сборника статей “Источниковедение: Теоретические и методические проблемы” (М., 1969).

В Археографической комиссии Л.Н. Растопчина специализировалась по археографии и источниковедению отечественной истории XX века, участвовала в подготовке к изданию избранных трудов по археографии профессора С.Н. Валка; опубликовала в “Археографическом ежегоднике” статью “Археографическое и библиографическое изучение декретов Советской власти (1917–1921)” (АЕ за 1979 г. М., 1981), а также ряд хроникальных заметок и сообщений.

После ухода на пенсию Любовь Николаевна помогала сотрудникам Комнаты боевой и трудовой славы истфака МГУ в собирании документов бывших студентов-участников Великой Отечественной войны.

Л.Н. Растопчина в 1946 г. была награждена медалью “За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и в 1985 г. – медалью “40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов”.

Любовь Николаевна была очень скромным, добрым и отзывчивым человеком, трудолюбивым и компетентным сотрудником. Мы сохраним о ней светлую память.

Товарищи по работе

**ИРИНА
ПАВЛОВНА
СТАРОВЕРОВА
(1932–2006)**

19 декабря 2006 г. скончалась Ирина Павловна Староверова, внесшая заметный вклад в практику архивной работы, и более чем кто-либо другой, сделавшая для описания и пополнения находящегося в архиве Академии наук наследия инициатора создания нашей Археографической комиссии и первого ее руководителя академика Михаила Николаевича Тихомирова. И.П. Староверова родилась 7 февраля 1932 г. в семье военнослужащего. Юные годы провела в Москве, по окончании МГИАИ, в 1954 г., работала в г. Алма-Ате в Центральном государственном архиве Казахской ССР (до ноября 1957 г. он назывался ЦГАОР КазССР), в 1963–1964 гг. – заместителем начальника. С ноября 1964 по январь 1998 г. И.П. – научный сотрудник Архива АН СССР (АРАН), в 1982–1988 гг. заведовала там сектором личных фондов. В те годы в Архиве сплотивась группа квалифицированных историков-архивистов, учившихся в одни годы с ней в МГИАИ, во главе с энергичной заместительницей директора Н.М. Митряковой, способствовавших коренному изменению системы работы в Архиве. Там И.П. проделала очень результативную работу по описанию личных фондов (академиком Н.Н. Лузина, А.Н. Несмеянова, профессора-архивиста В.В. Максакова, и др.) и особенно комплектованию архива личными фондами (первичная экспертиза ценности докумен-

тов, составление слаточных описей). И.П. составила “Методические рекомендации по комплектованию, экспертизе ценности, научному описанию фондов ученых в Архиве АН СССР” (М., 1991).

Именно И.П. занялась описанием и изучением личного фонда М.Н. Тихомирова. На Тихомировских чтениях 1968 г. И.П. выступила с докладом “Фонд М.Н. Тихомирова в Архиве АН СССР”, напечатанным в АЕ за 1973 год. (М., 1974). Статья стала эталонной для других трудов подобной тематики. В 1974 г. издано отдельной книгой, как 25-й выпуск Трудов Архива АН СССР, научное описание “Рукописное наследие академика М.Н. Тихомирова в Архиве Академии наук СССР”, составленное И.П. В этой тщательно подготовленной книге описана 1921 единица хранения, выявлены релакции и фрагменты научных трудов, определены вероятные даты недатированных материалов, некоторое сочинения впервые опубликованы. В описании шесть разделов: “Научные труды и материалы к ним”; “Историко-литературные произведения, стихотворения, поэтические переводы”; “Отзывы”; “Биографические материалы” (включающие и изобразительный материал – рисунки и фото, и отзывы на работы ученого, выступления его памяти и по увековечению ее, и материалы репрессированного младшего брата, историка Бориса Николаевича Тихомиро-

ва (1898–1938)); “Материалы о деятельности М.Н. Тихомирова”; “Переписка” (письма М.Н. Тихомирова и адресованные ему). И.П. неутомимо пополняла фонд материалами, получаемыми от знакомых академика и копиями документов, выявленных в других фондах Архива Академии наук и в других хранилищах. Именно стараниями И.П. создана информационная база, позволяющая всесторонне изучать жизнь и деятельность М.Н. Тихомирова. И.П. и сама готовила к печати сочинения М.Н. Тихомирова (что отражено в библиографическом указателе И.Е. Тамм “Михаил Николаевич Тихоми-

ров” (М., 1996)), и – главное – оказывала неоценимую помощь сотрудникам Археографической комиссии, готовившим к печати книги избранных трудов историка.

И.П. была высококомпетентным и отзывчивым советчиком тех, кто знакомился с личными фондами подведомственного ей архива. Память о трудолюбивом и добром человеке, бескорыстно преданном избранной профессии историка-архивиста, навсегда останется в душах знавших Ирину Павловну, ощутивших ее заботливое внимание.

С.О. Шмидт

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПРИ	– Архив внешней политики Российской империи
АЕ	– “Археографический ежегодник”
АП РФ	– Архив Президента Российской Федерации
АРАН	– Архив Российской академии наук
АСЗ	– “Акты служивых землевладельцев”
АСЭИ	– “Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV–XVI веков”
АФЗиХ	– “Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков”
БФРЗ	– Библиотека фонда “Русское Зарубежье”
ВА	– “Вестник архивиста”
ВАН	– “Вестник Академии наук СССР”
ВИ	– “Вопросы истории”
ВИД	– “Вспомогательные исторические дисциплины”
ВИЕТ	– “Вопросы истории естествознания и техники”
ВНИИДАД	– Всероссийский научно-исследовательский институт документо- ведения и архивного дела
ГАРФ	– Государственный архив Российской Федерации
ГАУ	– Главное архивное управление
ГБЛ	– Государственная библиотека имени В.И. Ленина
ГЕОХИ	– Институт геохимии и анатомической химии имени В.И. Вернадского
ГИМ	– Государственный исторический музей
ГМП	– Государственный музей А.С. Пушкина
ГПБ	– Государственная публичная библиотека имени М.Е. Салтыкова- Щедрина
ГПНТБ СО АН СССР	– Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Академии наук СССР
ДДГ	– “Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV– XVI вв.”
ДП	– Департамент полиции
ЕГАФ	– Единый государственный архивный фонд
ЗОР ГБЛ	– “Записки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина”
ИА	– “Исторический архив”
ИАИ	– Историко-архивный институт
ИЗ	– “Исторические записки”
ИИ СО РАН	– Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук
ИИФиФ	– Институт истории филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР
СО АН СССР	– Институт мировой литературы
ИМЛИ	– Императорский Московский университет
ИМУ	– “Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук”
ИОРЯС	– Институт российской истории Российской академии наук
ИРИ РАН	– Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук
ИРЛИ	– “История СССР”
ИСССР	– “История СССР”
ИЯФ СО АН СССР	– Институт ядерной физики Сибирского отделения Академии наук СССР
КГУ	– Казанский государственный университет
ЛГУ	– Ленинградский государственный университет

ЛО ААН	– Ленинградское отделение Архива Академии наук
ЛОИИ	– Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР
ЛС	– Лицевой свод
МАКИД	– Московский архив Коллегии иностранных дел
МАМЮ	– Московский архив Министерства юстиции
МГАМИД	– Московский главный архив Министерства иностранных дел
МГИАИ	– Московский государственный историко-архивный институт
МГПИ	– Московский государственный педагогический институт имени В.И. Ленина
МГУ	– Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
МОИДР	– Московское общество истории и древностей российских
НГПИ	– Новосибирский государственный педагогический институт
НГУ	– Новосибирский государственный университет
НИВЦ МГУ	– Научно-исследовательский вычислительный центр Московского государственного университета
НКП	– Народный комиссариат просвещения
ОА	– “Отечественные архивы”
ОИ	– “Отечественная история”
ОПИ ГИМ	– Отдел письменных источников Государственного исторического музея
ОР БАН	– Отдел рукописей Библиотеки Академии наук
ОР ГИМ	– Отдел рукописей Государственного исторического музея
ОР ГПБ	– Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина
ОР РГБ	– Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ОРК РГБ	– Отдел редких книг Российской государственной библиотеки
ОР ГПНТБ	– Отдел рукописей Государственной публичной научно-технической библиотеки
ОСРК	– Основное собрание рукописной книги
ПСРЛ	– “Полное собрание русских летописей”
РАН	– Российская академия наук
РАНИОН	– Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РГА ВМФ	– Российский государственный архив Военно-Морского флота
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ	– Российский государственный архив литературы и искусства
РГАНИ	– Российский государственный архив новейшей истории (бывший ЦХСД)
РГАСПИ	– Российский государственный архив социально-политической истории
РГБ	– Российская государственная библиотека
РГВИА	– Российский государственный военно-исторический архив
РГГУ	– Российский государственный гуманитарный университет
РГИА	– Российский государственный исторический архив
РГНФ	– Российский гуманитарный научный фонд
РИБ	– “Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией”
РНБ	– Российская национальная библиотека
РО ИРЛИ	– Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук
РПЦ	– Русская православная церковь
РУДН	– Российский университет дружбы народов
РЦХИДНИ	– Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории
СА	– “Советские архивы”
СО АН СССР	– Сибирское отделение Академии наук СССР
СО РАН	– Сибирское отделение Российской академии наук
СПбГУ	– Санкт-Петербургский государственный университет

СПБНИ РАН	– Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
СПбФА РАН	– Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
СПбФИРИ РАН	– Санкт-Петербургский филиал Института российской истории Российской академии наук
ТьГУ	– Тверской государственный университет
ТВНИИДАД	– “Труды Всесоюзного научно-исследовательского института документоведения и архивного дела”
ТГУ	– Тартуский государственный университет
ТОДРЛ	– “Труды Отдела древнерусской литературы”
УЛС	– Устюжский летописный свод
УрГУ	– Уральский государственный университет
ЦА ВЦСПС	– Центральный архив ВЦСПС
ЦГАЛИ СПб.	– Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга
ЦГАЛИ СССР	– Центральный государственный архив литературы и искусства СССР
ЦГАНХ СССР	– Центральный государственный архив народного хозяйства СССР
ЦГАОР СССР	– Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР
ЦГАСА	– Центральный государственный архив Советской Армии
ЦГА СПб.	– Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
ЦГВИА СССР	– Центральный государственный военно-исторический архив СССР
ЦГИА СССР	– Центральный государственный исторический архив СССР
ЦИАМ	– Центральный исторический архив Москвы
ЦНБ ХГУ	– Центральная научная библиотека Харьковского государственного университета
ЦПА ИМЛ	– Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма
ЦХСД	– Центр хранения современной документации (ныне РГАНИ)
ЧОИДР	– “Чтения в Обществе истории и древностей российских”

СОДЕРЖАНИЕ

І. Статьи и сообщения

Тихомировские чтения 2006 года, посвященные 50-летию Археографической комиссии

Утреннее заседание:

<i>А.П. Дервянко.</i> Вступительное слово	3
<i>К.В. Никифоров.</i> Приветствие дирекции Института славяноведения РАН	6
<i>С.О. Шмидт.</i> 50 лет деятельности Археографической комиссии	6
<i>С.М. Каишанов.</i> Об Археографической комиссии	13
<i>В.П. Козлов.</i> Современные реалии археографической деятельности в России	17
<i>В.И. Васильев.</i> Труды Археографической комиссии в научно-издательской деятельности РАН	22
Выступления и приветствия	
<i>Е.И. Пивовар, В.П. Козлов, М.М. Горинев, Р.Г. Пихоя, А.В. Дадыкин, А.Д. Яновский, А.Г. Голиков, А.Л. Хорошкевич, Н.И. Химица</i>	24
Приветственные адреса: Сибирских археографов; Уральского отделения Археографической комиссии; Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН; Российской национальной библиотеки; Комитета по делам архивов Украины ...	31

Вечернее заседание:

<i>С.В. Мироненко.</i> Роль Археографической комиссии РАН в расширении информации о составе и содержании архивных фондов	36
<i>Н.Ю. Бубнов (Санкт-Петербург).</i> Деятельность Санкт-Петербургского отделения Археографической комиссии РАН	41
<i>В.Ю. Афиани.</i> Архив Академии наук и Археографическая комиссия: К истории взаимосвязей	43
<i>В.Ф. Козлов.</i> Археографическая комиссия РАН и краеведение	48
<i>А.В. Елпатьевский.</i> Полузабытая страничка истории	50

* * *

<i>С.О. Шмидт.</i> К факсимильному изданию Лицевого летописного свода	54
<i>Н.Н. Покровский (Новосибирск).</i> Археографические исследования в работе Института истории СО РАН (1965–2006)	61
<i>И.В. Домнин, А.С. Федотов.</i> “Мост, соединяющий память эмиграции и нашей Родины”: Библиотека-фонд “Русское Зарубежье”	69
<i>И.М. Пушкарева.</i> К выходу в свет Хроники рабочего движения в России 1895–1904 годов	79
<i>В.П. Волков.</i> Опыт публикации дневников В.И. Вернадского: предварительные итоги	104

* * *

<i>И.Г. Пономарева.</i> Великокняжеская канцелярия при Василии Темном: (Поименный список)	118
---	-----

<i>В.А. Аракчеев</i> (Псков). Материалы описаний Псковской земли 1510 и 1566 годов в документах пограничных межеваний XVII в.	143
<i>А.С. Усачев</i> . Волоцкие материалы в митрополичьем скриптории середины XVI в.: предварительные замечания	150
<i>С.М. Шамин</i> . Куранты XVII–XVIII столетий в фондах современных архивов	155
<i>М.О. Мельцин</i> (Санкт-Петербург). Генеалогия в комментариях к мемуарам русского дворянства конца XVIII – начала XIX века (на примере подготовки к печати мемуаров кн. И.М. Долгорукова)	176
<i>Ю.В. Андрушайтите, Е.А. Пережогина</i> (Санкт-Петербург). Коллекция водяных знаков С.Ф. Вындомского	186
<i>С.С. Илизаров</i> . Обоснование в работе Г.Ф. Миллера над историческими источниками	208
<i>В.Ю. Афиани</i> . Переключка во времени: Н.М. Карамзин и Г.Ф. Миллер	236
<i>А.В. Сиренов</i> (Санкт-Петербург). Об авторстве “Плана путешествия по России для собрания древностей” 1805 г. и историографического обзора в журнале “Корифей”	244
<i>К.Ю. Ерусалимский</i> . “Издать Курбского так, как он заслуживает”: К вопросу об археографической деятельности Н.Г. Устрялова	251
<i>С.В. Тютюкин</i> . Г.В. Плеханов и его так называемое “Политическое завещание” (К 150-летию со дня рождения “отца русского марксизма”)	264
<i>А.Л. Хорошкевич</i> . К 85-летию В.В. Дорошенко	270
<i>Б.Ф. Егоров</i> (Санкт-Петербург). Ученый с трудной судьбой – А.Л. Гришунин (1921–2006)	272
<i>А.Л. Хорошкевич</i> . “...Ради жизни на земле”: Памяти Людмилы Михайловны Марасиновой (10 октября 1936 г. – 23 июня 2001 г.)	277
<i>Н.Л. Еловская</i> (Дмитров). Дмитровский краевед Ромуальд Федорович Хохлов (1936–2001): К 70-летию со дня рождения	299
<i>В.Б. Жиромская</i> . Академик Ю.А. Поляков – инициатор публикаций демографических статистических источников 1930-х годов	304
<i>Е.И. Анненкова</i> (Санкт-Петербург), <i>Л.Е. Ляпина</i> (Санкт-Петербург). К юбилею Б.Ф. Егорова	310
<i>С.Ю. Малышева</i> (Казань), <i>А.А. Сальникова</i> (Казань). Историк и археограф А.Л. Литвин	318
<i>С.В. Мироненко</i> . К юбилею В.Ю. Афиани	323

К 100-летию академика Д.С. Лихачева

<i>С.О. Шмидт</i> . Вступительное слово	328
<i>В.Ю. Афиани</i> . Научное наследие академика Д.С. Лихачева в Архиве РАН	333
<i>Е.В. Бронникова</i> . Эпистолярное наследие Д.С. Лихачева в фондах Российского государственного архива литературы и искусства	342

II. Обзоры, описания, библиография

<i>А.Г. Смирнова</i> . Центральный музейно-экскурсионный институт: из истории организации экскурсионного дела в Москве в начале 1920-х годов (по документам ГАРФ)	351
<i>Б.Н. Казанцев</i> . Из истории подготовки и принятия Закона об отзыве депутата Верховного Совета СССР. 1956–1959 гг. (по фонду ГАРФ и другим материалам)	362
<i>Ю.М. Эскин</i> . К выходу книги С.К. Богоявленского “Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков”	367
Список печатных трудов Н.Б. Шеламановой (К 80-летию со дня рождения)	371
Список печатных трудов Б.В. Левшина (К 80-летию со дня рождения)	375

Список печатных трудов А.В. Елпатьевского с 1989 г. (К 75-летию со дня рождения)	383
Список печатных трудов В.Ю. Афиани (К 60-летию со дня рождения)	386

III. Публикации

О состоянии провинциальных архивов и музеев России в двадцатые годы XX века (<i>подгот. В.Г. Бухерт</i>)	393
Представление и докладные записки профессора И.Е. Евсеева о состоянии пор- ховских архивов	393
Докладные записки М.И. Смирнова о состоянии переславских архивов	397
Письмо А.А. Семенова Т.Г. Трапезникову о состоянии музейного дела в Туркестане	400
О деятельности М.О. Гершензона-архивиста (<i>подгот. В.Г. Бухерт</i>)	402
Две записки А.А. Покровского 1919 и 1920 гг. об архиве Московского печатного двора (<i>подгот. А.Н. Бачинин</i>)	409
Документы ЦГАЛИ СПб о частных библиотечных и архивных собраниях в Петро- граде в годы Гражданской войны (<i>подгот. М.П. Ирошиников (Санкт-Петербург), В.П. Ярошецкая (Санкт-Петербург)</i>)	415
Статьи Д.С. Лихачева для краткого биографического словаря “Выдающиеся деятели нашей Родины” (<i>подгот. В.Г. Бухерт</i>)	425
Письмо академика Н.М. Дружинина от 17 декабря 1954 г. президенту АН СССР ака- демику С.И. Вавилову о содействии в освобождении Н.Н. Улащика (<i>подгот. В.Г. Бухерт</i>)	433

IV. Хроника

Деятельность Археографической комиссии в 2006 году	436
Новые издания Археографической комиссии в 2006 году	437
<i>Н.А. Кобяк, А.Л. Лифшиц.</i> Международная научная конференция к 60-летию Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ	437
<i>В.П. Богданов.</i> Всероссийская научная конференция к 40-летию полевых археогра- фических исследований МГУ	440
<i>А.Н. Акинъшин</i> (Воронеж). К 70-летию профессора О.Г. Ласунского	442
Аркадий Георгиевич Маньков (1913–2006)	444
<i>С.О. Шмидт.</i> Людмила Максимовна Кузнецова (1947–2006)	446
<i>О.И. Журба</i> (Украина, Днепропетровск). Николай Павлович Ковальский (1929–2006)	447
<i>В.А. Черных.</i> Тамара Васильевна Батаева (1927–2006)	450
Любовь Николаевна Растопчина (1917–2006)	452
<i>С.О. Шмидт.</i> Ирина Павловна Староверова (1932–2006)	453
Список сокращений	455

Научное издание

**АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК
за 2006 год**

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института славяноведения
Российской академии наук*

Заведующая редакцией *Н.Л. Петрова*
Редакторы *М.М. Леренман, Н.В. Коваленко*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *Т.В. Жмелькова*
Корректоры *А.Б. Васильев,*
Г.В. Дубовицкая, Е.А. Желнова, Т.А. Печко

Подписано к печати 20.12.2011. Формат 70 × 100 ¹/₁₆
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 37,7. Усл.кр.-отт. 37,7. Уч.-изд.л. 41,4
Тип. зак. 4405

Издательство “Наука”
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

ППП “Типография “Наука”
121099, Москва, Шубинский пер., 6

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ “АКАДЕМКНИГА” РАН

Магазины “Книга-почтой”

- 117192 Москва, Мичуринский проспект, 12; (код 495) 932-78-01
Сайт: www.LitRAS.ru E-mail: info@LitRAS.ru
197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7 “Б”; (код 812) 235-40-64
ak@akbook.ru

Магазины “Академкнига” с указанием букинистических отделов и “Книга-почтой”

- 690002 Владивосток, Океанский проспект, 140 (“Книга-почтой”);
(код 4232) 45-27-91 antoli@mail.ru
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 (“Книга-почтой”);
(код 343) 350-10-03 kniga@sky.ru
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 (“Книга-почтой”); (код 3952) 42-96-20 aknir@irlan.ru
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90 akademkniga@bk.ru
220012 Минск, просп. Независимости, 72; (код 10375-17) 292-00-52, 292-46-52, 292-50-43
www.akademkniga.by
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; (код 495) 124-55-00
(Бук. отдел (код 495) 125-30-38)
117192 Москва, Мичуринский проспект, 12; (код 495) 932-74-79
127051 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; (код 495) 621-55-96
(Бук. отдел)
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90; (код 495) 334-72-98
105062 Москва, Б. Спасоглинищевский пер., 8 строение 4; (код 495) 624-72-19
(Бук. отдел)
630091 Новосибирск, Красный проспект, 51; (код 383) 221-15-60
akademkniga@mail.ru
630090 Новосибирск, Морской проспект, 22 (“Книга-почтой”);
(код 383) 330-09-22 akdmn2@mail.nsk.ru
142290 Пушкино Московской обл., МКР “В”, 1 (“Книга-почтой”);
(код 49677) 3-38-80
191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57; (код 812) 272-36-65
199034 Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1; (код 812) 328-38-12
199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9-я линия, 16;
(код 812) 323-34-62
634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18;
(код 3822) 51-60-36 akademkniga@mail.tomsknet.ru
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 (“Книга-почтой”); (код 3472) 23-47-62,
23-47-74 UfaAkademkniga@mail.ru
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 72-91-85 (Бук. отдел)

Коммерческий отдел, Академкнига. г. Москва

Телефон для оптовых покупателей: (код 499) 143-84-24; 143-89-35

Сайт: www.LitRAS.ru

E-mail: info@LitRAS.ru

Склад, телефон (код 495) 932-74-71

Факс (код 499) 143-89-35

*По вопросам приобретения книг
государственные организации
просим обращаться также
в Издательство по адресу:
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. факс (495) 334-98-59
E-mail: initsiat@naukaran.ru
www.naukaran.ru*

ISBN 978-5-02-037585-7

9 785020 375857

616 =

АРХЕОГРА-
ФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

2006